

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей

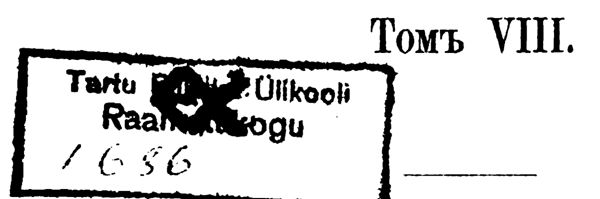
В. П. БЕЗОБРАЗОВА

дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ

при ближайшемъ содѣйствіи

профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), В. И. СЕРГѢЕВИЧА (по исторіи русскаго права) и Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), профессора Академіи Генеральнаго штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

Томъ VIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Критика и библіографія.

Русская литература.

Иностранная литература.

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1879 г.).

ЗАДАЧИ СТРАТЕГІИ

КАКЪ ИСКУССТВА И КАКЪ НАУКИ.

Г. А. ЛЕЕРА,

ПРОФЕССОРА НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Законность стратегіи рядомъ съ тактикой.

Двѣ главныя задачи военнаго искусства сводятся: 1) къ *подготовкѣ* средствъ для веденія войны, и 2) къ раціональному ихъ *употребленію*.

Послѣдній вопросъ изслѣдуется въ *тактикѣ*, но онъ ею не исчерпывается, такъ какъ тактика имѣетъ въ виду лишь интересы *боевые*, интересы *поля сраженія*, только интересы *частные*. Для полнаго же рѣшенія вопроса о раціональномъ употребленіи средствъ для веденія войны, необходимо принять во вниманіе, сверхъ боевыхъ интересовъ, еще много другихъ: интересы *экономическіе* (административные), *политическіе*, *географическіе*, короче интересы всего *театра войны*, интересы *общіе*. Въ этомъ смыслѣ вопросъ разрѣшается уже *стратегіею*.

И такъ тактика и стратегія въ сущности заняты рѣшеніемъ одного и того же вопроса (о наиболѣе раціональномъ употреб-

леніи войскъ и прочихъ средствъ на войнѣ), но тактика рѣшаетъ его съ точки частныхъ интересовъ (поля сраженія), а стратегія съ точки общихъ интересовъ (театра военныхъ дѣйствій).

Каждая армія выходитъ изъ извѣстнаго пункта или ряда пунктовъ, откуда она получаетъ всѣ средства къ существованію, къ веденію боя и къ пополненію всякаго рода убыли. Пунктъ этотъ или рядъ пунктовъ составляютъ то, что называется *базою* (основаніемъ дѣйствій). Важность этой линіи (вѣрнѣе полосы) очевидна.

Она настолько велика, что сохраненіе *постоянной*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ *безопасной*, связи арміи съ базою, съ источникомъ ея существованія, составляетъ самую настоятельную потребность. Отсюда возникаетъ снова чрезвычайно важная линія *коммуникаціонная* (операціонная линія въ смыслѣ пути подвозовъ, питательная артерія арміи).

Забота о безопасности этихъ двухъ чрезвычайно важныхъ линій заставляетъ изыскивать выгодныя *географическія* условія — прикрытія ихъ естественными преградами — и въ особенности благопріятныя *политическія* условія, обезпеченіе ихъ путемъ союза или нейтралитета государствъ, прилегающихъ къ флангамъ и тылу арміи.

Вотъ какимъ путемъ, благодаря 2-мъ вышеприведеннымъ линіямъ, *поле сраженія* обращается въ *театръ военныхъ дѣйствій*.

Разъ какъ поле сраженія обращается въ театръ военныхъ дѣйствій, то рѣшеніе вопроса объ употребленіи войскъ въ томъ или другомъ случаѣ, прежде всего *усложняется*: приходится сверхъ чисто *боевыхъ* условій, которыми исключительно руководствуется тактика, принять въ разсчетъ еще условія *административныя, политическія*, да и мѣстный элементъ изъ *топографическаго*, какимъ онъ является по отношенію къ полю сраженія, обращается въ *географическій*, короче возникаетъ нѣсколько новыхъ сторонъ, къ которымъ необходимо пріурочить рѣшеніе даннаго вопроса.

Мало того, что съ обращеніемъ поля сраженія въ театръ военныхъ дѣйствій рѣшеніе каждаго вопроса, касающагося употребленія войскъ усложняется, оно, съ измѣненіемъ условій *времени* и *пространства*, измѣняется не только въ *формальномъ отношеніи*, но иногда и *принципіально*. Такимъ обра-

зомъ: 1) при оборонѣ и атакѣ рѣкъ и горныхъ хребтовъ, разъ какъ дѣло касается обороны и атаки ихъ въ *одномъ пунктѣ* (на полѣ сраженія), притягивающемъ къ себѣ вниманіе и силы обороняющагося, въ тактикѣ, оборона имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ атакою. Если же дѣло касается обороны и атаки ихъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, на протяженіе *цѣлой линіи* (на театрѣ военныхъ дѣйствій), развлекающей вниманіе и силы обороняющагося, въ стратегіи, наоборотъ, атака получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ обороною; 2) *принципъ командованія* имѣетъ громадное значеніе въ тактикѣ, по тѣмъ выгодамъ, которыя занятіе господствующихъ пунктовъ и линій на полѣ сраженія обнаруживаетъ на самое веденіе боя. Въ стратегіи же она ровно никакого значенія не имѣетъ. Такимъ образомъ владѣетъ рѣкою (Рейномъ напр.) не тотъ, кто владѣетъ его истокомъ (С. Готардомъ), а тотъ, кто владѣетъ нѣсколькими переправами черезъ нея, обезпеченными мостовыми прикрытіями, т. е. обоими берегами ея на извѣстномъ протяженіи ея теченія; 2) положеніе *„между двухъ огней“* въ тактическомъ смыслѣ, *тактическое окруженіе* (на полѣ сраженія) соотвѣтствуетъ положенію гибельному, допускающему только два выхода: честный пробиться и позорный положить оружіе. По отношенію же къ театру военныхъ дѣйствій, *стратегическое окруженіе* соотвѣтствуетъ положенію благопріятному, позволяющему, пользуясь кратчайшими разстояніями, бросаться то противъ одной части непріятельскихъ силъ, то противъ другой и бить ихъ по частямъ...

Все это показываетъ законность стратегіи въ видѣ особаго отдѣла, особой военной науки, рядомъ съ тактикою, хотя обѣ они, въ сущности, изслѣдуютъ одинъ и тотъ же вопросъ, но подъ разными углами зрѣнія.

I.

Задачи стратегіи какъ искусства.

Рѣшеніе каждаго тактическаго вопроса (вопроса, касающагося употребленія войскъ) только тогда будетъ правильно, когда, рядомъ съ *частными* интересами *поля сраженія*, въ немъ будутъ приняты во вниманіе и *общіе* интересы *театра воен-*

ныхъ дѣйствій и при томъ настолько, что послѣдніе должны *премировать* первые. Такимъ образомъ: 1) при *выборѣ позиціи для боя* мало того, чтобы она была выгодна по отношенію веденія боя, т. е. удовлетворяла бы извѣстнымъ требованіямъ тактики, необходимо, и при томъ прежде всего, чтобы она была *важна* по отношенію ко всему театру военныхъ дѣйствій, чтобы она была бы поставлена въ выгоднѣйшія къ нему отношенія, чтобы она была бы *умѣстна* по отношенію къ общему положенію дѣла на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, чтобы она *прежде всего* удовлетворяла требованіямъ стратегіи, иначе какими бы выгодами она не обладала въ тактическомъ отношеніи, значеніе ея будетъ ничтожно. Для уясненія этого стоитъ только сопоставить двѣ *фланговыя позиціи*, выбранныя нами въ 1812 г.: *Дрисскую* и *Тарутинскую*, изъ которыхъ первая представляетъ колоссальную ошибку, а вторая образцовое рѣшеніе вопроса, и это прежде всего потому, что, въ то время, какъ послѣдняя вполнѣ отвѣчала общему положенію дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, первая ему не отвѣчала, короче первая была *неумѣстна* и *несвоевременна*, т. е. *нецѣлесообразна*,—вторая была и *умѣстна* и *своевременна* [1]); 2) Тоже самое относится и до *выбора пункта для переправы*. Окончательно выбирается не тотъ пунктъ, который представляетъ наиболѣе удобствъ по отношенію къ исполненію переправы и къ веденію боя на переправѣ, если до него дѣло дойдетъ, т. е. не тотъ пунктъ, который наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ тактики, а тотъ, который ближе къ цѣли нашихъ дѣйствій по ту сторону рѣки, который ближе къ нашей операціонной линіи, который поставленъ въ наиболѣе выгодныя отношенія, наиболѣе *умѣстенъ* по отношенію ко всему театру военныхъ дѣйствій; нако-

---

[1]) Какъ извѣстно *фланговыя* позиціи предпочитаются *фронтальнымъ*, когда обороняющійся имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дѣйствовать на флангъ и на сообщенія непріятеля,—а это будетъ *умѣстно* лишь при опасной операціонной линіи противника. Мѣрою же этой опасности служитъ *значительная длина операціонной линіи* и *слабое обезпеченіе ея войсками*. Въ періодъ занятія нами Дрисской позиціи операціонная линія Наполеона хотя и была длинна, но разница въ силахъ обѣихъ сторонъ была слишкомъ велика, онъ располагалъ слишкомъ большимъ превосходствомъ въ силахъ сравнительно съ нами, благодаря чему, несмотря на значительную длину его операціонной линіи, она должна считаться безопасною. Вотъ почему и дѣйствія противъ нее, въ этотъ періодъ кампаніи 1812 г. должны считаться *неумѣстными* и *несвоевременными*, т. е. не *цѣлесообразными*. Къ періоду же занятія нами Тарутинской позиціи операціонная линія Наполеона еще болѣе удлинилась, а разница въ силахъ почти сгладилась.

нецъ 3) самый *побѣдоносный бой* (вѣнецъ тактики [1]) тогда только принесетъ пользу, когда онъ будетъ *цѣлесообразенъ (умѣстенъ и своевременнъ)*, иначе онъ обращается въ преступное явленіе; а сдѣлать его цѣлесообразнымъ можетъ только стратегія, а не тактика.

Итакъ *1-я задача* стратегіи сводится къ тому, чтобы *всѣмъ тактическимъ дѣйствіямъ придать характеръ цѣлесообразности* (умѣстности и своевременности). Въ этомъ смыслѣ и должно понимать выраженіе „тактика ведетъ войну, а стратегія ею управляетъ" (La Tactique fait la guerre, la Stratégie la gouverne).

2. Разъ какъ дѣло стратегіи сводится къ управленію (направленію) военными дѣйствіями, то одна изъ главныхъ задачъ ея, даже самая существенная сводится къ *правильной постановкѣ цѣли* (II-я задача), — безъ чего, выражаясь словами извѣстнаго Ллойда „и десять удачныхъ кампаній ни къ чему не приведутъ", — и къ выбору *удобнѣйшаго направленія для ея достиженія* (III-я задача), при чемъ выраженіе *„удобнѣйшее"* должно быть понимаемо отнюдь не въ тѣсномъ смыслѣ (направленіе удобнѣйшее *само по себѣ*), а въ самомъ широкомъ смыслѣ (удобнѣйшее *по отношенію ко всей обстановкѣ*). Операціонное направленіе, выбранное Аннибаломъ черезъ Клузіумское болото, при движеніи его къ Риму, а равно и операціонное направленіе Наполеона, въ февралѣ 1814 г., черезъ С. Гондскія болота (Ножанъ Сезаннъ-Шампоберъ) на флангъ разбросанной арміи Блюхера, во время 1-го наступательнаго движенія къ Парижу послѣдняго, — являются высокими образцами въ рѣшеніи разбираемаго вопроса. Будучи крайне неудобными отдѣльно взятыя *сами по себѣ*, онѣ являются удобнѣйшими по отношенію *ко всей обстановкѣ*.

3. Слѣдующая задача стратегіи та же, что и въ тактики, но только по отношенію къ театру военныхъ дѣйствій, именно: *установка строгаго соотвѣтствія, гармоніи между разъ поставленною цѣлью и средствами для ея достиженія* (IV задача), при чемъ если только трудно сохранить строгую мѣру,

---

[1]) Конечная цѣль тактики только драться. *Гдѣ и для чего?* Это для нея безразлично. Артистически розыгранный бой съ побѣдою въ результатѣ—такова окончательная цѣль всѣхъ стремленій тактиковъ. А какъ эта побѣда отразится на общемъ положеніи дѣла, на театрѣ военныхъ дѣйствій, *поправитъ* ли она его или *испортитъ* объ этомъ тактика не думаетъ, и, какъ тактика, она совершенно права.

то уже лучше назначить болѣе чѣмъ нужно, чѣмъ впасть въ обратную крайность.

Установка строгаго соотвѣтствія между поставленною цѣлью и средствами для ея достиженія является, въ концѣ концовъ, лишь однимъ изъ средствъ къ рѣшенію болѣе важной задачи, обнимающей вопросъ о *безопасности всей операціи* (V) (или какъ выражаются технически безопасности операціонной линіи). „Никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи — это азбука военнаго дѣла (Наполеонъ). По важности своей, вопросъ о безопасности операціонной линій (операціи) становится рядомъ съ вопросомъ о выборѣ операціонной линіи. Что заставило Александра Великаго цѣлые три года (съ 331 — 334) употребить на покореніе Малоазійскаго прибрежья (устройство прочнаго базиса), какъ не стремленіе къ доставленію возможно полной безопасности его операціонной линіи (операціи)? Что заставило Густава-Адольфа въ 1630 году брать одну крѣпость за другою въ Помераніи и потратить нѣсколько мѣсяцевъ на прочное базированіе, какъ не та же причина. То же видимъ мы и въ дѣйствіяхъ Людерса въ Трансильваніи въ 1849 г. То же, наконецъ, и въ дѣйствіяхъ генерала Бонапарте въ 1800 въ Италіи (его движеніе отъ Ивреи къ Милану далеко въ сторону отъ направленія на Генуую [1])..., короче одна изъ главныхъ заботъ всѣхъ выдающихся стратеговъ всегда была и на всегда останется въ стремленіи къ возможно полной *безопасности* операціи, чтобы, во время всей кампаніи не было бы ни одной минуты, когда бы операціонная линія была на воздухѣ.

Не лишнимъ будетъ указать здѣсь на необыкновенно строгое примѣненіе къ дѣлу этого принципа пруссаками въ ихъ двѣ послѣднія войны: въ *1866 г.* все брошено на главный театръ военныхъ дѣйствій въ Богемію, а въ Германіи оставлена лишь наскоро сплоченная, импровизированная и при томъ крайне малочисленная армія (Фогеля-фонъ-Фалькенштейна). Въ 1870 г. мы видимъ съ ихъ стороны то же крайнее напряженіе силъ, и притомъ сразу, съ самаго начала войны, для достиженія разъ поставленной цѣли. Все направляется къ западной границѣ, кромѣ трехъ корпусовъ, оставленныхъ въ Пруссіи, до разъясненія политической обстановки, а затѣмъ и они двигаются туда

[1]) См. Записки стратегіи, выпускъ I, стр. 23—38.

же, а въ Германіи остается изъ дѣйствующей арміи только одна дивизія (IX корпуса) для обороны длинной линіи прибрежья.

Въ *постановкѣ цѣли* и *выборѣ направленія* заключается выработка основной идеи, *плана* операціи,—въ *установкѣ гармонической связи между поставленною цѣлью и средствами* для ея достиженія заключается первый шагъ въ ея исполненіи. Слѣдующій шагъ на этомъ пути составляетъ *маршъ-маневръ*, имѣющій задачею привести къ выбранному *предмету дѣйствій* (рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій) превосходныя сравнительно съ непріятелемъ силы и поставить ихъ передъ *боемъ* [который долженъ *рѣшить* окончательную судьбу всей операціи и который относится уже прямо въ область тактики] по возможности въ болѣе выгодное положеніе по отношенію къ противнику, чтобы, одержавъ побѣду, извлечь изъ нея возможно полные результаты, а, проигравъ сраженіе, низвести вредныя послѣдствія пораженія до возможнаго minimum'а.

Такимъ образомъ если, съ одной стороны Стратегія направляетъ, регулируетъ Тактику, то, съ другой, она принимаетъ на себя и подготовку рѣшенія всей операціи, предоставляя окончательное ея рѣшеніе, бой, Тактикѣ. Въ бой же, какъ извѣстно, вторгается наибольшая доля случайностей (близкое соприкосновеніе съ непріятелемъ; капризное проявленіе моральнаго элемента; трудность сводить счеты съ волею противника, являющеюся далеко не въ видѣ данной положительной, а лишь болѣе или менѣе гадательной), — на полѣ сраженія, по природѣ своей, веденіе военныхъ дѣйствій въ несравненно большихъ размѣрахъ принимаетъ характеръ *игры*, чѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, допускающемъ гораздо большую долю *разсчета*. Вотъ почему *разсчитывающая* въ извѣстномъ смыслѣ Стратегія должна прійти по неволѣ *играющей* (опять тоже въ извѣстномъ приведенномъ смыслѣ) Тактикѣ на помощь и путемъ возможно тщательной подготовки рѣшенія операціи (постоянно имѣя передъ собою худшее, — вѣрнѣйшій путь къ тому, чтобы избѣжать его), боя, снять съ него характеръ игры насколько то окажется возможнымъ, поставить судьбу операціи въ возможно меньшую зависимость отъ крайне капризнаго исхода боя.

И такъ съ одной стороны Стратегія *направляетъ* Тактику, а съ другой она *подготовляетъ* ей дѣло. (Въ этой формулѣ выражается связь и зависимость Стратегіи и Тактики другъ отъ друга). На сколько важно дѣло Стратегіи въ этомъ отношеніи

ближе всего видно изъ сопоставленія *Полтавскаго сраженія* съ *Маренго*. По отношенію къ первому Стратегія со стороны Карла ничего не сдѣлала [1]) и пораженіе его арміи обратилось въ полное ея крушеніе, а равно и всей операціи. — По отношенію ко второму Стратегія образцово работала и этимъ на столько облегчила работу Тактики, что, если бы даже сраженіе и было проиграно, то французская армія нетолько не погибла бы, но и Сѣверная Италія была бы завоевана *одними только маршами и маневрами* [2]).

Надъ этой силой, содержащейся въ стратегической сторонѣ дѣла (въ значительной степени снимать съ военныхъ дѣйствій, неизбѣжно имъ въ извѣстной мѣрѣ присущій характеръ игры), не мѣшаетъ подумать, такъ какъ въ концѣ-концовъ на войнѣ слѣдуетъ стремиться *разсчитывать, а не играть* и чѣмъ больше въ извѣстномъ военномъ дѣйствіи мы видимъ разсчета и чѣмъ менѣе игры, тѣмъ оно становится выше по внутреннему достоинству.

4. По отношенію къ театру военныхъ дѣйствій, *операція* является тѣмъ же, чѣмъ *бой*, по отношенію къ полю сраженія. Операція представляется въ видѣ явленія весьма сложнаго, слагающагося изъ цѣлаго ряда частныхъ дѣйствій, маневровъ и частныхъ боевъ.

Если внутреннее достоинство операціи измѣряется, съ одной стороны, *преобладаніемъ разсчета надъ случайностями*, то, съ другой, мѣриломъ ея содержанія служитъ *внутреннее единство* ея, *цѣлость, планосообразность*, т. е. чтобы всѣ частныя явленія, на которыя операція распадается, были бы въ тѣснѣйшей, внутренней логическо-послѣдовательной связи между собою, по отношенію къ *мѣсту* и ко *времени* (въ отношеніи *сосуществованія* и *послѣдовательности*).

Единство въ операціи (VI задача) достигается многими средствами [3]), но оно обезпечивается главнымъ образомъ *строгимъ соотвѣтствіемъ всѣхъ частныхъ цѣлей* (частныхъ боевъ и маневровъ) *съ общею цѣлью операціи*. Изъ нея всѣ частныя цѣли должны вытекать и къ ней снова возвращаться.

Установка единства въ операціи, достигаемая главнымъ образомъ гармоніею между общею ея цѣлью и частными цѣлями, составляютъ шестую задачу Стратегіи.

---

[1]) Операціонная линія на воздухѣ, — нѣтъ моста на Днѣпрѣ, т. е. нѣтъ пути отступленія.

[2]) См. Записки Стратегіи, стр. 58 — 76 и Приложеніе I.

[3]) Указываемыми Стратегіею.

5. Наконецъ послѣднюю (VII) задачу Стратегіи составляетъ *эксплоатація побѣды* по отношенію къ театру военныхъ дѣйствій, *энергическое преслѣдованіе* разбитаго непріятеля до уничтоженія его арміи (Іена 1806 г.). Безъ него самое сильное средство на войнѣ, *побѣдоносный бой* является безцѣльнымъ. Одерживать побѣды и не преслѣдовать значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ одерживать побѣды въ пустую.

Такимъ образомъ задачи Стратегіи, какъ *искусства*, ясны и опредѣленны.

Тамъ, гдѣ всѣ эти задачи получили правильное рѣшеніе: гдѣ мы видимъ правильную постановку цѣли; строгое соотвѣтствіе ея съ имѣющимися средствами для ея достиженія, вообще полную безопасность операціи; направленіе всѣхъ средствъ къ разъ поставленной цѣли кратчайшимъ (удобнѣйшимъ) путемъ; единство (планность, планосообразность) въ операціи (строгое соотвѣтствіе по мѣсту и времени всѣхъ частныхъ цѣлей, съ главною общею цѣлью) и цѣлесообразность всѣхъ частныхъ задачъ, на которыя операція расчленяется, — тамъ мы видимъ *истинную* (методическую) Стратегію (какъ въ большей части дѣйствій великихъ полководцевъ), мы имѣемъ дѣло съ высокимъ образцомъ стратегическаго искусства.

Чѣмъ въ разбираемой операціи встрѣчается болѣе уклоненій отъ только что набросаннаго идеала стратегической операціи, тѣмъ ниже она становится по внутреннему своему содержанію.

II.

Задачи Стратегіи какъ науки.

«Теорія не должна быть положительною «наукою [1]), а *лишь* только *изслѣдованіемъ* «(Die Theorie soll keine Positive Lehre «sein, aber eine *Betrachtung*). Задача ея «*объяснять* сущность (свойства) военныхъ «предметовъ (элементовъ) и явленій».

Клаузевицъ.

Стратегія, какъ *искусство*, существуетъ давно, съ тѣхъ поръ какъ войну начали вести искусно (методически), со вре-

---

[1]) Само собою разумѣется въ томъ смыслѣ какъ *Бюловъ* понималъ положительную науку. (См. ниже).

мени Александра Великаго. Стратегія, какъ *наука*, начала разрабатываться лишь съ конца прошедшаго столѣтія (*Ллойдъ*) [1].

Ллойдъ далъ обстоятельную программу для научной разработки Стратегіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ обобщенія всего военнаго дѣла, такъ сказать философіи войны (Mémoires politiques et militaires).

На столько же широко понимали ее: *Жомини* (Précis de l'art de la guerre) и *Клаузевицъ* (Vom Kriege).

Въ этомъ смыслѣ Стратегія лишь намѣчена. — Дальнѣйшая разработка ея въ этомъ направленіи — это задача будущаго.

Если даже съузить рамки изслѣдованія и взглянуть на нее не какъ на полный синтезисъ всего военнаго дѣла, а лишь какъ на *Высшую Тактику*, т. е. на Тактику *Театра военныхъ дѣйствій* (въ отличіе отъ *Тактики поля сраженія*), какъ на трактатъ о военныхъ операціяхъ съ тактической стороны въ связи съ административной и лишь отчасти съ политической, — задача конечно облегчается, но и тутъ рѣшеніе ея, какъ и во всякой лишь только устанавливающейся наукѣ, представляетъ не мало затрудненій.

Тутъ на дѣлѣ и въ литературѣ замѣчается, прежде всего, нѣсколько противоположныхъ теченій, начиная съ полнаго отрицанія какой бы то ни было Теоріи, съ предоставленіемъ всего дѣла лишь только одному вдохновенію, творчеству, ни чѣмъ не регулированными, до обратной крайности, до стремленія къ созданію положительной науки à la *Бюловъ*, стремящейся убить всякое творчество и подвести все дѣло подъ шаблоны и рецепты для побѣдъ. По собственному сознанію Бюлова, онъ имѣлъ въ виду написать *положительную* Теорію Военнаго Дѣла, съ тѣмъ, чтобы перевести его изъ области искусства, требующаго творчества и доступнаго въ высшемъ примѣненіи только *нѣкоторымъ* избранникамъ, въ область положительной науки, которая могла бы быть выучена *каждымъ*.

Таковы двѣ крайности. Ими заниматься нечего, такъ какъ извѣстно, что крайности бьютъ всегда мимо цѣли, мимо истины. — Одинаково недостойны вниманія, какъ грубое невѣжество, отрицающее вовсе Теорію Стратегіи, такъ и умственно-

---

[1]) Были и въ древнія времена къ тому попытки (Киропедія Ксенофонта; Исторія Полибія — историческій романъ и исторія), но онѣ остались безъ послѣдствій, не имѣли продолжателей.

поврежденный педантизмъ, считающій возможнымъ *все* подвести подъ шаблоны и панацеи. — Истина должна быть между этими двумя крайними теченіями, т. е. въ стратегическомъ искусствѣ *кое-что* подчиняется Теоріи и притомъ весьма положительной Теоріи, остальное же отъ нея ускользаетъ и составляетъ исключительное достояніе Творчества, вдохновенія.

Это *кое-что*, въ которомъ заключается ни болѣе, ни менѣе какъ самая *существенная* часть дѣла, сводится:

1) къ изслѣдованію сущности, *свойствъ*, элементовъ искусства.

2) къ изслѣдованію вліянія, обнаруживаемаго ими другъ на друга (напр. вліяніе административнаго элемента, въ той или другой изъ его формъ: магазиновъ, реквизицій... на тактическую сторону военныхъ операцій).

Эти два отдѣла подчиняются вполнѣ положительной Теоріи, такъ какъ свойства элементовъ и основныя черты вліянія ихъ другъ на друга неизмѣнны.

Что же касается до 3) *комбинацій элементовъ* между собою, уходящихъ въ безконечность, то этотъ отдѣлъ подчиняется уже главнымъ образомъ творчеству, но опять-таки не творчеству, ничѣмъ необузданному, а творчеству, здраво направленному, регулированному. — И такимъ регуляторомъ здѣсь снова является та же Теорія, но само собою разумѣется, Теорія не претендующая на универсальные рецепты для побѣдъ и на шаблоны для операцій, а устанавливающая лишь извѣстные *основные принципы*, обнимающіе *неизмѣнную сущность* той или другой операціи.

Да существуютъ ли еще такіе принципы? нерѣдко задаютъ себѣ вопросъ.

Нельзя ихъ отрицать, разъ какъ существованіе ихъ подтверждается 20-ти-вѣковымъ опытомъ, всею Военною Исторіею.

Изучая Военную Исторію, мы видимъ, что и въ дѣлѣ комбинаціи элементовъ замѣчается извѣстная закономѣрность, тождественность по отношенію къ *сущности* и къ послѣдовательности стратегическихъ операцій, извѣстное единообразіе, правильность въ развитіи военныхъ явленій, а гдѣ правильность, тамъ и законъ [1]).

---

[1]) Я не вхожу здѣсь въ дальнѣйшій разборъ этого капитальной важности вопроса, такъ какъ онъ обстоятельно изслѣдованъ въ составленныхъ мною курсахъ: Стратегіи (Записки Стратегіи. Выпускъ I, стр. 96—107) и Прикладной Тактики (Введеніе). Здѣсь же, сомнѣвающимся въ существованіи незыблимыхъ основъ въ Теоріи Стратегіи укажемъ хоть только на то, что не все же измѣняется въ мірѣ. Есть кое-что

Такимъ образомъ и этотъ отдѣлъ, какъ казалось бы чисто практическій, въ извѣстномъ смыслѣ доступенъ Теоріи. Она здѣсь даетъ *регулятора* (не болѣе, да и этого довольно) для каждой операціи, обнимающаго ея сущность и направляющаго рѣшающаго вопросъ на путь правильнаго его рѣшенія. Не претендуя *замѣнить* собою творчества (что ставилъ цѣлью Теоріи Бюловъ), она стремится лишь *помочь* ему въ только что приведенномъ смыслѣ, а затѣмъ предоставляетъ ему полный просторъ въ примѣненіи ея же (принципа) къ своеобразнымъ требованіямъ той или другой обстановки, мало того, въ дѣлѣ пересозданія самой обстановки, увеличенія благопріятныхъ условій для его примѣненія и возможнаго ослабленія неблагопріятныхъ. Теорія въ лучшемъ значеніи этого слова обуздываетъ прирожденное творчество, которое, будучи управляемо лишь только однимъ *воображеніемъ* [1]), ничѣмъ необузданною фантазіею, легко могло бы зарваться до абсурда, до авантюристической Стратегіи, до Стратегіи приключеній.

Это не *панацеи* для побѣдъ и не *предвзятыя системы* веденія войны, а лишь нѣсколько, и притомъ весьма небольшое число, *самыхъ широкихъ обобщеній*, не рѣшающихъ ни одного частнаго случая, но обнимающихъ лишь *сущность* всевозможныхъ рѣшеній одного и того же вопроса.

Устанавливая путемъ тщательнаго анализа эти законы (принципы), теорія не говоритъ „поступайте, такъ или иначе“, но настоятельно требуетъ изученія законовъ тѣхъ стратегическихъ явленій, которыми мы готовимся управлять впослѣдствіи и затѣмъ дѣйствій, строго соображенныхъ съ этими *законами* и съ тѣми *обстоятельствами* (*обстановкою*), при которыхъ придется ихъ примѣнять.

Полезная сторона принциповъ ограничивается нетолько тѣмъ, что они направляютъ рѣшающаго извѣстный вопросъ на путь правильнаго его рѣшенія, *регулируютъ* творчество. Они же даютъ единственный *критерій* къ правильной, вполнѣ объективной оцѣнкѣ военныхъ явленій (фактовъ военной исторіи). Мало того *объяс-*

вѣчно неизмѣнное — это *природа человѣка*, *природа вещей* и *природа явленій*. Настолько же должны быть вѣчны и неизмѣнны обнимающія эту неизмѣнную сущность вещей и явленій научные принципы.

[1]) *Немного воображенія* (безъ него можетъ обойтись развѣ только ремесленникъ, но не художникъ), *много знанія* и *еще болѣе характера* — таковъ идеалъ военнаго человѣка.

ная военныя явленія прошедшаго, они же даютъ возможность и *предвидѣть* военныя явленія будущаго, какъ то, такъ и другое, само собою разумѣется, лишь *приблизительно,* на сколько это допускается необыкновенною сложностью военныхъ явленій, — точное объясненіе и точное предвидѣніе возможны лишь въ точныхъ наукахъ.

И такъ, задачи теоріи стратегіи, стратегіи какъ науки, сводятся къ изслѣдованію:

1) свойствъ элементовъ;

2) вліянія ихъ другъ къ другу,

и 3) къ установкѣ, въ дѣлѣ комбинаціи элементовъ, основныхъ регулирующихъ принциповъ.

III.

Стратегій (въ смыслѣ искусства) столько же сколько и стратеговъ. Три основныхъ типа стратегическаго искусства.

Въ противоположность къ *объективной* наукѣ, каждое искусство есть дѣло въ высшей степени *субъективное.* Въ рѣшеніи каждаго практическаго вопроса, помимо удовлетворенія требованіямъ науки *(принципа)* и *обстановки,* каждый дѣятель неизбѣжно вноситъ и свое личное *Я,* слагающееся изъ склада ума и характера исполнителя, его привычекъ, убѣжденій, предразсудковъ и всѣхъ присущихъ ему страстей. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ такъ называемое *личное уравненіе* (équation personelle), не принимаемое вовсе въ разсчетъ въ области примѣненія точныхъ наукъ, — неизбѣжно принимаемое въ разсчетъ въ дѣлѣ примѣненія менѣе точныхъ наукъ и играющее громадную роль въ примѣненіи наименѣе точныхъ наукъ наукъ государственныхъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и военныя.

Отъ того-то и въ примѣненіи къ дѣлу послѣднихъ замѣчаются, при одной и той же *цѣли,* однихъ и тѣхъ же *средствахъ* и одной и той же *обстановкѣ,* необыкновенное разнообразіе въ рѣшеніяхъ одного и того же вопроса, въ зависимости отъ личныхъ свойствъ рѣшающаго его. Относясь къ дѣлу чисто теоретически, т. е. устраняя личное уравненіе, не трудно классифицировать эти разнообразныя рѣшенія по внутреннему ихъ достоинству, но на практикѣ (принимая въ разсчетъ озна-

ченное уравненіе) классификація ихъ по внутреннему достоинству не имѣетъ смысла, а лучшимъ рѣшеніемъ должно быть признано, въ каждомъ данномъ случаѣ, рѣшеніе для каждаго *свое*.

Кому неизвѣстенъ споръ между генералами Бонапарте и Моро по поводу открытія *кампаніи 1800 г.* (переправы черезъ Рейнъ). На счетъ *цѣли* переправы черезъ Рейнъ у Шафгаузена и постановки 100 т. арміи Моро въ угрожающее положеніе относительно сообщеній австрійской арміи Края — оба генерала были совершенно согласны, но они расходились въ *способахъ ея достиженія*. Въ то время, какъ Бонапарте предпочиталъ *безопасный фланговый маршъ* арміи по лѣвому берегу Рейна къ Шафгаузену, завершенный переправою 100 т. арміи въ одномъ этомъ пунктѣ, — Моро, наоборотъ, болѣе всего опасался послѣдняго и предпочиталъ нѣсколько опасный фланговый маршъ по правому берегу Рейна къ Шафгаузену, утвержденіе предварительно на правомъ берегу у Шафгаузена большей части арміи, подъ прикрытіемъ которой переправа 20 т. корпуса Лекурба обращалась бы уже въ ничтожную операцію, — короче Моро стремился прежде всего къ доставленію возможно большей безопасности переправѣ, хотя бы даже путемъ опаснаго фланговаго марша. *Теоретически* разбирая вопросъ (устраняя *личное уравненіе*) конечно планъ Бонапарте былъ лучше, хотя бы уже потому, что онъ былъ проще, но *практически* (принимая въ разсчетъ всю обстановку вмѣстѣ съ *личнымъ уравненіемъ*), плану Моро, какъ исполнителю его, должно быть отдано полное предпочтеніе [1]), что, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ, и было сдѣлано.

Во вниманіе къ этому *личному уравненію*, неизбѣжно входящему въ каждый практическій вопросъ, мы и считаемъ приведенное нами выше положеніе (*стратегій*, въ смыслѣ *искусства, столько же, сколько и стратеговъ*) вполнѣ оправданнымъ.

Не смотря однако на это, все это безконечное разнообразіе въ проявленіи стратегіи на практикѣ, въ теоріи, можетъ быть подведено подъ слѣдующіе три *основныхъ типа*, заключающіе въ себѣ главныя черты всевозможныхъ проявленій стратегіи въ практикѣ, именно: *стратегія методическая*; *стратегія метафизическая* и *стратегія авантюристическая*.

---

[1]) Способы достиженія цѣли, предложенныя Моро, конечно мельче способовъ достиженія генерала Бонапарте, но и умъ Моро былъ тоже мельче ума Бонапарте. Отсюда и большее соотвѣтствіе первыхъ послѣднему (см. Записки Стратегіи, выпускъ I, стр. 184—187 и Приложеніе II).

1. Стратегія методическая.

Характеристическія черты стратегіи методической сводятся къ:

1) глубокому уваженію *руководящихъ принциповъ*, съ одной стороны, и *обстановки*, съ другой, къ возможно полному, гармоническому примиренію, въ каждомъ частномъ случаѣ, сплошь и рядомъ другъ другу противорѣчащихъ. ихъ требованій;

и 2) вполнѣ *правильному*, *логически послѣдовательному развитію каждой операціи*, т. е. къ правильному рѣшенію всѣхъ вышеприведенныхъ вопросовъ, обнимающихъ существеннѣйшія задачи стратегіи относительно: постановки цѣли, выбора направленія, цѣлесообразности всѣхъ частныхъ эпизодовъ, на которые разчленяется операція и планосообразности ее (внутренняго единства) и наконецъ относительно строгаго соотвѣтствія между поставленною цѣлью и средствами къ ихъ достиженію.

Приведемъ одинъ изъ образцовъ этой стратегіи и сдѣлаемъ самый бѣглый обзоръ *1-го періода похода 1809 г.*, операціи, извѣстной подъ названіемъ *5-ти дневнаго боя*, съ минуты прибытія Наполеона къ арміи (17 апрѣля).

Извѣстно, на сколько неумѣло Австрія воспользовалась выгодами своего положенія, имѣя 200 т. въ сборѣ противъ 60 т. разбросанныхъ французскихъ войскъ въ Германіи,—при открытіи похода 1809 г. Кампанія была открыта крайне поздно. Время съ 20 марта по 10 апрѣля потеряно на пустыя дебаты (по какому берегу Дуная наступать). Движеніе отъ р. Инна къ р. Изеру исполнено крайне медленно и вдобавокъ завершено вѣерообразнымъ наступленіемъ отъ Ландсгута съ одной стороны къ Регенсбургу (правый флангъ австрійской арміи), а съ другой къ Маинбургу и Зигенбургу на р. Абенсъ (лѣвый флангъ). Это вѣерообразное наступленіе австрійцевъ разбросало главную часть австрійской арміи (120 т.), на правомъ берегу Дуная, на 60 верстъ. Вотъ въ какомъ положеніи она развернулась на театрѣ войны къ минутѣ открытія военныхъ дѣйствій (*17 апрѣля*).

Не смотря на всѣ промахи австрійцевъ, исходное положеніе ихъ для начала главныхъ операцій должно быть признано все таки весьма выгоднымъ по отношенію къ положенію французовъ, въ эту минуту еще несравненно болѣе разбросанныхъ.

Французская армія къ 17 апрѣля была гораздо болѣе разбросана, чѣмъ австрійская. 60 т. Даву находились у Регенсбурга, 50 т. Массена и Удино у Аугсбурга (въ 140 верстахъ отъ Регенсбурга), 26 т. баварцевъ (Лефевръ) на р. Абенсъ и 12 т. виртембергцевъ у Ингольштадта.

И такъ, въ то время, какъ австрійская армія была разбросана на 60 верстъ, французская была раскинута на 140 верстъ, слѣдовательно выгоды *большаго сосредоточенія силъ* находились все таки на сторонѣ австрійцевъ.

17 апрѣля прибылъ (въ Донаувертъ) къ арміи Наполеонъ. Онъ ставитъ себѣ задачею *сосредоточить ее 18 числа къ центру* за р. Абенсъ, подъ прикрытіемъ баварцевъ. По разбросанности каждой изъ 2-хъ главныхъ массъ французской арміи, это сосредоточеніе могло быть исполнено не ранѣе 19 апрѣля вечеромъ и, мало того, привело къ частному столкновенію между частью войскъ Даву и частью праваго фланга австрійской арміи, наступавшей къ Регенсбургу, къ столкновенію при *Танъ* или *Тенгена* (*1-й день пятидневнаго боя*). Какъ бы то ни было, но къ вечеру 19 апрѣля 85 т. французскихъ войскъ были сосредоточены на пространствѣ 20 верстъ противъ хотя и 120 т. австрійцевъ, но разбросанныхъ на 60 верстъ. На второй день послѣ прибытія Наполеона роли такимъ образомъ мѣняются. Выгоды бо́льшаго сосредоточенія силъ, а съ нимъ вмѣстѣ и выгоды инціативы переходятъ на сторону французовъ.

Пользуясь этими выгодами, Наполеонъ ставитъ себѣ задачею на 20 апрѣля прорвать центръ растянутаго расположенія австрійцевъ, что и достигается къ вечеру 20 числа, къ концу Абенсбергскаго боя, результатомъ котораго было разобщеніе праваго австрійскаго фланга (корпусовъ Гогенцолерна и Розенберга), отъ лѣваго (корпусовъ Гиллера и эрцъ-герцога Людвига) (*правильная постановка цѣли и правильный выборъ направленія* на центръ растянутаго расположенія).

Такимъ образомъ уже 20 апрѣля вечеромъ *основная идея* операціи (прорывъ центра непріятельскаго расположенія) была выполнена, необходимо было только дать исполненію ея еще бо́льшее развитіе. Цѣль эта достигается 21 числа боемъ при Ландсгутѣ (*третій день пятидневнаго боя*), приведшемъ еще къ большему разобщенію обоихъ австрійскихъ фланговъ и къ захвату Наполеономъ операціонной линіи эрцъ-герцога Карла.

Нельзя даже еще здѣсь не отмѣтить *необыкновенно пра-*

вильнаго развитія операціи. Она на дѣлѣ развивается столь же правильно и логически послѣдовательно, какъ и идея, лежащая въ основѣ ея. 1-мъ этапомъ на пути къ осуществленію ея является Абенсбергскій бой, 2-мъ этапомъ Ландсгутскій. *Цѣлесообразность* этихъ двухъ боевъ, т. е. ихъ *умѣстность и своевременность* очевидны сами по себѣ. Наконецъ они же находятся въ тѣснѣйшей внутренней связи между собою, во *времени* (въ отношеніи *послѣдовательности*), чѣмъ подтверждается вполнѣ *планосообразность* (въ духѣ внутренняго единства, цѣльности) веденія операціи, по крайней мѣрѣ до этой минуты.

Въ теченіи 20 и 21 апрѣля операціонная линія Наполеона (Абенсбергъ—Ротенбуръ—Ландсгутъ) удлинилась на 2 перехода и противъ лѣваго ея фланга находилась главная масса австрійскихъ войскъ (70 т. эрцъ-герцога Карла, успѣвшаго *случайно* овладѣть Регенсбургомъ,—обезпеченною переправою на Дунаѣ и это въ минуту потери имъ его операціонной линіи на Ландсгутъ, по правому берегу Дуная). Опасность, угрожавшая съ этой стороны Наполеону, во время его наступленія на Ландсгутъ, была немаловажна. Что было имъ сдѣлано для ея парированія, вообще какія имъ были приняты мѣры въ видахъ *безопасности* его операціи (его операціонной линіи)? Или же быть можетъ, увлекшись успѣхомъ, онъ вопреки неоднократно выражаемому имъ же въ своихъ мемуарахъ, совѣту („Il ne faut jamais abandonner *de coeur léger* sa ligne d'opération"), пренебрегъ этою стороною дѣла?

Изъ 85 т. собранныхъ имъ 19 апрѣля вечеромъ, онъ для готовившейся операціи оставилъ въ своемъ личномъ распоряженіи 60 т., а 25 т. оставилъ у Тенгена подъ начальствомъ Даву, для обезпеченія своей операціонной линіи слѣва. Одержавъ побѣду при Абенсбергѣ и предполагая, что онъ гонитъ передъ собою сильнѣйшую часть австрійской арміи, а Даву имѣетъ противъ себя слабѣйшую (на дѣлѣ же было на оборотъ), онъ приказываетъ Даву рѣшительно наступать 21-го числа, направивъ на усиленіе его, на всякій случай, изъ бывшихъ въ его распоряженіи войскъ 10 т., такъ что группировка французскихъ силъ (21 апрѣля) представляется въ слѣдующемъ видѣ: 50 т. подъ Ландсгутомъ и 35 т. у Даву. Не смотря на слабость своихъ силъ, Даву исполняетъ поставленную ему задачу, благодаря искусству и энергіи, весьма удачно, въ предѣлахъ возможнаго. Онъ подается впередъ на цѣлый переходъ почти къ самому Экмюлю, занимаетъ деревни Ширлингъ и Перингъ. Что же касается до „balayer

Pennemi", какъ то предписывалъ Наполеонъ Даву, то, имѣя 35 т. противъ 70 т., онъ этого, конечно, исполнить не могъ. Какъ бы то ни было, но Даву своими дѣйствіями 21 апрѣля доставилъ на этотъ день полную безопасность для операціонной линіи Наполеона, не смотря на свою малочисленность.

Если принять въ расчетъ, что независимо отъ высылки влѣво сперва 25 т. и затѣмъ 35 т., боковыхъ авангардовъ Даву, Наполеонъ, во время наступленія на Ландсгутъ базировался на прочно устроенную базу по Дунаю (Регенсбургъ—Кельхеймъ—Нейштадтъ), то нельзя не признать полной безопасности его операціонной линіи, по крайней мѣрѣ, до этой минуты.

21 апрѣля вечеромъ, съ одной стороны, Наполеону вполнѣ разъясняется обстановка (передъ нимъ меньшая часть австрійской арміи, передъ Даву бо́льшая) и рождаются опасенія за Даву, который можетъ быть подавленъ превосходными силами. Съ другой—является потребность дать еще бо́льшее развитіе основной идеѣ операціи, еще болѣе разобщить оба фланга австрійцевъ.

Эта двойная задача разрѣшается блистательно 22 апрѣля *Экмюльскимъ* боемъ (*четвертый день пятидневнаго боя*).

Прежде всего необходимо было подумать о подкрѣпленіи Даву. Еще въ ночь, Наполеонъ посылаетъ ему 12 т., за которыми 2-мя шалонами слѣдуетъ онъ самъ, съ 25 т. Всѣ эти войска должны были къ 12 часамъ утра подойти къ Экмюлю и усилить Даву до 73 т., т. е., уравновѣсить его силы съ силами эрцъ-герцога Карла. Занятіе же Ландсгута поручалось другимъ войскамъ (изъ корпуса уже подошедшаго туда Массены).

Потерявъ операціонную линію на Ландсгутъ, эрцъ-герцогъ Карлъ предполагалъ 22 апрѣля отплатить тѣмъ же Наполеону и базируясь на Регенсбургъ, захватить съ 30 т. у Абаха его операціонную линію, а 40 т. должны были держаться у Экмюля для обезпеченія операціонной линіи эрцъ-герцога Карла. Планъ былъ хорошъ, но время было пропущено до 12 часовъ, въ ожиданіи пока съ лѣваго берега Дуная не перейдетъ у Регенсбурга на правый корпусъ Беллегарда; да и группировка силъ, какъ видно изъ приведеннаго, была не совсѣмъ правильна (на наступательную часть назначалось 30 т., а на оборонительную 40 т.).

Какъ бы то ни было, но 22 апрѣля къ 12 часамъ 40,000 австрійцевъ у Экмюля атаковали 73,000 французовъ съ нѣсколькихъ сторонъ, и послѣ упорнаго боя вынуждены отойти къ Регенсбургу на равнину Эглофсгеймскую, гдѣ большое кава-

лерійское дѣло завершало въ пользу французовъ и этотъ четвертый день боя.

Съ отступленіемъ эрцъ-герцога Карла къ Регенсбургу, промежутокъ между обоими разобщенными флангами австрійской арміи еще болѣе увеличивается. Въ этомъ смыслѣ Экмюльскій бой является 3-мъ этапомъ въ развитіи основной идеи операціи.

Чтобы дать ей еще болѣе полное, окончательное развитіе — необходимо было еще болѣе увеличить этотъ промежутокъ и поставить между обоими разобщенными непріятельскими флангами такую преграду, какъ Дунай. Цѣль эта достигнута была *23 апрѣля* штурмомъ Регенсбурга (*пятый день 5-ти дневнаго боя*, *4-й этапъ* въ развитіи основной идеи операціи).

Цѣлесообразность, т. е. умѣстность и своевременность всѣхъ поименованныхъ боевъ, равно какъ и внутреннее единство, *планосообразность* всей операціи на лицо; но спрашивается: чѣмъ была обезпечена операціонная линія Наполеона Ландсгутъ-Экмюль 22 и 23 апрѣля, когда онъ двигался на встрѣчу своей операціонной базѣ по Дунаю, одинъ изъ пунктовъ которой Регенбургъ былъ уже въ рукахъ непріятеля?

Съ перваго взгляда, казалось бы, что операціонная линія была на воздухѣ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что она была *вполнѣ безопасна* даже въ худшемъ случаѣ, въ случаѣ проигрыша Наполеономъ Экмюльскаго сраженія, такъ какъ, проигравъ его, хотя бы онъ и лишенъ былъ возможности отступить къ Дунаю, ничто не мѣшало ему вполнѣ безпрепятственно отступить по правому берегу Дуная къ р. Лехъ, гдѣ имъ была заготовлена другая база (главный складочный пунктъ Аугсбургъ; на двѣ недѣли запасовъ и двѣ дивизіи въ качествѣ стратегическаго резерва), т. е. онъ могъ бы, благодаря заранѣе заготовленной базѣ, *перемѣнить операціонную линію*. Вотъ какимъ путемъ обезпечивалась его операціонная линія 22 и 23 апрѣля. Въ предшествовавшіе же дни она обезпечивалась вполнѣ, какъ въ своемъ мѣстѣ было приведено, базою на Дунаѣ и высылкою влѣво боковыхъ авангардовъ (Даву).

Итакъ относительно постановки цѣли, выбора направленія, цѣлесообразности всѣхъ тактическихъ эпизодовъ, на которые расчленяется операція, планосообразности и безопасности ея, бѣгло охарактеризованная мною операція находится внѣ всякаго упрека. Остается провѣрить ее съ точки *гармоніи между цѣлью и средствами къ ея достиженію*. Не рисковалъ ли Наполе-

онъ, имѣя 85,000 противъ 120,000, не валило ли ему попросту счастіе, какъ то могло бы показаться на первый взглядъ? Да *абсолютно* онъ былъ значительно слабѣе противника, но *относительно* (а такія вещи и должны быть понимаемы лишь въ относительномъ смыслѣ) онъ былъ значительно сильнѣе его. Онъ мастерски умѣлъ увеличить свои слабыя силы путемъ *большаго ихъ сосредоточенія* на меньшемъ пространствѣ (на 20 верстахъ, когда непріятель былъ раскинутъ на 60); путемъ *развитія въ высокой степени подвижности*, сдѣлавъ въ ночь и утро (съ 21 на 22) съ 39,000 болѣе 40 верстъ („сила арміи, подобно тому, какъ въ механикѣ, измѣряется не только массою, но и подвижностью". *Наполеонъ* „Se multiplier par la vitesse" его же) и наконецъ путемъ чрезвычайно искусной группировки на рѣшительныхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій въ рѣшительныя минуты развитія операціи [1]). Таковы были:

Абенсбергъ у Наполеона	. .	65,000 противъ 51,000
Ландсгутъ „ „	. .	50,000 „ 50,000 (непріятель уже разбитъ, да и вдобавокъ подходятъ войска Массены)
Экмюль у Наполеона	. . .	73,000 противъ 40,000

Послѣ сказаннаго, смѣемъ надѣяться, что и требованіямъ строгаго соотвѣтствія средствъ разъ поставленной цѣли было, въ разсмотрѣнной операціи, вполнѣ удовлетворено.

Съ какой бы стороны мы ни разбирали операціи пятидневнаго боя, мы должны признать въ ней высокій образецъ, по глубокому уваженію къ принципамъ, къ обстановкѣ, по преобладанію разсчета надъ азартомъ и наконецъ по необыкновенно правильному ея развитію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣчается лишь *одна неправильность*, именно 1-й день боя (Танъ — Тенгенъ), боя павшаго на періодъ подготовительныхъ операцій, до окончанія развертыванія силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Какъ извѣстно, подготовительныя операціи, при правильномъ теченіи дѣла, должны окончиться безъ столкновеній съ непріятелемъ. Мы видѣли въ какомъ разбросанномъ положе-

[1]) «Тотъ обыкновенно бьетъ противника, кто на рѣшительномъ пунктѣ, въ рѣшительную минуту, будетъ сильнѣе его»—одинъ изъ *основныхъ принциповъ* военнаго искусства.

нія засталъ Наполеонъ армію, благодаря ошибкамъ Бертье, въ день прибытія къ ней. Сосредоточеніе силъ, исполняемое обыкновенно вдали, а слѣдовательно и въ безопасности отъ непріятеля, пришлось, на этотъ разъ, благодаря упомянутымъ ошибкамъ, исполнить въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ и притомъ при весьма опасныхъ условіяхъ, въ особенности для Даву, вынужденнаго, для того, исполнить крайне опасный фланговый маршъ отъ Регенсбурга къ Абенсбергу, что и привело къ частному столкновенію у Тана (Тенгена).

Такимъ образомъ *внутреннее значеніе* 1-го дня боя это то, что онъ является *искупительною жертвою* ошибокъ Бертье. Результатъ его—уничтоженіе критическаго положенія французской арміи, замѣна разброски силъ ихъ сосредоточеніемъ. Онъ заканчиваетъ собою подготовительный періодъ операціи. Затѣмъ уже начинается періодъ главныхъ операцій съ боями: Абенсбергскимъ, Ландсгутскимъ, Экмюльскимъ и штурмомъ Регенсбурга, въ которыхъ основная идея всей операціи, прорывъ непріятельскаго центра, получаетъ начало осуществленія, дальнѣйшее развитіе и наконецъ полное развитіе. Таково ихъ внутреннее значеніе. Вотъ почему намъ казалось бы правильнѣе разсмотрѣнную операцію назвать скорѣе 4-хъ дневнымъ боемъ (названіе прежде всего должно выражать внутреннее значеніе извѣстнаго дѣла (вещи), а не 5-ти дневнымъ, справедливымъ только по отношенію къ внѣшней, формальной сторонѣ дѣла.

2. Стратегія метафизическая.

(По шаблону).

Рядомъ съ стратегіею *методическою*, основанною на одинаковомъ уваженіи къ принципамъ и къ обстановкѣ, существуетъ еще стратегія *метафизическая*, пренебрегающая, какъ тѣми, такъ и другою и руководствующаяся лишь измышленіями, рецептами и системами—шаблонами.

Эта стратегія порождена была доктриною *Бюлова*, стремившагося, какъ выше было приведено, къ умерщвленію творчества и къ подведенію *всего* на войнѣ подъ рецепты, твердыя правила. Слѣпыми его послѣдователями были *Вейроттеръ* (австрійскій генералъ) и *Фуль* (прусскій генералъ, перешедшій затѣмъ

въ нашу службу). Образцами этой печальной памяти стратегіи служатъ: 1) *наши первоначальныя дѣйствія въ 1812 г. до прибытія къ арміи Кутузова*, и 2) *Аустерлицкая операція* (дѣйствія союзниковъ).

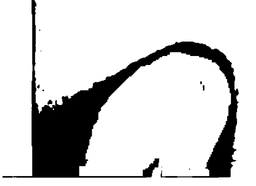
Разсмотримъ первую изъ операцій, но предварительно приведемъ въ выдержкахъ, главные рецепты Бюловской теоріи (являющейся собственно злоупотребленіемъ теоріи).

Основное его исходное положеніе,— „новѣйшія арміи могутъ существовать *только* при содѣйствіи магазиновъ, которыми и обусловливаются ихъ движенія“,—ложно, потому что новѣйшія арміи могутъ снабжаться запасами и другими способами, ставящими сообщенія ихъ въ гораздо менѣе опасное положеніе и доставляющими арміямъ несравненно бо́льшую свободу въ дѣйствіяхъ.

Разъ какъ основное положеніе невѣрно, то и всѣ выводы изъ него должны оказаться ложными. И дѣйствительно всѣ выводы Бюлова, вполнѣ справедливые какъ *частные* выводы, по отношенію къ тому *частному случаю*, когда армія продовольствуется исключительно изъ магазиновъ, оказываются окончательно ложными какъ *общіе* выводы, для всѣхъ случаевъ *вообще*, за каковые ихъ и выдаетъ Бюловъ.

Для возможно лучшаго обезпеченія весьма чувствительныхъ сообщеній (что въ особенности справедливо по отношенію къ магазинному снабженію), онъ требуетъ *длиннаго обхватывающаго базиса* и *концентрическаго наступленія* отъ базиса къ разъ избранному предмету дѣйствій. Далѣе требуется исключительно угрожать сообщеніямъ противника, *дѣйствовать маневрами* и *избѣгать сраженій*, которыя по мнѣнію Бюлова ничего не рѣшаютъ (? а по общепринятому взгляду являются самымъ рѣшительнымъ средствомъ въ рукахъ стратега). Вотъ почему обороняющемуся онъ рекомендуетъ *всегда* становиться *сбоку* (занимать фланговыя позиціи), для дѣйствія на сообщенія наступающаго, или еще лучше раздѣлить свои войска, оставляя лишь часть съ фронта, для развлеченія его вниманія, а главную массу расположить сбоку,— короче оборонительную войну вести двумя арміями, изъ которыхъ одна будетъ удерживать непріятеля съ фронта, а другая дѣйствовать на его сообщенія.— Далѣе отступать слѣдуетъ *всегда* эксцентрически для перехода къ концентрическому наступленію....

Приведенныхъ рецептовъ достаточно, чтобы приступить къ бѣглому стратегическому разбору намѣченнаго выше факта.

I-й періодъ

(періодъ *внѣшняго* раздѣленія силъ).

При открытіи похода 1812 г., намъ пришлось съ 200,000 войскъ оборонять противъ 500,000 на значительное протяженіе нашу открытую западную пограничную полосу, вдобавокъ еще раздѣленную Полѣсьемъ на два отдѣльныхъ театра. Послѣднее обстоятельство вынуждало насъ раздѣлить наши и безъ того слабыя силы на двѣ арміи и расположить одну по сѣверную сторону Полѣсья, а другую по южную (по неизвѣстности какое направленіе будетъ принято непріятелемъ). Если бы такъ поступили въ группировкѣ нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, то такое рѣшеніе, какъ бы оно для насъ ни было неблагопріятно, было бы вполнѣ правильно, такъ какъ въ немъ было бы удовлетворено требованіямъ принципа сосредоточенія силъ въ предѣлахъ условій данной обстановки,—короче оно удовлетворяло бы и *принципу* и *обстановкѣ*; но Фуль раздѣлилъ наши силы не на *двѣ* арміи, а на *три* (силы, предназначавшіяся для дѣйствій по сѣверную сторону Полѣсья, имъ были раздѣлены на I армію Барклая (120,000) и на II Багратіона (40,000 [1]), т. е. раздѣленіе силъ имъ было допущено свыше требованій обстановки, въ чемъ выражается одинаковое неуваженіе, какъ къ принципу, такъ и къ обстановкѣ (оно было *неумѣстно* и *нецѣлесообразно*), — но за то выражается слѣпое поклоненіе одному изъ приведенныхъ выше рецептовъ Бюлова, именно: „оборонительную войну лучше всего вести двумя арміями, изъ которыхъ одна будетъ удерживать непріятеля съ фронта, а другая дѣйствовать на его сообщенія“. Такъ и имѣлось въ виду по первоначальному плану (въ случаѣ наступленія Наполеона противъ I арміи она, не принимая боя, отступаетъ, а 2-я дѣйствуетъ на флангъ и сообщенія непріятеля;—и обратно, въ случаѣ если бы непріятель обратился противъ II-й).

Такимъ образомъ мы *добровольно* устроили тотъ прорывъ [2]),

---

[1]) Первоначально она предполагалась въ *80,000*, но потомъ, вслѣдствіе неготовности резервныхъ войскъ, изъ которыхъ должна была состоять (III) армія Томрасова, 40,000 изъ нихъ были отданы въ составъ послѣдней.

[2]) *Играть въ руку противнику*—это одна изъ характеристическихъ особенностей метафизической стратегіи.

который Наполеону стоилъ не малаго труда въ выполненіи операціи (пятидневнаго боя [1]) и въ ошибочномъ развертываніи нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій создали крайне невыгодное исходное положеніе для главныхъ операцій, исправленіе котораго стоило много времени и громадныхъ жертвъ.

Если бы нашей главной квартирѣ, вдохновляемой Фулемъ, было присуще уваженіе къ принципамъ и къ обстановкѣ, то, разъ какъ обнаружилось рѣшительное превосходство въ силахъ непріятеля, слѣдовало бы какъ можно скорѣе *сосредоточить* силы, соединить ихъ путемъ концентрическаго отступательнаго движенія обѣихъ армій (I-я остается на главномъ опереpаціонномъ направленіи на Москву; II-я подтягивается къ ней), *объединивъ* (въ видахъ внутренняго единства въ операціяхъ) власть надъ ними въ рукахъ одного главнокомандующаго. Вотъ, что требовалось принципами и обстановкою.

Взамѣнъ этого мы видимъ: экцентрическое отступленіе I-й арміи къ Дриссѣ съ полнымъ обнаженіемъ главнаго операціоннаго направленія на Москву, благодаря чему наши силы еще болѣе разбрасываются [2]). Въ концѣ концовъ наши операціи, и въ эту минуту, регулируются не требованіями здравыхъ принциповъ и обстановки, а единственно измышленіями Бюлова, другимъ его рецептомъ (относительно экцентрическаго отступленія).

Не менѣе ошибочнымъ является и слѣдующее рѣшеніе: держаться у Дриссы. Дрисская позиція, какъ выше было приведено, является *нецѣлесообразною*, хотя операціонная линія Наполеона и была длинна, но, вслѣдствіе значительнаго его превосходства въ силахъ, она все-таки не могла считаться опасною. Рѣшеніе держаться у Дриссы могло создаться опять не иначе, какъ подъ вліяніемъ Бюловскаго рецепта (всегда становиться сбоку прикрываемаго объекта).

Съ оставленіемъ Дрисскаго лагеря въ нашихъ операціяхъ происходитъ *переломъ*, отрѣшаются окончательно отъ Бюлова и его адепта Фуля, возвращаются къ здравымъ принципамъ и начинается періодъ *искупленія только что надѣланныхъ ошибокъ.*

---

[1]) Промежутокъ отъ Лиды до Волковиска. 1-я армія расположена была отъ Россіенъ до Лиды, II-я у Волковиска.

[2]) Въ началѣ кампаніи промежутокъ между I и II арміею (Лиды — Волковискъ) былъ около 90 верстъ (считая по воздуху), а къ *26 іюля* (Дрисса-Несвижъ) онъ увеличился втрое (260 верстъ).

Это искупленіе сводится, какъ то обыкновенно и бываетъ на войнѣ, къ цѣлому ряду *форсировокъ* и *кризисовъ,* которые не имѣли бы вовсе мѣста при правильномъ теченіи дѣла, къ цѣлому ряду *напрасныхъ жертвъ*:

1) *Форсированный маршъ I-й арміи сперва къ Полоцку и далѣе къ Витебску* для предупрежденія Наполеона на пути къ Москвѣ. Маршъ этотъ начинается 4-го іюля и оканчивается 12-го, слѣдовательно форсировка продолжается 8 дней сряду, а извѣстно изъ опыта на сколько разрушительно дѣйствуютъ на значительныя массы форсированные марши, когда ихъ приходится исполнять послѣдовательно нѣсколько дней подърядъ.

2) *Критическое положеніе I-й арміи подъ Витебскомъ.* Предупрежденіемъ Наполеона сперва у Полоцка, а затѣмъ у Витебска введена была уже весьма чувствительная поправка въ ходѣ нашихъ операцій, стратегическое наше положеніе *вообще* значительно улучшилось,—I-я армія захватила временно оставленную самую важную стратегическую линію на театрѣ военныхъ дѣйствій, нашъ прямой путь отступленія на Москву,—но стратегическое положеніе I-й арміи, *въ частности,* оставалось по прежнему критическимъ. Далѣе отступать къ Смоленску, какъ того требовала бы личная безопасность I-й арміи, по неизвѣстности, гдѣ находилась II армія, вообще что съ нею сталось, Барклай не считаетъ себя вправѣ. Вступать же въ генеральное сраженіе съ Наполеономъ съ однѣми ослабленными силами I арміи, въ виду громаднаго численнаго превосходства непріятеля, было бы нелѣпо, тѣмъ болѣе, что къ этому времени наши резервы еще не были готовы, такъ что, проигравъ сраженіе, мы лишены были бы возможности продолжать войну. Вотъ то критическое положеніе, въ которое подъ Витебскомъ поставленъ былъ Барклай и изъ котораго онъ съумѣлъ выйти съ честью. Онъ ставитъ себѣ задачею оставаться подъ Витебскомъ до крайней возможности, до полученія извѣстія объ арміи Багратіона, избѣгая при этомъ вступленія въ генеральное сраженіе и стараясь лишь *выиграть время.* Съ этою цѣлью онъ выдвигаетъ, на переходъ, къ Островнѣ корпусъ Остермана Толстаго и такимъ образомъ выигрываетъ одинъ день (13 іюля). На слѣдующій день онъ выдвигаетъ Дохтурова на полъперехода, къ Какувячину и выигрываетъ снова день. Смѣняетъ его арріергардомъ Палена и выигрываетъ еще 1 день (15-го іюля). Силы непріятеля ужé были настолько сосредоточены, что на 16 число нужно было или отступать или принять

генеральное сраженіе. Къ счастію 15-го вечеромъ Барклай получилъ отъ Багратіона извѣстіе о неудачной попыткѣ послѣдняго пройти на Могилевъ (11-го іюля бой у Салтановки) и о намѣреніи его двинуться чрезъ Мстиславль къ Смоленску. Кризисъ для Барклая кончается, онъ пріобрѣтаетъ право отойти къ Смоленску,—но кризисъ кончается не вполнѣ. Какъ отступить, избѣгая боя, въ виду сосредоточеннаго чуть ли не на дистанцію только пушечнаго выстрѣла непріятеля. И изъ этого положенія выходитъ Барклай съ честью путемъ искуснаго *скрытія* начала отступленія.

и 3) *Рядъ форсированныхъ кружныхъ маршей и попытокъ II-й арміи прорваться на Московскую дорогу*: у Николаева, Минска и Салтановки [1]).

Наконецъ *22-го іюля* обѣ арміи соединяются подъ Смоленскомъ, наши *силы сосредоточиваются*. Первоначальная ошибка исправлена путемъ цѣлаго ряда форсированныхъ маршей въ теченіе 38 дней (I-я армія прошла 500 верстъ, а II-я 750), но вредныя послѣдствія первоначальной ошибки (неумѣстнаго раздѣленія силъ) продолжаютъ дѣйствовать и въ слѣдующемъ періодѣ, въ видѣ *2-хъ независимыхъ другъ отъ друга главнокомандующихъ*, благодаря чему *нѣтъ внутренняго единства въ дѣйствіяхъ* (планности, планосообразности). Если главную отличительную черту только что охарактеризованнаго I періода, періода *внѣшняго раздѣленія нашихъ силъ*, составляетъ отсутствіе *цѣлесообразности (умѣстности и своевременности)* въ нашихъ дѣйствіяхъ, то главную отличительную черту слѣдующаго II періода, періода *внутренняго раздѣленія* нашихъ силъ (между двумя независимыми главнокомандующими), составляетъ отсутствіе *планосообразности* въ операціяхъ.

II-й періодъ.

(Періодъ внутренняго раздѣленія нашихъ силъ).

Нарушеніе принципа *единоначалія* отразилось въ отсутствіи *внутренней связи, единства* во всѣхъ нашихъ операціяхъ, на-

[1]) Наполеонъ, обратясь изъ Вильно съ главными силами противъ I-й арміи, отступавшей къ Дриссѣ, двинулъ 40,000 подъ начальствомъ Даву въ сѣв.-вост. направленіи, поручивъ ему захватить всѣ пути, которые вели на соединеніе II-й арміи съ I-ю.

чиная отъ Смоленска до Бородина (до прибытія къ арміи Кутузова, общаго главнокомандующаго надъ всѣми нашими арміями).

Такимъ образомъ: 1) когда 22 іюля обѣ наши арміи соединились и *сосредоточились*, Наполеонъ нашелся вынужденнымъ пріостановить свое наступленіе и, въ самое благопріятное время для военныхъ дѣйствій, расположить свою армію на квартирахъ, т. е. *разбросать свои силы*. Минута была благопріятна для нашего перехода въ наступленіе. Вслѣдствіе *разногласія* между двумя главнокомандующими на счетъ *направленія* наступленія, минута эта упускается; наступленіе къРуднѣ начинается лишь 26 іюля (*4 дня теряются*); 2) едва началось наступленіе, какъ, вслѣдствіе воображаемой опасности за нашъ правый флангъ (послѣ дѣла при Молевомъ Болотѣ), армія переходитъ съ Рудненской на Порѣченскую дорогу и, не найдя здѣсь непріятеля, снова возвращается на Рудненскую дорогу къ 1 августа (*5-ть дней снова теряются*); 3) *кризисъ; Наполеонъ путемъ обхода нашихъ армій слѣва* (по лѣвому берегу Днѣпра на Красный) *угрожаетъ отрѣзать ихъ отъ Смоленска и Москвы*. Послѣ дѣла при Молевомъ Болотѣ, Наполеонъ, разгадавъ обстановку (намѣреніе наше перейти въ наступленіе), *не теряя ни минуты времени*, сосредоточиваетъ 190 т. у Рассасны и Хамина, и подходитъ 2 августа къ Красному (удаленному лишь на 1 переходъ отъ Смоленска), защищаему дивизіею Невѣровскаго. 3-го августа Ней и Мюратъ подходятъ къ Смоленску, занимаемому лишь корпусомъ Раевскаго и дивизіею Невѣровскаго. 1-я армія находится въ 40 верстахъ, а II-я въ 30 отъ Смоленска. Бой 4 августа (1-й день сраженія подъ Смоленскимъ), веденный Раевскимъ и Невѣровскимъ противъ передовыхъ корпусовъ сосредоточивавшейся французской арміи даетъ возможность нашимъ арміямъ пережить и этотъ кризисъ. Обѣ арміи подходятъ къ Смоленску. О принятіи генеральнаго сраженія (по свойствамъ позиціи, а главное по неготовности нашихъ резервовъ) нечего было и думать. Рѣшено отступать къ Соловьевой переправѣ, причемъ II-я армія должна была первою начать отступленіе подъ прикрытіемъ войскъ I-й арміи, защищающихъ Смоленскъ. Далѣе II-я армія приняла на себя обязанность оставить за р. Колоднею сильный аррьергардъ, подъ прикрытіемъ котораго должна была отступить въ свою очередь I-я армія; 4) *кризисъ, пережитый I-ю арміею въ ночь съ 6 на 7 августа, во время ея отступленія отъ Смоленска*, разногласіе между обоими главнокомандующими, къ

этому времени, обострилось на столько, что перешло въ явныя интриги. Багратіонъ не исполнилъ принятаго имъ на себя обязательства и, вмѣсто того, чтобы оставить за р. Колоднею сильный арріергардъ, оставилъ лишь подобіе арріергарда, слабый казачій отрядъ, благодаря чему I-я армія, во время ея отступательнаго флангового ночнаго марша по проселочнымъ дорогамъ, близка была къ окончательной гибели, еслибы она не была спасена отчасти ошибками самихъ французовъ, а главное упорнымъ удержаніемъ позиціи у Валутиной горы (Лубинскій бой 7 августа), пока I-я армія вся не успѣла бы выйти на Московскую дорогу и, наконецъ, 5) *разногласіе между обоими главнокомандующими по поводу выбора позиціи для принятія сраженія.* Барклай выбираетъ позицію за р. Ужею; — Багратіонъ находитъ ее неудобною и указываетъ на лучшую у Дорогобужа. Послѣдняя оказывается невозможною (разрѣзана Днѣпромъ и вдоль фронта ея рядъ командующихъ высотъ на разстояніи картечнаго выстрѣла)...

Кризисъ кончается лишь 17 августа, со дня прибытія Кутузова къ арміи, когда *сосредоточенныя* подъ Смоленскомъ арміи были подчинены *одному* общему главнокомандующему, т. е. съ той минуты, когда было удовлетворено двумъ основнымъ принципамъ: и принципу *сосредоточенія силы* и принципу *единоначалія.* Съ этой минуты дальнѣйшія операціи начали развиваться правильно, хотя, конечно, были и неизбѣжныя вездѣ ошибки.

Охарактеризованный нами періодъ кампаніи 1812 г. (съ 10 іюня по 17 августа) наводитъ на нѣсколько существенной важности размышленій:

1) онъ показываетъ, съ какимъ трудомъ исправляются ошибки, сдѣланныя въ началѣ кампаніи (болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ данномъ случаѣ); сколько времени на это требуется и какихъ жертвъ онѣ стоятъ;

2) она наглядно показываетъ разницу между пагубнымъ *рецептомъ—шаблономъ,* продуктомъ предвзятыхъ теорій, являющимися ни болѣе ни менѣе какъ непозволительнымъ *злоупотребленіемъ* теоріи — и спасительнымъ *принципомъ,* продуктомъ истинной, здравой теоріи. Позволительно ли смѣшивать эти двѣ вещи, другъ другу столь противоположныя какъ *свѣтъ* и *тѣнь* — а между тѣмъ это сплошь и рядомъ дѣлается, какъ это между прочимъ видно изъ слѣдующей выдержки изъ одной статьи

„Воен. Сборн.“ декабрь 1879 г.— „У насъ еще нѣтъ такихъ фанатическихъ приверженцевъ положительной науки, которые утверждали бы, будто бы прикладную тактику можно установить на неизмѣнныхъ положительныхъ *законахъ* и дать соотвѣтствующіе *рецепты* для дѣйствій войскъ“. Смѣшиваніе *закона* съ *рецептомъ* здѣсь на лицо. Если оно искренно, то это не болѣе какъ *грубое невѣжество;* если оно преднамѣренно, то это не менѣе какъ *непозволительная передержка.*

и 3) Бюловъ былъ, конечно, человѣкъ талантливый, не смотря на всѣ его измышленія, парадоксы и софизмы, хотя бы уже по одному тому вліянію, которое онъ имѣлъ на массу. Чтобы вліять на массу, произвести на нее сенсацію, надо быть талантомъ. Бюловъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ того вреда, который талантливый человѣкъ, разъ какъ онъ идетъ въ ложномъ направленіи, приноситъ дѣлу. Въ этомъ отношеніи можно утвердительно сказать, что *чѣмъ талантливѣе человѣкъ, тѣмъ онъ вреднѣе*, тѣмъ легче онъ можетъ мало разсуждающей массѣ выдать свои парадоксы и софизмы за святую истину.

3. Стратегія авантюристическая.

(Стратегія приключеній; la Stratégie de casse cou).

Подобно предъидущему типу стратегіи и этотъ типъ стратегіи пренебрегаетъ какъ принципомъ такъ и обстановкою, но у нея мотивъ другой, обратный предыдущему. *Тамъ* творчество скованное и окончательно подавленное шаблонами — рецептами и системами. *Здѣсь* другая крайность, творчество разнузданное и управляемое лишь однимъ воображеніемъ, распущеннымъ до безпредѣльнаго фантазированія. *Первая* есть продуктъ—ложно понятой теоріи, злоупотребленія теоріи, — *вторая* есть результатъ скорѣе отрицанія всякой теоріи, результатъ невѣжества. Стремленіе къ *грандіозному, романтическому* въ области предначертаній и къ *азарту* въ ихъ исполненіи, таковы главныя характеристическія черты этой головоломной, ставящей все на карту, стратегіи.

Припомнимъ здѣсь, что истинная стратегія стремится прежде всего къ *цѣлесообразному* (замѣняющему въ ней стремленіе къ грандіозному, столь похвальное въ изящныхъ искусствахъ) въ предначертаніяхъ и къ *планосообразному* въ ихъ исполненіи.

Въ „*Стратегіи приключеній*“ все основано главнымъ образомъ на выигрышѣ сраженій (образцомъ этого типа является большая часть стратегическихъ операцій Карла XII), акта, хотя и самаго рѣшительнаго, но въ который именно наиболѣе всего и вторгаются случайности, въ особенности когда сраженіе не подготовлено надлежащимъ образомъ въ стратегическомъ смыслѣ, путемъ надежнаго обезпеченія операціонной линіи во всѣхъ смыслахъ, короче, когда, или все предоставляется азарту, или когда, по крайней мѣрѣ, азартъ значительно преобладаетъ надъ разсчетомъ [1]). Азартъ *усиливаетъ* — результаты успѣха, сильно дѣйствуетъ на воображеніе, увеличиваетъ славу, — но это палка о двухъ концахъ. Въ случаѣ неудачи, онъ уже *усиливаетъ* и последствія неудачи и ведетъ къ полнѣйшему разгрому (*Полтава*). Истинная же стратегія (методическая), постоянно имѣя въ виду капризную участь битвъ (самаго рѣшительнаго акта), какъ въ своемъ мѣстѣ было приведено, стремится подготовить успѣхъ сраженій такъ, чтобы, при удачѣ, можно было бы изъ побѣды извлечь наиболѣе полные результаты и низвести, въ случаѣ неудачи, вредныя послѣдствія пораженія до возможнаго minimum'а (*Маренго*, 1800).

Какъ образецъ стратегіи этого типа, представимъ бѣглую характеристику *походовъ Карла XII* (*1708—1709*), предпословъ ей предварительно характеристику самаго Карла XII, какъ стратега, какъ полководца.

Карлъ основывалъ весь образъ веденія войны на дѣйствіяхъ въ высшей степени рѣшительныхъ, на выигрышѣ сраженій, на отважности и на внезапности своихъ предпріятій. Главнымъ средствомъ его былъ бой. Не спрашивая о числѣ противниковъ (какъ, напримѣръ, подъ Нарвою 1700), онъ спрашивалъ только „гдѣ онъ?“ Лучшимъ способомъ подготовки успѣха, какъ то дѣйствительно и есть, онъ полагалъ внезапность; но, обладая, такъ сказать, инстинктомъ внезапности, онъ примѣнялъ это начало слабо, и притомъ большею частью однообразно, выжидая для открытія военныхъ дѣйствій наступленія зимы, чтобы замерзли рѣки и болота и чтобы потомъ по кратчайшему, но только

---

[1]) Это допускается иногда и истинною стратегіею, но въ исключительныхъ только положеніяхъ, какъ исключеніе (см. Записки Стратегіи. Выпускъ I, стр. 36 и 37), а отнюдь не какъ общее правило, какимъ оно является въ авантюристической стратегіи.

въ геометрическомъ смыслѣ кратчайшему, направленію (мало: кратчайшему, должнó быть кратчайшее и удобнѣйшее въ одно и то же время), двинуться противъ непріятеля; через что онъ не только не выигрывалъ времени, а, напротивъ того, иногда терялъ его напрасно и, въ добавокъ, утомлялъ войска. Вѣрная оцѣнка, столь важнаго элемента на войнѣ, времени, преимущественно отличающая великихъ полководцевъ, не была его дѣломъ. То онъ безъ всякой цѣли стоитъ на мѣстѣ (1705 г. остановка у Варшавы для того, чтобы присутствовать при коронаціи Станислава Лещинскаго), то вдругъ бросается впередъ, въ суровое зимнее время, и хотя является черезъ это болѣе или менѣе неожиданно передъ непріятелемъ, но не можетъ извлечь никакой выгоды отъ своего внезапнаго появленія, а по суровости времени долженъ остановиться на квартирахъ (начало похода 1708 г.). Онъ не обладалъ глазомѣромъ, этимъ первостепеннымъ качествомъ на войнѣ, по крайней мѣрѣ въ такой мѣрѣ, какъ имъ обладали великіе мастера въ нашемъ искусствѣ, тѣмъ глазомѣромъ, который сразу заставляетъ угадать больное мѣсто, самый чувствительный пунктъ въ расположеніи непріятеля. (Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его успѣхи противъ Августа ни къ чему не повели, и все это потому, что удары направлены были не въ самое больное мѣсто непріятеля — Саксонію). Прочное занятіе края, устройство базы и сообщеній, обезпеченіе послѣднихъ не входило въ его разсчетъ; а разъ какъ не входило, то и разсчета собственно не было: *являлась игра, въ которой все, или почти все, предоставлено было случаю.* Карлъ, по весьма мѣткому выраженію Клаузевица, проходилъ по странѣ „какъ корабль по морю, не оставляя за собою слѣда“. Единственнымъ обезпеченіемъ успѣха его въ высшей степени дерзкихъ предпріятій были отчаянная храбрость самого Карла, любовь къ нему арміи, ея высокія моральныя качества и, наконецъ, превосходство тактическаго образованія, завѣщанное шведской арміи другимъ ея королемъ-полководцемъ, Густавомъ-Адольфомъ. Понятно, что подобнаго рода окончательное пренебреженіе элементомъ осторожности, въ свою очередь весьма важнымъ на войнѣ, не могло оказать вредныхъ послѣдствій, пока успѣхъ сопутствовалъ Карлу, напротивъ: при этомъ условіи, чѣмъ дѣйствія рѣшительнѣе, тѣмъ успѣхъ полнѣе; но за то малѣйшая неудача должна была привести къ уничтоженію результатовъ всѣхъ предшествующихъ успѣховъ, къ потерѣ всего, какъ это ближе всего и подтверждается

полтавскимъ пораженіемъ. Вообще стратегія не была его дѣломъ. Даже и рѣчи не можетъ быть о сравненіи Карла XII, въ этомъ отношеніи, съ его великимъ противникомъ. Весьма вѣрно охарактеризована, если не ошибаемся, Вольтеромъ личность Карла, какъ полководца, въ слѣдующихъ нѣсколькихъ словахъ: „онъ не былъ Александромъ, но смѣло могъ бы быть первымъ солдатомъ въ его арміи,“ т. е. храбрый, отчаянно-храбрый, солдатъ но не болѣе.

Нижеслѣдующій бѣглый очеркъ фактовъ не замедлитъ подтвердить справедливости этой характеристики.

Походъ 1708 и 1709 г. Выждавъ наступленія суроваго зимняго времени, замерзанія рѣкъ и болотъ, Карлъ XII, руководимый вѣрнымъ инстинктомъ *внезапности* (имѣющей въ стратегіи еще несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ въ тактикѣ) 21 декабря 1707 г. переходитъ черезъ р. Вислу у Бржеца, и двигается по снѣгамъ, безъ дорогъ, кратчайшимъ путемъ (узкое пониманіе одного изъ основныхъ условій для операціонныхъ линій), черезъ Мазовецкіе лѣса, къ Гродно, разсчитывая застать нашу армію въ расплохъ разбросанною на квартирахъ. Послѣдняя искусно ускользаетъ отъ него, сосредоточиваясь во время отступленія. Карлъ бросается за нею къ Лидѣ и Сморгонамъ, нашей арміи не настигаетъ, а по случаю крайняго утомленія своихъ войскъ самъ располагается на квартирахъ. Армія наша тоже становится на квартирахъ за р. Уллою. Къ чему же служитъ внезапность, когда нельзя воспользоваться выгодами внезапнаго появленія передъ непріятелемъ? Это образчикъ злоупотребленія въ принципѣ столь хорошею вещью, образчикъ хорошаго инстинкта, но, въ тоже время дурно управляемаго.

Этимъ и оканчивается *зимній походъ 1708 г.*, представляющій собою какое-то *грандіозное наступленіе* (черезъ р. Вислу, снѣга, дикіе Мазовецкіе лѣса; какъ все это говоритъ воображенію?) *въ пустую*. Такимъ онъ является, какъ по внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему содержанію.

Лѣтній походъ 1708 г. начинается сборомъ шведскихъ войскъ 7 іюня у Минска, снабженіемъ ихъ 3-хъ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія. Не заботясь объ устройствѣ прочной базы, Карлъ, конечно, долженъ былъ имѣть *базу при себѣ*, какъ то и было въ настоящемъ случаѣ. Сверхъ того имъ послано было приказаніе Левенгаупту съ запасами (главнымъ образомъ съ боевыми запасами) двинуться изъ Риги къ Могилеву.

Шведская армія успѣла переправиться черезъ р. Березину, разбить нашу армію у Головчина (3-го іюля) и затѣмъ занять Могилевъ. Здѣсь Карлъ простоялъ около 4-хъ недѣль, выжидая Левенгаупта. Остановка эта, съ точки *безопасности* операціи, является вполнѣ законною, такъ какъ боевыми запасами шведская армія могла быть снабжена только изъ Швеціи, т. е. Левенгауптомъ. Цѣль этой остановки среди наступленія была вполнѣ законна, но для нетерпѣливаго Карла эта продолжительная остановка была слишкомъ тяжка. *Не выждавъ* все таки прибытія Левенгаупта (слѣдовательно въ концѣ концевъ остановка оказывается *безцѣльною*), онъ двинулся, въ началѣ августа, къ Чирикову и затѣмъ къ Мстиславлю, повидимому въ Украйну. Далѣе, ни съ того, ни съ другаго, онъ снова поворачиваетъ на сѣверъ, доходитъ до нашей границы у Старишъ (10 сентября), стоитъ здѣсь 4 дня и затѣмъ окончательно поворачиваетъ на Югъ, черезъ Кричевъ въ Украйну. Армія наша двигается параллельно съ Шведскою, окружаетъ послѣднюю мелкими отрядами, безпрестанно ее тревожащими, портящими переправы и уничтожающими запасы. Достигнувъ Украйны, изнуренная и нуждающаяся во всемъ (въ особенности въ боевыхъ запасахъ) [1], шведская армія становится въ окрестностяхъ — Гадяча, Роменъ, Лохвицъ и Прилукъ, на квартирахъ, гдѣ ее снова окружаютъ наши мелкіе отряды и не даютъ ей ни минуты отдыха.

Походъ 1709 г. Къ веснѣ 1709 г. романтическая затѣя Карла становится ясною для него самаго (развѣ можно было разсчитывать въ Украйнѣ сломить силы Русскаго Царя?). Трудность, фальшъ его положенія видны ближе всего изъ того, что *онъ не знаетъ что предпринять*, какую *цѣль себѣ поставить* и для выхода изъ добровольно имъ же на себя надѣтой петли не видитъ другаго средства, какъ приступить къ осадѣ Полтавы, разсчитывая, что для выручки ея русская армія вступитъ съ нимъ въ бой, который, въ случаѣ благопріятнаго исхода, развяжетъ ему руки. И такъ только *одна побѣда* могла вывести его изъ фальшиваго положенія, въ которое бросило его склонное къ фантазированію воображеніе.

---

[1]) Какъ извѣстно Петръ въ сентябрѣ разбилъ Левенгаупта при Лѣсной и захватилъ весь его транспортъ (7 т. повозокъ), — ни болѣе, ни менѣе, какъ *базу*, которую везъ Левенгауптъ къ Карлу, что было болѣе чѣмъ важно, когда послѣдній имѣлъ дурную привычку дѣйствовать безъ *базы* (Отсюда уже начинаетъ Петръ образцовую подготовку Полтавской побѣды).

Что же имъ было сдѣлано для обезпеченія полтавскаго сраженія, въ особенности для обезпеченія его операціонной линіи, на случай неудачи? Ровно ничего. Его операціонная линія была окончательно на воздухѣ. Онъ не имѣлъ даже обезпеченной переправы на Днѣпрѣ (благодаря чему остатки его арміи 14 т. подъ начальствомъ Левенгаупта и вынуждены были 2 дня послѣ сраженія положить оружіе у Переволочны). 4 — поста (по 500 коней), эшелонированные вдоль по р. Ворсклѣ, имѣли бы еще смыслъ, при существованіи означеннаго моста. Въ противномъ же случаѣ, это не была мѣра къ обезпеченію пути отступленія, а мѣра лишь къ напрасному ослабленію себя на полѣ сраженія (гдѣ онъ уже и безъ того былъ почти вдвое слабѣе Петра).

Никогда еще стратегіею не пренебрегали въ такой мѣрѣ и никогда еще азарту ни отводилось такого простора предъ сраженіемъ, какъ то сдѣлано было Карломъ предъ Полтавою. За то и пораженіе бывало рѣдко такъ полно, какъ подъ Полтавою, послѣ которой Шведская армія не существовала болѣе [1]). Карлъ игралъ va banque. А этому истинная (методическая) стратегія не учитъ.

Если бы Карлъ дѣйствовалъ въ духѣ *методической* стратегіи, то онъ направилъ бы свою операціонную линію изъ Швеціи за р. Вислу или р. Одеръ на Краковъ и отсюда черезъ владѣнія Польши къ Днѣпру, на которомъ позаботился бы устроить не одну, а нѣсколько переправъ, обезпеченныхъ мостовыми укрѣпленіями. Тогда потерявъ сраженіе, онъ не потерялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и арміи.

Мы здѣсь имѣемъ въ виду лишь методическую подготовку въ стратегическомъ отношеніи Полтавскаго сраженія. Если же

[1]) По собственному выраженію Петра: шведовъ «... подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низомъ къ верху обратило». Это выдержка изъ разсужденія Петра о значеніи Нарвскаго погрома по отношенію къ Россіи. Оно настолько замѣчательно, во многихъ отношеніяхъ, что позволяемъ себѣ привести его здѣсь in extenso. Вотъ оно: «Правда, сія побѣда въ то время зѣло печальна была «и за великій гнѣвъ Божій почитаема. Но когда о томъ подумать, то во истину «не гнѣвъ Божій, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда «надъ шведами викторія досталась, бывшихъ въ такомъ неискуствѣ во всѣхъ дѣ«лахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бѣду послѣ оное сча«стіе насъ низринуть могло, также какъ шведовъ, уже давно во всемъ обученныхъ «и славныхъ въ Европѣ (которыхъ, французы бичемъ нѣмецкимъ называли) подъ «Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низомъ къ верху обра«тило. Но когда мы сіе несчастіе (или лучше сказать великое счастіе) подъ Нарвою «получили, то неволя лѣность отогнала и къ трудолюбію и искусству день и ночь «прилежать принудила и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ велѣла» (*Журналъ Петра Великаго, ч. I*).

бы Карлъ всю кампанію велъ въ духѣ методической стратегіи, то онъ прежде всего не увлекался бы побочными, второстепенными цѣлями (Полтава), а пошолъ бы на Москву и притомъ, въ видахъ большей *безопасности* операціи, не выбралъ бы направленія на Смоленскъ, а сѣверное на Псковъ, Новгородъ, Тверь и Москву, хотя и болѣе кружное (съ осадою 2-хъ крѣпостей вдобавокъ), но за то и болѣе безопасное. Тогда бы онъ могъ свои 35 тысячъ, съ которыми открылъ походъ, усилить 15 т. Левенгаупта (изъ Риги) и 15 Любеккера (изъ Финляндіи) и, мало того, сохранить постоянное сообщеніе съ Швеціею, — короче тогда бы у него была не только правильно поставлена *цѣль*, но и были бы *прочная база* и *безопасная операціонная линія*.

Таковы три типическія формы стратегическаго искусства. Какую бы изъ стратегическихъ операцій ни приходилось разбирать, не смотря на безконечное разнообразіе въ ихъ формѣ, каждая изъ нихъ неизбѣжно будетъ принадлежать, въ главныхъ характеристичныхъ чертахъ, къ одному изъ вышеприведенныхъ трехъ типовъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

А. А. ГОЛОВАЧЕВА.

ИСТОРІЯ ПОСТРОЙКИ ДОРОГЪ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ [1].

Въ предыдущей статьѣ (Сб. Гос. Зн. томъ VII) мы остановились на утвержденной 27 марта 1870 года новой сѣти желѣзныхъ дорогъ. При этомъ мы напомнимъ читателю, что къ этой же сѣти слѣдуетъ отнести и Ростово-Владикавказскую дорогу, хотя о внесеніи этой дороги въ сѣть состоялось Высочайшее повелѣніе нѣсколько ранѣе, а именно 2 января 1870 года. Это тѣмъ болѣе будетъ правильно, что къ постройкѣ этой дороги приступлено было позднѣе нѣкоторыхъ дорогъ, вошедшихъ только въ сѣть 27 марта 1870 года.

Въ предыдущей статьѣ, мы видѣли, что въ означенную сѣть вошли 18 дорогъ или лучше сказать 16, такъ какъ три изъ нихъ отъ Ряжска до Вязьмы съ вѣтвью къ Ельцу образовали одну линію.

Въ эту же сѣть вошла линія Моршанско-Сызранская. Соображенія, по которымъ она введена въ сѣть были нами под-

[1]) См. статью 1 въ IV Т., статью 2 въ V Т. и статью 3 въ VII Т. Сборн. Госуд. Знаній.

робно разсмотрѣны въ предыдущей статьѣ, а потому здѣсь мы ограничимся только условіями ея сооруженія. Но прежде изложенія этихъ условій, мы должны сказать, что система конкурренціи, по которой до тѣхъ поръ отдавалось сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, признана была неудовлетворительною, и 26 января 1870 года были утверждены новыя правила, по которымъ по утвержденіи нормальной концессіи и устава общества было предоставлено Министру Путей Сообщенія вести личные переговоры съ предпринимателями и представлять Комитету Министровъ избранное въ учредители общества лицо, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ.

Проекты нормальной концессіи и устава на Моршанско-Сызранскую дорогу были внесены въ Комитетъ Министровъ 16 февраля и удостоились Высочайшаго утвержденія 10 марта 1872 года. Затѣмъ на основаніи правилъ 26 января 1870 года Министръ Путей Сообщенія вызвалъ желающихъ взять на себя образованіе желѣзнодорожнаго общества и изъ числа представленныхъ предложеній наиболѣе выгодными были признаны предложенія статскаго совѣтника Башмакова, съ чѣмъ согласился и Министръ Финансовъ.

Вслѣдствіе сего концессія на имя г. Башмакова и уставъ общества Московско-Сызранской желѣзной дороги, по разсмотрѣніи ихъ въ Комитетѣ Министровъ, были Высочайше утверждены 28 апрѣля 1872 года на слѣдующихъ условіяхъ:

Основный капиталъ общества опредѣлялся въ 22.459,200 руб. мет., — т. е. по 45,035½ руб. за версту, со включеніемъ расходовъ на проценты за время постройки и реализацію капитала. Эта сумма образуется выпускомъ акцій на 5.614,800 рублей и облигацій на 16.844,400 руб. Облигаціямъ присвоена абсолютная гарантія 5% дохода и 1/10% погашенія, а акціямъ предоставлена лишь временная гарантія на 15 лѣтъ. Общество получило право увеличить облигаціонный капиталъ впослѣдствіи на 2.000,000 руб. для производства новыхъ капитальныхъ работъ и усиленія подвижнаго состава. Реализаціонная цѣна акцій опредѣлена по 80 за сто, а облигацій, которыя удержала за собой правительство, по 84 за сто. Не менѣе третьей части рельсовъ и половины прочихъ принадлежностей дороги должно быть пріобрѣтено въ Россіи изъ числа правительственныхъ заказовъ или отъ частныхъ заводчиковъ, которые согласятся на цѣны не дороже правительственныхъ. Остальное количество можетъ быть до-

ставлено изъ заграницы и при томъ рельсы безъ оплаты таможенныхъ пошлинъ. По техническимъ условіямъ длина дороги опредѣлена въ 498¼ версты и никакъ не болѣе 500 верстъ; полотно дороги въ одинъ путь въ 2,6 саж. ширины, радіусы кривыхъ не менѣе 300 саж., а продольные уклоны въ 0,010 саж. Количество подвижнаго состава назначено въ 71 паровозъ и 1620 вагоновъ, что составитъ по 1 паровозу на каждые 7 верстъ и по 3¼ вагона на версту. За исключеніемъ же изъ основнаго капитала отнесенныхъ по разцѣночной вѣдомости 3.808,660 р. на реализацію капитала и 1.684,440 рублей процентовъ за время постройки, собственно строительный капиталъ составится на версту 34,000 руб. Такая цифра по мнѣнію гг. Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ признана была умѣренною.

Вникая въ сущность означенныхъ условій, согласиться съ такимъ мнѣніемъ положительно невозможно, такъ какъ полотно дороги выстроено въ одинъ путь и она снабжена самымъ незначительнымъ количествомъ подвижнаго состава, а реализація капитала, не только облигацій, но и акцій, въ виду присвоенной имъ гарантіи, была выше, чѣмъ на другихъ дорогахъ. Такъ напр. на Ландварово-роменской дорогѣ реализація облигацій опредѣлена въ 76½%, а акціонерный капиталъ вовсе не гарантированъ и стало быть не могъ быть реализованъ выше этого процента; но если даже принять реализацію всего основнаго капитала по этому курсу, то и тогда сумма строительнаго капитала съ процентами за время постройки будетъ 21.777,111 руб., что составитъ не болѣе 30,330 руб., на версту дороги, тогда какъ Моршанско-Сызранская линія оцѣнена въ 34,000 руб. (при исключеніи процентовъ за время ея сооруженія). Въ стоимости сооруженія не могло быть разницы, такъ какъ и та и другая выстроены въ одинъ путь, проходятъ по совершенно ровной мѣстности и на моршанской линіи допущены сотенные уклоны на всей линіи, тогда какъ на Ландваровской, только на участкѣ отъ Ландварово до Минска. Если же на послѣдней назначено меньшее количество вагоновъ, то число паровозовъ на ней болѣе, чѣмъ на Моршанской. Разсмотрѣніе разцѣночной вѣдомости приводитъ къ тѣмъ же выводамъ, такъ какъ количество земляныхъ работъ болѣе чѣмъ по три тысячи кубиковъ на версту при полотнѣ дороги въ одинъ путь и ровной мѣстности на большемъ ея протяженіи, а равно и цѣна зем-

ляныхъ работъ и шпалъ представляются значительно преувеличенною. Рабочая плата въ Пензенской и Симбирской губерніи очень не высока; 1 р. 87 коп. метал. за кубическую сажень земляныхъ работъ и 50 коп. за шпалу въ лѣсной мѣстности Пензенской и Саратовской губерній, по которой проводится дорога, положительно не вѣроятны. Принимая же въ соображеніе, что первоначальное изчисленіе ея длины оказалось невѣрно и что въ дѣйствительности протяженіе ея вышло въ $484^{3}/_{4}$ версты, т. е. на 14 верстъ короче, нельзя не придти къ заключенію, что изчисленный капиталъ преувеличенъ покрайнѣй мѣрѣ на 2.000,000 руб.

Ряжско-Вяземская желѣзная дорога была также внесена въ сѣть, утвержденную 27 Марта 1870 года, какъ продолженіе Моршанско-Сызранской линіи. Въ свое время, разбирая эту сѣть, мы указывали на неосновательность сооруженія этихъ линій, а потому и здѣсь ограничимся только разсмотрѣніемъ условій ихъ сооруженія. Еще прежде разрѣшенія сооруженія всей Ряжско-Вяземской линіи по ходатайству мѣстныхъ каменно-угольныхъ промышленниковъ было разрѣшено построить участокъ этой дороги отъ Скопина до Повелецъ съ вѣтвью къ каменноугольнымъ копямъ Рыкова и Бернара. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 Іюля 1871 года 14 Августа того-же года былъ заключенъ съ комерціей совѣтникомъ Варшавскимъ контрактъ на сооруженіе Скопино-Повелецкаго участка длиною въ 26 верстъ за 516,750 руб.; впослѣдствіи къ этой суммѣ добавлено еще 13,810 руб. за устройство вѣтви отъ Повелецъ до каменно-угольныхъ копей. Весь участокъ оказался въ 29 верстъ и былъ открытъ для правильнаго движенія 23 Октября 1872 года. Эксплуатація этого участка сдана была еще 20 Января 1872 года во временное распоряженіе общества Скопинско-Ряжской желѣзной дороги, которое обязалось производить на немъ движеніе своимъ подвижнымъ составомъ съ уплатою правительству половины чистаго дохода.

Между тѣмъ 10 Марта 1872 года, по журналу Комитета Министровъ, были утверждены проекты нормальной концессіи, устава общества и техническихъ условій для сооруженія Скопино-Вяземской дороги съ тѣмъ, что на новое общество возлагалась обязанность пріобрѣсти отъ правительства Повелецкій участокъ за сумму равную понесеннымъ издержкамъ съ начетомъ $2^{1}/_{2}\%$ на капиталъ за время постройки. Длина всей ли-

нія отъ Скопина черезъ Тулу и Алексинъ до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ опредѣлена въ $598^1/_2$ верстъ. Условія заготовки желѣзнодорожныхъ принадлежностей были одинаковыя съ Моршанско-Сызранской линіей. Вслѣдъ за тѣмъ, 19 марта 1872 года, поступаетъ ходатайство Правленія общества Ряжско-Скопинской желѣзной дороги о предоставленіи этому обществу постройки Скопинско-Вяземской дороги на слѣдующихъ условіяхъ: за Повелецкій участокъ дороги общество выплачиваетъ правительству какъ указано въ нормальной концессіи, со включеніемъ процентовъ за время постройки, 543,250 руб. кредитн., или что все равно 467,850 р. металлическихъ, что составляетъ 34,500 руб. на версту дороги. — Министръ путей сообщенія призналъ предложеніе Общества Скопинской дороги заслуживающимъ предпочтенія передъ таковыми же другихъ лицъ, не смотря на то, что другія лица испрашивали меньшую строительную цѣну, такъ какъ они не представлялись людьми опытными или извѣстными въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ своевременное и прочное устройство дорогъ наиболѣе обусловливаются опытностію строителей.

Мы не можемъ не остановиться на этомъ заключеніи министра путей сообщенія, такъ какъ не можемъ признать его правильности. Прежде всего мы замѣтимъ, что опытность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ предпринимателя никогда еще не гарантировала ни своевременности, ни прочности работъ. Личный интересъ всегда дороже для предпринимателя, чѣмъ интересы правительства или будущаго общества и мы не разъ видѣли какъ послѣдніе приносились въ жертву первымъ. Если работы производились быстро и прочно, то конечно не вслѣдствіе опытности строителей, а потому, что быстрая постройка приносила значительныя сбереженія въ процентахъ на капиталъ за время сооруженія и въ расходахъ на администрацію. Что-же касается прочности работъ, то она являлась или слѣдствіемъ тѣхъ громадныхъ цѣнъ, въ которыя оцѣнивались работы въ особенности въ первое время, такъ, что и при лишнихъ затратахъ оставались большіе барыши, или обусловливалась бдительностію надзора или же наконецъ вызывалась простымъ расчетомъ на полученіе концессій въ будущемъ, при удовлетворительномъ исполненіи работъ. Всѣмъ извѣстные желѣзнодорожные аферисты у насъ передъ глазами; развѣ мы не знаемъ въ какомъ видѣ они сдавали построенныя ими дороги такъ называемымъ

обществамъ и достраивали ихъ на счетъ ремонтныхъ суммъ. Опытность строителя даетъ только ему умѣнье представить дѣло правительственнымъ лицамъ въ томъ видѣ, какъ онъ этого желаетъ и ничего болѣе. Съ другой стороны, отдавать преимущество непремѣнно опытнымъ строителямъ, значитъ съуживать кругъ соискателей и водворять монополію въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, ставить себя въ зависимость отъ нѣсколькихъ ловкихъ дѣльцовъ и давать имъ поводъ думать, что безъ нихъ Россія обойтись не можетъ. Такимъ людямъ не долго стакнуться между собою и, при подобныхъ взглядахъ, поставить правительство въ безвыходное положеніе. Намъ кажется, что администрація въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ прежде всего должна расчитывать на свои собственныя силы и средства и потому искать не предпринимателя, на котораго она могла бы положиться, а того агента, на котораго она расчитываетъ возложить надзоръ за производствомъ работъ. Что же касается предпринимателя, то его нравственная благонадежность плохая гарантія: единственная гарантія его благонадежности нужной для правительства—это его денежный залогъ и наблюденіе за тѣмъ, чтобъ онъ не могъ оставить недодѣланными дешево оцѣненныя работы,—т. е. правильно составленная разцѣночная вѣдомость и условіе не полной уплаты по ней до окончательнаго ея выполненія. Ко всему этому, слѣдуетъ прибавить, что вышеозначенное заключеніе министра путей сообщенія указывало какъ бы на признаніе полной несостоятельности правительственнаго надзора, а такое признаніе, въ виду стольких фактовъ, о которыхъ мы упоминали, и которые подтверждены недавно опубликованными результатами ревизіи коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ барона Шерналя, имѣло полное основаніе. Министръ путей сообщенія дѣйствительно поставленъ былъ въ печальную необходимость относиться къ дѣлу подобнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что онъ не вправѣ преслѣдовать виновныхъ какія бы злоупотребленія не сдѣлались ему извѣстными. Такое преслѣдованіе принято было у насъ называть колебаніемъ нашего кредита и въ виду финансовыхъ соображеній положительно недопускалось. Но возвратимся къ нашему вопросу.

Послѣ переговоровъ съ представителями общества Скопинской дороги установлены были слѣдующія условія: акціонерный капиталъ общества Скопинской дороги въ 1.584,100 руб. кре-

дитныхъ присоединяется къ капиталу предположенной Скопинско-Вяземской желѣзной дороги, четвертая часть общей суммы соединенныхъ капиталовъ представляется акціями въ число которыхъ засчитываются акціи Скопинской дороги, а остальныя три четверти облигаціями. Вся строительная стоимость дороги отъ Скопина до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ опредѣлена въ 20.639,635 руб., не считая процентовъ за время постройки и реализаціи капитала.

При переговорахъ своихъ съ министромъ финансовъ учредитель общества Скопинской дороги представилъ, что негарантированные акціи не находятъ покупателей и подъ залогъ ихъ нельзя даже имѣть и 35%; стало быть, оцѣнивать ихъ въ 50% за рубль можно только съ рискомъ. Столь низкая цѣна повлечетъ за собою необходимость увеличенія основнаго капитала, который при такихъ условіяхъ долженъ быть доведенъ до 32.082,890 руб. мет. Въ виду такого заявленія для устраненія необходимости увеличенія основнаго капитала и достиженія возможности реализовать акціи по 80 за 100, министръ финансовъ призналъ возможнымъ даровать акціямъ гарантію 5% дохода въ теченіи первыхъ 15 лѣтъ, распространивъ ее и на акціи Ряжско-Скопинской дороги.

На этихъ основаніяхъ, министръ путей сообщенія внесъ, 15 апрѣля 1872 года, въ Комитетъ Министровъ проектъ устава общества Ряжско-Вяземской дороги, основной капиталъ котораго опредѣляется въ слѣдующихъ размѣрахъ: а) капиталъ прежней Ряжско-Скопинской дороги, состоящій изъ негарантированныхъ акцій на сумму 1.584,000 руб. кредитн. или 1.364,200 руб. метал.; б) 557,000 руб. мет,, подлежащихъ уплатѣ правительству за Повелецкій участокъ и 26.663,500 руб. на построеніе дороги отъ Повелецъ до Вязьмы—всего 28.584,700 руб., изъ которыхъ, за исключеніемъ суммы на выкупъ Повелецкаго участка (которая присоединялась къ облигаціонному капиталу), четвертая часть или 7.006,900 составляла акціонерный капиталъ, а остальная сумма представлялась капиталомъ облигаціоннымъ, который удерживаетъ за собой правительство по 84 за сто.

Такимъ образомъ, учредитель общества Скопинской дороги производилъ очень выгодную для себя аферу даже и въ томъ случаѣ, еслибъ не расчитывалъ ни на какой барышъ отъ по-

стройки Повелецко-Вяземской дороги съ вѣтвью на Елецъ. Онъ получилъ гарантированныя бумаги на полную стоимость дороги, которая не могла приносить ему никакого дохода, и притомъ, причисливъ сумму акціонернаго капитала Скопинской дороги къ общей суммѣ основнаго капитала общества, получалъ такимъ образомъ три четверти этой суммы металлическими облигаціями; на этомъ основаніи за имущество, ничего не стоющее, онъ пріобрѣталъ 1.364,200 руб. гарантированныхъ металлическихъ цѣнностей.

Но и кромѣ того, оцѣнка сооруженія Повелецко-Вяземскаго участка была сдѣлана не дешево. Достаточно указать на то, что по разцѣночной вѣдомости земляныя работы были оцѣнены по 2 р. 50 коп. металлическихъ за кубическую сажень и это въ то время, когда на другой дорогѣ, утвержденной въ тотъ же день, а именно Моршанско-Сызранской, они были оцѣнены 1 р. 90 коп. Къ этому надо прибавить, что къ суммѣ предназначенной на рельсы и скрѣпленія 13 апрѣля 1873 года прибавлено 654,975 руб. для замѣны желѣзныхъ рельсовъ стальными и такимъ образомъ цѣна рельсовъ положена въ 2 руб. мет., между тѣмъ какъ извѣстно, что именно весною 1873 года цѣна стальныхъ рельсовъ понизилась значительно, такъ что ихъ можно было пріобрѣтать по 9 фунтовъ за тонну съ доставкою въ балтійскіе порты, т. е. ниже металлическаго рубля за пудъ. На этомъ основаніи условія постройки Ряжско-Вяземской дороги мы не можемъ считать выгодными.

Мысль о сооруженіи Ростово-Владикавказской желѣзной дороги возникла еще въ началѣ 1869 года, вслѣдствіе представленныхъ Государю Императору Великимъ Княземъ Намѣстникомъ соображеній. Вслѣдствіе этого разрѣшено было нѣкоторымъ частнымъ лицамъ произвести изысканія, а затѣмъ, какъ мы видѣли выше 2 января 1870 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи ее въ сѣть главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ и обезпечить исполненіе ихъ преимущественно передъ другими. На этомъ основаніи, весною 1871 года, былъ командированъ инженеръ путей сообщенія для всесторонняго изученія представленныхъ въ министерство заявленій о наивыгоднѣйшемъ направленіи Владикавказской линіи; а 24 февраля 1872 года на обсужденіе комитета желѣзныхъ дорогъ министромъ путей сообщенія были представлены 4 направленія, изъ которыхъ и было избрано согласно заключенію министра путей сообщенія

настоящее направленіе и по журналу комитета 7 марта 1872 года было Высочайше утверждено. Строителемъ дороги и учредителемъ общества избранъ былъ инженеръ баронъ Штенгель, который стоимость сооруженія опредѣлилъ въ 20.552,500 руб. или 31,570 р. кред. на версту. По уставу общества нарицательный капиталъ опредѣленъ въ 6.805,400 метал. рублей акціями и 20.416,200 руб. металич. облигаціями, т. е. по 41,815 руб. метал. за версту. На акціи дорована была 15 лѣтняя гарантія, облигаціямъ же присвоена полная гарантія на все время въ обыкновенномъ размѣрѣ. Послѣднія удерживало за собой правительство по 84 за сто. Реализаціонная же цѣна акцій опредѣлена по 80 за сто. Техническими условіями опредѣлено строить дорогу въ одинъ путь на протяженіи 651 версты, ширина полотна 2,6 сажени, продольные склоны въ 0,01; радіусъ кривыхъ не менѣе 300 сажень. Количество подвижнаго состава назначено 74 паровоза и 1,490 вагоновъ, что составитъ одинъ паровозъ по 8,8 верстъ и по 2,3 вагона на версту. При такомъ ничтожномъ количествѣ подвижнаго состава, котораго мы не замѣчали ни на одной дорогѣ и при той ровной мѣстности, которой отличаются Донскія степи и сѣверный склонъ Кавказа, по которымъ проходитъ дорога, такая цѣна должна быть названа чрезмѣрною.

Тѣмъ не менѣе, въ засѣданіяхъ Комитета Министровъ 9 и 16 мая и 28 іюня 1872 года было постановлено выдать концессію на означенныхъ условіяхъ Барону Штенгелю, что и было Высочайше утверждено 2-го іюля того же года.

Въ нашихъ административныхъ сферахъ дорога эта считалась исключительно дорогой стратегической и вѣроятно по этой причинѣ постройка ея назначена въ одинъ путь при ничтожномъ количествѣ подвижнаго состава. Но видно уже намъ такъ на роду написано въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ постоянно встрѣчать сюрпризы, т. е. придавать очень большое экономическое значеніе такимъ путямъ, которые его не имѣютъ, и за тѣмъ наоборотъ строить дороги стратегическія и только впослѣдствіи убѣждаться въ ошибочномъ взглядѣ на дѣло и въ экономическомъ значеніи линіи. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени сооруженія Владикавказской желѣзной дороги, какъ на нее посыпались жалобы, что она не удовлетворяетъ потребностямъ движенія и съ сѣвернаго Кавказа потянулись къ Ростову десятки милліоновъ пудовъ груза. Но такъ какъ дорога

по своимъ техническимъ условіямъ не можетъ отправлять болѣе 4 товарныхъ поѣздовъ въ день, то само собою разумѣется, что она не въ состояніи удовлетворять потребности въ передвиженіи и вызываетъ рядомъ съ желѣзной дорогой цѣлую вереницу обозовъ, которые съ успѣхомъ конкурируютъ съ желѣзной дорогой на той ея половинѣ, которая ближе къ Ростову.

Въ виду такого явленія, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы подѣлимся съ нимъ сравненіемъ того, что видѣли мы при проѣздѣ по этой линіи въ 1875 и 1879 году. Въ первый годъ открытія дороги на всемъ протяженіи до станціи минеральныхъ водъ — на протяженіи которое намъ пришлось тогда видѣть, — виднѣлись только луговыя степи охватывавшія васъ какъ зеленое море. Только изрѣдка виднѣлись небольшіе участки, засѣянные кукурузой. Совсѣмъ другое впечатлѣніе испытываешъ теперь, такъ какъ вмѣсто степей повсюду виднѣются посѣвы пшеницы и льняного семени. Такая перемѣна не болѣе какъ въ три года поразительна и обстоятельство это получаетъ особенное значеніе въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ этой мѣстности. Въ виду подобныхъ внезапныхъ перемѣнъ невольно спрашиваешь себя, что представлялъ бы этотъ край, еслибъ на него было обращено вниманіе, еслибъ организовано было правильное заселеніе этихъ богатыхъ мѣстностей людьми нуждающимися въ землѣ, отыскивающими только возможности приложенія своего труда и нынѣ поставленными въ необходимость ежегодно перекочевывать изъ внутреннихъ губерній съ потерею и времени и денегъ, а главное съ огромнымъ рискомъ въ случаяхъ неурожаевъ и наплыва излишнихъ рукъ? Не можемъ воздержаться отъ замѣчанія, что Владикавказская дорога должна быть приведена немедленно въ такое положеніе, которое могло бы удовлетворять потребностямъ значительнаго передвиженія грузовъ, т. е. число станцій должно быть здѣсь по меньшей мѣрѣ удвоено, а количество подвижнаго состава увеличено еще въ большой мѣрѣ. Безъ этихъ мѣропріятій, мы рискуемъ остановить дальнѣйшее развитіе края и нанести сильный вредъ всѣмъ интересамъ, которые здѣсь сосредоточились. Объ этомъ необходимо серьезно подумать.

Мы довели исторію сооруженія желѣзныхъ дорогъ до 1873 года, въ которомъ была сдѣлана попытка создать новую систему ихъ сооруженія, при посредствѣ дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ, а не тѣхъ фиктивныхъ, которыя составляются концессіонерами, существуютъ только на бумагѣ и служатъ лишь для того,

чтобы складывать всякую личную отвѣтственность съ дѣйствительныхъ строителей на какой-то призракъ въ видѣ анонимнаго общества съ неизвѣстными акціонерами. Мы говоримъ о правилахъ 30 марта 1873 года. Дѣйствительно существовавшій до тѣхъ поръ порядокъ не могъ не возмущать совѣсть правительственныхъ лицъ, на которыхъ лежала обязанность надзора за правильностію дѣйствій г.г. концессіонеровъ. Въ виду всѣхъ бывшихъ примѣровъ, хорошо извѣстныхъ министерству путей сообщенія, правильность дѣйствій строителей и точность исполненія принятыхъ ими обязательствъ гарантировались только въ томъ случаѣ, когда непомѣрныя цѣны доставляли возможность огромныхъ барышей. Въ этихъ случаяхъ конечно не предстояло никакой надобности предпринимателямъ прибѣгать къ какимъ либо злоупотребленіямъ или уловкамъ для огражденія своихъ выгодъ, хотя бывали примѣры, что и при такихъ условіяхъ интересы правительства не были обезпечены. Но какъ скоро конкуренція понизила цѣны на сооруженіе дорогъ, тогда явились на сцену всевозможные извороты, передъ которыми администрація оказывалась безсильною для огражденія интересовъ правительства и обезпеченія точнаго исполненія заключенныхъ договоровъ, въ особенности когда въ финансовомъ управленіи установилось опасеніе, что привлеченіе виновныхъ къ судебной отвѣтственности можетъ, будто бы, колебать нашъ кредитъ на заграничныхъ рынкахъ. Мы называемъ такое опасеніе предразсудкомъ, потому что основаніемъ для подобной недовѣрчивости заграничныхъ капиталистовъ могло служить только недобросовѣстное отношеніе администраціи къ желѣзнодорожному дѣлу, а такъ какъ этого предполагать нельзя было, то поэтому, подобныя опасенія не имѣли серьезныхъ основаній. Что-же касается тѣхъ ошибочныхъ дѣйствій, на которыя мы не разъ указывали, въ нашемъ трудѣ, то они никогда и ни гдѣ не колебали государственнаго кредита, если только общій государственный строй и ресурсы государственнаго казначейства допускали его возможность. Напротивъ того, намъ кажется, что, еслибъ финансовое управленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ уклоненіе отъ принятыхъ на себя концессіонерами обязательствъ, было несомнѣнно, не щадило бы виновныхъ концессіонеровъ и лицъ допустившихъ эти уклоненія и представило бы дѣло разсмотрѣнію и рѣшенію судебной власти, то отъ подобныхъ распоряженій государственный кредитъ могъ бы только установиться на болѣе прочныхъ

основаніяхъ. Но, къ сожалѣнію, у насъ господствовалъ совершенно противуположный взглядъ на дѣло и не смотря на всю несостоятельность системы выдачи концессій, частная инціатива подъ прикрытіемъ фактивныхъ обществъ считалось наилучшею. Недовѣріе правительства къ своимъ собственнымъ агентамъ было такъ сильно, что оно не рѣшилось допустить систему казенной постройки, хотя бы паралельно съ системой концессій.

Между тѣмъ ложное положеніе министерства путей сообщенія,—при которомъ оно, не смотря на весьма ясныя доказательства, очевидныя для всѣхъ, должно было закрывать глаза и не видѣть вовсе, что оно имѣетъ дѣло отнюдь не съ обществами, а съ отдѣльными личностями, которыя только прикрываются фирмою анонимнаго общества во избѣжаніи всякой личной отвѣтственности,—было положительно невыносимо и не совмѣстно съ достоинствомъ правительственной власти. Въ такомъ положеніи весьма естественно, что министерство путей сообщенія изыскивало средства, чтобъ выйти по крайней мѣрѣ изъ этого ложнаго положенія и имѣть дѣло не съ воображаемыми, а дѣйствительными обществами. Съ этой цѣлію г. министръ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій и внесъ въ Комитетъ Министровъ новыя правила образованія желѣзнодорожныхъ обществъ, которыя и были утверждены 30 марта 1873 года.

На основаніи этихъ правилъ, правительство предполагало устранить участіе въ дѣлѣ концессіонеровъ, принявъ на себя обязанность образованія не фиктивнаго, а дѣйствительнаго акціонернаго общества, которому, уже по образованіи его, передавать сооруженіе дороги на капиталъ изчисленный на основаніи произведенныхъ изысканій по опредѣленной реализаціонной цѣнѣ бумагъ и по предварительно составленной разцѣночной вѣдомости.

Образованіе общества возлагалось на особую коммисію изъ трехъ членовъ отъ министерствъ: путей сообщенія, финансовъ и государственнаго контроля, которая должна была распорядиться производствомъ публичной подписки на акціи общества и открытіемъ перваго общаго собранія для выбора правленія, которому коммисія обязывалась передать дальнѣйшее управленіе дѣломъ.

Такимъ образомъ предполагалось возможнымъ образовать дѣйствительныя акціонерныя общества, контроль которыхъ, если не устранилъ бы совершенно, то значительно уменьшилъ бы воз-

можность злоупотребленій со стороны учредителей желѣзнодорожныхъ обществъ. Эти злоупотребленія состояли въ томъ, что учредители удерживали въ своихъ рукахъ всѣ или большее количество акцій, распоряжались отъ имени общихъ собраній, передавали сооруженіе дороги учредителямъ по оптовымъ контрактамъ за всю сумму, которая можетъ быть выручена по реализаціи бумагъ и слѣдовательно затрачивали весь разрѣшенный къ образованію капиталъ безъ остатка; при несостоятельности же строителей или при злоупотребленіяхъ съ ихъ стороны, общества оставались безпомощными, а правительство, затративъ громадныя суммы въ счетъ облигаціоннаго капитала, становилось въ необходимость поддерживать общество и выдавать имъ субсидіи на окончательную достройку линій. При этомъ значительное количество, неоконченныхъ работъ, не мѣшающихъ открытію движенія на линіи, строители передавали для окончанія обществамъ, по цѣнамъ, далеко не доходившимъ до ихъ дѣйствительной стоимости. Эти работы въ большинствѣ случаевъ производились на счетъ расходовъ эксплуатаціи, часто въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а отрыть такое злоупотребленіе при единствѣ распоряженій по строительнымъ и ремонтнымъ работамъ для инспекціи было почти невозможно. Такимъ образомъ, суммы строительнаго капитала, назначенныя на эти работы, оставались въ рукахъ строителей; точно также въ ихъ рукахъ оставались и всѣ суммы, опредѣленныя на администрацію и проценты на капиталъ за время производства работъ, если движеніе на линіи открыто ранѣе опредѣленнаго по концессіи срока, не говоря уже о той экономіи, которая могла быть слѣдствіемъ или уменьшенія работъ или болѣе выгоднаго ихъ производства въ сравненіи съ разцѣночной вѣдомостью.

Весьма естественно, что министерство путей сообщенія, проектируя правила для образованія дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ акціонерныхъ обществъ, предполагало возможнымъ устранить систему оптовыхъ контрактовъ на сооруженіе линіи, очевидно невыгодныхъ дѣйствительнымъ акціонерамъ и такимъ образомъ оставить въ рукахъ общества запасныя средства, которыя могли бы служить или на поддержаніе общества въ первое время его существованія, или на улучшеніе пути и увеличеніе подвижнаго состава, еслибъ обстоятельства того потребовали. Вмѣстѣ съ тѣмъ при гласной отчетности обществъ могли

выясниться многіе хозяйственные вопросы по сооруженію дорогъ и дѣйствительная ихъ стоимость при извѣстныхъ техническихъ условіяхъ.

Конечно, мы не можемъ отвергать, что система эта представляла собой не болѣе какъ полумѣру, и что даже при точномъ исполненіи этихъ правилъ спекуланты могли захватить въ свои руки дѣло сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а за тѣмъ вести его прежнимъ порядкомъ. Но само собою разумѣется, что подобный исходъ былъ бы тѣмъ болѣе затрудненъ, чѣмъ добросовѣстнѣе исполнила бы свои обязанности учредительная коммисія и чѣмъ условія подписки давали бы менѣе возможности захватить акціи въ однѣ руки. Ниже при изложеніи того порядка, который былъ принятъ у насъ при подпискѣ, мы изложимъ подробно наше мнѣніе по этому поводу, а теперь замѣтимъ только, что, считая участіе частныхъ обществъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ положительно вреднымъ, мы все таки думаемъ, что правила 30 Марта были шагомъ впередъ и при невозможности введенія казенной системы постройки давали возможность министерству путей сообщенія перейти отъ совершенно безконтрольнаго сооруженія къ возможности какого либо учета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождали министерство отъ того ложнаго положенія, при которомъ правительственная власть поставлена была въ необходимость сознательно допускать такой порядокъ вещей, который былъ внѣ всякаго закона.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что правила 30 Марта не ограничивались однимъ изложеннымъ способомъ исполненія желѣзнодорожныхъ предпріятій: онѣ допускали также и другіе, а именно казенную постройку и сооруженіе второстепенныхъ линій и питательныхъ вѣтвей при посредствѣ прежнихъ обществъ, къ линіямъ которыхъ эти дороги примыкали. На основаніи этихъ правилъ передъ началомъ года, когда Комитетъ Министровъ утвердитъ соображенія о дорогахъ, постройка которыхъ можетъ быть начата въ наступающемъ году, министръ путей сообщенія обязанъ былъ внести свои соображенія о способахъ исполненія, т. е. о той системѣ сооруженія, которая избирается для каждой отдѣльной линіи. Такимъ образомъ правила 30 Марта 1873 года давали возможность перехода отъ системы нанесшей столько вреда государству къ новому порядку сооруженія за счетъ правительства и предоставляли возможность конкурен-

ціи двухъ системъ, — конкуренція, доставившей столько выгодъ при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи.

Къ сожалѣнію въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ господствовало совершенно иное воззрѣніе и постройка при посредствѣ гг. концессіонеровъ считалась наиболѣе удобною, хотя ни одинъ изъ правительственныхъ агентовъ не могъ бы себѣ присвоить и сотой доли того произвола и тѣхъ выгодъ, которыя доставались на долю частныхъ предпринимателей, не говоря уже о качествахъ, взводимыхъ ими сооруженій и убыточности эксплуатаціи путей, выстроенныхъ при подобной системѣ. Въ виду подобнаго настроенія у насъ не было даже сдѣлано и попытки приступить къ сооруженію какой либо дороги на счетъ правительства, не смотря на то, что правилами 30 марта возможность таковой въ принципѣ допускалась. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что правила 30 марта существовали только на бумагѣ и никогда не были приложены на практикѣ въ томъ видѣ, какъ они были задуманы и Высочайше-утверждены, такъ какъ образованіе въ 1874 году четырехъ желѣзнодорожныхъ обществъ по подпискѣ произошло совершенно на иныхъ началахъ, давшихъ полную возможность крупнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателямъ повернуть дѣло на прежнюю торную дорогу.

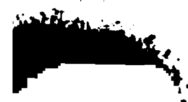
Вслѣдъ за утвержденіемъ означенныхъ правилъ министръ путей сообщенія, 21 мая 1873 года, внесъ въ Комитетъ Министровъ соображенія о сооруженіи 14 новыхъ дорогъ, а именно:

1) Оренбургской, отъ праваго берега рѣки Волги близъ Сызрани до Оренбурга, съ вѣтвью къ Самарской пристани въ 512 верстъ.

2) Донецкой каменноугольной, отъ станціи Никитовки на Азовской дорогѣ до волго-донской дороги съ вѣтвью чрезъ луганскій заводъ къ рѣкѣ сѣверному Донцу въ 555 верстъ.

3) Уральской горнозаводской, отъ Перми до Екатеринбурга съ вѣтвью къ Луньевскимъ каменноугольнымъ копямъ и къ Билимбаевскому заводу въ 616½ верстъ.

4) Привислянской, отъ ст. Ковеля на Кіево-Брестской дорогѣ чрезъ Варшаву до Млавы на Прусской границѣ съ вѣтвью къ Лукову въ 475 верстъ.

5) Сумской, отъ станціи Ворожбы на Курско-Кіевской дорогѣ черезъ Сумы до станціи Мерефы на азовской дорогѣ въ 223 версты.

6) Фастовской, отъ станціи Фастово на Кіево-Брестской дорогѣ черезъ мѣстечко Смѣлу до станціи Знаменки на Харьково-Николаевской дорогѣ съ вѣтвями къ г. Черкасамъ и къ м. Шполѣ въ 327 верстъ.

7) Маякской, отъ Одессы до Маякъ — 52 версты.

8) Новгородско-Старорусской, узкоколейной $90^1/_2$ верстъ.

9) Васкунчатской, Солевозкой, 51 верста.

10) Дерптской, отъ Дерпта до ст. Тапсъ на Балтійской желѣзной дорогѣ 107 верстъ.

11) Голубовской, каменноугольной узкоколейной, 55 верстъ.

12) Мелитопольской, отъ ст. Еленовки на константиновской дорогѣ до Мелитополя съ вѣтвями къ Марьюполю и Бердянску 360 верстъ.

13) Петровской вѣтви, отъ станціи Ясиноватой на Константиновской дорогѣ до донецкой каменноугольной дороги 45 вер.

14) Раненбургской вѣтви рязанско-козловской дороги 30 верстъ.

Всего 3.499 верстъ.

Комитетъ Министровъ при разсмотрѣніи этихъ предположеній 5 іюня 1873 года пришелъ къ заключенію о необходимости всѣхъ указанныхъ линій и, утвердивъ строительныя цѣны 10 желѣзныхъ дорогъ, опредѣлилъ приступить къ постройкѣ ихъ по возможности въ теченіи года и предоставить министру путей сообщенія внести свои соображенія о строительныхъ цѣнахъ остальныхъ четырехъ дорогъ. Такое опредѣленіе Комитета въ значительной своей части осталось до сихъ поръ не исполненнымъ, не смотря на то, что въ то время средства на эти сооруженія всѣ были на лицо, какъ это именно выражено въ означенномъ постановленіи Комитета.

Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу этой сѣти. Относительно Оренбургской дороги можно сказать, что выдвигать изъ общей сѣти путей сообщенія линію въ 500 верстъ, при отсутствіи въ краѣ развитой промышленности едва ли представлялась необходимостью, тѣмъ болѣе, что здѣсь переходъ черезъ Волгу долженъ былъ потребовать значительныхъ издержекъ, которыя долго не окупятся правительству. Подобный путь представляется намъ чистѣйшей роскошью, возможной только при обиліи и дешевизнѣ капиталовъ, слѣдовательно не позволительной для нашего отечества. Тоже можно сказать и о горнозаводской уральской линіи, тѣмъ болѣе, что эта линія оторвана отъ общей сѣти дорогъ огромнымъ разстояніемъ

и, какъ мы видѣли въ предыдущей статьѣ, въ виду стремленія достигнуть одной линіей двухъ цѣлей — облегчить сибирскій транзитъ и удовлетворить потребностямъ горнозаводскаго дѣла, — не можетъ достигать ни той, ни другой. Кромѣ того, допущенныя на ней продольные склоны дѣлаютъ для нея невозможною дешевую доставку минеральнаго топлива къ горнымъ заводамъ, тогда какъ одною изъ цѣлей ея сооруженія было поставлено именно возможное удешевленіе этой доставки. Практика вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе, что обѣ дороги эти не могутъ имѣть никакого экономическаго значенія. На всѣхъ новыхъ дорогахъ даже не имѣющихъ большаго экономическаго значенія въ первые годы движеніе постоянно возрастаетъ, между тѣмъ какъ на этихъ двухъ дорогахъ, не смотря на недавнее ихъ открытіе валовой сборъ въ теченіи нынѣшняго года уже значительно сокращается въ сравненіи съ прошлымъ годомъ: ясно, что начавшееся было движеніе грузовъ оказалось невыгоднымъ. Привислянская дорога по сознанію самого Комитета Министровъ, требовалась только въ видахъ государственной обороны и слѣдовательно не имѣла никакого экономическаго значенія. Признаемся, что намъ трудно понять подобныя стратегическія соображенія. Намъ кажется, что линія эта можетъ быть полезною только въ случаѣ оборонительной войны противъ Австріи и Германіи взятыхъ вмѣстѣ и при томъ, если признано будетъ возможнымъ удерживать оборонительное положеніе на западъ отъ этой линіи. Но не надо быть стратегомъ, чтобъ понимать весь вредъ такой оборонительной линіи, которая можетъ подвергнуться нападенію съ обоихъ фланговъ. Ясно, что удерживать за собою линію рѣки Вислы въ этомъ случаѣ мы не можемъ, а должны отступать внутрь страны и тогда привислянская желѣзная дорога, хотя бы и разрушенная, можетъ быть возстановлена и послужитъ не въ пользу, а во вредъ Россіи. Кромѣ того намъ кажется, что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ долго еще принять вызовъ Австро-Германскаго союза и слѣдовательно издержки, въ видахъ столь отдаленной будущности, могутъ считаться совершенно излишними. Чтоже касается односторонней обороны противъ Австріи или Германіи, то театромъ военныхъ дѣйствій едва ли можетъ быть Царство Польское, а навѣрное, была мѣстность въ первомъ случаѣ къ югу, а въ послѣднемъ къ сѣверу, такъ что привислянская дорога также не будетъ имѣть тутъ значенія. Что касается сумской и фастовской дорогъ, то ихъ сооруженіе признано необходимымъ въ видахъ

содѣйствія свеклосахарной производительности и едва ли имѣетъ какое нибудь значеніе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сахаръ очень цѣнный продуктъ, для котораго гужевая перевозка до ближайшихъ магистральныхъ линій не могла считаться обременительной, а производство сахара не столько у насъ развито, что перевозка его можетъ окупить издержки на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Что же касается доставки топлива на заводы, то цѣль эта едва ли можетъ быть достигнута однимъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Пока не водворится у насъ торговля минеральнымъ топливомъ въ обширныхъ размѣрахъ, до тѣхъ поръ заводы не въ состояніи будутъ перейти къ этому отопленію. Продолженіе Константиновской дороги къ Марьюполю дѣйствительно полезно, но продолженіе той же дороги до Мелитополя на Севастопольской линіи не можетъ обѣщать никакихъ выгодъ. Вся мѣстность, по которой проходитъ эта линія отстоитъ отъ портовыхъ городовъ Марьюполя и Бердянска въ 50 или 60 верстахъ, а на такое разстояніе всегда будетъ выгоднѣе возить гужемъ, чѣмъ грузить на желѣзныя дороги — это явленіе повторяется на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и мы не считаемъ нужнымъ его доказывать. Что касается до мелкихъ питательныхъ вѣтвей, то о ничтожномъ ихъ значеніи говорить не стоитъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ четырнадцати проектированныхъ вновь дорогъ, мы придаемъ наибольшее значеніе донецкой каменноугольной дорогѣ, но не въ томъ видѣ какъ она проектирована тогда, отъ азовской до волгодонской дороги, а еще менѣе въ томъ видѣ какъ она нынѣ построена. Дорога эта, какъ мы думаемъ, лишь тогда получитъ значеніе, когда соединитъ Волгу съ Днѣпромъ, дойдетъ до Знаменско-Николаевской дороги и будетъ имѣть вѣтвь къ Марьюполю. Въ этомъ видѣ она доставитъ выходъ минеральному топливу не только на эти двѣ рѣки и къ Азовскому морю, но и на всѣ южныя желѣзныя дороги. На этомъ основаніи, намъ бы казалось, что, вмѣсто 14 предположенныхъ дорогъ, гораздо было полезнѣе проложить одну на всемъ означенномъ протяженіи. Мы можемъ сказать при этомъ, что таково было мнѣніе покойнаго Чевкина, но не знаемъ причинъ, по которымъ не признано было возможнымъ привести его въ исполненіе.

26 августа 1873 года, г. министръ путей сообщенія по соглашенію съ министромъ финансовъ внесъ въ Комитетъ Министровъ проекты уставовъ акціонерныхъ обществъ восьми дорогъ, а именно:

Оренбургской, Уральской, Донецкой, Сумской, Дерптской, Старорусской, Фаставской и Привислянской, вмѣстѣ съ техническими условіями ихъ сооруженія. По этимъ уставамъ предполагалось дать правительственную гарантію акціямъ на 15 лѣтъ, облигаціямъ же впредь до ихъ погашенія и оставить ихъ за правительствомъ по 84 за сто.

Это представленіе министра путей сообщенія разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ 23 и 30 октября 1 и 6 ноября т го же года. Въ виду представленныхъ министромъ финансовъ соображеній, что при гарантіи акціонернаго капитала лишь на 15 лѣтъ трудно было бы ожидать успѣшной подписки на акціи Комитетомъ признано было необходимымъ допустить гарантію правительства на все время существованія обществъ. За тѣмъ сооруженіе новыхъ дорогъ положено было ограничить четырьмя: Оренбургскою, Фастовскою, Уральскою и Привислянскою; опубликовать проектированные для нихъ уставы безъ означенія номинальной цѣны основныхъ капиталовъ, предоставивъ опредѣленіе времени открытія и срока подписки по каждой дорогѣ соглашенію министровъ финансовъ и путей сообщенія съ тѣмъ, чтобы о реализаціонной цѣнѣ акцій означенные министры входили со всеподданнѣйшими докладами передъ самымъ объявленіемъ каждой подписки. При окончательной редакціи въ силу этого постановленія § 34 Устава опредѣляющаго гарантію правительства слова проекта: *„временно на 15 лѣтъ“* были замѣнены словами *„абсолютно на все время существованія общества.“*

Въ такомъ видѣ уставы получили Высочайшее утвержденіе 18 ноября 1873 года и вслѣдъ за тѣмъ были опубликованы.

Мы живо помнимъ это время: всѣ предприниматели съ нетерпѣніемъ ждали новыхъ порядковъ и потому каждое распоряженіе правительства подвергалось всестороннему обсужденію; слухи о назначеніи сроковъ подписки ловились съ жадностію. Но проходитъ декабрь и январь, а объявленій о назначеніи дня подписки не появляется. Новое правленіе Кіево-Брестской желѣзной дороги изъ опасенія встрѣтить конкурента, если образуется особое общество для сооруженія и эксплуатаціи Привислянской желѣзной дороги, созываетъ общее собраніе акціонеровъ, которое уполномочиваетъ свое правленіе ходатайствовать о предоставленіи этому обществу сооруженія Привислянской желѣзной дороги съ пониженіемъ стоимости сооруженія на два милліона рублей. Такое предложеніе, какъ извѣстно, было отклонено, по причинамъ,

для насъ совершенно непонятнымъ. Вообще спекуляція не дремала: интересы ея были сильно затронуты и различные слухи, сбивавшіе съ толку публику, относительно продолжительности дѣйствія новыхъ правилъ, — слухи одинъ невѣроятнѣе другаго, — передавались изъ устъ въ уста. На сколько во всѣхъ этихъ слухахъ было правды и лжи, конечно опредѣлить невозможно, — но нельзя сомнѣваться, что былъ какой-то недостатокъ единства въ административныхъ дѣйствіяхъ, потому что въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ со времени опубликованія уставовъ, срокъ подписки не назначался, точно также не назначилась и учредительная коммисія, не смотря на то, что лучшее время года для осуществленія крупныхъ предпріятій проходило напрасно и капиталисты держали въ готовности значительныя суммы. Все это поддерживало различные невѣроятные слухи и даже въ газетахъ заговорили, что министръ путей сообщенія оставляетъ свой постъ. Наконецъ въ первыхъ числахъ февраля было опубликовано постановленіе Комитета Финансовъ Высочайше утвержденное 1-го февраля 1874 года. На основаніи этого постановленія, акціямъ новыхъ обществъ присвоивалась абсолютная гарантія въ 5% дохода и 1/10% погашенія съ тѣмъ, что слѣдующія въ уплату по акціямъ суммы выдаются полностію держателямъ акцій и никакія требованія кредиторовъ общества не могутъ быть относимы на предназначаемыя къ уплатѣ по акціямъ суммы. Точное же опредѣленіе финансовыхъ условій какъ то: нарицательной стоимости акціонернаго капитала и каждой отдѣльной акціи, сроковъ и размѣра взносовъ по послѣднимъ, порядка разверстки, равно какъ назначенія времени и мѣстъ подписки и самое наблюденіе за производствомъ послѣдней предоставлялись одному министру финансовъ.

Такое постановленіе Комитета Финансовъ не только уничтожало совершенно правила 30 марта 1873 года, но и измѣняло въ существенныхъ чертахъ уставы обществъ, одобренные комитетомъ министровъ въ засѣданіяхъ 23 и 30 октября 1 и 6-го ноября 1873 года и получившіе Высочайшее утвержденіе 18 ноября того же года, и слѣдовательно служило отчасти подтвержденіемъ слуховъ, ходившихъ въ обществѣ о разногласіи между лицами, отъ которыхъ зависѣлъ ходъ дѣла и давало поводъ предполагать такіе мотивы подобнаго разногласія, которыхъ въ дѣйствительности не существовало. Изъ этого обстоятельства можно вывести положительное заключеніе, что шаткость принциповъ въ

административныхъ предпріятіяхъ вообще вредна, а по вопросамъ денежнымъ, въ которыхъ заинтересовано общество она вредна сугубо и что внимательно разсмотрѣнный и установленный порядокъ вещей долженъ быть измѣняемъ только въ томъ случаѣ, когда практика указала его неудобства, въ противномъ случаѣ всякое измѣненіе безъ основательныхъ мотивовъ вредитъ авторитету лицъ его вызвавшихъ. Въ настоящемъ случаѣ, мы видимъ, что не прошло еще и году какъ установленъ новый порядокъ образованія желѣзнодорожныхъ обществъ и первая попытка примѣнить этотъ порядокъ вызываетъ уже существенныя измѣненія въ немъ и при томъ не въ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія подобныхъ вопросовъ въ Комитетѣ Министровъ, а въ порядкѣ исключительномъ, по разсмотрѣніи дѣла въ финансовомъ комитетѣ.

Какъ бы то ни было, но результатъ былъ тотъ, что уставы новыхъ обществъ, утвержденные Комитетомъ Министровъ, были измѣнены въ существенныхъ своихъ частяхъ по опредѣленію финансоваго комитета и акціонеры получили абсолютную гарантію, состоящую въ томъ, что правительство отвѣчаетъ за слѣдующія имъ платежи прямо и непосредственно при всякомъ положеніи общества, т. е. освобождаетъ ихъ отъ всякой необходимости заботиться объ улучшеніи дѣла и отъ всякой отвѣтственности за дѣйствія избираемыхъ ими правленій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока дороги будутъ приносить чистый доходъ выше гарантированнаго. Въ прежнихъ обществахъ суммы слѣдующія по гарантіи, составляли собственность общества, кредиторы котораго, въ случаѣ несостоятельности общества, имѣли право на эти суммы и всякій дефицитъ по эксплуатаціи могъ быть вычитаемъ изъ нихъ. Акціонеры не имѣли никакого юридическаго права требовать отъ правительства дальнѣйшихъ пособій, и оно могло оказать его только въ томъ случаѣ, если по обстоятельствамъ дѣла находило это нужнымъ и возможнымъ. Въ новыхъ же обществахъ гарантія по акціямъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ покрывать дефицитовъ по эксплуатаціи и слѣдовательно правленія обществъ при безотвѣтственности своихъ акціонеровъ для покрытія своихъ дефицитовъ не имѣютъ другаго источника кромѣ средствъ правительства, скажемъ болѣе они имѣютъ полное юридическое право требовать этого покрытія, такъ какъ безотвѣтственность акціонеровъ установлена самимъ правительствомъ. Такое право правленій нельзя отрицать даже въ томъ случаѣ, еслибы причиной дефицитовъ явилась самая безумная расточи-

тельность правленій, полное непониманіе дѣла съ ихъ стороны и даже злоупотребленія. Мы утверждаемъ это на томъ основаніи, что частныя имущества членовъ правленія, по своей незначительности въ сравненіи съ расходами желѣзнодорожныхъ обществъ, не могутъ гарантировать правильность ихъ распоряженій, а дѣйствительные хозяева дѣла—акціонеры общества ни за что не отвѣчаютъ въ силу устава. Словомъ сказать, мы не можемъ себѣ представить ничего ненормальнѣе того порядка вещей, при которомъ хозяева дѣла освобождены отъ всякой за него отвѣтственности. Мы понимаемъ ограниченную отвѣтственность, даже доходящую до minimum'а при гарантіи извѣстнаго опредѣленнаго дохода, но рѣшительно не понимаемъ такого положенія дѣлъ, гдѣ эта гарантія изъята отъ всякой отвѣтственности за положеніе дѣлъ, гдѣ частное общество распоряжается всѣмъ дѣломъ, между тѣмъ какъ весь рискъ предпріятія и всѣ убытки отъ него лежатъ всецѣло на правительствѣ, а возможныя впослѣдствіи выгоды принадлежать ему не будутъ. Спрашивается для чего же здѣсь нужна эта фикція въ видѣ правленія избираемаго акціонерами, поглощающаго значительную часть доходовъ общества? Развѣ не могло бы правительство поручить управленіе дорогой тому же управляющему, котораго оно и нынѣ утверждаетъ, безъ всякаго посредничества правленій? Правительственный же контроль за дѣйствіями управляющаго стоилъ бы далеко не тѣхъ суммъ, въ какія обходится содержаніе правленій.

Въ виду всѣхъ подобныхъ соображеній, въ виду уничтоженія послѣдней тѣни отвѣтственности обществъ, мы спрашиваемъ для чего считается необходимымъ участіе частныхъ обществъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ? Считать такое участіе необходимымъ не значитъ ли указывать прямо на несостоятельность самой администраціи? Само собою разумѣется, что на этотъ послѣдній вопросъ нельзя дать никакого кромѣ утвердительнаго отвѣта, а въ такомъ случаѣ не будетъ ли такой отвѣтъ очень опаснымъ прецедентомъ для другихъ аналогическихъ вопросовъ. Если правительственная власть находитъ для себя невозможнымъ управленіе желѣзнодорожнымъ дѣломъ, то это очень легко можетъ повредить ея авторитету въ дѣлѣ государственнаго управленія, въ которомъ требуется гораздо болѣе и знаній, и умѣнья, и осторожности. Безъ всякаго сомнѣнія, техника желѣзнодорожнаго дѣла, не смотря на свою новизну, выработана гораздо лучше, чѣмъ техника государственнаго управленія именно вслѣдствіе слож-

ности и разнообразія вопросовъ относящихся къ послѣднему. На этомъ основаніи мы удивляемся тѣмъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые рѣшаются утверждать, что сооруженіе и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ за счетъ правительства невозможны.

Уставы новыхъ обществъ, измѣненные согласно постановленію финансоваго комитета 1 февраля 1874 года получили окончательное утвержденіе 22 февраля того же года, а подписка на акціи по распоряженію Министра Финансовъ производилась по Оренбургской и Фастовской дорогамъ 14, 15 и 16 марта, а по Уральской и Привислянской дорогамъ 12 и 13 апрѣля.

Условія подписки окончательно парализовали всякое значеніе правилъ 30 марта. Дѣло въ томъ, что главною цѣлію этихъ правилъ было устранить по возможности прежнихъ концессіонеровъ и банкировъ и привлечь къ дѣлу массу публики, т. е. имѣть дѣло не съ фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ акціонернымъ обществомъ. Мы не будемъ разбирать, на сколько образованіе такого общества могло улучшить дѣло и на сколько правила 30 марта могли достигать этой цѣли, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что принятый порядокъ подписки шелъ прямо въ разрѣзъ съ этой цѣлію и создавалъ полную возможность крупнымъ дѣльцамъ захватить въ свои руки если не всѣ, но наибольшее количество акцій. Для того, чтобъ дать возможность публикѣ съ успѣхомъ конкурировать съ крупными дѣльцами, было необходимо открыть подписку во всѣхъ значительныхъ городахъ и притомъ не въ однихъ учрежденіяхъ Государственнаго банка, но и въ частныхъ; скажемъ болѣе, — всего лучше бы открыть эту подписку въ особыхъ коммисіяхъ помимо кредитныхъ учрежденій, въ видахъ уничтоженія возможности спекуляціи на подобной подпискѣ; способъ же разверстки установить только тогда, когда будетъ въ виду результатъ подписки; выдачу же безъимянныхъ акцій отсрочить до окончательнаго сооруженія линій. При такихъ условіяхъ спекуляція, не будучи увѣрена въ возможности захватить большинство акцій, едва ли бы рѣшилась на такіе грандіозные взносы, какіе мы видѣли. Конечно, можетъ быть, что и при такихъ условіяхъ крупные капиталисты нашли бы возможность захватить въ свои руки большинство акцій, но, по крайней мѣрѣ, тогда можно было бы съ достовѣрностію утверждать, что правила 30 марта были безсильны установить новый порядокъ вещей въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ; теперь же этого ска-

зать нельзя, такъ какъ условія подписки были совершенно другія и создавали полную возможность раздувать подписку до громадныхъ цифръ, при которыхъ конкуренція публики не могла имѣть никакого значенія.

Подписка производилась исключительно Государственнымъ банкомъ и только въ Петербургѣ и Москвѣ, и при подпискѣ требовалось 10% подписной цѣны наличными деньгами. Никакія процентныя бумаги не принимались въ обезпеченіе этого задатка. Еслибъ, однакожъ, правило это соблюдалось, то и тогда мы бы не могли видѣть той вакханаліи, которая происходила при подпискѣ. Передъ самой подпиской Государственный Банкъ сталъ открывать кредиты по спеціальному текущему счету подъ всѣ возможныя бумаги, имѣвшія какую-либо цѣнность на биржѣ, съ условіемъ, что по этимъ кредитамъ могутъ быть отпускаемы суммы только на подписку, такъ, что подписка могла производиться чеками по курсу текущихъ счетовъ Государственнаго банка. Понятно, что при такомъ условіи въ наличныхъ деньгахъ, которыя были поставлены офиціально безусловною необходимостію, никакой надобности не было, а достаточно было имѣть процентныя бумаги. Само собою разумѣется, что этимъ удобствомъ могли воспользоваться только лица, имѣвшія спеціальные текущіе счоты въ Государственномъ Банкѣ и въ особенности дѣльцы и крупные банковые и желѣзно-дорожные дѣятели. Всѣ процентныя бумаги, которыя могли быть собраны не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но даже и въ другихъ городахъ, лежащихъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, были свезены въ Государственный Банкъ для усиленія средствъ подписки. За процентныя бумаги банки и банкиры платили отъ 4 до 5% только на время подписки впредь до разверстки. На это время, всѣ дѣла, всѣ расчеты, всѣ платежи пріостановились и все вниманіе сосредоточилось только на одной подпискѣ. Кредиты нѣкоторымъ лицамъ были открыты до 60 и болѣе милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ вся наличность Государственнаго банка не превышала 10 мил. рублей

Въ окончательномъ результатѣ оказалось только то, что нѣсколько лицъ, захватившіе большинство акцій раздѣлили между собою сооруженіе четырехъ дорогъ и отнесли свои издержки по подпискѣ на счетъ строительныхъ капиталовъ новыхъ обществъ. Этотъ примѣръ можетъ служить только доказательствомъ, какъ правильно исчислялись у насъ по разцѣночнымъ вѣдомостямъ необходимыя суммы для сооруженія. Мы имѣемъ основаніе ду-

мать, что подписка обошлась не въ одинъ милліонъ по каждой желѣзной дорогѣ и, если подобныя суммы жертвовались только на одну подписку, то какія же суммы оставались въ видѣ барышей строителямъ, между которыми шла такая страшная конкурренція для захвата дѣла въ свои руки. Наиболѣе оживленная борьба шла при подпискѣ на Привислянскую дорогу и значительная часть акцій не попала въ руки г. Кронеберга и потому здѣсь безконтрольное распоряженіе основнымъ капиталомъ было невозможно. Вслѣдствіе этого даже въ разцѣночной вѣдомости, составленной правленіемъ, мы видимъ предполагаемое сбереженіе въ размѣрѣ 1.775,165 рублей, которое оказывается конечно за покрытіемъ всѣхъ издержекъ.

Такимъ образомъ были парализованы правила 20 марта въ ихъ исполненіи и какъ будто доказана невозможность образованія дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ: обойдена была даже необходимость наличныхъ денегъ для взноса при подпискѣ и послѣдняя была раздута до крайнихъ предѣловъ, при которыхъ конкуренція публики разумѣется оказалась ничтожною.

Весьма печально, что люди, стоящіе довольно близко къ правительственнымъ сферамъ обвиняли во всей этой желѣзнодорожной неурядицѣ Министерство Путей Сообщенія, не подозрѣвая, что подобная азартная игра есть послѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ происходила подписка.

Упрекъ, который можетъ и долженъ быть сдѣланъ Министерству Путей Сообщенія по поводу этихъ четырехъ дорогъ состоитъ въ слишкомъ высокой поверстной ихъ цѣнѣ при условіи землянаго полотна въ одинъ путь, чрезвычайно выгодной реализаціи капитала и незначительномъ количествѣ подвижнаго состава. Поверстная стоимость этихъ дорогъ опредѣлена на металлическую валюту по Фастовской 37,211 руб., по Оренбургской 50,680 руб., а за вычетомъ стоимости сооруженія моста черезъ Волгу 45,946 руб.; по Привислянской 41,919 руб. и по Уральской 52,870 руб. При устройствѣ землянаго полотна въ одинъ путь и при стоимости реализація капитала въ 9% такія цѣны представляются громадными, тѣмъ болѣе что и количество подвижнаго состава, опредѣлено незначительное и на Уральской дорогѣ самое ничтожное. Только на Фастовской дорогѣ количество вагоновъ назначено по $3^1/_2$ вагона на версту, на Привислянской же и Оренбургской по $2^1/_3$ вагона, а на

Уральской всего по $1^1/_2$ вагона. Мы рѣшительно не понимаемъ, чѣмъ можно объяснить эту высокую оцѣнку, въ особенности въ виду уже бывшихъ примѣровъ, гораздо болѣе дешевой постройки, если не допустить предположенія, что этой оцѣнкой было желательно привлечь новыя силы для участія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Если это дѣйствительно было такъ, то мы можемъ сказать, что это было ошибкой, которая во многомъ содѣйствовала какъ разъ противуположнымъ послѣдствіямъ: высокая оцѣнка дала возможность крупнымъ капиталистамъ безъ особаго риска сдѣлать значительныя затраты съ цѣлію раздуть подписку до громадныхъ размѣровъ. Но само собою разумѣется, что безъ содѣйствія Государственнаго Банка такой результатъ былъ бы немыслимъ ни при какой высокой оцѣнкѣ.

Такъ окончилась первая попытка направить желѣзнодорожное дѣло на другой путь и вызвать къ жизни не фиктивныя, а дѣйствительныя желѣзнодорожныя общества. Неудача была полная, но не потому, что правила 30 марта были несостоятельны, а потому что способъ ихъ исполненія былъ употребленъ такой, при которомъ предположенная цѣль не могла быть достигнута: новыя общества попали въ руки прежнихъ концессіонеровъ и дѣло пошло по старой торной дорожкѣ.

Въ теченіи 1873 года были разрѣшены къ постройкѣ еще нѣсколько незначительныхъ дорогъ на прежнихъ основаніяхъ и безъ всякой поддержки со стороны правительства. Такихъ дорогъ четыре: Боровичская, Сестрорѣцкая, Риго-Тукумская и Муромская. Такъ какъ всѣ эти дороги составляютъ предпріятія частныхъ лицъ, то мы объ нихъ и говорить не будемъ. Замѣтимъ только, что послѣдняя дорога составляетъ начало дороги на Пензу, имѣющей очень важное экономическое значеніе, такъ какъ она соединила-бы хлѣбородную и лѣсную мѣстность съ промышленными уѣздами Владимірской губерніи и съ Иваново-Кинешемскою дорогой. По всей вѣроятности дорога эта вскорѣ будетъ внесена въ сѣть государственныхъ путей.

1873-мъ годомъ мы оканчиваемъ нашу исторію желѣзнодорожнаго дѣла, вопервыхъ, потому что съ того времени разрѣшалась постройка дорогъ и вѣтвей, имѣвшихъ только мѣстное значеніе. Исключеніе составляетъ только одна Донецкая дорога. Но и эта послѣдняя въ томъ видѣ какъ она выстроена не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія. Составляя часть южнаго магистральнаго пути отъ Волги къ Днѣпру она можетъ

имѣть интересъ въ нашихъ глазахъ только тогда, когда достигнетъ не только этихъ крайнихъ пунктовъ, но и получитъ выходъ къ Азовскому морю у Марьюполя; въ настоящемъ же видѣ она не можетъ имѣть большаго экономическаго значенія. Во вторыхъ, мы думаемъ, что съ постройкою всѣхъ разрѣшенныхъ линій мы вступили въ новую эру желѣзнодорожнаго дѣла, вслѣдствіе чего намъ необходимо осмотрѣться и строго взвѣсить: чего намъ въ этомъ отношеніи недостаетъ? При разрѣшеніи же этого вопроса въ виду неудачныхъ рѣшеній предыдущихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла намъ необходима особенная осторожность.

Въ заключеніе нашихъ статей по исторіи желѣзнодорожнаго дѣла мы считаемъ нужнымъ изложить нѣкоторые общіе выводы, вытекающіе изъ тѣхъ фактовъ, съ которыми мы познакомили читателей. Но для окончательной иллюстраціи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, необходимо представить, какъ результатъ, къ которому привела господствовавшая система, нѣкоторыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ финансовомъ положеніи желѣзнодорожныхъ обществъ. Съ этою цѣлію составлена нижеслѣдующая таблица, въ которой указаны основные капиталы желѣзнодорожныхъ обществъ и участіе въ нихъ правительства, а также долги обществъ правительству по выдачѣ гарантіи, по недоимкамъ въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ и по различнымъ ссудамъ на первое января 1879 года. Таблица эта составлена нами по даннымъ Сборника свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ съ тѣми поправками, которыя вызваны состоявшимися измѣненіями по вышеозначенное число, а долги обществъ показаны по отчету Государственнаго Контроля за 1878 годъ. Цифры показаны для единообразія въ кредитныхъ рубляхъ, при чемъ металлическій рубль принятъ въ 1 руб. 50 коп. кредитныхъ.

				Долги обществъ.					
Акціонерный капиталъ.		Облигаціонный капиталъ.		По гарантіи.		Недоимки по платежу % съ облигаціоннаго капитала.		По ссудамъ на разные предметы и оставшіеся въ долгу за матеріалъ.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
605,851,695	25	1,374,084,073	74	187,434,299	89	90,604,011	53	200,704,635	13
въ томъ числѣ принадлежитъ правительству		въ томъ числѣ принадлежитъ правительству		Всего . .		478,742,946 руб. 55 коп.			
79,834,294		994,390,940	74						
частнымъ лицамъ									
526,017,401	25								

Что касается цифры недоимокъ по платежу процентовъ съ облигаціоннаго капитала, то она представляется далеко ниже дѣй-

ствительной. Мы основываемъ это мнѣніе на томъ обстоятельствѣ, что способъ исчисленія этихъ суммъ, принятый Государственнымъ Контролемъ не выдерживаетъ критики. Начать съ того, что Государственный Контроль не принимаетъ въ расчетъ различія металлической и кредитной валюты и считаетъ всѣ суммы въ кредитныхъ рубляхъ, тогда какъ только нѣкоторая часть облигацій обществъ выпущена въ кредитной валютѣ и въ числѣ принадлежащихъ правительству имѣлось таковыхъ на сумму 3.746,857 р. 75 к. и кромѣ того въ теченіи 1878 г. къ этой суммѣ присоединилась еще сумма въ 4.800,000 руб. кредитныхъ, на которую увеличенъ облигаціонный капиталъ Грязе-Царицынской дороги для выкупа акцій Волго-Донской при соединеніи этихъ двухъ обществъ. За тѣмъ Государственный Контроль къ суммѣ оставшихся недоимокъ прежнихъ лѣтъ присоединяетъ не цифру слѣдовавшихъ отъ обществъ платежей по количеству облигаціоннаго капитала выданнаго обществамъ, а какую-то другую,— взятую неизвѣстно откуда. Такъ, на 1-е января 1878 года по приложенію къ отчету за 1877 годъ показанъ общій итогъ слѣдовавшихъ правительству отъ обществъ облигацій, (стр. 59 приложенія) 3.000,000 фунтовъ стерлинговъ, 491.025,657 р. 16 коп. металлическихъ и 3.746,857 руб. 75 к. кредитныхъ. Такимъ образомъ 5% и $^1/_{10}$% погашенія, слѣдовавшіе къ уплатѣ правительству съ вышеозначенной суммы за 1878 годъ составляютъ 25.998,558 р. 50 к. металлическихъ и 191,089 р. 48 к. кредитныхъ, а по переложеніи на кредитные рубли по 1 р. 50 к. за металлическій рубль 39.189,927 руб. 48 коп. Между тѣмъ по приложенію къ отчету за 1878 годъ (стр. 109) къ оставшейся отъ 1877 года недоимкѣ въ 74.013,261 руб. 68 коп. вновь причислено въ теченіи 1878 года не вышеозначенная сумма слѣдовавшихъ платежей, а только 19.140,287 р. 5 коп. кредитныхъ, что составитъ разницу болѣе чѣмъ въ 20.000,000 рублей. Наконецъ Государственный Контроль за вычетомъ изъ показанныхъ суммъ поступившихъ въ уплату 2.549,537 р. 20 коп. кредитныхъ выводитъ цифру недоимокъ оставшихся къ 1879 году въ суммѣ 90.604,011 р. 53 коп. кредитныхъ. Сумма поступившихъ платежей оказывается также не вѣрной, такъ какъ въ самомъ отчетѣ за 1878-й годъ по смѣтѣ доходовъ особенной канцеляріи по кредитной части по § 3 ст. 2-й этихъ доходовъ показано 10.624,181 р. 55 к., а не 2.549,537 руб. какъ значится въ вѣдомости. Мы гово-

римъ, что сумма, показанная государственнымъ контролемъ въ вѣдомости недоимокъ значится въ кредитныхъ рубляхъ на томъ основаніи, что цифры эти означены не курсивомъ, какъ это дѣлается въ другихъ вѣдомостяхъ для цифръ металлическихъ.— Подобный способъ изчисленія недоимокъ повторяется во всѣхъ предыдущихъ отчетахъ государственнаго контроля, и потому вся вѣдомость о недоимкахъ по принятымъ правительствомъ облигаціямъ желѣзнодорожныхъ обществъ невѣрна и, намъ бы казалось, что она подлежитъ повѣркѣ со счетами кредитной канцеляріи и желѣзнодорожныхъ обществъ. Если ошибка за одинъ годъ составляетъ 20 мил. руб., то мы имѣли полное право замѣтить выше, что цифра этихъ недоимокъ, показанная въ отчетѣ, далеко ниже дѣйствительной. Замѣтимъ при этомъ, что отчетъ государственнаго контроля по той внимательности, съ которой онъ составляется, пріучилъ уже и правительственныя учрежденія и публику относиться къ этому документу съ полнымъ довѣріемъ, а потому указанная нами ошибка требуетъ немедленнаго устраненія, тѣмъ болѣе, что цифра этихъ недоимокъ при предстоящемъ разрѣшеніи вопроса о нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ должна имѣть очень важное значеніе.

Конечно мы не имѣемъ возможности представить какія либо точныя данныя для исправленія этой ошибки, но можемъ сдѣлать попытку приблизиться отъ части къ дѣйствительной цифрѣ этихъ недоимокъ, принявши сумму остававшихся отъ 1877 года недоимокъ не въ кредитивахъ, а въ металлическихъ рубляхъ и присоединивши къ ней сумму слѣдовавшихъ платежей за 1878-й годъ. Такимъ образомъ мы получимъ по переложеніи въ кредитные рубли:

74.013.261 р. 68 к. метал. =	111.019.892 р. 52 к. кред.
процентовъ и погашенія за 1878 г.	39.189.927 „ 48 „ „
Итого . . .	150.209.820 руб. кредит.
А за вычетомъ изъ нихъ поступившихъ въ теченіи 1878 года.	10.624.181 руб. 55 коп.
Въ недоимкахъ къ 1879 году останется	139.585.638 руб. 45 коп.

Цифра эта, хотя и превышаетъ приведенную нами въ вѣдомости на 48.981.626 р. 92 к., будетъ во всякомъ случаѣ ниже дѣйствительной, такъ какъ ошибки исчисленія за прежніе

годы не могли быть нами вполнѣ исправлены по недостатку данныхъ. Прибавляя этотъ излишекъ къ общей суммѣ долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ получимъ цифру 527.724.573 руб. 47 коп., т. е. сумму превышающую на 1.707.172 р. 22 коп. номинальную цифру акціонернаго капитала принадлежащаго частнымъ акціонерамъ.

Но это еще далеко не все. Мы не имѣемъ прежде всего цифры, на которую увеличивались долги обществъ въ теченіи 1879 года и кромѣ того должны принять въ соображеніе, что существуютъ общества вовсе не состоящія въ долгу у правительства, а также такія, по которымъ доходность дорогъ вполнѣ обезпечиваетъ ихъ незначительный долгъ. Къ первымъ относятся Царскосельская, Варшаво-Вѣнская, Сестрорѣцкая, Рыбинско-Бологовская, Путиловская, Риго-Туккумская, Муромская, Курско-Кіевская и Боровицкая, акціонерный капиталъ которыхъ принадлежащій частнымъ лицамъ составляетъ по переложеніи въ кредитные рубли сумму 44.163.195 р. 50 коп.; ко вторымъ же относятся Московско-Рязанская и Московско-Курская, акціонерный капиталъ которыхъ составляетъ 28.264.000 руб. кредитныхъ, долги же правительству — 4.856.686 руб. 64 коп. Вычитая эти цифры какъ изъ суммъ акціонернаго капитала, такъ и изъ суммъ долга правительству, получимъ цифру акціонернаго капитала принадлежащаго частнымъ лицамъ 453.590.205 руб. 75 коп.; долги же правительству составятъ сумму въ 522.867.886 р. 83 коп. т. е. послѣдняя цифра превышаетъ первую на 69.277.681 р. 8 коп. Но такъ какъ реализація акцій производилась далеко не по номинальной ихъ стоимости, а лишь за 70—80%, то изъ акціонернаго капитала придется скинуть еще добрые 100 мил. руб. и тогда окажется, что у гг. акціонеровъ не имѣется обезпеченія и на 2/3 рубля правительственнаго долга, не говоря уже о суммѣ облигаціоннаго капитала.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ нельзя отрицать, что существующая у насъ система желѣзнодорожнаго хозяйства оказалась вполнѣ несостоятельною и что наступило время для совершеннаго ея измѣненія, тѣмъ болѣе, что не смотря на сильное возрастаніе валоваго сбора на желѣзныхъ дорогахъ, чистый ихъ доходъ не увеличивается, такъ какъ расходы обществъ возрастаютъ, если не въ большемъ то никакъ не въ меньшемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, приплаты правительства не умень-

таются, а долги желѣзнодорожныхъ обществъ должны возростать постоянно. Сохранять подобный порядокъ вещей, — это значитъ затруднять все болѣе и болѣе переходъ къ новой, болѣе раціональной системѣ желѣзнодорожнаго хозяйства.

Обращаясь затѣмъ къ окончательнымъ выводамъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплуатація суть удовлетвореніе одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей государственной жизни и по количеству необходимыхъ затратъ должны сохранить за собою монопольный характеръ. Если же для удовлетворенія какой-либо общественной потребности нельзя вызвать свободнаго соперничества, которое бы могло гарантировать интересы частныхъ лицъ и правительства, то ясно, что удовлетвореніе подобной потребности не можетъ быть предоставлено частной предпріимчивости, а напротивъ должно составлять необходимую функцію правительства.

Но не смотря на это соображеніе, у насъ обыкновенно выражаютъ мнѣніе, что желѣзнодорожное дѣло въ рукахъ правительственныхъ агентовъ приняло бы еще болѣе невыгодный оборотъ. Мы однакожъ этого не думаемъ. Разсматривая исторію постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мы постоянно встрѣчались съ вопіющими фактами, и хотя не можемъ не согласиться, что всѣ эти факты возможны были только потому, что ихъ допускали различные агенты администраціи вслѣдствіе своей безотвѣтственности, но трудно себѣ представить, чтобы лица подлежащія контролю и дѣйствительной служебной отвѣтственности могли позволять себѣ такой образъ дѣйствій, который возможенъ только со стороны лицъ, заслоняющихъ себя анонимными и притомъ фиктивными обществами. Мы думаемъ, что неудобства казеннаго хозяйства возникаютъ потому, что у насъ лица дѣйствительно завѣдующія дѣломъ пользуются слишкомъ малымъ довѣріемъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны руководиться разрѣшеніями начальства, которое не находясь на мѣстѣ не имѣетъ возможности ни оцѣнить по достоинству всѣхъ обстоятельствъ даннаго мѣропріятія, ни принять своевременныхъ мѣръ въ случаяхъ экстренныхъ и непредвидѣнныхъ, а между тѣмъ у людей управляющихъ дѣломъ связаны руки не только излишней регламентаціей вообще, но и необходимостію имѣть въ данномъ случаѣ спеціальныя указанія начальства. Само собою

разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей лицо управляющее дѣломъ не можетъ нести на себѣ никакой отвѣтственности, такъ какъ оно всегда имѣетъ возможность заслонить себя ссылкою на распоряженіе начальства, обвинять которое, въ виду сложности нашего дѣлопроизводства и канцелярскаго отношенія къ дѣлу едва ли возможно и согласно съ справедливостію. На дѣлѣ, выходитъ, что при несомнѣнныхъ безпорядкахъ и даже злоупотребленіяхъ, виновныхъ вовсе не оказывается, въ особенности при той снисходительности, которая такъ обычна въ нашей практикѣ. Кромѣ того въ нашихъ порядкахъ казеннаго хозяйства есть еще одно неудобство, а именно: у насъ для завѣдыванія сколько нибудь значительнымъ дѣломъ требуется извѣстное положеніе въ служебной іерархіи, т. е. извѣстный чинъ, а на способности и умѣнье взяться за хозяйственное дѣло обращается мало вниманія. Ко всему этому надо прибавить, что считается положительно необходимымъ ставить техниковъ во главѣ дѣла, тогда какъ техническое образованіе, по самой своей спеціальности, значительно съуживаетъ взглядъ человѣка и заставляетъ его сосредоточивать все свое вниманіе на вопросахъ техническихъ и очень мало заботиться объ административной и экономической сторонѣ дѣла. Если частная предпріимчивость имѣла нѣсколько большій успѣхъ въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, чѣмъ казенное хозяйство, то это именно потому что, при концессіонномъ способѣ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, во главѣ дѣла стояли не техники, а люди знакомые съ условіями практическаго хозяйства. Намъ кажется, что для успѣха дѣла необходимо помнить, что техника должна быть только орудіемъ въ рукахъ администраціи и не можетъ стать на ея мѣсто безъ значительнаго вреда дѣлу не только въ экономическомъ отношеніи, но даже и въ техническомъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если принять въ соображеніе, что техника еще на долго останется искусствомъ и, если заслуженные техники будутъ оставаться во главѣ дѣла, то успѣхъ его очень сомнителенъ. Въ глазахъ этихъ людей, даже при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, ихъ личное мнѣніе будетъ всегда имѣть перевѣсъ и усилія молодыхъ талантовъ будутъ оставаться безъ всякихъ послѣдствій. Все это подтверждается практикой нашего казеннаго хозяйства, какъ желѣзнодорожнаго, такъ и горнаго.

Разсматривая такимъ образомъ условія казеннаго хозяйства, мы должны замѣтить, что всѣ эти порядки могутъ быть очень

легко измѣнены отъ A — Z, не имѣютъ въ себѣ ничего безусловно необходимаго и даже не требуютъ никакихъ особыхъ реформъ въ нашей администраціи. Стоитъ только во главѣ дѣла ставить не техниковъ, а просто людей образованныхъ и знакомыхъ съ хозяйственною практикою, не связывая ихъ особой регламентаціей, предоставить имъ полную свободу дѣйствій, какъ по управленію дѣломъ, такъ и по выбору техниковъ и прочихъ служащихъ, а главное заинтересовать ихъ въ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ слѣдуетъ подчинить строгому и гласному, не только административному, но и общественному контролю, съ полною отвѣтственностію за безпорядки, злоупотребленія и даже за неумѣлость и нехозяйственность. Само собою разумѣется, что отвѣтственность въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть ограничена только удаленіемъ отъ дѣлъ. Если таковы будутъ основанія казеннаго хозяйства, то можно смѣло ожидать полнаго успѣха и прекращенія эксплуатаціи интересовъ государственнаго казначейства желѣзнодорожными обществами. Исчезновеніе громадныхъ окладовъ, которыми пользуются гг. желѣзнодорожные дѣятели и синекуры, раздаваемыя разнымъ лицамъ за мнимое участіе ихъ въ управленіи, невозможно при настоящемъ порядкѣ вещей. Частныя общества, конкурирующія въ привлеченіи знающихъ людей, не могутъ этого сдѣлать и должны платить громадные оклады изъ опасенія потерять дѣльныхъ и опытныхъ людей, но разъ всѣ дороги будутъ въ вѣдѣніи правительства, тогда вопросъ будетъ стоять совершенно иначе и не будетъ никакой надобности выплачивать министерскіе оклады управляющимъ, хотя дорога, состоящая въ ихъ вѣдѣніи не приноситъ никакого дохода. Главное, можно было бы упразднить всѣ или почти всѣ расходы на содержаніе правленій съ ихъ канцеляріями, которыя обходятся чуть не въ 10 милліоновъ рублей.

Намъ могутъ возразить, что такая мѣра немыслима въ виду долгосрочныхъ договоровъ заключенныхъ съ обществами желѣзныхъ дорогъ. Но такое возраженіе можетъ быть только слѣдствіемъ незнакомства съ дѣломъ. Мы видѣли выше какъ велика задолженность обществъ правительству и это происходитъ потому, что громадное большинство желѣзныхъ дорогъ не въ состояніи выполнять своихъ обязательствъ передъ правительствомъ безъ его содѣйствія. Стоитъ только потребовать отъ обществъ буквальнаго исполненія ихъ обязательствъ и отказать въ дальнѣйшемъ содѣйствіи и они по необходимости должны будутъ

согласиться па уступку ихъ линій правительству на тѣхъ условіяхъ, которыя послѣднее предложитъ.

Мы видѣли напримѣръ (въ третьей статьѣ) въ какомъ положеніи находится Главное Общество по сдѣланнымъ имъ затратамъ доходовъ николаевской дороги, вслѣдствіе чего отобраніе этой дороги отъ Главнаго Общества представляется неизбѣжнымъ. Въ виду необходимости уплатить правительству въ настоящее время по меньшей мѣрѣ 25 мил. рублей наличными деньгами, ликвидація дѣлъ Главнаго Общества не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій; стоитъ только замѣнить акціи этого общества облигаціями. Выкупу Рязанской желѣзной дороги наступилъ уже срокъ; нѣкоторымъ другимъ дорогамъ срокъ этотъ наступаетъ очень скоро. Большинство же обществъ поспѣшатъ воспользоваться всякимъ предложеніемъ правительства, если только руководители ихъ будутъ убѣждены, что не получатъ невыговореннаго въ уставахъ содѣйствія правительства къ выполненію принятыхъ ими на себя обязательствъ. Еслибы даже двѣ или три дороги нашли возможность обойтись безъ помощи правительства, то конечно это не повредило бы нисколько дѣлу, а напротивъ заставило бы эти общества вести дѣло въ полномъ порядкѣ и конкуренція немногихъ частныхъ линій съ правительственными дорогами можетъ быть только выгодна для казны.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, а также и того обстоятельства, что неурядица нашего желѣзнодорожнаго дѣла признана не только обществомъ, но и правительствомъ – вслѣдствіе чего учреждена особая коммисія для изслѣдованія этого дѣла, мы думаемъ, что передача нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе правительства представляется единственнымъ средствомъ къ раціональному ихъ устройству и что операція эта можетъ совершиться очень легко. Если вопросъ этотъ возникаетъ въ Германіи, Италіи и даже въ Англіи, въ которыхъ частные капиталы, затраченные въ это дѣло представляютъ громадныя цифры, то у насъ подобная операція можетъ совершиться очень легко, въ виду ничтожной цифры средствъ подлежащихъ возмѣщенію частнымъ лицамъ.

Но есть и другія соображенія, приводящія къ тому же выводу о необходимости выкупа желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего наводятъ насъ на эти соображенія, постоянно возрастающія цифры валоваго сбора, при чемъ однакожъ приплаты по гарантіи и недоимки процентовъ по облигаціонному капиталу не уменьша-

ются и задолженность обществъ правительству, какъ мы видѣли, сильно возрастаетъ. Вотъ цифры валоваго сбора на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ за шестилѣтіе съ 1873 по 1878 годъ включительно:

1873	годъ	123.865,139 руб.	1876	годъ	147.680,041 руб.
1874	„	141.832,015 „	1877	„	193.543,161 „
1875	„	142.407,859 „	1878	„	218.280,050 „

Сравнивая послѣднюю цифру валоваго дохода съ первой, мы видимъ, что валовой сборъ цѣлой сѣти за пять лѣтъ возвысился на 76%, а между тѣмъ это нисколько не уменьшило ежегодныхъ пожертвованій государственнаго казначейства. Такое явленіе не есть только слѣдствіе расширенія сѣти, такъ какъ и по расчету на версту пути доходность желѣзныхъ дорогъ возросла значительно; такъ, въ 1873 году всего валоваго сбора на версту дороги приходилось 8.810 р., а въ 1878 году 11.053 руб., слѣдовательно и при такомъ расчетѣ оказывается возвышеніе доходности дорогъ на 25% безъ всякаго облегченія для правительства.

Въ виду этихъ обстоятельствъ невольно напрашивается вопросъ: возможно ли улучшеніе финансоваго положенія обществъ въ будущемъ? Цифра 1879 года уже наводитъ на насъ нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ она за 11 мѣсяцевъ даетъ пониженіе валоваго сбора на 7,4 милліоновъ руб., слѣдовательно дальнѣйшее возвышеніе доходности остановилось. Но кромѣ того есть многія весьма вѣскія соображенія, которыя заставляютъ отвѣчать отрицательно на поставленный вопросъ. Возрастаніе доходности 1878 года объясняется не только громаднымъ отпускомъ нашего хлѣба, но и движеніемъ воинскихъ поѣздовъ при возвращеніи арміи съ балканскаго полуострова и не смотря на такой же громадный отпускъ хлѣбныхъ грузовъ за границу въ 1879 году валовой доходъ этого года уменьшился въ сравненіи съ 1878 годомъ, такъ что этотъ годъ не можетъ считаться нормальнымъ и слѣдовательно нельзя ожидать увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ въ близкомъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что заграничное требованіе нашего хлѣба въ эти два года является послѣдствіемъ упадка вексельнаго курса и сбытъ нашихъ произведеній по расчету на звонкую монету представляется въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Онъ былъ возможенъ въ такихъ размѣрахъ только до тѣхъ поръ, пока цѣнность кредитнаго рубля

не понизилась на нашемъ внутреннемъ рынкѣ и цѣны на наши произведенія не повысились соразмѣрно паденію нашей валюты. Но разъ этотъ круговоротъ совершится, движеніе хлѣбныхъ грузовъ, а слѣдовательно и доходность нашихъ дорогъ должны понизиться, такъ какъ всѣмъ извѣстно и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что доходность дорогъ зависитъ исключительно отъ перевозки хлѣбныхъ грузовъ. Ожидать увеличенія другихъ грузовъ на желѣзныхъ дорогахъ въ ближайшемъ будущемъ также нельзя, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы у насъ создавались и развивались другіе роды и виды производства, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ это могло значительно повліять на увеличеніе доходности желѣзныхъ дорогъ. Отсюда уже прямой выводъ, что ожидать значительнаго увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ, а слѣдовательно и улучшенія ихъ финансоваго положенія рѣшительно невозможно, напротивъ того паденіе нашей валюты и вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ потребностей должны возвысить цифру расходовъ желѣзнодорожныхъ обществъ и поставить ихъ еще въ худшее положеніе.

Но это еще не все. Мы позволимъ себѣ поставить этотъ вопросъ еще въ другомъ видѣ: при настоящемъ положеніи нашей земледѣльческой промышленности желательно ли дальнѣйшее увеличеніе отпуска нашихъ хлѣбныхъ грузовъ за границу и слѣдовательно связанное съ нимъ увеличеніе доходности нашихъ желѣзныхъ дорогъ? При внимательномъ разсмотрѣніи этого вопроса, мы не должны терять изъ вида двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, что не вся Россія продаетъ хлѣбъ и добрая ея половина покупаетъ его и что всякое возвышеніе цѣнъ, порождаемое усиленіемъ заграничнаго отпуска, если приноситъ выгоду людямъ производящимъ хлѣбъ для сбыта, то разоряетъ тѣхъ, которые его покупаютъ для своего потребленія. *Обстоятельство это имѣетъ громадное значеніе для всей сѣверной полосы Россіи, тѣмъ болѣе, что эта полоса Россіи находится въ менѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ.* Мы обращаемъ на это обстоятельство серьезное вниманіе людей мыслящихъ и убѣждены въ томъ, что польза усиленнаго отпуска нашего хлѣба — очень сомнительна. А во вторыхъ, наше отечество весьма обширно и чрезвычайно разнообразно по своимъ атмосферическимъ и климатическимъ условіямъ; мѣстности, производящія у насъ хлѣбъ для сбыта, подвергаются періодическимъ неурожаямъ то тамъ, то здѣсь и наше хозяйство ведется самымъ

первобытнымъ способомъ безъ всякаго содѣйствія культурныхъ пріемовъ и зависитъ всецѣло отъ атмосферическихъ вліяній. При такихъ условіяхъ и при данномъ направленіи желѣзныхъ дорогъ весьма естественно установляются пріемы и обычаи торговли, при которыхъ всѣ избытки данной мѣстности быстро скупаются и отправляются къ портовымъ городамъ, даже прежде, чѣмъ опредѣлится потребность въ продовольствіи населенія тѣхъ мѣстностей, которыя или постоянно въ немъ нуждаются или застигнуты неурожаемъ. На этомъ основаніи, прямымъ послѣдствіемъ такихъ условій будетъ удовлетвореніе заграничнаго спроса, между тѣмъ какъ продовольствіе нѣкоторыхъ мѣстностей останется не обезпеченнымъ и потребуетъ значительныхъ жертвъ со стороны государства. Къ тому же бѣдность нашего сельскаго населенія не допускаетъ возможности имѣть значительные запасы и высокія цѣны, обусловленныя значительнымъ вывозомъ хлѣбныхъ продуктовъ, могутъ вызвать громадныя затрудненія, а иногда и чистое бѣдствіе. Нѣчто подобное явилось вслѣдствіе мѣстныхъ неурожаевъ въ 1879 года. Въ нижнемъ поволжьи и въ Ставропольской губерніи встрѣчается большое затрудненіе въ продовольствіи мѣстнаго населенія, тогда какъ въ октябрѣ и ноябрѣ изъ Ростова и Таганрога вывозился хлѣбъ за границу огромными партіями. И это не смотря на то, что оба эти города соединены рельсовымъ путемъ съ Ставропольской губерніей. Подобныя послѣдствія оказались въ слѣдъ за усиленнымъ отпускомъ хлѣба въ теченіи 1878 и 1879 годовъ. Чего же можно ожидать, если подобный порядокъ вещей продолжится и нашъ отпускъ заграницу будетъ усиливаться? Если отпускъ 40.000.000 четвертей уже вызываетъ нѣкоторыя затрудненія въ продовольствіи самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей, то сколько нибудь значительное усиленіе нашего отпуска, о которомъ у насъ такъ много заботятся, будетъ отзываться постоянными голодовками то въ одной, то въ другой мѣстности, между тѣмъ какъ средства для быстраго подвоза предметовъ продовольствія не существуютъ: наши желѣзныя дороги имѣли въ виду болѣе всего содѣйствовать сбыту нашихъ произведеній на заграничные рынки, потребности же внутренней торговли были совершенно на второмъ планѣ и удовлетвореніе этой потребности становилось только естественнымъ послѣдствіемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, а вовсе не было цѣлью ихъ сооруженія и въ этомъ состоитъ ихъ существенный недостатокъ.

Намъ могутъ сдѣлать возраженіе указавъ на С. Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ, отчасти, существовали тѣ же тенденціи при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, но дѣло въ томъ, что сравнивать Америку съ нашимъ отечествомъ, не принимая въ соображеніе громадной разницы существующей между двумя странами, было бы очень ошибочно. Начать съ того, что естественныя условія производительности въ Америкѣ гораздо выгоднѣе нашихъ, какъ по богатству почвы, такъ и по климатическимъ и географическимъ условіямъ; за тѣмъ С. Американскіе штаты не несутъ тѣхъ непроизводительныхъ расходовъ, на которые обречена Россія, вслѣдствіе ея принадлежности къ семейству европейскихъ великихъ державъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы; наконецъ Америка богата капиталами, которыхъ у нея достаетъ не только для сооруженія такихъ линій, которыми вызывается сбытъ внутреннихъ произведеній на заграничные рынки, но и для развѣтвленія всей сѣти желѣзныхъ дорогъ съ цѣлію удовлетворенія потребностей внутренняго передвиженія грузовъ; мало этого, постоянное накопленіе капиталовъ въ Америкѣ, такъ велико, что не смотря на усиленную постройку желѣзныхъ дорогъ, ихъ доставало на паралельное развитіе всѣхъ отраслей производства, которыя въ свою очередь давали все новую и новую работу желѣзнымъ дорогамъ. Потребность въ этихъ путяхъ въ Америкѣ и средства къ удовлетворенію этой потребности здѣсь такъ велики, что въ настоящемъ году предположено соорудить громадное ихъ количество, если не ошибаемся, то чуть ли не 15.000 верстъ. Всѣ англійскіе заводы завалены заказами для вновь проектированныхъ тамъ линій, такъ, что цѣна на рельсы въ Англіи въ нѣсколько мѣсяцевъ поднялась съ 6 на 14 фунт. стерлинговъ за тонну и американцы такъ спѣшатъ этимъ сооруженіемъ, что ихъ нисколько не пугаютъ подобныя цѣны. Ничего сколько нибудь похожаго на подобныя явленія въ экономической сферѣ, мы и представить себѣ не можемъ въ нашемъ отечествѣ, которое должно искать капиталовъ на заграничныхъ рынкахъ, на всякое сколько нибудь значительное предпріятіе. На этомъ основаніи всякая паралель проводимая между Америкой и нашимъ отечествомъ можетъ возбудить только улыбку и не можетъ быть признана какимъ либо серьезнымъ возраженіемъ противъ высказанныхъ нами мыслей.

Другой существенный недостатокъ системы сооруженія нашихъ желѣзныхъ дорогъ состоялъ въ той поспѣшности, съ ко-

торою шло ихъ сооруженіе безъ существенной въ нихъ надобности, безъ серьезно обдуманнаго плана и безъ правильной оцѣнки дѣйствительныхъ нуждъ промышленности. Пути сообщенія представляютъ только средства и при томъ далеко не главныя для развитія промышленности и какъ таковыя не должны были заслонять собой развитія самой промышленности, самыхъ первыхъ и главныхъ условій ея возникновенія. У насъ дѣло шло какъ разъ на оборотъ: все наше вниманіе было обращено только на сооруженіе желѣзныхъ путей и на развитіе служебныхъ для нихъ производствъ, какъ будто только этого и не доставало нашей промышленности. Мы думали что богатство нашей почвы и ея производительность громадны, что создать искуственные пути сообщенія значитъ обогатить Россію. Печальная иллюзія! И вотъ мы выстроили дороги, а возить имъ нечего и онѣ, за очень ничтожнымъ исключеніемъ, пришли въ совершенную несостоятельность.

Дѣло въ томъ, что главнымъ и первымъ условіемъ возникновенія промышленности есть возникновеніе спроса на произведенія чужаго труда въ массѣ населенія, а не въ той незначительной части его, которую составляли достаточные классы русскаго общества, спросъ которыхъ былъ слишкомъ ограниченъ для того чтобы служить основаніемъ для возникновенія и развитія самостоятельнаго производства, тѣмъ болѣе, что спросъ нашихъ достаточныхъ классовъ обращался на такіе предметы, производство которыхъ было развито въ другихъ европейскихъ государствахъ. Соперничество же съ ними по дороговизнѣ капиталовъ на нашемъ рынкѣ и по отсутствію знаній и умѣнья было для насъ просто немыслимо. Мы убѣждены въ томъ, что никакое прочное возникновеніе промышленности въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, невозможно въ народѣ, девять десятыхъ котораго поставлено въ необходимость всѣ, или почти всѣ свои потребности удовлетворять своимъ собственнымъ трудомъ и не имѣетъ возможности оплачивать произведенія чужаго труда. Слѣдовательно извѣстная степень благосостоянія народныхъ массъ есть первое и главное условіе будущаго развитія промышленности.

Конечно крестьянская реформа была первымъ и главнымъ двигателемъ для достиженія этой цѣли, но необходимо было принять во вниманіе, что мы едва выходили изъ крѣпостной зависимости и что нужно было время, чтобы послѣдствія упраздненія крѣпостнаго права отразились на развитіи народнаго благосо-

стоянія. Въ этихъ видахъ слѣдовало бы по возможности не только не увеличивать податныя тягости народа, а уменьшить ихъ болѣе правильнымъ распредѣленіемъ налоговъ. Тогда всякая копейка, оставшаяся въ рукахъ рабочаго человѣка, была бы обращена на поощреніе и развитіе тѣхъ видовъ производства, въ которыхъ нуждалась бы масса населенія и тогда создалась бы возможность возникновенія тѣхъ видовъ промышленности, на продукты которыхъ существовалъ бы внутренній спросъ и развитіе которыхъ не испугалось бы заграничной конкуренціи. Къ сожалѣнію ничего этого не случилось, а напротивъ податныя тягости съ первыхъ же дней освобожденія крестьянъ стали возрастать и въ значительной степени поглотили результаты упраздненія крѣпостнаго права, а за тѣмъ усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, увеличивая бюджетныя траты возвышала податныя тягости и хотя постройка эта давала народу достаточный заработокъ, но этимъ она только доставляла временную возможность оплачивать все болѣе и болѣе возраставшій бюджетъ. Что же касается такихъ видовъ производства, которые создавали бы народу постоянный заработокъ, то они возникали въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и не могли возвышать заработанную плату въ той мѣрѣ, какъ возвышался бюджетъ.

Другимъ существеннымъ факторомъ развитія производства служитъ капиталъ какъ въ формѣ знанія и умѣнья, такъ и въ матеріальныхъ средствахъ и орудіяхъ производства: ни того ни другаго у насъ не существовало, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ, которые требовались для развитія нашихъ производительныхъ силъ. На этомъ основаніи прежде, нежели приступать къ усиленному устройству дорого стоющихъ путей сообщенія для перевозки будущихъ продуктовъ нашего производства, слѣдовало бы по возможности облегчить доступъ капиталовъ на наши рынки. Что касается пріобрѣтенія знаній и умѣнья, то конечно для этого нужно время и въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано кое что, но для того, чтобъ привлечь капиталы матеріальные не для спекуляціи только, а для прочнаго помѣщенія въ странѣ, то для этого не сдѣлано ровно ничего. Извѣстно, что капиталъ имѣетъ характеръ чисто космополитическій и стремится туда, гдѣ онъ приноситъ высшій процентъ. Нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ только Европейской Турціи, капиталъ не приноситъ такого высокаго процента, какъ въ нашемъ отечествѣ, а между тѣмъ заграничные капиталы какъ то плохо идутъ въ

наше отечество и не иначе, какъ подъ гарантію правительства. Если и бывали примѣры помѣщенія нашихъ бумагъ безъ гарантіи, то это на условіяхъ весьма невыгодныхъ. Такое положеніе дѣлъ обусловливается исключительно малымъ довѣріемъ заграничныхъ капиталистовъ къ прочности нашего положенія дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что положеніе нашей промышленности, вслѣдствіе неустойчивости правилъ ея регулирующихъ, дѣлается чрезвычайно шаткимъ, одно отсутствіе прочной денежной валюты можетъ повлечь за собой значительныя потери, расчитать которыя положительно невозможно. Со времени крымской войны, разстроившей наше денежное обращеніе, прошло болѣе 20 лѣтъ, но мы за этотъ періодъ времени не только не могли возстановить цѣнности нашего кредитнаго рубля, не смотря на всѣ весьма благопріятныя условія, но нашъ кредитный рубль съ новой войной понизился еще на 30%, а всякое пониженіе ведетъ къ массѣ потерь, которыхъ въ настоящее время и предусмотрѣть невозможно. Мудрено ли, что заграничный капиталистъ, довольствуясь 3% въ англійской рентѣ, не желаетъ помѣщать свои капиталы на нашемъ рынкѣ съ перспективой получать даже 10%? Цѣлость капитала для солиднаго капиталиста важнѣе, чѣмъ значительный доходъ. Привлеченіе на нашъ рынокъ заграничныхъ капиталовъ посредствомъ займовъ и выпускомъ гарантированныхъ бумагъ нисколько не оживляютъ нашего производства, такъ какъ эти капиталы. гарантированные правительствомъ затрачены на желѣзныя дороги неприносящія дохода. Такой порядокъ вещей, вызванный преимущественно усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ, создалъ у насъ биржевой рынокъ и биржевую игру, которая въ свою очередь отвлекла значительную массу капиталовъ отъ производительнаго употребленія и сосредоточила ихъ исключительно на торговлѣ бумагами; производительная же промышленность по прежнему остается безъ капиталовъ. Если и создаются какіе либо производства, то только совершенно искуственнымъ способомъ подъ покровительствомъ почти запретительнаго таможеннаго тарифа и съ выдачею субсидій и премій на счетъ государственнаго бюджета, т. е. въ чистый убытокъ для народнаго хозяйства. Вмѣсто того, чтобъ удовлетворять какой либо народной потребности наиболѣе дешевымъ способомъ, пріобрѣтая предметы этихъ потребностей за границею, мы затрачиваемъ во первыхъ дорого стоющіе капиталы на устройство заводовъ, а за тѣмъ употребляемъ на производство

этихъ предметовъ гораздо большія суммы, чѣмъ нужно, и тѣмъ препятствуемъ накопленію сбереженій, которыя могли бы служить съ пользою для развитія прoмышленности, т. е. мѣшаемъ кореннымъ условіямъ развитія нашей производительности.

При такихъ условіяхъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на сооруженіи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ съ исключительной цѣлію вывоза заграницу нашихъ внутреннихъ произведеній, которыхъ однакожъ не оказалось въ достаточномъ количествѣ на лицо, мы не имѣли уже возможности паралельно съ этимъ развивать и наше производство настолько, чтобъ доставить работу желѣзнымъ дорогамъ, которыя поэтому сдѣлались у насъ не средствомъ развитія промышленности, а тормазомъ для нея, поглощая оборотные капиталы страны и обращая ихъ въ основные.

Частные банки, какъ коммерческіе, такъ и поземельные, не только не пополняли этого поглощенія, но въ свою очередь извлекали оборотныя средства страны, такъ какъ капиталы пріобрѣтенные ими черпались въ значительной степени на внутреннемъ рынкѣ и направлялись исключительно на биржевую игру или на постройку зданій въ столицахъ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Даже ссуды нашихъ поземельныхъ банковъ не коснулись тѣхъ имѣній, подъ залогъ которыхъ они взяты и наше сельское хозяйство по прежнему ведется допотопнымъ способомъ, хотя цифры этихъ ссудъ указываютъ, что недостатка въ средствахъ къ улучшенію не было. Къ сожалѣнію, между нашими землевладѣльцами существуетъ мнѣніе, что затрачивать капиталы на раціональное хозяйство не выгодно и это мнѣніе, въ виду возбужденнаго и поддерживаемаго всѣми банками ажіотажа, имѣетъ основаніе: игра бумагами даетъ большія выгоды, хотя и влечетъ за собой не рѣдко полное раззореніе.

Но, оставляя всѣ подобныя соображенія въ сторонѣ и разсматривая нынѣ существующую сѣть желѣзныхъ дорогъ въ тѣхъ видахъ, въ которыхъ она сооружалась, мы позволимъ себѣ предложить вопросъ, соотвѣтствуетъ ли она экономическимъ интересамъ страны?

Здѣсь прежде всего выступаетъ вопросъ о выгодности денежныхъ условій сооруженія. Но, изучая исторію сооруженія, мы не разъ видѣли, что дороги намъ обошлись крайне дорого и что акціонерный капиталъ обществъ, составлявшій $^1/_3$ или $^1/_4$ основнаго капитала составлялъ чистый барышъ строителей и что удешевленіе поверстной стоимости въ послѣднее время

зависѣло преимущественно не отъ удешевленія разцѣнки работъ и поставокъ, и отъ ухудшенія техническихъ условій сооруженія и различныхъ послабленій строителямъ. Такъ, на нѣкоторыхъ линіяхъ устройство земляного полотна и мостовъ допущено въ одинъ путь, хотя извѣстно, что послѣдующая присыпка полотна никогда не будетъ имѣть правильнаго сцѣпленія съ прежней насыпью; разрѣшались продольные уклоны въ 0,010 и даже 0,012; радіусъ кривыхъ допускался менѣе 300 саженъ; линіи прокладывались преимущественно по водораздѣламъ, вслѣдствіе чего уменьшалось количество земляныхъ работъ, но удлинялось протяженіе дорогъ и затруднялась возможность водоснабженія при увеличеніи движенія. Кромѣ того, уменьшалось количество станціонныхъ сооруженій, разъѣздныхъ путей и подвижнаго состава, что вызвало послѣдующее увеличеніе облигаціоннаго капитала; за тѣмъ дозволялось быстрое и слѣдовательно непрочное сооруженіе дорогъ и открытіе движенія при значительныхъ недодѣлкахъ, вслѣдствіе чего окончаніе ихъ производилось не на счетъ строительнаго капитала, а на счетъ эксплуатаціи. На этомъ основаніи и въ виду благопріятныхъ условій устройства желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ отечествѣ на совершенно ровной и плоской мѣстности, мы положительно утверждаемъ, что *наши желѣзныя дороги обошлись намъ крайне дорого.*

Намъ могутъ возразить, что стоимость сооруженія у насъ обусловливалась дороговизной реализаціи капиталовъ; но на это мы можемъ замѣтить только то, что при такомъ положеніи прежде всего слѣдовало-бы принять мѣры къ упроченію нашего кредита и тѣмъ понизить стоимость реализаціи капитала, чѣмъ спѣшить сооруженіемъ дорого стоющихъ желѣзныхъ дорогъ, во многихъ случаяхъ оказавшихся вовсе ненужными.

Въ ряду другихъ экономическихъ условій, которымъ призваны удовлетворить желѣзныя дороги, мы разумѣется должны намѣтить наиболѣе общія, которыя отвѣчаютъ интересамъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Такіе общіе признаки мы должны искать прежде всего въ географическомъ положеніи нашего отечества и въ характерѣ нашего настоящаго производства, не задаваясь конечно нисколько различными предположеніями: чѣмъ это производство должно быть впослѣдствіи? Дѣйствительной потребностію страны можетъ быть названа только та, которая существуетъ въ настоящее время, а всякія гадательныя предположенія на счетъ будущности нашего производства должны быть

оставлены въ сторонѣ, какъ могущія оказаться совершенными иллюзіями. Разсматривая съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія положеніе нашего отечества, мы видимъ, что оно занимаетъ огромныя пространства при относительно рѣдкомъ населеніи и за тѣмъ, что огромное большинство этого населенія занимается земледѣліемъ, т. е. производствомъ преимущественно сырыхъ продуктовъ, неудобныхъ для перевозки, какъ по своей громоздкости, такъ и по дешевизнѣ. При такихъ условіяхъ, въ чемъ же могутъ состоять общія экономическія потребности страны, которымъ призваны удовлетворить желѣзныя дороги? Очевидно, что первое требованіе это возможно бо̀льшее сближеніе плодородныхъ мѣстностей съ промышленными центрами и преимущественно съ тѣми мѣстностями, которыя не производятъ достаточнаго количества хлѣба для своего продовольствія, а за тѣмъ съ портовыми городами и окраинами имперіи, т. е. *проведеніе главныхъ магистральныхъ линій между избранными крайними пунктами по самымъ кратчайшимъ направленіямъ, не принимая вовсе въ соображеніе интересовъ, промѣжуточныхъ пунктовъ, такъ какъ эти мѣстныя потребности не должны нарушать общаго интереса и должны быть удовлетворяемы развѣтвленіемъ главныхъ путей, что увеличитъ раіонъ вліянія главныхъ линій и поставитъ ихъ въ болѣе выгодныя финансовыя условія.* Съ другой стороны, въ силу не высокой цѣнности продуктовъ нашего производства, они не могутъ выдерживать высокаго тарифа и поэтому *дороги должны быть устроены такъ, чтобъ расходы эксплуатаціи могли быть доведены до minimum'а, а тарифъ по возможности пониженъ.* Для достиженія этихъ двухъ цѣлей необходимо: 1) сохранить прямолинейность дороги какъ въ общемъ такъ и детальномъ ея направленіи при наибольшемъ радіусѣ кривыхъ, вслѣдствіе чего достигается возможное сближеніе конечныхъ пунктовъ избранной магистральной линіи и уменьшается поверстная плата за провозъ и 2) вести сооруженіе дорогъ при наименьшихъ вертикальныхъ уклонахъ, такъ какъ при этомъ является возможность увеличить провозную способность дороги при той же движущей силѣ. Кромѣ того при меньшихъ уклонахъ и кривизнахъ не только дѣлается сбереженіе на топливѣ, но и уменьшаются издержки ремонта пути и подвижнаго состава.

Теперь посмотримъ отвѣчаетъ ли наша сѣть этимъ глав-

нымъ условіямъ? Смѣло отвѣчаемъ отрицательно на этотъ вопросъ. При первомъ взглядѣ на карту намъ бросается въ глаза далеко неравномѣрное распредѣленіе желѣзныхъ дорогъ по территоріи: положительное отсутствіе ихъ на Сѣверъ отъ Волги и густота сѣти въ южной и средней частяхъ Россіи. Въ виду почти совершенно одинаковаго распредѣленія податныхъ тягостей и при далеко менѣе благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ отсутствіе путей сообщенія на Сѣверѣ создаетъ для этихъ мѣстностей болѣе тяжелое положеніе и невозможность конкуренціи на общемъ рынкѣ русской народной жизни. Хотя значеніе желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ обществѣ и преувеличено, но нельзя отвергать, что онѣ создаютъ значительныя удобства и представляютъ средства для развитія производительныхъ силъ, а потому если извѣстныя мѣстности снабжаются ими, а другія остаются безъ нихъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что и матеріяльные капиталы и нравственныя силы перетягиваются изъ послѣднихъ въ первыя. Кромѣ того, мы видимъ, что и въ мѣстностяхъ охваченныхъ сѣтью многіе промышленные центры не соединены съ хлѣбородными губерніями и для полученія своего продовольствія и сбыта своихъ произведеній должны пользоваться обходными путями, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ существуютъ паралельныя линіи, безъ которыхъ можно было бы очень легко обойтись. Какъ на примѣры перваго положенія укажемъ на отсутствіе линіи идущей отъ Владиміра или Коврова въ южномъ направленіи до Пензы и Саратова, вслѣдствіе которой одна изъ наиболѣе промышленныхъ губерній получила бы прямое сообщеніе съ хлѣбородными мѣстностями, не имѣющими никакого фабричнаго производства, что могло бы служить къ обоюдной выгодѣ; сюда же относится отсутствіе южной магистральной линіи соединяющей Волгу съ Днѣпромъ или даже съ Харьково-Николаевской дорогой, которая, прорѣзывая Донецкій Бассейнъ, могла служить для внутренняго обмѣна и для снабженія минеральнымъ топливомъ какъ Волги такъ и Днѣпра по кратчайшему разстоянію, а не такъ какъ это дѣлается теперь. Что же касается излишнихъ путей, то укажемъ прежде всего на два пути отъ Москвы къ Азовскому морю, которые могли бы замѣниться однимъ проходящимъ по среднему направленію съ развѣтвленіемъ ко всѣмъ близь лежащимъ губернскимъ городамъ и примыкающимъ къ нимъ дорогамъ. Тогда бы все движеніе, происходящее на этихъ двухъ линіяхъ, сосредоточилось

бы на одной и вмѣсто двухъ бездоходныхъ линій получилась бы одна чрезвычайно выгодная. Тоже можно сказать и о трехъ конкурирующихъ между собою линіяхъ, къ низовьямъ Волги, а также о Ряжско-Вяземской дорогѣ, которая долго еще не будетъ имѣть никакого значенія. Но помимо этого общаго недостатка нашей сѣти при постройкѣ каждой отдѣльной линіи являлось желаніе удовлетворить не только общимъ интересамъ, но и мѣстнымъ, а потому допускалось значительное уклоненіе отъ прямаго направленія между крайними пунктами, вслѣдствіе чего линіи удлиннялись и провозная плата совершенно напрасно обременяетъ и будетъ еще долго обременять торговлю. Этотъ недостатокъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ усиливался корыстными побужденіями оптовыхъ строителей, которые, въ видахъ сокращенія земляныхъ работъ, уклоняли путь отъ прямолинейнаго направленія, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые получали поверстную плату за сооруженіе линіи увеличивали этимъ способомъ общую сумму стоимости дороги.

Но и это еще не все. Допущенные крутые уклоны въ 0,010 и кривые радіусомъ менѣе 300 саженъ уменьшали провозную способность дороги, которая, вмѣсто 45 вагоновъ въ поѣздѣ, могла отправлять только 25; вслѣдствіе этого увеличиваются издержки эксплуатаціи какъ на топливо, такъ и на ремонтъ пути и подвижнаго состава, а пониженный тарифъ приноситъ дорогамъ не барышъ, а чистый убытокъ, падающій всею своею тяжестью на интересы государственнаго казначейства, въ виду приплатъ по гарантіи и недоимокъ въ процентахъ за облигаціонный капиталъ. Возвышеніе тарифа въ виду дешевизны грузовъ могло бы сократить движеніе и отозваться также невыгодно на положеніи дорогъ. Замѣчаніе это въ особенности имѣетъ значеніе по отношенію къ тѣмъ дорогамъ, главный предметъ перевозки которыхъ составляетъ минеральное топливо. Такъ Воронежско-Ростовская линія, при самомъ началѣ предназначалась для снабженія минеральнымъ топливомъ безлѣсныхъ мѣстностей и не смотря на это на ней допущены во многихъ мѣстахъ десятитысячные уклоны, при которыхъ восьмиколесный паровозъ не можетъ вести болѣе 25 вагоновъ, вслѣдствіе чего перевозка угля по цѣнѣ $^{1}/_{65}$ съ пуда и версты даетъ частный убытокъ обществу.—Тоже можно сказать о Донецкой дорогѣ, которая выстроена почти исключительно для перевозки минеральнаго топлива и въ особенности о Саратовской, на которой допущены

уклоны въ 0,012, вслѣдствіе чего перевозка по ней каменнаго угля просто немыслима за исключеніемъ развѣ такого количества, которое необходимо для потребностей самой дороги.—Мы указываемъ на нѣкоторыя дороги только въ видахъ иллюстраціи нашей мысли, но наши замѣчанія относятся въ томъ или другомъ отношеніи ко всей сѣти желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ частными обществами, и вслѣдствіе этого мы можемъ сказать, что *она положительно не соотвѣтствуетъ всѣмъ указаннымъ нами выше общимъ экономическимъ потребностямъ нашего отечества и что недостатки эти, если и могутъ быть отчасти устранены, то не иначе какъ при условіи сосредоточенія всѣхъ дорогъ въ вѣдѣніи правительства.*

Къ этимъ выводамъ мы считаемъ необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе, на которое мы отчасти указывали прежде и которое наглядно подтверждаетъ нашу мысль о необходимости выкупа желѣзныхъ дорогъ. Хотя положеніе большинства нашихъ дорогъ весьма печально, но не всѣ общества находятся въ такомъ положеніи и нѣкоторыя изъ нихъ выдаютъ своимъ акціонерамъ значительный девидентъ, а акціи этихъ обществъ сильно возвышаются въ цѣнѣ. При дальнѣйшемъ развитіи движенія на этихъ линіяхъ, доходность акцій, а слѣдовательно и цѣна ихъ будетъ возрастать постоянно: и трудно предусмотрѣть на чемъ это возрастаніе можетъ остановиться.—Такія выгоды акціонеровъ являются безъ всякихъ пожертвованій или стараній съ ихъ стороны, а только въ силу или новыхъ затратъ правительства на дальнѣйшее развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ или естественнаго хода усиленія производства и увеличенія населенія. Не говоря уже о томъ, что такая возможность наживаться безъ труда и какихъ бы то ни было усилій возмущаетъ чувство справедливости каждаго честнаго человѣка, она вызываетъ весьма неблагопріятныя для общества послѣдствія.

Прежде всего такой порядокъ вещей вызываетъ въ общемъ ходѣ желѣзнодорожнаго дѣла ненормальное явленіе, такъ какъ избытокъ выгодъ, приносимыхъ нѣкоторыми линіями, обращается въ пользу нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а убытокъ отъ линій бездоходныхъ падаетъ на правительство т. е. на государственный бюджетъ, или другими словами на массу плательщиковъ податей.—Такимъ образомъ подобный порядокъ вещей обусловливаетъ собою налогъ на бѣдныхъ въ пользу достаточныхъ классовъ,—явленіе совершенно неестественное и ни чѣмъ не оправды-

ваемое. Между тѣмъ, еслибъ желѣзныя дороги принадлежали правительству, то всякій избытокъ дохода отъ однихъ линій шелъ бы на покрытіе убытка другихъ менѣе выгодныхъ. Выше мы видѣли, — что общая сумма валоваго сбора доходитъ до 11 т. рублей съ версты, а при такомъ сборѣ и единствѣ управленія могли бы оплатиться не только расходы эксплуатаціи, но и % съ затраченнаго капитала. Если бы и потребовались пожертвованія правительства, то уже никакъ не въ цифрѣ 40 мил. рублей, какъ этого требуетъ настоящій порядокъ вещей.

За тѣмъ возвышеніе цѣны акцій вызывается ожиданіемъ увеличенія дохода въ будущемъ, — дохода еще не полученнаго, но имѣющаго поступить и это возвышеніе при переходѣ акцій изъ однихъ рукъ въ другія оплачивается изъ наличнаго оборотнаго капитала страны. Но человѣкъ, выигравшій при продажѣ оплаченныхъ имъ акцій, очень легко можетъ позволить себѣ непроизводительныя траты какъ единовременно, такъ и постоянно, смотря по размѣру полученныхъ выгодъ. Такимъ образомъ, этотъ порядокъ вещей не только ведетъ къ проѣданію будущихъ доходовъ, но и къ непроизводительной растратѣ оборотнаго капитала страны и слѣдовательно къ пониженію средняго уровня заработной платы. Намъ могутъ замѣтить, что тоже самое явленіе происходитъ при возвышеніи цѣны всякаго недвижимаго имущества, вслѣдствіе устройства новыхъ путей сообщенія и увеличенія населенія. Мы конечно не будемъ спорить противъ этого и готовы признать однородность этихъ явленій, но это нисколько не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ тѣхъ послѣдствій, которыя вызываются сильнымъ возвышеніемъ желѣзнодорожныхъ акцій, тѣмъ болѣе, что эти акціи, представляя собою раздробленную, мобилизированную и быстро реализируемую недвижимую собственность, которая приноситъ доходъ безъ всякихъ съ нашей стороны усилій и которую очень легко скрыть отъ всѣхъ возможныхъ взысканій, способны возвышаться въ цѣнѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ прямая недвижимая собственность.

На этомъ основаніи чѣмъ ранѣе произойдетъ выкупъ желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ выгоднѣе будетъ для правительства, такъ какъ въ будущемъ можно ожидать не пониженія, а только повышенія цѣны акцій и слѣдовательно все большихъ и большихъ затрудненій для подобной операціи. Наконецъ мы должны обратить вниманіе читателя еще на одно обстоятельство. Мы думаемъ, что стремленіе покрыть Россію въ короткій промежутокъ вре-

мени цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ шло совершенно въ разрѣзъ съ охранительной торговой политикой. Мы говоримъ это не въ видахъ защиты охранительной торговой политики, а только въ видахъ указанія на непослѣдовательность различныхъ мѣропріятій для развитія производительныхъ силъ Россіи. У насъ повидимому очень мало обращали вниманія, что желѣзныя дороги, служа средствомъ сбыта нашихъ внутреннихъ произведеній на заграничные рынки, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ проводниками заграничныхъ произведеній во всѣ уголки нашего обширнаго отечества и, облегчая способы сношеній даютъ возможность заводить склады этихъ произведеній въ самыхъ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи, парализуя отчасти значеніе охранительныхъ пошлинъ. Кромѣ того, удешевляя доставку нашихъ хлѣбныхъ грузовъ къ портовымъ городамъ и поощряя такимъ образомъ вывозъ этихъ грузовъ на заграничные рынки, наши желѣзныя дороги тѣмъ самымъ увеличивали ввозъ къ намъ заграничныхъ произведеній. Охранительныя пошлины въ этомъ случаѣ не могутъ затруднить это движеніе, такъ какъ цѣна нашихъ произведеній зависитъ всегда отъ заграничнаго спроса, размѣръ котораго обусловливается количествомъ ввозимыхъ къ намъ товаровъ. Если пудъ рельсовъ при свободномъ обмѣнѣ равенъ по цѣнѣ пуду пшеницы, то англійскій торговецъ только тогда купитъ пудъ пшеницы, когда отъ него возьмутъ пудъ рельсовъ, какая бы ни была положена пошлина на рельсы и цѣна на пшеницу упадетъ на столько, что рельсы при обмѣнѣ ихъ на пшеницу окажутся не дороже чѣмъ прежде т. е. русская пшеница оплатитъ пошлину на рельсы и охранительная пошлина не возвыситъ ни сколько стоимости рельсовъ на русскомъ рынкѣ. Иначе не можетъ произойти обмѣна и русскій хлѣбъ не пойдетъ за границу. Настоящее возвышеніе цѣнъ на наши хлѣбные грузы есть слѣдствіе другой причины: оно происходитъ отъ паденія курса нашего кредитнаго рубля, на металическую же валюту хлѣбъ нашъ понизился, а не повысился въ цѣнѣ и этимъ только и объясняется возможность громаднаго въ теченіи 1879 года ввоза заграничныхъ товаровъ на нашъ рынокъ и значительнаго поступленія въ томъ году таможенныхъ пошлинъ. Ихъ увеличеніе представляетъ разницу между стоимостію нашей пшеницы на металическую валюту теперь и въ прежнее время, т. е. до паденія курса. Обстоятельство это и отсутствіе всякаго движенія къ лучшему въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ, не смотря на

возвышеніе ввозныхъ пошлинъ, мы рекомендуемъ вниманію нашихъ протекціонистовъ и утверждаемъ, что нельзя покровительствовать вывозу товаровъ не поощряя тѣмъ самымъ и ввоза ихъ и что такимъ образомъ наши желѣзныя дороги не мало подрывали значеніе охранительныхъ пошлинъ.

Если по положенію спроса и предложенія можетъ оказаться разница въ цифрахъ ввоза и вывоза, то сальдо этихъ счетовъ представляютъ всегда такіе предметы, которые не попадаютъ въ таможенные таблицы т. е. контрабанда и процентныя бумаги. Такимъ образомъ, если нашъ вывозъ превысилъ ввозъ, то это значитъ, что вмѣсто нашихъ оборотныхъ капиталовъ, которые обращались на нашемъ рынкѣ, мы получили назадъ наши процентные бумаги и заплатили курсовую разницу этихъ бумагъ между ихъ выпускной цѣной и настоящей. Этому повидимому радоваться нечего.

Вся наша исторія желѣзнодорожнаго дѣла прямо указываетъ какъ мало у насъ понимаются политико-экономическія истины не только въ обществѣ, но и въ административныхъ сферахъ.

ЗАМѢТКА

О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ

НАШЕЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

и

СРЕДСТВАХЪ КЪ ЕЯ УЛУЧШЕНІЮ.

Н. Х. БУНГЕ.

I. Недостатки нашей бумажно-денежной системы. Разногласіе относительно этихъ недостатковъ, причины, которыми они вызваны и средства къ ихъ устраненію.

Наша денежная система, въ настоящемъ ея положеніи, представляетъ существенные недостатки. Одни изъ этихъ недостатковъ тѣсно связаны съ нашими законами о денежномъ обращеніи; другіе — составляютъ вообще принадлежность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, утратившихъ значеніе достаточно точнаго мѣрила для опредѣленія цѣнъ и вѣрнаго залога для пріобрѣтенія цѣнностей въ будущемъ.

Недостатки перваго рода заключаются въ слѣдующемъ.

По дѣйствующему законодательству, главною непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) считается у насъ серебряный рубль надлежащаго достоинства (ст. 66 и 163 монетнаго устава); [1]) на дѣлѣ и также по закону денежною

---

[1]) Т. VII, Св. Законовъ, изд. 1857 г.

единицею, средствомъ для оцѣнки товаровъ и личныхъ услугъ, для заключенія всякаго рода сдѣлокъ и для производства платежей, служитъ у насъ кредитный рубль, такъ какъ „кредитнымъ билетамъ присвоивается хожденіе во всей Имперіи наравнѣ съ серебряною монетою“ (манифестъ 1843 г.). Поэтому, хотя „всѣ счеты, условія и вообще всякаго рода сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами и обратно частныхъ лицъ съ казною, такъ и во всѣхъ дѣлахъ частныхъ лицъ между собою производятся и совершаются единственно на серебряную монету“ (ст. 164), но пріемъ кредитныхъ билетовъ въ платежахъ обязателенъ, а надбавка на серебро какого-либо лажа строжайше воспрещается (ст. 166) [2]).

Вслѣдствіе этого, обращеніе монеты оказывается безусловно невозможнымъ: всѣ сдѣлки обязательно заключаются на серебряные рубли, а платежи производятся кредитными билетами, какъ равноцѣнными имъ деньгами. Въ уплату всѣхъ податей, кромѣ таможенныхъ сборовъ, казначейство принимаетъ серебряный рубль, стоющій 1 руб. 30 коп., за рубль кредитный, а полуимперіалъ, стоющій 7 руб. 80 к. за 5 руб. 15 коп. Государственный Банкъ, въ видѣ изъятія, даетъ за серебряный рубль 1 руб. 4 коп., а за полуимперіалъ 6 руб. 10 коп., но по этой цѣнѣ уже давно никто не сбываетъ ему монеты.

Такимъ образомъ монета не можетъ имѣть обращенія ни между частными лицами, ни въ сношеніяхъ послѣднихъ съ казначействомъ она пригодна только для заграничныхъ расплатъ и для взноса золотой пошлины. Для этихъ цѣлей монета пріобрѣтается съ лажемъ, несмотря на категорическое запрещеніе закона, который впрочемъ имѣлъ въ виду серебряную монету [3]).

Недостатки втораго рода происходятъ отъ утраты неразмѣн-

---

[2]) Исключеніе изъ общаго правила составляютъ закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита и нѣкоторыхъ земельныхъ банковъ, а также процентныя бумаги, выпущенныя правительствомъ на металлическую валюту и золотой таможенный сборъ. Въ послѣднемъ случаѣ употребленіе золота въ платежахъ безусловно обязательно. По бумагамъ частнымъ и правительственнымъ, выпущеннымъ на металлическую валюту, уплата процентовъ и погашенія производится иногда и кредитными билетами по установленному курсу. Платежи отъ заемщиковъ по металлическимъ ссудамъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній по общему правилу производятся кредитными билетами. Пріобрѣтателямъ металлическихъ закладныхъ листовъ и правительственныхъ бумагъ разрѣшалось также вносить вмѣсто монеты кредитные билеты, по установленному курсу.

[3]) Установляя лажъ на золото относительно серебра, и опредѣляя цѣну полуимперіала въ 5 руб. 15 коп. на серебро, законъ, конечно, запрещалъ тѣмъ самымъ всякій другой лажъ на золото, хотя это ясно не высказано.

ными бумажными деньгами ихъ покупной силы. Въ настоящее время кредитный рубль стоитъ не 100, а около 66 коп. на монету. Въ 1875—1879 годахъ цѣна его колебалась между $88^{1}/_{4}$ и $58^{1}/_{4}$ коп.; въ послѣдніе четыре года онъ потерялъ около 25%. Эта потеря отразилась въ большей или меньшей степени на цѣнахъ почти всѣхъ товаровъ, покупаемыхъ и продаваемыхъ внутри Россіи; и если года два, три тому назадъ, при нѣкоторой беззастѣнчивости, можно было утверждать, что возвышеніе лажа на монету не лишило кредитнаго рубля его цѣнности, то этого нельзя сказать теперь.

Отсюда возникаетъ рядъ серіозныхъ замѣшательствъ, какъ въ финансовомъ, такъ и въ народномъ хозяйствѣ. Правительство, получая государственные доходы (за исключеніемъ таможенныхъ сборовъ) въ кредитныхъ рубляхъ, переплачиваетъ, противъ прежняго, по всѣмъ вещественнымъ заготовленіямъ, постройкамъ, по уплатѣ займовъ заключенныхъ на металлическую валюту, и пр. Бюджетныя исчисленія становятся менѣе точными, средства для покрытія расходовъ недостаточными, является необходимость въ новыхъ рессурсахъ, въ увеличеніи старыхъ налоговъ и въ установленіи новыхъ. Въ народномъ хозяйствѣ неразмѣнныя бумажныя деньги, утратившія часть своей цѣнности, влекутъ за собою для однихъ тяжелыя лишенія и потери, для другихъ ничѣмъ неоправдываемыя выгоды. Теряютъ всѣ лица, доходы которыхъ состоятъ изъ опредѣленной суммы кредитныхъ рублей, теряютъ владѣльцы имущества, состоящаго въ процентныхъ бумагахъ или обязательствахъ съ кредитною валютою. Выигрываютъ производители товаровъ, возвышающихся въ цѣнѣ; выигрываютъ владѣльцы недвижимой собственности, нѣкоторые изъ должниковъ и плательщики налоговъ, обязанные взносомъ прежней суммы кредитныхъ рублей.

Какъ ни очевидны перечисленные недостатки, но и относительно ихъ существуетъ разногласіе, которое усиливается при изслѣдованіи причинъ, которыми они вызваны, и средствъ для ихъ устраненія.

Недостатки нашего законодательства, обязывающаго только формально, а не дѣйствительно заключать всѣ сдѣлки на монету и изгоняющаго послѣднюю изъ обращенія запрещеніемъ принимать ее съ лажемъ, по общему правилу, обращаютъ на себя очень мало вниманія. И это понятно: недостатки эти касаются не столько интересовъ отдѣльныхъ лицъ, сколько положенія денеж-

наго рынка; они не усиливаютъ прямо и непосредственно существующаго зла, они составляютъ только препятствіе для возвращенія къ нормальному порядку вещей, препятствіе, конечно, очень серіозное, которое рано или поздно прійдется устранить.

Несравненно труднѣе отрицать недостатки нашей денежной системы, происходящіе отъ утраты кредитными билетами доли ихъ покупной силы; но и неоспоримымъ фактамъ можно дать то или другое освѣщеніе; можно выставить лицевую сторону и припрятать изнанку. Кто не читалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ, что существенное зло заключается не въ пониженіи курса кредитныхъ билетовъ, а въ его колебаніи. Если не договаривали, что для насъ безразлично стоитъ ли кредитный рубль четыре франка, или одинъ франкъ, то конечно не изъ страха насмѣяться надъ здравымъ смысломъ, а потому что считали дѣломъ ловкимъ не распространяться о пониженіи цѣны бумажной денежной единицы и предпочитали потолковать о ея колебаніяхъ. Такимъ образомъ можно было, принимая личину нѣкотораго безпристрастія и глубокомыслія, говорить съ большею свободою о благотворномъ вліяніи бумажныхъ денегъ на отпускную торговлю, на процвѣтаніе фабричной промышленности и даже на возрастаніе государственныхъ доходовъ. Съ такимъ же точно правомъ можно было бы указать на размноженіе банкирскихъ и мѣняльныхъ конторъ, выгодно торгующихъ золотомъ, какъ на очевидный признакъ развитія кредита.

Несравненно сильнѣе разладъ въ мнѣніяхъ, относительно причинъ, вызвавшихъ эти недостатки и средствъ для ихъ устраненія. Между тѣмъ какъ одни видятъ причину и пониженія, и колебаній курса кредитнаго рубля въ чрезмѣрныхъ выпускахъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, другіе утверждаютъ, что у насъ нѣтъ избытка денегъ вообще и бумажныхъ въ частности, и что пониженіе цѣны послѣднихъ происходитъ отъ невыгоднаго торговаго баланса, отъ нашей задолженности иностранцамъ, или вообще отъ невыгоднаго платежнаго баланса. Первые требуютъ сокращенія кредитнаго обращенія, и въ этихъ видахъ полагаютъ, что не слѣдуетъ останавливаться передъ заключеніемъ огромныхъ займовъ, хотя бы эти займы налагали на государство тяжелыя финансовыя жертвы; вторые настаиваютъ на сохраненіи всей суммы выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, возстаютъ противъ ихъ консолидаціи, стоющей дорого и стѣсняющей денежный рынокъ, и затѣмъ полагаютъ, что достаточно возвысить таможен-

ный тарифъ, да пріостановиться съ заключеніемъ займовъ, въ особенности внѣшнихъ, для пріобрѣтенія запаса монеты, обезпечивающаго наши заграничные платежи, при чемъ кредитный рубль или достигнетъ цѣнности металлическаго, или по крайней мѣрѣ получитъ надлежащую устойчивость.

Въ рядахъ представителей обоихъ воззрѣній могутъ быть и сторонники возстановленія нарицательной цѣны бумажнаго рубля, и сторонники девальваціи, т. е. превращенія существующихъ бумажныхъ денегъ въ новыя со скидкою 25, 30 или 40% (подъ условіемъ свободнаго размѣна послѣднихъ на монету по нарицательной цѣнѣ. Девальвація, повидимому, должна удовлетворить желаніямъ обѣихъ сторонъ — она ведетъ и къ сокращенію денежнаго обращенія, и не требуетъ финансовыхъ жертвъ для извлеченія бумажныхъ денегъ посредствомъ заключенія процентныхъ займовъ; но съ одной стороны она представляется нарушеніемъ даннаго обѣщанія, а съ другой — идетъ въ разрѣзъ съ доктриною о поддержаніи промышленности и торговли выпусками бумажныхъ денегъ. Равнымъ образомъ сторонники обоихъ взглядовъ могли бы повидимому сойтись въ желаніи упроченія (фиксаціи) курса бумажныхъ денегъ; но одни смотрятъ на это упроченіе, какъ на выходъ единственно возможный, при безнадежности возстановленія цѣны кредитнаго рубля; другіе какъ на идеальный порядокъ: имъ хотѣлось бы, чтобы недостатка въ кредитныхъ билетахъ не было, чтобы выпуски послѣднихъ всегда удовлетворяли потребностямъ промышленности и торговли, и чтобы курсъ билетовъ не измѣнялся. Затѣмъ и средства для фиксаціи состоятъ также или въ извлеченіи бумажныхъ денегъ займами, или въ пріобрѣтеніи выгоднаго платежнаго баланса.

Противуположность ученій о причинахъ разстройства и о способахъ улучшенія денежной системы составляетъ послѣдствіе не только теоретическаго разногласія, но и сталкивающихся между собою интересовъ. Для однихъ выгодно, чтобы кредитный рубль пріобрѣлъ цѣнность металлическаго, чтобы возстановленъ былъ нормальный порядокъ въ денежномъ обращеніи; для другихъ достиженіе этой цѣли представляется убыточнымъ, и опасность обезцѣненія кредитнаго рубля забывается въ виду той прибыли, которая можетъ быть извлечена въ періодъ его паденія.

На сторонѣ сокращенія бумажноденежнаго обращенія и воз-

становленія нарицательной цѣны кредитнаго рубля находятся всѣ живущіе жалованьемъ, начиная отъ занимающихъ должности на государственной службѣ, далѣе всѣ капиталисты, которые накопили имущество въ кредитной валютѣ и живутъ доходомъ съ своего капитала, затѣмъ кредиторы, которымъ слѣдуетъ получать платежи, наконецъ финансовые дѣятели, которые полагаютъ возможнымъ усилить средства казначейства, взимающаго большую часть налоговъ кредитными рублями тѣмъ, что эти рубли пріобрѣтутъ бо́льшую покупную силу.

На оборотъ, на сторонѣ сохраненія существующаго бумажнаго денежнаго обращенія и даже разрѣшенія, въ случаѣ надобности, новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ находятся всѣ лица, которымъ предстоятъ платежи по долговымъ обязательствамъ или по взимаемымъ кредитными рублями налогамъ, всѣ ищущіе дешеваго кридита, значительное число купцовъ, фабрикантовъ и владѣльцевъ недвижимой собственности. Негодуя на дороговизну, промышленные классы мирятся съ нею тогда, когда она позволяетъ имъ продавать свои произведенія гораздо выше издержекъ производства, когда цѣны растутъ непропорціонально сдѣланнымъ затратамъ, и когда деньги предлагаются въ изобиліи. Немногіе въ состояніи усвоить себѣ болѣе правильную и безпристрастную точку зрѣнія; большинство бываетъ подкуплено благами отчасти дѣйствительными, отчасти мнимыми, которыя расточаются бумажными деньгами — оно желало бы только пользоваться высокими цѣнами, и получать эти цѣны золотомъ.

Спрашивается: есть ли выходъ, примиряющій интересы обѣихъ сторонъ? Его нѣтъ и не можетъ быть потому, что при возстановленіи нарицательной цѣны кредитнаго рубля (какимъ бы способомъ эта цѣль ни была достигнута) тѣ классы населенія, которые теряли въ эпоху пониженія цѣны бумажныхъ денегъ, выиграютъ, а тѣ, которые выигрывали,—потеряютъ; но выиграютъ не тѣ лица, которыя въ прежнее время бѣднѣли и потеряютъ не тѣ, которыя обогатились. При томъ самые выигрыши и потери неравномѣрны и случайны. Если бы даже не было извлечено ни одного кредитнаго билета, и если бы совершилось чудо, о которомъ мечтаютъ поклонники бумажныхъ денегъ, т. е. рубль бумажный, благодаря выгодному платежному балансу, пріобрѣлъ цѣну серебрянаго, то съ увеличеніемъ покупной силы всей массы кредитныхъ билетовъ произошелъ-бы огромный переворотъ и въ имуществѣ, и въ доходахъ частныхъ лицъ,

и въ тяжести уплачиваемыхъ налоговъ. Въ настоящее время для уплаты 66 рублей таможенныхъ пошлинъ надо имѣть 100 рублей кредитныхъ; при возстановленіи нарицательной цѣны кредитнаго рубля надо будетъ имѣть только 66 кредитныхъ рублей — и наоборотъ, для уплаты 100 рублей питейнаго акциза, теперь надо имѣть 66, а тогда надо будетъ имѣть 100 рублей монетою. Конечно, можно сказать, что сто рублей акциза будутъ уплачены и въ томъ, и въ другомъ случаѣ кредитными рублями, но кредитные рубли въ обоихъ случаяхъ не будутъ имѣть одинаковой цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, при возстановленіи нарицательнаго курса бумажныхъ денегъ, нельзя будетъ утверждать, что цѣнность кредитнаго рубля осталась постоянною, а измѣнилась цѣнность одной монеты.

Причина невозможности найти способъ для возвращенія бумажнымъ деньгамъ ихъ нарицательной цѣны, безъ ущерба для кого бы то ни было, заключается между прочимъ въ томъ, что они составляютъ долгъ, и остаются долгомъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ уплачены, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока уплата по нимъ не будетъ поставлена въ зависимость отъ воли самихъ кредиторовъ, т. е. лицъ, въ рукахъ которыхъ находятся бумажныя деньги. Уплата же долга, или созданіе условій, при которыхъ она становится зависимою отъ воли кредитора (свободный размѣнъ) всегда требуетъ жертвъ. Поэтому практическая задача состоитъ только въ томъ, чтобы тягости, налагаемыя этою жертвою были распредѣлены по возможности равномѣрно, падали на тѣхъ, которые выигрываютъ отъ возстановленія денежной системы и щадили тѣхъ, которые теряютъ, а наконецъ, чтобы и самая жертва не оставалась безплодною.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію способовъ для разрѣшенія этой задачи, необходимо ознакомиться съ средствами, которыя были предложены для водворенія у насъ прочной денежной системы и для возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на монету.

II. Средства, предложенныя къ устраненію недостатковъ нашей бумажноденежной системы.

Всѣ предложенныя средства сводятся главнымъ образомъ къ нижеслѣдующимъ:

1. къ возстановленію парицательной цѣны кредитныхъ билетовъ, при существующемъ ихъ выпускѣ, посредствомъ выгоднаго торговаго и вмѣстѣ съ тѣмъ платежнаго баланса;

2. къ регулированію цѣнности бумажныхъ денегъ посредствомъ покупки и продажи золота и серебра Государственнымъ Банкомъ;

3. къ извлеченію кредитныхъ билетовъ,

а) употребляя для этой цѣли бюджетные остатки,

б) обращая числящійся по бумажнымъ деньгамъ безпроцентный долгъ въ долгъ процентный, консолидированный.

Консолидація можетъ имѣть въ виду:

аа) простое извлеченіе извѣстной суммы кредитныхъ билетовъ изъ обращенія.

бб) фундированіе извлекаемыхъ билетовъ, выпущенныхъ для финансовыхъ цѣлей, солиднымъ банковымъ портфелемъ.

1. *Возстановленіе нормальной денежной системы посредствомъ выгоднаго торговаго баланса.*

Средство это кажется самымъ вѣрнымъ, самымъ простымъ и самымъ выгоднымъ. Повидимому стоитъ только воздержаться отъ выпуска процентныхъ бумагъ вообще, а въ особенности отъ заключенія заграничныхъ займовъ, и установить строго-охранительный тарифъ для того, что бы достигнуть этимъ путемъ благопріятнаго платежнаго баланса и довести курсъ бумажнаго рубля до его нарицательной цѣны. Съ перваго взгляда кажется, что если намъ не прійдется уплачивать иностранцамъ большихъ суммъ ни по займамъ, ни по торговымъ оборотамъ, а напротивъ если иностранцы будутъ нашими должниками, то къ намъ повезутъ со всѣхъ концовъ свѣта золото и серебро и наши кредитные билеты получатъ возможность свободно размѣниваться на монету. И такъ, для достиженія этого результата, надо прежде всего возвысить таможенный налогъ на товары, привозимые къ намъ изъ заграницы, въ особенности же на такіе, которые мы можемъ производить дома, надо поднять этимъ способомъ цѣны заграничныхъ товаровъ до той степени, когда привозъ ихъ изъ заграницы перестанетъ быть выгоднымъ, и тогда мы изъ должниковъ обратимся въ кредиторовъ иностранцевъ, и сдѣлаемъ послѣднихъ нашими данниками за хлѣбъ и другія произведенія, безъ которыхъ они не могутъ обойтись.—Такимъ образомъ наша денежная система будетъ упрочена; возвышеніе таможенныхъ сборовъ увеличитъ

государственные доходы, поправитъ наши финансы и оживитъ внутреннее производство.

Само собою разумѣется, что достиженіе выгоднаго платежнаго баланса предполагаетъ крайнюю бережливость, прекращеніе займовъ, въ особенности внѣшнихъ, и господство ничѣмъ невозмущаемаго европейскаго мира. — Истина обязываетъ однако замѣтить, что эти послѣднія условія нерѣдко забываются тѣми, которые совѣтуютъ смѣлую, воинственную иностранную политику Обратимся къ разсмотрѣнію этого способа.

Какъ ни естественна кажется связь между торговымъ балансомъ съ одной стороны, вексельнымъ курсомъ и лажемъ съ другой; но нельзя сказать, чтобы хорошій вексельный курсъ составлялъ необходимое послѣдствіе того, что обыкновенно называютъ выгоднымъ торговымъ балансомъ.

Въ Австріи, въ 1856—1858 годахъ, торговый балансъ былъ неблагопріятенъ, а лажъ достигалъ всего отъ 4 до $5^{1}/_{2}$%.— При выгодномъ торговомъ балансѣ, въ 1861 — 1862 годахъ, средній годовой лажъ поднялся до 28 и до $41,_{2}$%; наконецъ, при самомъ неблагопріятномъ положеніи заграничной торговли въ 1871—1874 годахъ, когда привозъ превысилъ отпускъ на 571 мил. гульденовъ, средній годовой лажъ понизился съ 20 на 5%.

Въ Италіи повторилось подобное явленіе. Въ теченіи 13 лѣтъ съ 1862 г. только однажды, въ 1871 г., отпускъ превысилъ привозъ на 121 мил. лиръ; во всѣ остальные годы привозъ бралъ верхъ надъ отпускомъ, и разность между тѣмъ и другимъ составила въ 12 лѣтъ 2600 милл. лиръ. Между тѣмъ самый низкій лажъ былъ въ 1869 — 1870 годахъ — $3,_{9}$ и $4,_{4}$%, а въ 1871 году лажъ равнялся $5,_{3}$%.

Въ Соединенныхъ Штатахъ (на которые протекціонисты обыкновенно ссылаются, находя въ этой странѣ образцы раціональной торговой политики, и доказательство возстановленія нарицательной цѣны бумажныхъ денегъ посредствомъ выгоднаго баланса) можно указать на такіе годы, когда балансъ былъ невыгоденъ, а лажъ падалъ, и на оборотъ. — Такъ, въ 1866 — 1867, въ 1869, 1870, 1872 и 1873 гг. балансъ былъ невыгоденъ, въ 1868 г. почти въ равновѣсіи; кромѣ того съ 1866 по 1873 г. вывезено драгоцѣнныхъ металловъ на 400 мил. дол. среднимъ числомъ по 50 мил. въ годъ; между тѣмъ лажъ съ $63^{3}/_{4}$% въ 1866 году упалъ до 10—$19^{1}/_{2}$% въ 1873 году.

Притомъ возвышеніе лажа до $19^{1}/_{2}\%$ въ 1873 г. вызвано было финансовыми операціями при уплатѣ Франціею Германіи пятимилліардной контрибуціи.

Изъ предъидущаго нисколько не слѣдуетъ, чтобы торговый балансъ вовсе не имѣлъ значенія; но приведенные факты представляютъ неопровержимое доказательство, что по суммамъ привоза и отпуска товаровъ еще нельзя судить о предстоящемъ платежномъ балансѣ.—Самый неблагопріятный торговый балансъ, въ дѣйствительности, можетъ быть очень выгоденъ. Англія, въ теченіи многихъ лѣтъ, ввозитъ товаровъ на сумму, далеко превышающую цифру ея отпуска [1]; между тѣмъ она не только не уплачиваетъ разности монетою, но напротивъ увеличиваетъ свой запасъ драгоцѣнныхъ металловъ и пользуется выгоднымъ вексельнымъ курсомъ. Страна, которая ведетъ торговлю активную, подобно Англіи, за товаръ, вывезенный на милліонъ рублей и проданный заграницею, покупаетъ и ввозитъ обратно иностранныхъ произведеній на 1.200.000, (полагая, что прибыль при каждой торговой сдѣлкѣ=10%). Разность въ 200.000 составляетъ не международный долгъ, а барышъ, который присоединяется къ фрахтамъ, заработаннымъ торговымъ флотомъ Англіи и къ процентамъ по займамъ, заключеннымъ на ея денежномъ рынкѣ.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по международнымъ торговымъ оборотамъ приходится произвести уплату, и тогда платежнымъ средствомъ служатъ очень часто не деньги, а процентныя бумаги. Мы покрываемъ разность по платежному балансу нашими фондами, — а еслибы иностранцы задолжали намъ, то наши фонды перешли-бы къ намъ обратно; за недостаткомъ русскихъ бумагъ мы приняли бы заграничныя, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что монета не можетъ поступить у насъ во внутреннее обращеніе. Впрочемъ и при свободномъ обращеніи металлическихъ денегъ приливъ ихъ возвысилъ бы цѣны, т. е. затруднилъ отпускъ и поощрилъ привозъ товаровъ. — За годами благопріятными для ввоза монеты послѣдовали бы снова годы неблагопріятные.

Наконецъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ международные кредитные обороты съ каждымъ десятилѣтіемъ получаютъ болѣе и болѣе выдающееся значеніе. Платежный балансъ не только сальдируется кредитными обязательствами, но

---

[1] Ср. British Almanac for 1878. p. 217.

и является какъ результатъ ихъ перемѣщенія изъ одной страны въ другую. Между тѣмъ какъ разность по международному торговому балансу уплачивается въ большей или меньшей степени фондами, разность по международнымъ кредитнымъ оборотамъ сальдируется отчасти товарами и отчасти деньгами.

Такимъ образомъ ближайшее знакомство съ фактами и правильное ихъ пониманіе убѣждаютъ въ томъ, что торговый балансъ не составляетъ вѣрнаго средства для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля.—Эту истину подтверждаютъ и старый опытъ, сдѣланный съ покровительственнымъ тарифомъ въ Россіи графомъ Канкринымъ, и новый опытъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ссылаясь на Соединенные Штаты у насъ забываютъ или не знаютъ, что, тамъ было отчасти консолидировано, отчасти погашено кредитныхъ орудій обращенія (въ особенности же билетовъ государственнаго казначейства) на сумму свыше милліарда долларовъ; забываютъ, что несмотря на выгодный торговый балансъ, Сѣверная Америка продолжала вывозить драгоцѣнные металлы....

Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что обезцѣненіе бумажныхъ денегъ зависитъ не отъ одного недостатка монеты для заграничныхъ платежей, но и отъ величины той суммы, которую по нимъ задолжало государство. Конечно, никто не рѣшится утверждать, что, при благопріятномъ торговомъ балансѣ, милліардъ кредитныхъ рублей также легко можетъ сохранить свою цѣнность, какъ и сто милліоновъ; но это не мѣшаетъ однако думать, что можно безнаказанно выпускать бумажныя деньги, пока на нихъ существуетъ спросъ для поддержанія промышленности и торговли, или, какъ говорятъ, пока потребность въ орудіяхъ обращенія не удовлетворена. Для опредѣленія этой потребности исчисляютъ уплачиваемые въ теченіи года налоги и сборы, количество денегъ, необходимое для частныхъ сдѣлокъ, суммы, хранящіяся въ кассахъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, или числящіяся за почтовымъ вѣдомствомъ въ промежутокъ времени между принятіемъ и выдачею пересылаемыхъ денегъ. Подобные разсчеты не приводятъ однако ни къ какому результату, потому что въ настоящее время обороты кредитные далеко превышаютъ денежные, и Государственный банкъ въ 1877 году, при оборотѣ въ 24 милліарда, только одну четвертую часть поступленій и выдачъ провелъ по счету кассы. Развитіе кредита позволяетъ обходиться съ меньшей суммою денегъ; на-

оборотъ упадокъ кредита требуетъ большаго количества орудій обращенія. Сила потребности не всегда вызываетъ однако возвышеніе курса бумажныхъ денегъ, а удовлетвореніе ей новыми выпусками послѣднихъ не устраняетъ безденежья. Ощущеніе нужды въ деньгахъ, въ то время когда ихъ выпускаютъ на крупныя суммы, съ перваго взгляда представляется чѣмъ-то загадочнымъ; но явленіе это объясняется очень просто: стоитъ только обратиться къ признаку, по которому можно опредѣлить много ли или мало какого либо товара на рынкѣ, сравнительно съ существующимъ на него спросомъ, именно къ его цѣнѣ, опредѣляемой монетою, или къ его цѣнности, опредѣляемой количествомъ другихъ товаровъ, которые могутъ быть на него обмѣнены. Можно утверждать съ полнымъ правомъ, что бумажныхъ малоцѣнныхъ денегъ слишкомъ много, пока монета ходитъ съ лажемъ, пока за бумажные рубли нельзя купить того количества товаровъ, которое можно пріобрѣсть за металлическіе; но съ такимъ же точно правомъ можно сказать, что полноцѣнныхъ денегъ у насъ слишкомъ мало. Этимъ объясняется странное и повидимому неразрѣшимое противорѣчіе—одновременный и недостатокъ, и избытокъ орудій обращенія. Этимъ объясняется почему нельзя выпускомъ бумажныхъ денегъ отвратить ихъ недостатокъ въ ту пору, когда усиливается недовѣріе къ кредиту, опирающемуся на бумажную валюту.

2. *Регулированіе цѣнности бумажныхъ денегъ покупкою и продажею металловъ.*

Второе средство — регулированіе цѣнности бумажныхъ денегъ покупкою и продажею монеты за счетъ размѣннаго фонда Государственнаго Банка можетъ быть примѣнено на практикѣ въ двоякой формѣ: или одновременно, т. е. покупая и продавая монету въ одно и тоже время, или періодически, т. е. покупая монету, когда цѣна на нее низка, и продавая, когда цѣна на нее высока. Въ первомъ случаѣ, торгуя золотомъ и серебромъ, Банкъ не имѣетъ въ виду ни усиленія металлическаго фонда, ни сокращенія кредитнаго обращенія, его цѣль ограничивается поддержаніемъ вексельнаго курса, предупрежденіемъ случайныхъ и крайнихъ его колебаній. Во второмъ, — покупка монеты предполагаетъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, которые могутъ или остаться въ обращеніи, или же подлежать консолидаціи; наоборотъ продажа монеты ведетъ къ извлеченію кредитныхъ биле-

товъ, которые могутъ быть также или уничтожены, или вновь выпущены по коммерческимъ операціямъ.

Въ какой бы формѣ, съ какою бы цѣлію ни была предпринята покупка и продажа драгоцѣнныхъ металловъ, успѣшное веденіе этой операціи требуетъ такого запаса золота и серебра, который позволилъ бы и установить свободный размѣнъ бумажныхъ денегъ по существующему курсу, и удовлетворить всѣмъ требованіямъ на монету, какъ внутреннимъ, такъ и заграничнымъ. Нетрудно понять, что при рыночной цѣнѣ кредитнаго рубля равной 66 металлическимъ копѣйкамъ, регулированіе курса 1,106 мил. кредитныхъ рублей, стоющихъ на монету около 730 мил. руб., при помощи 153 мил. метал. рублей, находящихся въ размѣнномъ фондѣ, совершенно невозможно. Это одна изъ иллюзій крупнаго капиталиста, который полагаетъ, что онъ можетъ господствовать на рынкѣ потому только, что вліяніе его обнаруживается съ значительной силою въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Иллюзія эта разсѣевается самыми простыми соображеніями. Если Банкъ ведетъ одновременно и покупку, и продажу драгоцѣнныхъ металловъ, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ занятій мѣняльныхъ конторъ. Онъ можетъ удовольствоваться меньшею прибылью, нежели частныя предпріятія, можетъ устранить ихъ своею конкурренціею; но этимъ онъ не улучшитъ положенія промышленности и торговли, и не принесетъ ни малѣйшей пользы денежной системѣ. Напротивъ, если Банкъ сдѣлаетъ невозможными продажу и покупку монеты мѣняльными конторами или частными банками и явится монополистомъ, то вексельный курсъ окажется въ большей зависимости отъ заграничнаго денежнаго рынка. Монополія составляетъ силу, когда она доставляетъ господство; но когда монополисту приходится вести неравную борьбу съ соперникомъ болѣе могущественнымъ, то одиночество составляетъ признакъ слабости. Спросъ на монету, какъ внутренній, такъ и заграничный не зависитъ отъ Государственнаго Банка, а предложеніе нисколько не усилится отъ того, что Банкъ явится единственнымъ продавцомъ. Поэтому, при банковой монопольной торговлѣ металлами, слѣдуетъ ожидать болѣе сильныхъ колебаній вексельнаго курса и лажа, чѣмъ при совокупномъ дѣйствіи мѣняльныхъ конторъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій. Если же конкурренція Государственнаго Банка не упразднитъ частной торговли драгоцѣнными металлами, если Банкъ не будетъ поль-

зоваться своимъ положеніемъ первенствующаго кредитнаго учрежденія, то ему прійдется не устанавливать цѣны на монету, а сообразоваться съ цѣнами, существующими на денежномъ рынкѣ. При такой пассивной роли, очевидно не можетъ быть рѣчи о регулированіи цѣнности бумажныхъ денегъ.

Вторая форма торговли металлами, не одновременная, а послѣдовательная, имѣющая цѣлію или усиленіе металлическаго фонда, или извлеченіе кредитныхъ билетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ регулированіе вексельнаго курса съ одной стороны образованіемъ въ Банкѣ запасовъ драгоцѣнныхъ металловъ, при обильномъ ихъ предложеніи, съ другой стороны удовлетвореніемъ заграничному спросу на монету усиленнымъ ея предложеніемъ изъ этого запаса, не только не выдерживаетъ критики, но осуждена опытомъ. Покупка золота и серебра Банкомъ, при выгодномъ платежномъ балансѣ, оправдывается отчасти тѣмъ, что монета не можетъ поступить у насъ въ обращеніе, отчасти тѣмъ, что накопленіе металлическаго фонда обусловливаетъ открытіе размѣна въ будущемъ; но операція эта имѣетъ и свои темныя стороны. Соединенная съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, она вызываетъ спекулятивную дѣятельность, предпріимчивость, возвышаетъ цѣны и влечетъ за собою ухудшеніе денежной системы въ будущемъ. Консолидація кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для покупки монеты, устраняетъ эти вредныя послѣдствія, но сопряжена съ расходами, которые не окупятся, если пріобрѣтенные запасы монеты останутся на долго въ размѣнномъ фондѣ мертвымъ капиталомъ. Притомъ покупка золота и серебра идетъ успѣшно до тѣхъ поръ, пока предлагаемая за нихъ цѣна не ниже рыночной, а потому Банкъ рискуетъ иногда платить нѣсколько дороже, чѣмъ слѣдуетъ, хотя никакъ нельзя сказать, чтобы онъ непремѣнно и всегда платилъ дороже. Продажа золота и серебра, соединенная съ сокращеніемъ денежнаго обращенія, ведетъ къ стѣсненію денежнаго рынка. Если извлеченные продажей кредитные билеты будутъ обращены на развитіе учета и ссудъ, то масса бумажныхъ денегъ останется прежняя, а уменьшится только металлическій фондъ. Суммы же, взятыя изъ фонда, направятся заграницу и поощрятъ привозъ какъ товаровъ, такъ и биржевыхъ цѣнностей.

Повидимому можно надѣяться, что пріобрѣтая запасы монеты и обращая ихъ въ продажу, Банкъ облегчитъ разсчеты по платежному балансу, но опытъ истекшихъ 10 лѣтъ съ 1867 по

1877 годъ показываетъ, что Банкъ, при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, не въ состоянiи составлять такiе запасы монеты, которые были бы достаточны для удовлетворенiя продолжительному на нея спросу, и что нельзя разсчитывать на восполненiе отпуска монеты привозомъ въ ближайшiе годы, даже въ случаѣ выгоднаго торговаго баланса. Такъ, въ 1876 г., отпущено было монеты за границу на 100 мил. руб., и несмотря на то, что въ 1877 г. перевѣсъ цѣны отпуска надъ цѣною привоза товаровъ составлялъ около 206 мил. руб., вывозъ монеты продолжался и превысилъ привозъ на 8 мил. рублей.

Попытка регулировать курсъ кредитнаго рубля посредствомъ торговли металлами разбивается поэтому прежде всего о препятствiе, заключающееся въ громадномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. Если бы весь металлическiй фондъ Государственнаго банка былъ проданъ, то это могло бы уменьшить сумму кредитныхъ билетовъ на $^1/_5$ долю; въ обращенiи осталось бы еще бумажныхъ денегъ на 900 мил. рублей, на которые нельзя было бы дѣйствовать прежнимъ способомъ.

3. *Консолидацiя кредитныхъ билетовъ безусловная и съ обратнымъ ихъ выпускомъ подъ обезпеченiе банковаго портфеля.*

Третье средство — извлеченiе кредитныхъ билетовъ — предполагаетъ: опредѣленiе размѣра операцiи, указанiе источниковъ, на которые она можетъ быть отнесена, и избранiе прiемовъ, обѣщающихъ благопрiятный результатъ, при возможно меньшемъ потрясенiи народнаго и финансоваго хозяйства. Относительно размѣра операцiи всѣ, рекомендующiе эту мѣру, согласны съ тѣмъ, что извлеченiе бумажныхъ денегъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока размѣнъ ихъ на монету не будетъ возстановленъ; но одни полагаютъ достаточнымъ изъять изъ обращенiя только ту сумму, которая была выпущена для финансовыхъ цѣлей, а другiе считаютъ нужнымъ извлечь и часть кредитныхъ билетовъ (за исключенiемъ суммы которая можетъ остаться безпроцентнымъ долгомъ казначейства), и часть серiй (билетовъ казначейства), и часть вкладовъ, внесенныхъ до востребованiя въ Государственный банкъ, и даже 4% металлическiе билеты. Очевидно, что размѣръ извлеченiя кредитныхъ билетовъ, а также консолидацiи вкладовъ и текущаго долга не можетъ быть опредѣленъ à priori и совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ. Исчисленiя могутъ быть сдѣланы только для даннаго

момента и имѣютъ главнымъ образомъ значеніе въ планѣ, составленномъ для возстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ на монету. Такъ какъ начертаніе плана не имѣется въ виду въ настоящей статьѣ, то вопросъ о размѣрѣ операцій по извлеченію бумажныхъ денегъ долженъ остаться въ ней незатронутымъ.

Что касается источниковъ для извлеченія кредитныхъ билетовъ, то къ нимъ слѣдуетъ отнести или бюджетные остатки, или займы. На бюджетные остатки не всегда можно разсчитывать. Если во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ пользовались ими, то у насъ они составляютъ рессурсъ очень невѣрный и источникомъ могутъ служить только займы.

Наконецъ пріемъ, при извлеченіи кредитныхъ билетовъ, можетъ состоять или въ безусловномъ сокращеніи бумажно-денежнаго обращенія, т. е. въ уничтоженіи кредитныхъ билетовъ, изъятыхъ посредствомъ цѣлаго ряда займовъ или же въ сокращеніи условномъ. Въ послѣднемъ случаѣ извлеченные займами или консолидаціею бумажныя деньги вновь поступаютъ въ обращеніе, но не иначе, какъ по коммерческимъ операціямъ Банка съ обезпеченіемъ, состоящемъ въ солидномъ портфелѣ.

Успѣхъ перваго пріема обусловливается достаточнымъ запасомъ монеты на внутреннемъ рынкѣ и свободнымъ ея обращеніемъ. Если бы въ Россіи находился значительный запасъ металлическихъ денегъ и если бы обращеніе ихъ съ лажемъ было уже допущено, то извлеченіе кредитныхъ билетовъ могло бы вызвать быстрое появленіе монеты. Перспектива пониженія лажа заставила бы каждаго обмѣнивать монету на кредитные билеты, для того, чтобы воспользоваться существующимъ на нее выгоднымъ курсомъ и такъ какъ между колебаніями лажа и колебаніями рыночныхъ цѣнъ на товары никогда не бываетъ строгаго соотвѣтствія (цѣны съ большей или меньшей быстротою только слѣдуютъ за лажемъ), то размѣнивая металлическія деньги на бумажныя, можно было бы выиграть на покупной силѣ послѣднихъ. При указанныхъ обстоятельствахъ, сокращеніе кредитнаго обращенія должно восполниться монетою, и страна, быть можетъ, не ощутитъ особенно сильнаго недостатка въ свободныхъ капиталахъ, питающихъ народную предпріимчивость. Конечно, возвышеніе учетнаго процента возможно и даже неизбѣжно, при самомъ благопріятномъ ходѣ дѣла; но кризисъ денежный окончится въ теченіи непродолжительнаго времени; останутся неизбѣжныя фи-

нансовыя и народно-экономическія затрудненія, вызванныя возстановленіемъ нарицательной цѣнности кредитной денежной единицы. Налоги сдѣлаются тяжеле, расходы по консолидаціи потребуютъ болѣе или менѣе значительныхъ жертвъ, наконецъ имущественному положенію частныхъ лицъ придется испытать значительное потрясеніе. Но если въ странѣ нѣтъ запаса металлическихъ денегъ и монета не можетъ войти въ оборотъ до пріобрѣтенія бумажными деньгами нарицательной цѣны, то всякое извлеченіе послѣднихъ изъ обращенія произойдетъ безъ соотвѣтствующаго прилива монеты и повлечетъ за собою уменьшеніе свободныхъ денежныхъ капиталовъ. Наступитъ кризисъ денежный, который обратится впослѣдствіи въ кризисъ промышленный, торговый и финансовый. Если бы правительство въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, собравъ запасъ монеты открыло размѣнъ по курсу al pari, то недовѣріе къ бумажнымъ деньгамъ не исчезло бы до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось бы очевиднымъ, что сумма монеты, предназначенная для размѣна, вполнѣ достаточна для удовлетворенія потребностямъ внутренняго рынка и международныхъ торговыхъ и кредитныхъ оборотовъ, наконецъ спросу со стороны спекуляціи, разсчитывающей на прекращеніе размѣна и на появленіе лажа [1]).

Конечно, и при спекулятивномъ спросѣ на монету возстановленіе размѣна не составляетъ дѣла абсолютно невозможнаго; но потребуетъ консолидаціи въ бо́льшихъ размѣрахъ, и сжатія обращенія, угрожающаго болѣе сильнымъ кризисомъ промышленнымъ и финансовымъ.

Въ виду этихъ крайнихъ затрудненій и возможныхъ роковыхъ послѣдствій представляется совершенно естественнымъ вести такъ сказать параллельно двѣ операціи: съ одной стороны — консолидацію бумажныхъ денегъ, вкладовъ и текущаго государственнаго долга, (заключающагося въ серіяхъ и въ металлическихъ билетахъ) посредствомъ займовъ, а съ другой — выпускъ Государственнымъ Банкомъ бумажныхъ денегъ, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ потребностію кредита и промышленности, подъ учетъ векселей и подъ залогъ благонадежныхъ процентныхъ бу-

---

[1]) Упомянутыя требованія могутъ быть предъявлены на счетъ суммъ, полученныхъ или подъ учетъ векселей и подъ залогъ процентныхъ бумагъ, или по востребованнымъ банковымъ вкладамъ. Противодѣйствовать спекуляціи не легко, потому что возвышеніе учетнаго и ссуднаго процента стѣснитъ промышленность; востребованія же по вкладамъ и по текущимъ счетамъ могутъ продолжаться своимъ чередомъ.

магъ.. Съ перваго взгляда, такой образъ дѣйствій кажется безошибочнымъ. Во первыхъ, онъ долженъ устранить стѣсненіе денежнаго рынка; потребность въ орудіяхъ обращенія будетъ удовлетворена въ предѣлахъ дѣйствительной ощущаемой въ нихъ нужды. Во вторыхъ размѣнъ бумажныхъ денегъ и цѣнность ихъ должны получить прочное обезпеченіе потому что Банкъ, выпуская ихъ вновь только по коммерческимъ операціямъ, дастъ этимъ деньгамъ въ вексельномъ и ссудномъ портфелѣ вполнѣ солидное и равноцѣнное обезпеченіе, а возвышая учетный и ссудный процентъ, получитъ возможность сокращать кредитное обращеніе и привлекать монету извнѣ.

Соображенія эти относительно нормальной денежной системы совершенно правильны. При свободномъ размѣнѣ, банковые билеты обезпечиваются не одною металлическою наличностію, находящеюся въ кассѣ, но и банковымъ портфелемъ. Истощается металлическая наличность, — Банкъ поднимаетъ учетно-ссудный процентъ, и этого часто совершенно достаточно для сокращенія учета и ссудъ, для привлеченія монеты извнѣ, и для обезпеченія свободнаго размѣна билетовъ на монету. Но если монета еще пользуется лажемъ, если еще только предполагается возстановить размѣнъ, то можно ли разсчитывать на то, что бумажныя деньги сдѣлаются размѣнными или равноцѣнными съ металлическими потому, что они будутъ выпущены не для финансовыхъ цѣлей, а для содѣйствія торговлѣ и промышленности? Затѣмъ, можно-ли полагать, что въ странѣ съ бумажно-денежной системой, или даже во всякой другой всегда находится на готовѣ запасъ солидныхъ векселей и другихъ обезпеченій, составляющихъ столь-же вѣрное обезпеченіе для громадной массы кредитныхъ орудій обращенія, какъ и металлическій фондъ? Не послѣдуетъ-ли при возвышеніи учетно-ссуднаго процента, все-таки сжатіе обращенія со всѣми его невыгодными послѣдствіями, безъ соотвѣтствующаго прилива монеты извнѣ? Не наступитъ-ли дороговизна денежныхъ капиталовъ, которой полагали избѣжать, сопровождаемая дороговизною производства и ограниченіемъ сбыта? Привезутъ-ли монету изъ заграницы, если рыночная цѣна кредитныхъ орудій, пользующихся привиллегіею платежнаго средства, не достигнетъ нарицательной цѣны?

Наконецъ, не говоря уже о томъ, что вся сумма бумажныхъ денегъ, извлеченная займами, едва ли можетъ быть затрачена въ коммерческія операціи, Банку, принявшему на себя роль пре-

образователя денежной системы, будетъ еще предстоять консолидація вкладовъ и текущаго государственнаго долга. Положимъ, что Банкъ для облегченія консолидаціи вкладовъ понизитъ проценты по текущимъ счетамъ до 0, по вкладамъ до востребованія до 1 — 2 процентовъ; положимъ, что Банкъ для сокращенія бумажно-денежнаго обращенія возвыситъ учетный процентъ. Не направитъ ли онъ этими мѣрами свободныя суммы въ частные банки и не создастъ ли изъ послѣднихъ, сильныхъ для себя конкурентовъ по учету и по ссудамъ? Повліяетъ ли онъ тогда на денежный рынокъ возвышеніемъ учетнаго и ссуднаго процентовъ? Если бы пониженіе процентовъ по вкладамъ подѣйствовало только на курсъ процентныхъ бумагъ и возвысило послѣднія, то не будетъ ли вздорожаніе фондовъ противодѣйствовать возобновленію размѣна бумажныхъ денегъ, не начнутъ ли фонды притекать изъ заграницы и искать для себя выгоднаго помѣщенія въ странѣ, гдѣ цѣна ихъ значительно поднялась, и гдѣ, при пониженіи лажа, можно извлекать большіе барыши, продавая процентныя бумаги и вывозя полученную за нихъ монету?

Предъидущее позволяетъ утверждать, что хотя солидный банковый портфель служитъ хорошимъ обезпеченіемъ для правильно выпущенныхъ кредитныхъ орудій обращенія, но что разсчетъ на фундированіе банковымъ портфелемъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, въ видахъ возстановленія ихъ нарицательной цѣны и притомъ съ устраненіемъ денежнаго кризиса, принадлежитъ къ числу непровѣренныхъ опытомъ ипотезъ, противъ которыхъ можно сказать многое.

4. Заключеніе относительно свойства мѣръ, которыя должны быть приняты для улучшенія денежной системы.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что предложенныя средства для возстановленія правильной денежной системы не годны, что вѣрная панацея не открыта, и что ее слѣдуетъ искать? Подобное заключеніе было бы ошибочно, потому что экономическая наука универсальныхъ средствъ не знаетъ вовсе, а специфическихъ знаетъ очень мало.

Одна и таже мѣра давала иногда положительные, а иногда отрицательные результаты. Такъ, девальвація во Франціи въ 1796 г. и въ Австріи въ 1811 г. была совершенно безплодна, а въ Россіи въ 1839 — 43 годахъ облегчила возобновленіе размѣна; такъ, продажа казначействомъ золота въ Соединенныхъ

Штатахъ способствовала пониженію лажа, а у насъ только ослабила металлическій фондъ Государственнаго Банка. Такъ, консолидація бумажныхъ денегъ въ Австріи съ 1816 года представляетъ рядъ попытокъ и неудачъ, между тѣмъ какъ въ Англіи — во время борьбы съ Наполеономъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ теченіе войны между Сѣверомъ и Югомъ, во Франціи — въ 1872 — 1873 годахъ, она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Явленія эти становятся понятными, если принять во вниманіе условія, при которыхъ они происходили. Девальвація въ Австріи и Франціи была предпринята въ то время, когда лажъ не имѣлъ никакой устойчивости и когда выпуски бумажныхъ денегъ продолжались; между тѣмъ какъ въ Россіи девальвація была проведена въ ту пору, когда лажъ отличался постоянствомъ, выпуски ассигнацій давно прекратились и монета вошла уже въ обращеніе въ довольно значительномъ количествѣ. Продажа золота въ Соединенныхъ Штатахъ представляла операцію выгодную для казначейства, которое сбывало избытокъ монеты, неимѣвшей опредѣленнаго назначенія, и при этомъ неразсчитывало на поддержаніе вексельнаго курса; у насъ, напротивъ, избытка монеты не было, и Государственный Банкъ продажей металловъ разсчитывалъ повліять на вексельные курсы. Консолидація въ Австріи предпринималась послѣ громаднаго, уже состоявшагося выпуска бумажныхъ денегъ, безъ твердой вѣры въ успѣхъ, и правительство останавливалось каждый разъ, когда операція принимала болѣе значительные размѣры. На оборотъ консолидація въ Англіи, происходила одновременно съ выпусками банковыхъ билетовъ и билетовъ казначейства, и не позволяла имъ выйдти изъ тѣсныхъ границъ. Консолидація въ Соединенныхъ Штатахъ продолжалась во все время войны, и простиралась на 1 милліардъ долларовъ, а консолидація во Франціи непосредственно слѣдовала за войною, и дала средства для уплаты 1600 мил. франковъ, позаимствованныхъ казначействомъ въ Банкѣ Франціи. Очевидно, что результаты зависѣли не отъ свойства принятыхъ мѣръ, а отъ условій и способовъ ихъ примѣненія. При томъ не слѣдуетъ забывать, что денежная система составляетъ и нѣчто самостоятельное въ народномъ хозяйствѣ, и въ извѣстной степени результатъ послѣдняго. Мы были принуждены обратиться къ финансовому рессурсу, заключавшемуся въ бумажныхъ деньгахъ, потому, что мы не имѣли другаго лучшаго источника, для пріобрѣтенія чрезвычайныхъ средствъ; бумажныя деньги состав-

ляли для насъ роковую необходимость, которая можетъ исчезнуть лишь съ измѣненіемъ народно-экономическихъ условій. Вотъ почему, для того чтобы улучшить нашу денежную систему, недостаточно дѣйствовать на нее непосредственно; надо дѣйствовать на всю совокупность нашего финансоваго и народнаго хозяйства. Но для этого необходимо прежде всего ознакомиться съ наиболѣе выдающимися особенностями современнаго положенія нашей денежной системы и съ тѣмъ, чѣмъ оно отличается отъ положенія 1855 — 1857 годовъ.

III. Современное положеніе нашей денежной системы и отличіе его отъ положенія въ 1855—1860 годахъ.

Восточная войны, первая и вторая, потребовали громадныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, — первая на сумму около 400 мил. руб., вторая безъ малаго на полмилліарда; но какъ самыя финансовыя операціи, такъ и условія, при которыхъ происходили онѣ, а равно и послѣдствія, которыми онѣ сопровождались, представляютъ много особенностей.

Существенное различіе между финансовыми операціями 1854 — 1857 гг., съ одной стороны, и 1876 — 1879 гг. съ другой, заключается въ слѣдующемъ.

Въ первомъ періодѣ сдѣланы были только два внѣшніе займа, въ 50 мил. руб. каждый: 8 Іюня 1854 по $89,_{76}$ за 100, и 26 Ноября 1855 по $91,_{36}$ за 100. Внутреннихъ займовъ заключено не было, и безъ сомнѣнія потому именно, что, при прежней банковой системѣ, рессурсомъ для нихъ могли служить только свободныя суммы въ кредитныхъ установленіяхъ, средства которыхъ зависѣли отъ накопленія вкладовъ, не находившихъ для себя помѣщенія въ ссудахъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Займы Казначейства изъ кредитныхъ установленій составляли въ 1855 г. уже около 462 мил. руб., и новыя позаимствованія, покрайней мѣрѣ въ теченіе войны, до прилива бумажныхъ денегъ въ банковыя кассы, были невозможны.

Во второмъ періодѣ, въ 1876 — 1879 г., заключено было займовъ на милліардъ рублей. Въ концѣ 1876 года выпущено на 100 мил. руб. 5% банковыхъ билетовъ 4-го выпуска, по курсу 92 за 100; въ Маѣ слѣдующаго года правительство обратилось и къ заграничнымъ, и къ русскимъ капиталистамъ.

17 Мая 1877 г. былъ разрѣшенъ первый Восточный 5% заемъ въ 200 мил. руб., для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, возлагаемыхъ на Государственное Казначейство по случаю войны, по курсу 90 за 100, а 26 Мая того же года былъ заключенъ 5% внѣшній заемъ въ 15 мил. фунтовъ стерлинговъ по курсу 74 за 100 для подкрѣпленія Государственнаго Казначейства. За первымъ Восточнымъ займомъ слѣдовали второй, въ Августѣ 1878 г. на 300 мил. руб., и третій, въ Маѣ 1879 г. тоже на 300 мил. руб. Одновременно съ займами начинаются выпуски кредитныхъ билетовъ. Съ Октября 1876 г., въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, выпуски эти служили и для покрытія расходовъ Государственнаго Казначейства, и для подкрѣпленія банковыхъ кассъ вообще. Съ Января по Май 1877 г., Казначейство почти ничего не было должно Банку, къ 1-му Мая всего 4,4 мил. руб.; но за то сумма выпусковъ для подкрѣпленія банковыхъ кассъ достигла уже 77,6 милл. (со включеніемъ означенныхъ 4,4 мил. руб.).— Послѣ Апрѣля 1877 г. выпуски кредитныхъ билетовъ продолжались почти непрерывно (исключеніе составляетъ Апрѣль 1878 г.) и къ 1-му Октября 1878 г. достигли высшей цифры 491,8 мил. руб., при чемъ почти вся эта сумма (482,5 мил. руб.) составляла долгъ Казначейства Государственному Банку. Съ Октября 1878 по 1 Мая 1880 г. новые выпуски сократились до 390 мил. руб., при долгѣ Казначейства въ 329 мил. руб. Наконецъ, съ 1 Марта 1878 г. къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ присоединились еще выпуски полугодовыхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства, сначала 4½%-хъ, потомъ 4%, суммами на 50 мил. руб. каждый выпускъ, достоинствомъ въ 1000 и 5000 рублей. Въ одно и тоже время итогъ ихъ не превышалъ 100 мил. руб. Въ 1879 г. всѣ обязательства Государственнаго Казначейства были изъяты изъ обращенія. Такимъ образомъ войны 1855 — 1856 г. и 1876 — 1877 г. увеличили безпроцентный долгъ по кредитнымъ билетамъ почти на одну и туже сумму, на 400 мил. рублей каждая [1]; но за то первая война увеличила процентные долги на 100 мил. руб. внѣшнихъ займовъ, а вторая на милліардъ рублей, въ этомъ числѣ на 94½ мил. мет. руб.

---

[1]) Послѣдняя Восточная война, если не принять въ разсчетъ извлеченія кредитныхъ билетовъ на 62 мил. руб. въ 1876 г., увеличила выпускъ послѣднихъ до 1.214 мил. въ Октябрѣ 1878 г., или на 417 мил. руб.; цифры эти понизились къ 1 Мая 1880 г. на 108 мил. руб.

(на 15 мил. фунт. стерлинг.) внѣшнихъ и на 900 мил. руб. внутреннихъ займовъ.

Приведенные факты удостовѣряютъ, что условія, при которыхъ произошли выпуски бумажныхъ денегъ въ оба періода времени представляютъ существенное различіе: въ первомъ періодѣ кредитные билеты, служившіе главнымъ финансовымъ рессурсомъ, не находили для себя помѣщенія въ государственныхъ займахъ; во второмъ періодѣ это помѣщеніе было для нихъ открыто, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ.

Предъидущимъ далеко неисчерпываются особенности современнаго положенія нашего денежнаго обращенія.

Въ 1855—1856 годахъ мы были совершенно незнакомы съ колоссальными акціонерными предпріятіями — желѣзнодорожными, банковыми и другими. Предпріимчивость наша находилась въ состояніи усыпленія, длившемся многіе годы. Правительство, до 1857 г., не разрѣшало основанія акціонерныхъ обществъ съ большими капиталами и дѣйствовало совершенно послѣдовательно, потому что, при старой банковой системѣ, всякій крупный спросъ на капиталы угрожалъ востребованіемъ банковыхъ вкладовъ, которое могло поставить государственныя кредитныя учрежденія въ затрудненіе. Но въ 1857 году, когда выпущенные кредитные билеты, которые служили нѣкоторое время для усиленія производства военныхъ запасовъ и заготовленій, сдѣлались свободными и притекли въ кассы кредитныхъ установленій, — страхъ востребованія банковыхъ вкладовъ исчезъ, и проценты по вкладамъ 20-го Іюля 1857 года были понижены съ 4 на 3, въ видахъ оживленія промышленности и освобожденія банковыхъ кассъ отъ средствъ, составлявшихъ финансовое бремя. Вмѣсто того, чтобы консолидировать выпущенные кредитные билеты, финансовое управленіе вытолкнуло ихъ снова въ обращеніе; они обратились на покупку фондовъ, на постройку домовъ, но основаніе акціонерныхъ обществъ. Въ промышленности наступила лихорадочная дѣятельность, которая закончилась истощеніемъ банковыхъ кассъ. Поэтому, вслѣдъ за извлеченіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 90 мил. руб. въ 1858 г., пришлось въ 1859 и 1860 годахъ сдѣлать новые выпуски бумажныхъ денегъ, для удовлетворенія вкладчиковъ. Вмѣсто консолидаціи бумажныхъ денегъ, ограничились консолидаціею вкладовъ и преобразованіемъ кредитныхъ установленій, стараясь избавить послѣднія отъ непрерывно угрожавшей имъ опасности со стороны возврата вкладовъ, принятыхъ

до востребованія и помѣщенныхъ на долгіе сроки. Однако, несмотря на то, что сумма кредитныхъ билетовъ доведена была къ 1861 г. снова до 712 мил. рублей, наступило безденежье, которое было послѣдствіемъ упадка цѣны бумажныхъ денегъ и истощенія свободныхъ денежныхъ капиталовъ спекуляціею.

Въ 1876 г. положеніе дѣлъ было иное. Восточная война застигла насъ въ такое время, когда рядъ катастрофъ поколебалъ довѣріе къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, когда наконецъ извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія на 63 мил. руб., при выдачѣ золота Государственнымъ Банкомъ, привело къ уменьшенію свободныхъ денежныхъ капиталовъ на внутреннемъ рынкѣ. Новые выпуски бумажныхъ денегъ способствовали оживленію предпріимчивости; но такъ какъ они слѣдовали непосредственно за тяжелымъ разразившимся надъ нами кризисомъ, то промышленное возбужденіе удержалось въ надлежащихъ границахъ. Недавнія катастрофы были еще въ памяти у всѣхъ, довѣріе не успѣло еще возстановиться; при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ не охотно брали векселя и требовали наличныхъ денегъ. Свободные бумажно-денежные капиталы, появившіеся на внутреннемъ рынкѣ, способствовали не созданію новыхъ предпріятій, а поддержанію и развитію существующихъ. Если, съ одной стороны, благопріятному настроенію внутренняго рынка способствовали урожаи, и значительный отпускъ хлѣба за границу, то съ другой, спекуляція сдерживалась не только осторожностію послѣ недавно пережитаго кризиса, но и рядомъ внутреннихъ займовъ, которые открыли для свободныхъ капиталовъ прибыльное и вѣрное помѣщеніе. Самый успѣхъ 2-го и 3-го восточныхъ займовъ, указываетъ на ихъ своевременность, на то, что они именно объявлены были въ то время, когда изобиліе денегъ могло вызвать чрезмѣрную предпріимчивость. Такимъ образомъ, одно изъ послѣдствій большаго выпуска кредитныхъ орудій обращенія было отвращено; будетъ ли избѣгнуто другое, — именно наступленіе безденежья, — это еще вопросъ. Пониженіе цѣны бумажнаго рубля заставляетъ огромное большинство и производителей, и потребителей расходовать болѣе, чѣмъ прежде; все общество нуждается въ бо̀льшемъ количествѣ орудій мѣны, чѣмъ прежде, а слабый урожай 1879 г. долженъ ограничить сбытъ мануфактурныхъ товаровъ въ 1880 году. Потому для наступленія безденежья достаточно, чтобы нѣкоторыя промышленныя предпріятія пошатнулись, кредитъ поколебался и потребовалось болѣе денегъ для

наличныхъ платежей. Новые выпуски кредитныхъ билетовъ могутъ на время ослабить этотъ кризисъ; но это средство подѣйствуетъ лишь какъ возбуждающее лекарство, которое вызываетъ кратковременное искуственное оживленіе, сопровождаемое обыкновенно еще бòльшимъ упадкомъ силъ. Какъ ни трудно предсказывать хозяйственныя явленія, но безденежье въ будущемъ — явленіе очень возможное и даже вѣроятное.

Къ числу особенностей, рѣзко отличающихъ современное положеніе нашего денежнаго рынка слѣдуетъ отнести ничтожное количество монеты внутри страны. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда мы только вступали въ періодъ бумажно-денежнаго обращенія, металлическихъ денегъ было у насъ довольно много; но съ появленіемъ лажа на монету — послѣдняя тотчасъ же исчезла изъ обращенія. Неразмѣнные кредитные билеты сдѣлались единственнымъ платежнымъ средствомъ, не потому что у насъ другихъ денегъ не было, но потому что обращеніе монеты съ лажемъ было запрещено, а пріемъ бумажныхъ денегъ, какъ равноцѣнныхъ металлическимъ, былъ обязателенъ. Монета спряталась и могла быть употреблена только для заграничныхъ платежей. Вслѣдствіе этого начался вывозъ ея изъ Россіи. Два обстоятельства сильно способствовали *дренированію* металлическихъ нашихъ запасовъ: возвышеніе цѣнъ на наши процентныя бумаги, послѣ громадныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и западно-европейскій кризисъ 1857 года. Иностранцамъ было выгодно продавать облигаціи государственныхъ займовъ въ Петербургѣ по тѣмъ высокимъ цѣнамъ, которыхъ онѣ достигли у насъ, благодаря обилію свободныхъ капиталовъ и, обмѣнивая вырученныя суммы на монету, вывозить послѣднюю за границу. Независимо отъ этого денежный кризисъ въ Европѣ требовалъ усиленія металлическихъ запасовъ и естественно было получать ихъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ они не находили употребленія. Вотъ причины, объясняющія отчасти почему, при благопріятномъ торговомъ балансѣ въ 1857 — 1859 годахъ, при перевѣсѣ отпуска нашихъ товаровъ надъ привозомъ на сумму въ 26 мил. руб., перевѣсъ вывоза монеты надъ ввозомъ, въ эти три года, составилъ по „Видамъ“ внѣшней торговли сумму въ 65 мил. руб. По всей вѣроятности цифра эта была гораздо больше.

Въ 1876 году у насъ запасовъ монеты въ частныхъ рукахъ уже не было. Вывозъ золота за границу не слѣдовалъ за новыми выпусками бумажныхъ денегъ, а предшествовалъ имъ, и,

какъ замѣчено было выше, онъ былъ вызванъ ... сокращая бумажно-денежное обращеніе, облегчить ... заграничные платежи и тѣмъ самымъ поддержать ... курсы. Операція эта уменьшила размѣнный фондъ Гос... наго Банка, но курсовъ не возвысила. За тѣмъ, когда ... прекращена, и когда въ октябрѣ 1878 г. было выпущено 491 мил. руб. [1]) кредитныхъ билетовъ, существующая ... незначительная сумма монеты не имѣла никакого вліянія ... мажную валюту. Цѣнность послѣдней могла зависѣть лиш... покупной силы, которую обезпечивали за нею, — большее или меньшее довѣріе къ ресурсамъ страны и ея правительства.

Наконецъ въ 1855 — 1857 годахъ мы не имѣли сѣти желѣзныхъ дорогъ. Соединеніе Петербурга съ Москвою и Варшавы съ Австрійскою границею имѣло очень слабое вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю торговлю; цѣны многихъ товаровъ регулировались мѣстнымъ спросомъ и предложеніемъ, даже самый лажъ на монету въ провинціальной глуши, при отсутствіи мѣняльныхъ и банкирскихъ конторъ, производящихъ операціи по покупкѣ процентныхъ бумагъ, золота, серебра и проч. устанавливался и при томъ совершенно случайно, независимо отъ главныхъ центровъ нашихъ биржевыхъ и денежныхъ оборотовъ.

Въ 1877—1879 годахъ 20,000 верстная сѣть желѣзныхъ дорогъ покрывала уже Россію. Сѣверъ былъ соединенъ съ Югомъ, отдаленные торговые центры хлѣбной торговли на Востокѣ могли сбывать свой товаръ въ западную Европу; телеграфная проволока передавала немедленно всѣ извѣстія о колебаніяхъ цѣнъ и вексельныхъ курсовъ. Множество мѣняльныхъ конторъ (возникшихъ вслѣдствіе появленія массы процентныхъ бумагъ, представляющихъ матерьялъ для торговли кредитными цѣнностями и возможность вести болѣе правильную торговлю монетою) слѣдили за курсами биржевыхъ бумагъ, за движеніемъ лажа и сообразовались съ цѣнами, стоящими на столичныхъ биржахъ. Такимъ образомъ цѣны и товаровъ, и процентныхъ бумагъ, и лажъ на монету сдѣлались несравненно болѣе чувствительными и однообразными. Процессъ, который совершался двадцать два года тому назадъ въ теченіи мѣсяцевъ, и даже цѣлыхъ годовъ, происходилъ теперь въ нѣсколько дней [2]).

---

[1]) Для подкрѣпленія кассъ во время послѣдней войны.

[2]) Въ высшей степени интересные факты и наблюденія, относящіяся и къ нашему денежному обращенію въ періодъ времени съ 1855 по 1863 г., помѣщены въ соч.

Излагая финансовыя операціи въ теченіи первой и послѣдней Восточныхъ войнъ, а также условія, при которыхъ эти операціи производились, нельзя было не упомянуть о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ выпуска бумажныхъ денегъ въ оба періода, именно о приливѣ свободныхъ денежныхъ капиталовъ, и направленіи, которое они получали, а затѣмъ о вліяніи неразмѣнныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на истощеніе запасовъ монеты въ странѣ.

Теперь предстоитъ разсмотрѣть самое существенное послѣдствіе, которое ощущается всѣмъ народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ — появленіе лажа на монету, и упадокъ вексельнаго курса.

Пониженіе курса кредитнаго рубля въ 1855—1857 г. совершилось не сразу, и не слѣдовало тотчасъ за выпусками бумажныхъ денегъ. Въ первый годъ войны, въ 1855 г., вексельный курсъ колебался между 361 и 384 сантимами за рубль. Въ 1856 г. въ Маѣ, курсъ достигъ пари; потомъ поднялся даже до 415 сантимовъ, и до Марта 1857 г. держался около пари, не обнаруживая признаковъ паденія цѣны кредитнаго рубля; но въ Ноябрѣ 1857 г. вексельный курсъ понизился уже до 360 сантимовъ. Хотя затѣмъ курсъ поправлялся, но онъ потерялъ устойчивость, и колебанія его сдѣлались очень рѣзки. Если оставить въ сторонѣ время, съ Мая 1862 г. по Ноябрь 1863 г., когда курсъ регулировался подъ вліяніемъ операціи размѣна, то въ 1857—1864 г. высшіе курсы доходили въ 1860 и 1861 г.г. до 385½ и до 374½ сантимовъ, а низшіе до 325 въ Маѣ 1859 г. (итальянская война) и до 312 въ Сентябрѣ (польское возстаніе). Съ 1865 по 1876 г. вексельный курсъ только однажды въ 1871 г. въ Октябрѣ достигалъ до 360 сантимовъ и падалъ до 266, въ Іюнѣ 1866 г. (война между Пруссіею и Австріею) и до 299 сантимовъ въ Іюлѣ 1870 г. (франко-германская война). — Какъ легко заключить изъ предъидущаго, политическія событія занимали первое мѣсто въ ряду причинъ, вызывавшихъ наиболѣе сильныя колебанія курсовъ; но, независимо отъ этого, пониженіе послѣднихъ шло своимъ чередомъ.

В. П. Безобразова: «О нѣкоторыхъ явленіяхъ, денежнаго обращенія въ Россіи». Москва. 1856 г. *Н. Б.*

Передъ войною, въ 1877 г., въ январѣ и февралѣ, средній вексельный курсъ составлялъ около 311 сантимовъ; затѣмъ въ теченіи войны и послѣ нея вексельный курсъ не падалъ ниже 233 и не поднимался выше 278 сантимовъ. Замѣчательно, что ни С. Стефанскій предварительный мирный договоръ, ни Берлинскій трактатъ, не подѣйствовали на возвышеніе вексельнаго курса до той нормы, на которой онъ находился передъ войною. Въ 1878 г. не только не повторялось явленіе 1856—1857 года, когда вексельный курсъ вдругъ достигъ прежней высоты (передъ войною), но даже средній курсъ, вычисленный для годичныхъ періодовъ, постепенно понижался. Онъ составлялъ:

для	1877	года . . .	272	сантима.
„	1878	„ . . .	257,3	„
„	1879	„ . . .	253,7	„

Колебанія въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ не превышали 12½%, т. е. низшій курсъ уклонялся отъ высшаго на 12½%.

Причина этихъ явленій заключается отчасти въ томъ, что въ 1856—1857 гг. запасы монеты, существовавшіе внутри Россіи, облегчали заграничные платежи, а въ 1877—1879 гг. этихъ запасовъ уже не было.

Возвышеніе цѣнъ на всѣ произведенія, въ 1878—1879 гг., произошло гораздо быстрѣе, чѣмъ въ 1857 — 1859 гг., вслѣдствіе болѣе быстрыхъ внутреннихъ сообщеній, значительнаго развитія внѣшней торговли и наконецъ неурожаевъ въ Европѣ, которые подняли цѣны на хлѣбъ, вывозимый за границу, а при болѣе легкой доставкѣ хлѣба изъ внутреннихъ рынковъ къ предѣламъ, подняли цѣны страны и во всей европейской Россіи. Такимъ образомъ дороговизна сдѣлалась у насъ повсемѣстною и всеобщею: съ пониженіемъ цѣнности кредитнаго рубля поднялись цѣны и на заграничные товары, по мѣрѣ истощенія ихъ запасовъ, и на внутреннія произведенія, за исключеніемъ весьма немногихъ (напр. сахара), которые не вздорожали, только благодаря избытку производства и неурожаю хлѣба въ 1879 году.

Упадокъ вексельнаго курса, лажъ на монету, возвышеніе цѣнъ въ 1857—1858 годахъ представлялись еще какъ явленія неустановившіяся, которыя не отнимали надежды на возстановленіе нормальной денежной системы. Какъ ни велики были затрудненія, съ которыми приходилось бороться финансовому

управленію, послѣ сдѣланной ошибки пониженія процентовъ по банковымъ вкладамъ, но поворотъ къ лучшему казался возможнымъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ попытка возобновленія размѣна въ 1862—1863 годахъ. Но, въ 1878—1879 годахъ, фактъ пониженія цѣны кредитнаго рубля и его послѣдствія представляются съ характеромъ постоянства и устойчивости. Масса бумажныхъ денегъ въ милліардъ сто милліоновъ не легко можетъ быть уменьшена, и хотя государство сократило свой долгъ банку съ 1 сентября 1878 года къ 1 мая 1880 года на 219,4 милл. руб., но уменьшеніе кредитнаго обращенія, съ 1 октября 1878 г. по 1 мая 1880 г., всего на 108 милл., очень не велико. Если бы даже это уменьшеніе было значительнѣе, то едва ли можно разсчитывать на возвышеніе вскорѣ вексельнаго курса до 311 сантимовъ,—до нормы, на которой онъ находился передъ войною. Извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія скорѣе всего можетъ предотвратить дальнѣйшее пониженніе вексельнаго курса, но не болѣе этого. Разсчеты на улучшеніе нашей валюты, вслѣдствіе выгоднаго торговаго баланса болѣе чѣмъ сомнительны, потому что монета не можетъ служить у насъ орудіемъ обращенія, а если бы монета и получила это право, то нужны годы для того, чтобы она появилась на рынкѣ и могла повліять на твердость вексельнаго курса.

Несмотря однако на всѣ темныя стороны, представляемыя современнымъ положеніемъ нашей денежной системы, можно, наравнѣ съ неблагопріятными признаками, указать и на благопріятные, которые позволяютъ отнестись съ нѣкоторымъ довѣріемъ къ будущему.

Къ числу неблагопріятныхъ признаковъ должно отнести:

1) истощеніе запасовъ монеты и въ рукахъ частныхъ лицъ, и въ размѣнномъ фондѣ Государственнаго Банка. Отношеніе размѣннаго фонда къ выпущеннымъ кредитнымъ билетамъ составляло въ 1875 г. какъ 1 : 3,45, а въ 1880 г. 1 мая какъ 1 : 7,2;

2) малое сокращеніе суммы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, всего на 108 милл. руб. (1 мая 1880 г.);

3) непрерывное паденіе вексельнаго курса;

4) возвышеніе цѣнъ на товары, въ которомъ отразилось пониженіе цѣнности кредитнаго рубля.

Къ благопріятнымъ признакамъ слѣдуетъ отнести: во-1-хъ, тотъ фактъ, что цѣна кредитныхъ билетовъ не упала соразмѣрно съ ихъ выпускомъ. Въ 1875 г. 797 милл. кредитныхъ рублей

стоили на монету 677 милл., а въ 1880 г. 1 мая 1106 милл. р. стоятъ около 730; поэтому цѣнность всей совокупности нашихъ бумажныхъ денегъ возвысилась на 53 милл. руб., тогда какъ кредитные билеты потеряли противъ 1875 г. около 25%. Это даетъ право разсчитывать на то, что сокращеніе массы кредитныхъ билетовъ можетъ остановить возвышеніе лажа. Затѣмъ, несмотря на сравнительно слабое уменьшеніе бумажнаго обращенія (на 108 милл. руб.), нельзя не признать благопріятнымъ признакомъ довольно быстраго и успѣшнаго погашенія государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ. Наконецъ, хотя цѣны большей части товаровъ и имуществъ возвысились на 20—25%, но въ нѣкоторой степени это возвышеніе должно быть приписано не однимъ бумажнымъ деньгамъ, но и неурожаямъ.

IV. Что можетъ быть предпринято въ настоящее время для улучшенія нашей денежной системы?

Разсмотрѣніе условій, въ которыхъ находится наше народное и государственное хозяйство, а также ближайшее знакомство съ положеніемъ денежной системы, указываютъ на то, что можетъ быть предпринято для улучшенія послѣдней съ наибольшею вѣроятностію успѣха.

Само собою разумѣется, что дѣйствительное улучшеніе предполагаетъ возобновленіе размѣна кредитныхъ билетовъ на монету; но эта главная, можно сказать, единственная цѣль едва ли можетъ быть достигнута сразу. Самыя рѣшительныя мѣры, самыя громадныя жертвы могутъ оказаться безсильными, пока не будетъ подготовлено многое для достиженія вѣрнаго результата. При данныхъ обстоятельствахъ, прежде составленія проектовъ о возстановленіи нормальной денежной системы, и пріисканія способовъ для ихъ выполненія, надо опредѣлить направленіе, которому необходимо слѣдовать, подумать о благопріятныхъ условіяхъ, для разрѣшенія предстоящей задачи въ будущемъ, и освободиться отъ гнета обстоятельствъ, которыя заставляли насъ обращаться къ бумажнымъ деньгамъ. Все это предполагаетъ обширныя экономическія преобразованія, обнимающія не одну денежную систему, но совокупность всего государственнаго и народнаго хозяйства. Такія приготовительныя мѣры, проведенныя съ энергіею и быстротою, могутъ приблизить насъ скорѣе, чѣмъ полагаютъ

многіе, къ тому моменту, когда наступитъ пора для окончательнаго регулированія денежной системы.

Возвращеніе монетѣ права служить орудіемъ обращенія, приведеніе цифры выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ той нормѣ, на которой она находилась передъ восточною войною, улучшеніе финансовой системы, въ видахъ развитія не однихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, но въ видахъ улучшенія всего государственнаго хозяйства и усиленія производительныхъ средствъ страны, наконецъ рядъ реформъ, обнимающихъ разнообразныя отрасли народнаго хозяйства и долженствующихъ возвысить благосостояніе народа—вотъ программа, выполненіе которой стоитъ на очереди.

Возвращеніе монетѣ права служить орудіемъ обращенія предполагаетъ разрѣшеніе совершать сдѣлки на монету (т. е. сообщеніе такимъ сдѣлкамъ законной силы, которой онѣ теперь не имѣютъ) и дозволеніе послѣдней обращаться съ лажемъ). Нечего опасаться, что эта мѣра поколеблетъ курсъ кредитнаго рубля, что монета вытѣснитъ бумажныя деньги изъ обращенія. Сохраненіе счета на кредитные рубли, обязательный пріемъ послѣднихъ въ платежахъ, слѣдующихъ по сдѣлкамъ, заключеннымъ не только на бумажную, но и на металлическую валюту (по курсу), обезпечатъ кредитнымъ билетамъ свободное обращеніе, но въ то же время и монета не будетъ лишена права служить платежнымъ средствомъ. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ законъ, запрещавшій употребленіе монеты въ частныхъ сдѣлкахъ и названный въ „Merchant Magazine" закономъ объ изгнаніи послѣдняго доллара изъ предѣловъ страны, былъ отмѣненъ 30 іюня 1864 г., 10 дней спустя послѣ его утвержденія, въ то время, когда лажъ достигалъ наибольшей высоты (256½ долларовъ за 100 дол. монетою); примѣръ Италіи, гдѣ разрѣшеніе употреблять монету не имѣетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій; наконецъ опытъ Россіи, въ которой, съ 1812 по 1839 г., дѣйствовало законодательство, сходное съ принятымъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Италіи, всѣ эти факты убѣждаютъ въ томъ, что мѣра эта не только не препятствуетъ кредитному обращенію, но и способствуетъ накопленію въ странѣ запаса металлическихъ денегъ, запаса, необходимаго для возобновленія размѣна въ будущемъ.

Конечно металлическіе рынки *„не создаются законами или манифестами"*, конечно дозволеніе заключать сдѣлки на монету и принимать ее съ лажемъ не произведетъ внезапнаго переворота.

Сдѣлки будутъ по большей части совершаться на кредитные рубли и монета не появится сразу въ частныхъ кассахъ, въ Государственномъ Банкѣ и въ казначействахъ. При ассигнаціонной системѣ пришлось ожидать 18 лѣтъ, пока монета вошла у насъ снова въ обращеніе, и если теперь, вслѣдствіе болѣе удобныхъ и легкихъ сообщеній, можно разсчитывать на менѣе продолжительное переходное время, то все-таки нужны годы, для того, чтобы появленіе металлическихъ денегъ сдѣлалось замѣтнымъ. Самые главные и ближайшіе результаты этого появленія будутъ состоять въ большей устойчивости вексельнаго курса, въ облегченіи заграничныхъ металлическихъ платежей и въ установленіи фактическаго размѣна кредитныхъ билетовъ на монету съ существующимъ на нее лажемъ.

Что-же касается приведенія этой мѣры въ исполненіе, то можно избрать двоякій путь. Во-1-хъ, не установляя общаго правила, можно опредѣлить случаи, допускающіе совершеніе сдѣлокъ на монету, и употребленіе монеты въ платежахъ. Такъ напр. можно разрѣшить выдачу на монету векселей, заключеніе займовъ подъ закладныя на недвижимыя имущества и нѣкоторыхъ долгосрочныхъ контрактовъ (но съ надлежащими предосторожностями); можно дозволить банкамъ пріемъ процентныхъ вкладовъ, выдачу ссудъ и учетъ металлическихъ векселей монетою; можно дозволить уплату налоговъ монетою (по курсу, назначенному правительствомъ) — заводчикамъ, фабрикантамъ, купцамъ, владѣльцамъ крупныхъ недвижимыхъ имуществъ. Во 2-хъ, можно установить общее правило и перечислить случаи, въ которыхъ употребленіе монеты должно подлежать ограниченіямъ. Такъ напр. слѣдуетъ запретить совершеніе сдѣлокъ на монету, въ особенности долгосрочныхъ контрактовъ, крестьянамъ и людямъ неграмотнымъ; слѣдуетъ запретить уплату монетою нѣкоторыхъ налоговъ, напр. личныхъ податей, паспортнаго сбора и проч. Всѣ подобнаго рода ограниченія предписываются соображеніями не экономическаго, а чисто полицейскаго свойства, необходимостію предупредить обманъ и эксплуатацію людей темныхъ, незнакомыхъ съ колебаніями лажа, людей, которыхъ легко и обойти, и обсчитать.

Приведеніе цифры выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ той нормѣ, на которой эта цифра находилась передъ послѣднею восточною войною, составляетъ вторую задачу, болѣе трудную, хотя и довольно скромную по ближайшимъ обѣщаемымъ ею ре-

зультатамъ. Удачное ея разрѣшеніе не обѣщаетъ ни выхода изъ затрудненій, которыя мы испытываемъ около 26 лѣтъ, ни даже значительнаго улучшенія курса кредитнаго рубля. Но надо покориться необходимости: пока нѣтъ монеты во внутреннемъ обращеніи, пока металлическій фондъ въ Государственномъ Банкѣ очень малъ, сравнительно съ суммою выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, до тѣхъ поръ, независимо отъ другихъ причинъ, нельзя разсчитывать на успѣхъ какихъ бы то ни было проектовъ относительно возстановленія нормальной денежной системы. Консолидація бумажныхъ денегъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе были предлагаемы иными писателями нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда кредитныхъ билетовъ было у насъ на 300 мил. руб. менѣе, даже при соблюденіи постепенности и при обращеніи извлеченныхъ кредитныхъ билетовъ, на банковыя операціи, въ настоящій моментъ представляетъ большія трудности. При этомъ было разчитываемо на консолидацію серій (билетовъ государственнаго казначейства) на 159 мил. рублей, вкладовъ на 100 мил. руб., 4% металлическихъ билетовъ на 50 мил. руб., и наконецъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму, за вычетомъ металлическаго фонда Государственнаго Банка и за исключеніемъ 130 мил. руб., которые предполагалось возможнымъ оставить какъ безпроцентный долгъ Казначейства. Если примѣнить всѣ эти разсчеты къ настоящей цифрѣ кредитныхъ билетовъ, то пришлось бы заключить займы на сумму свыше 1,100 мил. руб. и изъять изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на сумму свыше 800 мил. руб. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта операція, по громадности своихъ размѣровъ, потребовала бы продолжительнаго времени, въ теченіи котораго пришлось бы не разъ пересоставлять проекты и планы, а всякая поспѣшность обрекла бы ее на несомнѣнную неудачу. Простое извлеченіе на 800 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ, хотя бы и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, произвело бы сильный денежный и промышленный кризисъ. Возвращеніе же денежному рынку значительной части консолидированныхъ бумажныхъ денегъ, какъ было при этомъ предлагаемо, подъ учетъ векселей и подъ залогъ процентныхъ бумагъ, невозможно потому, что на нѣсколько сотенъ мил. руб. Банкъ не скоро и не легко найдетъ солидныхъ векселей и процентныхъ бумагъ, которые составили бы хорошій портфель, не говоря уже о томъ, что подобное фундированіе не подвинуло бы насъ далеко въ дѣлѣ возстановленія нарицательной цѣны кредитнаго рубля.

При такомъ положеніи вещей остается продолжать дѣло, начатое нашимъ финансовымъ управленіемъ,—погашеніе долга государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ во время войны на сумму въ 300 мил. руб. Установленіе правильной періодической его уплаты, болѣе точное опредѣленіе условій для выпуска Государственнымъ Банкомъ кредитныхъ билетовъ, извлеченныхъ консолидаціею и переданныхъ Банку для погашенія долга, числящагося за Казначействомъ; наконецъ пріисканіе финансовыхъ способовъ для уплаты Государственнымъ Казначействомъ Банку 300 мил. руб.,—вотъ три предмета, которые заслуживаютъ особаго вниманія.

Можно полагать, что назначеніе сроковъ для уплаты упомянутыхъ 300 мил. рублей, подобно тому какъ это было сдѣлано во Франціи, послѣ франко-германской войны, было бы не безполезно. Общество и биржевой міръ получили бы убѣжденіе, что извѣстная цѣль имѣется въ виду и будетъ непремѣнно достигнута (за исключеніемъ развѣ непредвидѣнныхъ и случайныхъ препятствій).

Затѣмъ неизлишне кажется опредѣлить условія выпуска Государственнымъ Банкомъ въ обращеніе билетовъ, поступившихъ къ нему въ уплату отъ Казначейства. Такъ какъ простое благоразуміе требуетъ, чтобы извлеченіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія не происходило внезапно, скачками, и въ особенности не влекло за собою стѣсненія учетной и ссудной операцій въ кредитныхъ учрежденіяхъ, то Государственному Банку должно быть предоставлено право выпускать по коммерческимъ операціямъ билеты, нѣкогда выпущенные имъ за счетъ Казначейства и поступившіе къ нему обратно въ уплату государственнаго долга. Но, предоставляя этотъ рессурсъ Банку, для развитія его операцій, и для предупрежденія внезапнаго истощенія денежнаго рынка, должно обязать Банкъ уплачивать по затратамъ такого рода суммъ проценты въ пользу Казначейства. Если этотъ процентъ будетъ нѣсколько выше, противъ платимаго по вкладамъ и по текущимъ счетамъ, то Банку очевидно будетъ выгоднѣе развивать свои операціи на счетъ вкладовъ и текущихъ счетовъ, чѣмъ на счетъ оставленныхъ въ его распоряженіи кредитныхъ билетовъ. Это даже желательно. Если бы суммы, накопившіяся по вкладамъ и по текущимъ счетамъ въ Банкѣ позволяли при учётѣ и ссудахъ обойтись безъ обратнаго выпуска консолидированныхъ кредитныхъ билетовъ, то это

было бы не только признакомъ образованія капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ, но и условіемъ для болѣе солиднаго банковаго портфеля, чѣмъ запасъ бумажныхъ денегъ, подлежащихъ изъятію изъ обращенія. Векселя и ихъ учетъ давали бы помѣщеніе дѣйствительно сдѣланнымъ сбереженіямъ, а не одну лишь возможность распоряжаться вещественными капиталами, нерѣдко уже затраченными.

Уплатить 300 милл. руб. изъ обыкновенныхъ финансовыхъ рессурсовъ невозможно; правительство должно будетъ прибѣгнуть къ займамъ внутреннимъ или внѣшнимъ, на кредитную или на металлическую валюту. Какіе займы и на какую валюту должны быть признаны болѣе выгодными à priori рѣшить довольно трудно. Если имѣть въ виду возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля, то выгоднѣе конечно займы внутренніе и притомъ металлическіе. Правительство поступило бы нерасчетливо, заключая займы на кредитные рубли и предполагая платить рублями металлическими; получая 65 коп., оно обязывалось бы отдать 100 коп. Напротивъ, занимая на металлическую валюту, оно, при курсѣ облигаціи al pari, на каждую 100 рублевую облигацію, извлекало бы въ настоящее время изъ обращенія около 150 кредитныхъ рублей, не нарушая притомъ требованій справедливости ни относительно капиталистовъ, ссужающихъ его деньгами, ни относительно плательщиковъ налоговъ, которымъ приходится разсчитываться за государственные долги. Конечно финансовое управленіе поступило бы не обдуманно и опрометчиво, если бы оно заключало металлическіе займы, не имѣя рѣшимости возстановить нормальную денежную систему, или же зная, что его рессурсы не могутъ доставить ему достаточнаго количества монеты для выполненія принятыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе, не безполезно припомнить еще разъ, что уплата Казначействомъ Банку 300 милл. рублей, за выпущенные кредитные билеты, не позволяетъ разсчитывать на немедленныя ощутительныя послѣдствія погашенія этого долга. Если бы кредитное обращеніе было доведено до той нормы, на которой она находилась въ 1876-мъ году; т. е. до 800 милл. рублей, если бы Банкъ не затратилъ въ учетѣ и ссудахъ, изъ предоставленныхъ ему 300 милл. руб. кредитныхъ билетовъ ни одного милліона, то и тогда, въ ближайшемъ будущемъ, можно было бы надѣяться, главнымъ образомъ, только на пріостановку

непрерывнаго пониженія вексельнаго курса. Возвышеніе послѣдняго, конечно, не представляетъ ничего невѣроятнаго, но для этого необходимы и благопріятныя обстоятельства, и мѣры экономическія, направленныя къ облегченію налоговъ, къ развитію производства и къ возвышенію общественнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, результатъ уменьшенія безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ на 300 милл. рублей былъ бы очень важенъ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не обнаружился чѣмъ либо особенно замѣтнымъ. Возвратъ денежнаго обращенія къ той цифрѣ, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, передъ 1876 годомъ, была господствующею, послужилъ бы болѣе твердою точкою опоры для дальнѣйшихъ дѣйствій финансоваго управленія, такъ какъ онъ возстановилъ бы, послѣ короткаго промежутка, положеніе вещей, длившееся достаточно долгое время, въ продолженіи котораго и цѣны, и лажъ успѣли прійди въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ итогомъ бумажныхъ денегъ въ 800 милл. рублей.

Наконецъ, нельзя не придавать вѣса уменьшенію шансовъ для пониженія вексельныхъ курсовъ, пониженія не вслѣдствіе случайныхъ и неустранимыхъ причинъ (политическихъ событій и проч.), а вслѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ, сдѣланныхъ на послѣднюю войну.

Преобразованіе финансовой системы, въ видахъ развитія источниковъ государственныхъ доходовъ, улучшенія всего государственнаго хозяйства и усиленія производительныхъ средствъ страны, составляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей, одно изъ существенныхъ условій приведенія въ порядокъ денежной системы. Въ предлагаемой замѣткѣ, предметъ этотъ можетъ быть обозначенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ и лишь съ указаніемъ на отношеніе, которое онъ имѣетъ къ денежному обращенію. Публицисты самыхъ разнообразныхъ направленій согласны въ томъ, что переложеніе подушной подати, отмѣна солянаго налога, упраздненіе паспортной системы и пересмотръ таможеннаго тарифа необходимы, и для того, чтобы увеличить наши финансовыя средства, и для того, чтобы самые источники, изъ которыхъ черпаются государственные доходы, сдѣлались болѣе обильными.

Переложеніе подушной подати на доходы съ земель, имуществъ и промысловъ, по значенію своему уступаетъ только крестьянской реформѣ и послужило бы естественнымъ къ нему

дополненіемъ. Налогъ, который взимается съ лица, а не съ дохода, остатокъ прикрѣпленія рабочей силы къ землѣ, относится къ числу главныхъ препятствій для накопленія капиталовъ въ рукахъ сельскаго населенія. А между тѣмъ недостатокъ капиталовъ долженъ быть отнесенъ къ главнѣйшимъ причинамъ отсталости нашего сельскаго хозяйства, медленности, съ которою проникаютъ въ него улучшенія, бѣдственнаго положенія крестьянства, послѣ каждаго неурожая, невѣжества, пьянства и недостатковъ крестьянскаго самоуправленія. Тамъ, гдѣ масса бѣдна, и гдѣ налогъ подкашиваетъ зачатки благосостоянія, тамъ нельзя разсчитывать на успѣхи промышленности, образованія и народной нравственности. Во всѣхъ странахъ Европы, за уничтоженіемъ крѣпостнаго права, слѣдовалъ быстрый подъемъ матерьяльнаго довольства; въ одной Россіи это явленіе не было всеобщимъ, и отчасти именно благодаря подушной подати.

Не должно впрочемъ удивляться медленности и колебаніямъ въ этомъ дѣлѣ нашего финансоваго управленія. Подушная подать не могла быть отмѣнена, ее необходимо было переложить, а переложеніе предполагаетъ не только привлеченіе къ участію въ налогахъ классовъ неподатныхъ, но и пріисканіе предметовъ для податнаго обложенія и опредѣленіе новыхъ оснований для послѣдняго. Если бы земледѣліе отличалось у насъ большею интенсивностію, то подушная подать легко нашла бы для себя замѣну въ поземельномъ налогѣ; если бы у насъ существовало болѣе развитое мѣстное хозяйство, при болѣе значительной обрабатывающей и заводской промышленности и большей массѣ движимаго богатства, то подать личная легко могла бы перейти въ подоходный налогъ. Но, при громадныхъ пространствахъ мало производительныхъ и мало цѣнныхъ земель, введеніе раціональной системы поземельной подати, основанной на кадастрѣ, потребовало бы и много времени, и большихъ расходовъ. Что же касается подоходнаго налога, то онъ предполагаетъ въ большей или меньшей степени, готовыя основанія и для обложенія, и для соразмѣрнаго распредѣленія податнаго бремени. Конечно нельзя сказать, чтобы эти трудности были непреодолимы; но онѣ достаточно объясняютъ почему, выбирая между подворнымъ, поземельнымъ, подоходнымъ и поразряднымъ налогами, мы не могли до сихъ поръ остановиться ни на одномъ изъ нихъ.

Отмѣна солянаго налога имѣла бы не менѣе могущественное вліяніе на подъемъ народнаго благосостоянія. Нѣтъ конечно ни

одного финансоваго дохода, который по тяжести своей могъ бы сравниться съ солянымъ сборомъ. Это подать личная и притомъ такая, которая исключаетъ всякое уравненіе посредствомъ раскладки, и опредѣляется не по числу душъ, записанныхъ въ ревизію, а по наличному составу населенія. Это подать, которая самымъ пагубнымъ образомъ вліяетъ на наше скотоводство, а слѣдовательно и на наше земледѣліе; это подать, которая лишаетъ насъ возможности извлекать всѣ выгоды изъ естественныхъ богатствъ, заключающихся въ нашихъ рыбныхъ промыслахъ, и которая наконецъ препятствуетъ возникновенію и развитію нѣкоторыхъ отраслей заводской промышленности.

Преобразованіе паспортной системы, составляющей принадлежность подушной подати, по переложеніи послѣдней, не должно встрѣтить возраженій. И теперь едва ли не всею нашею періодическою печатью признано, что паспорты, безполезные въ видахъ огражденія общественной безопасности, составляютъ у насъ тяжелый налогъ, не по суммѣ уплачиваемаго за нихъ гербоваго сбора, а по расходамъ, соединеннымъ съ ихъ полученіемъ. Рѣдкій паспортъ обходится у насъ дешевле трехъ рублей для мѣщанина, неплатящаго подушной подати. Къ этимъ тремъ рублямъ надо прибавить расходы на написаніе письма за безграмотнаго, расходы на пересылку и проч. Можно смѣло утверждать, что паспорты обходятся въ два и въ три раза дороже, противъ того, что они приносятъ казнѣ, несчитая потери времени, если приходится сходить за видомъ для полученія его на мѣстѣ жительства [1]).

Пересмотръ таможеннаго тарифа — четвертая финансовая мѣра — рекомендуется съ разныхъ сторонъ. На нее указываютъ послѣдователи свободы торговли, какъ на средство для удешевленія потребленія, а поборники протекціонизма, какъ на необходимое условіе для поддержанія и развитія отечественнаго производства; тѣ и другіе, — какъ на способъ для увеличенія государственныхъ доходовъ. Если, съ одной стороны, нѣкоторые фритредеры въ увлеченіи своемъ полагаютъ, что всякое увеличеніе привоза и потребленія сопровождается усиленіемъ внутренняго

[1]) Само собою разумѣется, что преобразованіе паспортной системы не предполагаетъ отмѣны всякихъ документовъ, удостовѣряющихъ личность. Такими документами должны служить метрическое свидѣтельство о рожденіи, документы о происхожденіи, объ окончаніи образованія, аттестаты о службѣ частной, общественной или государственной.

производства и отпуска, ради оплаты ввоза, и что всякое пониженіе таможеннаго тарифа сопровождается увеличеніемъ поступленія таможенныхъ сборовъ; то, съ другой стороны, найдутся и такіе протекціонисты, которые въ ревности своей къ защитѣ отечественной промышленности забываютъ, что покровительство не всегда создаетъ для послѣдней болѣе выгодныя условія, а тѣмъ болѣе не всегда способствуетъ возрастанію государственныхъ сборовъ. Есть однако критерій, не лишенный нѣкотораго практическаго значенія, если не для соглашенія противуположныхъ мнѣній, то для пріисканія болѣе правильнаго разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ. Этотъ критерій заключается въ оцѣнкѣ измѣненій, предполагаемыхъ въ таможенномъ тарифѣ съ точки зрѣнія дешевизны внутренняго производства, достигаемой безъ пониженія рабочей платы. Дешевизна производства можетъ усилить финансовые рессурсы страны и доставить тѣ средства для покрытія платежнаго баланса, которыми никогда не могутъ обезпечить насъ ни внѣшніе займы, ни покровительственная система. Если ошибаются фритредеры, полагая, что всякое пониженіе таможеннаго налога способствуетъ дешевизнѣ и потребленія, и производства (есть много предметовъ, усиленное потребленіе которыхъ не можетъ имѣть вліянія на производство и даже не желательно въ виду разстройства нашей денежной системы), то не менѣе ошибаются и протекціонисты, заботясь о созданіи производства, и не обращая вниманія на то, во что оно обходится. Болѣе дешевое производство обусловливается дешевизною сырыхъ матерьяловъ, которые намъ приходится покупать, дешевизною орудій, машинъ и пр. Само собою разумѣется, что мы должны имѣть въ виду не одни интересы настоящаго, но и будущаго; не слѣдуетъ однако жертвовать первымъ, когда послѣднее представляется мало вѣроятнымъ и не обезпеченнымъ.

Удешевленіе производства, т. е. не одно пониженіе цѣнъ произведеній, но также бо́льшая производительность труда и большая покупная сила послѣдняго, вслѣдствіе освобожденія рабочей силы, быстраго накопленія капиталовъ и большаго пользованія естественными богатствами, которыми надѣлена Россія, составляютъ цѣль не одной торговой политики, но вообще всѣхъ податныхъ преобразованій. Къ удешевленію производства ведутъ и переложеніе подушной подати, и отмѣна соляного налога, и упраздненіе паспортной системы.

Установленіе болѣе раціональной системы налоговъ далеко

не исчерпываетъ собою улучшеній, необходимыхъ въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ. Расходы государственные требуютъ также тщательнаго пересмотра. Правительство сознало эту задачу и положило начало для ея разрѣшенія учрежденіемъ особой коммиссіи для сокращенія финансовыхъ издержекъ. Дѣятельность коммисіи и предположенныя ею сбереженія еще очень мало извѣстны и это совершенно понятно, потому что серіозные результаты могутъ быть достигнуты не упраздненіемъ нѣсколькихъ синекуръ, не уменьшеніемъ содержанія служащихъ, часто далеко не обезпеченныхъ жалованьемъ, а реформами внутренняго управленія, переустройствомъ административной организаціи, болѣе точнымъ разграниченіемъ предметовъ вѣдомства и дѣлъ между разными вѣдомствами, бо́льшею простотою и опредѣленностію дѣйствій каждаго органа правительственной власти. Очевидно, что подобная программа выходитъ далеко за предѣлы финансовой спеціальности и обнимаетъ всю совокупность государственныхъ потребностей, — порядокъ и способъ ихъ удовлетворенія. Коммисія по сокращенію расходовъ для своихъ соображеній и заключеній должна имѣть въ виду рядъ готовыхъ проектовъ, составленіе и окончательное принятіе которыхъ не входитъ непосредственно въ кругъ ея дѣятельности. Въ этихъ проектахъ заключается однако существенное условіе для болѣе крупныхъ сбереженій и при томъ нисколько не гадательныхъ, потому что рядъ реформъ, совершенныхъ въ настоящее царствованіе, при коренномъ измѣненіи нѣкоторыхъ сторонъ общественной жизни, оставилъ неприкосновеннымъ много стараго. Прежніе органы администраціи признаны были непригодными для дѣлъ новыхъ, и веденіе этихъ дѣлъ поручено было новымъ учрежденіямъ; между тѣмъ старыя учрежденія съ кругомъ правъ и обязанностей, значительно ограниченнымъ, но недостаточно яснымъ и опредѣленнымъ, не могли быть упразднены, только потому, что во внутреннемъ управленіи многое оставалось неизмѣннымъ. Впрочемъ, далеко не всѣ возможныя сбереженія относятся къ улучшенію административнаго устройства. Есть еще цѣлая отрасль крупныхъ государственныхъ расходовъ, которые требуютъ особаго вниманія правительства. Это расходы по выдачѣ ссудъ, субсидій и гарантій разнымъ общеполезнымъ предпріятіямъ, въ особенности желѣзнымъ дорогамъ. Желѣзно-дорожное хозяйство вездѣ представляло много темныхъ сторонъ. Вездѣ наживались концессіонеры и строители на счетъ государства, вездѣ эксплоатація дорогъ сопро-

вождалась злоупотребленіями въ ущербъ акціонерамъ, торговымъ классамъ и всей массѣ публики. Гудсоны, Струсберги, Оффенгеймы, и ихъ подражатели въ Россіи выросли, можно сказать, не на націальной, а на всемірной желѣзно-дорожной почвѣ. Но должно сознаться, что сумма розданныхъ государствомъ субсидій, сумма выплачиваемыхъ послѣднимъ гарантій нигдѣ не была такъ велика, какъ въ Россіи, и намъ, болѣе чѣмъ кому либо, необходимо свести счеты съ желѣзно-дорожными компаніями, и при томъ не только въ интересахъ казны и самихъ акціонеровъ, но и всего народнаго хозяйства. Если дѣло будетъ идти такъ, какъ оно шло доселѣ, то можетъ наступить моментъ, когда долги нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ компаній правительству будутъ превышать стоимость дорогъ, и государство только потому не сдѣлается обладателемъ предпріятій, что компаніи по концессіямъ и уставамъ сохранятъ право платить казнѣ, когда у нихъ окажутся свободныя средства, или когда наступятъ условія для производства платежей. Установленіе болѣе правильныхъ отношеній между казною и желѣзнодорожными компаніями, относительно уплаты числящихся на нихъ долговъ, и способовъ разсчета въ случаѣ несостоятельности акціонерной компаніи, подчиненіе строгому контролю правительства расходовъ, производимыхъ задолжавшими обществами, по сооруженіямъ, ремонту, эксплуатаціи и пр., могло бы освободить наши финансы отъ крупныхъ расходовъ и главнымъ образомъ отъ расходовъ, часто совершенно непроизводительныхъ. То, что сказано было выше о желѣзныхъ дорогахъ, въ большей или меньшей степени, относится къ другимъ предпріятіямъ, пользующимся содѣйствіемъ казны, къ вещественнымъ заготовленіямъ, сооруженіямъ, субсидіямъ, ссудамъ, пособіямъ и пр. Если при пересмотрѣ штатовъ разныхъ отраслей управленія могутъ быть сбережены десятки тысячъ, то-здѣсь могутъ быть экономизированы милліоны. Подъ экономіею должно разумѣть, въ настоящемъ случаѣ, не прекращеніе субсидій, гарантій и вообще оказанія правительствомъ содѣйствія общеполезнымъ предпріятіямъ, но цѣлесообразное употребленіе средствъ, предоставляемыхъ казначействомъ.

Финансовыя улучшенія могутъ имѣть неоспоримое вліяніе на установленіе нормальной денежной системы. Но ими не исчерпывается задача правительства. Въ жизни общественной всѣ стороны такъ тѣсно связаны, что устраненіе недостатковъ въ одной какой либо области предполагаетъ энергическое пробужденіе дѣ-

ятельности во всѣхъ остальныхъ. Переселеніе крестьянъ, не находящихъ въ воздѣлываемой ими землѣ достаточныхъ источниковъ для заработка, пріисканіе лучшихъ формъ для укрѣпленія правъ на крестьянскую собственность, состоитъ ли она въ личномъ или въ общинномъ владѣніи, развитіе на этомъ болѣе твердомъ основаніи закладнаго и ипотечнаго права; изданіе постановленій, регулирующихъ трудъ ремесленнаго, фабричнаго и рабочаго класса вообще, пересмотръ торговаго законодательства совершенно устарѣлаго, въ которомъ прійдется составить новый уставъ для векселей, новое положеніе для акціонерныхъ компаній, новые законы о несостоятельности; установленіе желѣзнодорожнаго права, ограждающаго товароотправителей и пассажировъ отъ произвола желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ компаній и пр., все это необходимо и само по себѣ, и для возвращенія нашей денежной единицѣ ея нарицательной цѣны. Напрасно думаютъ, что мѣры благоустройства, относящіяся къ той или другой отрасли народнаго хозяйства, могутъ имѣть только отдаленное и и случайное вліяніе на наши бумажныя деньги. Это можно было бы допустить, если бы упадокъ ихъ цѣны не произвелъ глубокихъ измѣненій въ положеніи имущества и доходовъ всѣхъ классовъ общества, еслибы наконецъ періодъ неразмѣнности кредитнаго рубля длился не долго, и еслибы одного энергическаго усилія было достаточно, для возвращенія къ металлическому обращенію. При такихъ условіяхъ конечно можно было бы еще что нибудь предпринять въ тѣсной сферѣ денежнаго обращенія, не обращаясь къ широкимъ финансовымъ реформамъ и къ мѣрамъ благоустройства, обнимающимъ всѣ отрасли экономической дѣятельности. Но, такъ какъ вліяніе нашей денежной системы проникло съ большей или меньшей силою во всѣ проявленія нашей экономической жизни, и такъ какъ эта жизнь со всѣми своими недостатками отразилась на денежной системѣ (мы обращались къ бумажнымъ деньгамъ, потому что не имѣли другихъ финансовыхъ рессурсовъ), то можно съ полнымъ правомъ сказать, что наша денежная система можетъ улучшиться не только вслѣдствіе того, что будетъ сдѣлано полезнаго для нея самой, но и вслѣдствіе того, что будетъ предпринято въ видахъ обновленія на разумныхъ началахъ всего строя нашей экономической жизни.

Кіевъ 1 іюня 1880 г.

О ВОЛОСТНЫХЪ И СЕЛЬСКИХЪ СУДАХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ И НЫНѢШНЕЙ РОССІИ,

Н. В. КАЛАЧОВА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ [1]).

Въ числѣ разныхъ отдѣловъ нынѣшняго русскаго судоустройства и судопроизводства несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ представляется съ перваго взгляда, принадлежитъ нашимъ крестьянскимъ судамъ, такъ называемымъ *волостнымъ* и *сельскимъ*. Дѣйствительно, эти суды, имѣющіе своей задачей охрану и возстановленіе правовыхъ отношеній многихъ десятковъ милліоновъ нашего сельскаго населенія, заслуживаютъ самаго серьезнаго и всесторонняго вниманія. Но, съ другой стороны, исторія ихъ далеко не сходна съ возникновеніемъ и судьбою нашихъ

---

[1]) Статья эта читана на одной изъ вечернихъ бесѣдъ въ Археологическомъ Институтѣ, и въ такомъ видѣ представляетъ лишь сжатый очеркъ цѣлаго сочиненія, которое обработывается мною подъ приведеннымъ заглавіемъ, при чемъ самую цѣнную часть ея составятъ документы XVI и XVII столѣтій, которыя будутъ къ ней приложены. По этой же причинѣ я не останавливаюсь здѣсь въ отдѣльности на «копныхъ судахъ» древнихъ сельскихъ общинъ въ сѣверо-западной и юго-западной Россіи, тѣмъ болѣе, что о нихъ мы уже знаемъ изъ изданій Иванишева, Антоновича, Леонтовича и Новицкаго. Но цѣль моего настоящаго труда заключается не въ одномъ историческомъ изложеніи нашихъ народныхъ судовъ. Оканчивая печатаемую здѣсь *первую статью* критическимъ взглядомъ на нынѣшніе волостные и сельскіе суды, я имѣю въ виду въ слѣдующей за симъ *второй статьѣ* представить мои мысли относительно тѣхъ основныхъ положеній, которыя должны быть, по мнѣнію моему, приняты во вниманіе при необходимо предстоящемъ измѣненіи въ составѣ, предметахъ вѣдомства и дѣлопроизводствѣ означенныхъ судовъ. *Н. К.*

другихъ судебныхъ учрежденій. Своимъ извѣчнымъ, устойчивымъ строемъ волостные и сельскіе суды рѣзко отличаются отъ столь много измѣнявшейся въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій, характеристики прочихъ судовъ, даже въ центральной части Россіи. Дѣлая однако такое строгое разграниченіе въ историческомъ ходѣ этихъ исконныхъ, по мнѣнію моему, народныхъ судовъ съ другими бывшими у насъ въ разные періоды и нынѣшними судебными учрежденіями, я не могу не сознаться, что тотчасъ же навлекаю на себя упрекъ и нашихъ практиковъ и нашихъ историковъ въ незнаніи или непониманіи настоящаго значенія какъ современныхъ намъ волостныхъ судовъ, такъ и судовъ такъ называемыхъ волостелей и другихъ судебныхъ органовъ древней Россіи. „Вы забываете, скажутъ мнѣ мои почтенные товарищи по редакціоннымъ коммиссіямъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія, что именно наши коммиссіи выработали независимость помѣщичьихъ крестьянъ и утвердили за ними самостоятельный народный судъ“. Правда, имъ возразятъ дѣльцы знаменитыхъ учрежденія и устава, начертанныхъ для государственныхъ крестьянъ въ управленіе ими графомъ Киселевымъ, что не съ 1861 года, а слишкомъ 20 лѣтъ ранѣе открыты у этихъ крестьянъ волостныя правленія и усвоены имъ волостныя и сельскія расправы, но и они укажутъ мнѣ на прежній бытъ казенныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ, какъ думаютъ обыкновенно, ничего общаго съ новыми волостными судами, а также на бытъ закрѣпощенныхъ подъ разными управленіями крестьянъ допетровской реформы, надъ которыми судъ поручался ихъ непосредственными властями поставленнымъ ими самими лицамъ, носившимъ разныя названія. Съ своей стороны, опираясь не только на сочиненія нашихъ лучшихъ историковъ русскаго права — Морошкина, Кавелина, Чичерина, Дмитріева, Бѣляева и многихъ другихъ, но и на самые акты, изданные разными обществами, коммиссіями и частными лицами, наши изслѣдователи, не смотря на ихъ неодинаковые выводы о степени самостоятельности крестьянъ въ древней Россіи, укажутъ мнѣ именно на эти важные матерьялы, доказывающіе, по общему мнѣнію, совершенную несостоятельность моего взгляда. Если — скажутъ они — и можно согласиться съ тѣмъ, что въ цѣлой огромной массѣ документовъ, встрѣчаются указанія на какія-то льготы, данныя по суду нѣкоторымъ крестьянскимъ общинамъ съ замѣною правительственныхъ чиновниковъ выборными народными

судьями, то вѣдь это была не болѣе какъ привилегія, какъ исключеніе изъ общаго правила, а общее правило состояло въ томъ, что какъ въ отправленіи суда, такъ и въ исправленіи разныхъ должностей, подъ правительственнымъ надзоромъ, принимали извѣстное участіе *выборные* изъ крестьянъ, но лишь потому, что на городскія и сельскія общины возлагалась отвѣтственность во взносѣ податей и сборовъ, въ соблюденіи не только въ ихъ кругу, но и въ цѣлыхъ уѣздахъ тишины и спокойствія и въ огражденіи мѣстныхъ жителей отъ воровства и разбоевъ. изъ чего слѣдуетъ, что означенные выборные люди были ничто иное какъ тѣ же чиновники, которые не допускались, а *требовались* правительствомъ, съ одной стороны, съ цѣлью полицейской, а съ другой, по неумѣнью его оффиціальныхъ дѣятелей сладить съ затрудненіями, какія представлялись назначавшимся для того въ московскихъ приказахъ властямъ, высшимъ и низшимъ. Противъ этого аргумента—прибавятъ они—даже самый компетентный защитникъ самостоятельности крестьянъ въ допетровское время — покойный профессоръ Бѣляевъ не нашелся ничего возразить.

На всѣ эти дѣйствительно вѣскіе доводы я могу отвѣчать одно: я не упускаю ихъ изъ виду, не устраняю ихъ, но не имѣя въ настоящей статьѣ своей задачей возражать на нихъ отдѣльно и обстоятельно (для чего — прибавлю кстати—мнѣ пришлось бы приводить, въ подтвержденіе моихъ словъ, документы, которые еще не изданы въ свѣтъ), я тѣмъ не менѣе стою твердо на томъ, что въ средѣ всѣхъ крестьянъ, носившихъ въ разные періоды нашей исторіи разныя названія, не только съ древнѣйшихъ незапамятныхъ временъ, не только въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, но и въ XVIII-мъ и даже XIX-мъ вѣкѣ народный судъ и исполнители его — народные выборные, народные органы для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и частію уголовныхъ и самые судебные разборы и рѣшенія не только проявлялись случайно и самоуправно, не только терпѣлись иногда правительствомъ, но имѣютъ значеніе никогда не сходившихъ со сцены народныхъ представителей и выраженій судебной власти. Скажу болѣе: *земскіе судейки* древней Руси, носившіе оффиціально такое названіе — это были настоящіе народные дѣятели, направлявшіе народную жизнь, регулировавшіе ея проявленія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно отвѣчавшіе передъ правительствомъ за проступки подвластныхъ имъ членовъ общинъ. И конечно прави-

тельство не только ихъ знало и допускало, но и требовало нерѣдко ихъ выбора, не смотря на свои административныя и полицейскія власти, именно для лучшаго охраненія государственныхъ интересовъ, ради которыхъ эти власти были имъ поставлены надъ народомъ, но оказывались и недостаточными и слабыми, чтобы сладить съ тѣмъ, что выработала искони сама народная жизнь. Въ виду этого, порядокъ моего изслѣдованія будетъ нѣсколько иной, чѣмъ моихъ достойныхъ ученыхъ товарищей, работавшихъ исключительно по печатнымъ документамъ. Я начну съ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ и актовъ, дошедшихъ до насъ отъ черносошныхъ крестьянъ допетровской эпохи и анализируя ихъ, постараюсь найти и въ другихъ документахъ, относящихся къ крестьянамъ несвободнымъ, по крайней мѣрѣ отдѣльныя слова и выраженія, которыя указываютъ на самостоятельную судебную дѣятельность и въ тѣхъ крестьянскихъ общинахъ, гдѣ она не предполагалась, или по крайней мѣрѣ не затрогивалась изслѣдователями, и за тѣмъ перейду черезъ исторію волостныхъ учрежденій XVIII-го вѣка къ нынѣшнимъ волостнымъ и сельскимъ судамъ.

Для того, чтобы съ самаго начала поставить твердое основаніе для моихъ наблюденій и выводовъ, я предложу прежде всего вопросъ: какъ сложились наши общины, городскія и сельскія, о которыхъ нашъ первый лѣтописецъ говоритъ какъ о существовавшихъ уже въ глубокую, даже и для его времени, древность? На это положительно и ясно отвѣчаетъ покойный С. М. Соловьевъ въ своей прекрасной статьѣ: „Начала русской земли“ [1]. „Мы знаемъ, говоритъ онъ, Славянъ, разумѣя подъ ними древнѣйшихъ жителей городовъ и селеній, осѣдлыми и живущими въ формѣ родоваго союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь.“ — „Родовой бытъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, это явленіе вовсе не доисторическое; мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII-й вѣкъ.“ Но эти указанія, хотя и несомнѣнно вѣрныя, суть все таки болѣе или менѣе точный выводъ многоученаго историка. Прочтемъ лучше въ самыхъ актахъ XV, XVI и

[1]) См. Сборн. государств. знаній, т. IV, стр. 12 и 13.

даже XVII-го столѣтій — для того, чтобы узнать, такъ сказать, въ очью, какъ нарождались еще въ эти столѣтія новыя сельскія общины — подлинныя слова, съ одной стороны, самихъ засельниковъ пустопорожнихъ земель, собиравшихъ подъ свою руку людей гулящихъ, т. е. вольныхъ и нетяглыхъ, а съ другой стороны, слова князей, великихъ и удѣльныхъ, а впослѣдствіи и царей, разрѣшавшихъ этимъ засельникамъ призывать къ себѣ и копить всякихъ людей, лишь бы не подвластныхъ самому князю или не бывшихъ въ царскомъ тяглѣ, съ дарованіемъ имъ за то на опредѣленные годы разныхъ льготъ отъ податей и другихъ повинностей [2]). Этотъ старикъ, испрашивающій своимъ *родичамъ*, которые садятся съ нимъ на новой лѣсной чищобѣ, и тѣмъ *сборнымъ, гулящимъ людямъ*, которыхъ они будутъ къ себѣ призывать, и получающій *свободу* отъ князя или царя и ихъ властей; этотъ *слободчикъ*, какъ могу я теперь назвать его, которому поручается государемъ главенство надъ набранной имъ колоніей, по крайней мѣрѣ до поры до времени, не есть-ли въ самомъ дѣлѣ патріархъ ее руководящій и творящій надъ нею судъ и расправу; а эта колонія не есть-ли крестьянскій *міръ*, скопленная слободчикомъ *дружина*, уже складывающаяся въ одну неразрывно связанную своими членами *сельскую общину*. Да оно и дѣйствительно было такъ. Вотъ прошли для этой общины ея льготные годы; вотъ княжескіе или царскіе писцы измѣрили и отмежевали ея пашни, покосы и лѣса, поверстали эти угодья наравнѣ съ другими въ казенные оклады и сборы; вотъ наконецъ государевы намѣстники или воеводы, съ волостелями и ихъ тіунами, взяли этихъ засельниковъ подъ свою начальственную тяжелую руку. „Нѣтъ, завопили слобожане, обращаясь съ слезною мольбою къ князю или царю, не дай намъ умереть голодною смертью отъ излишней тяготы, отъ нестерпимыхъ поборовъ и взятокъ: мы готовы платить тебѣ оброкъ и доходы, какіе на насъ положишь, но дозволь собирать ихъ намъ самимъ, по нашимъ животамъ и промысламъ, и дозволь привозить ихъ нашимъ посыльщикамъ къ тебѣ.“ И князь или царь, милуя крестьянъ, освобождаетъ ихъ вновь отъ своихъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ и разрѣшаетъ имъ управляться и вѣ-

---

[2]) Уставныхъ грамотъ, въ коихъ помѣщены указываемыя здѣсь челобитья и льготы, данныхъ челобитчикамъ князьями и царями, напечатано такъ много въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, что я считаю излишнимъ изчислять ихъ.

даться ихъ выборными головами, старостами и другими излюбленными людьми. И творятъ эти излюбленные люди судъ и расправу по извѣчнымъ уставамъ, которые живутъ въ народной памяти, какъ пошло изъ старины. Самые живые, полные интереса акты XV-го, XVI-го и XVII-го столѣтій, которые я тщательно и долго собиралъ въ разныхъ архивахъ, рисуютъ намъ картину этихъ самостоятельныхъ крестьянскихъ судовъ. Изъ найденныхъ мною документовъ видны до самыхъ подробностей выработанныя самими слобожанами начала судопроизводства, важнѣйшія основанія суда, судоговореніе и приговоры судеекъ, которымъ *такаютъ* цѣловальники и другіе добрые мужи. Но я разсмотрю все это далѣе, теперь же остановлюсь для разрѣшенія одного недоумѣнія, которое могутъ возбудить мои настоящія слова.

Я сказалъ, что *волостные* суды были у насъ искони, а здѣсь говорю о судѣ какихъ-то слобожанъ. Мнѣ могутъ замѣтить, что если и дѣйствительно были у насъ такіе суды въ привилегированныхъ селеніяхъ, называвшихся слободами, то нельзя же ихъ возводить въ народные суды, общіе всему крестьянскому населенію и сравнивать ихъ съ нынѣшними волостными судами. На это я отвѣчу, что, во-первыхъ, суды, о которыхъ я говорю, въ самыхъ актахъ вовсе не называются судами такихъ-то слобожанъ, а просто указывается, что въ такомъ-то, очевидно центральномъ для многихъ селеній мѣстѣ, которое называлось то слободой, то погостомъ, то становъ, разбиралось такое-то дѣло, и что оно рѣшено такъ-то и такими-то судьями. Но совокупность всѣхъ селеній, подсудныхъ этому центральному пункту, называется обыкновенно въ актахъ *волостью*, а всѣ живущіе въ этой волости — *волостными людьми*, отчего и самый судъ носилъ иногда названіе *волостнаго*. Если же, во-вторыхъ, я коснулся прежде всего самостоятельнаго суда слободчиковъ, то единственно для того, чтобы выяснить происхожденіе такого народнаго суда, который производился безъ всякаго участія въ немъ княжескихъ или царскихъ чиновниковъ. Само собою разумѣется однако, что, по мѣрѣ размноженія народонаселенія, по мѣрѣ образованія новыхъ выселковъ или колоній изъ слободъ и селеній, уже давно сидѣвшихъ на своей землѣ, силою того, что къ нимъ тянули эти выселки какъ къ своему центру, въ нихъ должно было развиться нѣкоторое *главенство* или *старшинство*, которое и выразилось въ томъ, что въ древнѣйшихъ по времени селеніяхъ стали жить выборные или лучшіе мужи всей

земли или *волости* [1]), и что здѣсь земскіе судейки и цѣловальники стали творить судъ и расправу всѣмъ волостнымъ людямъ, въ вышедшихъ же изъ этихъ старѣйшихъ селеній выселкахъ хотя и могъ производиться судъ, но по дѣламъ менѣе важнымъ и особенно по дѣламъ мѣстнымъ, который, въ подражаніе нынѣшнимъ *сельскимъ* судамъ, можно назвать этимъ же именемъ, хотя въ актахъ древней Россіи оно вовсе не встрѣчается. Нельзя также не замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіе народныхъ и правительственныхъ распорядковъ, судебныя власти, равно какъ и власти административныя и полицейскія, могли перемѣщаться изъ прежнихъ центральныхъ мѣстъ въ другія болѣе удобныя для прочихъ селеній, которыя должны были составлять вмѣстѣ съ ними одну волость. Отсюда видно, что самая волость имѣла въ древней Россіи тоже значеніе, какое имѣетъ она и теперь, именно какъ административная и судебная единица, и что въ центральномъ мѣстѣ этой волости производившійся судъ для всѣхъ жителей такого раіона можетъ быть по всей справедливости названъ, какъ и нынѣ, волостнымъ судомъ.

Какимъ же образомъ, спросимъ мы теперь, былъ организованъ этотъ волостной судъ въ древней Россіи? Изъ кого онъ состоялъ, какъ возбуждался и какъ производился; какія наконецъ извѣстны намъ тогдашнія рѣшенія? Обо всемъ этомъ я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ, основываясь на указанныхъ мною выше документахъ.

Составъ волостнаго суда того времени лучше всего объясняетъ намъ слѣдующая жалованная грамота царя Михаила Θеодоровича отъ 1622 года, данная крестьянамъ Устьянскихъ волостей, названныхъ такъ отъ рѣки Устьи, на которой сидѣли разныя селенія этихъ волостей. „Вы били челомъ, пишетъ царь здѣшнимъ волостнымъ людямъ, что въ прежнихъ годѣхъ до московскаго разоренья у васъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не было, а судили васъ мірскіе выборные судейки. Теперь же жалуетесь вы, что назначенные къ вамъ при-

---

[1]) Слово «земля» имѣетъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ разныя значенія: иногда оно придается мѣстностямъ, занимаемымъ цѣлымъ племенемъ; иногда всѣмъ городамъ, волостямъ и селеніямъ, взаимнымъ договоромъ или правительственнымъ распоряженіемъ соединеннымъ въ одно цѣлое для отправленія какихъ либо повинностей; иногда наконецъ означаетъ поземельную общину, развившуюся изъ одного центра, но распавшуюся на нѣсколько поселковъ, тянувшихъ однако къ этому центру какъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ и административныхъ, такъ и судебныхъ.

кащики чинятъ вамъ великіе налоги и продажи и вы хотите брести врознь. Вслѣдствіе сего мы повелѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, которыхъ крестьяне выберутъ всею землею и которые умѣли бы разсудить ихъ въ правду, безпосулно и безволокитно." За тѣмъ опредѣляется, чтобы въ каждой *волости*, которыхъ изчисляется здѣсь *пять*, лучшіе, середніе и молодшіе люди выбрали изъ *волостныхъ* крестьянъ по два лучшихъ человѣка и списки ихъ за своими руками прислали въ Москву. „Они будутъ — продолжаетъ грамота — приведены къ присягѣ, судъ же и управу должны чинить по судебнику и по уложенной вновь уставной о судѣ грамотѣ. Пошлинъ съ судебныхъ дѣлъ они не должны брать, а въ чемъ найдутъ невозможнымъ учинить управу, о томъ судные свои списки и обоихъ исцовъ должны присылать къ докладу въ Москву, въ Устюжскую четь. А цѣловалниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣть и на розсылкахъ быть, и дьячковъ земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писать, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давать и на судъ ставить, всѣмъ Устьянскихъ волостей крестьянамъ выбрать у себя въ волостяхъ кого межъ себя излюбятъ всѣ волостные люди, изъ каждой волости по два человѣка въ цѣловалники, да по одному дьячку земскому, да по одному доводчику и всѣхъ ихъ привести въ волостяхъ къ цѣлованью, списки же ихъ именъ за своею выборщиковъ подписью, а кто грамотѣ не умѣетъ, за подписью ихъ духовныхъ отцовъ, прислать въ Москву." Въ заключеніе царь угрожаетъ этимъ выборнымъ людямъ за неправый судъ и взятки смертною казнію и конфискаціей имущества, а за безволокитное и безпосульное рѣшеніе дѣлъ обѣщаетъ освободить ихъ отъ податей и пошлинъ, да и сверхъ того награждать ихъ своимъ жалованьемъ. И такъ двое судеекъ или излюбленныхъ старостъ, два волостныхъ цѣловальника, земскій дьячокъ и доводчикъ—вотъ составъ волостнаго суда. Но въ практикѣ, какъ видно изъ тогдашнихъ дѣлъ, обыкновенно выбирался одинъ земскій судейка и притомъ на одинъ годъ, а въ придачу ему участвовалъ въ судѣ старый прошлогодній судейка, что было и необходимо, ибо новый судейка отлучался нерѣдко въ Москву, на долгое время; цѣловальники выбирались также погодно, но кромѣ того засѣдали въ судахъ еще земскіе старосты, которые въ нѣкоторыхъ волостяхъ сами заступали мѣсто судеекъ, и нѣсколько лучшихъ или добрыхъ мужей, которые также выбира-

лись міромъ и назывались, по своему значенію въ судѣ, *мужами приговорными*. О томъ, на сколько всѣ эти судные люди могли знать грамотѣ, можно судить на основаніи одного акта, которымъ предписывается, чтобы умѣющіе писать непремѣнно прикладывали къ суднымъ дѣламъ свои руки, слѣдовательно такое знаніе грамотѣ не считалось, какъ видно, чѣмъ-то необыкновеннымъ[1]). Касательно земскаго дьячка должно замѣтить, что въ эту должность обыкновенно выбирался мѣстный церковный дьячекъ, почему онъ иногда называется въ актахъ и церковнымъ дьячкомъ. Выборы производились конечно на сходкѣ всѣхъ волостныхъ людей-домохозяевъ, и по ихъ количеству, вѣроятно, на улицѣ или на площади близь волостной избы. На такую сходку созывалъ *троекратнымъ* въ разное время *кличемъ* по всѣмъ селеніямъ своей волости церковный *трапезникъ*. О выборѣ всѣхъ означенныхъ выше должностныхъ лицъ съ означеніемъ лежащихъ на нихъ обязанностей составлялись акты, которые назывались *выборами*. Самый судъ производился въ *церковной трапезѣ;* по крайней мѣрѣ въ тѣхъ селеніяхъ гдѣ могло не быть волостной избы. За отправленіе же должностными лицами ихъ обязанностей имъ выдавалось опредѣленное въ выборныхъ записяхъ вознагражденіе.

Жалобы подавались земскому судейкѣ, но на имя царя и въ той же формѣ, какъ подавались челобитныя въ приказахъ. Принявъ *исковую* отъ *истца*, судейка вызывалъ на опредѣленный срокъ *отвѣтчика*, давая на него *приставную*, которую долженъ былъ вручить ему *доводчикъ*. Когда такимъ образомъ являлись на судъ обѣ стороны, судейка, по прочтеніи челобитной, обращался къ отвѣтчику съ словами: „отвѣчай ты своему исцу по его челобитной.“ Если отвѣтчикъ не сознавалъ себя виновнымъ или подлежащимъ иску, судья спрашивалъ истца: „чѣмъ уличаешь ты отвѣтчика?“ И истецъ указывалъ или на сдѣланную имъ прежде явку или на свидѣтелей, или же изъявлялъ готовность подтвердить свое показаніе присягой: Согласно этому производилась справка о явкѣ, дѣлался допросъ пред-

[1]) На сколько въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ знаніе грамотѣ было распространеннѣе, чѣмъ въ послѣдующія столѣтія, можно заключить изъ того, что судебныя дѣла и всѣ документы, которые весьма часто приводятся въ нихъ какъ доказательства, предъявленныя сторонами, составлялись на мѣстѣ, и что въ нихъ, кромѣ подписей дьячка и священника, нерѣдко встрѣчаются рукоприкладства и тяжущихся или свидѣтелей.

ставленнымъ той или другой стороной свидѣтелямъ или давалась присяга. Иногда на самомъ судѣ стороны мирились и въ такомъ случаѣ въ судномъ дѣлѣ о томъ не только записывалось, но означались и „добрые люди“, или свидѣтели, при семъ бывшіе. Но мировыя были исключеніемъ, а при документальности, какою сопровождались въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ разныя сдѣлки, письменные акты — купчія, данныя, мѣновыя, закладныя, прежніе судные списки, правыя грамоты и другія бумаги были въ процессѣ въ полномъ ходу и нерѣдко служили подтвержденіемъ показаній истца или возраженій отвѣтчика. При неимѣніи же актовъ, кромѣ упомянутыхъ выше явокъ, свидѣтелей и присяги, допускался еще, какъ доказательство, жеребей [1]). Наконецъ въ дѣлахъ спорныхъ о землѣ, въ подтвержденіе границъ владѣнія, назначалось истцу или отвѣтчику, или представляемымъ ими старожиламъ, хожденіе по межамъ съ образомъ, а иногда и съ дерномъ на головѣ или въ рукахъ. Всѣ такія доказательства обсуждались судьями, что называлось *отговоромъ*, но рѣшеніе или *приговоръ* — это и былъ техническій его терминъ — произносилось судейкой, а *засѣдчики*, т. е. сидѣвшіе съ нимъ на судѣ, по немъ *такали*. Весь ходъ процесса записывался дьячкомъ въ *судное дѣло*, часть котораго составлялъ приговоръ или *судный списокъ*, почему иногда и все дѣло называлось суднымъ спискомъ. Въ приговорѣ же означалось кого судьи *оправили*, т. е. оправдали, и кого *повинили*. Въ заключеніе судный актъ подписывался тѣми изъ судей, кто умѣлъ писать, и земскимъ дьячкомъ, а о незнавшихъ грамотѣ, если за нихъ не подписывался священникъ, отмѣчалось, что они „грамотѣ не умѣютъ.“

Приговоръ суда, заключавшійся иногда и въ присужденіи штрафа, приводился въ исполненіе самимъ судейкой, если же обвиненный не уплачивалъ положеннаго на него взысканія, то ставился на *правежъ* передъ цѣловальниками. О тѣлесномъ наказаніи въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ бывшихъ у меня актахъ не упоминается, за исключеніемъ одного, найденнаго мною указанія въ царской грамотѣ, на присужденіе въ Москвѣ *къ батогамъ* одного ослушника выборному судейкѣ, за оказанное ему этимъ ослушаніемъ безчестіе. Оправданному давалась судейкою

---

[1]) Въ судныхъ дѣлахъ XVI-го вѣка упоминается еще «поле» или поединокъ, но въ XVII-мъ столѣтіи оно уже не встрѣчается въ числѣ доказательствъ.

память, на основаніи которой онъ могъ впослѣдствіи доказывать и защищать свое право.

Самый любопытный вопросъ представляется намъ относительно значенія приговоровъ волостныхъ судеекъ или вообще судныхъ мужей въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ или же и обѣ стороны были *рѣшеніемъ* недовольны. Изъ дѣлъ до насъ дошедшихъ видно, что на волостной судъ апелляція допускалась, но дѣлалось различіе въ отношеніи апелляціоннаго мѣста между рѣшеніями судовъ привилегированныхъ и общихъ. На рѣшенія первыхъ жалоба должна была приноситься въ Москву, въ мѣсто, назначенное въ жалованной льготной грамотѣ, на рѣшенія же обыкновенныхъ судовъ по дѣламъ между черносошными крестьянами въ XVII-мъ вѣкѣ — мѣстному воеводѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, воевода стоялъ въ отношеніи къ черносошнымъ волостямъ на степени второй инстанціи. Но и на его рѣшеніе допускалась еще жалоба въ Москву — въ тотъ Приказъ или Четь, какому былъ подчиненъ городъ, которымъ онъ управлялъ. Въ имѣніяхъ помѣщичьихъ второй инстанціей былъ прикащикъ владѣльца или домовый судья, а третьей — домовый приказъ, какіе приказы были у многихъ помѣщиковъ въ Москвѣ, при ихъ лицѣ, а также въ другихъ городахъ, если они здѣсь жили постоянно [1]). Во всѣхъ этихъ судахъ, при судьяхъ, для того поставленныхъ, встрѣчаются старосты, цѣловальники и лучшіе мужи, о которыхъ упоминается въ Судебникахъ какъ о необходимыхъ членахъ царскихъ судовъ. Основаніе, вызвавшее необходимость такихъ придаточныхъ судей, понятно: они были вѣщателями или глашатаями народной жизни, мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и истолкователями тѣхъ рѣшеній, которыя, на началахъ, утверждавшихъ эти обычаи, постановлялись въ низшихъ судахъ. Изъ судовъ крестьянскихъ, при предстоявшемъ въ Москвѣ разборѣ дѣла, рѣшеннаго въ волости, обыкновенно отправлялись туда, для участія въ судѣ, иногда одинъ изъ судеекъ, а иногда цѣловальникъ. И въ дворцовыхъ волостяхъ, если судъ чинили не выбранные крестьянами судейки, а поручался онъ царскому прикащику, при немъ должны были также находиться лучшіе люди.

Останавливаясь, въ заключеніе моего отчета объ актахъ, до-

---

[1]) О судахъ въ имѣніяхъ духовныхъ властей, монастырскихъ и дворцовыхъ я не говорю здѣсь особенно, потому что они имѣли обыкновенно каждый свое особое положеніе, по крайней мѣрѣ въ высшей инстанціи, но и въ нихъ замѣтны слѣды то одной, то двухъ низшихъ инстанцій.

шедшихъ до насъ относительно устройства волостныхъ судовъ и рѣшенія въ нихъ дѣлъ, на ихъ содержаніи, я долженъ сказать, что оно ограничивалось преимущественно, съ одной стороны, хозяйственною и имущественною сферою, стоявшею въ сельской жизни и въ взаимныхъ между крестьянами отношеніяхъ на первомъ планѣ, а съ другой — разборами личныхъ ссоръ и недоразумѣній, а иногда и преступленій, встрѣчавшимися въ ихъ средѣ. Отсюда видно, что лежащіе передъ нами судные списки относятся главнымъ образомъ къ дѣламъ гражданскимъ, и лишь изрѣдка встрѣчаются въ нихъ и производства по дѣламъ уголовнымъ. Такимъ образомъ, въ нихъ разбираются права собственности, сила предъявленныхъ на судъ документовъ и другихъ доказательствъ и взаимныя между тяжущимися обиды; обсуждаются расходы и самовольныя издержки мірскихъ суммъ; повѣряются на мѣстахъ завладѣнія и границы или межевые признаки; сводятся счеты и взаимныя недоразумѣнія между разными сельскими обществами по лежащимъ на нихъ передъ правительствомъ повинностямъ, и т. под. Встрѣчаются также указанія на временное порученіе выборнымъ судейкамъ „дѣлъ татиныхъ и разбойныхъ“ и распоряженія воеводъ о допросѣ судейками всѣхъ волостныхъ людей чрезъ повальный обыскъ.

Изъ сказаннаго видно, что XVI-й и особенно XVII-й вѣкъ оставили намъ обильные матерьялы для изученія самостоятельнаго крестьянскаго суда, преимущественно благодаря письменности, которая требовалась присутственными мѣстами того времени какъ въ отношеніи сдѣлокъ и условій разнаго рода, такъ и судебныхъ разборовъ тяжебныхъ и другихъ дѣлъ. На сколько въ этомъ отношеніи бѣднѣе и менѣе поэтому доступенъ для изученія XVIII-й вѣкъ, мы еще положительно сказать не можемъ, ибо матерьялы этого вѣка еще не были до сихъ поръ достаточно разсмотрѣны и даже, можно сказать, почти неизвѣстны. Но совершившаяся перемѣна въ судоустройствѣ и въ судопроизводствѣ въ разныя царствованія, главнымъ же образомъ подчиненіе правительствомъ волостей ближайшему завѣдыванію мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ органовъ заставили конечно и казенныхъ, а также и другихъ крестьянъ отказаться отъ письменнаго производства при своихъ домашнихъ разборахъ, хотя отсюда не слѣдуетъ, чтобы они прекратили и самые разборы и отказались отъ выбора для нихъ судеекъ или должностныхъ лицъ подъ другими названіями. Одинъ дворцовый актъ, относящійся

еще къ половинѣ XVI-го вѣка, даетъ намъ ключь къ объясненію съ этой точки зрѣнія домашнихъ разборовъ своихъ дѣлъ крестьянами разныхъ вѣдомствъ. Именно въ одной указной грамотѣ, писанной изъ Дворцоваго Приказа Вологодскаго уѣзда въ село Воздвиженское съ деревнями, о хлѣбной дачѣ Кирилобѣлозерскому монастырю, распоряженіе адресовано не на имя дворцоваго прикащика, а на имя старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ. Въ числѣ ихъ значится и *выборный судья* [1]). Этотъ терминъ „выборные судьи", а чаще и наконецъ даже исключичительно „*выборные*", встрѣчается за тѣмъ постоянно во всѣхъ волостныхъ селеніяхъ не только казенныхъ и дворцовыхъ, но также духовныхъ волостей, синодальныхъ и экономическихъ. Что же касается до волостей, какъ административныхъ частей уѣздовъ, то и о нихъ есть точныя свѣдѣнія въ дѣлопроизводствахъ петровскаго и ближайшаго къ нему времени, и въ этихъ актахъ упоминаются также, среди правительственныхъ органовъ, и *выборные міромъ*, т. е. крестьянами каждаго отдѣльнаго сельскаго общества. Для примѣра и въ подтвержденіе моихъ словъ, я могу привести ревизскія сказки всѣхъ первыхъ трехъ ревизій, въ которыхъ встрѣчаются, именно вслѣдствіе того, что онѣ подавались „съ вѣдома мірскихъ людей" и притомъ лицами, которымъ они преимущественно довѣряли такую подачу, неупоминаемыя обыкновенно въ тогдашнихъ офиціальныхъ дѣловыхъ бумагахъ, и названіе *волостей*, уцѣлѣвшихъ, какъ оказывается, и въ своемъ составѣ и въ своей хозяйственной, если не административной связи, и термины *выборный*, *выборный волостной*, *староста волостной* и выборные въ слободахъ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ упоминается даже село Оковцы, какъ центръ *Оковецкой волости*, состоящей изъ этого села съ числящимися при немъ деревнями [2]).

---

[1]) Этотъ актъ напоминаетъ намъ и многіе другіе дворцовые акты, начиная съ XIV-го даже столѣтія по XVIII-й вѣкъ, въ которыхъ дворцовымъ крестьянамъ предоставлялось самоуправленіе подъ условіемъ исправнаго доставленія въ Москву ежегодныхъ дворцовыхъ запасовъ.

[2]) См. ревизскія сказки первыхъ трехъ ревизій, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Въ подтвержденіе того, что названіе *волостей* и волостныхъ и сельскихъ *выборныхъ* продолжалось въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, я укажу здѣсь особенно на ревизскія сказки губерній Воронежской и Ярославской (1719 — 1721 г.), Московской, Тверской, Новгородской и Нижегородской (1744 — 1751 г.), и по Московской губ. 1773 г. Замѣчу еще, что даже въ одномъ офиціальномъ актѣ — рапортѣ, присланномъ въ Сенатъ изъ Пермскаго намѣстническаго правленія, отъ 27 мая 1788 г., упоминаются существующія здѣсь волости Ирбитская, Рудная и Киргенская (см. дѣло Сената 1-го деп. по Статсъ-Конторѣ и Ревизіонъ-Коллегіи 1787 г.). Впрочемъ ближайшія указанія на продолжавшееся и въ XVIII-е сто-

Такимъ образомъ нельзя считать нововведеніемъ встрѣчающееся въ царствованіе Императрицы Екатерины II правительственное распоряженіе имѣть въ учреждаемыхъ вновь селеніяхъ „выборныхъ отъ крестьянъ“. За тѣмъ, въ царствованіе Императора Павла, 7 августа 1797 года, какъ бы вновь, но конечно на основаніи прежнихъ практическихъ данныхъ, селенія разбиваются на волости, а въ отдѣльныхъ волостяхъ и приписанныхъ къ нимъ селеніяхъ, подобно тому какъ было въ томъ же году заведено въ удѣльныхъ имѣніяхъ, учреждаются „выборные крестьянами волостные головы“, „выборные или старосты“, сельскіе и деревенскіе, и писаря, при чемъ въ главныхъ изъ волостныхъ селеній назначается быть „волостному правленію“. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ это положеніе какъ-бы буквально списано съ актовъ XVII вѣка, такъ наприм. чтобы раскладка крестьянами податей и другихъ сборовъ дѣлалась по каждому селенію особо, а не по мірскому приговору всей волости; но судебныя права волостнаго головы противъ правъ бывшихъ земскихъ судеекъ весьма ограничены — ясный признакъ, что на самомъ дѣлѣ „положеніе“ составлено не на основаніи документовъ прошлаго столѣтія, а на основаніи современныхъ въ означенное царствованіе у крестьянъ порядковъ съ измѣненіемъ ихъ согласно практическимъ соображеніямъ составителей положенія [1]). Узаконеніе это оставалось въ силѣ до изданія для казенныхъ крестьянъ въ 1838 и 1839 годахъ учрежденія объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ и сельскаго судебнаго устава съ открытыми на основаніи его крестьянскими судами или, какъ они здѣсь названы, расправами, волостной и сельской. Не изчезли, наконецъ, даже до половины настоящаго столѣтія „выборные“ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: я самъ еще помню въ одномъ имѣніи моей матери „выборнаго“, который, нося это имя, отдѣлялся отъ господскаго старосты и конечно имѣлъ свое значеніе въ крестьянскихъ дѣлахъ не подлежавшихъ ближайшему контролю помѣщика или его прикащика и старосты [2]).

лѣтіе существованіе волостныхъ округовъ (волостей) встрѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ офиціальныхъ и частныхъ документахъ, какъ очевидно, между прочимъ, изъ трудовъ В. И. Семевскаго, посвященныхъ быту крестьянъ этого столѣтія.

[1]) См. Полн. Собр. Закон., собр. 1, т. XXIV, № 18,082, а также указанія по этому предмету проф. А. Ѳ. Кистяковскаго въ его статьѣ: «Очерки волостнаго суда» въ «Трудахъ этнограф. статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, отд. югозап.», т. VI, стр. 7—8.

[2]) Не могу не обратить здѣсь вниманія на одно обстоятельство, которое упу-

За отсутствіемъ данныхъ для болѣе точнаго уясненія состава волостей и народныхъ должностныхъ лицъ въ волостныхъ и сельскихъ общинахъ и судахъ въ XVIII-мъ столѣтіи и первой половинѣ XIX-го, мы переходимъ къ волостямъ и волостнымъ судамъ, открытымъ въ 1861-мъ и слѣдующихъ годахъ, съ изданіемъ знаменитыхъ положеній о крестьянахъ, какъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ, сибирскихъ, горнозаводскихъ, приписныхъ и всѣхъ прочихъ. Великое дѣло царя-освободителя стало и знаменемъ возстановленія вновь самостоятельнаго суда многомилліоннаго крестьянскаго населенія. Этотъ судъ сдѣлался опять свободнымъ и народнымъ. Опять являются передъ нами живыми, не таящимися болѣе отъ дневнаго свѣта, волостные судьи. что съ извѣчныхъ временъ давали свою управу въ слободахъ, погостахъ, селахъ и другихъ волостныхъ центрахъ и оглашали народную правду не только въ городахъ, передъ князьями и правительственными судьями, но и въ Москвѣ, въ приказахъ, передъ боярами и даже на глазахъ самихъ царей и патріарховъ. И всѣмъ намъ не только открыты теперь двери въ эти волостные суды, но уже ревизовала ихъ дѣятельность въ разныхъ губерніяхъ цѣлая коммиссія министерства юстиціи и не только ревизовала, но и собирала ихъ рѣшенія, обнародовала ихъ и представила свои выводы изъ составленныхъ на мѣстахъ данныхъ объ этихъ судахъ. Съ своей стороны я разсматривалъ во многихъ волостныхъ правленіяхъ книги съ записанными въ нихъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, а сверхъ того изъ разныхъ губерній получилъ обстоятельныя выписки изъ такихъ книгъ. Какія же могутъ быть сдѣланы заключенія о практическомъ значеніи этихъ народныхъ судовъ какъ для крестьянъ, такъ и для лицъ иныхъ сословій? На сколько они важны и полезны тѣмъ и другимъ? Подлежатъ ли они сохраненію или же совершенному закрытію, или наконецъ лишь болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ? — вотъ, думаю

скается изъ виду при обсужденіи быта крестьянъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и тѣхъ, которыя до послѣдней реформы находились въ особой зависимости отъ поставленныхъ надъ ними властей: предполагается обыкновенно, что въ такихъ имѣніяхъ крестьяне вовсе не имѣли «своего права и суда». Но достаточно вспомнить, что въ мірскихъ общинахъ у крестьянъ всѣхъ разрядовъ бывали свои хозяйственныя, земельныя и другія дѣла, свои разборы въ денежныхъ и семейныхъ счетахъ, свои выборы для исправленія дѣлаемыхъ ими порученій лицъ, о которыхъ не заботились означенныя власти (наприм. стариковъ, увѣчныхъ, женщинъ и даже дѣтей): отсюда бывшіе всегда и продолжающіеся и донынѣ сходы, въ которыхъ важную роль занимаютъ бывалые и опытные домохозяева, не имѣющіе никакого официальнаго значенія.

я, существенные вопросы, на которыхъ мнѣ слѣдуетъ теперь остановиться, ибо устройство, предметы вѣдомства и вся обстановка волостныхъ судовъ конечно всѣмъ хорошо извѣстны не только изъ обнародованныхъ въ свое время положеній, но и изъ другихъ относящихся до нихъ изданій; притомъ мнѣ придется кстати говорить обо всемъ этомъ, сводя въ одно важнѣйшія основанія, представляющіяся какъ противъ дальнѣйшаго существованія такихъ судовъ, такъ и въ ихъ пользу.

Я уже высказалъ разъ мое мнѣніе по этому предмету и не имѣю доселѣ основанія измѣнять его [1]). Читая рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя большею частію весьма кратко, далеко не толково, съ указаніями обыкновенно не на настоящія основанія народныхъ приговоровъ — мѣстные обычаи,—а на статьи Свода Законовъ, которыя пріискиваетъ писарь-самоучка, но которыхъ не могутъ отвергать неграмотные судьи, ибо они видятъ въ этихъ законахъ царское слово, царскій приказъ; усматривая въ обсуждаемыхъ нами приговорахъ вліяніе не только этого писаря, но и волостнаго старшины, заботливо устраненнаго составителями крестьянскихъ положеній отъ всякаго участія въ народныхъ судахъ; встрѣчая наконецъ въ самомъ изложеніи дѣлъ и въ исполненіи волостныхъ рѣшеній указанія не только на народ-

---

[1]) См. мою статью подъ заглавіемъ: «Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству», помѣщенную въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи» т. VIII. Въ этой статьѣ, выражая полное сочувствіе тому, что приводится въ пользу волостныхъ судовъ, я не могъ, съ другой стороны, не указать на тѣ возраженія, которыя дѣлаются ихъ противниками. «Чтобы убѣдиться — говорилъ я — въ томъ, что эти суды постановляютъ свои рѣшенія на какихъ либо основательныхъ соображеніяхъ, необходимо имѣть въ виду эти соображенія и тѣ обычаи, которыми они вызываются. Между тѣмъ, что̀ видимъ мы въ самой значительной массѣ судебныхъ рѣшеній? Одни приговоры или доводы личные волостныхъ судей или наконецъ основанія религіозныя, нравственныя (да и то по понятіямъ крестьянъ). Самая суть дѣла — обычай — не выдвинутъ въ такихъ рѣшеніяхъ, какъ бы это слѣдовало, а умолченъ какъ слишкомъ извѣстный, безспорный. Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ? Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, т. е. не знающаго крестьянскаго быта, и юриста, т. е. лица, знакомаго съ одними законами, такія рѣшенія должны казаться весьма часто не только несправедливыми, но даже и абсурдными. И каждую минуту такой критикъ можетъ подтвердить свои слова самыми, повидимому, убѣдительными доказательствами. Вотъ, наприм., рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки: волостные судьи, какъ извѣстно, большею частью вслѣдъ за произнесеніемъ своихъ рѣшеній угощаются стороною оправданною или даже обѣими, но иногда та или другая сторона ухитряется и до суда задобрить виномъ кого нужно. Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже неясно: приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе, или только потому, что на него принесена извѣстная жалоба; а есть и такія рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розысканія или хотя бы допроса по жалобѣ произведено не было».

ное суевѣріе, на незнаніе или искаженіе религіозныхъ истинъ, но и на нарушеніе даже положительныхъ по крестьянскому дѣлу законовъ, изданныхъ съ цѣлью ограничить или совершенно воспретить ложные пріемы, укоренившіеся въ народѣ, наприм. для дознанія истины—пытку и для наказанія — сѣченіе розгами, — мы не можемъ быть сторонниками такого дѣлопроизводства. Но стоитъ только обратиться съ живою рѣчью къ этимъ народнымъ судьямъ; стоитъ послушать, особенно на сельскихъ сходахъ, въ которыхъ подчасъ и донынѣ рѣшаются стариками тяжебныя дѣла, хозяйственные споры и общественные распорядки, ихъ полные практическаго смысла доводы, какъ взглядъ на непригодность этихъ умныхъ и смѣтливыхъ стариковъ къ дѣлу суда совершенно измѣняется. Это ясное пониманіе своихъ домашнихъ и общественныхъ нуждъ; эти трезвыя сужденія, не поддающіяся ни житейской неріязни къ подсудимымъ, ни страху передъ сильными людьми, ни презрѣнію къ безпомощнымъ и слабымъ—все это невольно располагаетъ васъ въ пользу этихъ неграмотныхъ, но крайне разсудительныхъ стариковъ. Справедливость ихъ въ рѣшеніяхъ доходитъ до того, что многіе помѣщики по порубкамъ крестьянами въ ихъ лѣсахъ и по потравамъ въ ихъ поляхъ и лугахъ обращаются съ жалобами въ волостные суды и удовлетворяются этими судами несравненно скорѣе и лучше, чѣмъ мировыми судьями. Слѣдовательно, не въ самой природѣ, не въ притупленной отъ тяжелыхъ работъ способности, не въ недостаткѣ ума, смѣтливости и чувства правды въ простолюдинѣ должно искать причину многихъ дѣйствительныхъ недостатковъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ подлежащихъ волостнымъ судамъ. Постараемся подтвердить это мнѣніе наше небольшимъ обзоромъ данныхъ, собранныхъ въ „Трудахъ“ упомянутой выше коммиссіи министерства юстиціи о волостныхъ судахъ, которыми выясняются не только производства этихъ послѣднихъ, а также судовъ сельскихъ сходовъ, но и независимо отъ нихъ и другіе способы, какіе существуютъ у крестьянъ разныхъ мѣстностей для обсужденія и рѣшенія встрѣчающихся у нихъ гражданскихъ и отчасти уголовныхъ дѣлъ [1]). Этотъ обзоръ имѣетъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ большее значеніе, что онъ знакомитъ насъ и съ тѣми словесными судами, какіе, безъ сомнѣнія, практиковались въ крестьянскомъ быту

---

[1]) См. сверхъ шести томовъ означенныхъ трудовъ также изданные тою же коммиссіею «выводы изъ собранныхъ на мѣстахъ данныхъ о волостныхъ судахъ» (Спб. 1874 г.). Ср. помѣщенную въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1880 г. (№№ 6 и 7) ст. *П. Скоробогатаго* «Устройство крестьянскихъ судовъ».

и въ теченія того времени, когда официальные источники упоминали объ нихъ лишь въ томъ смыслѣ, что они воспрещаются [1]), притомъ частныя свѣдѣнія объ нихъ едва-ли и найдутся.

Какъ въ „Положеніяхъ“ о крестьянахъ, такъ особенно въ практикѣ, встрѣчается одноличный судъ сельскаго старосты и волостнаго старшины, но съ одной стороны онъ возникаетъ изъ тѣсной связи того и другаго со всѣмъ строемъ сельской общины и волости, а съ другой, вслѣдствіе того, что судныя дѣла крестьянъ обыкновенно вносятся ими, какъ должностными лицами, въ волостной судъ и они пользуются этимъ, чтобы склонять тяжущихся къ мировымъ сдѣлкамъ. Настоящіе же сельскіе суды суть коллегіальные, т. е. состоятъ изъ нѣсколькихъ судей, преимущественно людей пожилыхъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ своихъ односельцевъ и опытныхъ въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разбору. Иногда такіе судьи выбираются на болѣе или менѣе опредѣленное время и называются *выборными*, а также *добросовѣстными* [2]); иногда сельскіе старосты разбираютъ спорныя дѣла вмѣстѣ съ излюбленными обѣими сторонами стариками, въ числѣ коихъ встрѣчается обыкновенно одинъ изъ волостныхъ судей; иногда наконецъ судилище составляетъ цѣлый сходъ, сельскій или волостной. Бываютъ сверхъ того особые суды для разбора дѣлъ между отдѣльными сельскими обществами. Мы конечно не можемъ разсматривать здѣсь всѣ тѣ случаи, когда имѣютъ мѣсто тѣ или другіе изъ изчисленныхъ судовъ; не можемъ также выяснить тѣ основанія, которыми они руководствуются въ своихъ разборахъ и на сколько приводятся въ исполненіе постановляемыя ими рѣшенія: считаемъ достаточнымъ остановиться лишь на томъ выводѣ, что каждый изъ приведенныхъ судовъ имѣетъ свое основаніе въ подлежащихъ ему дѣлахъ, и что во всякомъ случаѣ судъ сельскаго общества, какъ бы онъ ни назывался, имѣетъ большое значеніе, какъ первая инстанція народнаго суда по той близости, въ какой онъ находится къ тяжущимся и преступникамъ, если обсуждается какое-либо противузаконное дѣйствіе. Вотъ почему нельзя не придти къ заключенію, что сельскіе суды, существующіе вѣрнѣе вслѣдствіе

---

[1]) Я разумѣю здѣсь главнымъ образомъ XVIII-е столѣтіе. Указаніемъ же на воспрещеніе такимъ судамъ собираться и рѣшать дѣла, я обязанъ В. И. Семевскому, который встрѣтилъ такого рода свѣдѣніе въ документахъ царствованія Екатерины II.

[2]) Такихъ «добросовѣстныхъ» я помню еще въ крѣпостное время въ моемъ сердобскомъ имѣніи.

обычая, укоренившагося издревле въ народной жизни, нежели на основаніи закона, такъ какъ въ „Положеніяхъ о крестьянахъ" они вовсе не выдѣлены ни своимъ составомъ, ни предметами вѣдомства изъ числа дѣлъ, подлежащихъ сельскому сходу, — требуютъ точнѣйшаго опредѣленія ихъ устройства, занятій, дѣлопроизводства и силы ихъ рѣшеній, какъ первой инстанціи суда. Въ настоящее же время весь исходъ разнообразныхъ сельскихъ судовъ, говоря строго, ограничивается примиреніемъ тяжущихся, ибо тѣ наказанія или взысканія, которыя практикуются въ селеніяхъ, на основаніи рѣшенія того или другаго сельскаго суда, не имѣютъ опредѣленнаго законнаго основанія.

Волостные суды, какъ выяснилось изъ отвѣтовъ, данныхъ, съ одной стороны, самими крестьянами разныхъ губерній, а съ другой, должностными лицами, знакомыми съ крестьянскими дѣлами, представляютъ не коллегіальное учрежденіе, а почти всюду собраніе неграмотныхъ людей, опутываемыхъ, съ одной стороны, докладомъ дѣла и вставочными рѣчами волостнаго старшины, а съ другой — ссылками писаря на статьи свода законовъ, которыя онъ приводитъ по своему усмотрѣнію и надобности. Упадокъ нравственности и излишнее пристрастіе къ вину, отъ котораго не отказываются часто волостные судьи даже передъ самымъ разборомъ дѣла (если съумѣетъ заманить ихъ въ свои сѣти тотъ или другой изъ тяжущихся), считаются и самими крестьянами поводомъ къ неправильности рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣніе волостнаго старшины или запугиваніе со стороны писаря могли-бы и не склонять судей къ неправильному рѣшенію. Наконецъ существующій порядокъ обжалованія приговоровъ волостнаго суда не только крестьянамъ не понятенъ, но — при неразвитости ихъ въ юридическомъ отношеніи — признается ими служащимъ не къ отмѣнѣ неправильныхъ рѣшеній, а лишь къ оттяжкѣ и замедленію тяжбы. Тѣмъ не менѣе большинство допрошенныхъ заявило, что волостной судъ крайне важенъ и дорогъ для крестьянъ по своей близости къ населенію, по однородности взглядовъ и понятій въ тяжебныхъ дѣлахъ судей и сторонъ, по возможности обходиться безъ расходовъ на путевыя издержки и на наемъ повѣренныхъ, что было бы неизбѣжно при судѣ въ другихъ учрежденіяхъ: только желательно — добавляли они въ заключеніе — чтобы сдѣланы были необходимыя въ волостномъ судѣ перемѣны. Къ нимъ, кромѣ отмѣны указанныхъ

выше недостатковъ, они относятъ: передачу въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ учрежденій тѣхъ проступковъ, за которые закономъ опредѣлено заключеніе въ тюрьму; ограниченіе подсудности по дѣламъ гражданскимъ уменьшеніемъ цѣны иска (для крестьянъ — какъ оказывается — при ихъ бѣдности, и сумма 100 руб. слишкомъ высока); наконецъ учрежденіе высшей апелляціонной инстанціи.

Какой же выводъ сдѣлаемъ мы изъ этихъ краткихъ, но вѣрныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ, можно сказать, изъ устъ самихъ крестьянъ? Не выродились-ли въ самомъ дѣлѣ рѣшенія сельскихъ судовъ, подъ вліяніемъ закона, въ ничтожныя постановленія, если они не ограничиваются мировыми сдѣлками и одинъ изъ тяжущихся захочетъ продолжать тяжбу? А рѣшенія волостныхъ судовъ не представляютъ-ли обратно, вслѣдствіе неправильнаго хода крестьянской жизни, весьма часто странную пародію, которая дѣйствительно возмущаетъ ихъ посѣтителя? Такъ волостной старшина, не имѣющій собственно никакихъ правъ по суду, царитъ въ его засѣданіяхъ, защищаетъ или обвиняетъ подсудимыхъ и наконецъ направляетъ дѣло къ рѣшенію по своему усмотрѣнію; такъ судьи, эти смѣтливые и толковые разборщики дѣлъ на сельскихъ судахъ и сходкахъ, обыкновенно молчатъ, устремляя взоръ на писаря, а писарь самоувѣренно, съ книгою въ рукѣ, изрекаетъ законъ и угрожаетъ имъ за его нарушеніе [1]). Я уже не говорю ничего болѣе сказаннаго выше объ обильныхъ винныхъ угощеніяхъ, какими нерѣдко ублажаютъ судей и писаря еще до суда и послѣ суда смѣтливые истцы и ходаки по крестьянскимъ дѣламъ. А между тѣмъ какой въ самомъ дѣлѣ контроль и пересудъ установлены для рѣшеній волостныхъ судовъ при такихъ условіяхъ? Это рѣшенія окончательныя, ибо могутъ отмѣняться лишь вслѣдствіе формальныхъ нарушеній закона, въ кассаціонномъ порядкѣ. Правда, что по суммѣ исковъ и по подлежащимъ волостнымъ судамъ дѣламъ (не свыше 100 рублей) они съ точки зрѣнія людей достаточныхъ

---

[1]) Одинъ изъ волостныхъ писарей, недовольный этимъ нашимъ мнѣніемъ, счелъ долгомъ помѣстить въ опровержение его замѣтку въ № 147 (за 1880 г.) «Виленскаго Вѣстника». Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться этимъ возраженіемъ, ибо имъ подтверждается лишь то, что указанные нами дѣйствія и пріемы волостныхъ старшинъ и писарей (конечно, они могутъ встрѣчаться и не повсемѣстно) воспрещаются и закономъ и высшей администраціей, точно также какъ и мнѣніе наше о необходимости *апелляціонной* инстанціи не устраняется его же замѣчаніемъ, что рѣшеніе волостнаго суда не приводится въ исполненіе до истеченія мѣсячнаго срока и слѣдоват. можетъ быть обжаловано въ силу закона: конечно можетъ, но какъ мы сказали, лишь въ *кассаціонномъ* порядкѣ.

ничтожны; но нельзя оставлять безъ вниманія положеніе крестьянъ, для которыхъ и небольшія суммы и неважныя съ означенной точки зрѣнія дѣла имѣютъ большое значеніе. Поэтому возможность пересмотра крестьянскихъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ волостныхъ судахъ, высшей *апелляціонной* инстанціей, имѣла бы для нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, свою хорошую сторону.

Если же такимъ образомъ неотложно требуются измѣненія какъ въ отношеніи къ сельскимъ судамъ, такъ особенно въ отношеніи къ судамъ волостнымъ, то спрашивается однако: можетъ-ли быть также неотложно къ этому приступлено? Не зависитъ-ли такая возможность отъ возвышенія съ одной стороны народной грамотности и народной нравственности, а съ другой — отъ предоставленія крестьянамъ возможности заявлять свои права̀, основанныя на мѣстныхъ обычаяхъ, и въ высшемъ апелляціонномъ судѣ, если таковой будетъ установленъ? Но грамотность, но улучшеніе нравственности, тѣсно связанныя съ возвышеніемъ религіозныхъ воззрѣній крестьянъ, которые ограничиваются доселѣ одною обрядовою стороною православія, и наконецъ основательная выработка не только значенія мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, но и программы для изложенія выражающихся въ нихъ началъ народной жизни на столько, чтобы необходимость примѣненія тѣхъ или другихъ обычаевъ въ данномъ случаѣ была вполнѣ ясна и наглядно убѣдительна не только для самихъ крестьянъ, но и для высшихъ судовъ — все это вмѣстѣ взятое не есть-ли такая задача, которая должна устрашить самыхъ ревностныхъ защитниковъ волостнаго суда, если-бы потребовалось ея выполненіе? Кому, однако, можетъ предлежать осуществленіе такой задачи, какъ не нашему высшему сословію, которое еще недавно такъ охотно и легко отказалось отъ бывшаго за нимъ крѣпостнаго права, и ему ли — спрашиваю я — страшиться взять на себя этотъ славный подвигъ — развитіе въ народѣ грамотности, нравственности и религіозности; а что касается до составленія программы народныхъ юридическихъ обычаевъ и ихъ изученія, то за это уже принялись разныя общества, коммиссіи и частныя лица. Да поможетъ намъ Богъ!

УПРАВЛЕНІЕ ССЫЛКИ [1]).

И. Я. ФОЙНИЦКАГО.

«Одною изъ *главнѣйшихъ* причинъ безуспѣшности до сего времени всѣхъ стараній правительства къ правильному устройству ссыльныхъ можетъ быть постоянный недостатокъ не только денежныхъ по сей части средствъ, но и хорошихъ на мѣстѣ исполнителей, исключительно посвятившихъ себя сему трудному дѣлу и могущихъ быть посредниками въ примѣненіи къ мѣстнымъ обстоятельствамъ плановъ высшаго правительства».

Замѣчаніе гр. Д. Н. Блудова, принятое Госуд. Совѣтомъ (Арх. Гос. Сов. 1859 г., дѣла № 24, л. 281).

Посвящается К. К. Гроту.

I. Депортаціонное управленіе на Западѣ. — II. Русская ссылка. Московскій періодъ. Сибирскій Приказъ и воеводы. Распаденіе этой системы. — III. Гр. Сперанскій. Общее гражданское управленіе по Сибирскому учрежденію 1822 г. — IV. Особенныя установленія для ссыльныхъ и отношеніе ихъ къ общему управленію. — V. Органы центральнаго управленія ссылки. — VI. Правительственныя предположенія о реформѣ ссыльнаго управленія. Предположенія гр. Блудова. Проекты г. н. Гасфорта, гр. Муравьева-Амурскаго и г. л. Корсакова. Проекты статсъ-секретаря гр. Валуева. — VII. Критика и выводы.

Нынѣ, когда вопросъ о тюремномъ управленіи въ Имперіи разрѣшенъ законодательною властью, пришло, кажется, время поднять изъ архивной пыли другой, тѣсно связанный съ нимъ

---

[1]) Главнѣйшіе источники и пособія:
Holtzendorff, die Deportation als Strafmittel, Leipzig, 1859.
Marquis de Blosseville, histoire de la colonisation pénale en Australie, Paris, 1859.
(Jules de la Pilorgerie) Histoire de Botany-Bay, Paris, 1836.

вопросъ — о реформѣ ссыльнаго управленія. Еще очень недавно, на разработку его были положены лучшія усилія нашихъ государственныхъ людей, стоявшихъ во главѣ какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго сибирскаго управленія. Было бы прискорбно, если бы усилія эти погибли безслѣдно.

Такими соображеніями руководился авторъ нижеслѣдующихъ строкъ, предлагая благосклонному вниманію читателей „Сборника" настоящую главу своего сочиненія о ссылкѣ. Не будучи увѣренъ, что напечатаніе этого сочиненія въ полномъ объемѣ не задержатъ другія лежащія на немъ обязанности, онъ выбралъ вопросъ ссыльнаго управленія какъ такой, который требуетъ ближайшаго, безотлагательнаго разрѣшенія нашей законодательной власти. Всѣ остальные вопросы ссыльной политики, имѣющей столь огромное значеніе въ системѣ нашей государственной жизни, связаны съ нимъ самымъ тѣснымъ, самымъ неразрывнымъ образомъ.

I.

Депортаціонное управленіе на западѣ.

Римская ссылка, въ обѣихъ ея формахъ — relegatio и deportatio — не знала особаго управленія. Преслѣдуя почти исключительно цѣли полицейскія, она могла быть сосредоточена въ рукахъ органовъ общаго управленія, тѣмъ болѣе, что число лицъ, подвергавшихся ссылкѣ, не было велико: relegatio примѣнялась только къ политическимъ преступникамъ, deportatio назначалась

William Eden, history of new Holland, Lond. 1838.
Hughes, the australian Colonies, Lon. 1836.
Mills, Colonial constitutions. Lond. 1856.
Pike, History of Crime in England, Lond, 1875—1878.
Отчеты французскаго морскаго министерства и колоній (Notices sur la transportation; not. sur la déportation).
Полное собраніе и сводъ законовъ, изд. 1832, 1842 и 1857 г.
(*Сперанскій*). Обозрѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири, 1841.
Вагинъ, историческія свѣдѣнія о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибири, Спб. 1872.
Ядринцевъ, Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ.
Максимовъ, Сибирь и каторга.
Списки населенныхъ мѣстъ рос. Имперіи (губ. Тобольская, Томская и Енисейская).
Московскій Сенатскій Архивъ, дѣла Сибирскаго приказа (книги, столбцы и вязки).
Архивъ Сибирскаго Комитета, стараго (1822—1838) и новаго (1852—1863).
Архивъ Государственнаго Совѣта (1814—1869).

лишь для лицъ привиллегированныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда непривиллегированныя (humiliores) подвергались наказанію плетьми и уголовной работѣ.

Тоже отсутствіе особаго депортаціоннаго управленія, хотя и по инымъ причинамъ, представляетъ исторія ссылки въ сѣверную Америку. Англо-американская ссылка имѣла въ виду узкія меркантильныя цѣли. Она, можно сказать, цѣликомъ находилась въ рукахъ частныхъ лицъ, такъ какъ государственная дѣятельность прекращалась въ моментъ передачи ссыльныхъ судовщику, а на американскомъ континентѣ проявлялась только въ наблюденіи сроковъ, съ наступленіемъ которыхъ оканчивалось право нанимателя на подневольный трудъ ссыльнаго.

Не въ этихъ, конечно, историческихъ примѣрахъ нужно искать образца для ссылки русской, существующей уже около трехъ вѣковъ, преслѣдующей программу весьма широкую и охватывающей собою огромное число людей. Интересъ сравненія съ нею представляютъ только рѣшенія, данныя важному вопросу ссыльнаго управленія, съ одной стороны, практическими англичанами въ Австраліи, а съ другой — новѣйшими опытами Франціи.

Уже 13 мая 1787 г., когда руководимый Сиріусомъ флотъ покидалъ Темзу для далекаго плаванія, управленіе австралійской ссылки имѣло всѣ необходимые элементы. На этомъ флотѣ размѣстились пассажиры двухъ классовъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе многочисленный (свыше 750 чел.), состоялъ изъ осужденныхъ въ ссылку преступниковъ. Пассажирами другаго класса были ихъ начальники разныхъ степеней, какъ на пути, такъ и на будущемъ поселеніи. Онъ составился изъ 168 солдатъ морской службы, 24 низшихъ начальниковъ (капралы и сержанты) и 20 высшихъ (капитаны и офицеры). Во главѣ всего флота, въ качествѣ генералъ-капитана, былъ поставленъ Филипсъ; съ прибытіемъ въ колонію, это званіе должно было смѣниться званіемъ губернатора. Лейтенантомъ его назначенъ майоръ Патрикъ Россъ. Коллинсъ, первый лѣтописецъ Австраліи, отправлялся въ путь въ качествѣ правительственнаго адвоката при главномъ судѣ. Медицинскія заботы поручены доктору Уайту и его помощникамъ. Не были забыты и потребности религіозныя, для удовлетворенія которыхъ при флотѣ отправлялось нѣсколько духовныхъ лицъ.

Посылая въ путь этотъ транспортъ при весьма отрывочныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ о странѣ назначенія, центральное пра-

вительство уже поэтому не могло снабдить губернатора подробными инструкціями и должно было предоставить его усмотрѣнію широкій, почти неограниченный просторъ дѣйствія. Въ лицѣ его была сосредоточена вся гражданская, военная и уголовная власть, даже право помилованія. Филипсъ вступалъ на материкъ пятой части свѣта съ правами законодателя, высшаго администратора и верховнаго судьи. Примѣра такихъ обширныхъ полномочій не знаетъ ни прежняя, ни позднѣйшая исторія Англіи.

Этотъ широкій просторъ дѣйствія, предоставленный первымъ губернаторамъ, былъ весьма полезенъ для успѣховъ колонизаціи. Прибывъ въ Ботани-Бей, гдѣ первоначально предполагалось положить первое основаніе колоніи, и встрѣтивъ здѣсь мѣстность, совершенно непригодную для этой цѣли, Филипсъ по своему почину и за свой страхъ приступаетъ къ розыскамъ болѣе подходящаго пункта, находитъ его и высаживается со всѣмъ флотомъ въ портѣ Джаксона, гдѣ вскорѣ создается Сидней. Дальнѣйшія мѣста поселенія — Тасманія, Норфолькъ и другія — также были заняты безъ всякаго вмѣшательства сентъ-джемскаго кабинета, и если выборъ оказывался неудачнымъ, то губернаторъ своею же властью отмѣнялъ первоначальный планъ и переносилъ поселеніе въ другое мѣсто.

Тою же обширною властью располагалъ онъ во всѣхъ вопросахъ хозяйства и администраціи колоніи. По его почину и полномочному усмотрѣнію принимаются мѣры обезпеченія колоніи продовольствіемъ, заводятся торговыя сношенія, назначаются начальствующія лица, опредѣляются способы преуспѣянія колоніи въ отношеніяхъ матерьяльномъ и нравственномъ, избираются лучшіе способы поощренія и наказанія ссыльныхъ, нормируется отношеніе ихъ къ свободнымъ колонистамъ. Не стѣсняясь иною властью при соображеніи своей дѣятельности съ мѣстными условіями и имѣя возможность со всею быстротою примѣнять свои рѣшенія къ дѣлу, не ожидая отписки изъ Лондона, австралійскіе губернаторы были поставлены въ положеніе, весьма благопріятное для твердаго устройства ввѣреннаго имъ дѣла.

Какіе же элементы для организаціи мѣстной власти находились въ ихъ распоряженіи и что имъ удалось изъ нихъ сдѣлать?

На первомъ мѣстѣ, конечно, здѣсь стояли силы военныя, которыя увеличивались постепенно, хотя и весьма незначительно, по мѣрѣ прибытія новыхъ транспортовъ изъ метрополіи. Но еще болѣе, чѣмъ въ отношеніи количественномъ, силы эти были не-

удовлетворительны въ отношеніи качественномъ. Трудно было отыскать достаточное число людей вполнѣ надежныхъ, которые рѣшились бы оставить родину для страны отдаленной, совершенно неизвѣстной и, притомъ, имѣя въ перспективѣ постоянное сообщество преступниковъ. За невозможностью выбора приходилось довольствоваться тѣмъ, что имѣлось подъ руками. Солдаты и офицеры, за рѣдкими счастливыми исключеніями, стояли далеко ниже желательнаго уровня нравственности и познаній. Для того, чтобы сдерживать эту разнузданную и алчущую наживы толпу въ надлежащихъ границахъ, требовалась вся неутомимая энергія полномочнаго губернатора, которому войско нерѣдко доставляло еще больше хлопотъ, чѣмъ даже ссыльные преступники. Едва въ 1792 г. Филипсъ сѣлъ на корабль, отвозившій его въ Англію, колонія, благодаря своимъ начальникамъ, стала ареною ажіотажа на пьянство и самыя дурныя наклонности человѣческой природы, что никогда не могло быть искоренено въ полной мѣрѣ. Хищническія наклонности начальствующаго сословія проявлялись и въ прямой эксплуатаціи ссыльныхъ, которыхъ по нѣсколько десятковъ приписывали иногда къ одному офицеру не только для полевыхъ работъ, но и для личныхъ услугъ. Но едва ли не самый поразительный примѣръ распущенности войска выпалъ на правленіе Блея: всесильный губернаторъ, который имѣлъ самыя обширныя полномочія и безъ разрѣшенія котораго не могъ даже собираться судъ, былъ низложенъ своими подчиненными, судимъ ими и отправленъ подъ арестомъ въ Англію.

При всемъ томъ, австралійское военное сословіе имѣло и свои хорошія стороны, вырабатываемыя морскою службою: способность къ инниціативѣ, знаніе людей, быстроту соображенія и энергію въ исполненіи. Получая должность, эти моряки не нуждались въ подробныхъ инструкціяхъ и умѣли понимать мысль начальника съ полуслова. Въ свою очередь, и начальникъ, закаленный въ морской службѣ, былъ свободенъ отъ соблазна регламентировать дѣятельность своихъ подчиненныхъ въ малѣйшихъ чертахъ. Его опытъ моряка говорилъ ему, что во всякомъ положеніи могутъ встрѣтиться непредвидѣнныя случайности, и что главнѣйшее достоинство подчиненнаго — умѣть найтись среди этихъ случайностей и стать выше ихъ, а не исполнять слѣпо приказанія начальства о разныхъ деталяхъ, данныя совершенно среди иныхъ обстоятельствъ.

Другой элементъ, находившійся въ распоряженіи австралій-

скихъ губернаторовъ для организаціи управленія, представляли свободные колонисты. Ихъ собственный интересъ побуждалъ ихъ имѣть за ссыльными дѣятельный надзоръ и облегчать задачу управленія. Впрочемъ, число ихъ до 1824 г. было ничтожно, а по мѣрѣ своего усиленія они выступаютъ болѣе и болѣе противъ неограниченной власти губернаторовъ и скорѣе противодѣйствуютъ, чѣмъ помогаютъ имъ.

Наконецъ, каторжные (convicts) и поселенцы (ticket of leave holders) представляли собою третій и послѣдній элементъ, къ которому могли обращаться губернаторы. Исторія колоніи показываетъ, что ссыльные нерѣдко оказывали имъ существенную помощь. По инициативѣ и при энергическомъ содѣйствіи ихъ положено начало караульной стражѣ, которая стала держать дозоръ на улицахъ Сиднея. При ближайшемъ ихъ участіи устроена первая тюрьма. Не мало ссыльныхъ, кончившихъ обязательный срокъ, занимали мѣста въ австралійскомъ управленіи, и не разъ губернаторъ Маккэри приглашалъ лучшихъ изъ нихъ, къ вящему соблазну офицеровъ и колонистовъ, на свои парадные обѣды.

Изъ этихъ трехъ элементовъ, первый, конечно, вложился всего болѣе въ составъ управленія. Оно было организовано на началахъ военнаго положенія и съ чрезвычайно широкою властью, предоставленною всѣмъ органамъ. Въ отдаленные пункты губернаторъ назначилъ офицеровъ, снабженныхъ болѣе обширными полномочіями, въ ближайшихъ ставилъ начальниковъ съ властью болѣе ограниченною. Непосредственное завѣдываніе ссыльными принадлежало старшимъ и младшимъ *надзирателямъ*. Съ теченіемъ времени, для спеціальныхъ отраслей ссыльнаго быта появляются, по распоряженіямъ губернаторовъ, особые органы. Такъ, когда значительное число ссыльныхъ стало работать въ партіяхъ по расчисткѣ и осушкѣ почвы, за счетъ правительства (clearing gangs), то во главѣ каждой такой партіи ставится особый *инспекторъ*, отвѣтственный въ извѣстной степени за успѣшность работъ ссыльныхъ; для руководства-же всѣми clearing gangs назначенъ *генералъ-инспекторъ*. Когда приписка (assignement) ссыльныхъ къ колонистамъ получаетъ значительные размѣры, то создается особая должность *комисара* по припискѣ, который удовлетворялъ требованія частныхъ лицъ, нуждавшихся въ рабочихъ, соображаясь со свѣдѣніями, доставленными ему о ссыльныхъ старшимъ надзирателемъ. Школьное дѣло имѣло своихъ спеціальныхъ представителей.

Что касается суда, то онъ получилъ особое устройство. Верховный судъ колоніи, учрежденный статутомъ, созывался губернаторомъ по мѣрѣ нужды въ составѣ 6 высшихъ офицеровъ. Рѣшенія его, постановляемыя по большинству голосовъ, восходили на утвержденіе губернатора. Въ дѣлахъ же меньшей важности, не требовавшихъ созванія этого суда, юрисдикція первоначально принадлежала администраціи. Съ развитіемъ приписной системы, нѣкоторая часть дисциплинарной власти предоставлена нанимателямъ; но въ губернаторство Бэрка, послѣдніе должны были уступить ее мировымъ судьямъ, избиравшимся, впрочемъ, изъ ихъ среды, а затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія числа свободныхъ колонистовъ въ Австраліи, единоличная власть судей уступаетъ мѣсто мировымъ съѣздамъ, дѣйствовавшимъ на основаніи общаго права и статутовъ Англіи, съ тѣмъ только различіемъ, что жюри по уголовнымъ дѣламъ не допускалось.

Съ 1824 г. начинаются крупныя измѣненія въ этой системѣ управленія. Австралія (Новый Южный Валлисъ) перестаетъ быть исключительно штрафною колоніею и дѣлается колоніею смѣшанною. Наплывъ свободной колонизаціи, поощряемой центральнымъ правительствомъ, болѣе и болѣе увеличивается, такъ что къ 1830 году эта страна имѣла уже 40-тысячное населеніе. Власть губернатора ограничивается совѣтами законодательнымъ и исполнительнымъ; сентъджемскій кабинетъ приглашается чаще подавать свой голосъ по вопросамъ колоніальнаго управленія, для соглашенія интересовъ свободныхъ колонистовъ съ мѣропріятіями губернаторовъ; въ колонію переносятся и другія административныя учрежденія Англіи, напр. съѣзды мировыхъ судей. Однако, хотя всѣ эти новыя учрежденія значительно измѣняютъ картину Австраліи, на нихъ, въ большинствѣ случаевъ, возлагаются функціи, не имѣвшія прямаго отношенія къ ссыльнымъ, такъ что ссылка по прежнему продолжаетъ имѣть свое самостоятельное управленіе. Губернаторъ Бэркъ, преемникъ Дарлинга, своею властью постановилъ, что число ссыльныхъ, которые могутъ быть приписаны къ одному лицу, не должно превышать 60 человѣкъ. Онъ-же лишилъ нанимателей права назначать тѣлесныя наказанія приписаннымъ къ нимъ ссыльнымъ и перенесъ это право сперва на мировыхъ судей единолично, затѣмъ — на ихъ съѣзды. Старшіе надзиратели по прежнему опредѣляли, по распоряженіямъ губернатора и на основаніи полученныхъ изъ Англіи документовъ и собственныхъ наблюденій, могъ ли ссыльный

непосредственно приписаться къ нанимателю, или долженъ былъ предварительно отправиться на правительственныя работы. Только право раздачи земель ссыльнымъ сокращено; уменьшились для нихъ и шансы прочнаго благосостоянія. Власть губернатора сократилась также въ отношеніи подвѣдомственнаго ему района, потому что нѣкоторыя мѣстности, прежде подчиненныя управленію сиднейскаго губернатора, отдѣлились отъ него и получили самостоятельное управленіе, которое устроилось на тѣхъ же началахъ. Такова напр. Ванъ-Дименова земля, гдѣ съ 1825 г. появляется отдѣльный губернаторъ, съ исполнительнымъ и законодательнымъ совѣтами.

Періодъ времени съ 1840 по 1857 г. для Новаго Южнаго Валиса можетъ быть названъ эпохою ссылки замаскированной. Внявъ настояніямъ колонистовъ, на которыхъ чрезмѣрное число ссыльныхъ начало ложиться тяжелымъ бременемъ, центральное правительство должно было отказаться отъ отправленія сюда преступниковъ для отбытія наказанія, но по исполненіи надъ ними части депортаціонной кары въ другомъ мѣстѣ (преимущественно въ Тасманіи) давало имъ свободу, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они отправлялись не на родину, а въ Новый Южный Валисъ (exiles). Нормальными же мѣстами наказанія ссылкою становятся Тасманія, (гдѣ переполненіе ссыльныхъ очень скоро затруднило управленіе), о-въ Норфолькъ для рецидивистовъ, знаменитый дѣятельностью капитанъ Мэконочи, и западная Австралія. Въ послѣдней, управленіе ссыльными получило нѣсколько своеобразный характеръ, благодаря тому, что ссыльные отправлялись сюда въ интересахъ частной компаніи и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она ихъ принимала. Ссыльные употреблялись преимущественно для работъ общественныхъ, идя далѣе и далѣе въ глубь материка по системѣ, напоминающей наши сибирскія заимки.

Весь складъ *французской* ссылки и организація ея управленія опредѣлились двумя обстоятельствами, существенно отличающими ее отъ ссылки англійской: во первыхъ — тѣмъ, что во Франціи и ссылка въ тѣсномъ смыслѣ (transportation), и высылка (déportation), появились въ порядкѣ административныхъ мѣропріятій, въ качествѣ мѣръ безопасности; и во вторыхъ — тѣмъ, что Франція направляла свою ссылку въ мѣстности, уже имѣвшія готовое общее управленіе, къ которому, какъ придаточная его часть, присоединялось и управленіе депортаціонное.

Государственный укладъ колоній опредѣляется сенатусъ-консультомъ 3 мая 1854 г., которымъ установлено, что всѣ французскія колоніи, за исключеніемъ Мартиники, Гваделупы и о—въ Соединенія, управляются декретами главы государства, — прежде императора, нынѣ президента республики. Мѣстное высшее управленіе ввѣрено губернаторамъ, зависящимъ непосредственно отъ морскаго министерства. Власть губернатора, стѣсненная прежде подробною регламентаціею изъ центра и различными мѣстными коммисіями, назначенными министерствомъ, въ послѣднее время получаетъ больше и больше самостоятельности. Но это — не столько власть дѣйствующая, сколько власть объединяющая и направляющая отдѣльныя части колоніальнаго управленія, въ лицѣ ихъ представителей, на которыхъ возложено губернаторское дѣлопроизводство по вѣдомству каждаго и которые не перестаютъ быть лично отвѣтственными за всѣ акты, состоявшіеся по ввѣренному имъ вѣдомству.

Организація губернаторской власти какъ въ Гвіанѣ, гдѣ ссылка находится въ процессѣ вымиранія, такъ и въ Новой Каледоніи, гдѣ она болѣе и болѣе развивается, представляетъ много сходства. Тамъ и здѣсь губернаторъ назначается центральнымъ правительствомъ и окруженъ тайнымъ совѣтомъ (conseil privé), который имѣетъ только совѣщательный голосъ. Для исполненія и развитія законовъ, декретовъ и министерскихъ инструкцій, губернаторъ, по представленіямъ управляющихъ отдѣльными частями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и по выслушаніи совѣта, издаетъ обязательныя распоряженія (arrétés и décisions); опредѣляетъ и увольняетъ, по представленіямъ управляющихъ отдѣльными частями, подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ, устанавливая и новыя должности, въ которыхъ встрѣчается необходимость; опредѣляетъ отношенія подчиненности между должностными лицами колоніи и кругъ ихъ вѣдомства, въ порядкѣ издаваемыхъ имъ распоряженій; издаетъ регламенты относительно классификаціи ссыльныхъ, устройства ихъ работъ, дисциплины и мѣръ поощренія; утверждаетъ представляемые ему начальниками отдѣльныхъ частей проекты бюджетовъ и новыхъ сооруженій по вѣдомству каждаго на сумму до 10 т. франковъ, а проекты, превышающіе эту сумму, представляетъ на утвержденіе министерства; разрѣшаетъ земельные надѣлы ссыльныхъ и браки ихъ; утверждаетъ и пересылаетъ министерству, со своими замѣ-

чаніями, всѣ отчеты управляющихъ отдѣльными частями и представленія о помилованіи, и т. под.

Въ непосредственномъ подчиненіи губернатора состоятъ, назначаемые центральнымъ правительствомъ, начальники отдѣльныхъ частей управленія колоніи. Такъ, въ Гвіанѣ существуютъ особые представители вѣдомствъ военнаго, финансоваго (ordonnateur), внутреннихъ дѣлъ (directeur de l'interieur) и пенитенціарныхъ заведеній колоніи (directeur des établissements penitentiaires). Въ Новой Каледоніи, декретомъ президента республики Мак-Магона отъ 12 декабря 1874 г., введена подобная-же организація: колоніальныя войска подчинены, подъ высшею властью губернатора, особому воинскому начальнику; затѣмъ внутренняя администрація колоніи распредѣлена между четырьмя начальниками отдѣльныхъ частей, объединяемыхъ властью губернатора, а именно: представителемъ финансоваго вѣдомства (ordonnateur), директоромъ внутреннихъ дѣлъ (d. de l'interieur), начальникомъ судебнаго вѣдомства и директоромъ пенитенціарной администраціи. Послѣдняя должность составилась изъ двухъ должностей, которыя до того времени были раздѣлены, а именно изъ должности директора ссылки (d. de la transportation) и директора высылки (d. de la déportation).

Функціи гвіанскаго директора пенитенціарныхъ заведеній, которому подвѣдомственны всѣ депортаціонныя установленія колоніи, по соглашенію съ министерствомъ, опредѣлены губернаторскимъ распоряженіемъ 31 августа 1870 года. Ему принадлежитъ: наблюденіе за всѣми ссыльными, какъ находящимися въ пенитенціаріяхъ, такъ и внѣ ихъ, и представленіе губернатору о мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія порядка и спокойствія въ средѣ ссыльныхъ; распредѣленіе ссыльныхъ по различнымъ пенитенціаріямъ; веденіе ихъ именныхъ списковъ и данныхъ депортаціонной статистики; управленіе всѣмъ составомъ пенитенціарнаго вѣдомства; представленія губернатору о надѣленіи ссыльныхъ земельными участками; представленіе ему-же списка ссыльныхъ, достойныхъ помилованія высшимъ правительствомъ, и всѣхъ мѣръ, относящихся къ пищевому довольствію ссыльныхъ, снабженію ихъ одеждою и вознагражденію за трудъ, а также къ сооруженію или исправленію пенитенціарныхъ зданій и производству всякаго рода работъ руками ссыльныхъ, при чемъ онъ долженъ предварительно снестись съ управляющими другими

частями и оффиціальными техниками относительно стоимости и свойства этихъ сооруженій и работъ; онъ ведетъ списки гражданскаго состоянія ссыльныхъ и непосредственно сносится съ органами прочихъ колоніяльныхъ вѣдомствъ (напр. съ мѣстною жандармеріею) въ случаяхъ нужды. Онъ же сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе всею экономическою частью ссылки, въ томъ числѣ на немъ лежитъ отчетность по такъ называемой добровольной кассѣ (caisse des dépôts volontaires), находящейся въ С. Лоранѣ. Онъ представляетъ періодическіе отчеты по пенитенціарному вѣдомству какъ непосредственно министерству, такъ и губернатору. Отношеніе губернатора къ депортаціонному управленію ограничивается личностью директора (il travaille et correspond seul avec le gouverneur), который „получаетъ отъ губернатора распоряженія по всѣмъ частямъ ввѣреннаго ему вѣдомства, направляетъ ихъ, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, представляетъ ему отчеты о результатахъ своего управленія, доводитъ до свѣдѣнія его о всѣхъ чрезвычайныхъ и непредусмотрѣнныхъ случаяхъ“, ведетъ переписку губернатора съ министерствомъ, подготовляетъ и представляетъ ему проекты по пенитенціарному вѣдомству и исполняетъ всѣ другія его порученія по этой части. Но непосредственное управленіе вѣдомствомъ принадлежитъ директору, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся исполнительная по ссылкѣ власть, который контрасигнируетъ всѣ распоряженія губернатора о ссылкѣ и о ссыльныхъ и несетъ личную отвѣтственность за всѣ дѣйствія по ввѣренному ему вѣдомству, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ докажетъ, что отвѣтственность должна лежать на другомъ лицѣ.

Подобныя же начала примѣнены декретомъ 1874 г. къ организаціи должности директора пенитенціарной администраціи въ Новой Каледоніи. Онъ исполняетъ порученія губернатора, подготовляетъ и представляетъ ему проекты распоряженій по пенитенціарному вѣдомству, ведетъ его переписку о ссылкѣ съ министерствомъ, представляетъ ему личныя назначенія, отчеты, проекты сооруженій и работъ, и тому подобное. Но въ тоже время онъ и непосредственно отъ себя посылаетъ отчеты въ министерство, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все непосредственное управленіе служебнымъ персоналомъ ссылки и ссыльными, сносится непосредственно съ органами другихъ вѣдомствъ, контрасигнируетъ всѣ распоряженія губернатора о ссылкѣ и несетъ личную отвѣтственность за всѣ акты по ввѣренному ему вѣдомству,

„исключая лишь тѣ случаи, когда имъ будетъ доказано, что онъ дѣйствовалъ въ силу прямыхъ распоряженій губернатора, состоявшихся несмотря и вопреки категорическимъ его представленіямъ“.

Затѣмъ всѣ прочіе органы депортаціоннаго вѣдомства представляются низшими исполнителями, дѣйствующими по указаніямъ директора. Сюда принадлежатъ: смотрители пенитенціаріевъ въ ихъ разныхъ формахъ, и подчиненные имъ старшіе и младшіе надзиратели, съ санитарнымъ, церковнымъ, школьнымъ и техническимъ тюремными штатами; начальники разныхъ депортаціонныхъ заведеній подъ различными названіями, напр. сельскохозяйственныхъ фермъ, сахарныхъ фабрикъ, лѣсныхъ и строительныхъ мастерскихъ, дорожныхъ командъ и т. под.; инспекторы для періодическихъ объѣздовъ (въ Гвіанѣ) земельныхъ участковъ, уступленныхъ ссыльнымъ для обработки, и для представленія отчетовъ о ихъ положеніи. Кромѣ того, въ послѣднее время въ Гвіанѣ, путемъ губернаторскихъ распоряженій, образованы выборные органы. Такъ, распоряженіемъ 21 іюля 1870 г. создана для гор. Каэнны и его окрестностей особая коммисія изъ именитыхъ (notables) мѣстныхъ жителей, по назначенію губернатора изъ кандидатовъ, представляемыхъ въ двойномъ числѣ (8) директоромъ пенитенціарныхъ учрежденій, и подъ предсѣдательствомъ каэнскаго мэра; назначеніе этой коммисіи состоитъ въ томъ, чтобы „подавать свой совѣтъ (avis) по всякому требованію, адресованному къ директору внутреннихъ дѣлъ или къ директору пенитенціарныхъ заведеній о помѣщеніи ссыльныхъ на работы“. Кромѣ этой функціи, она имѣетъ еще значеніе третейскаго судьи между свободными жителями и ссыльными, живущими внѣ пенитенціаріевъ въ Каэннѣ и ея предмѣстьяхъ. Въ томъ же 1870 г., постановленіемъ гвіанскаго губернатора, образовано выборное изъ ссыльныхъ жюри для присужденія лучшимъ изъ концессіонеровъ наградъ за успѣхи по сельскому хозяйству, въ видахъ поощренія ссыльныхъ къ земледѣлію.

Практика депортаціоннаго управленія за послѣднее время показываетъ, что прежнее централистическое направленіе французскаго правительства въ колоніяхъ болѣе и болѣе ослабѣваетъ и мѣстныя власти начинаютъ пользоваться большею степенью простора. Въ Гвіанѣ, гдѣ ссылка вымираетъ, мѣстное управленіе, почти безъ всякаго вмѣшательства центральнаго управленія, приняло рядъ мѣръ, которыя оказались въ высшей степени цѣлесооб-

разными; оно закрыло многія пенитенціаріи (въ особенности такъ наз. плавучія суда) и мастерскія, сконцентрировало остающихся ссыльныхъ, сократило служебный персоналъ и депортаціонные расходы, приблизило къ ссыльнымъ населеніе, которое тамъ всегда относилось къ нимъ враждебно. Напротивъ, въ Новой Каледоніи, гдѣ ссылка находится въ періодѣ своего развитія, число пенитенціаріевъ и мастерскихъ возрастаетъ, отводы земельныхъ участковъ ссыльнымъ увеличиваются, по указаніямъ колоніальнаго начальства и при помощи доставляемыхъ имъ пособій, заселяются мѣстности, которыя еще наканунѣ были пустынями. Администрація, не связанная постояннымъ вмѣшательствомъ центральнаго управленія и не обязанная выжидать его рѣшеній по текущимъ вопросамъ ссыльной политики, получаетъ возможность дѣйствовать быстро, энергично и соображаясь съ конкретными обстоятельствами даннаго случая; мѣры пробныя, требующія оцѣнки опыта, не превращаются въ мѣры постоянныя и отмѣняются немедленно послѣ того, какъ обнаружилась ихъ непригодность. Такъ напр. обширная сахарная фабрика Марони (въ Гвіанѣ) имѣла сперва управляющаго съ ограниченною властью, подобно какъ въ фискальныхъ заведеніяхъ; онъ дѣйствовалъ какъ органъ совѣта, снабженнаго властью распорядительною; но затѣмъ признано было необходимымъ сообщить управленію этой фабрики характеръ, приближающійся къ типу частной предпріимчивости, почему совѣтъ распорядительный былъ замѣненъ, въ порядкѣ губернаторскаго распоряженія, совѣтомъ наблюдательнымъ и управляющій получилъ гораздо большій просторъ дѣйствія. Въ Нумеѣ (Новая Каледонія) губернаторскимъ распоряженіемъ 5 октября 1870 г. строительная мастерская ссыльныхъ возведена въ званіе арсенала, подъ начальствомъ особаго морскаго офицера; но въ 1874 г. должность директора арсенала признана излишнею и была упразднена, а мастерская получила другое назначеніе. Лѣсная мастерская Прони, образованная въ 1867 г., губернаторскимъ распоряженіемъ 27 декабря 1873 г. обращена въ карательное заведеніе. Весьма существенныя реформы предпринимаются и осуществляются властью мѣстнаго управленія и во внутреннемъ бытѣ ссыльныхъ. Такъ напр. въ Новой Каледоніи губернаторскими положеніями 5 ноября 1872 г. и 12 октября 1873 г. существенно измѣнены прежнія правила относительно ссыльныхъ, освобожденныхъ отъ публичныхъ работъ, и относительно обязанностей нанимателей, причемъ коло-

низаціонная идея начинаетъ занимать видное мѣсто. Первымъ изъ этихъ положеній образованы asiles для ссыльныхъ, неспособныхъ къ работамъ по дряхлости или болѣзнямъ, и dépôts speciaux для временнаго призрѣнія и занятія работами тѣхъ ссыльныхъ, которые, окончивъ срокъ каторжныхъ работъ, не пріискали себѣ занятій у частныхъ лицъ. Отмѣтимъ, наконецъ, что въ порядкѣ губернаторскаго же распоряженія, 1 января 1873 г., въ Новой Каледоніи образована сельская полиція изъ туземцевъ, которая значительно облегчила заботу мѣстной администраціи по надзору за ссыльными и предупрежденію бродяжничества.

II.

Русская ссылка. Московскій періодъ. Сибирскій приказъ и воеводы. Распаденіе этой системы.

Обращаясь къ нашей ссылкѣ, мы встрѣчаемся съ явленіемъ, въ высшей степени поразительнымъ. *Она никогда не имѣла и до сихъ поръ не имѣетъ своего отдѣльнаго управленія*, подобно тому, какъ она не имѣла и до сихъ поръ не имѣетъ своего специальнаго контингента ссылаемыхъ людей: въ ссылку идутъ у насъ не только осужденные преступники, какъ на западѣ, но также — и значительно больше ихъ — пересылаемые въ порядкѣ административномъ. Судьбами нашей ссылки всегда руководили органы общаго управленія, обремененные другими заботами, дѣйствовавшіе каждый въ своей мѣстности независимо другъ отъ друга и — за весьма рѣдкими, временными исключеніями — лишенные единаго компетентнаго руководителя. Потому-то ссыльная политика до сихъ поръ не выработалась у насъ въ самостоятельную отрасль управленія, не успѣла получить подлежащей устойчивости и единства, ставится часто въ зависимость отъ посторонних, совершенно чуждыхъ ей соображеній, а разрозненныя мѣстныя власти обезсиливались центральными установленіями, которыя, въ свою очередь, были очень слабы и, не давая имъ необходимаго законнаго простора дѣйствія, не могли предупредить ихъ произвола и злоупотребленій.

Было бы излишне доказывать это положеніе относительно ссылки въ мѣстности европейской Россіи, не сибирскія. Здѣсь ссылка

всегда примѣнялась или какъ мѣра общей политики заселенія окраинъ, или какъ мѣра для временнаго удовлетворенія мѣстной нужды въ рабочихъ рукахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ созданіи для ссыльныхъ особаго управленія не было нужды; они поступали въ распоряженіе общаго управленія.

Могло-ли быть иначе въ первыя времена сибирской ссылки? Могла-ли у московскаго правительства явиться мысль создать для нея особое самостоятельное управленіе?

Конечно, въ Сибирь, съ самыхъ раннихъ временъ, отправлялись и такіе ссыльные, по отношенію къ которымъ правительство преслѣдовало спеціальныя задачи и которые, по предначертаніямъ его, не должны были смѣшиваться съ населеніемъ свободнымъ. Таковы ссыльные политическіе, „измѣнники" и опальные, посылавшіеся не для колонизаціи, а по соображеніямъ безопасности или въ видахъ личнаго возмездія; ихъ обыкновенно держали въ особыхъ помѣщеніяхъ и ставили иногда при нихъ особыхъ приставниковъ. Однако, эти ссыльные составляли ничтожное меньшинство даже среди ссыльныхъ за вины, вливавшихся въ общее населеніе и распредѣлявшихся на разныя государевы службы: на пашню, въ ружники, оброчники, охотники, стрѣльцы, посадскіе люди, въ подъячіе, дьяки и даже въ воеводы [2]). Независимо отъ того, одними ссыльными за вины мѣстныя потребности Сибири въ людахъ далеко не удовлетворялись, и потому вмѣстѣ съ ними ссылалось множество людей свободныхъ, въ порядкѣ общегосударственной повинности, государевой службы. То время хотя и начинаетъ уже различать ссылку на житье за вины отъ ссылки въ службу, но въ обоихъ случаяхъ примѣнялось начало принудительнаго переселенія и обязательной повинности на государя, такъ что одинъ видъ незамѣтно переходилъ въ другой. Въ 1636 г. въ Тобольскъ и въ Туринскъ для государева дѣла отправлены были кузнецы изъ свободныхъ людей на житье. Тогда же изъ Вологды и другихъ городовъ въ Сибирь на житье посланы стрѣльцы съ сотниками, съ ружьемъ и семьями, для обереганія отъ набѣговъ. Въ 1640 г. взяты были люди изъ разныхъ мѣстъ на Верхотурье для плотничьяго дѣла; оказалось, что этого мастерства они не знали, и ихъ заключили въ тюрьму

---

[2]) Москов. Сенат. Архивъ, книги Сибирскаго Приказа №№ 42, 46 листъ 727; 96 л. 34 и др.; Столбцы Спб. Прик. № 6093, 49 дѣла n° 9 и др.

[3]). Примѣры, подобные приведеннымъ и доказывающіе, что обязательные колонисты подвергались положенію ссыльныхъ за вины и смѣшивались съ ними, нерѣдки. А между тѣмъ, число ихъ до такой степени превышало число ссыльныхъ за вины, что послѣдніе составляли лишь ничтожную часть принудительнаго поселенія. При этихъ условіяхъ невозможно было ожидать, чтобы для ссыльныхъ за вины создалось особое управленіе, и дѣйствительно мы не встрѣчаемъ его въ московскій періодъ.

Но за то этотъ періодъ нашей исторіи создалъ сильный центральный органъ общаго сибирскаго управленія, который безслѣдно погибъ въ вихрѣ позднѣйшихъ преобразованій.

Такимъ органомъ былъ *сибирскій приказъ*, учрежденный въ 1595 г., подчиненный Сенату въ 1733 г., но просуществовавшій еще въ этомъ подчиненномъ положеніи до 1767 года. Отсюда посылались сибирскимъ воеводамъ грамоты и наказы, здѣсь получались ихъ отписки и доношенія дьяковъ, дѣлались распоряженія по челобитнымъ разнаго рода, группировались всѣ свѣдѣнія о Сибири вообще и о ссыльныхъ въ частности. Функціи эти исполняемы были приказомъ весьма старательно. Въ то далекое время, когда еще понятіе статистики было совершенно неизвѣстно, сибирскій приказъ имѣлъ гораздо болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ ссыльныхъ и распредѣленіи ихъ по полу, возрасту, состоянію, преступленіямъ и мѣстамъ ссылки, чѣмъ даже министерство внутреннихъ дѣлъ нашихъ дней [4]). Слѣдуя традиціоннымъ правиламъ Москвы и приказной системы, сибирскій приказъ положилъ первое основаніе чрезмѣрной централизаціи

---

[3]) Моск. Сенат. Арх., Столб. Сиб. Прик. № 6093, 49 дѣла n° 5; № 6105, 61 дѣла n° 1; № 6138, 94 n° 1.

[4]) Москов. Сенат. Арх., Книги Сиб. Прик. № 75, роспись, кому именно и за какую вину какое было наказаніе; № 506 — расходная книга поденному корму ссыльнымъ людямъ; столбцы № 6051, 7 n° 1 — отписки отъ воеводъ разныхъ городовъ о сосланныхъ въ Сибирь людяхъ (1626 и 1627 г.); № 6127, 83 n° 2: отписки изъ Тобольска и подъ отпискою реэстръ, сколько въ Тобольскѣ и по какимъ дѣламъ содержится колодниковъ и съ котораго года; № 6132, 88 п. 4: отписка Василія Чеглокова о тарскихъ тюремныхъ сидѣльцахъ; № 6250, 206 n° 1 (1649 г.): имянные списки сосланнымъ за вины въ сибирскіе города на жительство, кто именно сосланы по среднимъ винамъ; № 6506, 462 n° 1 — отписка о ссыльныхъ за разныя вины въ сибирскіе города; № 6509, 465 n° 1 (1654 г.): столбъ о ссыльныхъ колодникахъ, кои посланы въ сибирскіе города за вины; № 6751, 706 n° 1 (1678 г.): о посланныхъ въ Сибирь за разныя вины разныхъ людяхъ; № 6908, 863 п. 1 (1667 г.): имянная роспись московскимъ ссыльнымъ людямъ, которые посланы были съ Москвы и изъ русскихъ разныхъ городовъ въ Сибирь на Ленской волокъ въ Минской острогъ на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, и холостыхъ; № 6917, 872 п. 1 (1668 г.) — отписки воеводъ о ссыльныхъ; тоже № 7060, 1015 п. 1 (1688 г.), № 7121, 1076 п. 4 (1689 г.), съ имянною росписью, и мн. др.

нашего ссыльнаго дѣла. Не говоря уже о томъ, что на немъ лежали всѣ заботы по отправленію поступавшихъ къ нему изъ разныхъ вѣдомствъ [5]) ссыльныхъ въ Сибирь [6]), снабженіе ихъ платьемъ и деньгами [7]), приказъ оставлялъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи даже распредѣленіе ссыльныхъ по разнымъ сибирскимъ мѣстностямъ [8]), указывая со всею точностью и тотъ родъ жизни или дѣятельности, который ожидалъ ихъ на мѣстѣ [9]), и тѣ средства вспомоществованія, которыя имъ отпускались государствомъ, какъ-то: жалованье [10]) денежное [11]), хлѣбное [12]) и соляное [13]), кормовыя деньги [14]), денежныя [15]) и иныя [16]) под-

---

[5]) Бывали даже случаи ссылки за вины по распоряженіямъ патріарховъ; такъ въ 1654 г. иноземецъ Дубровскій былъ отправленъ приказомъ въ ссылку по распоряженію патріарха Никона (Сиб. Прик., Столб. № 6495, 451 дѣла n° 1).

[6]) Моск. Сенат. Арх., Книги Сиб. Прик. №№ 218, 291, 296, 340, 417, 436, 445, 456, 555 и др. Столб. Сиб. Прик. № 6099 n° 1, № 7051 n° 1, № 7254 n° 1, № 6461 n° 1 1, № 6413 n° 1 и др.

[7]) Это называлось «верстать платьемъ»: Моск. Сен. Арх., Столб. № 6461, n° 1 и др.

[8]) *Ibidem*, Столб. № 6099 n° 1 (1636 г.), № 6461 n° 1 и др.

[9]) Они, какъ замѣчено выше, записывались на службу въ стрѣльцы и казаки, въ посадскіе и промышленные люди, въ пахотные крестьяне,—съ обязанностью производить часть работъ на государя.

[10]) До конца XVII ст. «жалованье» означало всякое вспомоществованіе со стороны государства, какъ ссыльнымъ за вины, такъ и ссыльнымъ по инымъ основаніямъ; въ дѣлахъ, производившихся въ 1681 и 1687 годахъ (Столб. Сиб. Прик. № 6776, 732 n° 1 и № 7034, 989 n° 1), «жалованье» служилымъ людямъ, въ первый, кажется, разъ, рѣзко противополагается «кормовымъ деньгамъ» ссыльнымъ за вины; но и впослѣдствіи первое выраженіе употреблялось иногда въ прежнемъ, болѣе широкомъ смыслѣ; см. П. С. З. № 1594.

[11]) Денежное жалованье назначалось гораздо рѣже, чѣмъ хлѣбное, только служилымъ людямъ и уплачивалось золотомъ, между прочимъ, ефимками: Книги Сиб. Прик. № 270 и 197.

[12]) Столб. Сиб. Прик. № 6046, 2 — о выдачѣ жалованья польскимъ и другимъ выходцамъ въ Сибири; № 7112, 1067 дѣла n° 8 (1689 г.): о высылкѣ изъ Тобольска въ Даурскій острогъ служилыхъ людей за поруками и о дачѣ имъ хлѣбнаго жалованья; № 7292, 1206 n° 1 (1698 г.): выписки и отписки о верстаніи разныхъ чиновъ людей денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ; № 7672, 1626 n° 1: о находящихся на службѣ въ разныхъ сибирскихъ городахъ людяхъ и о дачѣ имъ заслуженнаго жалованья; № 7689, 1643 n° 1: списокъ разнаго званія людямъ, находящимся въ Сибири на жалованьяхъ.

[13]) Книги Сиб. Прик. №№ 146 (1640 г.), 155 (1642 г.), 156 (1642 г.) и др.

[14]) Кормовыя деньги или поденный кормъ назначались какъ для ссыльныхъ за вины, такъ и для ссыльныхъ служилыхъ людей; но этотъ терминъ употребляется съ конца XVII ст. главнымъ образомъ относительно ссыльныхъ за вины. Въ дѣлахъ сибирскаго приказа различается поденный кормъ на дорогу (книги Сиб. Прик. №№ 291, 296, 340, 417, 436 и др.) и въ городахъ (книги Сиб. Прик. №№ 146, 155, 218, 506 и др.; столбцы Сиб. Прик. № 7132, 1087 n° 1, 1690 г., наказы воеводамъ объ отпускѣ денежной суммы на кормъ ссыльнымъ людямъ за разныя вины въ сиб. города; № 7211, 1165 n° 3, о дачѣ посланнымъ въ сибирскіе города въ ссылку кормовыхъ денегъ). Поденный кормъ въ дорогу назначался государевымъ указомъ и расчитывался отъ Москвы до Тобольска на 4 недѣли, различно смотря по человѣку по 3, 4 и 6 денегъ, а дѣтямъ—по одной и двѣ деньги; памяти о вы-

моги на обработку земель, и т. под. [17]). По всѣмъ этимъ вопросамъ приказъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, давалъ мѣстнымъ воеводамъ (иногда—дьякамъ) государевы указы, подлежавшіе безусловному исполненію. Но, помимо этихъ распоряженій на отдѣльные случаи, составлявшихъ, если можно такъ выразиться, продолженіе судебнаго приговора или государева указа о назначеніи даннаго лица и о судьбѣ его въ ссылкѣ, приказъ давалъ распоряженія общаго свойства, оставлявшія воеводамъ значительный просторъ дѣйствія. Таковы наказы воеводамъ „какъ имъ поступать", опредѣлявшіе дѣятельность ихъ болѣе общими чертами, умѣвшіе со всею точностью намѣчать *задачи* ихъ дѣятельности и оставлять имъ извѣстную свободу въ выборѣ *способовъ* достиженія этой задачи. Любопытная грамота Турьинскому (пограничному) воеводѣ Ивану Суздальцеву, сохранившаяся въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 562) подъ 1675 г., предписываетъ московскихъ людей въ ссылкѣ записывать въ тѣ именно чины, въ которые сосланы, а не выше и не ниже; но въ тоже время усмотрѣнію его предоставляется, для предупрежденія побѣговъ, обратившихъ на себя вниманіе правительства, или держать ссыльныхъ въ тюрьмѣ, или отдавать ихъ на крѣпкія поруки, или даже оставлять на свободѣ, если отзывы будутъ удовлетворительны. Наказъ тобольскому воеводѣ кн. Черкаскому (1696 г.) предписываетъ смотрѣть за ссыльными, поверстанными въ государевы службы денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, накрѣпко, оставляя на выборъ воеводы мѣры достиженія этой цѣли [18]). Еще шире опредѣляется функція воеводъ по отношенію къ ссыльнымъ въ наказныхъ статьяхъ воеводамъ тарскому и тюменьскому: имъ указывалось „къ благополучному состоянію людей всѣхъ привесть, къ доброму и христіанскому благоугодному житію, а воровства всякія въ началѣ во вся-

---

дачѣ денегъ на дорогу клались или на челобитныхъ, или на выпискахъ дьяка объ указѣ, назначавшемъ ссылку. Въ городахъ, поденный кормъ назначался по челобитнымъ, по 3—4 деньги, а на дѣтей по 2 деньги.

[15]) Напр. въ 1689 г. ссыльнымъ. поселеннымъ въ крестьянство въ сибирскихъ городахъ, дана подмога по 4 рубля на десятину (столбцы, № 7117, 1072 nº 17).

[16]) Напр. въ 1625 г., когда при Енисейскомъ острогѣ, послѣ замиренія окрестнаго края, приступили къ устройству пашни, то поселеннымъ на пашни указано было купить лошадей на счетъ казны (Столб. Сиб. Прик. № 7720, 1674 д. nº 6). См. тоже П. С. Зак. № 6460.

[17]) Таковы: отводъ земель въ казну и подъ пахоту, устройство путей сообщенія, снаряженіе дощаниковъ для снабженія жителей продовольствіемъ и т. д.

[18]) Полн. Собр. Зак. № 1594.

комъ человѣкѣ истребить" [19]). Предписывая воеводамъ заботиться объ интересѣ государевой казны посредствомъ работъ ссыльныхъ на пашнѣ, центральная власть предоставляла имъ самимъ изыскивать пригодныя для этого мѣры и давала имъ обширныя полномочія по отношенію къ ссыльнымъ, которые стали бы уклоняться отъ работы [20]).

Мѣстное управленіе Сибири, поставленное подъ крѣпкую власть зоркихъ бояръ и дьяковъ Приказа, сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ и ихъ товарищей, дьяковъ, подъячихъ и племенныхъ головъ; ближайшее завѣдываніе ссыльными по работамъ и водворенію ввѣрялось стольникамъ, приказчикамъ и ссадчикамъ; войско состояло изъ стрѣльцовъ и казаковъ, въ значительной степени пополняясь самими ссыльными. Эта воеводская система продолжалась до 1710 г., когда въ Сибири было введено управленіе губернское.

Первоначально, когда еще московское правительство не имѣло опредѣленнаго представленія о Сибири, оно назначило на всю Сибирь одного воеводу — кн. Болховскаго съ товарищемъ его Глуховымъ. Но когда, послѣ пораженія Ермака, Сибирь пришлось завоевывать снова медленнымъ путемъ поступательнаго занятія, то правительство начало назначать особыхъ воеводъ почти въ каждый городъ и острогъ, по мѣрѣ ихъ образованія. Въ рукахъ ихъ сосредоточивалась власть военная, гражданская и судебная; дѣла большей важности отписывались на Москву, и только въ концѣ XVII ст. о сосланныхъ въ дальніе города воеводамъ предоставлено право суда не отписываясь къ государю [21]). Воеводы не были подчинены другъ другу [22]), не имѣли между собою никакой связи на мѣстѣ и сносились съ Приказомъ непосредственно [23]), хотя воеводства, по объему и степени своей важности, различались на областныя, среднія и малыя. Въ отношеніи управленія, различіе это сводилось единственно къ численности штата: въ областныхъ вое-

---

[19]) Полн. Собр. Зак. № 1670.

[20]) Ibid., а также №№ 1822 и 6460.

[21]) П. С. Зак. № 562.

[22]) Списки насел. мѣстъ, Тобольская губ., стр. LXXXV.

[23]) Въ «обозрѣніи главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири», на стр. 2, высказано иное положеніе, будто бы средоточіемъ мѣстной власти и въ московскій періодъ былъ Тобольскъ, откуда другіе города получали свои наказы. Такъ дѣйствительно предполагалось при Годуновѣ, въ 1599 г., но это предположеніе не осуществилось; см. Списки нас. м., Тобольская губ., стр. LXXXV.

водствахъ число товарищей, дьяковъ и племенныхъ головъ было больше, чѣмъ въ среднихъ, а въ малыхъ воеводствахъ случалось, что при воеводѣ бывалъ только подъячій. Областными воеводствами были тобольское и томское. Воеводы тобольскіе иногда назывались „сибирскими" по преимуществу, такъ какъ черезъ Тобольскъ проходила вся переписка центральнаго правительства съ Сибирью. Обращикомъ этой переписки можетъ служить дѣло сибирскаго приказа 1652 года о посылкѣ въ Сибирь пушкарей Захара да Анисима съ товарищами, съ женами и дѣтьми, за ихъ воровство и за смертное убійство въ вѣчное житье на Лену. Изъ Москвы они посылались съ приставами, которымъ даны были наказъ и нѣсколько грамотъ. Наказъ опредѣлялъ обязанности приставовъ. Первая грамота адресована верхотурскому воеводѣ, которому предписывалось принять ссыльныхъ отъ приставовъ и препроводить ихъ до Тобольска. Вторая грамота предназначалась тобольскому воеводѣ, о принятіи ихъ и препровожденіи далѣе до Енисейска. Особою грамотою енисейскому воеводѣ предписывалось принять этихъ ссыльныхъ у приставовъ тобольскихъ и помѣстить ихъ въ енисейскій острогъ, о чемъ увѣдомить государева дьяка. Наконецъ, грамотою изъ приказа-же на малый волочекъ въ острогъ боярину Богдану Денисьевичу Оладьину предписывалось отправить за ними провожатыхъ въ Енисейскъ, принять ихъ тамъ и поселить ихъ на пашнѣ на Ленѣ съ женами и дѣтьми, о чемъ увѣдомить государева дьяка [24]).

Число воеводъ было весьма значительно. Въ XVII ст. мы находимъ ихъ въ Верхотурьѣ, Томскѣ, Тобольскѣ, Тюмени, Пелымѣ, Березовѣ, Мангазеѣ, въ Турьинскомъ острогѣ, на ленскомъ волокѣ, въ Тарѣ, въ Ишимѣ, въ нарымскомъ острогѣ, въ Нерчинскѣ, въ Даурахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Они перемѣнялись очень часто. Независимо отъ смѣны отдѣльныхъ воеводъ, вслѣдствіе открывавшихся злоупотребленій по челобитнымъ и доносамъ товарищей или дьяковъ, были еще общія раскасированія воеводъ, примѣнявшіяся съ воцареніемъ новаго государя или при иныхъ обстоятельствахъ. Кажется, это было сознательною мѣрою политики, направленною къ тому, чтобъ воеводы долго не засиживались и не дѣлались слишкомъ смѣлыми въ

---

[24]) Моск. Сенат. Арх., Столб. Сибир. Пр. № 6461, 417 дѣла n° 1.

злоупотребленіяхъ. Въ 1629 г. назначены новые воеводы и племенные головы почти во всѣ сибирскіе города [25]); не далѣе, какъ черезъ 6 лѣтъ, въ 1635 г., происходитъ новое повсемѣстное ихъ раскасированіе [26]), которое повторяется неоднократно и впослѣдствіи [27]). Къ дьякамъ и подъячимъ эта мѣра не примѣнялась.

Другая мѣра обезпеченія власти противъ чрезмѣрнаго усиленія и неправильныхъ дѣйствій воеводъ, состояла въ томъ, что они окружались товарищами и дьяками. Товарищъ былъ гораздо болѣе, чѣмъ помощникомъ воеводы, вполнѣ ему подчиненнымъ и не имѣвшимъ самостоятельнаго голоса. Онъ останавливалъ незаконныя дѣйствія воеводы отписками въ Москву, замѣнялъ воеводу на случай отсутствія, болѣзни или смерти, и до такой степени раздѣлялъ съ нимъ власть управленія, что часто называется также воеводою. Въ 1699 г. въ Сибирскомъ Приказѣ забиралась справка, когда и кто были въ нарымскомъ острогѣ воеводами и по какому указу велѣно быть одному воеводѣ, разумѣя подъ другимъ его товарища [28]). Государевъ дьякъ наблюдалъ за дѣйствіями воеводы и товарищей, контролировалъ ихъ въ отношеніи фискальныхъ интересовъ, сносился непосредственно съ Москвою и иногда получалъ изъ приказа грамоты и наказы вмѣсто воеводъ; онъ-же и подъячіе его принимали ближайшее участіе въ судѣ. Племенные головы къ ссылкѣ никакого отношенія не имѣли.

Для ближайшаго наблюденія за поселеніемъ и пашнею, съ которой опредѣленная часть дохода шла въ пользу государя, назначались стольники, приказчики и ссадчики. Такъ напр. въ 1633 г. стольникъ Егуповъ назначенъ на службу въ Сибирь для смотрѣнія надъ крестьянами, чтобъ радѣтельно пашню пахали и хлѣба сѣяли и ясашныя подати платили безъ замедленія [29]). Въ подчиненіи стольникамъ, а гдѣ особыхъ стольниковъ не было, то въ подчиненіи воеводамъ непосредственно, находились приказчики. Они назначались въ каждую деревню для наблюденія за обработкой земли пашенными крестьянами въ интересахъ исправнаго поступленія десятинной платы. Приказчики ложились довольно

[25]) *Ibid.*, столб. № 7726, 1680 дѣла nº 3.
[26]) *Ibid.*, столб. № 6087, 43 nº 1.
[27]) *Ibid.*, столб. № 7643, 1597 nº 1.
[28]) *Ibid.*, столб. № 7393, 1347 nº 1.
[29]) *Ibid.*, № 6077, 33 nº 1:

тяжелымъ бременемъ на деревню, корлясь на ея счетъ; это видно изъ того, что запрещено было назначать особыхъ приказчиковъ въ тѣ деревни, гдѣ было менѣе 5—6 дворовъ. Садчикъ, кажется, мѣстное названіе приказчика; эта должность въ дѣлахъ сибирскаго приказа упоминается въ смыслѣ обязанности разселенія вновь прибывающихъ ссыльныхъ, указанія имъ мѣстъ и наблюденія за ихъ работами [30]).

Что касается суда, то въ сибирскихъ воеводствахъ онъ былъ организованъ на тѣхъ-же началахъ, какъ и въ остальномъ государствѣ; особенность, состоявшую въ томъ, что по дѣламъ о ссыльныхъ, изобличенныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ и пересланныхъ въ отдаленныя окраины, воеводамъ предоставлено было право суда не отписываясь на Москву, мы уже имѣли случай указать [31]); съ этимъ небольшимъ изъятіямъ, правила уложенія 1649 г. о судѣ имѣли въ Сибири полное примѣненіе [32]).

Весьма серьезныя измѣненія въ этомъ порядкѣ вещей произошли со введеніемъ въ Сибири губернскаго управленія и подчиненіемъ, а затѣмъ и совершеннымъ упраздненіемъ Сибирскаго приказа.

Петровская эпоха представляетъ дезорганизацію прежнихъ учрежденій и замѣну ихъ новыми. У центра созиданіе новаго шло паралельно съ разрушеніемъ стараго. Но Сибирь была такъ далека, ссылку до такой степени закрыли отъ глазъ правительства другіе важные вопросы общегосударственной жизни, что, расшатавъ систему прежняго управленія, центральная власть не успѣла поставить на его мѣсто новаго, болѣе соотвѣтствующаго, или указать вновь учрежденнымъ общимъ установленіямъ спеціальныя относительно Сибири задачи и способъ дѣятельности. Въ теченіи почти всего XVIII ст., вѣдавшія судьбами Сибири установленія представляютъ картину въ высшей степени пеструю и постоянно измѣнявшуюся. Сибирскій Приказъ раздѣлилъ свою власть по управленію ссыльными со множествомъ другихъ вѣ-

---

[30]) *Ibid.* № 7279, 1233 n° 1.

[31]) I Полн. С. зак. № 562.

[32]) Столб. Соб. Прик. № 7117, 1072 n° 3: содержавшихся въ якутской тюрьмѣ раскольниковъ за расколъ, а смертоубійцъ за смертное убійство, велѣно было наказать (въ 1689 г.) по уложенію и новоуказнымъ статьямъ. I Пол. Собр. Зак. № 562: наказывать по Уложенію; № 1594: предписывается, чтобы въ тюрьмахъ сидѣльцевъ не множилось, и велѣно имъ указъ чинить по уложенію, и мн. др.

домствъ, каковы: сыскной приказъ [33]), бергъ-коллегія [34]), адмиралтействъ-коллегія [35]), сенатская экспедиція о колодникахъ [36]), а съ подчиненіемъ Сенату утратилъ всякую самостоятельность. Такой переходъ власти по управленію Сибирью отъ приказа ко множеству самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ, другъ отъ друга независимыхъ и преслѣдовавшихъ различныя цѣли, имѣлъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ разрозненность и слабость власти, — чего не могла отвратить и широкая программа, начертанная Сенату, который былъ поставленъ во главѣ общаго имперскаго управленія. Обремененный массою другихъ заботъ и построенный по западноевропейскому коллегіальному образцу, Сенатъ могъ быть полезенъ отдаленной Сибири для указанія общихъ нормъ дѣятельности, но отнюдь не для разрѣшенія мелкихъ текущихъ вопросовъ управленія, съ которыми приходилось имѣть дѣло сибирскому приказу. Упрекаютъ гр. Сперанскаго въ томъ, что онъ расшаталъ власть въ Сибири; но эта власть уже была расшатана всѣмъ теченіемъ XVIII ст., а то, что называли ея силою въ эпоху напр. Селифонтова и Пестеля, было лишь произволомъ, котораго не могли предотвратить разрозненныя центральныя установленія.

Распавшись въ центрѣ, единство и сила власти не перемѣстились и въ самую Сибирь. Почти въ самомъ началѣ новаго порядка вещей, мѣстное управленіе раздвоилось; подлѣ тобольскаго губернатора появляется совершенно независимый отъ него [37]) иркутскій вице-губернаторъ, и съ центральными властями иркутская провинціальная канцелярія сносится непосредственно [38]). Это раздвоеніе упрочено въ 1764 г., когда Сибирь раздѣляется на два губернаторства. Введеніе губернскаго управленія умножило въ Сибири число инстанцій, увеличило переписку, а съ нею — медленность производства и преобладаніе канцеляріи, от-

---

[33]) Въ сыскномъ приказѣ сосредоточена вся пересылка ссыльныхъ съ 1733 г.; см. П. С. З. № 6318. Въ 1765 г. сыскной приказъ преобразованъ въ московскую розыскную канцелярію.

[34]) 1 Пол. Соб. Зак. № 11113; Бергъ-Коллегіи переданы заводы нерчинскіе и екатеринбургскіе золотые промыслы; впослѣдствіи управленіе ими сосредоточено непосредственно въ Сенатѣ, а затѣмъ они перешли изъ казны къ императорскому кабинету.

[35]) Каторжные азовскіе, рогервикскіе и др. находились въ распоряженіи Адмиралтействъ — Коллегіи: П. С. З. № 1930.

[36]) Она была учреждена въ 1761 году.

[37]) Обозрѣніе главныхъ основаній, стр. 2.

[38]) П. С. З. № 11,1160.

крывавшія широкую дверь своеволію и злоупотребленіямъ. Московское служилое сословіе было воспитано на строгомъ надзорѣ изъ центра. За каждымъ воеводой наблюдали по крайней мѣрѣ четыре глаза, хотя длинный списокъ сибирскихъ воеводъ былъ богатъ очень знатными фамиліями, каковы кн. Голицыны, Путятины, Шаховскіе, Милословскіе, а также Плещеевы, Шеины, Оладьины и многіе другіе. Но, не смотря даже на все это, находились воеводы, которые съумѣли получить громкую извѣстность своими пороками и злоупотребленіями. Киргизскій князь Неми или Немча хотѣлъ сперва добровольно подчиниться русскимъ; въ 1606 г. онъ послалъ въ Томскъ свою жену, къ воеводамъ, смѣнившимъ Писемскаго, но воеводы, прельстясь дорогою ея собольей шубой, ограбили ее и тѣмъ возстановили противъ себя Немчу, который, въ отищеніе за жену, пожогъ всѣ томскія волости по рѣкѣ Чулыму и сдѣлался послѣ того непримиримымъ врагомъ русскихъ [39]). Тарскій воевода кн. Шаховской и товарищъ его Кайсаровъ едва не довели барабинскихъ татаръ до открытаго бунта своими злоупотребленіями по сбору ясака. Тобольскій митрополитъ Павелъ вынужденъ былъ отлучить отъ церкви товарища мѣстнаго воеводы Приклонскаго „за презорство и гордость, и за неистовое его житіе, и блудодѣяніе, и несносныя и поносныя рѣчи“ [40]). Съ распаденіемъ сильнаго центральнаго надзора, злоупотребленія сибирскихъ служилыхъ людей, отъ высшихъ до низшихъ степеней, стали явленіемъ обычнымъ. Первый сибирскій губернаторъ Гагаринъ былъ казненъ. Иркутскій вице-губернаторъ Якоби нѣсколько лѣтъ былъ подъ судомъ. Чичеринъ оставилъ по себѣ тяжелую память. Злодѣйства иркутскаго слѣдователя Крылова поразили Екатерину II и остались памятны сибирякамъ до нашихъ дней [41]).

Общее губернское учрежденіе въ Сибири введено было (въ 1782 и 1783 годахъ) безъ всякаго соображенія съ мѣстными особенностями этого края. Оно не дало ни большаго единства мѣстному управленію, ни большихъ гарантій противъ злоупотребленій служащихъ. Сибирь раздѣлилась на три намѣстничества, въ которыхъ учреждены два генералъ-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всѣхъ намѣстничествахъ, общее учрежденіе вве-

[39]) Списки насел. мѣстъ. т. LX, стр. LII.
[40]) Списки насел. мѣстъ, Тобольская губ., стр. LXXXV.
[41]) *Вагинъ*, историч. свѣд., I, 4.

дено во всемъ его пространствѣ, со всѣми верхними и нижшими расправами, надворными судами, совѣстными судами и пр. Границы уѣздовъ означены безъ соображенія съ мѣстными условіями, и во многихъ пустынахъ появились полные уѣздные штаты. Число инстанцій умножилось, медленность производства увеличилась.

Вскорѣ (въ 1797 г.) генералъ-губернаторства были упразднены, упразднено и колыванское намѣстничество, въ части котораго (алтайскій горный округъ) введено, даже для общаго управленія, горное начальство, совершенно независимое отъ гражданскаго. Намѣстничества тобольское и иркутское переименованы въ губерніи, но въ иркутскую губернію назначенъ военный губернаторъ съ гражданскою властью. Для уменьшенія медленности производства, всѣ среднія мѣста закрыты; совѣстные суды также уничтожены.

Въ такомъ положеніи застаетъ Сибирь XIX в. Отсутствіе всякаго надзора въ центрѣ, разрозненность и слабость власти на мѣстѣ были его характеристическими чертами. Злоупотребленія служилыхъ людей не только не унимались, а продолжались съ большею силою. „Лихоимство, произволъ, личныя интриги — вотъ характеристика сибирскаго управленія за цѣлое столѣтіе“, говоритъ г. Вагинъ.

Между тѣмъ, ссылка въ Сибирь, на время уменьшившаяся при Петрѣ I, продолжалась съ новою силою при его преемникахъ; въ вѣкъ Екатерины II и Павла задумывались въ кабинетахъ Петербурга такіе грандіозные проекты колонизаціи этой окраины, на восточной и юго-восточной ея границахъ, какъ никогда, ни прежде, ни послѣ. Но отсутствіе сильной центральной власти, которая могла бы направлять ссыльную политику, повело къ тому, что Сибирь вскорѣ была до того обременена ссыльными, что явилась даже мысль совершенно отказаться отъ ссылки. Разрозненное и слабое мѣстное начальство не было въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ ссылки и создать для нихъ новыя мѣры. Еще при Екатеринѣ II, главнѣйшую заботу, которую продолжало себѣ ставить мѣстное начальство по отношенію къ ссылкѣ и которая указывалась ему высшимъ правительствомъ, составляла забота о приращеніи ссыльными казеннаго интереса. Они или сажались на государевы пашни, или отдавались на работы въ заводы, или поступали въ солдаты. Положеніе ссыльныхъ, посаженныхъ на пашнѣ, было продолженіемъ порядка, выработаннаго еще практикою сибирскаго приказа. Они вносили

оброчный хлѣбъ, шедшій для прокормленія жителей въ недородныхъ областяхъ, или должны были обработать для казны опредѣленный земельный участокъ [42]). Наблюденіе за ними принадлежало полиціи уѣздной и волостной, а въ 1799 г. велѣно было назначить для этой цѣли надзирателей надежныхъ, попечительныхъ и знающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ [43]). Въ 1803 г. появляются смотрители и главные смотрители поселеній. Что касается заводовъ, то на нихъ работали какъ ссыльные по суду, такъ и люди другихъ состояній, подобно эпохѣ сибирскаго приказа; въ значительной мѣрѣ контингентъ рабочихъ пополнялся по началу военной повинности. Всѣ рабочіе безразлично поступали подъ управленіе и власть мѣстнаго заводскаго начальства, которому въ извѣстныхъ предѣлахъ принадлежало и право суда.

Ревизія сенатора Селифонтова и донесенія т. с. Лабы обратили вниманіе правительства на огромныя злоупотребленія мѣстныхъ властей, какъ по общему управленію, такъ и по ссыльному дѣлу. Правительство рѣшилось положить имъ предѣлъ, назначивъ для управленія Сибири лицъ вполнѣ надежныхъ и снабдивъ ихъ большею властью. Званіе генералъ-губернатора, одного для всей Сибири, возстановляется, и Селифонтову, назначенному на этотъ постъ, даются полномочія, которыя въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ вещей казались огромными. Ему предоставлено опредѣлять и отрѣшать большую часть чиновниковъ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно же по продовольствію края, принимать своею властью нужныя мѣры не ожидая разрѣшенія; на его же попеченіе возложено продовольствіе и расположеніе войскъ, но не управленіе ими. Въ то же время произведены нѣкоторыя измѣненія въ административныхъ дѣленіяхъ, а уѣзды раздѣлены на комисарства, для болѣе удобнаго управленія ими.

На этомъ новомъ положеніи, Сибирь имѣла только двухъ генералъ-губернаторовъ: Селифонтова и Пестеля. Селифонтовъ на своемъ посту оставался недолго; въ 1806 г., по донесеніямъ гр. Головкина, онъ былъ уволенъ отъ службы съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы. Остальныя 13 лѣтъ генералъ-губернаторствовалъ Пестель, но онъ тотчасъ послѣ перваго обозрѣнія Сибири выѣхалъ въ Петербургъ и жилъ тамъ постоянно. Фактически, управленіе оставалось въ рукахъ трехъ губернаторовъ,

---

42) Пол. Соб. Зак. № 11633.
43) Пол. Соб. Зак. № 19157.

„съ заключеніями которыхъ Пестель почти всегда соглашался и которыя выдавалъ передъ высшимъ правительствомъ за свои собственныя“: тобольскаго — фонъ Брина, томскаго — Марченка, а потомъ Илличевскаго, и особенно иркутскаго — Трескина, ближайшими сподвижниками котораго были Бѣлявскій и Лоскутовъ. Польза, которую можно было ожидать отъ объединенія Сибири въ одно генералъ-губернаторство, была совершенно парализована такими дѣятелями. Но и они успѣли кое что сдѣлать для ссылки и съ помощью ссылки. Трескинъ уничтожилъ въ губерніи разбои, устроилъ кругобайкальскую дорогу, обращалъ серьезное вниманіе на поселенія; у Лоскутова и Геденштрома, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ были худшими исправниками иркутской губерніи, поселенцы процвѣтали. Гр. Сперанскій нашелъ положеніе ихъ удовлетворительнымъ, и только тѣ, которые находились въ подчиненіи заводскому начальству или жили въ дикихъ туруханскихъ пустыняхъ, произвели на него тяжелое впечатлѣніе.

Много въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и въ нашей литературѣ было говорено и писано въ томъ смыслѣ, что расширеніе власти сибирскихъ начальствъ приводило къ результатамъ отрицательнымъ, именно — что съ усиленіемъ ихъ власти видимо умножались и безпорядки, и жалобы на злоупотребленія. Еще министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ настойчиво проводилъ эту мысль, считая главною причину сибирскихъ безпорядковъ самовластіе мѣстнаго начальства. Да, самовластіе, но не самостоятельность власти. Самовластіе было гибельно для Сибири, но оно происходило не отъ излишняго расширенія власти мѣстныхъ начальствъ, а отъ отсутствія у нихъ необходимой законной самостоятельности дѣйствія и слабости центральной власти. Предоставляя губернатору Чичерину право распредѣлять ссыльныхъ по его усмотрѣнію (по поводу устройства дороги въ барабинской степи), т. е. такое право, которымъ уже задолго передъ тѣмъ располагали сибирскіе воеводы, Петербургъ смотритъ на это какъ на нѣчто совершенно исключительное и ограничиваетъ его личностью Чичерина [44]). И далѣе, что это за „обширныя“ полномочія, которыя были предоставлены закономъ 1803 г. генералъ-губернатору огромной страны, отдѣленной отъ центра значительными разстояніями и находившейся въ моментѣ своего образованія? Имѣлъ-ли онъ право издавать обязательныя для жителей

[44]) П. С. З. № 12373.

распоряженія, какъ губернаторъ австралійскій? Располагалъ-ли онъ военными силами? Могъ-ли онъ по своему усмотрѣнію обращать присланныхъ въ Сибирь ссыльныхъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, или устраивать изъ нихъ поселенія съ необходимыми пособіями? Былъ-ли онъ свободенъ отъ порядка штатовъ, напередъ опредѣленныхъ до мельчайшихъ деталей? Не былъ ли онъ лишенъ всякихъ денежныхъ ресурсовъ, подчиняясь той сложной системѣ отчетности, которая дѣйствовала во всей имперіи и, оставляя мѣсто злоупотребленіямъ, клеймила названіемъ преступленія расходъ, обѣщавшій въ близкомъ будущемъ большую пользу для страны, но не предусмотрѣнный опредѣленною графою финансовыхъ вѣдомостей? Въ своей дѣятельности, мѣстное начальство было связано по рукамъ; оно должно было прибѣгать къ обходу закона даже для дѣлъ чистыхъ; впослѣдствіи эта практика привилась, къ ней начали прибѣгать и для злоупотребленій. Отсутствіе необходимой законной свободы дѣйствія неизбѣжно вело къ самовластію и создало порядокъ, который гр. Сперанскій весьма мѣтко назвалъ порядкомъ домашняго управленія.

Характеръ этого домашняго управленія еще ближе опредѣлился отсутствіемъ всякаго надзора въ центрѣ. Надзоръ этотъ сдѣлался до того призрачнымъ, что центральное управленіе, въ теченіи 13 лѣтъ, терпѣло въ Сибири генералъ-губернатора, который лишь мелькомъ взглянулъ на Сибирь и представлялъ изъ себя самую жалкую административную посредственность. Подобное явленіе было немыслимо въ московскій періодъ. „Двѣнадцать лѣтъ безъ ревизіи и безъ надзора достаточны къ тому — замѣтилъ гр. Сперанскій, — чтобы разстроить и привести въ безпорядокъ наилучше устроенную губернію“.

III.

Гр. Сперанскій. Общее гражданское управленіе Сибири.

Въ ссылкѣ гр. Сперанскій видѣлъ институтъ не карательный, а колонизаціонный, входящій въ систему общей политики. Хотя онъ энергически настаивалъ, чтобъ ссылка въ Сибирь примѣнялась не иначе, какъ по суду, но разъ ссыльные прибыли въ Сибирь, они переставали быть для него предметомъ наказанія и становились элементомъ, существенно необходимымъ Сибири своими рабочими силами и своею колонизаціонною спо-

собностью. Въ этомъ лежитъ объясненіе, почему въ систем… учрежденій 1822 г. ссыльное управленіе такъ тѣсно соединено съ общимъ гражданскимъ управленіемъ Сибири.

Познакомившись съ сибирскими неурядицами, гр. Сперанскій поставилъ себѣ благородную задачу насадить законъ на мѣсто найденнаго беззаконія и водворить прочный порядокъ тамъ, гдѣ успѣли укорениться произволъ и самовластіе. Въ тоже время онъ вполнѣ сознавалъ невозможность текущаго управленія Сибирью изъ центра и необходимость „особыхъ правилъ для такихъ частей управленія, кои составляютъ въ Сибири весьма обширный кругъ дѣйствія“ и совершенно неизвѣстны Имперіи, напр. образъ управленія племенъ инородныхъ, пріемъ, призрѣніе и водвореніе ссыльныхъ и т. под. Требовалось создать правительство сильное, но подчиненное закону, опредѣливъ его организацію и функціи примѣнительно къ мѣстнымъ сибирскимъ условіямъ: „ибо нельзя думать, чтобъ когда нибудь полагали возможнымъ управлять краемъ, столь отдаленнымъ и столь разнороднымъ, по тѣмъ-же правиламъ, какъ управляются вблизи столицы губерніи новгородская или тверская“. Требовалось, въ тоже время, создать особые органы управленія для специфическихъ частей сибирскаго населенія, напр. для ссыльныхъ, и опредѣлить отношеніе ихъ къ общему управленію. Требовалось, наконецъ, связать эту сложную систему мѣстнаго управленія съ правительствомъ центральнымъ.

Первая задача разрѣшалась образованіемъ общаго гражданскаго управленія Сибири, по четыремъ его ступенямъ: управленіе волостное, окружное, губернское и главное. Вторая задача по отношенію къ ссылкѣ разрѣшалась образованіемъ приказа и экспедицій о ссыльныхъ, съ состоящими при нихъ органами. Наконецъ, рѣшеніе третьей задачи даетъ не сибирское учрежденіе, а законы общегосударственные; впрочемъ, при жизни Сперанскаго эта функція исполнялась учрежденіемъ, въ дѣятельности котораго онъ оставилъ явственные слѣды: мы говоримъ о первомъ сибирскомъ комитетѣ (1822—1838).

Въ прежней системѣ общаго управленія новый порядокъ произвелъ значительныя перемѣны. Изъ нихъ особенное значеніе гр. Сперанскій придавалъ раздѣленію Сибири на два генералъ-губернаторства и превращенію управленія изъ личнаго или домашняго въ публичное, обставленное коллегіальными установленіями и дѣйствующее въ предѣлахъ закона. Остальныя за-

тѣмъ правила сибирскаго учрежденія представляютъ собою развитіе этихъ двухъ основныхъ положеній [45]).

Раздѣленіе Сибири на два генералъ-губернаторства, совершенно самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга, гр. Сперанскій рекомендовалъ весьма настойчиво. Въ основаніе его онъ приводилъ удобства населенія и горнаго промысла, удобства сообщенія, удобства продовольствія и торговли, удобства гражданскаго и пограничнаго управленія [46]); но онъ не указалъ и не могъ указать на удобства управленія ссылки. Правильное и быстрое дѣйствіе его, единство депортаціонной политики и устойчивость ея, какъ мы увидимъ, во многомъ пострадали отъ того, что во главѣ этого института общегосударственной важности были поставлены два различныя, совершенно между собою независимыя мѣстныя начальства.

Другая существенная сторона новаго порядка, выраженная въ первомъ положеніи программы гр. Сперанскаго (см. примѣчаніе 45), состояла въ учрежденіи дѣйствія сибирскаго управленія такъ, „чтобы оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ“. Въ этихъ видахъ генералъ-губернаторы, губернаторы и окружные начальники обставлены были коллегіальными установленіями изъ чиновниковъ, представлявшихъ собою разныя мѣстныя вѣдомства, или особо назначенныхъ для присутствованія въ этихъ установленіяхъ. Таковы совѣтъ главнаго управленія, губернскій совѣтъ и окружное управленіе. Въ нихъ предсѣдательствовали генералъ-губернаторъ, губерна-

---

[45]) Въ «Обозрѣніи главныхъ основаній» задача реформы выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ (стр. 24): «1) преобразить личную власть въ установленіе, и согласивъ единство ея дѣйствія съ гласностью, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами, изъ самаго порядка дѣлъ возникающими; учредить дѣйствіе ея такъ, чтобъ оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ; 2) усилить надзоръ, собравъ раздробленныя и потому безсильныя его части въ одно установленіе, и тѣмъ, вмѣсто безплодной переписки, сдѣлать его средствомъ къ дѣйствительному исправленію, замѣнивъ имъ — съ одной стороны удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой — недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія; 3) раздѣлить и раскрыть тѣ установленія, кои, бывъ сокрыты и смѣшаны въ губернскомъ правленіи, не производили своего дѣйствія; 4) постепенностью, связію, средоточіемъ всѣхъ частей управленія достигнуть того, чтобы части сіи одна другой содѣйствовали, чтобы весь составъ губернскаго управленія представлялъ нѣчто цѣлое и совокупное, и могъ-бы въ назначенномъ ему кругѣ самъ собою двигаться, находя въ себѣ и средства къ сему движенію, и побудительную силу; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, кои при великомъ пространствѣ весьма мало имѣютъ населенія; наконецъ 6) простотою и удобностью обрядовъ доставить каждому роду дѣлъ свойственное и успѣшное движеніе».

[46]) Обозрѣніе, стр. 5—7, 11—15.

торъ и окружной начальникъ; предполагалось, что эти власти будутъ управлять ввѣреннымъ имъ райономъ не единолично, а каждая въ составѣ своего совѣта. Нельзя отрицать правильности этой мысли въ ея основаніи. Отъ учрежденія совѣтовъ можно было ожидать большую пользу: ограниченіе личнаго произвола, всестороннее обсужденіе предполагаемыхъ мѣропріятій, выработку общихъ, руководящихъ правилъ администраціи и устойчивой системы дѣйствія, что было бы особенно важно по отношенію къ ссылкѣ. Но разрѣшеніе вопроса, оправдается или не оправдается это ожиданіе, зависѣло, очевидно, отъ *состава* совѣтовъ. При опредѣленіи его, гр. Сперанскій встрѣтился съ чрезвычайною трудностью: въ Сибири не было еще дворянства, не было и другихъ независимыхъ и сложившихся сословій. Можно было или создать сословія, которыхъ Сибирь еще не имѣла, и окружить представителей власти общественными выборными, или удовольствоваться чиновнымъ составомъ совѣтовъ. Первый путь былъ предложенъ еще мин. вн. д. О. П. Козодавлевымъ, который въ 1818 г. вносилъ въ комитетъ министровъ мнѣніе, предлагавшее, для ограниченія самовластія, учредить верховное сибирское правительство частью изъ чиновниковъ, опредѣленныхъ отъ правительства, частію-же изъ выборныхъ отъ общества; предоставить генералъ-губернатору только право предсѣдателя, имѣющаго перевѣсъ при равенствѣ голосовъ; учредить губернскіе совѣты изъ выборныхъ отъ сословій, и усилить власть магистратовъ и городскихъ правленій. Предполагаютъ, что и гр. Сперанскій первоначально хотѣлъ идти тѣмъ-же путемъ, даже по программѣ еще болѣе широкой. Но, окончательно, для устройства сибирскаго управленія принятъ второй путь. Совѣты назначены исключительно изъ чиновниковъ, опредѣленныхъ правительствомъ. Совѣтъ главнаго управленія замѣнялъ намѣстническое правленіе; генералъ-губернаторъ назначенъ предсѣдателемъ, а губернаторъ и особые совѣтники—засѣдателями; положенія совѣта не имѣли никакой силы безъ утвержденія генералъ-губернатора и, притомъ, нѣкоторыя дѣла, „не требующія совѣщанія“, присвоены его непосредственному вѣдѣнію. Губернскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоялъ изъ предсѣдателей губернскихъ мѣстъ, губернскаго прокурора и губернскихъ стряпчихъ; въ немъ сосредоточены дѣла по надзору и ревизіи, жалобы на нарушеніе обрядовъ въ окружныхъ судебныхъ мѣстахъ и всѣ предметы управленія, требующіе общаго соображенія хозяйствен-

ной и исполнительной части. Въ отдѣльности, полиція, судъ и хозяйство губерніи были представлены губернскимъ правленіемъ, губернскимъ судомъ и казенной палатой. Общее окружное управленіе, введенное лишь въ значительныхъ округахъ, составлено, подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника, изъ представителей окружнаго суда, земскаго суда, казначейства и стряпчаго. Для округовъ менѣе значительныхъ совѣтовъ не полагалось и управленіе въ нихъ образовано или по прежнему типу комисарствъ, съ подчиненіемъ земскому суду, или сосредоточено въ рукахъ земскаго исправника.

Въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ домашней власти, учрежденія эти, безспорно, принадлежатъ „къ высшему роду понятій" [47]). Но при указанномъ составѣ трудно было ожидать, чтобы члены совѣтовъ могли пользоваться достаточною независимостью по отношенію къ своимъ предсѣдателямъ и образовать изъ себя компактное цѣлое, являющееся дѣйствительнымъ выразителемъ мѣстныхъ потребностей и обезпечивающее устойчивость административной дѣятельности. Напротивъ, съ измѣненіемъ мнѣній генералъ-губернатора обыкновенно мѣнялись и мнѣнія совѣта по самымъ существеннымъ пунктамъ; мы будемъ имѣть случай изложить ниже характеристическій въ этомъ родѣ примѣръ изъ исторіи совѣта главнаго управленія восточной Сибири по вопросу объ управленіи ссыльными; но такими случаями исторія совѣтовъ богата и по другимъ вопросамъ. Между тѣмъ, представители администраціи получали возможность укрываться за совѣтами, отвѣтственность ихъ ослабѣвала, а производство усложнялось и замедлялось коллегіальнымъ установленіемъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно безполезнымъ.

Сибирское войско, можно сказать, было продолженіемъ ссылки. Огромный процентъ его состоялъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, т. е., въ виду порядковъ того времени, изъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ дважды заслужившихъ ссылку. Ближайшій преемникъ гр. Сперанскаго, ген.-губ. восточной Сибири Лавинскій, изображаетъ состояніе сибирскаго войска въ самыхъ мрачныхъ чертахъ. Всѣ линейные батальоны и всѣ подвижныя роты и этапныя команды, расположенныя въ восточной Сибири, говоритъ онъ, по большей части наполнены людьми порочными, переведенными туда изъ другихъ полковъ и командъ по неодно-

---

[47]) Обозрѣніе, стр. 23.

кратномъ наказаніи и продолжающими совершать всякія новыя преступленія въ новыхъ мѣстахъ ихъ служенія. Чтобы воздерживать ихъ отъ худыхъ поступковъ необходима вся строгость дисциплины, между тѣмъ сибирскіе батальоны и команды бѣдны и хорошими офицерами, которые бы дѣйствительно заботились о пользѣ службы [48]). Тоже повторялось въ Сибири западной, а по свидѣтельству г. Власова, и въ наши дни нравственный уровень сибирскихъ военныхъ командъ разныхъ наименованій стоитъ до того низко, что въ караульныхъ казакахъ и солдатахъ ссыльные легко пріобрѣтаютъ соучастниковъ своихъ преступленій и помощниковъ для обхода установленной дисциплины. Управленіе сибирскимъ войскомъ принадлежало не общимъ гражданскимъ, а особеннымъ военнымъ властямъ, совершенно отъ нихъ независимымъ; средоточіе ихъ находилось для всей Сибири въ Тобольскѣ, въ рукахъ корпуснаго начальства. Генералъ-губернаторамъ военныя власти были подчинены только въ отношеніи надзора и въ случаяхъ злоупотребленій (п. 3 § 159 сиб. учр.). Это положеніе вещей, порождая безпрерывные конфликты, ослабляя гражданскую власть, въ тоже время вело къ раздробленію центральной сибирской власти, котораго такъ желалъ избѣжать гр. Сперанскій. Уже ближайшій преемникъ его по вост. Сибири, Лавинскій, ходатайствовалъ, но безуспѣшно, о томъ, между прочимъ, чтобъ „полную власть надъ войсками, въ восточной Сибири расположенными, сосредоточить въ лицѣ генералъ-губернатора“.

Кромѣ военнаго управленія, въ Сибири оставались и другія вѣдомства, независимыя отъ мѣстной гражданской власти. Таковы управленія казенныхъ заводовъ и горное вѣдомство, представлявшее интересы императорскаго Кабинета въ горныхъ округахъ алтайскомъ и нерчинскомъ. Не ограничиваясь хозяйственною стороною, власть ихъ распространялась и на административное управленіе приписаннымъ къ нимъ населеніемъ. Попытки гр. Сперанскаго положить конецъ этому порядку вещей привели къ тому только результату, что казенные заводы объявлены въ главномъ завѣдываніи генералъ-губернаторовъ [49]).

---

[48]) Дѣло секретнаго Комитета 1833 г., въ Арх. Гос. Сов. 1840 № 53, 1841 г. № 72, л. 177 и слѣд.
[49]) *Вагинъ*, II, 346.

IV.

Особенныя установленія для ссылки и отношеніе ихъ къ общему сибирскому управленію.

Взглядъ на ссылку какъ на колонизаціонный институтъ, входившій въ систему общей политики, ничтожная цифра ежегоднаго поступленія ссыльныхъ въ то время [50]), наконецъ и то обстоятельство, что гр. Сперанскій нашелъ положеніе ссыльныхъ въ Сибири (кромѣ подчиненныхъ заводскимъ начальствамъ) удовлетворительнымъ, дѣлали въ глазахъ его излишнимъ создавать для завѣдыванія ссыльными на мѣстахъ и устройства ихъ совершенно самостоятельную систему управленія.

Но его поразили неправильности и злоупотребленія какъ въ приговорахъ о ссылкѣ, такъ и въ порядкѣ препровожденія ссыльныхъ и распредѣленія ихъ. Онъ съ удивленіемъ останавливается на разнорѣчіяхъ судебной практики, назначавшей за одно и тоже преступленіе (поддѣлка фальшивой монеты) или каторгу съ кнутомъ, или просто поселеніе; указываетъ на „незаконныя дѣйствія" судовъ и администраціи. ставившихъ назначеніе ссылки въ зависимость не отъ рода и тяжести преступленія, а отъ повальныхъ обысковъ, общественныхъ приговоровъ и даже отъ воли помѣщика. Еще болѣе, если это возможно, поразили его безпорядки по препровожденію и распредѣленію ссыльныхъ. Многіе казенные заводы имперіи, мало того—почти всѣ начальствующія лица считали своимъ неотъемлемымъ правомъ оставлять у себя ссыльныхъ изъ проходящихъ въ Сибирь партій, не разбирая, къ какому наказанію они были приговорены, и эксплуатируя ихъ по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого, судебные приговоры не исполнялись и „самый счетъ сихъ людей (ссыльныхъ) до того былъ потерянъ, что ни горное, ни губернское начальство не могли доставить никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о числѣ ихъ" [51]).

---

[50]) «Не думай — писалъ гр. Сперанскій своей дочери 6 сентября 1819 г.—и не дозволяй думать, чтобъ Сибирь была населена ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 2,000 въ годъ, и въ томъ числѣ иногда и десятой части нѣтъ женщинъ. Современемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу».

[51]) Обозрѣніе. стр. 39.

Этими обстоятельствами опредѣлилась и новая организація особенныхъ установленій по ссылкѣ. Въ двухъ обширныхъ уставахъ, относящихся къ настоящему предмету (уставъ о ссыльныхъ и уставъ объ этапахъ), въ совокупности содержащихъ около тысячи статей, менѣе 200 посвящены управленію и водворенію ссыльныхъ въ самой Сибири, остальныя же говорятъ о препровожденіи и распредѣленіи ихъ, а изъ названныхъ 200 не болѣе 20 относятся къ управленію ссыльныхъ на мѣстѣ. Находя возможнымъ примкнуть послѣднее къ общему управленію, съ нѣкоторыми лишь, незначительными особенностями, было излишне останавливаться на немъ съ большею подробностью, которой требовали опредѣленія о препровожденіи и распредѣленіи ссыльныхъ.

Забота объ устраненіи безпорядковъ по препровожденію, счету и распредѣленію ссыльныхъ, особенно поразившихъ гр. Сперанскаго, была возложена на губернскія правленія и вновь учрежденный Тобольскій Приказъ. Самое передвиженіе сосредоточено по Имперіи въ вѣдѣніи внутренней стражи, а по Сибири въ рукахъ военныхъ командъ, смѣнившихъ бродячія толпы киргизовъ и калмыковъ [52]). На губернскія правленія возложены многообразныя обязанности по составленію пересыльныхъ партій, снабженію ссыльныхъ одеждою, свидѣтельствованію ихъ и — главное — по регистраціи ихъ. Мы не останавливаемся на нихъ подробно, такъ какъ эти функціи имѣли лишь косвенное отношеніе къ управленію ссылки [53]), и переходимъ къ сибирскимъ учрежденіямъ.

Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ образованъ какъ особое установленіе въ системѣ тобольскихъ губернскихъ мѣстъ, въ составѣ управляющаго, двухъ засѣдателей и канцеляріи, съ подчиненіемъ мѣстному губернатору. Его функціи: пріемъ всѣхъ ссыльныхъ, въ Сибирь поступающихъ, распредѣленіе ихъ по губерніямъ и разрядамъ, и общій счетъ ссыльныхъ, во всѣхъ мѣстахъ Сибири находящихся, до окончательнаго ихъ водворенія. Онъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы ссыльные и всѣ установленныя закономъ свѣдѣнія о нихъ поступали къ нему отъ губернскихъ правленій и другихъ начальствъ (военнаго и пр.) въ исправности, но не имѣлъ распорядительной власти; усматривая неисправность, онъ долженъ былъ входить съ представленіемъ

---

[52]) Обозрѣніе, стр. 46, 47. *Вагинъ*, I стр. 219 и сл.

[53]) По той же причинѣ мы находимъ излишнимъ говорить объ учрежденіяхъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, которое въ Сибири отличалось, притомъ, еще большею безличностью и мертвенностью, чѣмъ даже въ Имперіи.

въ Сенатъ [54]). Приказъ не имѣлъ и власти управительной: „главныя дѣйствія“ его должны были состоять въ составленіи вѣрныхъ и обстоятельныхъ списковъ ссыльныхъ и въ настояніяхъ о скорѣйшемъ ихъ доставленіи [55]). Всякое „начальство“ приказа надъ ссыльными *оканчивалось* съ поступленіемъ ссыльныхъ въ вѣдомство экспедицій, съ тѣмъ только, что экспедиціи о всѣхъ людяхъ, совершенно выбывшихъ изъ ихъ вѣдомства и о всѣхъ измѣненіяхъ въ употребленіи ссыльныхъ, должны были увѣдомлять приказъ, но не какъ мѣсто управительное, а только какъ мѣсто, которое „ведетъ общій счетъ ссыльныхъ“ [56]).

Не имѣя, такимъ образомъ, ни власти распорядительной, ни власти управительной, тобольскій (нынѣ — тюменьскій) приказъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе сибирскаго приказа московскаго періода на новомъ мѣстѣ. Онъ былъ лишь статистическимъ учрежденіемъ, даже менѣе — счетнымъ отдѣломъ сибирской ссылки, ибо всѣ его функціи сводились къ общему счету ссыльныхъ, какъ его „главному дѣйствію“.

Однако, въ учрежденіи Тобольскаго приказа, даже съ такимъ скромнымъ назначеніемъ, были слабыя стороны, которыя не замедлили обнаружиться на практикѣ. Во первыхъ, въ распоряженіе его были предоставлены силы, до такой степени незначительныя, что онъ не могъ выполнять съ успѣхомъ даже задачъ, на него возложенныхъ. Уже съ тридцатыхъ годовъ, раздаются жалобы мѣстныхъ начальствъ на недостатокъ силъ приказа, а ген.-ад. Анненковъ, ревизовавшій его въ 1851 г., сообщалъ, что списки ссыльныхъ, которые ведутся приказомъ, не могутъ почесться вѣрными, общаго счета ссыльныхъ нѣтъ и быть не можетъ вслѣдствіе того, что экспедиціи, не будучи подчинены приказу, не исполняютъ его распоряженій, да, притомъ, и сами не получаютъ въ точности текущихъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ полицій; что недостатокъ чиновниковъ весьма чувствителенъ и ведетъ къ запущенію дѣлъ приказа [57]). Подъ вліяніемъ этого представленія, мѣстныя начальства ходатайствовали объ увеличеніи штата приказа; впослѣдствіи, центральное правительство въ лицѣ статсъ-секретаря гр. Валуева энергически поддер-

---

[54]) Уст. о сс. § 177.
[55]) Уст. о сс. § 170.
[56]) Ibid. §§ 220 и 240.
[57]) Арх. Сиб. Ком. 1853 г. дѣла № 17.

живало это ходатайство, но дѣло кончилось безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ ожидалась реформа всей системы управленія ссылки [58]). — Второе, и гораздо болѣе существенное неудобство, обнаружившееся въ учрежденіи тобольскаго приказа, состояло въ томъ, что не была строго выдержана мысль объ ограниченіи его дѣятельности функціями счетными. Вмѣстѣ съ ними, на него возложена была весьма важная распорядительная по ссылкѣ обязанность, которой приказъ, по основному своему назначенію и составу, выполнить сколько нибудь удовлетворительно былъ не въ силахъ. Мы говоримъ о распредѣленіи ссыльныхъ по губерніямъ и разрядамъ. Хотя при этомъ приказъ долженъ былъ сообразоваться съ требованіями, поступавшими отъ мѣстныхъ начальствъ, но ему предоставлено было и отступать отъ нихъ при излишкѣ или недостаткѣ ссыльныхъ [59]); назначеніе же губерній, сдѣланное тобольскимъ приказомъ, ни въ какомъ случаѣ не могло быть измѣнено [60]). Такимъ образомъ, установленіе губернское было поставлено выше главныхъ управленій, что создало для него положеніе ненормальное. Когда, подъ вліяніемъ указа 23 февраля 1823 г., число ссыльныхъ значительно увеличилось и приказъ вынужденъ былъ отправлять въ восточную Сибирь по 300 и 400 человѣкъ еженедѣльно, то ген.-губ. восточной Сибири Лавинскій, наскучивъ бумажною перепискою съ приказомъ, своею властью распорядился не впускать въ предѣлы восточной Сибири болѣе 50—60 чел. ссыльныхъ еженедѣльно, какъ предполагалось по уставу объ этапахъ. Положеніе приказа было критическое, и только вмѣшательство ревизовавшихъ западную Сибирь сенаторовъ кн. Куракина и Безроднаго, да энергическое настояніе сибирскаго комитета, могли устранить противодѣйствіе Лавинскаго [61]). Еще большія затрудненія для приказа представляло распредѣленіе ссыльныхъ по разрядамъ, которое было одною изъ самыхъ слабыхъ сторонъ устава 1822 г.

Что касается собственно управленія ссыльными въ Сибири, то оно распредѣлилось между многими вѣдомствами, составляя въ большинствѣ случаевъ придаточную, второстепенную ихъ обязанность.

---

[58]) Арх. Гос. С. 1868 г. №№ 19 и 24.
[59]) Уст. о сс. §§ 202, 203.
[60]) Ibid. 207.
[61]) Арх. Сиб. Ком. (стараго), отдѣл. VII № 24.

Ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, отправлявшіеся на казенные заводы и фабрики, состояли въ вѣдѣніи *казенныхъ палатъ*, которымъ ввѣрено и поименное ихъ распредѣленіе въ каждой губерніи; надзоръ и распоряженіе ими предоставлены мѣстнымъ управленіямъ каждаго завода [62]). Заводское управленіе составляло одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ Сибири въ періодъ ревизіи гр. Сперанскаго, но реформа здѣсь не могла пройдти и уставъ 1822 г. сохраняетъ прежніе порядки, намѣчая лишь, и то только въ видѣ благопожеланій, тѣ правила, по которымъ слѣдовало бы содержать рабочихъ изъ ссыльныхъ [63]). Единственная, но весьма призрачная уступка, сдѣланная тогда новому порядку, состояла въ томъ, что работавшіе на заводахъ ссыльные объявлены подъ *покровительствомъ* экспедицій, которымъ они могли приносить жалобы на несправедливости, имъ оказываемыя [64]). Было бы любопытно знать, сохранились ли въ мѣстныхъ архивахъ подобныя жалобы и какія по нимъ чинились резолюціи. Для осуществленія этой неопредѣленной функціи „покровительства" экспедиціямъ было предоставлено только одно право — дѣлать въ тѣхъ же казенныхъ палатахъ надлежащее настояніе для удовлетворенія обиженныхъ [65]).

Уставъ о ссыльныхъ обходитъ совершеннымъ молчаніемъ ссыльно-каторжныхъ, работавшихъ на рудникахъ нерчинскаго округа. Этотъ богатый рудными мѣсторожденіями край становился болѣе и болѣе средоточіемъ ссыльно-каторжныхъ. До 1760 г., нерчинскіе рудники управлялись мѣстнымъ начальствомъ, подобно другимъ *казеннымъ* заводамъ. Въ 1760 г. состоялся указъ, которымъ рудники нерчинскіе и екатеринбургскіе переданы Бергъ-Коллегіи, подъ главнымъ наблюденіемъ Сената, а указомъ 5 Января 1787 г., „для приведенія нерчинскихъ заводовъ въ хозяйственное устройство и для удобнѣйшаго оными управленія", велѣно отдать ихъ, со всѣми матерьялами и людьми, какъ и нерчинскую горную экспедицію, „въ *вѣдѣніе* кабинета нашего подъ особое распоряженіе члена онаго генералъ-майора Соймонова, на *такомъ основаніи*, какъ состоятъ нынѣ колывано-во-

---

62) Уст. о сс. §§ 243, 246 и 266.
63) Уст. о сс. §§ 247—257.
64) Ibid § 258.
65) Казенные заводы хотя и постановлены подъ общій надзоръ генералъ-губернатора и губернаторовъ, но не въ видахъ общегосударственныхъ, а въ экономическихъ интересахъ владѣльца.

скресенскіе заводы“ [66]). Изданіе устава о ссыльныхъ ни въ чемъ не измѣнило этого порядка, и ссыльнорабочіе нерчинскаго округа продолжали находиться въ вѣдѣніи горнаго начальства. Въ 1826 г. главное завѣдываніе рудниками нерчинскаго округа, съ сохраненіемъ горнаго управленія, сосредоточено въ лицѣ генералъ-губернатора восточной Сибири, съ подчиненіемъ министру финансовъ какъ шефу корпуса инженеровъ, а затѣмъ — министру двора (съ 1852 г.). Подъ властью генералъ-губернатора состояли горный начальникъ и горное управленіе. Каждый заводъ и большой рудникъ имѣли особую горную контору, подчиненную горному начальнику. Во главѣ горной конторы поставленъ управляющій съ его помощниками, которымъ подчинялись заводскіе и рудничные пристава и весь остальной штатъ чиновниковъ и низшихъ служителей.

Вскорѣ послѣ изданія устава о ссыльныхъ, начальство омской крѣпости потребовало себѣ ссыльно-рабочихъ. Приказъ затруднялся исполнить своею властью это требованіе, какъ не предусмотрѣнное уставомъ; но въ виду чрезмѣрнаго накопленія ссыльныхъ и сенатскаго указа 11 іюля 1821 г., сибирскій комитетъ, выс. утвержд. 28 іюня 1829 г. положеніемъ, уважилъ это ходатайство, при чемъ ссыльно-рабочіе переданы въ непосредственное распоряженіе крѣпостнаго начальства, которому поставлено на видъ имѣть за ними особый надзоръ, для предупрежденія побѣговъ [67]).

Въ 1832 г., вслѣдствіе того же переполненія Сибири ссыльными, разрѣшено было помѣщать каторжныхъ для работъ въ иркутскомъ ремесленномъ домѣ и на состоявшихъ при немъ фабрикахъ; они были подчинены иркутскому губернатору и начальству ремесленнаго дома [68]).

Такимъ образомъ, и уставъ о ссыльныхъ, и состоявшіяся въ

---

[66]) Переходъ нерчинскаго горнаго округа изъ казны къ Кабинету составляетъ весьма характерную и еще вовсе не развернутую страницу нашей исторіи. Когда въ 1858 г. сибирскому комитету, для опредѣленія положенія нерчинскихъ заводовъ, потребовалось узнать, «на какомъ основаніи» владѣетъ Кабинетъ заводами колывано-воскресенскими, поступившими отъ Демидова, то въ полученной имъ отъ Кабинета справкѣ, въ доказательство хозяйскихъ правъ кабинета, былъ сообщенъ слѣдующій разсказъ: при Екатеринѣ II возникло разногласіе, по какой цѣнѣ нерчинскіе заводы должны отпускать свинецъ колыванскимъ; разрѣшая это разногласіе, императрица Екатерина II въ резолюціи своей прибавила: «сверхъ всего того не должно забывать, что какъ колыванской, такъ и нерчинской вотчинамъ таже одна помѣщица». См. Арх. Сиб. Ком. 1858 г. № 255.

[67]) Арх. Сиб. Ком. (стараго), отдѣл. VII дѣла № 31.

[68]) Ibid., № 41.

развитіе его въ сибирскомъ комитетѣ, при ближайшемъ участіи гр. Сперанскаго, позднѣйшія законоположенія, относительно ссыльно-рабочихъ придерживаются прежняго правила XVIII ст., ввѣряя управленіе ими тому вѣдомству, при которомъ они работали.

Что касается поселенцевъ, то управленіе ими ввѣрено губернскимъ властямъ, съ образованіемъ при губернскихъ правленіяхъ, въ качествѣ особаго отдѣленія, *экспедиціи* о ссыльныхъ. Каждая экспедиція составлена изъ совѣтника и канцеляріи [69]; для обозрѣнія ссыльныхъ въ губерніи, при экспедиціяхъ учреждены особые чиновники, подъ названіемъ ревизоровъ [70]), а для ближайшаго надзора за ссыльными указывалось отряжать городовыхъ казаковъ [71]). Затѣмъ, особые смотрители назначались только въ двухъ случаяхъ: 1) для управленія заведеніями, въ которыхъ работали ссыльные, и 2) если они водворялись въ казенныхъ поселеніяхъ, то для управленія ими на мѣстѣ до дѣйствительнаго водворенія [72]). Ссыльные, назначенные въ другіе разряды, поступали въ управленіе полиціи городской (цехъ слугъ) или земской (приселенные къ селеніямъ старожиловъ и неспособные). Тотъ же порядокъ управленія распространенъ практикою на бродягъ и сосланныхъ въ порядкѣ административномъ, какъ по недостатку помѣщеній въ мѣстахъ заключенія, такъ и по приговорамъ обществъ или по волѣ помѣщиковъ.

Всякая власть экспедиціи относительно ссыльныхъ прекращалась съ „дѣйствительнымъ“ ихъ водвореніемъ. Съ этого момента въ управленіи ссыльныхъ и свободныхъ жителей не дѣлалось никакого различія.

Власть судебная надъ ссыльными принадлежала не экспедиціямъ, а обыкновеннымъ сибирскимъ судебнымъ установленіямъ; не дѣлалось никакого различія между ссыльными и свободными жителями и въ порядкѣ судебнаго разбирательства, такъ что дѣла важнѣйшія должны были одинаково идти на ревизію въ Сенатъ.

Таковы особенныя установленія для управленія ссыльными въ Сибири. Бросая на нихъ общій взглядъ, нельзя не замѣтить, что управленіе это представлялось весьма раздробленнымъ и сла-

---

[69]) Уст. о сс. § 163.
[70]) Уст. о сс. § 237.
[71]) Ibid. § 235.
[72]) Ibid. § 377. Смотрители поселеній, напоминающіе приказчиковъ московскаго періода, состояли въ то время отдѣльными засѣдателями земскихъ судовъ.

бымъ. Образованіе при губернскихъ правленіяхъ особыхъ экспедицій о ссыльныхъ должно было служить двумъ цѣлямъ: 1) помочь тобольскому приказу вести общій счетъ ссыльныхъ, до дѣйствительнаго ихъ водворенія, и 2) быть средоточіемъ управленія ссыльныхъ. Но возможность успѣшнаго разрѣшенія первой задачи парализовалась частью недостаточнымъ личнымъ составомъ экспедицій, частью отсутствіемъ у приказа всякой по отношенію къ нимъ власти, частью тѣмъ, что управленіе ссыльными было раздроблено въ рукахъ многихъ независимыхъ отъ экспедицій вѣдомствъ [73]). Еще труднѣе для экспедицій было управленіе ссыльными. Стать средоточіемъ этого управленія въ губерніи они не могли, уже потому, что рядомъ съ ихъ властью по управленію ссыльными была поставлена власть другихъ вѣдомствъ, совершенно отъ нихъ независимыхъ. Но даже относительно тѣхъ ссыльныхъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи, экспедиціи не могли быть хорошимъ органомъ управленія. Даже по личному своему составу, онѣ не стояли на высотѣ этой задачи и не были въ силахъ дать себѣ сколько нибудь правильный отчетъ о задачахъ ссыльной политики. Распоряженія и дѣйствія ихъ отличались крайнею близорукостью. По свидѣтельству томскаго губернатора Ковалевскаго, экспедиція водворяла ссыльныхъ, назначаемыхъ въ эту губернію, большею частью въ ближайшихъ къ тобольской губ. волостяхъ каинскаго округа для того только, чтобы сберечь кормовыя деньги, которыя-бы слѣдовало выдать на болѣе отдаленный путь. Никакой власти надъ ссыльными экспедиціи не имѣли; имъ не присвоена ни власть дисциплинарная, ни власть понужденія къ работамъ. Личныя силы, находившіяся въ распоряженіи экспедицій, были крайне недостаточны, такъ что онѣ были лишены всякой возможности имѣть надзоръ за ссыльными на мѣстахъ ихъ приселенія. Выше замѣчено, что особые смотрители на мѣстахъ допускались только въ казенныхъ поселеніяхъ, образованіе которыхъ уставомъ 1822 г. было чрезвычайно затруднено, можно сказать—даже совершенно прекращено въ нормальномъ порядкѣ вещей. Въ западной Сибири, гдѣ казенныхъ поселеній вовсе не было, положенные по штату смотрители оставались при экспедиціяхъ, для письменныхъ занятій, а ближайшее мѣстное

---

[73]) Ген.-ад. Анненковъ объяснялъ неисправности Приказа по веденію общаго счета ссыльныхъ неисправностями экспедицій, которыя въ свою очередь, по замѣчанію его, были безсильны для хорошаго выполненія этой задачи.

управленіе ссыльными сосредоточивалось въ рукахъ полиціи. Вслѣдствіе происшедшихъ между ссыльными безпорядковъ [74]), главное управленіе предписало смотрителямъ принять въ свое завѣдываніе ссыльныхъ, приписанныхъ къ селеніямъ старожиловъ и въ другіе разряды, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя уст. о сс. указаны для казенныхъ поселеній. Въ 1837 г. предполагалось санкціонировать эту мѣру въ законодательномъ порядкѣ, но противъ нея возсталъ тогдашній генералъ-губернаторъ зап. Сибири кн. Горчаковъ [75]). По словамъ его, раздѣленіе управленія ссыльныхъ и крестьянъ, живущихъ въ однѣхъ и тѣхъ-же деревняхъ, вело на практикѣ къ тому, что земскіе чиновники стали смотрѣть на нужды и дѣйствія ссыльныхъ какъ на дѣло, вовсе до полиціи не касающееся; старожилы начали обирать поселенцевъ, которые у сельскихъ властей не могли найти никакой защиты; крестьяне чуждались смотрителей поселеній до того, что не давали имъ квартиръ и подводъ, обращая повинность эту на поселенцевъ; сами смотрители не могли надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности, какъ по обширности ввѣренныхъ имъ округовъ, такъ и по недостатку команды, которая состояла изъ двухъ городовыхъ казаковъ и нѣсколькихъ поселенцевъ, безъ жалованья. По этимъ соображеніямъ кн. Горчаковъ, вмѣсто расширенія института смотрителей, ходатайствовалъ о подчиненіи ссыльныхъ западной Сибири общему надзору городскихъ и земскихъ полицій, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ ихъ штатовъ. Государственный Совѣтъ въ 1840 г. съ предположеніями кн. Горчакова согласился, но штатовъ не увеличилъ [76]). Съ этого времени по западной Сибири учрежденные уставомъ смотрители поселеній и ревизоры навсегда упразднены, а для казенныхъ поселеній, по мѣрѣ ихъ устройства, предположено было учреждать особыхъ комисаровъ [77]). Та-же участь постигла особыхъ смотрителей, хотя нѣсколько позже, и по Сибири восточной: ассигнованныя на нихъ суммы обращены на усиленіе канцелярскихъ средствъ экспедицій.

---

[74]) Между ними распространился слухъ, будто бы всѣ ссыльные помилованы, и они большими массами начали направляться къ границамъ Имперіи.

[75]) Впослѣдствіи, какъ увидимъ, противъ принятой по предположеніямъ кн. Горчакова мѣры энергически высказался одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, ген. отъ инф. Гасфортъ.

[76]) Арх. Гос. Сов. 1840/41 № 53/72.

[77]) Вышеуказ. дѣло, а также Арх. Гес. Сов. 1859 г. № 21 л. 28.

Экспедиціи о ссыльныхъ были включены въ систему общихъ губернскихъ учрежденій. Онѣ составляли особое отдѣленіе губернскаго правленія, которое, въ свою очередь, было частью губернскаго совѣта. Такое іерархическое положеніе ссыльнаго дѣла въ служебной лѣстницѣ повело прежде всего къ тому, что экспедиціямъ сообщена была ничтожная доля власти. Если уставъ 1822 г. не нашелъ возможнымъ предоставить даже генералъ-губернаторамъ права, которое они имѣли прежде, которымъ въ полномъ объемѣ располагали воеводы московскаго періода, устраивать поселенія изъ ссыльныхъ и снабжать ихъ необходимыми на первое время пособіями, и призналъ нужнымъ потребовать для этого разрѣшеніе министерствъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что объемъ власти экспедицій по отношенію къ ссыльнымъ былъ ничтоженъ до смѣшнаго. Ни онѣ, ни состоящіе при нихъ ревизоры, а тѣмъ менѣе смотрители, не только не имѣли права предпринять своею властью какія либо новыя мѣры для устройства ссыльныхъ, но даже, какъ замѣчено, не имѣли права употреблять какія бы то ни было мѣры понужденія ихъ къ работамъ, примѣнять дисциплинарныя взысканія, или, напротивъ, назначать мѣры поощренія. Порою кажется, что экспедиціи были простымъ продолженіемъ тобольскаго приказа и что единственное ихъ назначеніе состояло въ „счетѣ ссыльныхъ“. Другое прямое послѣдствіе этого іерархическаго положенія экспедицій состояло въ томъ, что производство дѣлъ о ссылкѣ и о ссыльныхъ стало въ высшей степени медленнымъ. Смотритель или полиція входили въ экспедицію съ какимъ нибудь представленіемъ; иногда представленіе это шло первоначально въ окружное правленіе; затѣмъ экспедиція изготовляла свое постановленіе, которое представлялось въ губернское правленіе; здѣсь оно лежало въ ожиданіи своей очереди, докладывалось, составлялось новое постановленіе, представлялось на утвержденіе губернатора; отсюда дѣло шло въ губернскій совѣтъ, гдѣ повторялась таже процедура. Во многихъ случаяхъ, губернскимъ совѣтомъ производство не заканчивалось; нужно еще было пройти новую инстанцію — совѣтъ главнаго управленія. Проходили мѣсяцы и годы, пока наконецъ дѣло чѣмъ нибудь рѣшалось. Бывало, что къ тому времени обстоятельства совершенно измѣнялись, и во всякомъ случаѣ такая медленность производства, такое обсужденіе множествомъ инстанцій мѣръ, предположенныхъ непосредственнымъ начальствомъ ссыльныхъ, безъ всякаго участія въ этомъ лица, ихъ предложившаго, по спра-

ведливому замѣчанію совѣта главнаго управленія восточной Сибири, „должны были неминуемо охладить порывы усердія и ослабить энергію къ дѣлу со стороны лица, управляющаго экспедиціей, и направить его дѣятельность въ ту сторону обязанностей его, въ которой онъ чувствуетъ себя болѣе самостоятельнымъ, именно къ канцелярскому порядку и соблюденію формальностей“ [78]).

Безсиліе мѣстнаго надзора надъ ссыльными не замедлило сказаться увеличеніемъ числа преступленій и разныхъ безпорядковъ съ одной стороны, а съ другой — уменьшеніемъ благосостоянія ссыльныхъ. чѣмъ затруднился и успѣхъ ихъ водворенія. Съ разныхъ мѣстъ начали раздаваться требованія объ усиленіи власти. Онѣ прежде всего обратились на самую слабую сторону организаціи ссыльнаго управленія, именно на судъ. Судебные порядки, которые даже для имперіи были въ высшей степени неудовлетворительны, обезпечивая безнаказанность несомнѣнныхъ преступленій, примѣненные къ неоднократнымъ рецидивистамъ, сказывались на Сибири очень тяжело. Уже въ 1831 г. внесено было въ сибирскій комитетъ предположеніе о введеніи для преступленій наибольшей важности, совершенныхъ ссыльными, военно-полеваго суда и смертной казни. Только благодаря энергическимъ настояніямъ гр. Сперанскаго, комитетъ на этотъ разъ отклонилъ его. Но не далѣе, чѣмъ черезъ годъ, таже мысль поднимается Лавинскимъ, а затѣмъ въ пользу нея выступаютъ ген. м. Чевкинъ и министръ финансовъ гр. Канкринъ. Для разсмотрѣнія предположеній Лавинскаго учрежденъ былъ особый секретный комитетъ и, несмотря на возраженія гр. Сперанскаго, бывшаго его членомъ, онѣ принимаются; впрочемъ, полевой судъ и смертная казнь вводятся на этотъ разъ, въ 1834 г., только для преступленій политическаго свойства, и не закономъ обнародованнымъ, а личными рескриптами генералъ-губернаторамъ, которые не должны быть оглашаемы до дѣйствительнаго ихъ примѣненія. Въ защиту полеваго суда Лавинскій прямо указывалъ то соображеніе, что необходимо усилить надзоръ, а усилить его другими способами дорого. Въ 1838 г. очередь дошла до пред-

---

[78]) Журналъ сов. гл. упр. вост. Сибири 20 декабря 1864 г. № 33. Сложныя формальности, установленныя для счета ссыльныхъ, оставляли, вообще, мало времени для существа дѣла. Совѣту главнаго управленія вост. Сибири пришлось даже упразднить смотрителей поселеній своею властью, обративъ ассигнованныя на нихъ суммы на усиленіе канцеляріи; это, по отзыву его, не принесло вреда, потому что смотрители, по низкому уровню образованія, не были въ состояніи принести ссыльнымъ никакой пользы.

положеній Чевкина, а въ 1843 г.—гр. Канкрина. Компетенція военнаго суда распространялась болѣе и болѣе, пока наконецъ (въ 1847 г.) не обняла всѣхъ тяжкихъ преступленій, совершенныхъ ссыльно-каторжными. Но, кромѣ введенія военно-судебнаго разбирательства, постановленія устава о судѣ подверглись измѣненію и въ другомъ отношеніи. По обстоятельнымъ запискамъ ген.-губ. западной Сибири кн. Горчакова, государственный Совѣтъ, высоч. утв. 12 іюня 1840 г. мнѣніемъ, между прочимъ, вмѣсто прежняго судебнаго порядка, для преступленій каторжныхъ, ссыльнопоселенцевъ и бродягъ, смотря по важности ихъ, установилъ: 1) разбирательство мѣстнымъ начальствомъ, а) по собственному его удостовѣренію о винѣ, или б) по формальному полицейскому разслѣдованію, и 2) разбирательство судомъ. Въ тоже время, для дѣлъ о ссыльныхъ отмѣнены многія процессуальныя формальности общаго порядка и сокращены сроки. Съ незначительными измѣненіями, эти правила остаются въ силѣ до настоящаго времени.

Легко видѣть, однако, что введеніе строгостей суда было лишь палліативомъ. Не давая ссыльнымъ лучшаго устройства, оно не увеличивало и средствъ мѣстнаго начальства къ надзору за ними, къ направленію ихъ на путь труда и къ обезпеченію ихъ благосостоянія.

Гр. Сперанскій и его сподвижники вынуждены были работать очень быстро; неудивительно, что на составленныхъ ими уставахъ лежитъ печать поспѣшности и недодѣланности [79]). Но на нихъ самъ Сперанскій смотрѣлъ только какъ на „планъ къ будущему преобразованію“, ожидая дальнѣйшее ихъ развитіе отъ генералъ-губернаторовъ и совѣтовъ главныхъ управленій. Однако, надежда эта не осуществилась.

Еще въ 1858 г. гр. Киселевъ, въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, въ одномъ изъ своихъ представленій государственному совѣту, замѣтилъ, что причина неустройствъ нашей ссылки послѣ устава 1822 г. лежитъ, между прочимъ, „въ несогласіи между собою генералъ-губернаторовъ на введеніе общихъ мѣръ“ [80]). Въ самомъ дѣлѣ, двойственность высшаго мѣстнаго направленія ссыльной политики сказывалась на ней очень вредно. Многія полезныя предположенія не прохо-

---

[79]) *Вагинъ*, II, 327.
[80]) Арх. Гос. Сов. 1859 г. № 24, л. 15.

дили потому только, что мѣстные генералъ-губернаторы были неодинаковаго мнѣнія о деталяхъ ихъ. Мы будемъ имѣть еще случай иллюстрировать это положеніе характернымъ примѣромъ по вопросу о реформѣ ссыльнаго управленія. Но кромѣ того, такое раздвоеніе ссылки вело и къ поразительной медленности производства по нашему депортаціонному дѣлу. Вносились въ Петербургъ предположенія одного генералъ-губернатора, пройдя уже всѣ установленныя ступени, — экспедицію, губернское правленіе, губернскій совѣтъ, совѣтъ главнаго управленія; Петербургъ спрашивалъ мнѣніе другаго генералъ-губернатора, — и начиналось новое мытарство того же вопроса по всѣмъ указаннымъ инстанціямъ, сперва сверху внизъ, за тѣмъ снизу вверхъ. Проходили годы, поднятый вопросъ не разрѣшался, начальства смѣнялись, перемѣняли предположенія своихъ предшественниковъ; опять новая переписка съ управленіемъ другой части, и такъ далѣе, — до тѣхъ поръ, пока государственный совѣтъ, утомленный постоянными противорѣчіями главныхъ мѣстныхъ начальствъ Сибири, не бросалъ дѣла въ сторону.

И какъ много такихъ брошенныхъ вопросовъ, имѣющихъ огромное значеніе для нашей ссылки!

V.

Органы центральнаго управленія ссылки.

Это отсутствіе единства управленія, этотъ недостатокъ иниціативы и слабость власти, не пополнялись ли Петербургомъ? Не было ли здѣсь сильнаго центральнаго управленія, которое съ знаніемъ дѣла, энергіею и чувствомъ отвѣтственности за успѣхи ссылки, могло бы взять въ свои твердыя руки общее направленіе ссыльной политики?

Учрежденія 1822 г. не говорили и ничего не могли говорить о центральныхъ установленіяхъ, вѣдающихъ судьбами Сибири. Эта задача выпала на долю другихъ законоположеній, не имѣвшихъ въ виду спеціально ссыльнаго института. Созданные ими центральные органы, имѣвшіе болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ссылкѣ, были въ высшей степени разнообразны.

Задача эта раздѣлилась между министерствами, III отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, сенатомъ, сибирскими

комитетами старымъ и новымъ, комитетомъ министровъ и государственнымъ совѣтомъ.

Учрежденіе министерствъ предназначалось къ централизаціи власти и сообщенію ей единства дѣйствія. Именно во имя этой цѣли, генералъ-губернаторы подчинены министерствамъ и пользовались весьма незначительнымъ просторомъ дѣйствія. Но управленіе ссылкою, въ свою очередь, было раздроблено между нѣсколькими министерствами, которыя мало по малу потеряли изъ виду первоначальную цѣль объединенія государственной дѣятельности и болѣе и болѣе становились, можно сказать, отдѣльными государствами въ государствѣ. Дѣла о ссылкѣ приспособлены частью къ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему представителю административной и полицейской власти [81]), частью къ министерству финансовъ, частью къ министерству государственныхъ имуществъ, частью къ III отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи (съ 1826 года). Министерство юстиціи имѣло къ ссылкѣ лишь косвенное отношеніе.

Разногласія и столкновенія этихъ вѣдомствъ, при отсутствіи точнаго указанія, не столько правъ, сколько прямыхъ обязанностей каждаго, по справедливому замѣчанію графа Киселева, должны быть признаны одною изъ главныхъ причинъ неустройства нашей ссыльной системы въ теченіи всего XIX столѣтія.

Уже въ 1827 г. встрѣтилось недоразумѣніе, въ вѣдомствѣ какого именно „министерства" должны находиться казенныя поселенія изъ ссыльныхъ (§ 354 Уст. о сс.)? Министръ внутреннихъ дѣлъ, представляя сибирскому комитету предположенія свои объ учрежденіи такихъ поселеній въ Енисейской губерніи, находилъ, что заботы о нихъ должны принадлежать министерству финансовъ, на томъ основаніи, что ссыльно-поселенцы по водвореніи поступаютъ въ состояніе государственныхъ крестьянъ. Съ этимъ соглашался и сибирскій комитетъ. Но министръ финансовъ представилъ особое мнѣніе, высочайше принятое, гдѣ доказывалъ, что забота объ устройствѣ ссыльныхъ, до полнаго ихъ водворенія, какъ дѣло полицейское, должна быть отнесена къ вѣдомству внутреннихъ дѣлъ [82]).

Съ учрежденіемъ особаго министерства государственныхъ

---

[81]) Мы не говоримъ о министерствѣ полиціи, такъ какъ существованіе его было весьма непродолжительно.

[82]) Арх. Спб. Ком. (старый) Отдѣл. VII, № 24. Уставъ говорилъ о «министерствѣ «въ единственномъ числѣ, предполагая дѣйствительное ихъ единство.

имуществъ, на которое возложены были заботы о благосостоянiи государственныхъ крестьянъ, вновь возбуждается сомнѣнiе, на комъ должна лежать функцiя устройства казенныхъ поселенiй изъ ссыльныхъ, и на этотъ разъ разрѣшается иначе. Въ 1840 г. государственный совѣтъ предоставилъ начертанiе предположенiй объ устройствѣ изъ ссыльныхъ, прибывающихъ въ Сибирь съ семействами, отдѣльныхъ поселенiй на счетъ казны и о назначенiи вспомоществованiя поселенцамъ, непринятымъ въ домы старожиловъ, министерствамъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, по взаимномъ ихъ сношенiи по тѣмъ предметамъ, кои принадлежатъ вѣдомству каждаго [88]). Эта мѣра, въ виду текста учрежденiя министерства государственныхъ имуществъ, практикою была понята въ томъ смыслѣ, что заботы о казенныхъ поселенiяхъ ссыльныхъ и водворенiи ихъ въ деревняхъ старожиловъ принадлежатъ именно министерству государственныхъ имуществъ. Въ этомъ вѣдомствѣ, по свидѣтельству графа Ланскаго и гр. Киселева, во исполненiя указаннаго мнѣнiя государственнаго совѣта, разсматривались предположенiя о водворенiи ссыльныхъ, разрѣшенiе которыхъ затянулось вслѣдствiе того, что къ вопросу о ссыльныхъ былъ присоединенъ болѣе обширный вопросъ объ устройствѣ государственныхъ имуществъ и государственныхъ крестьянъ въ Сибири. Въ 1847 г. были выработаны только главныя начала, на которыхъ должно быть предпринято улучшенiе быта крестьянъ и поселенцевъ,—начала, которыя, въ виду высочайше утвержденнаго 17 iюня журнала комитета министровъ, сообщены сибирскимъ генералъ-губернаторамъ, съ тѣмъ, чтобы на основанiи ихъ они составили подробныя предположенiя и доставили ихъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Тогда же при главномъ управленiи Сибири учреждены отдѣленiя этого министерства. Въ такомъ положенiи дѣло оставалось до 1859 г., когда въ государственномъ совѣтѣ возбужденъ былъ общiй вопросъ о водворенiи ссыльныхъ и когда оказалось, что министерство государственныхъ имуществъ еще не исполнило порученiя, возложеннаго на него въ 1840 г. Въ позднѣйшихъ дѣлахъ, какъ сибирскаго комитета, такъ и государственнаго совѣта, мы равнымъ образомъ не нашли какихъ либо слѣдовъ дѣятельности означеннаго министерства по вопросу о водворенiи ссыльныхъ.

---

[88]) Выс. утв. мнѣн. Гос. Сов. 1840 г. См. Арх. Гос. Сов. $18^{40}/_{41}$ № $^{53}/_{72}$ Архивъ Гос. Сов. 1859 № 24, л. 12, представленiе гр. Киселева.

Мы не думаемъ, однако, возлагать всю отвѣтственность за такое поразительное бездѣйствіе исключительно на это вѣдомство и на представителей его, въ ряду которыхъ встрѣчаются имена, заслуживающія всякаго уваженія. Весь складъ, вся организація ссыльнаго управленія вообще и центральнаго въ особенности дѣлали такую печальную практику, можно сказать, неизбѣжною и позволяли рости злу до колосальныхъ размѣровъ.

Министерство государственныхъ имуществъ въ перипетіяхъ ссыльнаго вопроса очутилось совершенно неожиданно. Уставы 1822 г. съ достаточною опредѣленностью возлагаютъ заботы о водвореніи ссыльныхъ на экспедиціи, которыя, будучи отдѣленіями губернскихъ правленій, представляли собою власть полицейскую. Тамъ, гдѣ не было ревизоровъ и смотрителей, экспедиціи функціонировали черезъ посредство органовъ городской и земской полиціи. Этимъ законодатель достаточно ясно говорилъ, что дѣятельность по устройству ссыльныхъ, до дѣйствительнаго ихъ водворенія, есть дѣятельность полицейская, и потому во главѣ ея должно стоять министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ и было прежде. Возложеніе заботы объ устройствѣ ссыльныхъ на вновь образованное министерство государственныхъ имуществъ было въ высшей степени неудачнымъ актомъ внутренней политики, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, это было учрежденіе совершенно новое, съ задачами въ высшей степени обширными и еще мало выяснившимися; ему предстояло еще оріентироваться въ существеннѣйшихъ своихъ предметахъ вѣдомства, заслонявшихъ ссылку, какъ предметъ для него второстепенный. Во вторыхъ, министерство государственныхъ имуществъ, какъ учрежденіе новое, долгое время находилось въ періодѣ образованія, такъ какъ подчиненные ему мѣстные органы явились не сразу; въ этотъ долгій періодъ оно не имѣло достаточныхъ въ своемъ распоряженіи средствъ для того, чтобы выяснить себѣ всѣ мѣстныя особенности Сибири и сибирской ссылки, и было вынуждено обращаться къ органамъ, ему непосредственно не подчиненнымъ, — что, при нашихъ порядкахъ, отнюдь не обезпечивало ни быстроты полученія нужныхъ свѣдѣній, ни точности ихъ. А между тѣмъ, время упускалось, задача водворенія болѣе и болѣе усложнялась, а съ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ, въ корнѣ измѣнившаго взглядъ на ссылку и ссыльныхъ, оказалась совершенно внѣ предѣловъ компетентности вѣдомства, которое могло бы взять въ свои руки дѣло колонизаціи, но ко-

торое не могло имѣть ничего общаго съ функціею суроваго и неупустительнаго исполненія наказанія.

Даже вѣдомства, по призванію своему стоявшія несравненно ближе къ этой функціи, проявляли тѣже нерѣшительность и пассивность въ вопросахъ ссылки. Мы имѣемъ въ виду министерство внутреннихъ дѣлъ. Одновременно съ тѣмъ (въ 1840 г.), какъ на министерство государственныхъ имуществъ была возложена забота по водворенію ссыльныхъ въ казенныхъ поселеніяхъ, министерству внутреннихъ дѣлъ было предписано, по сношеніи съ обоими сибирскими генералъ-губернаторами, „распорядиться объ учрежденіи, въ видѣ опыта, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, арестантскихъ поселенныхъ ротъ или командъ“. На этотъ разъ, выраженное государственнымъ совѣтомъ требованіе было болѣе категорическимъ и несравненно легче исполнимымъ; оно, притомъ, обращено было къ вѣдомству, стоявшему уже въ Сибири твердою ногою, имѣвшему въ своемъ распоряженіи значительныя личныя силы на мѣстахъ. Однако, и это требованіе осталось неисполненнымъ. Любопытно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прискорбно читать объясненія этой неисправности, представленныя въ 1843 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскимъ. Онъ сообщалъ, что генералъ-губернаторъ западной Сибири находилъ учрежденіе арестантскихъ поселенныхъ ротъ „затруднительнымъ“, а генералъ-губернаторъ восточной Сибири замѣтилъ, что въ предположеніи объ устройствѣ поселенныхъ ротъ есть большое сходство съ представленнымъ имъ проектомъ о водвореніи ссыльныхъ особымъ поселеніемъ. Усмотрѣвъ въ этихъ отвѣтахъ „препятствія со стороны мѣстнаго начальства“ и находя, что ссылка преступниковъ въ Сибири уже уменьшилась и что ссыльные имѣютъ средства заработка на золотыхъ промыслахъ, гр. Перовскій „призналъ удобнѣйшимъ ограничиться только введеніемъ строгаго порядка между ссыльными, употребляемыми въ работы на частныхъ пріискахъ“. Но и это было только канцелярскою отпискою: не только „строгаго“, но и никакого порядка на промысловыхъ работахъ между ссыльными установлено не было; изданы лишь законы (1838 и 1843 года) о наказаніи военнымъ судомъ ссыльныхъ за безпорядки на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

Продолжая перечень вѣдомствъ, завѣдывавшихъ судьбами ссылки, мы дошли до министерства финансовъ. Оно имѣло со ссылкою различныя точки соприкосновенія. Во первыхъ, въ завѣдываніи его находились всѣ казенные заводы Сибири, между прочимъ и тѣ,

на которыхъ работали ссыльные. Во вторыхъ, къ нему поступали представленія мѣстныхъ начальствъ и запросы центральныхъ властей по вопросамъ фискальнаго свойства, относившимся къ ссыльнымъ, напр. о податяхъ, о правѣ на торговлю и пр. Въ третьихъ, въ лицѣ министра финансовъ, какъ главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ, имѣли главнаго начальника алтайскій и нерчинскій горные округи. Эта послѣдняя функція, соединявшаяся съ министерствомъ финансовъ только личною связью, перешла отъ него къ министру двора въ 1852 г., а въ 1869 г. ссыльнокаторжные нерчинскаго округа окончательно переданы изъ горнаго вѣдомства въ гражданское.

И для министерства финансовъ, какъ для министерства государственныхъ имуществъ, ссылка была навязаннымъ пріемышемъ. Мы уже брали примѣры изъ высочайше утвержденнаго 12 іюня 1840 г. мнѣнія государственнаго совѣта; обратимся къ нему еще разъ. Департаментъ законовъ государственнаго совѣта предполагалъ, между прочимъ, „предоставить“ министру финансовъ „войти въ подробное соображеніе и представить, въ установленномъ порядкѣ, предположеніе объ устройствѣ заводовъ такимъ образомъ, чтобы пространство и внутреннее ихъ управленіе вполнѣ соотвѣтствовали числу приговоренныхъ въ работу и требованіямъ правосудія, и чтобы, за исполненіемъ уже сихъ главныхъ условій, стараться извлекать изъ заводовъ наибольшую пользу“. Въ общемъ собраніи, подъ вліяніемъ настояній министра финансовъ, эта глубоко-продуманная редакція была измѣнена и выражена слѣдующимъ образомъ: „предоставить министру финансовъ, по сношеніи съ кѣмъ нужнымъ признаетъ, войти въ ближайшее соображеніе, въ какой степени горные заводы и, въ особенности, нерчинскіе могутъ быть приспособлены къ принятію большаго противу нынѣшняго количества ссыльныхъ и какія потребуются для сего въ управленіи тѣхъ заводовъ измѣненія“. Но даже это скромное требованіе, было ли оно исполнено? Утвердительнаго отвѣта мы не могли найти въ дѣлахъ архива государственнаго совѣта. Помѣщенія для рабочихъ на рудникахъ и заводахъ послѣ этого времени, конечно, неоднократно расширялись, но исключительно по соображеніямъ хозяйственнымъ, а не въ виду государственныхъ интересовъ ссылки, которые цѣнились до такой степени не высоко, что при первомъ требованіи министерства двора нерчинскій округъ почти совершенно закрылся для каторжныхъ.

Мы не будемъ останавливаться, затѣмъ, на другихъ вѣдомствахъ съ правами министерствъ, соприкасавшихся къ ссылкѣ, какъ по недостатку о нихъ матерьяла, такъ и потому, что не пришло еще время говорить о нихъ въ печати безъ многочисленныхъ пропусковъ.

Выше министерствъ въ порядкѣ государственнаго управленія стояли сенатъ, комитетъ министровъ и государственный совѣтъ. Эти коллегіальныя установленія опирались на министерства и мѣстныя управленія. Но, кромѣ того, сенатъ и государственный совѣтъ знакомились со ссылкою черезъ посредство ревизій своихъ членовъ, назначавшихся по Высочайшимъ повелѣніямъ.

Сенаторскія ревизіи Сибири были очень рѣдки. Онѣ не практиковались уже болѣе 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ польза ихъ была несомнѣнна: при разрозненности вѣдомствъ, завѣдывавшихъ судьбами ссылки, въ сенаторскихъ ревизіяхъ правительство имѣло весьма важное средство какъ для полученія о ссылкѣ точныхъ и скорыхъ свѣдѣній, такъ и для быстраго устраненія по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ накопившихся злоупотребленій; иногда сенаторскія ревизіи служили основаніемъ для дальнѣйшихъ, весьма важныхъ реформъ въ этой области. Послѣ ревизіи Селифонтова, о которой мы уже имѣли случай упомянуть выше, до 1819 г. правительство не посылало въ Сибирь своихъ ревизоровъ. Гр. Сперанскій посѣтилъ Сибирь не только какъ генералъ-губернаторъ, но также какъ ревизующій сенаторъ. Послѣ него были три ревизіи. Первая производилась сенаторами кн. Куракинымъ и Безроднымъ, въ 1827 г. въ Зап. Сибири; вторая сенаторомъ граф. Толстымъ въ 1846 и 1847 гг. въ восточной Сибири; и третья членомъ государственнаго совѣта генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, въ 1851 г., въ западной Сибири. Эта послѣдняя была самою богатою по обнаруженнымъ ею свѣдѣніямъ и достигнутымъ результатамъ. Ген.-ад. Анненковъ обозрѣлъ, можно сказать, всѣ стороны сибирскаго быта и представилъ рядъ обширныхъ записокъ. Онъ обратилъ вниманіе на отсутствіе въ Сибири дворянства и проектировалъ рядъ мѣръ для образованія этого состоянія. Онъ внимательно познакомился съ организаціею и производствомъ какъ Тобольскаго Приказа, такъ и экспедицій о ссыльныхъ, и изложилъ, какія въ нихъ желательны измѣненія. Онъ съ большимъ знаніемъ дѣла и значительною энергіею успѣлъ до того заинтересовать высшее правительство вопросомъ о водвореніи ссыльныхъ, что, казалось, ссылкѣ предстояло выйти изъ

того заброшеннаго положенія, въ которомъ она находилась послѣ смерти гр. Сперанскаго; онъ проектировалъ впервые расширеніе гражданскихъ правъ ссыльныхъ, введеніе арестантскихъ ротъ для занятія ссыльныхъ различными работами, измѣненіе системы наказаній ссыльныхъ и управленія ими.

Однако, ревизіи не могли пополнить недостатковъ управленія ссыльными, не могли связать въ одно стройное цѣлое разрозненныя его части. Уже назначеніе ихъ въ неопредѣленные и весьма отдаленные одинъ отъ другаго промежутки времени мѣшало достиженію такой цѣли. Къ этому присоединялось и положеніе ревизоровъ, которые имѣли власть распорядительную лишь въ размѣрахъ ограниченныхъ; отчеты ихъ и предположенія представлялись но принадлежности, разсматривались въ опредѣленномъ порядкѣ инстанцій, подвергались обсужденію вѣдомствъ, которыя, какъ замѣчено, не обладали и не могли обладать значительною компетентностью въ вопросахъ ссылки, и на все это требовалось время столь продолжительное, что къ тому моменту, когда предположенія ревизіи готовы были осуществиться, обстоятельства существенно измѣнялись на мѣстѣ и требовалась новая ревизія.

Взоръ изслѣдователя центральныхъ установленій, соприкосавшихся къ ссылкѣ, утомленный этимъ печальнымъ складомъ розни, апатіи, невѣдѣнія и канцелярскихъ отписокъ, отдыхаетъ только на сибирскомъ комитетѣ гр. Сперанскаго (1822—1838 г.).

Первый сибирскій комитетъ, учрежденный указомъ 22 іюля 1822 г., можно разсматривать какъ продолженіе особаго комитета, образованнаго за годъ передъ тѣмъ для разсмотрѣнія отчета Сперанскаго [84]). Оба состояли почти изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, и уже близкое изученіе ревизіи 1819—1820 г. было для сибирскаго комитета хорошею подготовкою для ознакомленія съ порядками этой окраины, а дѣятельное участіе гр. Сперанскаго въ его дѣлахъ охраняло его отъ формализма и сообщало его мѣропріятіямъ глубину и серьезность. Назначеніе сибирскаго комитета состояло въ томъ, чтобы разсматривать и представлять непосредственно Государю общія и частныя предположенія по устройству сибирскаго края и руководствовать главныя мѣстныя начальства по приведенію въ дѣйствіе устава 1822 г. и по-

---

[84]) Вагинъ, I, стр. 119 и сл.; II, 340.

ложеній, относящихся къ Сибири. Первая функція имѣла характеръ законодательный, такъ что во имя ея комитетъ по дѣламъ Сибири былъ тѣмъ же, чѣмъ для Имперіи были государственный совѣтъ, а потомъ отчасти и комитетъ министровъ. Разграниченіе вѣдомства между сибирскимъ комитетомъ и государственнымъ совѣтомъ опредѣлялось тѣмъ, относилось ли данное предположеніе только къ Сибири и сибирскимъ порядкамъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ оно касалось и общихъ законовъ имперіи. Всѣ предположенія перваго рода шли въ комитетъ, предположенія втораго рода — въ государственный совѣтъ, который выслушивалъ предварительно заключеніе комитета. Но это разграниченіе проводилось далеко не со всею строгостью. Почти до изданія уложенія о наказаніяхъ, вопросы о способѣ исполненія наказанія ссылкою въ Сибири считались мѣстными, а не общегосударственными, вслѣдствіе чего разрѣшеніе ихъ давалось сибирскимъ комитетомъ помимо государственнаго совѣта. Такъ, въ маѣ 1826 г. сибирскій комитетъ значительно съузилъ прежнее ограниченіе почтовой корресподенціи ссыльныхъ. Тогда же имъ разъяснено право ссыльныхъ женщинъ вступать въ Сибири въ бракъ съ мущинами свободнаго состоянія. Въ январѣ 1828 г. состоялось весьма важное положеніе комитета, которымъ, въ отмѣну правила устава 1822 г., рѣшено: ссыльнымъ, водворяемымъ въ деревняхъ старожиловъ, льготные годы давать въ началѣ водворенія. Въ апрѣлѣ того же года установлено наказаніе за развратное и буйное поведеніе ссыльныхъ, записанныхъ въ цѣхъ слугъ. Въ 1828 и 1829 годахъ комитетъ опредѣлилъ наказанія, которымъ каторжные и ссыльные должны подлежать за побѣги, за кражи выше 100 р. и за соотвѣтствующія имъ по важности преступленія. Тогда же, по высочайше утвержденнымъ 28 іюня 1829 г. и 3 марта 1830 г. положеніямъ сибирскаго комитета, а не въ общемъ законодательномъ порядкѣ—только потому, что вопросъ этотъ возбудился однимъ изъ общихъ сибирскихъ начальствъ — измѣнено положеніе всѣхъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ и, въ соотвѣтствіе съ уставомъ 1822 г., постановлено, что срокъ работъ и для нихъ оканчивается по истеченіи 20 лѣтъ, если не было учинено ими новаго преступленія.

Этотъ послѣдній примѣръ ясно показываетъ, что иногда на разрѣшеніе комитета, по случайнымъ обстоятельствамъ, восходили законодательные вопросы, которые имѣли общегосударственное

значеніе. Наоборотъ, вслѣдствіе той же неопредѣлительности и указанной уже нами розни вѣдомствъ, иногда случалось, что вопросы, непосредственно относившіеся къ Сибири, находили разрѣшеніе не въ сибирскомъ комитетѣ, а въ комитетѣ министровъ или въ государственномъ совѣтѣ. Такъ напр. дозволеніе увольнять водворившихся ссыльныхъ для промысловъ по всѣмъ сибирскимъ губерніямъ состоялось по высочайше утвержденному 12 апрѣля 1827 г. положенію комитета министровъ. Дѣйствіе указа 23 января 1823 г. ограничено въ отношеніи къ сибирскимъ губерніямъ высочайше утвержденнымъ 16 октября 1829 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта.

Вообще можно сказать, что направленіе того или иного вопроса въ сибирскій комитетъ или въ государственный совѣтъ весьма часто зависѣло не столько отъ свойства самаго вопроса, сколько отъ того, какимъ вѣдомствомъ, какимъ начальствомъ вопросъ этотъ былъ возбужденъ и обсуждался. Предположенія мѣстныхъ сибирскихъ начальствъ шли въ сибирскій комитетъ; опредѣленія сената — въ государственный совѣтъ. Если вопросъ возбуждался въ какомъ либо министерствѣ, то опредѣленной практики не было, и, смотря по обстоятельствамъ, онъ направлялся или въ сибирскій комитетъ, или въ государственный совѣтъ, или въ комитетъ министровъ. Не ранѣе 1832 г. мы встрѣчаемъ первый примѣръ, что сибирскій комитетъ нашелъ себя некомпетентнымъ для разрѣшенія внесеннаго къ нему вопроса о ссылкѣ и испросилъ высочайшее повелѣніе о передачѣ его въ государственный совѣтъ, на томъ основаніи, что этотъ вопросъ, кромѣ мѣстныхъ сибирскихъ интересовъ, затрогивалъ и общегосударственныя законоположенія.

Нельзя, конечно, отрицать, что такое смѣшеніе предметовъ вѣдомства представляло извѣстныя неудобства. Но въ этомъ безпорядкѣ была и хорошая сторона. Во первыхъ, сибирскій комитетъ сдѣлался инстанціею, куда мѣстныя сибирскія власти обращались почти по всѣмъ вопросамъ, возбуждавшимъ сомнѣніе и требовавшимъ компетентнаго разрѣшенія; это давало комитету возможность стоять близко ко всѣмъ сторонамъ оффиціальной сибирской жизни, сообщая въ тоже время высшей политикѣ единство дѣйствія и устойчивость въ мѣропріятіяхъ. Во вторыхъ, считая себя компетентнымъ для разрѣшенія всякаго вопроса, тѣмъ или инымъ путемъ къ нему дошедшаго, сибирскій комитетъ старался немедленно выяснить его себѣ и разрѣшить;

ему была чужда практика отклоненія вопроса къ другимъ вѣдомствамъ, по некомпетентности, почему и производство комитета было быстрое и, въ большинствѣ случаевъ, плодотворное.

Кромѣ функціи законодательной, сибирскому комитету была ввѣрена функція высшаго управленія: на обязанности его лежало руководить мѣстныя сибирскія начальства по приведенію въ дѣйствіе законоположеній, относящихся къ Сибири. Благодаря ей, сибирскія власти, во все время существованія комитета, имѣли высшаго руководителя, сообщавшаго, на сколько то было въ его силахъ, единство практикѣ обѣихъ частей и соблюдавшаго ихъ взаимные интересы. Принимая какую либо мѣру общаго свойства, хотя бы по представленію начальства одной части Сибири, комитетъ не забывалъ упомянуть, на сколько она относится и къ другой ея части.

Производство перваго сибирскаго комитета было очень не сложно. Сношенія съ сибирскими властями производились непосредственно, т. е. журналы совѣтовъ главнаго управленія поступали въ комитетъ помимо министровъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ. Въ первомъ комитетѣ, преобладающее значеніе имѣли предсѣдатели (сперва кн. Кочубей, затѣмъ кн. Голицынъ) и члены, особенно гр. Сперанскій, а не канцелярія. Снабженный высокою довѣренностью Государя и имѣя въ составѣ своемъ министровъ, вѣдомства которыхъ могли касаться дѣла, подлежащія ихъ разбору, комитетъ съ успѣхомъ пользовался этимъ благопріятнымъ положеніемъ. По вопросамъ законодательнаго свойства, журналы комитета представлялись на высочайшее усмотрѣніе. По вопросамъ управленія, комитетъ ограничивался или принятіемъ къ свѣдѣнію представленнаго ему журнала главнаго совѣта или министерства, если находилъ ихъ правильными, или же разъясненіемъ возникшаго недоразумѣнія, иногда въ формѣ простаго письма предсѣдателя къ генералъ-губернатору или министру; но случалось, что и по такого рода вопросамъ журналы комитета представлялись на высочайшее усмотрѣніе.

Первый сибирскій комитетъ, который можно назвать комитетомъ Сперанскаго, былъ закрытъ въ январѣ 1838 г.; закрытіе его объяснено тѣмъ, что главная цѣль, ему поставленная, была достигнута. Функціи его распались тогда между государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и министерствами, вліяніе которыхъ на сибирскія дѣла стало болѣе и болѣе увеличиваться.

Въ 1852 г. сибирскій комитетъ былъ учрежденъ вторично, но между нимъ и комитетомъ гр. Сперанскаго существуетъ огромная разница.

Учрежденіе этого втораго сибирскаго комитета стоитъ въ тѣсной связи съ ревизіею генералъ-адъютанта Анненкова, который вынесъ изъ личнаго обозрѣнія Сибири, между прочимъ, убѣжденіе о недостаткахъ существующаго тамъ по уставамъ 1822 г. управленія, крайне слабаго и разрозненнаго, и о необходимости, измѣнивъ взглядъ на этотъ край, принять мѣры къ прочному сліянію его съ Имперіей введеніемъ тамъ тѣхъ же учрежденій и состояній, какія существуютъ въ прочихъ частяхъ. Разсмотрѣть двѣ записки ген. Анненкова объ этихъ предметахъ было Высочайше поручено князю А. Чернышову, который, во исполненіе этого порученія, представилъ 13 апрѣля 1852 г. всеподданнѣйшую записку. Кн. Чернышевъ совершенно соглашался съ мыслію Анненкова о необходимости прочнаго слиянія Сибири съ Имперіей и находилъ полезнымъ „всѣ вопросы, относящіеся до устройства этого края, согласовать съ этою общею цѣлью, поручивъ ихъ разсмотрѣніе особому установленію“. Поставивъ себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли возложить эту задачу на комитетъ министровъ, кн. Чернышевъ пришелъ къ отрицательному его разрѣшенію, „такъ какъ сей комитетъ есть учрежденіе, занимающееся дѣлами по преимуществу исполнительными, между тѣмъ въ особое установленіе по дѣламъ Сибири должны поступать предметы частей исполнительной и законодательной“. Болѣе соотвѣтственнымъ онъ полагалъ поручить эту обязанность кавказскому комитету, образованному еще въ 1842 г., съ прибавленіемъ къ составу его одного члена — ген. Анненкова. Дѣйствуя въ особыхъ присутствіяхъ по дѣламъ Сибири, онъ долженъ былъ называться комитетомъ сибирскимъ; канцелярія кавказскаго комитета въ тоже время должна была исполнять обязанности канцеляріи сибирскаго комитета. Однако, по мнѣнію кн. Чернышева, въ учрежденіи кавказскаго комитета необходимо было сдѣлать для сибирскаго нѣкоторыя измѣненія. Такъ какъ Кавказъ составлялъ намѣстничество, находящееся подъ одною властью, а Сибирь состояла изъ двухъ генералъ-губернаторствъ, правители которыхъ были и должны были быть подчинены министерствамъ, то, созидая особое высшее установленіе для Сибири, необходимо было, согласно предположеніямъ кн. Чернышева, сохранить въ полной силѣ вліяніе на нее министерствъ. Въ этихъ видахъ онъ

рекомендовалъ: 1) сосредоточить въ сибирскомъ комитетѣ только дѣла, превышающія власть министровъ, какъ законодательныя, такъ и исполнительныя, и 2) относительно порядка сношеній опредѣлить, что всѣ сношенія сибирскаго комитета съ мѣстными властями производятся при посредствѣ соотвѣтствующихъ министерствъ.

Эти предположенія были приняты указомъ 17 апрѣля 1852 г. съ однимъ незначительнымъ измѣненіемъ: на министровъ возложена обязанность доставлять въ сибирскій комитетъ *свѣдѣнія* и по дѣламъ, непревышающимъ ихъ власти, для установленія единства дѣйствія. Комитетъ составленъ изъ предсѣдателя и 8 членовъ; въ числѣ ихъ были предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта, министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи, шефъ жандармовъ и генералъ-адъютантъ Анненковъ. Въ одинъ день съ изданіемъ указа объ учрежденіи сибирскаго комитета состоялся указъ о предоставленіи ему права, безъ доклада Государю, разрѣшать маловажныя дѣла, подобно комитету министровъ, и всѣмъ министерствамъ предписано доставить въ комитетъ всѣ необходимыя по Сибири свѣдѣнія.

Но уже та невнимательность, съ которою министры отнеслись къ этой послѣдней, возложенной на нихъ обязанности, была дурнымъ предзнаменованіемъ для новаго учрежденія [85]). Предзнаменованіе это оказалось правильнымъ: второй сибирскій комитетъ не оправдалъ ожиданій высшаго правительства, и дѣятельность его прошла почти безъ слѣда.

Въ учрежденіи его допущена огромная ошибка, которую успѣла избѣжать практика комитета Сперанскаго. Отдаленное положеніе Сибири требовало предоставленія мѣстнымъ органамъ управленія большей власти, чѣмъ въ Имперіи; требовало, съ другой стороны, образованія такого центральнаго учрежденія, которое, не уничтожая самостоятельности мѣстныхъ властей, въ тоже время было бы достаточно сильно и цѣльно для того, чтобы направлять дѣйствія мѣстныхъ властей къ одному общему знаменателю. Въ 1852 г. мѣстные органы остались подчиненными

---

[85]) О числѣ каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибири министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были въ 1872 г. доставлены свѣдѣнія, крайне разнорѣчивыя; прочія министерства не дали никакихъ отвѣтовъ; въ 1857 г. комитетъ вынужденъ былъ напомнить министрамъ объ ихъ обязанности, и всетаки отвѣты были получены только отъ министра иностранныхъ дѣлъ и шефа жандармовъ.

множеству отдѣльныхъ министерствъ, представители которыхъ хотя и участвовали, на правахъ членовъ, въ сибирскомъ комитетѣ, но комитетъ по отношенію къ этимъ министрамъ не имѣлъ никакой власти и очутился къ нимъ въ томъ же положеніи, въ какомъ уставы 1822 г. поставили экспедиціи о ссыльныхъ къ казеннымъ палатамъ. Это связало ему руки и поставило его дѣятельность въ полную зависимость отъ министерствъ, которыя вносили сюда лишь тѣ вопросы, какіе желали.

Съ другой стороны, производство сибирскаго комитета, который не могъ сноситься съ сибирскими властями непосредственно, было очень медленное. Вотъ два поразительные примѣра. Въ іюнѣ 1849 г., въ с. Готопутовскомъ, произошелъ пожаръ; нѣсколько человѣкъ ссыльно-каторжныхъ, съ опасностью жизни, дѣятельно помогали тушенію его, почему мѣстныя начальства нашли необходимымъ ходатайствовать объ облегченіи ихъ участи; ходатайство это дошло до сибирскаго комитета только въ мартѣ 1854 г. и разрѣшено годъ спустя; подобное же ходатайство мѣстныхъ властей о смягченіи наказанія каторжнымъ, участвовавшимъ въ потушеніи пожара въ дер. Колтаѣ, который произошелъ въ 1847 г., поступило въ комитетъ въ сентябрѣ 1853 г. и разрѣшено имъ только въ іюнѣ 1860 года.

Между тѣмъ какъ комитетъ гр. Сперанскаго, при принятіи дѣла къ своему разсмотрѣнію и при разрѣшеніи его, руководился существомъ самаго дѣла, сибирскій комитетъ 1852 г. обращалъ преимущественное вниманіе на его формальную, канцелярскую сторону. Вотъ любопытный примѣръ для сравненія. Въ 1830 г. гр. Бенкендорфъ переслалъ къ гр. Сперанскому цѣлый рядъ записокъ неизвѣстнаго лица, случайно къ нему попавшихъ, гдѣ указывались различныя недостатки сибирскаго управленія и ссыльнаго устройства. Не смотря даже на рѣзкій тонъ ихъ относительно новыхъ порядковъ, введенныхъ съ 1822 г., и на восхваленіе ими Трескина и Лоскутова, эти записки анонимнаго автора (или авторовъ) были внесены гр. Сперанскимъ въ сибирскій комитетъ, разсмотрѣны имъ по внимательномъ сношеніи съ мѣстными начальствами и даже повели къ измѣненію политики относительно цеха слугъ, къ увеличенію числа смотрителей поселеній въ Томской губ. и къ нѣкоторымъ другимъ мѣрамъ для лучшаго устройства ссыльныхъ [86]). Иначе поступалъ второй си-

[86]) Арх. сиб. ком. 1830 — 1833 г., отдѣл. VII; № 33.

бирскій комитетъ. Въ 1856 г. тит. сов. Похилевичъ, кіевлянинъ, за полной своей подписью, представилъ сюда подробный проектъ по вопросу „о средствахъ умножить народонаселеніе Сибири безъ обремененія государства". Канцелярія комитета возвратила ему этотъ проектъ на томъ единственно основаніи, что комитетъ не призванъ разсматривать предположенія частныхъ лицъ, а только предположенія, вносимыя министрами; списокъ съ проекта былъ, однако, снятъ, пришитъ къ надлежащему мѣсту, чѣмъ дѣло и кончилось [87]). Этотъ канцелярскій характеръ дѣятельности рѣзко отличаетъ второй комитетъ отъ перваго.

Онъ существовалъ почти столько же времени, какъ и комитетъ графа Сперанскаго, но въ исторіи ссылки дѣятельность его несравненно менѣе замѣтна. Между тѣмъ, незадолго передъ учрежденіемъ его издано было уложеніе о наказаніяхъ, которое въ корнѣ измѣнило прежніе взгляды законодательства на ссылку, такъ что въ это время ей нуженъ былъ единый сильный руководитель на столько же, на сколько и при введеніи уставовъ 1822 г. Вся дѣятельная работа оставалась за министерствами, комитетъ служилъ только мѣстомъ отписокъ по множеству мелкихъ текущихъ вопросовъ, напр. для разсмотрѣнія просьбъ о помилованіяхъ, о дозволеніи воротиться на родину, или представленій, весьма многочисленныхъ за это время, о дозволеніи принимать ссыльныхъ на государственную службу (преимущественно въ должности смотрителей тюремъ), о несчитаніи прежней судимости препятствіемъ къ полученію чиновъ и т. под. Единственный крупный вопросъ о ссылкѣ, внесенный въ сибирскій комитетъ въ 1858 г., былъ вопросъ о дозволеніи ссыльнопоселенцамъ пріобрѣтать недвижимое имущество; но и онъ къ 1864 г. оставался неразрѣшеннымъ.

Трудно сказать что либо лучшее объ этомъ бюрократическомъ учрежденіи, которое въ 1856 г. похоронило предположенія объ открытіи сибирскаго университета, а въ 1857 г., подъ предлогомъ сибирскихъ интересовъ, отклонило предложеніе Коллинса о постройкѣ желѣзной дороги отъ Иркутска до Читы. Въ декабрѣ 1864 г., оно присоединено къ комитету министровъ.

---

[87]) Арх. сиб. ком. 1860 г. № 73.

VI.

Правительственныя предположенія о реформѣ управленія ссылки.

Ревизія 1819 — 1820 годовъ создала сибирское учрежденіе. Ревизія, произведенная въ 1851 г. ген.-адъют. Анненковымъ, указала главнѣйшіе существенные его недостатки и потребовала пересмотра прежняго законодательства о ссылкѣ въ полномъ объемѣ. Формулированіе новаго порядка организаціи сдѣлано было впервые гр. Д. Н. Блудовымъ.

Ген.-адъют. Анненковъ, послѣ произведенной имъ ревизіи, нарисовалъ картину быта ссыльныхъ самыми мрачными красками. Онъ находилъ, между прочимъ, что мѣстныя власти для разрѣшенія ссыльнаго вопроса совершенно безсильны. Записки его, по Высочайшему повелѣнію, внесены были въ сибирскій комитетъ, а затѣмъ переданы со всѣми отзывами на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Предлагая заключеніе, въ качествѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, о различныхъ предположеніяхъ по этому дѣлу и начертавъ правила распредѣленія и водворенія ссыльныхъ, которыя стали затѣмъ закономъ 18 мая 1859 г., гр. Блудовъ въ представленіи своемъ государственному совѣту прибавилъ, что правила эти не принесутъ почти никакой ожидаемой отъ нихъ пользы, если не будетъ обращено вниманія не два предмета: на средства личныя, т. е. на управленіе, и на средства денежныя для приведенія ихъ въ исполненіе. Главнѣйшую причину неустройства нашей тюрьмы и ссылки онъ видѣлъ въ отсутствіи правильнаго тюремнаго управленія. Проведя паралель между западными пенитенціаристами, преданными исключительно своему дѣлу, знающими и любящими его, и нашими органами тюремнаго и ссыльнаго управленія, частью обремененными другими многочисленными занятіями, частью состоящими изъ невѣжественныхъ тюремщиковъ, онъ продолжаетъ [88]): „по мнѣнію моему, высшее завѣдываніе ссыльными въ Сибири, какъ отрасль, требующую спеціальнаго вниманія и изученія, должно бы отдѣлить отъ прочихъ общихъ дѣлъ мѣстной администраціи и поручить, подъ главнымъ наблю-

[88]) Арх. Гос. Сов. 1859 г. № 24 л. 171 оборотъ.

деніемъ генералъ-губернаторовъ, особымъ лицамъ, собственно къ сему предназначеннымъ и не имѣющимъ иныхъ не относящихся къ сей цѣли обязанностей. На нихъ слѣдовало бы возложить какъ ближайшую отвѣтственность и непосредственное личное участіе въ выполненіи наиболѣе важныхъ распоряженій правительства относительно ссыльныхъ, каковы напр. учрежденіе рабочихъ ротъ или командъ, устройство новыхъ казенныхъ селеній и т. под., такъ и самое изысканіе средствъ, представляющихся въ семъ краѣ къ занятію преступниковъ трудомъ и содержанію ихъ въ порядкѣ, требуемомъ строгостью судебныхъ приговоровъ, предложеніе нужныхъ въ семъ отношеніи новыхъ мѣръ и измѣненій въ дѣйствующихъ правилахъ, а также надзоръ за дѣйствіями низшихъ начальствъ надъ ссыльными и *вообще все главное направленіе сей части*. Такія лица, исключительно предназначенныя для дѣлъ о ссыльныхъ, были бы, по мнѣнію моему, еще полезны и тѣмъ, что они ближайшимъ образомъ познакомили бы насъ съ положеніемъ этихъ людей въ Сибири, которое до сего времени вообще мало изучено, чему должно приписать главнымъ образомъ и самую шаткость и разнообразіе мнѣній о необходимыхъ по сей части улучшеніяхъ".

Государственный совѣтъ одобрилъ въ принципѣ эту мысль, но нашелъ, что „какъ предположенія главноуправляющаго II отдѣленіемъ по сему предмету сопряжены съ увеличеніемъ расходовъ казны, къ чему нельзя приступить безъ предварительнаго сношенія съ министромъ финансовъ, и не были въ виду министра внутреннихъ дѣлъ, въ главномъ вѣдѣніи котораго состоятъ ссыльные и которому генералъ-губернаторъ западной Сибири, съ своей стороны, представилъ также предположенія объ усиленіи управленія ссыльными, то государственный совѣтъ, не приступая къ окончательному обсужденію тѣхъ предположеній, положилъ: предоставить главноуправляющему II отдѣленіемъ войти по онымъ въ надлежащія сношенія съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и главными начальствами Сибири, и затѣмъ внести дѣло сіе, по принадлежности, на разсмотрѣніе сибирскаго комитета". [89]).

Во исполненіе этого порученія, гр. Блудовъ завязалъ сношенія съ вѣдомствами, которыя ему были указаны. Въ бумагахъ, адресованныхъ къ главнымъ начальствамъ Сибири, онъ точнѣе

[89]) Арх. Гос. Совѣта 1859 г. № 24.

выразилъ свою мысль о предполагаемыхъ имъ новыхъ органахъ управленія ссылки, примкнувъ, и по принятому для нихъ названію, и по существу обязанностей, которыя предполагалось на нихъ возложить, къ проекту генералъ-губернатора западной Сибири Гасфорта, который у него уже былъ въ рукахъ [90]). На первый разъ, гр. Блудовъ полагалъ опредѣлить для дѣлъ о ссыльныхъ въ каждое главное управленіе Сибири по одному чиновнику, назвавъ ихъ главными инспекторами или попечителями надъ ссыльными и сравнивъ въ званіи и правахъ съ членами совѣтовъ главныхъ управленій, подобно тому, какъ уже состоятъ при этихъ совѣтахъ особые члены по предметамъ государственныхъ имуществъ, а въ восточной Сибири, кромѣ того, и по дѣламъ горнымъ, монетнымъ, солянымъ и дорожнымъ. Обязанности этихъ чиновниковъ, по мнѣнію гр. Блудова, должны быть подробно опредѣлены инструкціями. Имъ въ особенности надо внушить, что они назначаются не какъ исполнители существующихъ правилъ, для чего есть другія начальства, но, если можно такъ выразиться, какъ организаторы и преобразователи поручаемой имъ части: что имъ, поэтому, не слѣдуетъ входить въ подробности мѣстнаго управленія ссыльными, удерживая за собою лишь общій за ними надзоръ, высшее руководство ихъ дѣйствіями и ходатайство предъ правительствомъ о нужныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ и законахъ. Они должны быть въ полномъ подчиненіи какъ министерству внутреннихъ дѣлъ, такъ и главнымъ управленіямъ Сибири. Отношенія же ихъ къ начальствамъ губернскимъ и низшимъ должны быть подробно и точно опредѣлены инструкціею, для того, чтобы недостатокъ ясныхъ и опредѣленныхъ правилъ не произвелъ впослѣдствіи столкновеній и недоразумѣній.

Эти предположенія гр. Блудова имѣютъ сходство съ мыслями, высказанными еще ранѣе генералъ-губернаторомъ западной Сибири Гасфортомъ; однако, онѣ не составляютъ простаго ихъ повторенія. Ген.-губ. Гасфортъ вполнѣ соглашался съ замѣчаніемъ ген.-ад. Анненкова о безсиліи власти въ Сибири для устройства ссыльныхъ. Заботы объ этомъ онъ предполагалъ возложить на особо назначенныхъ для того лицъ, въ видѣ главныхъ инспекторовъ и попечителей надъ ссыльными. Имъ

---

[90]) Дальнѣйшія свѣдѣнія почерпнуты нами изъ двухъ дѣлъ архива Госуд. Совѣта, а именно: 1864 г. № 41 и 1869 г. № 2.

предполагалось поручить изысканіе средствъ къ лучшему водворенію ссыльныхъ, употребленію ихъ въ общественныя работы и моральному ихъ возрожденію. По мнѣнію ген.-губ. Гасфорта можно надѣятся, что ими, какъ несвязанными никакими другими обязанностями кромѣ управленія ссыльныхъ, будутъ собраны вполнѣ положительныя свѣдѣнія, необходимыя для прочнаго устройства ссылки. Въ подчиненіи имъ должны находиться помощники и представители ихъ въ окружныхъ правленіяхъ, а при каждомъ волостномъ правленіи необходимо имѣть особаго поселенческаго старосту на правахъ засѣдателя, изъ ссыльнопоселенцевъ. Въ тоже время экспедиціи о ссыльныхъ должны сохраниться, съ увеличеніемъ ихъ штатовъ. Цифру всѣхъ дополнительныхъ расходовъ на новое управленіе по западной Сибири ген. Гасфортъ опредѣлялъ въ 6700 руб. Онъ находилъ крайне необходимымъ усиленіе особыхъ органовъ, непосредственно завѣдывающихъ ссыльными, подвергая суровому критическому разбору порядокъ, установленный по представленію его предмѣстника кн. Горчакова закономъ 12 іюня 1840 г., который упразднилъ ревизоровъ и смотрителей поселеній и подчинилъ ссыльныхъ непосредственно полиціи. „При недостаткѣ средствъ и разстроенномъ состояніи вообще полицейскихъ мѣстъ въ здѣшнемъ краѣ, мѣра эта, по мнѣнію г. ин. Гасфорта, „повела неизбѣжно къ ослабленію, или лучше сказать, къ уничтоженію надзора надъ ссыльнопоселенцами, чему можетъ служить разительнымъ доказательствомъ сравненіе успѣха въ сборѣ податей при содѣйствіи смотрителей и безъ участія ихъ.“ Поэтому, возстановляя смотрителей поселенцевъ и назначая въ каждое волостное правленіе особаго поселенческаго старосту изъ ссыльныхъ, онъ полагалъ еще въ помощь деревенскимъ старостамъ дать особыхъ выборныхъ, для содѣйствія имъ по надзору за поселенцами въ полицейскомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ особый комитетъ по нерчинскимъ заводамъ, образованный при министерствѣ двора въ 1858 г., нашелъ, что ссыльнокаторжные становятся въ тяжесть заводамъ и не окупаютъ расходовъ, которые несетъ на нихъ кабинетъ, приблизительно на 45 т. руб. ежегодно. Вслѣдствіе этого комитетъ требовалъ, чтобъ въ распоряженіе заводскаго начальства были передаваемы только тѣ ссыльнокаторжные, которые въ состояніи исполнять заводскія работы. Это заключеніе Высочайше утверждено 15 Марта 1859 года. Во исполненіе такого распоряженія, генералъ-

губернаторъ восточной Сибири гр. Муравьевъ-Амурскій полагалъ нужнымъ немедленно изъять всѣхъ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ вѣдѣнія горнаго начальства, передать ихъ, на государственный счетъ, въ отдѣльное управленіе, подъ главнымъ начальствомъ военнаго губернатора забайкальской области, и отпускать ихъ на работы по требованіямъ горнаго начальства съ выдачею опредѣленной платы за трудъ. По Высочайшемъ одобреніи такой мысли, гр. Муравьеву-Амурскому въ маѣ 1859 г. поручено было составить проектъ положенія по этому предмету.

Послѣ этаго гр. Муравьевъ-Амурскій, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, въ засѣданіи сибирскаго комитета 16 мая 1860 г., объяснилъ, что вопросъ о передачѣ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ горнаго вѣдомства въ гражданское тѣсно связанъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ управленіи всѣми вообще ссыльными, находящимися въ восточной Сибири, и что потому онъ, съ своей стороны, признаетъ существенно необходимымъ приступить предварительно къ составленію проекта положенія объ управленіи ссыльными ввѣренной ему части Сибири вообще. Комитетъ согласился съ заявленіемъ генералъ-губернатора, и Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1860 г. журналомъ его, графу Муравьеву-Амурскому предоставлено составить полный проектъ положенія объ управленіи ссыльными въ Сибири, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ проектъ были включены и правила о порядкѣ передачи ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ горнаго вѣдомства въ гражданское.

Первоначально разсмотрѣніе этого проекта предполагалось въ сибирскомъ комитетѣ, причемъ предписано, совмѣстно съ записками гр. Муравьева-Амурскаго, разсмотрѣть также предположенія ген.-губ. Гасфорта, истребовавъ заключенія отъ соотвѣтствующихъ министерствъ. Затѣмъ, по докладу ст.-с. Буткова, велѣно было разсмотрѣть это дѣло въ государственномъ совѣтѣ, пригласивъ въ засѣданія его сибирскій комитетъ въ полномъ составѣ.

Предположенія генералъ-губернатора западной сибири Гасфорта объ управленіи ссыльными, еще въ 1859 г. представленныя имъ министру внутреннихъ дѣлъ, приведены выше. Что касается предположеній гр. Муравьева-Амурскаго, то онѣ состояли изъ двухъ проектовъ: во 1-хъ, проекта положенія объ управленіи ссыльными въ восточной Сибири и о порядкѣ употребленія тамъ ссыльнокаторжныхъ въ работы, и во 2-хъ, особаго проекта правилъ о новомъ порядкѣ распредѣленія ссыльныхъ, составленнаго съ цѣлью

изъять изъ вѣдѣнія тобольскаго приказа тѣхъ ссыльныхъ, которые слѣдуютъ въ восточную Сибирь по требованію самого закона.

По вопросу объ управленіи ссыльными, проектъ гр. Муравьева-Амурскаго во многихъ существенныхъ чертахъ отличался отъ предположеній его товарища по управленію Сибирью. Экспедиціи о ссыльныхъ онъ находилъ совершенно излишними и предлагалъ ихъ уничтожить. Главнѣйшая обязанность экспедицій — распредѣленіе ссыльныхъ, — по замѣчанію его, не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ родъ работъ и большая или меньшая отдаленность мѣста водворенія зависятъ или отъ положительныхъ опредѣленій законодательства, которыя экспедиціи измѣнять не вправѣ, или отъ видовъ главнаго управленія по отношенію къ заселенію края. Препровожденіе арестантовъ не требуетъ особаго установленія: этимъ дѣломъ во внутреннихъ губерніяхъ и въ двухъ сибирскихъ областяхъ безъ всякихъ затрудненій завѣдываютъ губернскія правленія. Хозяйственныя заготовленія могутъ быть производимы губернскими и областными совѣтами или особыми чиновниками, на правахъ коммисіонеровъ. Переписка о ссыльныхъ и составленіе разнообразныхъ списковъ не требуетъ особаго установленія. По этимъ соображеніямъ, функціи экспедицій гр. Муравьевъ-Амурскій распредѣлялъ между губернскими и областными совѣтами, совмѣстно съ проектированнымъ институтомъ инспекторовъ.

Общее управленіе ссыльными предполагалось раздѣлить на три степени: главное, губернское и мѣстное.

Главное начальство всѣми ссыльными оставлялось въ рукахъ генералъ-губернатора, права и обязанности котораго очерчены широко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно опредѣлительно указывали задачу, разрѣшеніе которой ожидало отъ него высшее правительство. На него возлагалось особенное попеченіе и принятіе всѣхъ мѣръ къ точному исполненію законовъ, чтобы не было оказываемо ссыльнымъ послабленія и потворства, или же излишнихъ и безполезныхъ отягощеній, и чтобы ссылка достигала своей цѣли, исправляя ссыльныхъ и пріучая ихъ къ осѣдлости и домообзаводству. Въ этихъ видахъ генералъ-губернаторъ, не стѣсняя мѣстныя управленія, снабжаетъ ихъ надлежащими наставленіями и инструкціями, разрѣшаетъ возникающія сомнѣнія своею властью, или съ разрѣшенія высшихъ учрежденій, избираетъ и утверждаетъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія ссыльными, пресѣкаетъ безпорядки и злоупотребленія, изыскиваетъ и предписываетъ все, что можетъ способство-

вать къ упроченію и улучшенію быта ссыльныхъ, получаетъ отъ подчиненныхъ начальствъ свѣдѣнія о положеніи ссыльныхъ и представляетъ ежегодно всеподданнѣйшіе отчеты о состояніи ссыльныхъ, съ соображеніями о мѣрахъ къ лучшему устройству ихъ быта. Органы, посредствомъ которыхъ генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ ссылкѣ, суть начальники губерній и областей и особый чиновникъ, назначаемый при немъ подъ названіемъ главнаго инспектора, съ правами члена совѣта главнаго управленія. Цѣль учрежденія послѣдней должности, по объясненію гр. Муравьева-Амурскаго, состояла въ томъ, чтобы спеціализировать управленіе ссыльными; но онъ находилъ излишнимъ опредѣлять въ законѣ функціи главнаго инспектора, предоставляя это генералъ-губернаторской инструкціи и указывая нѣкоторыя обязанности его (доклады генералъ-губернатору, главное завѣдываніе перепиской о ссыльныхъ, распредѣленіе ссыльныхъ, инспектированіе ихъ быта, контроль надъ инспекторами, начертаніе, по совѣщаніи съ инспекторами, предположеній объ устройствѣ ссыльныхъ) лишь въ видѣ примѣровъ. Главному инспектору предполагалось предоставить право непосредственныхъ сношеній съ начальниками губерній и областей и при немъ полагалась особая канцелярія (VIII отдѣленіе совѣта главнаго управленія).

Губернское управленіе ссыльныхъ предполагалось оставить въ подчиненіи начальниковъ губерній и областей; лично при губернаторахъ, собственно для содѣйствія имъ при надзорѣ за точнымъ и повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ и распоряженій высшаго начальства относительно ссыльныхъ, предполагалось учредить инспекторовъ, по одному въ губ. Енисейской, Иркутской и въ Якутской области и двухъ въ Забайкальской области. Права и степень ихъ власти, завися отъ личнаго довѣрія къ нимъ губернатора, должны быть опредѣлены закономъ только въ общихъ чертахъ. Такъ, на нихъ предполагалось возложить завѣдываніе перепиской губернатора по устройству ссыльныхъ; производство обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ инспекцій заведеній, гдѣ работаютъ ссыльные, съ правомъ разрѣшать мѣстныя сомнѣнія не допуская продолжительной переписки и съ обязанностью представлять о результатахъ ревизіи отчеты губернатору и главному инспектору; свидѣтельствовать ссыльныхъ въ состояніи здоровья; производить, по особымъ порученіямъ губернатора, важнѣйшія уголовныя или уголовно-административныя слѣдствія; наблюдать за правильностью передвиженія арестантовъ по этапамъ,

осматривая какъ можно чаще этапныя помѣщенія, опрашивая арестантовъ, повѣряя ихъ документы, свидѣтельствуя ихъ одежду и т. под.; на правахъ директоровъ управлять тюрьмами, предназначенными исключительно для каторжныхъ, и инспектировать общія тюрьмы въ отношеніи къ содержанію въ нихъ ссыльныхъ; вести всѣ статистическія и справочныя свѣдѣнія о ссыльныхъ; участвовать въ губернскомъ правленіи и губернскомъ совѣтѣ при обсужденіи всѣхъ вопросовъ о ссыльныхъ; быть прямымъ защитникомъ и ходатаемъ ссыльныхъ, пользуясь въ этомъ отношеніи правами, предоставленными губернскимъ прокурорамъ по отношенію къ людямъ, отыскивавшимъ свободу. По званію своему, инспекторъ состоитъ членомъ мѣстнаго тюремнаго и статистическаго комитетовъ.

Для нерчинскаго округа, на всемъ пространствѣ котораго разбросано значительное число ссыльныхъ, гр. Муравьевъ-Амурскій признавалъ необходимымъ создать управленіе особенно твердое, самостоятельное, облеченное полнымъ довѣріемъ, по возможности свободное отъ бюрократическихъ и коллегіальныхъ формъ, въ лицѣ котораго сосредоточены были бы и власть собственно тюремная, для всего безъ исключенія округа, и полицейская, для лицъ всѣхъ сословій, проживающихъ на карійскихъ промыслахъ, и власть надъ воинскою стражею. Поэтому въ лицѣ инспектора нерчинскаго округа предполагалось сосредоточить не только власть инспекторскую надъ ссыльными, но все управленіе ими въ отношеніи полицейскомъ и хозяйственномъ, за исключеніемъ только суда, который, по распоряженію губернатора, будетъ поручаться или гражданскимъ, или военнымъ судебнымъ мѣстамъ; кромѣ того, ему же поручалась полицейская власть надъ всѣмъ округомъ карійскихъ промысловъ, на правахъ исправника или коменданта, и главное начальствованіе (но не непосредственное завѣдываніе) мѣстнымъ сводннмъ баталіономъ. Инспекторъ нерчинскаго округа долженъ быть назначаемъ по преимуществу изъ военныхъ чиновъ. Въ помощь ему даются: для управленія каторжныхъ тюремъ — тюремные смотрители, а по прочимъ частямъ управленія — чиновники особыхъ порученій, дѣйствующіе на тѣхъ же правахъ, какъ такіе же чиновники при губернаторахъ. Инспектору нерчинскаго округа подчиняется баталіонный командиръ. Инспекторъ управляетъ ввѣренною ему частью подъ своею личною отвѣтственностью; для обсужденія нѣкоторыхъ полицейскихъ вопросовъ предполагалось окружить его

совѣтомъ, состоящимъ, подъ его предсѣдательствомъ, изъ баталіоннаго командира, старшаго тюремнаго смотрителя и одного изъ мѣстныхъ благочинныхъ; въ случаяхъ важнѣйшихъ, инспекторъ обязывался испрашивать разрѣшеніе генералъ-губернатора.

Наконецъ мѣстное управленіе ссыльными, по мысли гр. Муравьева-Амурскаго, должно-было имѣть три вида, сообразно способу водворенія ссыльныхъ. На заводахъ и золотыхъ промыслахъ каторжные, содержимые въ особыхъ острогахъ, должны были находиться въ завѣдываніи особаго тюремнаго управленія; живущіе въ акатуевской богадѣльнѣ—въ завѣдываніи инспектора и мѣстной полиціи; съ переходомъ же въ разрядъ поселенцевъ, ссыльные разныхъ наименованій должны были подчиняться власти мѣстныхъ начальствъ, а именно: живущіе въ городахъ—полицмейстеровъ и городничихъ, живущіе въ округахъ — земскихъ судовъ, участковыхъ засѣдателей, волостныхъ правленій и сельскихъ начальниковъ; инспекторы сохраняютъ надъ ними единственно право попечительства и надзора. Въ нерчинскомъ округѣ, мѣстное тюремное управленіе, подъ начальствомъ инспектора, должно было принадлежать смотрителямъ, приставникамъ и избираемымъ изъ каторжныхъ старостамъ; всѣмъ имъ предполагалось назначить увеличенное содержаніе.

Стоимость новаго управленія по восточной Сибири, на основаніи приложенныхъ штатовъ, исчислена была гр. Муравьевымъ-Амурскимъ въ 36,450 р. ежегодно. Эту цифру предполагалось дополнить суммою до 5 т. р., которая должна была находиться въ распоряженіи генералъ-губернатора для поощренія служащихъ и особенно для возвышенія окладовъ священнослужителей, „въ виду необходимости дать въ системѣ тюремнаго заключенія наиболѣе простора духовному элементу, могущему болѣе всего способствовать въ дѣлѣ нравственнаго исправленія преступниковъ“.

Затѣмъ, полицейская и хозяйственная власть горнаго вѣдомства по отношенію къ ссыльнымъ должна была прекратиться, а отношенія, вытекавшія изъ производства ссыльными работъ, по заказамъ горнаго начальства, опредѣлялись особо проектированными правилами.

Второй рядъ предположеній, внесенныхъ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, состоялъ въ изъятіи ссыльныхъ, слѣдующихъ въ восточную Сибирь, изъ вѣдѣнія тобольскаго приказа. Присутствен-

ныя мѣста Имперіи, назначая ссылку въ восточную Сибирь, [91]) должны были посылать именные списки, вмѣсто приказа, въ главное управленіе восточной Сибири, къ которому переходили всѣ права приказа. Этою мѣрою предполагалось достигнуть большаго единства въ организаціи управленія ссылки, но и проэктъ гр. Муравьева-Амурскаго не избѣжалъ особаго учрежденія для ссыльныхъ, предназначаемыхъ въ Сибирь восточную, въ предѣлахъ западной Сибири какъ и приказъ, вслѣдствіе того, что могла представиться необходимость въ измѣненіи первоначальнаго назначенія, сдѣланнаго въ Имперіи; такъ напр. приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, но не способныхъ къ нимъ, онъ желалъ оставлять въ Сибири западной; излишекъ ссыльно-поселенцевъ, оказывавшійся въ западной Сибири, предполагался для Сибири восточной. Поэтому, для дѣйствительнаго распредѣленія ссыльныхъ между Сибирью западной и восточной, по освидѣтельствованіи ихъ, и для направленія ссыльныхъ партій по сибирскимъ трактамъ со всѣми установленными закономъ формальностями, гр. Муравьевъ-Амурскій предлагалъ, отдѣльно и независимо отъ тобольскаго приказа, учредить въ Тюмени *особое присутствіе* изъ городничаго, начальника инвалидной команды, окружнаго стряпчаго и окружнаго врача. Предположеніе это подкрѣплялось тѣмъ доводомъ, что ссыльныхъ, слѣдующихъ въ восточную Сибирь, для сбереженія пространства, предполагалось направлять изъ Тюмени прямо на Томскъ, минуя Тобольскъ. По полученіи отъ тюменскаго присутствія свѣдѣній о направленныхъ въ восточную Сибирь ссыльныхъ партіяхъ, главное управленіе должно было немедленно распредѣлить ихъ по губерніямъ и областямъ и распорядиться сношеніемъ съ ачинскимъ городничимъ, чтобъ ссыльные, назначенные для Енисейской губ., были своевременно останавливаемы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. Валуевъ, согласно Высочайшему повелѣнію, передалъ эти предположенія на предварительное разсмотрѣніе различныхъ вѣдомствъ; ихъ отзывы о новой организаціи ссыльнаго управленія состояли въ слѣдующемъ.

---

[91]) Сюда, на основаніи закона 1859 г. и новыхъ предположеній, должны были слѣдовать: каторжные I и III разрядовъ, за исключеніемъ дряхлыхъ; ссыльно-поселенцы, назначаемые въ восточную Сибирь,—и избытокъ отъ ссыльно-поселенцевъ западной Сибири; сосланные на житье въ восточную Сибирь, а также изъявившіе на то желаніе; водворяемые рабочіе, присужденные къ арестантскимъ ротамъ на срокъ болѣе 8 лѣтъ; ссылаемые по приговорамъ обществъ, отказавшихся принять ихъ по освобожденіи изъ арестантскихъ ротъ; всѣ преступники изъ жителей Сибири, осуждаемые на каторгу, на поселеніе, на житье и на водвореніе.

Главное управленіе западной Сибири (генералъ-губернаторъ Гасфортъ) учрежденіе въ Тюмени особаго присутствія находило неудобнымъ и несообразнымъ съ общимъ порядкомъ управленія ссыльными. Каждый изъ членовъ этого предполагаемаго присутствія, замѣчало оно, и безъ того обремененъ обязанностями, непосредственно на немъ лежащими. Учрежденіемъ такого присутствія должна образоваться особая инстанція, въ которой нѣтъ надобности, такъ какъ: а) въ случаѣ сомнѣнія въ распредѣленіи, проектомъ гр. Муравьева-Амурскаго на присутствіе возлагается входить съ представленіемъ въ Тобольскій приказъ, къ обязанности котораго отнесена также повѣрка дѣйствій тюменскаго присутствія, и б) измѣненіе тракта въ близкомъ будущемъ нельзя предвидѣть, по значительности расходовъ на сооруженіе новыхъ этапныхъ помѣщеній; слѣд. партіи будутъ по прежнему направляемы на Тобольскъ, гдѣ есть врачебная управа, близкій надзоръ губернскаго прокурора и губернатора и гдѣ, потому, гораздо правильнѣе удержать освидѣтельствованіе и распредѣленіе ссыльныхъ.

Министръ финансовъ находилъ невозможнымъ ассигновать изъ казны около $22^1/_2$ тыс. руб. ежегодно на увеличеніе штата ссыльнаго управленія, въ виду Высочайше утвержденнаго 30 января 1861 г. положенія комитета министровъ, которымъ всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями вмѣнено въ обязанность принять неотлагательно рѣшительныя и коренныя мѣры къ уменьшенію расходовъ.

Главноуправляющій II Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи бар. Корфъ отозвался, что мысль объ учрежденіи главныхъ инспекторовъ ссыльныхъ, какъ предварительно одобренная государственнымъ совѣтомъ (въ 1859 г.) и единогласно принятая обоими генералъ-губернаторами, нынѣ уже не можетъ подлежать дальнѣйшему обсужденію и остается привести ее въ дѣйствіе. Что же касается остальнаго штата, то можетъ явиться вопросъ: одно размноженіе чиновниковъ, въ особенности при трудности находить благонадежныхъ людей въ далекой Сибири, поведетъ ли къ желаемымъ улучшеніямъ и не усилитъ-ли, напротивъ, безъ существенной пользы, ту бюрократическую переписку и тотъ бумажный формализмъ, которымъ мы и безъ того страдаемъ? Въ виду этой стороны дѣла бар. Корфъ полагалъ, если предположенные штаты будутъ утверждены, предоставить генералъ-губернаторамъ вводить ихъ не сразу, а постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной надобности и пріисканія надежныхъ людей. На-

ходя затѣмъ, что вопросъ правильнаго исполненія судебныхъ приговоровъ имѣетъ не только мѣстный, но общегосударственный интересъ, баронъ Корфъ высказалъ желаніе, чтобы лица, которымъ будетъ поручено направленіе этой части, особенно же высшія изъ нихъ, т. е. главные инспекторы, были не только мѣстными исполнителями мыслей и плановъ генералъ-губернаторовъ, дѣйствующими по ихъ инструкціямъ, но, состоя въ подчиненіи имъ, находились-бы въ нѣкоторыхъ прямыхъ отношеніяхъ и къ центральному управленію. Такъ напр. назначеніе ихъ должно дѣлаться не иначе, какъ по общему выбору генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ; они должны представлять свои отчеты тому и другому, доставлять непосредственно въ министерство нужныя свѣдѣнія, сообщать ему объ имѣющихся въ виду преобразованіяхъ и т. под. Для опредѣленія всѣхъ этихъ обязанностей, инструкція имъ должна быть дана по соглашенію генералъ-губернатора съ министерствомъ, и въ ней, между прочимъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду мысли гр. Блудова, что главные инспекторы, по крайней мѣрѣ на первое время, должны быть не столько исполнителями существующаго порядка, сколько организаторами, преобразователями ввѣряемой имъ части, а съ этою цѣлью важно не обременять ихъ множествомъ текущихъ обязанностей и не лишать возможности посвящать себя тѣмъ важнымъ и труднымъ дѣламъ, къ которымъ съ самаго изданія устава 1822 г. не было приступлено съ надлежащимъ вниманіемъ, тогда какъ безъ нихъ всѣ заботы правительства о ссыльныхъ не приведутъ къ желаемому результату. По вопросу объ учрежденіи тюменскаго присутствія бар. Корфъ отказался представить какія бы то ни было соображенія на томъ основаніи, что II Отдѣленію ничего неизвѣстно о неудобствахъ постановленій относительно распредѣленія ссыльныхъ тобольскимъ приказомъ.

Въ представленіи, внесенномъ 3 октября 1863 г. въ сибирскій комитетъ, министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. Валуевъ защищалъ для западной Сибири предположенія ген.-губ. Гасфорта, а для восточной, въ виду особыхъ мѣстныхъ ея условій, накопленія огромнаго числа тяжкихъ преступниковъ и необходимости дать здѣсь ссыльному управленію совершенно новую организацію вслѣдствіе предстоящаго прекращенія власти горнаго начальства, онъ принялъ предположенія гр. Муравьева, но съ нѣкоторыми существенными измѣненіями. Мысль объ учрежденіи особаго Тюменскаго присутствія онъ нашелъ не практичною, по

соображеніямъ, которыя были приведены въ журналѣ совѣта главнаго управленія западной Сибири; она, впрочемъ, не осталась безъ всякихъ послѣдствій; приказъ о ссыльныхъ нынѣ засѣдаетъ не въ Тобольскѣ, а въ Тюмени. Принимая, затѣмъ, безъ всякихъ обсужденій мысль объ образованіи должности главныхъ инспекторовъ, какъ одобренную уже государственнымъ совѣтомъ, ст.-секр. Валуевъ, согласно съ заключеніемъ бар. Корфа, нашелъ необходимымъ, чтобъ лица эти, состоя въ подчиненіи генералъ-губернаторамъ, въ тоже время находились въ прямыхъ отношеніяхъ къ центральному управленію, на томъ же основаніи, какъ члены совѣта главнаго управленія. Ихъ права и обязанности ближайшимъ образомъ должны быть опредѣлены въ инструкціи, которая должна быть дана по соглашенію генералъ-губернаторовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ этой инструкціи, по мнѣнію статсъ-секретаря Валуева, между прочимъ слѣдовало бы указать: 1) что главные инспектора, состоя въ подчиненіи генералъ-губернаторовъ, находятся въ прямыхъ отношеніяхъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, которому должны доставлять нужныя свѣдѣнія и сообщать свои мнѣнія объ имѣющихся въ виду преобразованіяхъ; 2) что они, по крайней мѣрѣ на первое время, должны быть не столько исполнителями существующаго порядка, для чего есть другія начальства, сколько организаторами - преобразователями ввѣряемой имъ части; 3) что главный инспекторъ вѣдаетъ всею перепиской о ссыльныхъ, восходящею до главнаго управленія, а по восточной Сибири—и распредѣленіемъ ссыльныхъ, и всѣми предметами, которые будутъ возложены на инспекторовъ. Инструкціи инспекторамъ губернскимъ и областнымъ, по мнѣнію ст.-секр. Валуева, также должны были быть составлены по соглашенію генералъ-губернаторовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; предположенія гр. Муравьева относительно инспектора нерчинскаго округа приняты безъ измѣненій. Но затѣмъ ст.-секр. Валуевъ, соглашаясь съ заключеніемъ бар. Корфа, находилъ ненужнымъ вводить особыя опредѣленія правъ и обязанностей генералъ-губернаторовъ, а также начальниковъ губерній и областей, относительно управленія ссыльныхъ: „повтореніе законовъ, изложенныхъ въ другихъ частяхъ свода, было бы излишнимъ обремененіемъ свода, а нравственныя предписанія не подлежатъ опредѣленію юридическому“. Вмѣсто всего предположеннаго гр. Муравьевымъ, ст.-секр. Валуевъ считалъ достаточнымъ сказать въ законѣ: „Высшее управленіе ссыльными всѣхъ разрядовъ сосредо-

точивается въ лицѣ генералъ-губернатора; онъ избираетъ и утверждаетъ, въ мѣрѣ власти, ему представленной, должностныхъ лицъ, снабжаетъ ихъ инструкціями непосредственно или по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и представляетъ ежегодно всеподданнѣйшіе отчеты съ своими соображеніями [92]). Въ губерніяхъ же и областяхъ надзоръ и попеченіе, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальниковъ губерній и областей, ввѣряется особымъ чиновникамъ, именуемымъ инспекторами ссыльныхъ. Ссыльно-каторжные въ нерчинскомъ округѣ управляются особеннымъ инспекторомъ; всѣ прочіе, содержащіеся въ тюрьмахъ, больницахъ и богадѣльняхъ,—смотрителями сихъ учрежденій; живущіе же свободно, внѣ остроговъ—мѣстными полиціями, волостными и сельскими начальствами". Экспедиціи о ссыльныхъ по восточной Сибири, согласно мнѣнію гр. Муравьева-Амурскаго, предполагалось упразднить. Наконецъ, ст.-секр. Валуевъ, согласно съ заключеніемъ барона Корфа, находилъ нужнымъ немедленно учредить только должности главныхъ инспекторовъ съ положеннымъ при нихъ штатомъ канцеляріи, а прочія части новаго управленія предоставить генералъ-губернаторамъ вводить постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной надобности и возможности.

Этому проекту не суждено было быть разсмотрѣннымъ. 5 ноября 1863 г., по особому Высочайшему повелѣнію, записка ст.-секр. Валуева передана была изъ сибирскаго комитета въ государственный совѣтъ, такъ какъ въ ней, кромѣ управленія, затрогивался вопросъ о способѣ отбытія наказанія каторжными работами. Между тѣмъ, 12 декабря того же года, новый генералъ-губернаторъ восточной Сибири ген.-лейт. Корсаковъ, письмомъ на имя государственнаго секретаря, просилъ пріостановиться докладомъ этого дѣла въ виду того, что ближайшее ознакомленіе командированнаго имъ штабъ-офицера съ нерчинскими заводами „*можетъ* указать на такія обстоятельства, которыя не были предусмотрѣны въ проектѣ гр. Муравьева-Амурскаго и *могутъ* потребовать измѣненія въономъ". Ходатайство это было уважено. Въ маѣ 1864 г. Корсаковъ сообщилъ, что въ нерчинскомъ округѣ имъ учреждено временное надъ ссыльными управленіе, собравшее матерьялы, указывающіе на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій

---

[92]) Ст. 107 представленія. Въ заключительной редакціи представленія (ст. 141) было означено, что генералъ-губернаторъ по дѣламъ ссыльныхъ дѣйствуетъ черезъ главнаго инспектора, который назначается по соглашенію его съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

въ проектѣ гр. Муравьева, который, по его мнѣнію, слѣдовало подвергнуть новому всестороннему разсмотрѣнію на мѣстѣ, дополнивъ и измѣнивъ на основаніи данныхъ, имѣющихъ быть представленными временнымъ управленіемъ ссыльныхъ. Департаментъ Законовъ журналомъ 1 іюля 1864 г. рѣшилъ выждать предположенія ген.-губ. Корсакова, возвративъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ внесенныя имъ бумаги.

Въ декабрѣ 1864 г. государственный секретарь получилъ отъ ген.-губ. Корсакова проекты объ управленіи ссыльными восточной Сибири и объ употребленіи въ работу ссыльно-каторжныхъ на золотыхъ промыслахъ нерчинскаго округа, съ утвержденнымъ имъ журналомъ совѣта главнаго управленія въ видѣ объяснительной записки. Совѣтъ на этотъ разъ уже находилъ, что „образованіе новаго управленія ссыльными на предположенныхъ въ проектѣ гр. Муравьева-Амурскаго основаніяхъ, представило бы на практикѣ много затрудненій и неудобствъ“ [93]).

Нельзя отказать въ критическомъ талантѣ и въ новой постановкѣ вопроса этому журналу [94]). Критическая сторона его, имѣющая своимъ предметомъ сперва дѣйствующее законодательство, затѣмъ предположенія гр. Муравьева и ст.-секр. Валуева, развившія мысли гр. Блудова, наиболѣе цѣнна. Относительно существующаго порядка управленія ссыльными совѣтъ замѣчаетъ, что оно „ни по составу своему, ни по характеру, нисколько не соотвѣтствуетъ своему назначенію“. Управленіе это въ высшей степени разрознено. На экспедиціи о ссыльныхъ, при весьма ограниченномъ штатѣ и зависимомъ положеніи, возложено было столь громадное дѣлопроизводство, что вся дѣятельность ихъ должна была обратиться къ канцелярскимъ занятіямъ. Смотрители и ревизоры поселеній, ни по оффиціальному положенію своему, ни по степени развитія, не могли принести существенной пользы классу людей, которыми они непосредственно завѣдывали. Въ тоже время, *отсутствіе* у экспедицій *всякой самостоятельности* и множество инстанцій, учрежденныхъ для разсмотрѣнія каждаго предположенія о ссыльныхъ, вели къ тому, что „еслибы даже какимъ либо чудомъ канцелярской энергіи и уда-

---

[93]) При прежнемъ мнѣніи, остался только д. с. с. Успенскій и товарищъ предсѣдателя иркутскаго суда т. с. Милютинъ, на котораго гр. Муравьевымъ возлагались нѣкоторыя работы по составленію проекта 1861 г.

[94]) Журн. Сов. Главн. Управ. вост. Сибири 22 ноября 1864 г. № 18, по IV отдѣленію.

лось экспедиціи удовлетворительно исполнять формальную часть своихъ обязанностей, и лице, завѣдывающее ею, получило бы возможность обратить вниманіе на существо порученнаго ему дѣла, то въ осуществленіи задуманныхъ имъ мѣръ встрѣтились бы затрудненія непреодолимыя, такъ какъ почти ни одна мѣра не могла быть задумана и осуществлена властью самой экспедиціи.“ Возлагать какія либо надежды по разрѣшенію вопросовъ ссылки на начальниковъ губерній также едва ли возможно. Этому прежде всего мѣшаетъ разнообразіе и сложность ихъ обязанностей; затѣмъ—меньшая степень власти, предоставленная имъ вслѣдствіе необходимаго сосредоточенія ея въ рукахъ генералъ-губернатора; наконецъ и то обстоятельство, что условія страны, въ особенности обширность ея и разбросанность населенія, затрудняютъ скорое ознакомленіе губернаторовъ съ потребностями края и нуждами ссыльныхъ, а, между тѣмъ, начальники губерній восточной Сибири перемѣняются черезъ весьма короткіе промежутки времени. Такъ напр. въ Забайкальской области, со времени учрежденія ея въ 1851 г. по 1864 г. перемѣнилось шесть губернаторовъ, въ иркутской губерніи въ послѣдніе 8 лѣтъ—4, не считая при этомъ значительныхъ перерывовъ между назначеніями губернаторовъ, когда оба эти края управлялись вице-губернаторами или соотвѣтствующими имъ предсѣдателями губернскаго правленія. При такомъ положеніи дѣлъ, не можетъ быть и рѣчи о какой либо серьезной *отвѣтственности* лицъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся ссыльные восточной Сибири, тѣмъ болѣе, что, кромѣ экспедицій и частью казенныхъ палатъ, ни одно мѣсто и лице не имѣетъ даже сколько нибудь точно опредѣленныхъ по этому предмету обязанностей. Экспедиціи же, отягощенныя обширною перепиской, могутъ подлежать отвѣтственности только за неисправность дѣлопроизводства и за отступленіе отъ установленныхъ формъ и обрядовъ, но отнюдь не за бездѣйствіе по устройству ссыльныхъ.

Таковы недостатки существующаго управленія ссыльныхъ. Инспекція въ смыслѣ гр. Блудова, инспекція преобразовательная, а не управительная, по замѣчанію совѣта, устранить ихъ не можетъ. И при настоящемъ положеніи вещей, генералъ-губернаторы имѣютъ подъ рукою лицъ, которыя могли бы составить весьма основательныя и раціональныя предположенія объ устройствѣ быта ссыльныхъ; но въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ практическомъ предпріятіи, успѣхъ зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ способа

исполненія, которое по необходимости было бы возложено на лицъ, непосредственно въ дѣлѣ не заинтересованныхъ. Кромѣ того, главный предметъ при устройствѣ ссыльныхъ все таки составляетъ не принятіе какихъ либо новыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ, а преимущественно наблюденіе за тѣмъ, чтобъ постановленныя правительствомъ общія мѣры относительно ссыльныхъ получали надлежащее примѣненіе.

Не могутъ устранить этихъ недостатковъ и предположенія графа Муравьева-Амурскаго. Отдѣленіе главнаго управленія (VIII-е), по мысли его, должно обнять всѣ экспедиціи о ссыльныхъ и равныя имъ мѣста восточной Сибири, унаслѣдовавъ отъ нихъ огромную переписку; это было бы что то похожее на одну общую экспедицію на всю восточную Сибирь, не имѣющую никакого самостоятельнаго значенія въ управленіи ссыльными, съ тою только разницею, что теперь экспедиціи о ссыльныхъ составляютъ отдѣленія губернскихъ правленій, а тогда—отдѣленіе главнаго управленія, въ которомъ должны будутъ производиться дѣла, вовсе не подлежащія производству главнаго управленія. Далѣе, по мнѣнію временнаго комитета по управленію ссыльнокаторжными нерчинскаго округа, принятому совѣтомъ главнаго управленія и ген.-лейт. Корсаковымъ, проектъ гр. Муравьева не сообщаетъ новому управленію надъ ссыльными никакой самостоятельности и не установляетъ дѣйствительной его отвѣтственности. Главный инспекторъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія [95]), не можетъ имѣть никакого независимаго значенія. Всѣ дѣйствія его и предположенія будутъ утверждаться подписью генералъ-губернатора, который и останется единственнымъ отвѣтственнымъ лицемъ въ дѣлѣ управленія ссыльными, что, при многосложности его занятій, совершенно немыслимо. Что касается до значенія главнаго инспектора, какъ состоящаго при главномъ начальникѣ края организатора быта ссыльныхъ, то, при крайнемъ обремененіи его текущими дѣлами, онъ не будетъ имѣть ни малѣйшей возможности серьезно заняться этой стороной своихъ обязанностей [96]). Организація губернскаго и областнаго управленія также неудовлетворительна, ибо вслѣдствіе того, что начальники губерній и областей обре-

[95]) Это уже видоизмѣненіе, сдѣланное въ проектѣ гр. Муравьева статсъ-секретаремъ Валуевымъ.

[96]) Это замѣчаніе также относится болѣе къ проекту ст.-секр. Валуева, чѣмъ гр. Муравьева.

менены другими занятіями, вся тяжесть исполненія разнообразныхъ обязанностей по управленію ссыльными должна лежать на мѣстномъ инспекторѣ, лицѣ совершенно не самостоятельномъ, такъ какъ онъ, по смыслу проекта, есть ничто иное, какъ чиновникъ особыхъ порученій губернатора по дѣламъ о ссыльныхъ; къ этому нужно прибавить, что на него возложено очень много обязанностей и, между прочимъ, исполненіе такихъ дѣйствій, которыя заставятъ его быть въ постоянныхъ разъѣздахъ, напр. инспектированіе заведеній, гдѣ работаютъ ссыльные, производство важнѣйшихъ слѣдствій и т. под. Инспекторъ нерчинскаго округа имѣетъ по проекту болѣе самостоятельное значеніе, но въ штатѣ его слѣдуетъ прибавить казначея и бухгалтера. О предположеніяхъ по организаціи мѣстнаго управленія совѣтъ главнаго управленія отказался высказать свои соображенія, впредь до указаній опыта, замѣтивъ только, что въ преобразованіи заводской полиціи не представляется надобности, такъ какъ съ предстоящею передачею всѣхъ казенныхъ заводовъ въ частное владѣніе или пользованіе они уже не будутъ мѣстомъ пребыванія ссыльнокаторжныхъ.

Такова критическая часть журнала совѣта главнаго управленія. Что касается организаціонной ея части, то существенныя отличія его отъ проекта гр. Муравьева-Амурскаго состоятъ въ слѣдующемъ. За генералъ-губернаторомъ относительно ссыльныхъ оставлено только „главное вѣдѣніе“ (стр. 1), за начальниками губерній и областей—„право высшаго полицейскаго надзора“ (стр. 6); „завѣдываніе“ же ссыльными сосредоточивается въ лицѣ главнаго инспектора ссыльныхъ (ст. 1), при которомъ состоитъ особое *управленіе* (ст. 2), гдѣ, между прочимъ, сосредоточиваются всѣ дѣла экспедицій, предполагаемыхъ къ упраздненію. Права и обязанности главнаго инспектора „относятся“ во 1-хъ, къ распредѣленію ссыльныхъ, во 2-хъ, къ надзору за ними, въ 3-хъ, къ устройству ихъ быта, и въ 4-хъ, къ надзору за подвѣдомственными ему мѣстами и лицами (ст. 6). Начальники губерній и областей о всѣхъ мѣрахъ, предполагаемыхъ ими въ видахъ устройства ссыльныхъ, входятъ въ сношеніе съ главнымъ инспекторомъ (ст. 5), который всѣ предположенія свои объ улучшеніи быта ссыльныхъ представляетъ на благоусмотрѣніе главнаго начальника края (ст. 14). Главному инспектору, своею властью или съ разрѣшенія генералъ-губернатора, относительно ссыльныхъ дурнаго поведенія, противъ ко-

торыхъ оказались недѣйствительными мѣры полицейскаго исправленія, предоставлялось принимать особыя, чрезвычайныя мѣры, какъ-то: отдачу въ общественную или казенную работу на срокъ болѣе или менѣе продолжительный, перечисленіе изъ одного мѣста въ другое, усиленіе строгости содержанія ссыльнокаторжныхъ и продолженіе срока пребыванія ихъ въ работѣ (ст. 11 и 12). Въ распредѣленіи ссыльныхъ, онъ исполняетъ обязанности экспедицій, дѣйствуя черезъ состоящее при немъ управленіе и инспекторовъ (ст. 7), а въ случаѣ сомнѣній и затрудненій сносится съ мѣстными начальниками губерній или входитъ съ представленіями къ генералъ-губернатору (ст. 8). Лично и черезъ посредство подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, онъ имѣетъ постоянное наблюденіе за соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ относительно ссыльныхъ правилъ; въ случаѣ неправильностей и упущеній, замѣченныхъ со стороны полиціи, сельскихъ и волостныхъ начальствъ, онъ даетъ имъ надлежащія на основаніи закона указанія; при бездѣйствіи же ихъ, или допущенныхъ ими злоупотребленіяхъ, онъ входитъ въ сношеніе съ начальниками губерній и областей, а о болѣе важныхъ случаяхъ представляетъ генералъ-губернатору (ст. 9). Мѣстная полиція, волостныя и сельскія начальства обязаны доставлять всѣ нужныя о ссыльныхъ свѣдѣнія по требованіямъ инспекціи, которой предоставляется также обозрѣвать подлинныя дѣла и повѣрять отчетность о ссыльныхъ (ст. 10). Въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго инспектора находится экономическій поселенческій капиталъ восточной Сибири; онъ входитъ въ положеніе и нужды водворенныхъ здѣсь ссыльныхъ, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ водворенію ихъ, заботится объ улучшеніи ихъ быта, содѣйствуетъ имъ къ домообзаводству и устройству хозяйства посредствомъ заимообразныхъ и безвозвратныхъ пособій изъ экономическаго капитала, а если размѣръ пособія, на основаніи инструкціи, которая должна быть составлена по соглашенію генералъ-губернатора съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, превышаетъ его власть, то онъ входитъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору (ст. 13 и 15). Онъ имѣетъ наблюденіе за подчиненными ему лицами, даетъ имъ съ утвержденія генералъ-губернатора инструкціи (ст. 16), производитъ ежегодное обозрѣніе мѣстъ поселенія ссыльныхъ и содержанія ссыльнокаторжныхъ, составляетъ ежегодный отчетъ по управленію ссыльными, представляемый генералъ-губернатору и (въ спискѣ) министру

(ст. 17); въ главное управленіе ежегодно представляетъ отчетъ о состояніи поселенческаго капитала (ст. 18) и, кромѣ того, о движеніи дѣлъ по ввѣренному ему управленію представляетъ генералъ-губернатору срочныя вѣдомости на общемъ порядкѣ, установленномъ для сибирскихъ губернскихъ учрежденій (ст. 19).

Въ непосредственномъ подчиненіи главнаго инспектора должны были находиться инспекторы губернскіе и областные съ особыми помощниками по губерніямъ иркутской и енисейской, и состоящее при немъ управленіе. Инспекторы опредѣляются и увольняются генералъ-губернаторомъ по представленіямъ главнаго инспектора (ст. 26), состоя къ послѣднему въ прямомъ и непосредственномъ подчиненіи (ст. 20). Исполняя всѣ возлагаемыя на нихъ главнымъ инспекторомъ порученія, они должны оказывать ссыльнымъ полное покровительство, давать по дѣламъ ихъ наставленія, инспектировать заведенія, въ которыхъ работаютъ ссыльные, доводя о замѣченныхъ безпорядкахъ до свѣдѣнія надлежащаго начальства; наблюдать за правильностью препровожденія арестантовъ по этапамъ; входить въ бытъ ссыльныхъ, предупреждать стѣсненія ихъ мѣстными начальствами, представлять главному инспектору о необходимыхъ для ссыльныхъ пособіяхъ и ссудахъ (ст. 21) и, по соглашенію съ мѣстными начальствами, относительно ссыльныхъ неодобрительнаго поведенія принимать различныя мѣры исправленія, предоставленныя имъ на основаніи инструкціи, или входить съ представленіями о томъ къ главному инспектору, въ случаяхъ, власть ихъ превышающихъ (ст. 22). Что касается инспектора нерчинскаго округа, то опредѣленіе его правъ и обязанностей предоставлялось особой инструкціи (ст. 23). Управленіе ссыльныхъ, работавшихъ на казенныхъ заводахъ восточной Сибири (солеваренныхъ, винокуренныхъ и желѣзодѣлательныхъ), оставлялось на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ лишь, что чинамъ новаго управленія предоставлялось право наблюденія за порядкомъ содержанія ссыльнокаторжныхъ на этихъ заводахъ и право доводить до свѣдѣнія надлежащихъ начальствъ о замѣченныхъ ими безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ (ст. 24).

Согласно съ мнѣніемъ барона Корфа, принятымъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ, совѣтъ главнаго управленія восточной Сибири въ изложенномъ журналѣ останавливался на введеніи проектированнаго имъ управленія не вдругъ, а постепенно. Въ приложенномъ штатѣ временнаго управленія ссыльнокаторжными одного *нерчин-*

скаго округа восточной Сибири ежегодный расходъ вычисленъ въ 22 т. руб.; при инспекторѣ или управляющемъ ссыльными нерчинскаго округа предполагались два чиновника особыхъ порученій и канцелярія; для непосредственнаго завѣдыванія ссыльными—5 тюремныхъ смотрителей и надзиратели. На петровскомъ заводѣ, въ непосредственномъ подчиненіи инспектору нерчинскаго округа, проектировались особый полицеймейстеръ и одинъ смотритель тюрьмы.

Этотъ проектъ былъ представленъ государственному секретарю, какъ значилось въ журналѣ совѣта главнаго управленія, „для пріобщенія къ внесенной уже въ государственный совѣтъ запискѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 30 октября 1863 г.“. Но, почти одновременно съ нимъ, къ государственному секретарю поступили отъ ген.-лейт. Корсакова новыя предположенія, въ которыхъ, указывая на измѣнившееся положеніе нерчинскаго края вслѣдствіе присоединенія Амура и постоянно продолжающагося заселенія его, облегчающаго побѣги и затрудняющаго надзоръ за ссыльными, онъ ходатайствовалъ, оставивъ употребленіе ссыльнокаторжныхъ на работу въ видѣ временной мѣры, нынѣ же приступить къ изысканію въ Сибири другихъ мѣстъ содержанія ссыльнокаторжныхъ, которыя соотвѣтствовали бы болѣе условіямъ каторжной работы, чѣмъ Забайкальская область. По мнѣнію его, на будущее время слѣдовало бы сосредоточивать всѣхъ каторжныхъ на заводахъ и рудникахъ внутренней Сибири, напр. въ Алтайскомъ округѣ, гдѣ на долгое время могутъ быть обезпечены занятія преступниковъ.

Въ такомъ положеніи 9 января 1865 г. дѣло это поступило на разсмотрѣніе департамента законовъ, который нашелъ необходимымъ, въ виду новыхъ представленныхъ начальствомъ восточной Сибири предположеній, несходныхъ съ прежними и не бывшихъ въ виду министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и двора, обратить все дѣло къ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по сношеніи съ надлежащими министерствами и управленіями, внесъ въ государственный совѣтъ окончательныя свои предположенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду неоднократныхъ настояній министра двора, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено выдѣлить вопросъ о передачѣ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ горнаго вѣдомства въ гражданское и внести свои предположенія въ государственный совѣтъ, не ожидая окончательнаго устройства быта ссыльныхъ въ Сибири.

Во исполненіе этого порученія и не находя возможнымъ разрѣшить отдѣльно вопросъ о передачѣ ссыльныхъ въ гражданское вѣдомство, статсъ-секретарь Валуевъ 24 іюля 1865 г. внесъ въ государственный совѣтъ новое подробное заключеніе по организаціи ссыльнаго управленія вообще, въ которомъ онъ энергически высказывается противъ предположенія ген.-лейт. Корсакова отдѣлить управленіе ссыльными отъ общаго гражданскаго управленія. Однако, и это представленіе не разсматривалось государственнымъ совѣтомъ; по желанію министра, оно было возвращено ему въ 1866 г. для новаго соображенія съ тѣми распоряженіями, которыя послѣдовали по устройству быта сосланныхъ въ Сибирь политическихъ преступниковъ и учрежденія за ними тамъ надзора. Въ январѣ 1868 г. поступило, уже подписанное преемникомъ гр. Валуева, новое представленіе (отъ 31 дек. 1867 № 13356), которое по вопросу объ организаціи ссыльнаго управленія весьма близко къ первому: измѣненія состояли только въ томъ, что экспедиціи о ссыльныхъ даже по восточной Сибири предполагалось сохранить, для предупрежденія излишняго обремененія инспекторовъ, а штаты нѣсколько увеличены: по Западной Сибири — 9 т., а по восточной Сибири — 41 ¼ т., вмѣсто предполагавшихся прежде 34 ½ т. ежегодно. Въ этомъ представленіи, какъ и въ первомъ, кромѣ вопроса объ управленія, были затронуты вопросы о производствѣ ссыльнокаторжными работъ на золотыхъ промыслахъ и другихъ заводахъ Нерчинскаго округа, а также о содержаніи каторжныхъ, призрѣніи ихъ и водвореніи; расходы по содержанію, призрѣнію и водворенію каторжныхъ предполагалось обратить на государственный земскій сборъ. Противъ этого послѣдняго положенія выступилъ министръ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ. Хотя возраженія его не имѣли никакого отношенія къ вопросу объ организаціи управленія ссыльными, но государственный совѣтъ, выслушавъ дѣло въ засѣданіи 24 февраля 1868 г., призналъ необходимымъ имѣть въ виду еще нѣкоторыя дополнительныя по нему свѣдѣнія и соображенія, и потому снова постановилъ: возвратить министру внутреннихъ дѣлъ его представленія, предоставивъ ему, по собраніи этихъ свѣдѣній и по сношеніи съ министрами двора и финансовъ, внести дѣло вновь въ государственный совѣтъ со своимъ заключеніемъ.

Но чаша была переполнена. Проектъ гр. Муравьева былъ остановленъ смѣною генералъ-губернатора. На этотъ разъ смѣ-

нился министръ внутреннихъ дѣлъ, постъ заняло другое лицо, имѣвшее на вопросъ иные взгляды, и общее представленіе о реформѣ ссыльнаго управленія въ Сибири болѣе въ государственный совѣтъ не вносилось.

Статсъ-секретарь Валуевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, несмотря на предоставленное ему государственнымъ совѣтомъ право выдѣлить вопросъ о передачѣ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа въ гражданское вѣдомство изъ общаго дѣла объ устройствѣ быта ссыльныхъ, неоднократно высказывался, что онъ находитъ невозможнымъ такое выдѣленіе, потому что для принятія нерчинскихъ преступниковъ въ гражданское вѣдомство необходимо прежде всего устроить на прочныхъ основаніяхъ управленіе ссыльными въ Сибири [97]). Преемнику его, въ виду прежнихъ примѣровъ и продолжавшихся настояній министра двора, пришлось поступить иначе, ограничившись исключительно удовлетвореніемъ ближайшихъ требованій министерства двора. Внесенное имъ представленіе разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ въ январѣ и февралѣ 1869 г.; 10 марта мнѣніе общаго собранія Высочайше утверждено, ссыльнокаторжные нерчинскихъ и петровскаго завода переданы въ гражданское вѣдомство, съ учрежденіемъ, впредь до общаго преобразованія устройства ссыльныхъвъ Сибири, *временнаго* надъ ними управленія, въ непосредственномъ вѣдѣніи губернатора Забайкальской области. Начальникомъ ссыльнокаторжныхъ нерчинскихъ заводовъ назначенъ управляющій, „преимущественно изъ военныхъ"; при немъ учреждены чиновникъ особыхъ порученій, дѣлопроизводитель, казначей, 2 старшихъ и 2 младшихъ тюремныхъ смотрителя, смотритель цеховъ, смотритель богадѣльни и 20 тюремныхъ надзирателей. На петровскомъ заводѣ, въ подчиненіи управляющему, назначенъ особый полицеймейстеръ, 1 смотритель тюрьмы и 5 приставниковъ. Ссыльнокаторжные продолжаютъ нести работы на золотыхъ промыслахъ, рудникахъ и заводахъ кабинета, причемъ горное начальство руководитъ работами только въ отношеніи техническомъ. За трудъ ихъ горное вѣдомство производитъ особую плату, предпочтительно задѣльную, изъ которой часть отчисляется въ пользу каторжныхъ, для поощренія ихъ [98]). Въ этихъ подробностяхъ видны слѣды проекта гр. Муравьева.

Въ томъ же 1869 г. была принята извѣстная мѣра о цен-

---

[97]) Отношеніе его къ министру двора отъ 2 ноября 1865 г. № 8854.

[98]) Арх. гос. сов. 1869. № 2.

тральныхъ тюрьмахъ въ Имперіи и начались въ широкихъ размѣрахъ попытки штрафной колонизаціи Сахалина. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ особый комитетъ, которому поручено разработать вопросъ объ устройствѣ быта ссыльнокаторжныхъ и управленія ими. На Сахалинѣ образовано особое управленіе, въ подчиненіи начальника Приморской области и на началахъ, близкихъ съ тѣми, которыя приняты для нерчинскаго округа [99]).

VII.

Критика и выводы.

Представленное выше изложеніе различныхъ предположеній о реформѣ ссыльнаго управленія показываютъ, что вопросъ этотъ достаточно уже созрѣлъ и въ оффиціальныхъ сферахъ господствуетъ полное единодушіе относительно необходимости вывесть управленіе ссыльными изъ того безотраднаго положенія, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Нельзя не согласиться вполнѣ съ замѣчаніемъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, что существующее нынѣ управленіе ссыльными ни по составу своему, ни по характеру, нисколько не соотвѣтствуетъ своему назначенію [100]). Оно не имѣетъ на мѣстѣ общаго центра и представляется агрегатомъ разрозненныхъ органовъ, не имѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи. Органы эти или обременены массою другихъ занятій, или лишены всякой самостоятельности. Формальная, канцелярская сторона закрываетъ совершенно существо дѣла, для служенія которому нѣтъ на мѣстѣ ни достаточныхъ знаній, ни достаточныхъ средствъ. Центръ не помогаетъ сибирской окраинѣ, какъ это было въ московскій періодъ, и если справедливо замѣчаніе гр. Кисилева, что правильному развитію нашего ссыльнаго вопроса мѣшали постоянныя несогласія генералъ-губернаторовъ между собою, то не менѣе справедливо, что этотъ вопросъ тормозился и центральными непорядками. Приведенная выше

---

[99]) См. тщательную работу г. *Тальберга*, Вѣст. Евр. 1879 г. № 5.

[100]) Журн. сов. гл. управ. Восточной Сибири 22 ноября 1864 г. № 18, по IV отдѣленію.

исторія дѣла о реформѣ ссыльнаго управленія служитъ разительнымъ тому доказательствомъ.

Положеніе вещей нисколько не измѣнилось за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Въ это время образовано нѣсколько новыхъ органовъ ссыльнаго управленія, каковы напр. управленіе нерчинское, сахалинское. Но всѣ они имѣютъ характеръ случайный, всѣ они, по признанію самого правительства, устроены лишь въ качествѣ мѣръ временныхъ, еще болѣе испестрившихъ картину ссыльнаго управленія, и безъ того чрезвычайно пеструю.

Передъ нами пять проектовъ новой организаціи ссыльнаго управленія, которые могутъ быть сведены къ тремъ типамъ. Проектъ гр. Блудова образуетъ первый типъ. Онъ носитъ еще переходный характеръ. Существующіе органы ссыльнаго управленія оставляются на прежнемъ основаніи; отдѣльно отъ нихъ проектируется преобразовательная должность главнаго инспектора, который въ дѣла текущей администраціи не вмѣшивается. Другой типъ данъ проектомъ гр. Муравьева-Амурскаго; здѣсь уже рекомендуется новое управленіе не только созерцательное, но полное дѣятельности; но оно неразрывно связано съ общимъ гражданскимъ управленіемъ, представляемымъ генералъ-губернаторами и начальниками губерній и областей. Наконецъ, третій типъ указанъ проектомъ ген.-лейт. Корсакова; установляя, подобно проекту гр. Муравьева, новое управленіе не для преобразованій, а главнымъ образомъ для текущихъ дѣлъ, этотъ проектъ пошелъ еще дальше; онъ желаетъ совершенно спеціализировать ссыльное управленіе, поставить его самостоятельно и независимо отъ общаго гражданскаго управленія и связать его непосредственно съ центромъ. Два остальные затѣмъ проекта, изложенные нами, представляютъ лишь модификаціи этихъ основныхъ типовъ, которыя можно разнообразить до безконечности.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе образованія въ имперіи главнаго тюремнаго управленія, указанъ еще одинъ новый типъ управленія ссыльными; примѣнительно къ ссылкѣ, его можно представить себѣ въ трехъ различныхъ видоизмѣненіяхъ, а именно: 1) или такъ, что управленіе ссыльными будетъ возложено на образованное уже главное тюремное управленіе, находящееся въ Петербургѣ, или 2) паралельно съ нимъ, въ Петербургѣ-же, можетъ быть открыто главное управленіе ссылки, или 3) этому вѣдомству можетъ быть назначено мѣстопребываніе въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, съ распространеніемъ его компетенціи

на оба генералъ-губернаторства и съ сообщеніемъ ему власти департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, причемъ главноуправляющему могли бы быть сообщены права директора департамента или даже товарища министра.

Таковы, подлѣ существующаго порядка вещей, различныя возможныя комбинаціи ссыльнаго управленія. Для опредѣленія достоинствъ или недостатковъ каждой изъ нихъ, необходимо отдать себѣ ясный отчетъ, въ какихъ условіяхъ придется дѣйствовать нашему ссыльному управленію, какія оно должно преслѣдовать задачи и какими мѣрами можетъ быть обезпечено наиболѣе успѣшное ихъ достиженіе?

Скажемъ прежде всего объ условіяхъ, ожидающихъ новое ссыльное управленіе, объ обстановкѣ, среди которой ему придется дѣйствовать, о тѣхъ различныхъ элементахъ, съ которыми оно встрѣтится на своемъ пути [101]).

При обозрѣніи изложенныхъ выше оффиціальныхъ предположеній о реформѣ ссыльнаго управленія, вниманіе читателя не могло не поразить слѣдующее обстоятельство. Предположенія эти шли отдѣльно для Сибири западной и восточной. Даже въ редакціи ст.-секр. Валуева, они не сведены къ одному знаменателю и различаются между собою въ существенныхъ чертахъ. По мнѣнію начальства западной Сибири, экспедиціи должны были сохраниться, главный инспекторъ проектировался въ видѣ попечителя о ссыльныхъ, свободный отъ занятій по перепискѣ о ссыльныхъ и обязанный заботиться о лучшемъ ихъ устройствѣ, черезъ изысканіе средствъ къ прочному ихъ водворенію и нравственному ихъ возрожденію. Въ подчиненіи ему проектировались помощники и представители въ окружныхъ управленіяхъ, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ устройства поселенцевъ и предупрежденія неправильныхъ дѣйствій мѣстныхъ начальствъ относительно ссыльныхъ. При каждомъ волостномъ правленіи требовался поселенческій староста, на правахъ волостнаго засѣдателя, а въ каждомъ округѣ спеціальное наблюденіе за поселенцами и забота о нихъ должна была быть возложена на смотрителя поселеній, подчиненнаго земскому исправнику. Эта организація носитъ характеръ сельско-хозяйственный и, притомъ,

---

[101]) Авторъ имѣетъ въ виду дѣйствующее законодательство, такъ какъ реформа его, предложенная многими коммиссіями, по всей видимости отодвигается далѣе и далѣе.

попечительный. Предположенія начальства восточной Сибири носятъ иной характеръ, если такъ можно выразиться, фабрично-карательный. Во главѣ системы управленія ставится лице съ огромною властью, съ широкою инипіативою, съ разнообразнымъ кругомъ дѣйствія, спеціально знакомое съ интересами и нуждами завѣдываемаго дѣла. Въ непосредственномъ подчиненіи ему проэктируется обширный штатъ служащихъ, завѣдующихъ ссыльными во всѣхъ отношеніяхъ. Общему начальству по отношенію къ ссыльнымъ предоставляется лишь весьма тѣсная власть; напротивъ, въ нѣкоторыхъ районахъ интересы ссылки до того покрываютъ интересы мѣстнаго населенія, что даже свободное населеніе подчиняется ссыльному управленію. Главнѣйшая забота его — дисциплина, а потомъ уже — благосостояніе ссыльныхъ какъ результатъ достигнутой дисциплины.

Повидимому, это различіе объясняется тѣмъ исключительно, что предположенія по западной и восточной Сибири представлялись различными начальствами; но не трудно открыть болѣе глубокую и болѣе правильную причину его, чѣмъ различіе личныхъ мнѣній.

Въ отношеніи къ контингенту ссыльныхъ, западная Сибирь нашихъ дней не имѣетъ ничего общаго съ восточною. Это различіе ведетъ свое начало съ закона 18 мая 1859 г., послѣ котораго, а отчасти и вслѣдствіе неисполненія котораго и передачи всѣхъ бывшихъ въ западной Сибири казенныхъ заводовъ въ частныя руки, эта часть Сибири почти совершенно перестала быть мѣстомъ штрафной колонизаціи. Нынѣ всѣ осужденные въ каторжныя работы [102]) и ссылку на поселеніе, а также осужденные за бродяжничество, ссылаются въ восточную Сибирь; сюда же должны быть направляемы тѣ осужденные въ ссылку на житье, которые изъявятъ на то желаніе. Наконецъ, и для такъ называемыхъ водворяемыхъ рабочихъ, мѣстомъ ссылки является по преимуществу восточная Сибирь. Затѣмъ для Сибири западной остаются: 1) ссылаемые по приговорамъ обществъ, 2) ссылаемые по непосредственному усмотрѣнію администраціи и 3) тѣ изъ осужденныхъ въ ссылку на житье въ губерніяхъ западной Сибири, которые не пожелаютъ поселиться въ Сибири восточной. Характеристическая черта всѣхъ этихъ категорій

---

[102]) Кромѣ временно пребывающихъ въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ имперіи по закону 1869 г.

лицъ состоитъ въ томъ, что для всѣхъ ихъ дѣйствіе ссылки ограничивается единственно переселеніемъ и, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, установленіемъ полицейскаго надзора; они тотчасъ по прибытіи въ Сибирь поступаютъ въ среду мѣстныхъ обществъ и занимаютъ положеніе, почти одинаковое съ положеніемъ лицъ свободнаго населенія, ограничиваясь только въ правѣ передвиженія. Для нихъ нѣтъ никакой надобности, мало того — нѣтъ никакого юридическаго основанія, создавать особое управленіе по образцу карательнаго управленія для ссыльныхъ восточной Сибири. Конечно, правительство можетъ и должно поставить себѣ задачею обезпечить ихъ благосостояніе, содѣйствовать ихъ водворенію, доставить имъ средства къ домообзаводству, и, въ случаѣ нужды, учредить для достиженія этой цѣли особые органы. Но эти органы не будутъ органами управленія штрафной колонизаціи, которую мы имѣемъ въ виду, и должны преслѣдовать единственно цѣли благосостоянія. Задача эта значительно облегчилась съ распространеніемъ въ истекшемъ году на западную Сибирь дѣйствія общаго крестьянскаго положенія.

Такимъ образомъ, въ учрежденіи особаго ссыльнаго управленія для западной Сибири нынѣ утратилась всякая надобность. Остается Сибирь восточная, гдѣ оно существенно необходимо.

Здѣсь сосредоточиваются почти всѣ виды ссылки штрафной, требующей, кромѣ общихъ административныхъ заботъ, еще и карательнаго ухода. Между этими видами, въ свою очередь, существуютъ различія, основаніе которыхъ лежитъ именно въ карательной сторонѣ каждаго. Такъ, ссыльнокаторжные производятъ обязательныя работы и содержатся на положеніи, для нихъ установленномъ; положеніе это весьма близко къ тюремному, а во многихъ случаяхъ тюремный порядокъ соблюдается со всею строгостью, съ тѣмъ только, что работы производятся почти всегда на открытомъ воздухѣ, но подъ постояннымъ надзоромъ. Потому для людей этого класса управленіе должно быть организовано по образцу тюремному; но оно должно имѣть въ виду дальнѣйшую ихъ судьбу, которую законъ отличаетъ отъ положенія, ожидающаго обыкновенныхъ арестантовъ по освобожденіи изъ тюремъ. Послѣдніе поступаютъ въ состояніе полной свободы, нерѣдко — въ туже общественную среду, въ которой находились до заключенія, и вольны избирать себѣ мѣсто жительства, образъ жизни и средства существованія; государственная дѣятельность съ исполненіемъ наказанія по отношенію къ нимъ закон-

чена, поддержки и помощи они могутъ ожидать только отъ патроната. Совершенно иное положеніе каторжныхъ, окончившихъ срокъ работъ; съ прекращеніемъ ихъ еще не прекращается наказаніе; они поступаютъ не въ среду свободнаго общества, а въ карательное состояніе поселенцевъ; къ этому состоянію они должны быть подготовлены своимъ управленіемъ, на обязанности котораго лежитъ облегченіе имъ дѣйствительнаго водворенія. Намъ и въ литературѣ, и въ оффиціальныхъ бумагахъ приходилось иногда встрѣчать мнѣніе, что дѣло водворенія поселенцевъ можетъ быть значительно облегчено патронатомъ и что развитіе его въ Сибири должно быть поощряемо всѣми мѣрами. Не отрицая, что частная благотворительность можетъ принести огромную пользу и въ ссылкѣ, напр. для дѣтей ссыльнокаторжныхъ и ссыльно поселенцевъ, для пріисканія ссыльнымъ занятій и доставленія средствъ къ домообзаводству, мы далеки однако отъ мнѣнія, что на патронатъ можно возложить всю заботу или даже сколько нибудь значительную часть прямой заботы по поселенію ссыльныхъ. Во первыхъ, расчитывать на скорое появленіе и прочное развитіе его въ Сибири было бы полнѣйшею иллюзіею. Во вторыхъ, и самое главное, дѣло поселенія, подготовляющее водвореніе, есть продолженіе исполненія наказанія, и въ такомъ своемъ качествѣ должно находиться въ рукахъ власти государственной, а не въ вѣдѣніи частныхъ лицъ [103]).

Кромѣ карательной стороны, поселеніе имѣетъ и другую, соціально-экономическую. Оно составляетъ подготовительную ступень къ „дѣйствительному водворенію", т. е. къ переходу ссыльныхъ въ среду свободнаго общества, подъ дѣйствіе общихъ законовъ и во власть общаго гражданскаго управленія, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Для ссыльно каторжныхъ это — вторая ступень, для ссыльно поселенцевъ — первая. Такъ какъ имъ подготовляется окончательное водвореніе, то къ нему не можетъ имѣть приложенія порядокъ тюремнаго быта во всей его строгости, не цѣлесообразно и рѣзкое раздѣленіе управленія для ссыльно поселенцевъ и людей свободныхъ, съ которыми они жи-

---

[103]) Словами, приведенными въ текстѣ, авторъ не желаетъ, однако, защищать положеніе, будто-бы карательное поселеніе должно быть регламентировано со всею точностью и для всѣхъ одинаково, на подобіе тюремнаго быта. Опытъ доказалъ, напротивъ, что тѣмъ болѣе инициативы будетъ предоставлено самимъ ссыльнымъ (въ выборѣ мѣстъ, въ пріисканіи промысловъ и т. под.), тѣмъ болѣе обезпеченъ успѣхъ поселенія. Но надзоръ за нимъ во всякомъ случаѣ необходимъ и онъ можетъ принадлежать только власти государственной.

вутъ совмѣстно, ибо въ противномъ случаѣ можетъ затрудниться столь желаемый законодательствомъ успѣхъ слiянiя. Однако, на общее управленiе не можетъ быть всецѣло возложена забота завѣдыванiя ссыльно—поселенцами; нѣкоторыя стороны ея, свойства пенитенцiарнаго, требуютъ ближайшаго участiя спецiалистовъ.

Осужденные за бродяжничество подлежатъ тому же порядку, какъ и ссыльно-поселенцы. Это самый трудный для управленiя элементъ. Привычка къ кочевой жизни, постоянное пребыванiе внѣ условiй гражданскаго общества, и во многихъ случаяхъ длинный списокъ необнаруженныхъ преступленiй, требуютъ здѣсь болѣе энергическiй надзоръ и болѣе строгую дисциплину.

Задачи ссыльнаго управленiя ясны уже изъ того, съ какими элементами ему приходится имѣть дѣло. Онѣ представляютъ соединенiе задачъ пенитенцiарныхъ съ административными. Забота объ исполненiи карательнаго закона, о слiянiи ссыльныхъ со свободнымъ населенiемъ и объ устройствѣ ихъ быта — такова программа управленiя ссыльныхъ. Ее прекрасно выразилъ проектъ гр. Муравьева, и мы думаемъ, вопреки возраженiямъ, сдѣланнымъ гр. Корфомъ, что опредѣленiе этого проекта было бы весьма умѣстно въ законѣ. Власть, дѣйствующая въ такой отдаленности отъ центра, какъ восточная сибирская окраина, должна пользоваться извѣстною самостоятельностью. Согласовать такую самостоятельность съ подзаконностью невозможно указанiемъ отдѣльныхъ *случаевъ*, разрѣшенiе которыхъ предоставляется ея усмотрѣнiю, во-первыхъ, — потому, что нельзя напередъ предусмотрѣть всѣ случаи, въ которыхъ ей долженъ быть предоставленъ просторъ дѣйствiя, а во-вторыхъ,—и потому, что такими указанiями можно пользоваться въ явный обходъ цѣли, которая имѣлась въ виду законодателемъ. Гораздо правильнѣе со всею точностью опредѣлить ту *задачу*, достиженiе которой возлагается на управленiе и въ предѣлахъ которой легко найти мѣру его дѣйствительной отвѣтственности. Такъ поступала Англiя въ практикѣ австралiйской ссылки, такъ начинаетъ теперь поступать Францiя, и этотъ образъ дѣйствiй приноситъ хорошiе плоды.

Что касается затѣмъ мѣръ, обезпечивающихъ успѣхъ достиженiя указанныхъ закономъ задачъ, то, въ виду двойственности этихъ задачъ, и самыя мѣры носятъ двоякiй характеръ. Ссыльное управленiе должно быть хорошимъ пенитенцiарнымъ начальствомъ, компетентнымъ въ дѣятельности карательнаго воспитанiя, и въ тоже время должно обладать въ широкихъ размѣрахъ

административными качествами. Если публичность и гласность необходимы для общей администраціи, то еще болѣе онѣ необходимы для ссыльнаго управленія. Въ тоже время ему необходимо предоставить значительную долю самостоятельности, не только потому, что ссыльная территорія лежитъ далеко отъ центра, но и потому, главнымъ образомъ, что центръ склоненъ, обращая исключительное вниманіе на карательную сторону ссылки, забывать другую не менѣе важную ея сторону, соціально-экономическую, которая съ полною рельефностью выступаетъ только передъ глазами мѣстнаго начальства. Въ существѣ пенитенціарной дѣятельности ссыльнаго управленія лежитъ также необходимость предоставить ему болѣе широкую степень власти относительно надзора за ссыльными и принятія мѣръ исправленія, чѣмъ та, которая присвоивается общей администраціи. Но, въ свою очередь, эта именно сторона его дѣятельности требуетъ и болѣе близкой, болѣе непосредственной связи его съ центромъ.

Изъ сказаннаго видно уже, что то созерцательное управленіе, которое было предложено гр. Блудовымъ, не выдерживаетъ критики. По справедливому замѣчанію совѣта главнаго управленія восточной Сибири, главный предметъ при устройствѣ ссыльныхъ составляетъ не начертаніе предположеній о мѣрахъ новыхъ и чрезвычайныхъ, а преимущественно наблюденіе затѣмъ, чтобъ постановленныя правительствомъ общія мѣры относительно ссыльныхъ получали надлежащее примѣненіе. Проектъ гр. Блудова обнаруживаетъ хорошій кабинетный умъ и мастерское перо, но въ немъ нѣтъ практическаго взгляда на дѣло.

Предположенія ген.-лейт. Гасфорта, сходныя съ проектомъ гр. Блудова, можно оставить въ сторонѣ и потому еще, что, какъ замѣчено выше, западная Сибирь нынѣ вовсе не нуждается въ особомъ ссыльномъ управленіи, такъ какъ она перестала быть мѣстомъ штрафной колонизаціи. Для содѣйствія же успѣхамъ водворенія пересыльныхъ, сюда поступающихъ, могутъ быть учреждены новые органы въ составѣ мѣстной администраціи, въ замѣнъ экспедицій о ссыльныхъ, которыя для людей этихъ категорій представляются совершенно неумѣстными и ведутъ лишь къ смѣшенію понятій. Новые органы, въ которыхъ нуждается западная Сибирь, должны быть органами попечительства о пересыльныхъ и полицейскаго за ними надзора, а не органами кары. Потому же и приказъ о ссыльныхъ нынѣ сослужилъ уже свою службу и утратилъ всякое значеніе. Дальнѣйшее существованіе

его, особенно въ западной Сибири, является анахронизмомъ. Переписка, счетъ и распредѣленіе пересылаемыхъ въ порядкѣ административномъ можно съ удобствомъ сосредоточить въ главномъ управленіи западной Сибири, присоединивъ эти обязанности къ функціямъ того отдѣленія или къ вѣдомству того лица, которому будетъ поручено попеченіе о водвореніи ихъ. Это вѣдомство или отдѣленіе не будетъ затруднено прибавленіемъ къ обязанностямъ его и дѣлъ о сосланныхъ въ западную Сибирь по суду на *житье*, такъ какъ число ихъ ничтожно. Что же касается дѣлопроизводства и распредѣленія ссыльныхъ другихъ категорій, то обязанности эти во всякомъ случаѣ должны быть перенесены изъ Сибири западной въ восточную. Уже однимъ такимъ перенесеніемъ, — независимо отъ вопроса о томъ вѣдомствѣ, которому задачи эти будутъ поручены, — въ значительной степени обезпечивается большая правильность и полнота въ счетѣ ссыльныхъ и болѣе цѣлесообразности въ распредѣленіи ихъ, такъ какъ вѣдомство, завѣдывающее этими функціями, будетъ ближе къ мѣсту пребыванія ссыльныхъ и въ болѣе непосредственной связи съ мѣстными начальствами, управляющими ими. Затѣмъ общая статистика ссыльныхъ, стекаясь изъ Сибири западной и восточной, можетъ быть сосредоточена въ рукахъ центральнаго органа.

Сомнѣніе могутъ представить только вопросы о передвиженіи и о ссыльныхъ дряхлыхъ и неспособныхъ. Конечно, засѣдающее въ восточной Сибири вѣдомство не можетъ принять на себя завѣдываніе *пересылкою* въ предѣлахъ Сибири западной; но и нынѣ сибирскія начальства не принимаютъ никакого участія въ передвиженіи ссыльныхъ по мѣстностямъ европейской Россіи, такъ что распространеніе этого общаго порядка на западную Сибирь не представитъ никакихъ затрудненій для вѣдомства, находящагося въ восточной Сибири. Что касается затѣмъ ссыльныхъ *дряхлыхъ и неспособныхъ*, то эта категорія людей составляетъ едва-ли не самую больную сторону всей нашей депортаціонной системы; огромное число ихъ безъ всякой пользы направляется въ сибирскіе предѣлы, обременяя собою и мѣстное населеніе, и мѣстное начальство, которое вынуждается по отношенію къ нимъ превращать вопросъ наказанія и водворенія въ вопросъ богадѣленъ и больницъ. Но если нѣтъ основанія обременять ими восточную Сибирь, то равнымъ образомъ было-бы неправильно принять мнѣніе гр. Муравьева-Амурскаго, полагавшаго сосредоточивать ихъ въ Сибири западной. Ссыльному управленію будетъ достаточно заботы

и съ тѣми ссыльными, которые заболѣютъ и сдѣлаются неспособными къ работамъ на мѣстѣ, такъ что и въ финансовыхъ интересахъ государства, и въ экономическихъ интересахъ сибирскаго населенія, и для облегченія управленія, преступники дряхлые и неспособные къ работамъ уже въ моментъ приведенія приговора въ исполненіе должны быть оставляемы въ Имперіи, гдѣ— подобно тому, какъ дѣлается въ государствахъ западныхъ—ихъ можно бы сосредоточить въ какихъ нибудь центральныхъ пунктахъ, доставивъ, по мѣрѣ возможности, и соотвѣтствующія для нихъ работы. Болѣзненное же состояніе этихъ людей можетъ служить достаточной порукой, что ими не будетъ нарушена внутренняя безопасность Имперіи.

Переходя затѣмъ къ предположеніямъ объ организаціи ссыльнаго управленія въ восточной Сибири, мы прежде всего должны отдать дань уваженія проекту гр. Муравьева-Амурскаго, который послужилъ исходною точкою для всѣхъ остальныхъ.

На этомъ проектѣ лежитъ печать внимательнаго знакомства съ дѣломъ, правильнаго пониманія его и организаторскаго таланта. Огромное достоинство его состоитъ какъ въ томъ, что онъ впервые указалъ и съ замѣчательною точностью выразилъ вѣрныя задачи ссыльнаго управленія, такъ и въ томъ, что сфера самостоятельнаго дѣйствія, потребованная имъ для управленія, завѣдывающаго ссыльными, очерчена здѣсь мастерскою рукою и въ высшей степени правильно. Мы глубоко убѣждены, что главное мѣстное управленіе ссылки, въ чьихъ-бы рукахъ оно ни находилось, можетъ успѣшно дѣйствовать тогда только, если ему будетъ предоставлено, „нестѣсняя мѣстныя управленія, снаб„жать ихъ надлежащими наставленіями и инструкціями, изби„рать и утверждать должностныхъ лицъ для завѣдыванія ссыль„ными (и даже создавать самыя должности, по мѣрѣ ихъ нужды), „инспектировать тюрьмы и другія хозяйственныя заведенія, пре„сѣкать безпорядки и злоупотребленія, изыскивать и предписы„вать *все*, что можетъ способствовать къ улучшенію и упроче„нію быта ссыльныхъ, получать отъ подлежащихъ начальствъ „свѣдѣнія о положеніи ссыльныхъ и представлять ежегодно все„подданнѣйшіе отчеты о ссылкѣ (которые, прибавимъ, должны „быть публикованы), съ своими соображеніями“. Въ рукахъ его должна также находиться сильная власть по наблюденію за дѣйствіями ссыльныхъ, такъ, чтобы оно имѣло возможность, избѣгая излишней регламентаціи, руководить однако всѣмъ ихъ бытомъ

и давать каждому соотвѣтствующее назначеніе смотря по его способностямъ и силамъ. Несмотря на энергическія возраженія гр. Панина, мы думаемъ, что главное мѣстное управленіе ссыльными не можетъ, безъ вреда для ссылки, обойтись и безъ потребованнаго для него гр. Муравьевымъ-Амурскимъ права „дѣлать“ распоряженія объ употребленіи въ работы и о назначеніи на „поселеніе, не стѣсняясь судебными приговорами, а также измѣнять родъ ссылки“ и сокращать срокъ установленныхъ приговоромъ работъ, условно или безусловно, во вниманіе къ хорошему поведенію. Возраженія гр. Панина основываются на выраженіи не вполнѣ умѣстномъ „не стѣсняясь судебными приговорами“, которое встрѣчается въ проектѣ гр. Муравьева. Бывшій представитель министерства юстиціи правильно замѣтилъ, что „произвольныя распоряженія администраціи о замѣнѣ каторжныхъ работъ поселеніемъ, и обратно, не могутъ быть допущены и находились бы въ прямомъ противорѣчіи съ основными началами уложенія о наказаніяхъ о замѣнѣ однихъ наказаній другими“. Но мысль гр. Муравьева состояла собственно не въ томъ, чтобы предоставить сибирской администраціи право измѣнять судебные приговоры, а въ томъ, чтобы въ законодательномъ порядкѣ было отмѣнено весьма стѣснительное для мѣстной администраціи дробленіе наказанія ссылкою на множество подраздѣленій, какъ-то: работа въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ и на заводахъ, а затѣмъ еще особыя не каторжныя работы и простое поселеніе. Это правило закона на практикѣ оказывалось въ высшей степени стѣснительнымъ, такъ какъ сибирское начальство, связанное опредѣленіями судебныхъ мѣстъ о назначеніи ссыльныхъ въ опредѣленныя работы, не имѣло затѣмъ возможности сообразовать выборъ работъ съ личными условіями каждаго и не было въ состояніи направлять рабочихъ, за избыткомъ, изъ одного мѣста въ другое, гдѣ въ нихъ чувствовался недостатокъ. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи нигдѣ не находилось ссыльное управленіе. Мы видѣли, напротивъ, что напр. въ австралійской ссылкѣ отъ усмотрѣнія органовъ ссыльнаго управленія, притомъ далеко не высшихъ, зависѣло или направить ссыльнаго по прибытіи его въ какія либо общественныя работы, или немедленно разрѣшить ему приписаться къ одному изъ колонистовъ. Мы видѣли, далѣе, что въ московскій періодъ нашей ссылки воеводы располагали правомъ употреблять ссыльныхъ въ такое дѣло, въ какое приго-

дятся. Если существуетъ наказаніе ссылкою, то законъ уголовный долженъ знать его какъ наказаніе единое, опредѣливъ только юридическое положеніе ссыльныхъ; что же касается опредѣленій о родѣ работъ, о способахъ водворенія ссыльныхъ и т. под., то они должны быть цѣликомъ предоставлены распоряженіямъ высшей ссылочной администраціи.

Этотъ объемъ власти можно признать достаточнымъ для управленія тою формою ссылки, которая извѣстна Сибири въ настоящее время. Но такая форма едва-ли долго продержится. Какъ ни рѣдко населеніе Сибири, оно уже начинаетъ громко жаловаться на постоянный огромный приливъ ссыльныхъ. Интересы высшей государственной политики требуютъ, чтобъ въ Сибири штрафная колонизація постепенно смѣнялась свободнымъ переселеніемъ, организація котораго должна быть взята въ твердыя руки высшаго правительства. Но въ то-же время наше тюремное дѣло еще такъ молодо и такъ мало еще шансовъ на прочную и удовлетворительную поставку его въ недалекомъ будущемъ, а наши азіятскія окраины, преимущественно въ мѣстностяхъ вновь присоединенныхъ, еще такъ мало обезпечены въ отношеніи военномъ и такъ бѣдны русскимъ элементомъ, что мы не можемъ обойтись безъ ссылки еще очень долгое время. Каждый ссыльный—будетъ ли то ссылаемый по суду, или въ порядкѣ административномъ,—ложащійся теперь такимъ тяжелымъ бременемъ на сибирское населеніе и мѣстное начальство, будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для государства, если онъ, послѣ нѣкотораго подготовленія, ухода и испытанія въ Сибири или въ другомъ мѣстѣ, послужитъ для расширенія предѣловъ русскаго владычества и постепеннаго занятія для будущей цивилизаціи пространствъ, на которыхъ сидятъ теперь различныя племена азіатскія. Мы не думаемъ — и факты послѣдняго времени краснорѣчиво говорятъ въ нашу пользу, — чтобы мудрые планы московской политики постепеннаго занятія путемъ принудительной колонизаціи уже отжили свое время; мы не раздѣляемъ, помня факты русской исторіи, и высказываемаго нерѣдко опасенія побѣговъ со стороны ссыльныхъ, поселенныхъ близь границъ. Московскую политику ссылки дискредитировали только черезъ-чуръ обширные и поспѣшные планы 1799, 1803 и 1806 годовъ; но даже не смотря на то, что планы эти были слишкомъ мало обдуманы и слишкомъ быстро приведены въ исполненіе, они принесли огромную пользу. Забайкалье заселилось, восточное побережье Сибири стало

русским не только по имени, Амуръ пріобрѣтенъ почти шутя. Не останавливаясь подробнѣе на развитіи этой мысли, которая составляетъ уже предметъ другаго обширнаго вопроса ссыльной политики,—о водвореніи,—скажемъ только, что кромѣ современной формы принудительной колонизаціи, заключившейся въ опредѣленіи для нея мѣстныхъ границъ, намъ необходима еще другая ея форма,—*поступательная*,—которую такъ хорошо изучилъ и примѣнялъ русскій народъ. Для такой *поступательной ссылки*, которой прибавляется новая сложная задача военнаго свойства, которой придется строить свои дома и воздѣлывать свои поля съ ружьемъ въ рукахъ (какъ было въ періодъ московскій), объемъ власти управленія долженъ быть еще шире. Интересу занятія путемъ прочнаго водворенія на новыхъ мѣстахъ должны быть подчинены всѣ другіе интересы, для чего необходимы полные единство и сила власти.

За опредѣленіемъ задачъ и мѣры самостоятельности ссыльнаго управленія, указаніе отдѣльныхъ органовъ его и ихъ взаимныхъ соотношеній представляется несущественною подробностью. Гр. Муравьевъ желалъ, чтобы мѣстное главенство ссыльнаго управленія принадлежало: для всей восточной Сибири генералъ-губернатору, а для отдѣльныхъ губерній и областей — начальникамъ ихъ. Проектъ г.-л. Корсакова совершенно исключаетъ губернаторовъ, оставляетъ за генералъ-губернаторомъ только право высшаго мѣстнаго наблюденія и сосредоточиваетъ активное управленіе ссыльными въ лицѣ главнаго инспектора. Замѣчаніе г.-л. Корсакова, что при главномъ инспекторѣ долженъ состоять болѣе обширный штатъ канцеляріи, чѣмъ предполагалъ гр. Муравьевъ, можетъ быть и вѣрно; но гр. Муравьевъ требовалъ меньшаго, очевидно, потому только, что большаго труднѣе было достигнуть. По вопросу объ отношеніи начальниковъ губерній и областей къ ссыльному управленію проектъ г.-л. Корсакова можно-бы рекомендовать тогда, еслибы всѣ ссыльные восточной Сибири во все время наказанія подвергались тюремному режиму; но такъ какъ сюда поступаютъ и поселенцы, такъ какъ и каторжные оканчиваютъ свое наказаніе въ этомъ состояніи, задача государственной политики относительно котораго состоитъ въ облегченіи сліянія его со свободнымъ населеніемъ, то истина лежитъ едва-ли не на сторонѣ проекта гр. Муравьева; и это тѣмъ болѣе, что непосредственное завѣдываніе ссыльно-поселенцами сосредоточивается не въ лицѣ особыхъ органовъ, а въ рукахъ органовъ общей адми-

нистрація. Только въ интересахъ іерархической связи можно желать, чтобъ инспекторы, кромѣ подчиненія губернскому начальству, находились въ непосредственномъ подчиненіи главному инспектору ссыльныхъ.

Проектъ г.-л. Корсакова грѣшитъ прежде всего тѣмъ, что онъ былъ представленъ несвоевременно, не въ установленномъ порядкѣ и задержалъ надолго реформу ссыльнаго управленія. Онъ повторяетъ всѣ существенныя положенія проекта гр. Муравьева, оцѣнка же предположенныхъ имъ измѣненій невозможна, такъ какъ проектъ этотъ былъ представленъ безъ конца: за исключеніемъ нерчинскаго округа, онъ ничего не говоритъ объ органахъ непосредственнаго завѣдыванія ссыльными. „Специализація“ ссыльнаго управленія, на которой онъ такъ настаиваетъ какъ на своей особенности, взята имъ цѣликомъ изъ проекта гр. Муравьева; оттуда же взяты и мысли о главномъ инспекторѣ и инспекторахъ. Расширеніе власти инспекторовъ и самостоятельности ихъ по отношенію къ начальникамъ губерній могло бы быть достигнуто, по указаніямъ опыта, и при проектѣ гр. Муравьева, въ предположенномъ имъ порядкѣ генералъ-губернаторскихъ инструкцій. Весьма слабую сторону проекта г.-л. Корсакова составляетъ неточность его терминологіи; такъ напр. власть главнаго инспектора опредѣляется здѣсь словами „завѣдываніе ссыльными“, которыя безъ всякихъ измѣненій повторяются и для обозначенія власти инспектора нерчинскаго округа, лица подчиненнаго; для опредѣленія власти генералъ-губернатора употребляется не точный и ничего не говорящій терминъ „главное вѣдѣніе“, безъ всякаго его поясненія.

На долю мин. вн. дѣлъ ст.-секр. Валуева выпала самая трудная и, въ то же время, самая неблагодарная, мозаическая работа по составленію предположеній объ организаціи ссыльнаго управленія. Множество возраженій, представленныхъ противъ проекта гр. Муравьева, побудили его сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя существенныя измѣненія. Установленіе болѣе прямой связи между главнымъ инспекторомъ и центральнымъ правительствомъ составляетъ здѣсь шагъ впередъ. Но нельзя того-же сказать объ ограниченіи степени самостоятельности ссыльнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ст.-секр. Валуевъ, въ виду сдѣланныхъ барономъ Корфомъ замѣчаній, былъ поставленъ въ чрезвычайно трудное положеніе выбора между двумя типами инспекціи, изъ которыхъ одинъ, предложенный гр. Блудовымъ, былъ уже косвенно одобренъ государ-

ственнымъ совѣтомъ, а другой предлагался вновь мѣстнымъ начальствомъ. Симпатіи его, какъ дѣятеля практическаго, чувствовавшаго невозможность довольствоваться созерцательнымъ органомъ, были на сторонѣ активной инспекціи, проектированной гр. Муравьевымъ. Но, затрудняясь обойти замѣчаніе барона Корфа, онъ соединилъ въ своемъ проектѣ оба эти типа, принципіально между собою различающіеся. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, согласить, что, съ одной стороны, „главный инспекторъ долженъ быть не столько исполнителемъ существующаго порядка, для чего есть другія начальства, сколько организаторомъ — преобразователемъ ввѣряемой ему части„, а съ другой—что онъ „вѣдаетъ всею перепискою о ссыльныхъ, распредѣленіемъ ихъ и всѣми тѣми предметами, которые возложены будутъ на инспекторовъ". Напомнимъ также, что окончательный проектъ гр. Валуева, расходясь съ первоначальными его предположеніями, сохранялъ экспедиціи о ссыльныхъ. Не отрицая необходимости имѣть при губернскомъ начальствѣ особое установленіе для дѣлъ о ссыльныхъ, мы думаемъ, однако, что для этой цѣли экспедиціи представляются установленіемъ слишкомъ мало подвижнымъ, съ весьма медленнымъ дѣлопроизводствомъ и крайне несамостоятельнымъ. Можно, если угодно, оставить прежнее названіе, — но не больше. Это губернское установленіе слѣдовало бы подчинить инспекторамъ, предоставивъ имъ возможно широкую степень власти въ дѣлѣ управленія ссыльными, но точно опредѣливъ задачи ихъ дѣятельности и отвѣтственность.

Что касается затѣмъ непосредственнаго управленія ссыльными, то всѣ проекты оставляли его почти безъ всякихъ измѣненій, т. е. относительно содержавшихся въ тюрьмахъ, больницахъ и т. под. — въ рукахъ смотрителей этихъ заведеній, а относительно живущихъ на свободѣ — у мѣстныхъ полицій, волостныхъ и сельскихъ начальствъ. Только нерчинскій округъ составлялъ исключеніе, да въ западной Сибири предполагались нѣкоторые особые попечительные органы. Такое рѣшеніе вопроса болѣе другихъ согласно съ особенностями ссыльнаго быта и съ назначеніемъ поселенія служить подготовительною ступенью для окончательнаго перехода въ среду гражданскаго общества. Созданіе обширной сѣти мѣстныхъ органовъ для управленія ссыльными, живущими уже на свободѣ, въ видѣ особыхъ смотрителей, приказчиковъ и т. под., было бы очень дорого и едва-ли могло-бы принести какую нибудь пользу для ссылки, такъ какъ правительство

встрѣтилось бы съ огромными трудностями по прiисканiю значительнаго числа нужныхъ и свѣдущихъ людей. Весьма характеристично, что какъ въ западной, такъ даже и въ восточной Сибири учрежденные уставомъ 1822 г. особые стотрители ссыльныхъ упразднены практикою, и мѣстное управленiе ими сосредоточилось въ рукахъ полицiи.

Но подлѣ органовъ общаго управленія, ссылка нуждается ещё въ органахъ, посвященныхъ служенію спеціальнымъ ея потребностямъ. Таковы главнымъ образомъ потребности рабочія, гигіеническія, духовныя и умственныя.

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться здѣсь подробно на организаціи каждой изъ этихъ потребностей. и ограничимся замѣчаніемъ, что онѣ крайне нуждаются въ своихъ спеціальныхъ руководителяхъ, въ своихъ техникахъ, находящихся въ распоряженіи общаго управленія. Въ настоящее время только рабочая потребность, да и то не вполнѣ, обращаетъ на себя вниманіе. Кромѣ того, гр. Муравьевъ-Амурскій, съ отличающею его проектъ предусмотрительностью, указалъ на важное для ссылки значеніе священно-служителей и медиковъ, и потребовалъ ассигновку особой суммы (до 5000 р. въ годъ) на улучшеніе ихъ положенія. Забытъ былъ, однако, одинъ элементъ ссыльной техники, едва-ли не самый важный — школа, которая для ссылки и для ссыльныхъ имѣетъ огромное значеніе. Появляясь въ качествѣ невольныхъ пришельцевъ въ странѣ совершенно для нихъ новой, ссыльные крайне нуждаются въ ближайшемъ ознакомленіи со свойствами ея природы, съ составомъ населенія, съ ожидающими ихъ новыми условіями быта и отношеніями какъ къ начальству, такъ и къ мѣстному населенію. Въ настоящее время у нихъ есть одинъ только источникъ, къ которому они могутъ обращаться для удовлетворенія такой ихъ законной любознательности, это—рецидивисты, нѣсколько разъ побывавшіе въ Сибири и слѣдующіе съ ними въ пересыльныхъ партіяхъ или являющіеся ихъ тюремными товарищами. Но получаемыя отсюда свѣдѣнія должны быть очень сомнительнаго качества. Въ интересахъ общегосударственныхъ, въ интересахъ свободнаго сибирскаго населенія нужно желать, чтобъ этотъ источникъ былъ замѣненъ другимъ, болѣе надежнымъ, и чтобъ правильное школьное преподаваніе развилось въ ссылкѣ какъ для самихъ ссыльныхъ, такъ и для дѣтей ихъ. Кромѣ этого спеціальнаго сооб-

раженія, въ пользу депортаціонной школы говорятъ и всѣ тѣ аргументы, которые приводятся въ пользу школы тюремной.

Изъ представленныхъ выше замѣчаній видно уже, что мы не находимъ ни нужнымъ, ни даже возможнымъ, сосредоточивать высшее *мѣстное* управленіе ссыльными въ рукахъ особаго центральнаго установленія, какимъ для тюремъ Имперіи является вновь образованное главное тюремное управленіе. Прошли уже времена сибирскаго приказа, когда центральная власть могла, даже съ нѣкоторымъ успѣхомъ, руководить всѣми подробностями ссыльнаго дѣла, тогда еще весьма несложнаго. Нынѣ управленіе должно стоять ближе къ ссыльнымъ, жить среди нихъ, а между тѣмъ учрежденіе *центральнаго* установленія въ предѣлахъ самой Сибири по многимъ причинамъ было-бы до такой степени неудобно, могло бы создать такое поразительное смѣшеніе властей, что эта мысль должна быть совершенно отброшена. Если-же оно будетъ находиться въ Петербургѣ, то инспекторы, состоящіе при немъ, на основаніи теперешняго порядка, очевидно, будутъ совершенно непригодны для управленія ссылки, какъ вслѣдствіе отдаленности восточной Сибири, такъ и потому, что наше ссыльное управленіе нуждается въ людяхъ, имѣющихъ о ссылкѣ совершенно основательныя свѣдѣнія, которыхъ нельзя пріобрѣсти мимолетною инспекціею; оно нуждается, притомъ, не столько въ органахъ для производства повременныхъ инспекцій, сколько въ органахъ, которые могли-бы взять въ свои твердыя и опытныя руки ссыльное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Кромѣ того, главное тюремное управленіе — вѣдомство еще очень молодое; мы не знаемъ, освоилось-ли оно даже съ вопросомъ, непосредственно ему порученнымъ, такъ какъ о дѣятельности его, кромѣ летучихъ и недоказательныхъ рекламъ, время отъ времени появляющихся на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій, ничего еще не извѣстно. Конечно, задача его очень трудная; но успѣхъ удовлетворительнаго разрѣшенія ея еще болѣе задержится, если къ его функціямъ присоединится сложный ссыльный вопросъ. Наконецъ, политика тюрьмы и политика ссылки далеко между собою не тождественны. Задачи первой кончаются съ освобожденіемъ арестанта; задачи второй идутъ далеко за предѣлы тюремныхъ стѣнъ, постепенно переходя въ дѣятельность общаго административнаго свойства. Существуетъ большая опасность, что дѣятели *тюремнаго* управленія, воспитанные или печальными

примѣрами нашихъ тюремъ-остроговъ, или — самое лучшее — сочиненіями пенитенціаристовъ запада, вовсе не имѣвшихъ въ виду ссылки, могутъ направить ссыльное дѣло по ложной дорогѣ. Уже исторія нашей ссылки показываетъ, что для нея была въ высшей степени вредна регламентація центра потому, между прочимъ, что центръ, увлекаясь карательной ея стороной, приносилъ ей въ жертву сторону соціально-экономическую. Еще легче спеціальное тюремное управленіе можетъ забыть интересы свободнаго населенія, въ среду котораго вливается ссылка. Только мѣстныя власти, близко стоящія къ ссыльному быту, въ состояніи сохранить надлежащее равновѣсіе между всѣми разнообразными его сторонами.

Но затѣмъ, конечно, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для сосредоточенія переписки мѣстныхъ органовъ ссыльнаго управленія, для докладовъ министру и для подготовленія предположеній, вносимыхъ министерствомъ по вопросамъ ссылки въ законодательныя установленія, должно находиться особое лицо съ соотвѣтствующимъ штатомъ. Не имѣя никакой самостоятельной власти по отношенію къ ссылкѣ, это лицо не будетъ составлять лишней инстанціи, замедляющей дѣлопроизводство, служа лишь посредствующимъ канцелярскимъ звѣномъ между мѣстнымъ управленіемъ и министромъ и помогая послѣднему своими спеціальными знаніями ссыльнаго быта. Весьма важно, чтобъ дѣла о ссыльныхъ *во всѣхъ отношеніяхъ* были сосредоточены въ вѣдомствѣ одного министерства· раздробленіе ихъ между нѣсколькими министерствами, какъ показалъ нашъ прежній опытъ, крайне пагубно для успѣховъ ссыльнаго дѣла.

Властью министра завершается лѣстница правительственныхъ органовъ ссылки. Стоя на самомъ верху ея, онъ долженъ имѣть право общаго надзора за дѣйствіями всѣхъ органовъ ссыльнаго управленія и высшаго руководства ссыльной политики. Не стѣсняя мѣстныя начальства, онъ будетъ наблюдать за законо-мѣрностью ихъ дѣйствій и сообразностью ихъ съ общими государственными интересами. Эта задача до такой степени важна и сложная, устойчивость политики, полное и всестороннее обсужденіе входящихъ вопросовъ здѣсь до такой степени необходимы, что авторъ настоящихъ строкъ склонился-бы къ мысли объ образованіи высшаго колегіальнаго установленія, на подобіе сибирскаго комитета, еслибы можно было надѣяться, что найдется другой Сперанскій, который съумѣетъ дать этому установленію

надлежащую энергію и познанія. Но безцвѣтность второго сибирскаго комитета заставляетъ думать, что нынѣ предпочтительнѣе во главѣ ссыльнаго управленія поставить единоличную власть министра. Этимъ во всякомъ случаѣ достигается уже та выгода, что одною инстанціею для прохожденія дѣлъ о ссылкѣ становится меньше.

Заканчивая нашъ трудъ, мы не можемъ пройдти молчаніемъ еще одну сторону въ вопросѣ о ссыльномъ управленіи, которая относится къ разсмотрѣнію предположеній его въ законодательномъ порядкѣ. Примѣръ разсматривавшагося въ государственномъ совѣтѣ дѣла о новой системѣ управленія ссыльными, выше нами изложеннаго, обнаруживаетъ весьма печальное положеніе вещей. Это въ высшей степени важное дѣло обременяло собою государственный совѣтъ и высшіе органы администраціи въ теченіи цѣлаго десятилѣтія, и кончилось ничѣмъ потому, главнымъ образомъ, что при самомъ разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ обнаружилось, по болѣе или менѣе второстепеннымъ пунктамъ его, разногласіе между внесшимъ его министромъ и товарищами его по портфелямъ; а такъ какъ государственный совѣтъ, въ качествѣ учрежденія законодательнаго, не призванъ примирять министровъ, то ему оставалось только воротить дѣло, послѣ десятилѣтнихъ перипетій, къ той-же министерской власти. Между тѣмъ, въ теченіи всего этого времени всякія частныя улучшенія, въ близкомъ ожиданіи общей реформы, пріостановились, и руки администраціи были связаны. Нужно, притомъ, прибавить, что въ этомъ дѣлѣ кромѣ вопроса объ управленіи былъ поднятъ весьма крупный вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ; его постигла та-же печальная участь по соображеніямъ и обстоятельствамъ совершенно побочнаго свойства. И это — въ лѣтописяхъ нашей законодательной дѣятельности новѣйшаго времени примѣръ далеко не единичный. То-же повторилось, напр., и съ вопросомъ о наказаніяхъ ссыльныхъ, объ экономическомъ поселенческомъ капиталѣ и т. д. Трудно представить себѣ, какъ много вреда приноситъ государству такой порядокъ — или, правильнѣе говоря — такой непорядокъ вещей. Оставить его безъ вниманія и безъ измѣненія, значило-бы въ самомъ началѣ парализовать наибольшую долю пользы, которую могло-бы принести новое ссыльное управленіе. Апатія прививается къ администраціи очень легко, а она станетъ неизбѣжною и реформированное управленіе скоро напомнитъ нынѣшнія

экспедиціи, если предположенія, выработанныя имъ и представленныя какъ требующія настоятельнаго разрѣшенія, будутъ лежать въ Петербургѣ годами и затѣмъ возвратятся къ нему безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, хотя-бы и съ канцелярскимъ ихъ одобреніемъ.

Беньякъ.
Іюнь 1880.

КРИТИКА

и

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО.

Н. Бунге. Полицейское право. Введеніе и Государственное благоустройство. Т. 1. Курсъ, читанный въ Университетѣ Св. Владиміра. Кіевъ, 1869—1873 гг.

И. Андреевскій. Полицейское право. Два тома. Спб. 1871—1874 гг.

М. Шпилевскій. Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. Одесса. 1875 г.

Смыслъ настоящаго разъясняется прошедшимъ, корни-же будущаго можно усмотрѣть въ настоящемъ. Поэтому, предпринимая разборъ двухъ курсовъ науки полицейскаго права, изданныхъ нашими полицеистами, профессорами *Бунге* и *Андреевскимъ*, и книги профессора *Шпилевскаго* о полицейскомъ правѣ, какъ самостоятельной отрасли правовѣдѣнія, мы сочли необходимымъ предпослать этому разбору историческій очеркъ литературы изслѣдуемой науки; а такъ какъ въ разбираемыхъ трудахъ отразилось почти исключительно только германское вліяніе, то мы и ограничимся краткимъ и сжатымъ очеркомъ литературы по наукѣ полицейскаго права въ Германіи [1]). Очеркъ этотъ освѣтитъ намъ нѣкоторыя достоинства и недостатки въ трудахъ названныхъ авторовъ и дастъ также возможность опредѣлить количество и качество услугъ, оказанныхъ ими наукѣ.

Первымъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ о полиціи въ западно-европейской литературѣ считается обширный трудъ *Делямаре*, изданный въ 1722-мъ году и озаглавленный „Трактатъ о полиціи съ исторіей ея учрежденія, ея функцій и прерогативы должностныхъ лицъ ея и т. д.". [2]) Слову

---

[1]) См. *И. Тарасова.* Опытъ разработки програмы и конспекта общей части науки полицейскаго права. Ярославль, 1879.

[2]) *Де-Зессаръ* сдѣлалъ извлеченіе изъ трактата *Делямаре* (см. *De-sessarts* diction. univ. de police Paris 1786, I—VIII, 8), переведенное въ 1814 году въ 2-хъ частяхъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «О полиціи вообще». Раньше, въ концѣ прошлаго столѣтія, на русскій языкъ переведены были, кромѣ сочиненій *Юсти* и *Зонненфельса*, еще «Политическія наставленія барона Бильфельда»

„полиція" *Делямаре* придавалъ троякое значеніе: а) общее управленіе государствъ, б) управленіе каждаго государства и в) самое употребительное и тѣсное—управленіе каждаго города. Трактатъ *Делямаре*, какъ извѣстно, имѣетъ значеніе превосходнаго сборника историческаго матерьяла, но не научнаго изслѣдованія: въ трактатѣ этомъ не разъясняется, есть-ли полиція учрежденіе, или-же только задача, не указывается на мѣсто полиціи въ организмѣ государственнаго управленія и въ системѣ задачъ государства, наконецъ—не опредѣляется соотношеніе между центральными, мѣстными и общественными органами при совмѣстной полицейской дѣятельности ихъ.

За *Делямаре*, въ генетическомъ и историческомъ порядкѣ, слѣдуетъ *Юсти*, основательно называемый отцемъ науки полицейскаго права, такъ какъ онъ первый соединилъ систематически основныя положенія для дѣятельности полиціи, выдѣлилъ эти положенія изъ другихъ наукъ и указалъ на мѣсто науки о полиціи въ ряду другихъ наукъ. [1]). По мнѣнію *Юсти* задача полиціи заключается въ согласованіи благосостоянія отдѣльныхъ семей съ благосостояніемъ государства, поэтому предметами полиціи онъ считаетъ движимое и недвижимое имущества и моральныя богатства. Не смотря на очевидное стремленіе *Юсти* разработать всю науку о полиціи какъ одно цѣлое, найти руководящее начало, рѣзко очертить границы,—онъ называетъ однако полиціей совершенно несоотвѣтствующіе предметы и возлагаетъ на полицію задачи, ей несвойственныя. Такое смѣшеніе понятій дѣлается совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе то смутное представленіе о значеніи термина „полиція", которое господствовало во времена *Юсти*. Даже во Франціи,—этой родинѣ полиціи, употребленіе термина „полиція" было совершенно произвольное; такъ напримѣръ, *Савари* въ своей знаменитой книгѣ, Dictionnaire universel, изданной въ 1726 г., говоритъ, между прочимъ, по поводу эдикта, даннаго въ 1717 году Западной Кампаніи, о „дисциплинѣ и *полиціи*, необходимыхъ для счетоводства и кассоводства".

Почти одновременно съ *Юсти* писалъ о полиціи *Зонненфельсъ* [2]). Онъ полагаетъ задачу полиціи въ заботѣ о публичномъ благосостояніи, которое заключается въ безопасности и удобствахъ жизни. Совокупность мѣръ для внѣшней безопасности онъ называетъ *политикой*, для внутренней—*полиціей*. Эта внутренняя полиція касается внутренней публичной и частной безопасности, причемъ частная безопасность имѣетъ предметами дѣйствія, лица, честь и имущества. *Зонненфельсъ*, давая полиціи болѣе уз-

---

перев. *кн. Шаховскаго* 1768 г.,—«Разсужденіе о благоденствіи общенародномъ, Лудовика Антонія Муратори» перев. *Попова*, 1780 г.,—*Шлёцера* «Первыя начала государственнаго хозяйства, или наука о народномъ богатствѣ» перев. *Гуржеева*, и то-же «Начальныя основанія государственнаго хозяйства» 1-е изд. 1805, 2-е изд. 1821 г., перев. *Смирнова*.

[1]) Одно сочиненіе *Юсти* переведено *Богаевскимъ* въ 1772 году на русскій языкъ, подъ заглавіемъ «Основаніе силы благосостоянія царства или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до госуд. благосостоянія», другое переведено въ 1770 г. *Волковымъ*, подъ заглавіемъ «Существенное изображеніе естества народныхъ обществъ и всякаго рода законовъ».

[2]) Въ 1787 г. изданъ русскій переводъ *Гаврилова* первой части сочиненія *Зонненфельса*, подъ заглавіемъ «Начальныя основанія полиціи и благочинія».

кое опредѣленіе, чѣмъ *Юсти*, не ставитъ однако общаго принципа, на основаніи котораго государство и, по его уполномочію, органы самоуправленія и общественные могутъ вторгаться въ сферу дѣятельности гражданъ; равно какъ онъ нигдѣ не опредѣляетъ принципіально границы для этого вторженія, хотя и упоминаетъ „объ опасности для дѣйствій или для свободы частныхъ лицъ отъ государственной власти“.

Дальнѣйшій шагъ къ развитію науки полицейскаго права сдѣланъ былъ *Бергомъ*,—авторомъ руководства къ нѣмецкому полицейскому праву, изданнаго въ 1799 году [1]). *Бергъ* первый разработалъ *положительное полицейское право*; онъ же первый сдѣлалъ попытку къ опредѣленію границы для полицейской дѣятельности, исходя изъ понятія о правѣ; наконецъ, онъ первый раздѣлилъ полицію на полицію *безопасности* и *благоустройства*. Въ видахъ удобства обозрѣнія многоразличныхъ предметовъ, входящихъ въ разсмотрѣніе науки полицейскаго права, онъ раздробилъ эту науку на цѣлую массу отдѣльныхъ вопросовъ, придавъ каждому изъ нихъ свою задачу и свой принципъ. Это было какъ-бы сліяніемъ полиціи съ камеральными науками: основныя положенія послѣднихъ вошли въ полицію, забота о народномъ благосостояніи и безопасности поставлена была выше заботы о камерныхъ имуществахъ.

Послѣ замѣчательнаго изслѣдованія *Берга*, ближайшія задачи, при дальнѣйшемъ развитіи науки полицейскаго права, очевидно, должны были заключаться, съ одной стороны, въ принципіальномъ опредѣленіи соотношенія между полиціей и юстиціей, съ другой стороны—въ выясненіи связи между наукой полицейскаго права и наукой народнаго хозяйства. Разрѣшеніемъ этихъ двухъ задачъ занялись *Лотцъ* и *Соденъ*.

Лотцъ, сначала въ своей книгѣ „Понятіе о полиціи и объ объемѣ государственной полицейской власти“, изданной въ 1807 году, а затѣмъ, главнымъ образомъ, въ своихъ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Новомъ Архивѣ уголовнаго права [2]), указалъ на соотношеніе между полиціей и юстиціей. По мнѣнію *Лотца*, на обязанности полиціи, которую онъ считаетъ отраслью управленія, лежитъ предупрежденіе и пресѣченіе опасности, правонарушеній и т. п., на обязанности-же юстиціи лежитъ возстановленіе нарушенныхъ правъ, а такъ какъ безнаказанность преступленій опасна для общества и государства, то полиція, кромѣ того, является служебнымъ органомъ юстиціи, разъискивая преступниковъ, производя дознанія, подвергая предупредительному аресту и т. п.

Соденъ, въ своей книгѣ „Государственная полиція по основнымъ положеніямъ національной экономіи“ изданной въ 1817 году [3]), ставитъ задачей полиціи споспѣшествованіе удобствамъ общежитія и устраненіе

---

[1]) Руководство *Берга*, на сколько намъ извѣстно, не было переведено на русскій языкъ, равно какъ остались не переведенными нижеуказанныя сочиненія *Лотца*, *Содена* и *Циммермана*.

[2]) См. *И. Тарасовъ*. Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, ч. I. Кіевъ, 1873 г. стр. 33 и слѣд.

[3]) Книга эта составляетъ только часть обширнаго 9-ти томнаго сочиненія *Содена*, озаглавленнаго «Die Nationaloekonomie, ein philosophischer Versuch über die Quellen des Nationalreichthums und über die Mittel zu dessen Beförderung» 1805—1824.

неудобствъ, возможныхъ при этомъ общежитіи. Онъ выдѣляетъ изъ полиціи ту дѣятельность правительства, которая, опираясь на начала науки о народномъ хозяйствѣ, содѣйствуетъ развитію матерьяльнаго народнаго благосостоянія, — это, такъ называемое имъ, государственно-народное хозяйство, какъ прикладная часть Политической Экономіи. Однако выдѣленіе изъ полиціи этой прикладной части Политической Экономіи сдѣлано *Соденомъ* не достаточно ясно и мѣстами встрѣчаются у него грубыя противорѣчія [1]).

Хотя перечисленные авторы касались вопроса объ организаціи полиціи, посвящая ему въ своихъ сочиненіяхъ особые отдѣлы, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ оставался открытымъ, главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе недостаточнаго уясненія задачъ полиціи и отношенія полицейской власти къ другимъ властямъ. За разрѣшеніе этого вопроса взялся опытный полицеистъ-практикъ—*Циммерманъ* [2]).

По опредѣленію *Циммермана* полиція есть опытная, а не отвлеченная наука. Задача полиціи — порядокъ (Ordnung) и эту задачу она выполняетъ какъ особо выработавшійся для этого института (Institut der Ordnungssorge, Polizeiinstitut). Полицію *Циммерманъ* называетъ публич-

---

[1]) Дѣло *Содена*, т. е. выдѣленіе народно-хозяйственной политики изъ полиціи, завершилъ *Рау*. *Народно-хозяйственную политику Рау* считаетъ за самостоятельную науку, возникшую изъ связи законовъ политической экономіи съ цѣлями государства. Задача этой науки заключается въ томъ, чтобы указать на границу и мѣры содѣйствія правительства къ развитію народнаго благосостоянія. Дѣятельность правительства, направленную къ достиженію этой задачи, онъ называетъ *хозяйственною полиціей* (Wirthschaftspolizei, Volkswirthschaftspflege, Wohlstandssorge). Сознаніе необходимости заботы государственной власти о народномъ хозяйствѣ вытекаетъ, по мнѣнію *Рау*, изъ того, что 1) благосостояніе народа и единичнаго гражданина зависитъ отъ благопріятныхъ хозяйственныхъ условій, и 2) государство не можетъ преслѣдовать своихъ цѣлей, если не заботится о хозяйственномъ благосостояніи народа. Народно-хозяйственная политика есть часть политики въ обширномъ смыслѣ; отличіе ея отъ полиціи заключается въ томъ, что характеръ дѣятельности послѣдней преимущественно отрицательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ связь съ полиціей столь тѣсная, что бо́льшая часть задачъ народно-хозяйственной политики можетъ быть поручена органамъ полиціи. Такъ какъ для народно-хозяйственной политики не достаточно однихъ только законовъ хозяйственной жизни, но нужно еще знакомство съ сущностью государства, его цѣлями, съ характеромъ и формой государственной власти и т. п., то ее нельзя считать за прикладную часть политической экономіи. Изъ предисловія ко 2-му изданію (всѣхъ изданій было 6) видно, что *Рау* допускаетъ возможность включенія народно-хозяйственной политики въ полицію, но не иначе какъ въ полномъ ея объемѣ, не разрывая ее на части.

[2]) Сочиненіе *Циммермана* въ 3-хъ томахъ, озаглавленное «die deutsche Polizei im neunzehnten Jahrhundert», издано въ 1846—1849 гг., т. е. послѣ появленія 1-го изданія науки о полиціи *Моля*; но, держась генетическаго порядка, мы относимъ *Циммермана* къ числу предшественниковъ *Моля*, во 1-хъ потому, что взглядъ *Моля* на полицію слѣдуетъ считать окончательно выясненнымъ лишь въ 3-мъ изданіи, вышедшемъ въ 1866 году, во-вторыхъ, сочиненіе *Циммермана* совершенно чуждо вліянія *Моля*, и въ третьихъ, воззрѣнія *Циммермана* на полицію далеко отстали отъ воззрѣній *Моля* на тотъ же предметъ. Въ 1852 г. тотъ-же авторъ издалъ извлеченіе изъ своего перваго сочиненія, озаглавивъ его «Wesen, Geschichte, Literatur, characteristische Thätigkeit und Organisation der modernen Polizei и т. д.

нымъ институтомъ управленій (öffentliches Behördeninstitut) внутри государства, стоящимъ рядомъ съ юстиціей для охраненія порядка, въ видахъ чего полиція предупреждаетъ нарушенія порядка, возможныя со стороны силъ природы или людей, пресѣкаетъ наступившія нарушенія порядка и раскрываетъ совершившіяся. Самостоятельнаго значенія за полицейскимъ правомъ онъ вовсе не признаетъ, видя въ немъ только составную часть государственнаго права, дѣятельность-же полиціи дѣлитъ на наблюдательную (beobachtende), предупредительную, репрессивную (formlose Behandlung gegenwärtiger Uebelstände) и слѣдственную (entdeckende). Въ послѣдней части своего сочиненія *Циммерманъ* говоритъ подробнѣйшимъ образомъ объ организаціи полиціи, посвящая этому вопросу цѣлый томъ. Вся полицейская дѣятельность должна быть сосредоточена въ одномъ вѣдомствѣ, — въ министерствѣ полиціи; въ составъ этого министерства входятъ высшія, среднія и низшія управленія, подчиняющіяся строго-бюрократическому порядку, причемъ управленія эти дѣлятся, съ одной стороны, на распорядительныя и исполнительныя, съ другой — на административныя, вѣдающія наблюдательную, предупредительную и репрессивную части дѣятельности полиціи, и на судебную, вѣдающую слѣдственную часть этой дѣятельности. Значеніе полицейскихъ распоряженій онъ ставитъ въ зависимость отъ пространства дѣйствія ихъ и отличаетъ отъ распоряженій полицейскія приказанія и запрещенія, касающіяся отдѣльныхъ лицъ или предметовъ.

Въ 1832 г. появился трактатъ *Роберта фонъ Моля*, озаглавленный „die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates“, которому, повидимому, предстояло сказать заключительное слово о работахъ предшественниковъ. Трактатъ этотъ, значительно измѣненный и дополненный, вышелъ 3-мъ изданіемъ въ 1866 году[1]). Цѣль полиціи, по мнѣнію *Моля,* заключается въ устраненіи препятствій для всесторонняго развитія гражданъ, а такъ какъ препятствія эти могутъ быть со стороны лицъ и природы, то отсюда корень различія между юстиціей и полиціей, отсюда-же и необходимость выдѣленія изъ полиціи, такъ называемой, *предупредительной юстиціи* или *правовой полиціи* (Präventiv-Justiz, Rechts-Polizei). Въ основаніе разработки науки о полиціи (не полицейскаго права) *Моль* беретъ понятіе о правомѣрномъ государствѣ (Rechtsstaat) и, считая полицію за составную часть управленія, онъ полагаетъ, что дѣятельность ея должна согласоваться съ основной задачей правомѣрнаго государства, заключающейся въ томъ, чтобы, посредствомъ разумной организаціи общей силы, дать возможность какъ единичному лицу, такъ и фактически существующимъ общественнымъ единицамъ развивать свои силы и преслѣдовать свои разумныя цѣли. Такимъ образомъ полиція является совокупностью тѣхъ государственныхъ учрежденій и дѣйствій, которыя имѣютъ цѣлью удалять, посредствомъ примѣненія государственной силы, внѣшнія, не заключающіяся въ правонарушеніяхъ, препятствія, которыя становятся помѣхой всестороннему, разумному раз-

---

[1]) На русскій языкъ переведено г. *Сементковскимъ* только начало науки о полиціи *Роберта фонъ Моля.* Вышелъ до сихъ поръ только первый выпускъ этого весьма неудачнаго перевода.

витію человѣческихъ силъ, и которыхъ не въ состояніи удалить ни единичное лицо, ни дозволенный союзъ единичныхъ лицъ. Устраняя эти препятствія, полиція касается личной, хозяйственной и умственной жизни гражданъ. Наука о полиціи есть систематическое изложеніе основныхъ положеній объ устройствѣ и распространеніи отдѣльныхъ вспомогательныхъ учрежденій государства, имѣющихъ цѣлью устраненіе препятствій со стороны внѣшнихъ силъ. Полиція, съ одной стороны, обращается къ гражданамъ съ требованіями, съ другой—она устанавливаетъ учрежденія, которыми граждане могутъ или должны пользоваться. Неисполненіе требованій влечетъ за собой принужденіе, которое согласуется не только со степенью сопротивленія, но и съ значеніемъ требованія; нарушенія-же полицейскихъ законовъ, если они не связаны съ нарушеніемъ правъ, должны входить въ сферу компетенціи полицейскихъ судовъ, присуждающихъ къ значительнымъ денежнымъ штрафамъ [1]). Опредѣляя ближе соотношеніе между полиціей и юстиціей, *Моль* говоритъ, что юстиція обязана предупреждать и наказывать нарушенія права, полиція-же удаляетъ внѣшнія препятствія для всесторонняго развитія гражданъ, слѣдовательно предупрежденіе правонарушеній отнюдь не входитъ въ сферу компетенціи полиціи, а составляетъ особую, самостоятельную отрасль той дѣятельности государства, которая называется правосудіемъ (Rechtspflege), а такъ какъ въ этой отрасли государство дѣйствуетъ главнѣйшимъ образомъ посредствомъ принужденія, то необходимо отысканіе формъ и мѣръ этого принужденія, что и составляетъ задачу, такъ называемой, предупредительной юстиціи или правовой полиціи [2]).

На такой ступени развитія засталъ науку о полиціи *Лоренцъ фонъ Штейнъ*. Кромѣ того, съ одной стороны, въ жизни, въ практикѣ, сложилось представленіе о полиціи, какъ о чемъ-то ненавистномъ, враждебномъ свободѣ, произвольномъ; съ другой стороны—трактаты *Моля* и другихъ ясно указывали на необычайную массу предметовъ, на которые распространяется дѣятельность полиціи. Практика молила о пощадѣ, требуя ограниченія полицейской дѣятельности въ интересахъ гражданской свободы; теорія-же обнаруживала свое безсиліе справиться съ изобиліемъ предметовъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію въ предѣлахъ одной, отдѣльной науки; вмѣстѣ съ тѣмъ здравый смыслъ, внутреннее сознаніе и даже поверхностное знакомство съ жизнью государственнаго организма ясно указывали на то, что вся, такъ называемая, полицейская дѣятель-

---

[1]) До какой степени такое воззрѣніе на полицейскіе суды было значительнымъ шагомъ впередъ,—можно опредѣлить только послѣ знакомства съ господствовавшими до тѣхъ поръ воззрѣніями на тотъ-же предметъ, когда, ради какихъ-то понятій о publica honestas specialis и generalis, disciplina publica и т. п., утверждали, что полицейскимъ судьямъ долженъ быть предоставленъ возможно бóльшій просторъ ихъ субъективнымъ воззрѣніямъ въ оцѣнкѣ полицейски наказуемыхъ дѣяній: опредѣленіе-же этихъ дѣяній казалось совершенно излишнимъ, такъ какъ пробѣлъ, допущенный въ этомъ случаѣ законодательствомъ, восполняется общимъ понятіемъ объ опасности. См. *И Тарасова*. Личное содержаніе, ч. I, стр. 20, 33 и слѣд.

[2]) Схематическое изображеніе системы науки о полиціи *Роберта Моля* см. *И. Тарасова*. Опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права. Яросл. 1879 г.

ность необходима, что можно измѣнить принципъ, можно установить иное руководящее начало, но вычеркнуть эту дѣятельность, сдать ее въ архивъ исторіи — невозможно. Примирить эти противорѣчія, согласовать противоположные интересы, указать полиціи иное мѣсто, не совершая однако переворота въ отправленіяхъ государственнаго организма, взялъ на себя *Лоренцъ Штейнъ*.

Воззрѣнія *Л. Штейна* на полицію изложены въ обширномъ трудѣ его, до сихъ поръ неоконченномъ и озаглавленномъ „Ученіе объ управленіи" (Verwaltungslehre)[1]. По опредѣленію *Штейна*, государство есть общество, возвысившееся до самоопредѣленія своей личности и до внутренней и внѣшней индивидуальности. Такъ какъ элементы личности заключаются въ понятіяхъ о „я", волѣ и дѣятельности, то государство, будучи высшей формой личности, заключаетъ въ себѣ тѣ-же элементы. Первый элементъ обнаруживается въ существованіи верховнаго главы государства, второй—въ законодательствѣ, третій—въ управленіи; при этомъ управленіе согласно съ сущностью государства, раскрываетъ, двѣ стороны: съ одной стороны — оно распространяется на дѣйствительныя отношенія жизни, на реальные предметы, — это собственно — управленіе; съ другой — оно предполагаетъ наличность силы и воли, посредствомъ которыхъ управленіе является исполнителемъ воли государства, выражающейся въ законодательствѣ, — это исполнительная власть. Въ *управленіи* сосредоточиваются всѣ задачи государства, система-же управленія, вытекая изъ понятія о природѣ и характерѣ государственной личности, представляетъ три области: правосудіе, государственное хозяйство и внутреннее управленіе, причемъ *внутреннее управленіе* обнимаетъ собою совокупность всѣхъ тѣхъ дѣйствій государства, задача которыхъ и конечная цѣль заключается въ содѣйствіи каждому ко всестороннему развитію силъ его; система-же этого управленія, очевидно, опредѣляется объектомъ его, т. е. жизнью личности, согласно съ чѣмъ внутреннее управленіе обнаруживаетъ три сферы своей дѣятельности, — управленіе личною жизнью, управленіе хозяйственною жизнью и управленіе жизнью общественною. Каждая изъ этихъ сферъ имѣетъ соотвѣтствующія подраздѣленія[2]. *Исполнительная власть*, являясь только необходимымъ элементомъ управленія, имѣетъ общій съ нимъ организмъ, дѣятельность котораго и обнаруживается въ каждомъ актѣ управленія, причемъ власть эта, представляя органическое цѣлое: 1) обладаетъ способностью выражать въ распоряженіяхъ и предписаніяхъ свою волю, имѣющую содержаніемъ исполненіе закона, 2) обладаетъ совокупностью органовъ, посредствомъ кото-

---

[1]) Ученіе объ управленіи *Л. Штейна* изложено въ 7-ми томахъ и 9-ти книгахъ, причемъ первыя три книги, посвященныя вопросу объ исполнительной власти (die vollziehende Gewalt), вышли 2-мъ изданіемъ; собственно-же полиціи посвящена 4-ая книга. Кромѣ того *Л. Штейнъ* издалъ Руководство къ ученію объ управленіи, вышедшее въ 1877 году 2-мъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ. По 1-му изданію Руководства сдѣланъ русскій переводъ, подъ редакціей *проф. Андреевскаго*, но переводъ этотъ нельзя назвать вполнѣ успѣшнымъ.

[2]) Схематическое изображеніе системы *Л. Штейна* см. *И. Тарасова*, Основныя положенія *Л. Штейна* по полицейскому праву въ связи съ его ученіемъ объ управленіи. Кіевъ 1875 г.

рыхъ приводитъ въ исполненіе свою волю, и органы эти дѣлятся, по существу, объему и характеру своей дѣятельности, на правительственные, самоуправленія и союзные или общественные, и 3) приводитъ въ исполненіе свою волю, посредствомъ выполненія — въ сферѣ безличной или посредствомъ приказанія и принужденія — въ сферѣ личной. Слѣдовательно исполнительная власть распадается на распорядительную, организаціонную и принудительную; принужденіе, являясь заключительнымъ моментомъ въ исполненіи, часто называется, въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, *полиціей*.

Исполнительная власть не тождественна съ полицейскою, но послѣдняя составляетъ существенную часть ея. Соотношеніе это опредѣляется тѣмъ, что полицейская власть есть та-же принудительная на столько, на сколько задача ея заключается въ исполненіи только тѣхъ приказаній и запрещеній, которыя имѣютъ цѣлью огражденіе отъ опасности. Но такъ какъ различіе въ объектѣ не вызываетъ никакого различія въ правѣ принужденія вообще, то основныя положенія права принужденія могутъ быть разработаны въ *полицейскомъ правѣ*, какъ составной части права исполненія вообще. Такъ какъ задача полиціи заключается исключительно только въ устраненіи опасности, посредствомъ принужденія, то она составляетъ только отрицательную сторону управленія, отнюдь не исчерпывая послѣдняго, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

Слѣдовательно по *Штейну* управленіе имѣетъ двоякую дѣятельность, — положительную, т. е. содѣйствующую, и отрицательную, т. е. ограждающую или полицейскую. При этомъ полиція распадается на двѣ части, — общую и особенную. Общая часть, заключая въ себѣ общія положенія для всей дѣятельности полиціи, составляетъ отдѣлъ исполнительной власти вообще. Особенная часть, касаясь отрицательной дѣятельности всего Управленія, распадается на *финансовую, судебную и внутреннюю полиціи*. Внутренняя полиція распадается на *полицію безопасности*, какъ особую отрасль внутренняго управленія, имѣющую объектомъ опасность вообще, и на отдѣльныя полиціи, присущія различнымъ отраслямъ внутренняго управленія, согласно съ особымъ характеромъ опасностей, свойственныхъ этимъ отраслямъ. Полицію безопасности *Штейнъ* дѣлитъ на *высшую и низшую*, относя къ первой огражденіе общаго порядка отъ угрожающей ему опасности, а ко второй — огражденіе единичныхъ лицъ [1]), причемъ высшая полиція безопасности, въ зависимости отъ того, что безопасности угрожаютъ общественныя группы, или-же единичныя лица, дѣлится на общественную и личную полиціи; низшая-же полиція безопасности, въ зависимости отъ того, что безопасности угрожаютъ лица, природа, или занятія промыслами, дѣлится на личную, стихійную и промышленную [2]).

Исторію русской литературы по наукѣ полицейскаго права слѣдуетъ начинать съ крестьянина *Ивана Посошкова*, — современника Петра

---

[1]) Терминологія *Л. Штейна* чрезвычайно своеобразна, а потому точный переводъ ея на русскій языкъ сопряженъ съ большими затрудненіями.

[2]) Свое изслѣдованіе о полиціи *Л. Штейнъ* заключаетъ тщательнымъ изслѣдованіемъ вопроса объ отвѣтственности полиціи, указывая на необходимость примѣненія въ этой области конституціонныхъ началъ.

Великаго. Онъ заложилъ первый камень, хотя не въ качествѣ опытнаго зодчаго, но въ качествѣ умнаго простолюдина-самоучки, постигшаго существо государственнаго организма и его отправленій. Въ рукописи своей, написанной въ 1724 году и озаглавленной „книга о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается“ [1]). *Посошковъ* оказывается самостоятельнымъ развивателемъ господствовавшихъ въ ту эпоху ученій о меркантилизмѣ и абсолютизмѣ. Подобно *Макіавелли*, *Гоббсу*, *Борницу* и др. онъ считаетъ монарха способнымъ устанавливать совершенно новыя условія государственной жизни, независимо отъ какихъ-либо историческихъ или естественныхъ условій; подданныхъ онъ считаетъ царскими рабами, царскую волю — непреложнымъ закономъ, царскій интересъ—народнымъ; „нашъ Государь, говоритъ онъ, подобенъ Богу“, „яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть.“ Подобно *Серръ*, *Беллони*, *Броджіо* и др. онъ видитъ въ монетѣ главный источникъ богатства, а въ купечествѣ — самый производительный классъ населенія, — „царство воинствомъ расширяется, купечествомъ украшается“ — говоритъ онъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, финансовыя воззрѣнія *Посошкова* приближаютъ его къ физіократамъ: его проектъ царской десятины кажется какъ-бы списаннымъ съ проэкта dime-royale (королевской десятины) маршала *Вобана*.

Указанная рукопись *Посошкова* дѣлится на 9 главъ: 1) о духовенствѣ, 2) о военныхъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествѣ, 6) о разбойникахъ, 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянствѣ и землѣ и 9) о царскомъ интересѣ. Этимъ 9-ти главамъ авторъ предпосылаетъ краткое предисловіе, въ которомъ говоритъ о необходимости правды, такъ какъ въ отсутствіи ея заключается главная причина всѣхъ нравственныхъ и матерьяльныхъ золъ. Подъ правдой онъ понимаетъ порядокъ, въ обширномъ смыслѣ, — нѣчто соотвѣтствующее нѣмецкому термину „Ordnung“, какъ понимали его современные *Посошкову* нѣмецкіе полицеисты. Затѣмъ, въ каждой изъ главъ онъ трактуетъ о соотвѣтствующемъ заглавію предметѣ, рекомендуя цѣлый рядъ мѣръ, обнаруживающихъ въ авторѣ замѣчательное знакомство съ существовавшимъ порядкомъ вещей и необыкновенный запасъ здраваго смысла, причемъ въ главѣ о разбойникахъ онъ излагаетъ проектъ организаціи полиціи безопасности. Подобно *Юсти*, опредѣлявшему соотношеніе между полиціей и финансами словами „полиція сѣетъ, финансы жнутъ, и подобно знаменитому положенію физіократовъ „pauvre peuple, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi“, *Посошковъ* говоритъ: „въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство богато, понеже все что есть у народа богатства, есть богатство царственное, оскудѣніе-же народное есть оскудѣніе царственное“, „кто хочетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людіи его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили, и того ради ни малаго-бы убытку имъ не чинили“, „худой тотъ сборъ, говоритъ онъ, аще кто казну Царю собираетъ, а людей

[1]) Рукопись «о скудости и богатствѣ» впервые издана *Погодинымъ* въ 1842 году.

раззоряетъ". Указывая на необходимость правды, онъ говоритъ, что при существованіи ея никто не будетъ обиженъ, а любовь побудитъ людей помогать другъ другу въ нуждѣ, всѣ люди обогатятся, царскія-же сокровища съ излишествомъ наполнятся.

Разумѣется, рукопись *Посошкова* не имѣетъ значенія научнаго трактата; авторъ не обнаруживаетъ ни обширныхъ историческихъ познаній *Деламаре*, ни теоретическихъ познаній *Юсти*, — онъ самъ говоритъ о себѣ: „азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоитъ писати, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой простецъ есмь". Онъ не систематикъ и не методологъ. Тѣмъ не менѣе у рукописи *Посошкова* „о скудости и богатствѣ" нельзя отнять права, по содержанію ея, на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы по наукѣ полицейскаго права.

Послѣ *Посошкова*, если не считать вышеуказанныхъ переводовъ на русскій языкъ сочиненій *Юсти*, *Зонненфельса*, *Деламаре*, *Бильфельда и Шлёцера*, первое русское сочиненіе по тому-же предмету принадлежитъ *Гуляеву*.

Въ 1824 г. *Гуляевъ* издалъ свой, какъ онъ называетъ, „опытъ систематическаго изложенія полицейской части", озаглавленный „Права и обязанности градской и земской полиціи и всѣхъ вообще жителей россійскаго государства по ихъ состояніямъ" [1]). Въ предисловіи *Гуляевъ* говоритъ, что „между многими изданіями по Россійскому Законовѣдѣнію нѣтъ еще доселѣ ни одного систематическаго сочиненія, которое-бы имѣло предметомъ Полицейское законодательство, столь нужное во всякомъ благоустроенномъ государствѣ. Занимаясь по склонности моей Россійскимъ Законовѣдѣніемъ и руководствуясь разными юридическими сочиненіями, желалъ я быть хотя нѣсколько полезнымъ для отечества; почему и рѣшился составить книгу, которая-бы содержала въ себѣ мудрое законоположеніе по полицейской части въ Россіи". Въ первой части своего сочиненія авторъ говоритъ о правахъ и обязанностяхъ полиціи, во второй — жителей. *Гуляевъ* самъ указываетъ на то, что, издавая свою книгу, онъ преслѣдовалъ не научную цѣль, а практическую: устранить какъ для чиновъ полиціи, такъ и для жителей тѣ затрудненія, которыя проистекаютъ отъ того, что законоположенія о полиціи, изданныя въ разное время, находятся бо́льшею частью безъ связи и порядка въ книгахъ, или въ архивахъ. Очевидно, ради этой только цѣли онъ включилъ въ свое сочиненіе, между прочимъ, узаконенія о податяхъ, рекрутской, квартирной и почтовой или подводной повинностяхъ, равно какъ, говоритъ онъ, „самыя наказанія за нѣкоторыя преступленія, до коихъ не касается полиція, помѣщены въ сей книгѣ для того, чтобы видѣть какъ важность преступленія, такъ и слѣдующее за тѣмъ наказаніе". Въ опредѣленіи и изложеніи предметовъ онъ держится „точнаго смысла и словъ закона, и не позволяетъ себѣ толкованія, толико охуждаемаго знаменитыми Беккаріемъ и Бентамомъ"; о

---

[1]) Сочиненіе *Гуляева* вышло 2-мъ изданіемъ въ 1827-мъ году и 3-мъ — въ 1832-мъ году.

полиціи-же онъ отзывается, какъ о предметѣ „никѣмъ еще порядочно не разъясненномъ“. *Гуляевъ* указываетъ на существованіе въ положительныхъ узаконеніяхъ особенной части, которую называетъ *благоустройственною* или *полицейскою*. Часть эта заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся до благочинія, безопасности и устройства общества. Полиціей онъ называетъ исполнителей полицейскихъ постановленій, причемъ дѣлитъ этихъ исполнителей, по чиноначалію, на высшихъ и низшихъ, причисляя къ органамъ полиціи даже и гражданъ, такъ какъ „въ гражданскомъ состояніи всякой человѣкъ есть нѣкоторымъ образомъ надзиратель дѣйствій другихъ людей“. Цѣль полицейскихъ законовъ заключается въ томъ, чтобы „привести благоденствіе гражданина въ тѣснѣйшую связь съ общимъ благомъ“, предметы-же полиціи, составляющіе главное ея занятіе, слѣдующіе: „1) надлежащее благочиніе при отправленіи службы Божіей. 2) Благовременное предупрежденіе нарушенія тишины и спокойствія. 3) Всеобщее повиновеніе правительству и законамъ. 4) Предохраненіе отъ воровъ, разбойниковъ и убійцъ. 5) Предупрежденіе отъ пожара, наводненія, заразительныхъ болѣзней и прочихъ несчастныхъ происшествій. 6) Занятія, ремесла и поведеніе жителей. 7) Общественные увеселительные домы. 8) Отвращеніе всякихъ соблазнительныхъ дѣйствій. 9) Благовременныя распоряженія къ доставленію вещей, для существованія и потребностей человѣка необходимо нужныхъ. 10) Свободная и нестѣснительная по цѣнѣ и добротѣ торговли товарами и припасами. 11) Чистота и украшеніе зданій, улицъ и дорогъ. 12) Свободное и удобное сообщеніе по дорогамъ, мостамъ и переправамъ. 13) Вообще все то, что служитъ къ пользѣ и пріятности, дозволенной въ жизни“. Въ чрезвычайно сжатомъ историческомъ очеркѣ полиціи въ Россіи *Гуляевъ* находитъ это, какъ онъ выражается, „чиноначаліе“ уже при *Рюрикѣ*, такъ какъ тогда были чиновники, къ числу которыхъ *Гуляевъ* относитъ вирниковъ, метальниковъ, мечниковъ, тіуновъ княжескихъ и сельскихъ, позднѣе — воеводъ, намѣстниковъ, волостелей, губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе полицейскихъ законовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) О полиціи въ Россіи и главномъ начальствѣ оной. 2) О градской и земской полиціи, куда входитъ и опредѣленіе предметовъ, къ обязанности полиціи относящихся [1]), причемъ остальныя узаконенія распредѣлены по этимъ предметамъ. Во 2-й части, въ которой говорится о правахъ и обязанностяхъ гражданъ въ Россіи, предметы распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Права жителей Россіи по состояніямъ, относительно гражданства ихъ. 2) Повинности жителей въ отношеніи государства. 3) Повинности жителей въ отношеніи мѣстнаго пребыванія. Въ заключеніе *Гуляевъ* говоритъ, что „каждый гражданинъ

---

[1]) Предметы эти слѣдующіе: 1) Благочиніе и ненарушимый порядокъ въ положенныхъ закономъ должностяхъ и обязанностяхъ. 2) Народное продовольствіе и торговля припасами. 3) Устройство зданій, улицъ и дорогъ, сохраненіе и благоприличіе оныхъ. 4) Безопасность лицъ и вещей. 5) Дѣйствія полиціей въ случаѣ нарушенія права общественнаго или личнаго производства другихъ дѣлъ.

обязанъ повиноваться законамъ, полиція-же, не взирая ни на какое лице, можетъ и должна принуждать каждаго къ исполненію законовъ". „Отъ точнаго исполненія законовъ, говоритъ онъ, зависятъ сила и благоденствіе государства; отъ уклоненія-же и небреженія ихъ слѣдуютъ всегда неустройство и разрушеніе".

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что книга *Гуляева* имѣетъ значеніе систематическаго свода полицейскихъ постановленій, со включеніемъ однако многихъ узаконеній, неимѣющихъ полицейскаго значенія; основныя-же положенія цѣликомъ заимствованы у другихъ лицъ, — такъ, напримѣръ, неудачное опредѣленіе цѣли полиціи переведено дословно изъ *Юсти*.

Въ 1840 г. издана адъюнктомъ Петербургскаго Университета, *Н. Рождественскимъ*, книга, озаглавленная: „Основанія государственнаго благоустройства съ примѣненіемъ къ россійскимъ законамъ". *Г. Рождественскій* начинаетъ съ указанія на раздѣленіе политическихъ наукъ; на философскія, историческія и философско-историческія. Къ первой группѣ онъ относитъ философское частное право, философское государственное право и философское народное право; ко второй — политическую исторію, статистику, политическое государственное право, политическое народное право, дипломацію и государственную практику; къ третьей — политику, народное хозяйство, государственное хозяйство, науку финансовъ, науку государственнаго благоустройства и благочинія. „Только въ государствѣ, говоритъ онъ, можемъ мы наслаждаться безопасностью и благосостояніемъ. Опасность можетъ происходить отъ людей и отъ такой опасности защищаютъ юстиція и войско; она можетъ происходить и отъ природы, — такую опасность устраняетъ правительство. Благосостояніе также входитъ въ составъ важнѣйшихъ задачъ государства, причемъ между безопасностью и благосостояніемъ существуетъ тѣснѣйшая связь: обезпеченіе безопасности содѣйствуетъ развитію условій благосостоянія (*благоустройства*), т. е. обогащенію народа, размноженію его, образованію и просвѣщенію". „Наука, излагающая мѣры правительства, имѣющія цѣлью, *удалить внѣшнія препятствія*, встрѣчаемыя подданными, при стремленіи ихъ къ благосостоянію, и ими самими, безъ пособія правительства, непреодолимыя, — называется *государственнымъ благоустройствомъ* (Polizeiwissenschaft)", Основныя положенія науки государственнаго благоустройства, равно какъ опредѣленіе отношенія этой науки къ юстиціи и финансамъ *Рождественскій* заимствуетъ у *Моля*, причемъ, подобно *Молю*, онъ выдѣляетъ предупредительную юстицію какъ особую науку. Науку государственнаго благоустройства авторъ дѣлитъ на три части. „Въ первой — излагается попеченіе правительства о благосостояніи физическомъ, во второй — о благосостояніи умственномъ и нравственномъ, въ третьей — о народномъ имуществѣ". Первая часть содержитъ въ себѣ три отдѣла: 1) попеченіе о надлежащемъ отношеніи между народонаселеніемъ и пространствомъ земли, 2) сохраненіе жизни и здравія народа и 3) препятствіе дороговизнѣ и попеченіе о лицахъ, неспособныхъ пріобрѣтать себѣ пропитаніе. Вторая часть заключаетъ въ себѣ: 1) попеченіе объ образованіи умственныхъ способностей, 2) удаленіе всего того, что ос-

корбляетъ нравственное чувство, 3) оказаніе пособія подданнымъ для образованія религіознаго и 4) эстетическаго чувствъ. Третья часть заключаетъ въ себѣ 4 раздѣла: 1) попеченіе о томъ, чтобы каждый имѣлъ возможность пріобрѣтать себѣ собственность, 2) охраненіе имущества отъ разрушенія элементарными силами природы, 3) удаленіе препятствій, встрѣчаемыхъ подданными при занятіи земледѣліемъ, при учрежденіи фабрикъ и производствѣ ремеслъ, и въ торговлѣ, 4) запрещеніе мотовства и расточительности. Затѣмъ, послѣ краткаго историческаго очерка науки государственнаго благоустройства и послѣ весьма неполнаго указателя литературы, *Рождественскій* переходитъ къ изложенію отдѣльныхъ предметовъ, большею частю, какъ онъ самъ указываетъ на это, по *Молю* и *Рау*, причемъ заимствованія у этихъ двухъ авторовъ дополняются обстоятельными ссылками на русское законодательство.

Книга *г. Рождественскаго*, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не имѣетъ значеніе самостоятельнаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе она можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для систематическаго изученія русскаго законодательства о полиціи, разсѣяннаго по разнымъ уставамъ, положеніямъ, наказамъ и т. п. Книга эта для своего времени, послѣ „Опыта“ *Гуляева*, была значительнымъ вкладомъ въ русскую литературу по наукѣ полицейскаго права.

Въ 1856 г. появилось сочиненіе профессора Харьковскаго Университета *И. Платонова*, озаглавленное „Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройствѣ и благочиніи государственномъ“. Послѣ краткаго указанія на многочисленныя и разнообразныя попытки къ опредѣленію понятія о государственномъ благоустройствѣ, авторъ, исходя изъ понятій о правѣ и благѣ, какъ двоякой цѣли государства, опредѣляетъ науку о благоустройствѣ, въ обширномъ смыслѣ, какъ „такую часть законодательства, которая имѣетъ цѣлію опредѣленіе мѣръ къ устроенію матерьяльнаго и нравственнаго благосостоянія народа путемъ, какъ положительнымъ (Благоустройство), такъ и отрицательнымъ (Благочиніе)“. Въ тѣсномъ смыслѣ [1]), „законы Благоустройства и Благочинія государственнаго представляютъ совокупность мѣръ къ устроенію физическаго и матеріальнаго благосостоянія, пріемлемыхъ, какъ въ смыслѣ положительномъ (Благоустройство), такъ и отрицательномъ (Благочиніе)“. Способъ воздѣйствія правительства на благосостояніе народное троякій: 1) правительство можетъ дѣйствовать прямымъ или положительнымъ образомъ, принимая соотвѣтствующія мѣры и установляя соотвѣтствующія учрежденія, 2) оно можетъ дѣйствовать косвеннымъ образомъ, устраняя только препятствія, которыя могутъ встрѣчаться на пути стремленія народнаго къ высшему благосостоянію и 3) оно можетъ дѣйствовать отрицательнымъ образомъ, предоставляя достиженіе какой-либо полезной цѣли усиліямъ частнаго труда. Правительство дѣйствуетъ положительно къ благосостоянію народному тамъ,

---

[1]) Благоустройство въ тѣсномъ смыслѣ *г. Платоновъ* понимаетъ такъ, какъ «оно постановлено сдѣланнымъ въ общемъ уставѣ университетовъ распредѣленіемъ частей Свода Законовъ, и какъ, слѣдовательно, оно должно быть преподаваемо».

гдѣ народъ находится въ отрицательномъ отношеніи къ несуществующему, но возможному благу. Къ косвенному образу дѣйствія правительство призывается тогда, когда народъ встрѣчаетъ на пути къ развитію какія-либо препятствія, для собственныхъ силъ его непреодолимыя. Отрицательное отношеніе правительства къ народной дѣятельности имѣетъ мѣсто тогда, когда народъ самъ по себѣ представляетъ достаточныя условія для осуществленія какой нибудь общественной цѣли. Законодательство по благоустройству раздѣляется на два большіе отдѣла, изъ которыхъ первымъ опредѣляются чисто правомѣрныя отношенія гражданъ, въ видахъ безопасности, а другимъ полагаются мѣры къ созиданію благосостоянія народнаго. Такъ какъ законы, издаваемые въ видахъ благоустройства, представляютъ множество частностей, условливаемыхъ дѣйствительною жизнію индивидовъ, и не легко допускаютъ обобщенія правилъ, свойственнаго прямому закону, то они являются, бо́льшею частію, въ формѣ уставовъ, отличительное свойство которыхъ заключается въ томъ, что, развивая идею какого-либо общаго права и постановленія, они входятъ въ подробности, необходимыя для осуществленія какой-либо мѣры на самомъ дѣлѣ. Мѣры благосостоянія троякаго рода: „*одни* предполагаются, какъ слѣдствія свободной благопопечительности правительства, желающаго облегчить народу достиженіе вящшаго блага; другія принимаются, какъ слѣдствіе необходимости, и не иначе возможны бываютъ въ исполненіи, какъ подъ условіемъ соблюденія ихъ всѣми; *третьи*, составляющія средину между сими двумя видами, имѣютъ то особенное свойство, что правительство, предоставляя употребленіе ихъ произволу каждаго, тѣмъ не менѣе, лишаетъ нѣкоторыхъ преимуществъ того, кто пренебрегаетъ ими“. Слѣдовательно принужденіе имѣетъ мѣсто отнюдь не въ отношеніи ко всѣмъ мѣрамъ благосостоянія и принужденіе во всѣхъ случаяхъ должно непремѣнно сообразоваться со степенью сопротивленія. Соотношеніе между правомъ и благоустройствомъ таково́, что, хотя право есть главнѣйшее условіе совмѣстной гражданской жизни, однако бываютъ случаи, когда по требованіямъ разума, право должно подвергаться ограниченіямъ, въ интересахъ блага или пользы. Это бываетъ, во первыхъ, тогда, когда право въ своемъ безусловномъ, неограниченномъ приложеніи, дѣлается разрушительнымъ, и такимъ образомъ, вмѣсто созиданія общества, составляющаго его цѣль, разстраиваетъ его въ самомъ основаніи, и, во-вторыхъ, тогда, когда соблюденіе права представляетъ непреодолимыя препятствія къ достиженію какой либо важной, болѣе или менѣе общеполезной цѣли, или къ устраненію какого либо важнаго, болѣе или менѣе противнаго общему благу, злоупотребленія. При такомъ ограниченіи права, слѣдуетъ держаться слѣдующихъ правилъ: 1) предполагаемое благо должно быть всеобщее и неподлежащее никакому сомнѣнію; 2) нарушаемое для всеобщей пользы право должно быть сравнительно незначительнымъ; 3) нарушеніе должно ограничиваться предѣлами необходимаго для достиженія предполагаемой цѣли, и 4) лица, терпящія хозяйственный вредъ отъ лишенія или ограниченія права, должны быть вознаграждаемы. Затѣмъ, г. *Платоновъ* излагаетъ систему „Законовъ Благоустройства и Благочинія Государственнаго“, опре-

дѣляя предварительно благосостояніе какъ „такое положеніе человѣка, въ коемъ нужды его, если не съ избыткомъ, то, по крайней мѣрѣ, достаточно удовлетворительны“, а такъ какъ нужды, потребности человѣка двоякаго рода, — вещественныя и духовныя, то Благоустройство и Благочиніе также дѣлятся на двѣ соотвѣтствующія части. Въ вещественную часть Благоустройства входятъ мѣры къ поощренію и усовершенствованію сельскаго хозяйства, мануфактурной промышленности, торговли, кредита, путей сообщенія и строительной части; въ нравственную-же часть Благоустройства входятъ мѣры, служащія къ развитію народнаго образованія. Наконецъ, указавъ на отношеніе законовъ Благоустройства къ гражданскому праву, къ законамъ полицейскимъ и уголовнымъ, понимая подъ первыми предупрежденіе и пресѣченіе зла нравственнаго [1]), къ финансовому праву,— и на значеніе для законовъ Благоустройства общихъ и частныхъ вспомогательныхъ наукъ, причемъ къ первой категоріи онъ относитъ камеральныя науки, политическую экономію и естественныя науки, а ко второй — агрономію, технологію, науку о торговлѣ, гражданскую архитектуру и медицину, — авторъ переходитъ къ историческому очерку развитія науки государственнаго благоустройства и заключаетъ свой трудъ весьма обстоятельнымъ указателемъ на литературу.

Слѣдовательно книга *г. Платонова* не имѣетъ значенія полнаго изслѣдованія науки полицейскаго права; въ ней нѣтъ даже цѣльнаго изслѣдованія общей части этой науки, такъ какъ авторъ ограничивается анализомъ только основныхъ понятій, могущихъ составить содержаніе введенія. Тѣмъ не менѣе книга *г. Платонова* представляетъ собою въ русской литературѣ по наукѣ полицейскаго права *первое самостоятельное научное изслѣдованіе*, хотя и не чуждое отчасти вліянія *Моля*.

Новое слово сказано было *проф. Лешковымъ*. Въ 1858 г. появилась его книга, озаглавленная „Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в.“. Въ извѣстной книгѣ этой *г. Лешковъ* говоритъ, что гражданскій элементъ и государственный находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, примиряемомъ посредствующею средой, которую онъ называетъ государственнымъ обществомъ, имѣющемъ свое право, — право общественное. Въ классическомъ мірѣ, говоритъ онъ, не было и не могло быть общества, такъ какъ личность поглощалась государствомъ, цѣлію-же государства были преимущественно безопасность, или самостоятельность, поддержаніе своего могущества во внѣшнихъ сношеніяхъ, и установленіе юридическихъ нормъ для жизни различныхъ элементовъ своего населенія; задачи эти осуществлялись не для цѣлей жизни, а жизнь была приносима въ жертву имъ. Городъ, какъ центръ тяготѣлъ надъ всѣмъ, малочисленный высшій классъ тяготѣлъ надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Въ средніе вѣка, выступаетъ народъ съ его составными элементами, частными лицами и ихъ

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своей книги *г. Платоновъ* отступаетъ отъ этого воззрѣнія на полицейскіе законы. Ср. стр. 86 и 112.

соединеніями для частныхъ интересовъ; болѣе высокаго, гражданскаго, политическаго соединенія не ищетъ и не терпитъ средневѣковая личность. Столкновеніе интересовъ этихъ соединеній заставляетъ послѣднія объединиться въ политическое цѣлое, — государство. Это государство, существенно новое, не могло ограничиться однимъ только охраненіемъ безопасности, но оно должно было, согласно съ характеромъ элементовъ, вошедшихъ въ него, сдѣлать предметомъ своего управленія всѣ вопросы народной, человѣческой жизни.

Такимъ образомъ новое государство, состоя изъ общества и народа, поставило себѣ задачей удовлетвореніе политическому, гражданскому и общественному интересамъ. Первый интересъ удовлетворяется посредствомъ дипломатіи, войска, флота, финансовъ, государственныхъ законовъ и учрежденій; второй — посредствомъ уголовной и гражданской юстиціи; третій — посредствомъ общественнаго права, нормирующаго дѣятельность сословій, общинъ, всего населенія. Эту послѣднюю дѣятельность назвали на западѣ полиціей, которая впослѣдствіи раздѣлена на полиціи благосостоянія (благоустройства) и безопасности (благочинія), причемъ терминологія эта перешла и въ наше законодательство.

Понимая подъ полицейскою дѣятельностью исключительно только дѣятельность правительства, *г. Лешковъ* признаетъ вышеуказанную терминологію ошибочною, причемъ онъ оспариваетъ въ особенности ученіе *Моля* о полиціи. Единичныя лица, говоритъ онъ, соединяются въ общества; общества эти входятъ въ составъ государства и государство признаетъ ихъ лицами. Общества имѣютъ свои интересы, удовлетвореніе которыхъ требуетъ дѣятельности, извѣстной подъ названіями промышленность, образованіе, цивилизація. Понятно, что частныя лица, входя въ составъ этихъ обществъ, получаютъ новыя права, недоступныя для ихъ разрозненныхъ усилій, выходящія за предѣлы ихъ личныхъ средствъ, созидаемыя единственно обществомъ, общественнымъ союзомъ. Но также понятно, что и общества, вошедшія въ составъ государства и признанныя государствомъ, заимствуютъ отъ государства новыя силы, новыя средства, новые успѣхи въ своей дѣятельности и получаютъ значеніе посредствующей среды между частнымъ, личнымъ, стремящимся къ своему развитію, и общимъ, государственнымъ призваннымъ къ содѣйствію этому развитію. Эти права обществъ или общества, относительно государства, и эти права частныхъ лицъ относительно общества и государства, съ обоюдными обязанностями, составляютъ, въ отличіе отъ права гражданскаго или частнаго, систему общественнаго права.

Общественное право имѣетъ свои лица или субъекты, свои предметы права и способы пріобрѣтенія, свои права и законы о правахъ, какъ установительные, такъ и охранительные, но все это въ другомъ размѣрѣ, съ другимъ характеромъ и другимъ значеніемъ, чѣмъ въ гражданскомъ и государственномъ правѣ.

Субъектами общественнаго права являются прежде всего семейства, общины, сословія, вообще органическія соединенія, представляющія собою весь народъ и все населеніе, все общество, къ которому частныя лица принадлежатъ не отдѣльными своими дѣйствіями, а всею жизнью,

и отъ котораго получаютъ не одно гражданское, а полное человѣческое значеніе.

Объектами общественнаго права бываютъ не одни имущества движимыя и недвижимыя, благопріобрѣтенныя и родовыя, а всѣ предметы природы, вся природа, со всѣми ея производительными силами, и всѣ народныя человѣческія средства къ разработкѣ этихъ силъ, — дороги, каналы, почты, школы и учрежденія для развитія въ народѣ просвѣщенія.

Права, входящія въ составъ общественнаго права, имѣютъ другой характеръ и другое, болѣе высокое, значеніе, въ сравненіи съ другими правами. Характеръ этихъ правъ не можетъ быть выраженъ понятіемъ о собственности, а развѣ только понятіемъ о вѣчномъ и неизмѣнномъ владѣніи, какимъ оно не бываетъ въ частномъ правѣ. Напримѣръ, нѣтъ города безъ земли, но это право города на землю исключаетъ право отчужденія. Значеніе общественнаго права также совершенно особенное. Если гражданское право даетъ частному лицу право на проходъ и проѣздъ къ полю и водѣ, то въ общественномъ образуется отсюда доступное для всѣхъ право путей сообщенія. Если въ частномъ правѣ открыты для лицъ способы пріобрѣтенія, извѣстные въ жизни подъ названіемъ наслѣдованія, находки, купли-продажи, то въ общественномъ всѣмъ дано право рыть горы для пріисковъ, заводить фабрики, вступать въ торговлю и т. п. Далѣе, если въ частномъ правѣ семья разсматривается какъ условіе для бытія, то въ общественномъ отсюда выводится вопросъ о народонаселеніи и т. п. Наконецъ, самая защита и обезпеченіе правъ въ общественномъ правѣ явно разнится отъ защиты и обезпеченія, предоставляемыхъ частнымъ правомъ. Здѣсь защита правъ дѣйствуетъ только на основаніи прошеній, посредствомъ судебныхъ приговоровъ; тогда какъ въ общественномъ правѣ часто дѣло идетъ объ отстояніи правъ населенія отъ вліянія цѣлой природы, для чего необходимо бываетъ смыкать народъ въ систему взаимнаго страхованія, разлагать потери частныхъ лицъ между всею массою народа и общими усиліями и пожертвованіями вознаграждать частныя лица за всѣ ихъ потери.

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій, г. *Лешковъ* опредѣляетъ общественное право какъ *право частныхъ лицъ и обществъ на ту дѣятельность и на тѣ средства, которыми совершается въ государствѣ развитіе и обезпеченіе цивилизаціи, или благосостояніе народа;* общественное право состоитъ въ правѣ личности на ея развитіе, посредствомъ пользованія общественными установленіями, существующими въ государствѣ для этой цѣли.

О соотношеніи общественнаго права съ уголовною юстиціей г. *Лешковъ* говоритъ, что послѣдняя служитъ обезпеченіемъ ненарушимости всѣхъ законовъ и гражданскаго и общественнаго и государственнаго права, а потому не можетъ составлять труднаго вопроса дѣло различія этой сферы права отъ права общественнаго. О соотношеніи съ политическою экономіей, онъ говоритъ, что политическая экономія, будучи наукой о цѣнностяхъ, изъ которыхъ составляется народное богатство, тѣсно сближается съ общественнымъ правомъ. Та и другая

наука говорятъ о народномъ богатствѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что въ политической экономіи богатство есть цѣль и высшая идея науки, въ общественномъ же правѣ богатство есть одно изъ средствъ, или одинъ изъ элементовъ народнаго благосостоянія, причемъ политическая экономія разсматриваетъ богатство только съ его матерьяльной стороны, а общественное право разсматриваетъ благосостояніе народа во всей его полнотѣ. Далѣе, политическая экономія разсматриваетъ богатство какъ сумму индивидуальныхъ усилій, а общественное право какъ результатъ дѣятельности общества. Наконецъ, политическая экономія разсматриваетъ богатство отвлеченно, а общественное право—во времени и въ мѣстѣ.

Держась „историко-теоретическаго" метода, *г. Лешковъ* устанавливаетъ самостоятельную систему общественнаго права. Система эта обнимаетъ законы о лицахъ, предметахъ, правахъ и средствахъ защиты этихъ правъ. Прежде всего законы общественнаго права говорятъ о дѣятеляхъ, лицахъ, или субъектахъ общественнаго права, опредѣляя ту степень простора или свободы, которая необходима имъ, какъ для пользованія общественнымъ правомъ, такъ и для его дальнѣйшаго развитія. Главныя начала при этомъ выражаются въ устраненіи личной физической зависимости и въ узаконеніи бытія личности въ общности, въ избѣжаніи обособленія лицъ и въ противодѣйствіи безусловному господству общаго надъ частнымъ. Послѣ того, общественные законы излагаютъ понятіе о предметахъ общественнаго права, или объектахъ, и преимущественно объ основаніи всякаго вещнаго права, о землѣ, установляя тотъ способъ общественнаго владѣнія землею въ государствѣ, который наиболѣе обѣщаетъ успѣха для развитія интересамъ народа. Затѣмъ слѣдуютъ законы о правѣ личности на бытіе, или о народонаселеніи, и законы о правѣ на сближеніе народа и его различныхъ элементовъ, посредствомъ дорогъ или путей сообщенія, и посредствомъ почтъ и подобныхъ учрежденій. Далѣе слѣдуютъ установительные законы о правѣ труда, съ одной стороны, для развитія вещественнаго, а съ другой, для развитія духовнаго благосостоянія. Въ первомъ случаѣ, они извѣстны подъ именемъ законовъ о промышленности сельской, ремесленной, фабричной, торговой; во-второмъ, законы излагаютъ учрежденія и мѣры къ образованію народа умственному, эстетическому и нравственно-религіозному, посредствомъ дѣйствія семьи, церкви, школы. — Во-второй части системы общественнаго права излагаются охранительные законы, которые содержатъ въ себѣ опредѣленія для дѣятельности общества, стремящагося спасти себя какъ отъ вреднаго вліянія внѣшней природы, также и отъ вредныхъ дѣяній человѣка. Эта дѣятельность начинается предупрежденіемъ зла и его пресѣченіемъ; но, въ случаѣ ихъ несостоятельности, она переходитъ въ соединеніе населенія въ систему взаимнаго застрахованія, съ цѣлію вполнѣ спасти частное лицо отъ совершеннаго раззоренія, посредствомъ разложенія на общество частной потери, не чувствительной для цѣлой системы соединенія. Однимъ словомъ, говоритъ авторъ, такъ какъ право есть мѣра свободы, то общественное право узаконяетъ предѣлы, до которыхъ простирается требованіе общества, чтобы государство осу-

ществляло идеи науки, и до которыхъ доходитъ право частныхъ лицъ требовать отъ общества, чтобы оно низводило всѣ добытые государствомъ результаты науки до каждой личности въ народѣ.—Относительно основаній для этой системы въ русскомъ Сводѣ Законовъ, *г. Лешковъ* замѣчаетъ, что законы установительные носятъ въ Сводѣ Законовъ названіе законовъ благоустройства, а законы охранительные называются законами благочинія. Законы установительные или благоустройства основываются на идеѣ свободнаго пользованія общественными учрежденіями; законы охранительные опредѣляютъ обязательную дѣятельность, требуемую отъ настоящаго поколѣнія для сохраненія всего общественнаго на пользу будущихъ поколѣній [1]).

При несомнѣнныхъ, капитальныхъ достоинствахъ изслѣдованія г. *Лешкова*, оно не чуждо и недостатковъ. Замѣна термина „полиція" общественнымъ правомъ вызвана въ сущности тѣми-же мотивами, которые заставили *Лоренца Штейна* назвать полицію внутреннимъ управленіемъ. Проф. *Лешковъ*, какъ и *Лоренцъ Штейнъ*, доказываетъ, что первоначальная дѣятельность государства ограничивалась только охраною безопасности и только эта дѣятельность, безъ соучастія общества, названа была полиціей. Но изъ того, что полиція, вслѣдствіе разныхъ причинъ, первоначально ограничивала свою дѣятельность лишь охраною безопасности, не слѣдуетъ, что она всегда оставалась только при этой задачѣ, наоборотъ, мы видимъ, что, съ развитіемъ верховной власти и государственности, задачи полиціи быстро расширялись, причемъ самое заимствованіе у грековъ термина „полиція" сдѣлано было отнюдь не для опредѣленія только той дѣятельности государства, которая имѣла цѣлью установленіе условій безопасности, а всей дѣятельности государства вообще въ отношеніи къ внутреннему управленію, по необходимости ограничивавшейся на первыхъ порахъ одною безопасностью. При послѣдующемъ-же быстромъ наростаніи предметовъ полиціи, когда идеи права, общества и государства достигли извѣстной степени развитія, начался какъ-бы обратный процессъ выдѣленія изъ полиціи отдѣльныхъ предметовъ, какъ самостоятельныхъ сферъ, и процессъ этотъ продолжается до сихъ поръ, но не на тѣхъ основаніяхъ и не въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это дѣлаютъ Гг. *Лешковъ* и *Штейнъ*. Далѣе, что касается положенія, будто-бы полицейская дѣятельность исключаетъ соучатіе общества, то и это невѣрно. Мы видимъ, что государство въ дѣлѣ созданія условій благоустройство и безопасности дѣйствуетъ не одно, а при соучастіи органовъ самоуправленія и разныхъ союзовъ, причемъ такая совмѣстная дѣятельность различныхъ органовъ представляетъ различныя ступени развитія. Исторія указываетъ на періодъ въ жизни государства, когда эта дѣятельность сосредоточивается въ рукахъ только общества такъ, что правительство или вовсе не принимаетъ участіе въ немъ, или-же участіе это чрезвычайно слабо, ограничено; но та-же исторія указываетъ и на такіе періоды, когда дѣятельность эта вся сосредоточивается въ рукахъ одного

---

[1]) Схематическое изображеніе системы общественнаго права по *Лешкову* см. *И. Тарасова* опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права. Ярославль, 1879 г.

только правительства, безъ всякаго участія общества и органовъ самоуправленія; наконецъ, въ настоящее время мы видимъ совмѣстную дѣятельность органовъ правительства, самоуправленія и общественныхъ союзовъ. Подобныя историческія ступени замѣчаются въ области не одной только полиціи, но и юстиціи, финансовъ и проч. Такимъ образомъ очевидно, что явленіе временное, проходящее, *Лоренцъ Штейнъ* и г. *Лешковъ* приняли за постоянное и на этомъ основаніи нашли не только возможнымъ, но и необходимымъ изъять изъ понятія о полиціи всѣ тѣ области, дѣятелемъ въ которыхъ является не одно только правительство.

Предлагаемое г. *Лешковымъ* понятіе объ общественномъ правѣ не обнимаетъ собою всей совокупности полицейской дѣятельности, такъ какъ дѣятельность эта служитъ не только обществу или, вѣрнѣе, народу, но и единичнымъ лицамъ, и совершается не только посредствомъ общественныхъ органовъ но и посредствомъ органовъ правительственныхъ и самоуправленія; поэтому, включая въ общественное право всю т. н. полицейскую дѣятельность, Г. *Лешковъ* неизбѣжно неправильно расширилъ-бы имъ-же самимъ установленное понятіе; оставаясь-же въ предѣлахъ понятія объ общественномъ правѣ, онъ долженъ былъ-бы указать на положеніе остальной части полицейской дѣятельности и на отношеніе ея къ общественному праву, чего онъ однако не дѣлаетъ. Кромѣ того, самое понятіе объ общественномъ правѣ построено у *Лешкова* на ошибочномъ, хотя и весьма распространенномъ, воззрѣніи на общество и государство, какъ на явленіяхъ не только отличныхъ, но и какъ-бы враждебныхъ другъ другу.

Далѣе, проф. *Лешковъ* дѣлитъ общественное право на законы установительные и охранительные, это дѣленіе соотвѣтствуетъ ошибочному раздвоенію науки полицейскаго права на полиціи благоустройства и безопасности, но г. Лешковъ, усиливаетъ эту ошибку еще тѣмъ, что законы охранительные онъ совершенно произвольно и безъ всякой надобности подраздѣляетъ на законы предупредительные и охранительные, относя къ послѣдней категоріи одно лишь призрѣніе. Въ сущности весьма распространенное раздвоеніе науки полицейскаго права на отдѣлы благоустройства и безопасности не имѣетъ за себя ни теоретическихъ, ни практическихъ данныхъ. Во первыхъ, обѣ полиціи имѣютъ одинъ общій источникъ, изъ котораго онѣ извлекаютъ свои основныя положенія, — а именно общественныя отношенія, сложившіяся исторически въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Во-вторыхъ, законы, опредѣляющіе эти отношенія, установлены ради благоустройства и ради безопасности. Въ третьихъ, дѣятельность той и другой полиціи имѣетъ одну и ту-же конечную задачу, — общее благо; вручается большею частью тѣмъ-же самымъ органамъ и въ общемъ не отличается даже характеромъ своихъ мѣръ: часто цѣли благоустройства достигаются мѣрами отрицательными, цѣли-же безопасности—мѣрами положительными. Слѣдовательно полиція благоустройства и полиція безопасности, различаясь, не представляютъ однако раздвоенія, но суть части одного цѣлаго, — полиціи вообще, проникнутой однимъ принципомъ и преслѣдующей одну задачу. Полиція безопасности входитъ въ составъ полиціи вообще только какъ предметъ, какъ одна изъ отраслей полицейской дѣятельности точно такъ-же какъ входятъ въ составъ полиціи вообще полиція дорожная, торговая, промышленная, кредитная и т. п., съ тою

только разницей, что отрасль полицейской дѣятельности, имѣющая предметомъ безопасность, находится въ болѣе тѣсномъ соприкосновенiи съ остальными отраслями полицейской дѣятельности, чѣмъ эти отрасли между собою, хотя и эта разница условная и во всякомъ случаѣ она можетъ вліять только на то или другое распредѣленіе предметовъ полицейской дѣятельности въ общей системѣ науки полицейскаго права, но не можетъ служить основаніемъ для раздвоенія этой науки, тѣмъ болѣе, что вредъ отъ такого раздвоенія очевидный и двоякій. Во первыхъ, бо̀льшая часть предметовъ науки полицейскаго права раздваивается на двѣ части, въ ущербъ цѣльности и всесторонности обозрѣнія; во вторыхъ, нѣкоторые предметы разсматриваются въ двухъ разграниченныхъ отдѣлахъ нерѣдко съ двухъ совершенно противуположныхъ точекъ зрѣнія, и, въ третьихъ, нѣкоторые предметы разсматриваются исключительно только въ отдѣлѣ полиціи благоустройства, или полиціи безопасности, вызывая этимъ одностороннее отношеніе къ изслѣдуемому предмету, причемъ отнесеніе одного и того-же предмета въ тотъ или другой отдѣлъ часто различно у различныхъ изслѣдователей. Такъ, напримѣръ, страхованіе относится всецѣло то въ отдѣлъ полиціи благоустройства, то въ отдѣлъ полиціи безопасности, тогда какъ страхованіе имѣетъ отношеніе къ тому и къ другому отдѣламъ и трудно, или даже невозможно опредѣлить, съ какимъ изъ двухъ указанныхъ отдѣловъ вопросъ о страхованіи имѣетъ болѣе тѣсную связь. Также, напримѣръ, вопросъ о печати разсматривается въ отдѣлѣ полиціи благоустройства съ точки зрѣнія содѣйствія развитію печатнаго промысла, распространенія и удешевленія книгъ, развитія свободы слова, тогда какъ въ отдѣлѣ полиціи безопасности о томъ-же предметѣ говорится въ связи съ вопросомъ о цензурѣ, о превентивныхъ и репресивныхъ мѣрахъ, о примѣненіи концессіонной системы къ открытію типографій, объ инспекторахъ по дѣламъ печати и т. п. Тоже самое происходитъ и съ вопросомъ о паспортахъ, разсматриваемомъ исключительно только въ отдѣлѣ полиціи безопасности, не смотря на его несомнѣнное и большое вліяніе на условія благоустройства и т. д.

Соотношенія между общественнымъ правомъ и уголовною юстиціей и политическою экономіей опредѣлены проф. *Лешковымъ* недостаточно ясно; ничего не сказано о т. н. судебной полиціи, равно какъ характеръ и значеніе политической экономіи опредѣлены неполно и неясно. Затѣмъ система Г. *Лешкова*, основанная на распредѣленіи предметовъ въ зависимости отъ связи ихъ съ формами общенія (семья, община, сословіе, народъ), едва-ли правильная, такъ какъ основаніе ея не представляется постояннымъ, неизмѣннымъ, подчиняясь историческому развитію: отношеніе между предметами и формами общенія совершенно различно въ разныя историческія эпохи.

Тѣмъ не менѣе, книга проф. *Лешкова*, была неоцѣненнымъ вкладомъ въ русскую литературу по наукѣ полицейскаго права и, независимо отъ всѣхъ другихъ ея достоинствъ, заключающихся въ самостоятельности, богатствѣ тщательно и научно обработаннаго матерьяла, въ ясности изложенія и т. п., главное достоинство ея, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ *Лоренца Штейна* заключается въ установленіи юридическихъ началъ для полицейской дѣятельности, каково-бы ни было даваемое ими ей названіе.

При прежней обработкѣ, полиція не имѣла и не могла имѣть значенія не только юридической науки, но и науки вообще, такъ какъ систематически излагаемыя разныя практическія соображенія относительно того, какія мѣропріятія могутъ въ большой или меньшей мѣрѣ содѣйствовать благосостоянію, безъ малѣйшаго научнаго анализа тѣхъ правоотношеній, которыя создаются этими мѣропріятіями, безъ малѣйшаго анализа правовыхъ (юридическихъ) началъ, на которыя должны опираться эти мѣропріятія и безъ опредѣленія вопроса о правомѣрномъ распредѣленіи политической дѣятельности между органами правительства, самоуправленія и общественныхъ союзовъ, — не могли создать ни науки вообще, ни, тѣмъ менѣе, науки юридической. При такихъ условіяхъ, полиція была не наукой, а искусствомъ и въ нее входила цѣлая масса предметовъ, не имѣвшихъ ровно ничего научнаго, какъ, напримѣръ, вопросы о крашенныхъ пряникахъ, луженіи посуды и т. п. (см. у *Моля*). Гг. *Лешковъ* и *Штейнъ* выдвинули на первый планъ анализъ юридическаго значенія и формъ полицейской дѣятельности и собственно съ этого времени сдѣлалась возможною разработка науки полицейскаго права, какъ самостоятельной отрасли правовѣдѣнія, къ замѣну т. н. науки о полиціи, которая въ прежней своей обработкѣ, не заключавшей въ себѣ ничего научнаго.

Съ 1869-го года началъ появляться въ печати, отдѣльными выпусками, курсъ полицейскаго права *Н. Х. Бунге*, (введеніе и государственное благоустройство). Первый выпускъ, значительно и существенно измѣненный и дополненный, вышелъ въ 1873 г. вторымъ изданіемъ. Первое изданіе начиналось съ чрезвычайно краткаго введенія, заключавшаго въ себѣ общія понятія, послѣ чего слѣдовало изложеніе законовъ благоустройства, предшествуемыхъ разборомъ экономическихъ ученій, въ число которыхъ не вошли нѣкоторыя ученія, весьма замѣчательныя, какъ, напримѣръ, ученія *Мальтуса*, *Риккардо*, *Милля* и др. Во второмъ изданіи, 1873-го года, общія понятія нѣсколько расширены и измѣнены: въ первомъ изданіи, при раздѣленіи полиціи на отдѣлы благосостоянія (законы благоустройства) и безопасности (законы благочинія), *г. Бунге* считалъ благосостояніе прикладною частью политической экономіи и дѣйствующею преимущественно мѣрами положительными, а благочиніе — частью государственнаго права и дѣйствующею преимущественно мѣрами отрицательными, причемъ однако онъ соединялъ эти два отдѣла. Во второмъ изданіи *г. Бунге* ограничился по тому-же вопросу только поясненіемъ, что хотя основныя начала благоустройства и благочинія представляютъ существенное отличіе, тѣмъ не менѣе они имѣютъ много общаго между собою. Тутъ-же встрѣчается какъ-бы намекъ на раздѣленіе науки полицейскаго права на общую и особенную части. Далѣе слѣдуетъ краткое указаніе на общественные, мѣстные и личные союзы на томъ основаніи, что полицейское право излагаетъ юридическія нормы, которымъ подчиняются общественныя отношенія, въ видахъ общаго блага, т. е. благосостоянія и безопасности; эти нормы, говоритъ *Н. Х. Бунге*, учреждаются и поддерживаются полицейскою властью, установленною въ союзахъ, возникающихъ между людьми, поэтому, прежде всего, необходимо ознакомиться со свойствами и назначеніемъ этихъ союзовъ, съ органами полицейской власти, съ предметомъ вѣдомства послѣдней

и съ кругомъ ея дѣятельности. Обо всемъ этомъ сказано весьма кратко, безъ установленія какого-либо руководящаго начала; такъ, напримѣръ, о кругѣ вѣдомства и предѣлахъ исполнительной власти сказано только, что „они различны, смотря по тому, въ какой мѣрѣ отдѣлена законодательная власть отъ исполнительной и какою самостоятельностію пользуются союзы, подчиненные государству. Въ правильно устроенныхъ политическихъ обществахъ органы внутренняго управленія обязаны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ строго сообразоваться съ законами". Затѣмъ, упомянувъ о семействѣ, сословіяхъ и церкви, *г. Бунге* указываетъ на то, что противоестественное развитіе началъ, полагаемыхъ въ основаніе тѣхъ или другихъ союзовъ, создало три направленія въ государственныхъ наукахъ — государственное, федеративное и личнаго интереса, причемъ онъ заявляетъ себя сторонникомъ начала государственнаго. Послѣ этого, находя излишнимъ излагать устройство полицейской власти, образа ея дѣятельности и предметовъ вѣдомства, какъ относящихся къ государственному праву, авторъ считаетъ необходимымъ указать только на отношенія правительства къ мѣстному управленію, а потому въ бѣгломъ очеркѣ онъ описываетъ мѣстныя учрежденія Англіи, Франціи, Пруссіи и Россіи, посвящая больше всего вниманія нашему городскому управленію. Далѣе слѣдуютъ колоніи, такъ какъ *г. Бунге* считаетъ ихъ за особый видъ земства, причемъ о колоніяхъ говорится несоотвѣтственно много, сравнительно съ личными союзами, которымъ посвящена одна лишь страница объемистаго курса. Сравненіе законодательства о личныхъ союзахъ, авторъ полагаетъ болѣе удобнымъ, при разнородности ихъ, производить при сравненіи отдѣльныхъ частей полицейскаго права.

Послѣ этихъ общихъ понятій, не исчерпывающихъ всего содержанія общей части науки полицейскаго права, *г. Бунге* переходитъ къ изложенію законовъ благоустройства, основаніе которыхъ, по его мнѣнію, содержится въ прикладной части политической экономіи. Въ виду-же взаимодѣйствія между ученіями экономистовъ, хозяйственнымъ бытомъ и законами, установляющими нормы хозяйственныхъ отношеній, авторъ полагаетъ необходимымъ поставить въ системѣ науки на первомъ планѣ экономическія ученія, которымъ онъ и посвящаетъ весьма много мѣста, — въ особенности-же критикѣ ученій соціалистовъ и коммунистовъ. Затѣмъ, при изложеніи т. н. авторомъ науки законовъ благоустройства, онъ избираетъ не теоретическое основаніе, а практическое (?), т. е. онъ распредѣляетъ матерьялъ согласно съ различными отраслями дѣятельности человѣка, направленными къ удовлетворенію потребностей. Руководствуясь этими соображеніями, *Н. Х. Бунге* рекомендуетъ въ 1-мъ изданіи слѣдующую систему науки законовъ благоустройства, не касаясь законовъ благочинія: онъ дѣлитъ свой курсъ на двѣ книги, причемъ въ первую книгу входитъ историческій очеркъ экономическихъ ученій, во вторую-же — обозрѣніе различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Обозрѣніе это заключаетъ въ себѣ 8 раздѣловъ: добывающую, земледѣльческую, обрабатывающую и торговую промышленности; дѣятельность, облегчающую обороты и сношенія: духовную дѣя-

тельность; дѣятельность для обезпеченія доходовъ, имущества и удовлетворенія потребностей; мѣстное общественное хозяйство. Каждый раздѣлъ распадается на нѣсколько главъ, причемъ въ раздѣлѣ III-мъ, объ обработывающей промышленности, одна глава посвящена введенію, котораго нѣтъ во всѣхъ другихъ раздѣлахъ; раздѣлъ-же VIII-ой, о мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ, состоящій изъ 3-хъ главъ (областное хозяйство, городское и сельское хозяйство, колоніи), во 2-мъ изданіи перваго выпуска перенесенъ во введеніе при разсмотрѣніи органовъ полиціи. Въ курсѣ, при выполненіи этой системы допущены нѣкоторыя отступленія.

Курсъ полицейскаго права *Н. Х. Бунге* до сихъ поръ не оконченъ: „законовъ благочинія" въ немъ вовсе нѣтъ, „наука-же законовъ благоустройства" доведена только до VII раздѣла.

Главное достоинство книги *Н. Х. Бунге* заключается въ тщательной разработкѣ тѣхъ отдѣловъ предмета, въ которыхъ преобладаетъ хозяйственный характеръ; но въ общемъ, курсъ *г. Бунге* построенъ на несовсѣмъ вѣрныхъ по нашему мнѣнію началахъ. Нельзя никоимъ образомъ раздѣлить воззрѣнія автора на науку полицейскаго права, какъ на состоящую изъ двухъ частей, изъ которыхъ обѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія, являясь одна въ видѣ экономическихъ ученій получившихъ *практическій* характеръ въ прикладной части политической экономіи и оттуда перешедшихъ въ законодательство, а другая — частью государственнаго права. Кромѣ того, вводя новый терминъ, а именно „наука законовъ благоустройства", авторъ не только не доказалъ и не оправдалъ необходимости этого термина и не выяснилъ его значенія, но и связалъ его еще съ другимъ терминомъ, съ т. н. прикладною частью политической экономіи; причемъ *г. Бунге*, упустивъ изъ виду различіе, дѣлаемое *Карломъ Рау*, который первый указалъ на отдѣльность этой части, между *хозяйственною полиціей* (Wirthschaftspolizei, Volkswirthschaftspflege, Wohlstandssorge) и *народно-хозяйственною политикой* (Volkswirthschaftspolitik), кажется намъ, невѣрно ставитъ эти термины рядомъ, какъ однозначущіе, и столь-же невѣрно опредѣляетъ послѣднимъ нѣмецкимъ терминомъ прикладную часть политической экономіи, тогда какъ *Рау* ясно говоритъ, что Volkswirthschaftspolitik не есть прикладная часть политической экономіи, а что она имѣетъ значеніе самостоятельной науки [1]). Вслѣдствіе этого въ со-

---

[1]) Подобно *Рау* и русскій экономистъ, *г. Вернадскій*, признаетъ за *наукой о благосостояніи* (благоустройствѣ) самостоятельное значеніе. Въ своемъ «критико-историческомъ изслѣдованіи объ итальянской политико-экономической литературѣ до начала XIX вѣка», появившемся въ 1849 г., онъ говоритъ, что связь между предметомъ теоріи и предметомъ практики политической экономіи чисто случайная: предметъ теоріи политической экономіи постоянно составляла *цѣнность*, предметъ практики — *народное благосостояніе*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ каждый изъ этихъ предметовъ можетъ и долженъ имѣть свою *отдѣльную теорію* и свою *отдѣльную практику*. Предметомъ изслѣдованія *науки о благосостояніи* должно служить удовлетвореніе потребностей: каждая вещь

держаніи курса *г. Бунге* не могла быть выдержана строгая система и появляются нѣкоторыя случайности. Такъ напр. добавленія, сдѣланныя во 2-мъ изданіи перваго выпуска, куда включено разсмотрѣніе мѣстныхъ и общественныхъ союзовъ и колоній, не касаясь остальныхъ органовъ полиціи на томъ основаніи, что разсмотрѣніе ихъ входитъ въ государственное право, тогда какъ разсмотрѣніе земскихъ учрежденій и городоваго управленія вѣдь также входитъ въ государственное право. Точно также изложеніе экономическихъ ученій, въ особенности въ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаетъ *г. Бунге*, кажется искусственно притянутымъ къ курсу, безъ сомнѣнія, знакомство съ экономическими ученіями необходимо для изученія науки полицейскаго права, но для той-же цѣли столь-же необходимо и знакомство съ ученіями политическими, однако изъ этого не слѣдуетъ, что въ курсъ какой либо науки должно войти изложеніе всѣхъ другихъ наукъ съ которыми она находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи [1]).

Въ 1871 году изданъ былъ 1-й томъ Полицейскаго Права проф. *И. Е. Андреевскаго*, заключавшій въ себѣ введеніе и полицію безопасности; послѣ этого, въ 1873 году, появился и 2-й томъ, посвященный полиціи благоустройства. Первый томъ вышелъ въ 1874 году вторымъ изданіемъ. *Г. Андреевскій* называетъ полиціей совокупную дѣятельность правительства и общества для созданія условій благоустройства и безопасности, а такъ какъ привлеченіе общества къ этой дѣятельности произошло лишь въ недавнее время, то говоритъ авторъ, это привлеченіе новаго органа не могло не измѣнить значенія полицейской дѣятельности, содержанія полицейскаго законодательства и существа науки, которая имѣетъ цѣлью разъяснить полицейскую дѣятельность государства и которая черпаетъ свои истины изъ философской науки (науки полиціи) и заключается въ анализѣ положительнаго полицейскаго законодательства, нося названіе науки полицейскаго права. Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что изученіе полицейской дѣятельности общества, рядомъ съ полицейскою дѣятельностію правительства, и разъясненіе началъ, связую-

---

принимается въ ней, не какъ цѣнность, а какъ годность; индивидумъ, о которомъ не заботится наука цѣнностей, находится здѣсь на первомъ планѣ; здѣсь разсматриваются *его* интересы и въ виду имѣется *его* дѣятельность, *его* развитіе. *Г. Вернадскій* не только не отнимаетъ самостоятельнаго значенія науки о благосостояніи для подчиненія ея политической экономіи, какъ прикладной части ея, но находитъ даже между этими двумя науками разногласіе. Примиреніе ихъ, говоритъ онъ, можетъ быть предпринято только на практикѣ, но не въ теоріи, въ которой требуется безусловная логичность выводовъ и строгое единство предмета.

[1]) Предоставивъ *г. Тарасову* свободу критическихъ сужденій, невполнѣ нами раздѣляемыхъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить относительно курса *Н. Х. Бунге*, что онъ превосходно достигаетъ своей цѣли служить пособіемъ при университетскомъ преподаваніи. Другой цѣли почтенный авторъ не имѣлъ; съ точки зрѣнія этой цѣли слѣдуетъ обсуждать его трудъ, и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ большую услугу университетской наукѣ. Сверхъ того см. ниже отзывъ по этому предмету ближайшаго нашего сотрудника по полицейской наукѣ *И. Е. Андреевскаго*. *Ред.*

щихъ въ самомъ законодательствѣ эти двѣ вѣтви органически, было задачею его труда.

И. Е. Андреевскій объясняетъ, что для жизни человѣка развитія его способностей и возможности достиженія его человѣческихъ цѣлей, необходимы извѣстныя условія, между которыми главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе. Безопасность обезпечивается предупрежденіемъ и пресѣченіемъ опасностей, могущихъ грозить, какъ отъ злой воли другихъ людей, такъ и отъ силъ природы и различныхъ несчастныхъ случаевъ. Благосостояніе достигается возможностію пріобрѣсти и пользоваться извѣстнымъ количествомъ матеріальныхъ благъ, необходимыхъ для удовлетворенія сознаваемыхъ человѣкомъ потребностей и, кромѣ того, возможностью достигать извѣстнаго духовнаго развитія. Оба эти условія,—безопасность и благосостояніе, находятся въ неразрывной органической связи: всякая мѣра, содѣйствующая обезпеченію безопасности, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ и развитію благосостоянія, и на оборотъ. государство, въ дѣлѣ созданія такихъ условій, дѣйствуетъ въ цѣлой своей совокупности: отдѣльныя лица, въ соединеніи своихъ силъ съ другими отдѣльными лицами, въ видѣ меньшихъ или большихъ союзовъ, отдѣльные такіе союзы, взаимно соединяясь другъ съ другомъ въ болѣе сильные общественные союзы, затѣмъ общины и правительство напрягаютъ силы для обезпеченія условій благосостоянія и безопасности, причемъ такая совокупная дѣятельность государственныхъ элементовъ представляетъ въ своемъ историческомъ развитіи весьма различныя степени. Такую дѣятельность цѣлаго государства, т. е. отдѣльныхъ лицъ, союзовъ общественныхъ и правительства, для созданія условій безопасности и благосостоянія, авторъ называетъ полицейскою, въ обширномъ смыслѣ этого слова, производя этотъ терминъ отъ греческаго πολιτεια: полицейскою-же дѣятельностью, въ тѣсномъ смыслѣ, онъ называетъ дѣятельность правительства, заключающуюся въ наблюденіи за предпріятіями частныхъ лицъ, союзовъ и обществъ, имѣющими цѣлью обезпеченіе условій безопасности и благосостоянія, и въ принятіи съ своей стороны мѣръ для обезпеченія этихъ условій, при недостаточности для того частной и общественной дѣятельности. Проявленія полицейской дѣятельности, въ тѣсномъ смыслѣ, авторъ видитъ, во-первыхъ, въ полицейскомъ законодательствѣ страны, опредѣляющемъ начала и положенія этой дѣятельности; во-вторыхъ, въ полицейской администраціи, т. е. въ дѣятельности государственныхъ центральныхъ и мѣстныхъ установленій, которымъ ввѣряются опредѣленныя вѣтви полицейскаго дѣла, причемъ установленія эти, пользуясь правами издавать предписанія, должны однако оставаться въ предѣлахъ закона, различіе-же въ условіяхъ возбужденія отвѣтственности администраціи въ различныхъ государствахъ, и различно понимаемое отношеніе административнаго распоряженія и предписанія къ положительному закону даютъ различныя послѣдствія относительно возможности административнаго произвола и пренебреженія правами частныхъ лицъ; и, въ третьихъ, въ дѣятельности органовъ исполнительной полиціи, являющихся необходимыми для обезпеченія дѣятельности полицейскихъ установленій и примѣненія полицейскаго закона. Полицейское законодательство, центральныя и мѣстныя полицейскія установленія и органы

исполнительной полиціи должны находиться въ органической связи, строиться на однихъ и тѣхъ-же началахъ.

Затѣмъ, указавъ на связь полицейской дѣятельности съ другими видами государственной дѣятельности, *г. Андреевскій* переходитъ къ анализу соотношенія полицейскаго права съ другими науками, причемъ непосредственное соотношеніе замѣчаетъ онъ прежде всего съ философскою наукою полиціи, подвергающей изученію истины, на которыхъ зиждется полицейская дѣятельность государства; соотношеніе-же съ науками полицейской экономіи, обществовѣдѣнія и политики устанавливается только чрезъ посредство науки о полиціи. Кромѣ того авторъ замѣчаетъ связь полицейскаго права съ правомъ государственнымъ, военнымъ, финансовымъ, гражданскимъ, судебнымъ, церковнымъ, международнымъ и уголовнымъ.

Задачей полицейскаго права *г. Андреевскій* ставитъ изученіе полицейскаго законодательства, т. е. систематическое его изложеніе съ показаніемъ обстоятельствъ и причинъ, вызывающихъ именно такіе-то законы и предписанія, и разъясненіе ихъ началами, представляемыми наукою о полиціи. „Полицейское право, подвергающее такому изученію полицейскія законодательства всѣхъ или многихъ государствъ, есть общее полицейское право. Ограничивающееся изученіемъ полицейскаго законодательства отдѣльнаго какого-либо государства — составляетъ особенное полицейское право даннаго государства. Для того и другого теоріею, могущею объяснить отдѣльные вопросы полицейской государственной дѣятельности, связать всѣ вопросы въ одно систематическое цѣлое и доставить тѣмъ изложенію характеръ науки, является наука полиціи".

Затѣмъ *И. Е. Андреевскій* переходитъ къ изложенію коренныхъ законовъ науки полиціи, насчитывая впрочемъ только одинъ такой законъ, а именно тотъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда отдѣльное лице собственными своими силами и средствами не можетъ создать такихъ условій безопасности и благосостоянія, безъ которыхъ развитіе его невозможно, тогда на помощь ему должна явиться дѣятельность другихъ, называемая полицейскою. Изъ этого кореннаго закона авторъ дѣлаетъ соотвѣтствующіе выводы, согласные съ выработавшимся понятіемъ о политико-гражданской свободѣ, и устанавливаетъ условія и границы полицейской дѣятельности правительства.

Далѣе слѣдуетъ указаніе на источники полицейскаго права и наконецъ исторія полиціи и науки полиціи, причемъ авторъ различаетъ три ступени полицейскаго развитія государства: 1) почти полное отсутствіе сознанія значенія условій безопасности и благосостоянія, — это до XIII стол.; 2) правительства, сознавъ важность условій безопасности и благосостоянія, стремятся взять это дѣло въ свои руки и доставить безопасность и благосостояніе во что-бы то ни стало, но безъ участія въ этой работѣ со стороны общества, — это до конца XVIII стол.; и 3) вслѣдствіе научнаго анализа условій безопасности и благосостоянія и тѣхъ средствъ, которыя могутъ быть приняты для ихъ обезпеченія, раскрывать существо государственной полицейской дѣятельности, какъ дѣятельности общества и правительства, — это съ конца прошлаго сто-

лѣтія до настоящаго времени. Разсмотрѣніе каждаго изъ этихъ періодовъ заключается указаніемъ и разборомъ соотвѣтствующей по времени и по содержанію литературы.

Курсъ полицейскаго права проф. *Андреевскаго*, какъ мы сказали, дѣлится на двѣ части, — полицію безопасности и полицію благоустройства. Въ полиціи безопасности авторъ разграничиваетъ опасность отъ злой воли человѣка и опасность, независящую прямо отъ человѣческой воли. Часть вторая состоитъ изъ трехъ раздѣловъ, хотя авторъ указываетъ въ своемъ введеніи только на два, а именно: мѣры, содѣйствующія духовному благосостоянію; мѣры, имѣющія цѣлью обезпечить условія матерьяльнаго благосостоянія, и мѣры, обезпечивающія условія благосостоянія какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго. Раздѣлы эти также подраздѣляются на главы, пункты и параграфы [1]).

Въ курсѣ *И. Е. Андреевскаго*, рядомъ съ крупными достоинствами, заключающимися главнымъ образомъ въ стремленіи изобразить совмѣстную полицейскую дѣятельность правительства и общества, въ попыткахъ установить для нея юридическія начала, въ живости изложенія и т. д.,—вкрались и нѣкоторые, по нашему мнѣнію, недостатки. Раздѣленіе науки полицейскаго права на полиціи безопасности и благоустройства нарушаетъ необходимую органическую связь между частями этой науки, и хотя авторъ утверждаетъ, что связь эта тѣмъ не менѣе остается, но одного утвержденія для этого, разумѣется, недостаточно, вслѣдствіе чего первый томъ его курса можно читать какъ отдѣльное изслѣдованіе, независимо отъ второго и наоборотъ, не замѣчая, что обѣ книги должны составлять части одного и того-же органическаго цѣлаго. Затѣмъ, *г. Андреевскій* не доказалъ существованія науки полиціи, не опредѣлилъ точно и ясно ни предметовъ ея, ни содержанія, ни системы, ни основанія, а ограничился только указаніемъ на одинъ коренной законъ этой науки, который по содержанію своему заключаетъ въ себѣ юридическую норму и потому долженъ былъ-бы всецѣло войти въ науку полицейскаго права, а не въ науку полиціи, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Далѣе, *г. Андреевскій* невѣрно характеризуетъ второй періодъ полицейскаго развитія государствъ, считая его съ XIII стол., какъ такой, когда правительство стремилось къ установленію условій безопасности и благоустройства безъ участія общества: здѣсь, очевидно, авторъ распространилъ явленіе позднѣйшее на періодъ предшествующій, когда, какъ полицейская дѣятельность правительства, въ эту эпоху, была незначительна въ сравненіи съ дѣятельностью общества, общинъ, общественныхъ союзовъ. Точно также кажется намъ невѣрнымъ, что авторъ усматриваетъ зародыши полиціи тамъ, гдѣ не было и не могло быть никакой полиціи, такъ какъ существованіе полиціи и сознаніе идеи ея возможно только какъ результатъ развитой государственной жизни и выработавшихся политико-гражданскихъ правоотношеній.

Нельзя также признать правильнымъ опредѣленіе общаго полицей-

---

[1]) Схематическое изображеніе системы *г. Андреевскаго* см. нашъ Опытъ разработки программы и конспекта и т. д. Ярославль, 1879 г.

скаго права, какъ изучающаго полицейскія законодательства всѣхъ или многихъ государствъ, въ отличіе отъ полицейскаго права даннаго государства. Едва-ли одно только *совмѣстное изученіе* полицейскихъ законодательствъ всѣхъ или многихъ государствъ можетъ создать *общее* полицейское право, все равно какъ одно только совмѣстное изученіе всѣхъ или многихъ расъ не создаетъ еще общей расы. Затѣмъ, разграниченіе мѣръ благосостоянія на содѣйствующія матеріальному, духовному и матеріально-духовному благосостоянію не совсѣмъ удачно, такъ какъ въ большей части случаевъ правильное разграниченіе этихъ двухъ формъ благосостоянія невозможно, вслѣдствіе органической связи ихъ. Наконецъ, система *И. Е. Андреевскаго*, отличаясь сложностію, представляется намъ не совсѣмъ правильною, такъ какъ она основывается преимущественно на внѣшнихъ данныхъ, вслѣдствіе чего разсмотрѣніе многихъ предметовъ (напр. печать, ассоціаціи, кредитъ и т. п.), раздробляется, въ зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ проявленій этихъ предметовъ. Замѣтимъ еще, что хотя указанія, которыя въ изобиліи дѣлаетъ *г. Андреевскій* дѣятельность нашихъ земскихъ учрежденій весьма интересны, однако едва-ли они умѣстны въ курсѣ науки полицейскаго права, въ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаетъ уважаемый авторъ.

Сравнительно, курсъ *г. Андреевскаго* страдаетъ гораздо менѣе курса *г. Бунге* однимъ существеннымъ недостаткомъ, котораго нѣтъ въ изслѣдованіи *г. Дешкова*. Этотъ недостатокъ заключается въ томъ, что, говоря о полицейскомъ *правѣ*, авторы курсовъ какъ-будто забываютъ о *правѣ*. Не развивая самостоятельно ни одного основнаго (юридическаго правоваго) начала, они повидимому полагаютъ возможнымъ анализъ полицейской дѣятельности государства, независимо отъ юридическихъ нормъ, на которыя она опирается, и независимо отъ вызываемыхъ ею правоотношеній. При такихъ условіяхъ наука полицейскаго права сводится къ болѣе или менѣе полному сборнику благопожеланій, изложенныхъ въ болѣе или менѣе удачной системѣ, и этимъ въ значительной степени объясняется то изобиліе терминовъ „полезно“, „цѣлесообразно“, „желательно“ и т. п., которыми заключается изложеніе многихъ отдѣльныхъ предметовъ науки. При такихъ условіяхъ наука полицейскаго права превращается въ искусство; она превращается въ объемистый сборникъ безконечнаго множества полицейскихъ мѣропріятій, безъ малѣйшаго вниманія къ юридическому характеру и основанія ихъ, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что наука полицейскаго права есть отрасль правовѣдѣнія. Кромѣ того, оба курса погрѣшаютъ въ отношеніи къ методологіи. Такъ, напримѣръ, *г. Бунге*, говоря о желѣзныхъ дорогахъ, указываетъ на цѣлый рядъ данныхъ, доказывающихъ несомнѣнное преимущество государственныхъ желѣзныхъ дорогъ предъ частными, но послѣ этого слѣдуютъ слова: „нельзя однако не замѣтить“, приводящія изслѣдователя къ заключенію, что и частныя желѣзныя дороги бываютъ лучше государственныхъ, причемъ не сдѣлано ни малѣйшей попытки къ анализу способовъ перехода частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства, тогда какъ тутъ-то преимущественно и выступаетъ полицейско-юридическое значеніе вопроса

о желѣзно-дорожномъ промыслѣ. Какой методъ могъ привести къ такого рода пріемамъ изслѣдованія? *Г. Бунге* называетъ этотъ методъ положительнымъ (?), „который извлекаетъ общія теоретическія начала изъ сравнительно-историческаго изученія общественныхъ отношеній, входящихъ въ область полицейскаго права“. *Г. Андреевскій*, судя по его указанію, держится „метода сравнительно-историко-статистическаго изложенія“. Признаемся, мы такого метода не знаемъ, равно какъ не понимаемъ, что такое „методъ изложенія“; есть методы изслѣдованія — это одно, есть порядки изложенія — это другое, но метода изложенія нѣтъ и не можетъ быть, как это и видно у самаго *г. Андреевскаго*, который объясняетъ свой методъ изложенія“ такъ: „1) каждый вопросъ постараемся разъяснить положеніями науки полиціи; 2) затѣмъ представлять по возможности сравнительно съ разрѣшеніемъ его въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ (Англіи, Франціи, Пруссіи, Австріи), останавливаясь съ подробностію (насколько долженъ позволять объемъ учебника) на разрѣшеніи этого вопроса въ Россіи; 3) при представленіи дѣйствующаго законодательства разъяснять его историческими указаніями; и 4) присоединять статистическія данныя тамъ, гдѣ по существу вопроса такія данныя необходимы для его разъясненія“. Спрашивается, какимъ-же методомъ разъясняются положенія науки полиціи? и откуда берутся эти положенія? На это *г. Андреевскій* не отвѣчаетъ и, полагаемъ, не безъ серьезнаго основанія.

Кромѣ вышеизложенныхъ сочиненій, въ русской литературѣ по наукѣ полицейскаго права, есть еще изслѣдованія, спеціально посвященныя вопросу о полиціи или полицейскомъ правѣ, какъ наукѣ. Первымъ такимъ изслѣдованіемъ была небольшая статья *Я. Степанова* о полиціи какъ наукѣ во Франціи, напечатанная въ 1867-мъ году въ ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета. Въ краткомъ предисловіи авторъ указываетъ на то, что, владѣя болѣе экономическою, чѣмъ юридическою подготовкой, онъ избралъ себѣ въ руководители *Рау*, а не *Моля*. По его мнѣнію, къ изученію науки о полиціи (не науки полицейскаго права, о которой проф. *Степановъ* не упоминаетъ) слѣдуетъ примѣнять сравнительно-историко-физіологическій методъ, называемый иногда органическимъ, реальнымъ. Этотъ методъ старался онъ по воможности приложить къ изложенію (разработкѣ?) главнѣйшихъ отдѣловъ своей науки, а примѣненіе этого метода подало ему мысль прослѣдить развитіе полицейской науки (а именно: какъ матерьяла, составляющаго ея содержаніе — законодательства полицейскаго съ его раздѣленіемъ на догматическую и формальную части, такъ и самой доктрины) у главнѣйшихъ народовъ Европы въ связи, во-первыхъ, съ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ строемъ государства, а равно характеромъ и состояніемъ (въ данную эпоху) главнѣйшихъ вѣтвей законодательства и администраціи (полиція, судъ, война, финансы); во-вторыхъ, съ состояніемъ тѣхъ наукъ, которыя находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи и солидарности съ наукой о полиціи, каковы: наука о правѣ вообще, о государствѣ, о хозяйствѣ народномъ, наконецъ наука объ общественномъ воспитаніи и здоровьи (общественная педагогика и ги-

гіена). У каждаго писателя авторъ обращаетъ вниманіе на опредѣленіе, систему и методъ. Полицію онъ разсматриваетъ какъ институтъ, какъ отрасль администраціи.

Исторію французской литературы по наукѣ о полиціи авторъ начинаетъ съ *Деламаре*, находя, что „здѣсь наука какъ-бы разомъ встала во весь ростъ, явилась во всеоружіи, какъ Минерва, притомъ съ такимъ богатствомъ содержанія и послѣдовательностью изложенія, какихъ не достигали позднѣйшіе труды того-же рода". Очевидно, что въ такомъ отзывѣ преувеличено значеніе *Деламаре*, тѣмъ болѣе, что далѣе самъ *г. Степановъ* указываетъ на то, что во Франціи не суждено было ученію о полиціи развиться въ самостоятельную науку, причемъ ссылается на *Л. Штейна*, который говоритъ, что до настоящаго времени выраженіе „полицейская наука" непонятно для французовъ. Затѣмъ напрасно *г. Степановъ* находитъ у *Деламаре* развитіе историко-сравнительнаго метода, правда, у *Деламаре* встрѣчаются историческія изслѣдованія, встрѣчается мѣстами и сравненіе,—онъ даже самъ указываетъ на это и называетъ это методомъ,—тѣмъ не менѣе историко-сравнительнаго метода у него нѣтъ. Далѣе *г. Степановъ* излагаетъ содержаніе сочиненій *Пёше*, *Фрефье*, опредѣленія полиціи въ словаряхъ *Дезессара*, *Аллеца*, *Вивіена* и др., указывая на полную туманность этихъ опредѣленій. По мнѣнію автора, полиція во Франціи получила значеніе части административнаго права, ученая же разработка положительно административнаго права началась въ относительно недавнее время и быстро достигла блестящаго развитія. Останавливаясь въ особенности на изложеніи курсовъ административнаго права *Де-Жерандо*, *Лаферіера*, *Блока*, *Батби*, авторъ, къ сожалѣнію, удѣляетъ сравнительно мало вниманія французскимъ экономистамъ, занимавшимся предметами науки полицейскаго права, причемъ напрасно удивляется *замѣчательному методу*, котораго держится *Дюнойе*, „— метода строго реальнаго, чуждаго всякихъ апріористическихъ построеній, на основаніи опытныхъ данныхъ, опредѣляющаго, при какихъ условіяхъ возможны извѣстные результаты." Такого метода держится вся экономическая школа и изобрѣлъ его отнюдь не *Дюнойе*. Далѣе слѣдуетъ указаніе на такихъ писателей, которые выдѣляютъ изъ политической экономіи прикладную часть ея, какъ самостоятельную науку; иниціативу въ этомъ дѣлѣ авторъ приписываетъ экономисту *Росси*, окончательное-же выдѣленіе произведено было *Курсель-Сенелемъ* и *Шевалье*.

Указанную статью *г. Степанова* нельзя не признать весьма полезною и притомъ весьма удачною, первою попыткою такого рода изслѣдованій въ русской литературѣ. Вся статья написана прекраснымъ языкомъ. Но жаль, что *г. Степановъ* не сдержалъ даннаго имъ сначала обѣщанія останавливаться на опредѣленіи, системѣ и методѣ каждаго изъ цитируемыхъ авторовъ; методъ многихъ изъ нихъ остается неизвѣстнымъ послѣ прочтенія этой статьи. Жаль также, что *г. Степановъ* счелъ неумѣстнымъ распространяться въ своей статьѣ о значеніи метода въ наукѣ; подробное указаніе на значеніе метода въ такой статьѣ, какъ *г. Степанова*, не только умѣстно, но даже необходимо. Далѣе, авторъ не всегда пользуется оригиналами, прибѣгая къ помощи переводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не совсѣмъ удачны. Наконецъ, намъ кажется, *г. Степановъ* напрасно не

обратилъ должнаго вниманія на аналогію между нѣмецкими наукою о полиціи и полицейскимъ правомъ и французскими прикладною частью политической экономіи и административнымъ правомъ. Для исторіи науки полицейскаго права аналогія эта имѣетъ большое значеніе.

Вторая статья проф. *Степанова*, „О полиціи, какъ наукѣ, въ Англіи," напечатана также въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета за 1868 г. Въ этой очень коротенькой (11 стр.), но хорошо написанной статьѣ, авторъ указываетъ на бѣдность англійской литературы по наукѣ о полиціи, причемъ обстоятельство это онъ невѣрно приписываетъ, между прочимъ, преобладанію въ Англіи органовъ самоуправленія. Въ англійской литературѣ авторъ видитъ нѣчто среднее между французскою и нѣмецкою литературами по тому-же предмету. Статья посвящена изложенію содержанія сочиненій *Кольгухуна*, *Блэкстона*, *Бентама*, *Лорда Брума*, *Кокса* и нѣкоторыхъ англійскихъ экономистовъ.

Третья статья того-же автора, озаглавленная „Первые два періода самостоятельнаго существованія науки о полиціи въ Германіи", напечатана въ 1869 году. *г. Степановъ* излагаетъ постепенное развитіе и формулированіе понятія о полиціи не изолировано, а паралельно и въ связи съ характеромъ и формой государственнаго быта изслѣдуемой эпохи, а также и съ теоретическими воззрѣніями на государство, господствовавшими тогда въ наукѣ. Авторъ совершенно вѣрно ведетъ начало исторіи съ послѣсредневѣковыхъ временъ, когда средневѣковая государственная власть, стѣсненная въ своихъ движеніяхъ множествомъ автономныхъ кружковъ, сферъ и союзовъ, освободилась наконецъ отъ этихъ перегородокъ и для нея открылось обширное поле дѣятельности. Онъ указываетъ на значеніе въ исторіи науки о полиціи философіи Эвдемонизма, камеральныхъ наукъ и политической экономіи. Затѣмъ слѣдуетъ ясное, толковое и вѣрное изложеніе *Юсти*, *Зоненфельса*, *Рёссига*, *Берга*, *Цахаріэ*, *Шлёцера*, *Зодена*, *Якоба*, *Лотца*, *Бэра*, *Рау*, *Моля* и мн. др.; изложеніе ученія послѣдняго особенно подробно и полно. Критику ученій мы, къ сожалѣнію не находимъ у *г. Степанова*, исторія-же доведена лишь до 1848 года, а потому вдвойнѣ жаль, что авторъ не продолжалъ своихъ изслѣдованій.

Въ 1875 г. *г. Шпилевскій* напечаталъ книгу, озаглавленную „Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія." Послѣ дважды повтореннаго довольно спорнаго опредѣленія науки [1]), авторъ объясняетъ причины, отчего 1) до сихъ поръ наука полицейскаго права разработывалась болѣе монографически, нежели систематически, и 2) ли-

---

[1]) Только та наука, говоритъ *г. Шпилевскій*, имѣетъ полное право на самостоятельность право гражданства въ области знаній, которая совершенно и окончательно выдѣлилась изъ круга сродныхъ ей наукъ, выработала свой собственный методъ, привела свой матерьялъ въ систематическій порядокъ и наконецъ пріискала для себя приличное названіе; однимъ словомъ, усвоила себѣ опредѣленную, если можно такъ выразиться, научную физіономію (стр. 1). Въ другомъ мѣстѣ *г. Шпилевскій* говоритъ, что всякая отрасль знаній, имѣющая претензію на названіе науки, должна выработать строго очерченную классификацію, опредѣленную терминологію, точный методъ, болѣе или менѣе установленную систему (стр. 5).

тература этой науки представляетъ весьма значительное число сочиненій, посвященныхъ спеціально общему понятію о наукѣ, общимъ воззрѣніямъ на основные элементы науки, каковы — предметъ, названіе, отношенія къ другимъ сроднымъ наукамъ, система, методъ, критика мнѣній разныхъ писателей. При этомъ авторъ относитъ свое сочиненіе ко второй категоріи, но съ болѣе широко поставленной задачей, такъ какъ онъ не ограничивается однимъ только „опредѣленіемъ науки полицейскаго права, а считаетъ необходимымъ разсматривать всѣ элементы этой науки во всей ихъ совокупности, т. е. предметъ, методъ и систему." Очевидно, что тутъ *г. Шпилевскій* не совсѣмъ точенъ: 1) нѣтъ ни одного изслѣдованія науки полицейскаго права, которое ограничивалось-бы исключительно только опредѣленіемъ этой науки и 2) по его-же собственному указанію сочиненія, отнесенныя имъ почему-то ко второй категоріи, — хота очевидно, что они ничѣмъ не отличаются отъ первой, — также разсматриваютъ всѣ „элементы" науки, т. е. предметъ, методъ и систему; слѣдовательно *г. Шпилевскій* напрасно приписываетъ только себѣ „болѣе широкое пониманіе задачъ подобнаго рода сочиненій." Кромѣ того, *г. Шпилевскій* отличаетъ свое сочиненіе отъ предидущихъ тѣмъ, что всѣ они имѣютъ характеръ критико-догматическій, онъ-же вноситъ въ основаніе своего изслѣдованія историко-сравнительное изложеніе ученій о наукѣ полицейскаго права. Но авторъ не поясняетъ, что такое „критико-догматическій характеръ", а затѣмъ его „историко-сравнительное изложеніе", превратившееся на другой страницѣ въ „историко-литературное изученіе" (стр. 11), а на стр. 18-й въ „историко-систематическій методъ", рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ однородныхъ сочиненій.

Далѣе, авторъ утверждаетъ, что „къ сожалѣнію, серьезныхъ, спеціяльныхъ сочиненій по исторіи полицейской науки не существуетъ, большинство писателей ограничивается самымъ бѣглымъ очеркомъ историческаго развитія полицейской науки". „Если полицеисты и касались разбора чужихъ мнѣній, то для того только, чтобы раскритиковать ихъ во что-бы то не стало, иногда даже — чтобы умалить значеніе трудовъ своихъ предшественниковъ и чрезъ это возвысить свои собстзенныя заслуги въ области науки. Хотя, конечно, вслѣдствіе общихъ законовъ развитія человѣческихъ занятій, каждый изъ нихъ въ той или другой мѣрѣ пользовался трудами другихъ и никто не избѣгъ, въ бо́льшой или ме́ньшей степени, чужаго вліянія, но, не смотря на это, безсознательно или часто сознательно не хотѣлъ признавать этого факта." Сопоставляя первое положеніе со вторымъ, ясно будетъ, что здѣсь *г. Шпилевскій* какъ бы бичуетъ самого себя, ибо существуетъ нѣсколько монографій по исторіи науки полицейскаго права не только на иностранныхъ, но и на русскомъ языкѣ; бо́льшая часть этихъ монографій стоитъ въ научномъ отношеніи выше изслѣдованія *г. Шпилевскаго*, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ „въ той или въ другой мѣрѣ пользовался этими монографіями и не избѣгъ, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, ихъ вліянія". Такое пренебреженіе къ чужимъ заслугамъ авторъ называетъ *либеральнымъ нигилизмомъ* (?), въ отличіе отъ *консервативнаго нигилизма* (?), заключающагося „въ непризнаніи новыхъ идей, въ невниманіи ко вновь народившимся потребностямъ, вызвавшимъ эти идеи." Ав-

торъ утверждаетъ, что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы избѣгнуть того и другого нигилизма и, отдавая преимущество историческому методу, онъ понималъ этотъ методъ не въ смыслѣ хронологической послѣдовательности, а органической преемственности, такъ что изслѣдованіе его, какъ не обращающее вниманіе на время появленія произведеній по полицейскому праву, „можно назвать историко-систематическимъ.“ „Таковъ методъ или способъ изложенія, говоритъ *г. Шпилевскій*, котораго мы будемъ придерживаться въ нашемъ изслѣдованіи.“

Затѣмъ слѣдуетъ на $2^1/_2$ страницахъ очеркъ исторіи возникновенія полиціи, на 2-хъ страницахъ очеркъ исторіи ученій о полиціи до *Юсти*, послѣ чего авторъ переходитъ къ изложенію содержанія двухъ сочиненій *Юсти* по наукѣ полиціи. При этомъ *г. Шпилевскій* нашелъ, что по методу изслѣдованія „сочиненія *Юсти* носятъ болѣе характеръ политическій, чѣмъ юридическій“. Такой-же методъ авторъ приписываетъ *Зонненфельсу*. За *Юсти* и *Зонненфельсомъ* слѣдуетъ простой перечень именъ 15-ти авторовъ, писавшихъ будто-бы въ духѣ этихъ двухъ публицистовъ, причемъ время появленія сочиненій однихъ авторовъ указано въ перечнѣ, другихъ-же — нѣтъ.

Только съ конца XVIII и начала XIX вѣка, продолжаетъ авторъ, „мало по малу возникаетъ новое направленіе въ разработкѣ полицейской науки. Направленіе это имѣетъ болѣе отрицательное, нежели положительное вліяніе, и болѣе догматическое, нежели методическое значеніе“. Это было результатомъ новыхъ идей и новыхъ событій, „вліяніе которыхъ проявилось въ двухъ видахъ или направленіяхъ“. „Одни писатели, не ограничивая предмета полицейской дѣятельности государства, старались ограничить ея предѣлы или внутреннюю силу, интенсивность полиціи; другіе-же писатели стремились ограничить матерьяльную сферу полицейской дѣятельности, ограничить ее такъ сказать, въ екстенсивномъ отношеніи. Отсюда первое направленіе имѣло вліяніе на ученіе о принципѣ, а второе—на предметъ полицейской науки“. Къ первой категоріи авторъ относитъ прежде всего *Берга*. По мнѣнію *г. Шпилевскаго*, „*Бергъ* первый изъ полицеистовъ обратилъ вниманіе на необходимость установить границы, предѣлы для дѣятельности полицейской власти“, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 27) *г. Шпилевскій* приписываетъ ту-же заслугу *Зонненфельсу*. Методъ *Берга* имѣетъ характеръ „болѣе догматическій, нежели чисто теоретическій“, „но болѣе теоретическій, чѣмъ у *Юсти* и *Зонненфельса*“.

Далѣе слѣдуетъ *Моль*, методъ изслѣдованія котораго, прилагаемый къ изученію „полицейской науки“ можно назвать, по мнѣнію *г. Шпилевскаго*, „чисто политическимъ“ (?). Къ послѣдователямъ *Моля* въ русской литературѣ авторъ относитъ *Рождественскаго*, *Платонова* и *Андреевскаго*, причемъ видитъ важную заслугу послѣдняго въ томъ, „что онъ считаетъ органами полицейской дѣятельности не одно правительство, но и отдѣльныя лица“, „но къ сожалѣнію, продолжаетъ *г. Шпилевскій*, слишкомъ пристрастная привязанность автора къ названію, данному нѣмецкими учеными этой отрасли народной дѣятельности, помѣшала ему вступить окончательно на прямой путь къ вѣрному пониманію предмета и характера полицейскаго права“.

Писателей 2-го направленія авторъ дѣлитъ на три категоріи. „Первую категорію составляютъ тѣ писатели, которые стремились ограничить предметъ полицейской дѣятельности охраненіемъ безопасности. По мнѣнію писателей этой категоріи, значительная часть матерьяла полицейской науки должна войти въ политическую экономію, или какъ нераздѣльная составная часть этой науки, или въ видѣ отдѣльной ея отрасли, подъ названіемъ государственнаго хозяйства, экономической политики, или попеченія о народномъ хозяйствѣ“. На долю-же полиціи или полицейской науки, по мнѣнію ихъ, должны остаться чисто отрицательныя мѣры, имѣющія своимъ предметомъ охраненіе внутренней безопасности, порядка и спокойствія. Къ этой категоріи писателей авторъ относитъ *Берга*, который, „что касается метода, подобно большинству другихъ полицеистовъ, ограничивается общими разсужденіями о пользѣ или вредѣ того или другаго полицейскаго установленія, тѣхъ или другихъ полицейскихъ мѣръ, совершенно не касаясь положительнаго законодательства“. Затѣмъ слѣдуетъ *Рау*, ученіе котораго авторъ излагаетъ чрезвычайно кратко и мѣстами невѣрно [1]), притомъ ничего не упоминая о методѣ, котораго держится этотъ писатель. Изъ русскихъ-же слѣдуетъ *Бунге*, курсъ котораго авторъ излагаетъ гораздо подробнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ *Рау*, причемъ усматриваетъ въ этомъ писателѣ болѣе экономиста, чѣмъ полицеиста-юриста; „что-же касается метода, пріемовъ автора при разработки матерьяла, то и въ этомъ отношеніи въ немъ виденъ болѣе экономистъ-статистикъ, чѣмъ полицеистъ-юристъ. При разсмотрѣніи каждаго института, авторъ пускается въ подробныя экономическія соображенія и приводитъ подробныя статистическія указанія, которыя по нашему мнѣнію, не должны имѣть мѣста въ курсѣ полицейскаго права“. „Но не смотря на указанные недостатки въ формально-систематическомъ или методологическомъ отношеніи, курсъ профессора *Бунге* можетъ служить хорошимъ пособіемъ при ознакомленіи съ нѣкоторыми институтами полицейскаго права“.

Къ писателямъ 2-й категоріи, которые дѣлятъ полицейскую дѣятельность на двѣ отрасли—полицію въ тѣсномъ смыслѣ и попеченіе (Pflege), авторъ относитъ *Лотца*, *Блунчли*, *Медикуса*, изъ русскихъ—*Степанова*, ученія которыхъ онъ не излагаетъ и останавливается только на *Пёцлѣ*, заключая изложеніе содержанія его сочиненія словами: „таковы предметъ, система и методъ полицейской науки по воззрѣніямъ *Пёцля*“, хотя о методѣ *Пёцля* не упоминается.

„На болѣе вѣрномъ пути къ истинному пониманію полиціи, какъ органа государственной власти, стоятъ, по мнѣнію *г. Шпилевскаго*, тѣ изъ

---

[1]) *Г. Шпилевскій* держится для изложенія воззрѣнія *Рау* на полицію только одной журнальной статьи послѣдняго, упуская изъ виду народно-хозяйственную политику *Рау*, а потому по *г. Шпилевскому* выходитъ, что *Рау* «ограничиваетъ содержаніе полицейской науки ученіемъ о полиціи безопасности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, выдѣляя изъ нея одинъ изъ важныхъ отдѣловъ—ученіе о мѣрахъ противъ бѣдности. Между тѣмъ какъ *Рау* допускаетъ возможность включенія въ науку о полиціи народно-хозяйственной политики, но не иначе какъ въ полномъ ея составѣ.

нѣмецкихъ писателей-полицеистовъ, которые смотрятъ на полицію съ чисто формальной, процессуальной стороны. Къ этой третьей категоріи писателей должно отнести *Циммерманна* и *Ферстеманна*". Разница между этими писателями заключается только въ томъ, что *Циммерманнъ* преимущественно имѣетъ въ виду техническую, а *Ферстеманнъ*—чисто юридическую сторону полицейской дѣятельности".

Затѣмъ авторъ находитъ, что въ разработкѣ „полицейской науки" наступилъ кризисъ, который грозилъ ея самостоятельному существованію въ области знанія". Но столь важная наука, имѣющая своимъ предметомъ самые насущные интересы общества, не могла погибнуть въ этомъ кризисѣ. Она снова возродилась: „вновь возникшее ученіе объ управленіи спасло ее отъ погибели". Это новое направленіе, выразившееся у нѣмецкихъ писателей въ ученіи объ управленіи, у французовъ — въ административномъ правѣ, почему-то заставляетъ автора сначала сдѣлать длинный перечень именъ писателей, включая сюда даже испанскихъ, послѣ чего, изложивъ кратко, въ общихъ чертахъ, содержаніе ученія объ административномъ правѣ, авторъ говоритъ, что методъ, прилагаемый французскими юристами къ изученію науки административнаго права, юридическо-догматическій: писатели по этому предмету ограничиваются систематическимъ изложеніемъ французскаго положительнаго права; сочиненія ихъ носятъ характеръ коментаріевъ на дѣйствующее законодательство.— „Честь совершеннаго отдѣленія понятія о государственномъ управленіи отъ государственнаго устройства принадлежитъ знаменитому публицисту и полицеисту, *Роберту фонъ-Молю*, но „начало возникновенія въ нѣмецкой литературѣ понятія о государственномъ управленіи (Staatsverwaltung) въ отличіе отъ государственнаго устройства (Staatsverfassung) можно отнести къ концу XVIII или къ началу XIX стол.". На развитіе ученія о правѣ управленія въ Германіи большое вліяніе имѣли водвореніе конституціонной формы правленія, понятіе о правомѣрномъ государствѣ (Rechtsstaat), философія права *Краузе*, разработанная въ примѣненіи къ государству и управленію *Аренсомъ* и *Шеффле*, и французская теорія административнаго права.

Изложивъ очень кратко сущность ученія объ управленіи, авторъ останавливается на *Лоренцѣ Штейнѣ*, какъ на важнѣйшемъ современномъ представителѣ этой науки. Въ ученіи *Л. Штейна* объ управленіи, автора приводитъ въ недоумѣніе, „признаетъ-ли *Штейнъ* дѣйствительное существованіе исполнительной власти или придаетъ этому понятію чисто-методологическое значеніе?" равно какъ онъ порицаетъ *Штейна* за причисленіе „къ органамъ государственной исполнительной власти, такъ называемыхъ, личныхъ союзовъ или частныхъ обществъ", тогда какъ тоже самое поставлено было *г. Шпилевскимъ* въ заслугу проф. *Андреевскому*[1]). Затѣмъ, изложивъ не вездѣ вѣрно воззрѣніе *Штейна* на по-

---

[1]) Кромѣ того, стр. 103 и 104-й самъ авторъ говоритъ, «въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что органами, субъектами полицейской дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова могутъ быть мѣстныя общества, частные союзы или ассоціяціи и даже отдѣльныя лица».

лицію въ тѣсномъ смыслѣ [1]), авторъ объявляетъ, что система *Штейна* не выдерживаетъ критики, но за то методъ его — „это лучшая сторона сочиненія *Штейна*". Методъ этотъ заключается въ томъ, что „разсмотрѣніе каждаго института *Штейнъ* начинаетъ съ анализа его природы или сущности. Этотъ анализъ даетъ ему основаніе для раздѣленія его на элементы или категоріи. Затѣмъ, *Штейнъ* разсматриваетъ каждый институтъ въ его историческомъ развитіи и въ современномъ проявленіи у трехъ великихъ культурныхъ народовъ Западной Европы: Англіи, Франціи, Германіи. Въ основу историческаго развитія права управленія онъ кладетъ свое ученіе о трехъ основныхъ формахъ общества, а именно: родовую, сословную, государственно-гражданскую. Кромѣ того, при каждомъ институтѣ онъ дѣлаетъ указанія на литературу и положительное законодательство, но при этомъ избѣгаетъ излишнихъ подробностей, а напротивъ постоянно старается извлечь только основныя начала. Однимъ словомъ, заключаетъ *г. Шпилевскій*, „въ нѣмецкой литературѣ нѣтъ другаго сочиненія, въ которомъ-бы съ такимъ знаніемъ дѣла примѣненъ былъ историко-сравнительный или, лучше сказать, физіологическій методъ къ изученію внутренняго или полицейскаго управленія".

Далѣе слѣдуютъ *Майеръ*, примѣнившій юридическій „методъ, и *Инама-Спярнегъ*, методъ котораго „одинаковъ съ примѣняемымъ въ полицейской наукѣ". Послѣ чего авторъ объявляетъ, что „нельзя считать состояніе науки полицейскаго права вполнѣ безвыходнымъ, напротивъ, уже въ настоящее время можно опредѣлить истинныя задачи этой науки и указать на то направленіе въ ея разработкѣ, которое. по мнѣнію *г. Шпилевскаго*, „одно только и можетъ вывести ее на настоящій путь и доставить ей вполнѣ опредѣленное, самостоятельное и почетное положеніе въ кругу другихъ юридическихъ наукъ". Указаніе на это направленіе и составляетъ содержаніе слѣдующихъ главъ книги *г. Шпилевскаго*, причемъ авторъ начинаетъ съ опредѣленія понятія объ обществѣ, приписывая, между прочимъ, *Шлёцеру* часть наиболѣе яснаго различія общества отъ государства и относя къ числу послѣдователей ученія (какого?) объ обществѣ профессоровъ *Градовскаго*, *Симоненко* и др. (?). На стр. 128 и 129-й своей книги авторъ объясняетъ, что общественное право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія, не есть результатъ „безплоднаго оригинальничанья того или другаго писателя, а духъ времени и сила вещей вызвали потребность въ правѣ общественномъ". *Г. Шпилевскій* заявляетъ себя защитникомъ этого права, въ которое должно превратиться (?) полицейское право, и „только отъ такого превращенія, по его мнѣнію, зависитъ вся судьба науки полицейскаго права, такъ какъ только понятіе объ обществѣ можетъ сообщить единство разнообразному и пестрому матерьялу этой науки и чрезъ то окончательно опредѣлить ея настоящія границы". Далѣе слѣдуетъ на стр. 130 и 131

---

[1]) Такъ, напримѣръ, *г. Шпилевскій* утверждаетъ на стр. 84-й; будто-бы *Л. Штейнъ* говоритъ объ организмѣ полиціи, тогда какъ *Л. Штейнъ* именно этого-то и не говоритъ, отрицая существованіе особаго организма полиціи, такъ какъ полиція есть ничто иное какъ одна изъ формъ дѣятельности исполнительной власти.

пространное и *разнообразное* опредѣленіе общества, какъ понимаетъ его г. *Шпилевскій*. Общество и государство представляются автору какъ два организма, которые въ жизни, въ дѣйствительности существуютъ нераздѣльно и только въ наукѣ, въ теоріи, для удобства изученія могутъ и должны быть раздѣляемы и отдѣльно разсматриваемы.

На стр. 135-й авторъ упрекаетъ политическія науки въ томъ, что онѣ впали въ реализмъ и матерьялизмъ. Такой-же недостатокъ замѣчаетъ онъ въ классификаціи юридическихъ наукъ, которыя выработывались путемъ чисто-практическимъ, историческимъ; тогда какъ „правильная, раціональная классификація юридическихъ наукъ должна удовлетворять логическимъ требованіямъ и въ тоже время должна быть согласована съ реальными условіями. Логика требуетъ установленія опредѣленнаго основанія для раздѣленія юридическихъ наукъ на классы. Такимъ основаніемъ должно служить самое право, разсматриваемое съ различныхъ сторонъ. Полагая въ основаніе классификаціи юридическихъ наукъ самое право, мы должны различать три стороны права: во-первыхъ, пространство дѣйствій или предѣлы обязательности права; во-вторыхъ, предметъ или содержаніе права; и, въ третьихъ, характеръ опредѣленій права, способъ его формулированія“.

Послѣ новаго опредѣленія общественнаго права, на стр. 143-й, авторъ переходитъ къ указанію на методъ въ примѣненіи къ юридическимъ наукамъ, находя, что методъ этотъ до сихъ поръ „далеко еще не выясненъ“, въ особенности въ отношеніи къ науки полицейскаго или общественнаго права. „Въ этой области права всякій писатель прилагаетъ свой собственный методъ, до котораго онъ доходитъ чисто-эмпирическимъ путемъ, не принимая на себя труда выяснить теоретическое значеніе того или другаго метода, его преимущества и недостатки сравнительно съ другими методами. Мы полагаемъ, что къ изученію общественнаго права, какъ и всякой отрасли права, могутъ и должны быть примѣняемы одни и тѣ же пріемы или способъ изслѣдованія. Принимая во вниманіе исторію правовѣдѣнія и его современное состояніе въ отношеніи къ методу, мы приходимъ къ убѣжденію, что всякая отрасль права можетъ быть изучаема съ троякой точки зрѣнія: догматической, политической и философской. Въ первомъ случаѣ на право смотрятъ какъ на совокупность догматовъ; при этомъ въ основу изученія кладутъ догму положительнаго права и изучаютъ его съ чисто-формальной стороны, не обращая никакого вниманія на ту связь, которая существуетъ, между правовыми нормами и жизненными отношеніями, ими регулируемыми. Это точка зрѣнія судьи, это методъ догматическій, господствующій въ области науки гражданскаго права. Этотъ методъ, употребляемый въ юриспруденціи, соотвѣтствуетъ, такъ называемому, описательному способу изученія въ другихъ наукахъ. Важное теоретическое и практическое значеніе этого метода несомнѣнно. Но, несмотря на это, одного этого метода недостаточно для познанія права, такъ какъ онъ знакомитъ только съ одной стороной права—съ чисто формальной, догматической“. Необходимо еще, по мнѣнію автора, „изученіе права въ связи съ жизнію, съ бытомъ народа, изученіе его, какъ средство удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ народа“,—и это достигается посредствомъ „такъ называе-

маго политическаго метода" [1]), который можетъ быть „уподобленъ прагматическому методу въ другихъ наукахъ". „Наконецъ, право можетъ быть изучаемо съ точки зрѣнія идеи, сущности, природы права. Эта задача философіи права или философскаго метода въ правѣ. Для познанія сущности или природы права могутъ быть употреблены два способа: дедуктивный и индуктивный. Въ первомъ случаѣ исходятъ отъ общей идеи права; во второмъ—отъ наблюденія надъ правовыми отношеніями, существующими въ жизни. Отсюда методъ философскій можетъ быть двоякаго рода: философскій въ тѣсномъ смыслѣ или метафизическій и философско-положительный или физіологическій. Первый стремится познать сущность права, второй ограничивается изученіемъ природы права. Этотъ послѣдній методъ, къ которому обращается юриспруденція только въ послѣднее время, составляетъ конечную цѣль всякой науки въ строгомъ смыслѣ этого слова. Только этимъ путемъ изслѣдованія можно дойти до открытія существенныхъ законовъ права, что и должно составлять задачу и содержаніе правовѣдѣнія, какъ настоящей положительной науки. Два первые метода подготовляютъ необходимый матерьялъ для этого послѣдняго". Авторъ настойчиво требуетъ примѣненія всѣхъ трехъ методовъ ко всякой отрасли права безъ исключенія, утверждая, что исключительное примѣненіе того или другого метода къ той или другой отрасли правовѣдѣнія совершенно неправильно и вредно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ оно ведетъ „къ обособленію различныхъ отраслей права и къ неправильной градаціи между ними". Такой тройной методъ, т. е. догматическій, политическій и философскій, авторъ рекомендуетъ примѣнять и къ общественному праву, но на стр. 157-й присоединяетъ сюда еще „чисто-юридическій методъ", посредствомъ котораго конкретныя положенія этого права могутъ быть сведены къ немногимъ общимъ началамъ.

Въ заключеніе, авторъ предлагаетъ свою систему общественнаго права. Общественное право должно состоять изъ общей и особенной частей. „Содержаніе общей части составляетъ изложеніе общихъ категорій, общихъ основныхъ началъ права общественнаго, а особенная часть содержитъ въ себѣ изложеніе отдѣльныхъ институтовъ общественнаго права". Общественное право, какъ и всякое право, можетъ быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: формальной, матерьяльной и процессуальной. Отсюда возникаютъ три категоріи права общественнаго: формальное общественное право, опредѣлительное или матеріальное общественное право, и охранительное или процессуальное общественное право. На этомъ основаніи общая часть можетъ быть подраздѣлена на три отдѣла. „Въ первый отдѣлъ входятъ понятія объ источникахъ, органахъ и формахъ права. Источникомъ права служитъ народная жизнь, органами—народъ, государственная власть и сословіе юристовъ. Участіе народа въ созданіи права проявляется въ формахъ обычая, автономіи и волонтаризма, понимая подъ послѣднимъ „тѣ уставы обществъ, которые составляются свободнымъ соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ и только утвер-

[1]) Авторъ объявляетъ въ примѣчаніи, что онъ считаетъ политику не за науку, а за методъ.

ждаются, санкціонируются законодательною или правительственною властью". Формы права, „создаваемаго естественнымъ путемъ развитія народной жизни",—обычай, законъ и научныя положенія.—Затѣмъ, послѣ продолжительной остановки на вопросѣ о законахъ, распоряженіяхъ и соотношеніи ихъ, г. *Шпилевскій* переходитъ ко 2-му отдѣлу общей части общественнаго права. „Общественное право, говоритъ онъ, содержитъ въ себѣ, подобно всякой другой самостоятельной отрасли права, двоякаго рода нормы: одни изъ нихъ опредѣляютъ права и обязанности различныхъ лицъ, субъектовъ въ отношеніи развитія и охраненія общественныхъ интересовъ и устанавливаютъ опредѣленныя взысканія за нарушеніе и неисполненіе правъ и обязанностей; другія-же содержатъ въ себѣ правила для охраненія указанныхъ нормъ отъ нарушеній и возстановленія нарушенныхъ правъ. На этомъ основаніи общественное право, какъ и всякое право, дѣлится на право опредѣлительное и право охранительное. Опредѣлительное право, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлено на два вида: на догматическое и карательное". „Право общественное догматическое заключаетъ въ себѣ трояиаго рода нормы, правила, догматы: запретительные, повелительные и дозволительные". Затѣмъ, послѣ опредѣленія терминовъ: вредное дѣяніе, уголовное преступленіе, полицейскій проступокъ, субъектъ и объектъ (лице, вещь, услуги) общественнаго права [1]), соціальный прогрессъ, органы охраненія соціальнаго прогресса (государство, правительство, общественныя корпораціи и отдѣльныя лица),—авторъ предлагаетъ дѣленіе охранительнаго общественнаго права на право охранительное въ тѣсномъ смыслѣ или административно-полицейское и право возстановительное или судебное право. На основаніи формы, способа проявленія право охранительное, въ тѣсномъ смыслѣ, можетъ быть раздѣлено на право надзора, предупрежденія, пресѣченія и обнаруженія правонарушеній. Право надзора дѣлится по субъектамъ: на 1) право административнаго надзора или контроля за соціальною дѣятельностью правительственныхъ мѣстъ и лицъ, 2) право правительственнаго надзора за дѣятельностію органовъ самоуправленія въ области общественнаго права и 3) право полицейскаго наблюденія за соціальною дѣятельностію частныхъ лицъ. По органамъ, право это дѣлится на право общаго высшаго надзора, главнаго мѣстнаго надзора, и право мѣстнаго ближайшаго надзора. По поводу судебно-охранительнаго права авторъ говоритъ о судахъ публичнаго права и на двухъ страницахъ порѣшаетъ вопросъ въ утвердительномъ для нихъ смыслѣ.

Особенная часть общественнаго права дѣлится на право соціальной организаціи народа и на право развитія и охраненія общественныхъ силъ народа. Право соціальной организаціи дѣлится на: 1) право кровныхъ союзовъ, 2) право сходокъ и собраній, 3) право товариществъ и компаній, 4) право общественныхъ союзовъ или обществъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Vereinsrecht), 5) право сословно-профессіональныхъ союзовъ, 6) право общинъ, 7) право земствъ. Право развитія и охра-

[1]) По различію объектовъ г. *Шпилевскій* предлагаетъ дѣленіе общественнаго права на личное, вещное, обязательственное, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ нихъ.

ненія общественныхъ силъ народа. Это право дѣлится на право общества на развитіе и охраненіе его вещественныхъ средствъ (право экономическое) и на право общества на развитіе и охраненіе личныхъ силъ. Право экономическое дѣлится на: 1) право благоустроительное, подраздѣляющееся на право строительное, право поселеній, право помощи при пожарахъ, наводненіяхъ и др. бѣдствіяхъ. 2) право путей и средствъ сообщенія, подраздѣляющееся на право устройства и содержанія путей сообщенія и право пользованія ими, причемъ это право дѣлится опять на право мореплаванія, желѣзнодорожное, почтовое и телеграфное; 3) право сельско-хозяйственное подраздѣляющееся на а) право охоты или звѣроловство, б) рыболовство съ раздѣленіемъ на рѣчную и морскую ловлю, в) сельско-хозяйственное, въ тѣсномъ смыслѣ, съ раздѣленіемъ на земледѣльческое, водное и лѣсное и г) право горное; 4) промышленное право съ раздѣленіемъ на кустарное, ремесленное и фабричное; 5) право торговое съ раздѣленіемъ по отраслямъ и на внутреннюю и внѣшнюю; 6) право страхованія и 7) право кредитное съ раздѣленіемъ на а) право ссудныхъ и сберегательныхъ установленій, б) право поземельнаго или недвижимаго кредита, в) право коммерческаго кредита, г) право промышленнаго или движимаго кредита.—Общественное право охранительное дѣлится сначала на два отдѣла, — физическое и духовное. Первый отдѣлъ дѣлится на 1) право передвиженія, съ подраздѣленіемъ на право путешествія и право передвиженія, которыя опять дѣлятся и подраздѣляются; 2) право благотворительности, съ подраздѣленіями и 3) санитарно-врачебное право, которое дѣлится опять на три отрасли права. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ право народнаго просвѣщенія, право печати и право публичной нравственности, которыя дѣлятся и подраздѣляются на особыя отрасли права. Въ каждомъ изъ этихъ правъ должны быть разсматриваемы источники, догматическое право, карательное право, право надзора и право суда.

Таково содержаніе книги *г. Шпилевскаго*. Мы нарочно большею частью излагали ее словами самаго автора, избѣгая критической оцѣнки, которой едва ли могутъ заслуживать многія его положенія (таковы: „методологическая и исполнительная власть“, „физіологическій, политическій, полицейскій, чисто-юридическій“ и т. п. методы, система, построенная на второстепенныхъ и разнородныхъ признакахъ, сотни новыхъ правъ и масса предметовъ, неимѣющихъ никакого или слишкомъ отдаленное значеніе для изслѣдуемаго предмета). Едва-ли *г. Шпилевскій* найдетъ себѣ послѣдователей какъ въ своихъ воззрѣніяхъ на науку полицейскаго права, такъ и въ пріемахъ изслѣдованія [1]).

И. Тарасовъ.

(Профессоръ Демидовскаго лицея).

---

[1]) Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній рецензента на науку полиціи и на разбираемыя имъ сочиненія, мы дали мѣсто его труду какъ интересному и весьма полезному очерку литературы полиціи, подобно многимъ помѣщаемымъ въ нашихъ изданіяхъ работамъ. Съ нашей стороны, мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, что одна изъ главныхъ причинъ вышеизложенныхъ г. Тарасовымъ разногласій и

По поводу статьи г. Тарасова, „Полицейское право".

Помѣщаемая въ этомъ томѣ статья г. *Тарасова*, „Полицейское Право" находится въ тѣсной связи съ изданнымъ имъ въ прошедшемъ году „Опытомъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права". Встрѣтивъ съ полнымъ сочувствіемъ стремленіе молодаго профессора поставить преподаваніе полицейскаго права въ Ярославскомъ Лицеѣ на своеобразныя начала, значительно впрочемъ напоминающія воззрѣнія Л. Штейна, изученіемъ котораго г. Тарасовъ тщательно занимался [1], и вполнѣ привѣтствуя дальнѣйшія его работы въ этомъ направленіи, считаемъ однако необходимымъ сдѣлать по поводу его статьи нѣсколько замѣчаній, дабы читатели сборника не впали въ недоразумѣнія. При бѣгломъ очеркѣ довольно обширной литературы, г. Тарасовъ очевидно принужденъ былъ нерѣдко, вмѣсто критическаго разсмотрѣнія, ограничиваться простыми отзывами о томъ или другомъ писателѣ, скорѣе свидѣтельствующими о большей или меньшей симпатіи его къ опредѣленному мнѣнію, чѣмъ о желаніи подвергнуть анализу или изученію разсматриваемые тѣмъ или другимъ авторомъ вопросы. Такъ порѣшивъ въ § 6 своего конспекта весьма быстро съ тѣмъ, что никакой науки полиціи не существуетъ, но есть только наука полицейскаго права („Такъ, какъ невозможно", говоритъ г. Тарасовъ, „разсматривать научно-всесторонне полицейскую дѣятельность независимо отъ вызываемыхъ ею правоотношеній, то невозможна и наука полиціи"), онъ уже дѣлается весьма взыскательнымъ въ своихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ курсамъ и учебникамъ полицейскаго права. Правда, что о наукѣ полиціи высказывались самыя многоразличныя мнѣнія и давались ей разностороннія аттестаціи, что видно между прочимъ и изъ замѣчанія о наукѣ полиціи, сдѣланнаго со стороны редакціи сборника къ статьѣ г. Тарасова. Но это не дастъ критику права, при разборѣ учебниковъ, заставлять авторовъ ихъ держаться такого отрицательнаго мнѣнія, которое высказываетъ г. Тарасовъ, увлеченный очевидно ученіемъ и воззрѣніями г. *Лешкова*. Очень можетъ быть, что и самъ г. *Тарасовъ*, когда побольше самостоятельно поработаетъ надъ разсмотрѣніемъ

недоразумѣній относительно содержанія и предѣловъ полицейской науки заключается въ неправильномъ и противуестественномъ, по нашему мнѣнію, смѣшеніи полиціи съ общимъ государственнымъ управленіемъ или администраціей. При такомъ смѣшеніи (проникнувшемъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ германскихъ ученыхъ, въ нашу литературу и въ университетское преподаваніе) наука полиціи теряетъ всякую спеціальную и самостоятельную область и сливается съ общею наукою администраціи, въ которой она должна быть только частью (какъ это въ дѣйствительной жизни). Это явленіе произошло у насъ отчасти, потому что мы не имѣемъ въ университетахъ особой каѳедры для административной науки, въ современномъ ея значеніи (преимущественно по системѣ Л. Штейна). Подъ «полиціей» должно, по нашему мнѣнію, разумѣть, согласно смыслу, связываемому съ этимъ терминомъ въ практической жизни, только полицію, или только то, что теоретики разумѣютъ подъ «полиціей безопасности». *Ред.*

[1]) См. нашу рецензію на соч. г. *Тарасова*, «Основныя положенія Л. Штейна по полицейскому праву»,—въ Сборникѣ госуд. знаній, Т. II, 1875.

отдѣльныхъ вопросовъ полицейскаго права, придетъ къ убѣжденію, что § 6 его конспекта нужно будетъ совершенно измѣнить. Очень можетъ быть, что при самостоятельномъ, отчетливомъ изученіи какого нибудь вопроса полицейской дѣятельности страны, разрѣшаемаго полицейскимъ положительнымъ правомъ даннаго государства, г. Тарасову придется нетолько сравнивать законоположенія этого государства съ законами положительными другихъ государствъ, но и войти въ изученіе различій, которыя представляются отъ различнаго пониманія обществами (союзами и общинами) и правительствами экономическихъ и соціальныхъ законовъ, т. е. ему придется войти въ область той философской науки, строющейся однако на положительномъ изученіи явленій, которая въ состояніи будетъ навести его на научныя истины относительно полицейской дѣятельности, — той философской науки, которую и называютъ *наука полиціи*. Во всякомъ случаѣ, еслибы и теперь г. Тарасовъ строже отнесся къ вопросу о важности для размышляющаго о полицейской дѣятельности, регулируемой положительнымъ полицейскимъ правомъ, понимать экономическіе законы, стоять самостоятельно въ области политической экономіи, онъ далъ-бы несомнѣнно другую критическую оцѣнку учебнику или скорѣе лекціямъ *Н. Х. Бунге*. Желающему уяснить себѣ многіе вопросы полиціи благосостоянія, напр. отношенія государства къ промышленности земледѣльческой, торговой, къ банковому дѣлу и пр., учебникъ г. Бунге принесетъ громаднѣйшую пользу; въ этомъ учебникѣ слышится ученіе дѣйствительнаго учителя, знатока дѣла въ поясненіи законовъ экономическихъ, мыслителя, не компилятивно набравшаго различныя справки, но давно самостоятельно обдумавшаго всю совокупность дѣла, составляющую полицейскую дѣятельность государства, давно обнявшаго еще столь многимъ непонятные экономическіе законы и усвоеніемъ ихъ вѣрно проникшаго въ область науки полиціи. Русскій ученый, стремящійся изучить полицейское право, не можетъ не сказать профессору *Бунге* за его учебникъ *спасибо*, и не вписать себя въ ряды его многочисленныхъ учениковъ.

И. Андреевскій.

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Алексѣева, Макіавелли, какъ политическій мыслитель. Москва 1879.

Сочиненіе г. Алексѣева о Макіавелли заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ: на основаніи изученія главнѣйшихъ его сочиненій, авторъ дѣлаетъ попытку представить намъ въ цѣльной картинѣ его политическое ученіе. Мы вполнѣ привѣтствуемъ это первое произведеніе нашего ученаго, хотя и расходимся съ нимъ въ самомъ пониманіи Макіавелли. Изъ дальнѣйшаго опредѣлится наша точка зрѣ-

нія, впрочемъ уже давно, безъ насъ установившаяся въ литературѣ, а здѣсь замѣтимъ только, что книга г. Алексѣева читается не только легко, но даже съ удовольствіемъ. Ясная, строго обдуманная система, прекрасное изложеніе невольно подкупаютъ читателя въ пользу автора. Всюду замѣтно его увлеченіе своимъ предметомъ; это придаетъ теплоту и прелесть его книгѣ, но мѣшаетъ ей съ высшей научной точки зрѣнія.

Вполнѣ вѣрно, г. Алексѣевъ начинаетъ свою книгу съ *литературы о Макіавелли*. Она такъ обширна и богата самыми противоположными мнѣніями, что оріентироваться въ ней весьма не легко. Но очеркъ этой литературы у г. Алексѣева мы находимъ, особенно для русскихъ чтитателей, слишкомъ краткимъ. Упомянувъ объ іезуитахъ и монахахъ, какъ первыхъ врагахъ Макіавелли, онъ касается за тѣмъ писателей, которые возставали на него изъ-за политическихъ мотивовъ. Источникъ воззрѣній, выставляющихъ Макіавелли безнравственнымъ писателемъ, онъ видитъ въ „невѣжествѣ и беззастѣнчивости въ союзѣ съ религіозными предразсудками и фанатизмомъ учениковъ Лойолы“ [1]). Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Робертъ фонъ Моль, котораго конечно нельзя причислить не только къ іезуитамъ, но даже къ людямъ съ религіозными предразсудками, называетъ ученія Макіавелли „страшно безнравственными“. О новѣйшихъ писателяхъ г. Алексѣевъ говоритъ почти вскользь, останавливаясь нѣсколько подробнѣе только на историкахъ (Ранке, Гервинусѣ и Маколеѣ). Поэтому, прочитавъ его введеніе, мы не можемъ объяснить себѣ почему писатель, излагавшій свои мысли повидимому столь просто и ясно, какъ Макіавелли, могъ вызвать всевозможныя, противорѣчивыя мнѣнія о себѣ. Мы не видимъ ничего подобнаго относительно другихъ политическихъ мыслителей. Моль въ своей прекрасной монографіи: „Литература о Макіавели“ [2]) указываетъ на 12 группъ писателей, между которыми находятся: абсолютные противники Макіавелли, безусловные его защитники, такіе, которые поняли его совершенно невѣрно, писатели не пришедшіе ни къ какому положительному о немъ выводу и наконецъ критики. Причину этого явленія нельзя искать въ одномъ недостаточномъ пониманіи Макіавелли этими писателями. Она скрывается глубже и объясняется: во 1-хъ противорѣчіями самого Макіавелли, и во 2-хъ, тенденціозностью тѣхъ писателей, которые занимались изученіемъ его произведеній. Такъ, одни видятъ въ немъ наставника тирановъ, другіе — защитника демократическихъ идей (Руссо, Альфіери, Франкъ, и наконецъ самъ г. Алексѣевъ), третьи — провозвѣстника теоріи національности (Блюнчли) и т. д. Всматриваясь глубже въ литературу о Макіавелли, мы видимъ, что отношенія къ нему писателей обусловливаются различнымъ характеромъ той или другой области человѣческаго знанія. Къ безусловнымъ его противникамъ должны относиться богословы, моралисты и философы,— вообще люди становящіеся на точку зрѣнія этихъ наукъ. Критическое отношеніе къ Макіавелли свойственно историкамъ и политическимъ

[1]) Макіавелли, стр. 7.

[2]) Die Machiavelli-Literatur въ «Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften». III, 521.

мыслителямъ, а безусловными его поклонниками могутъ быть только практическіе политики, для которыхъ Макіавелли искони былъ первымъ авторитетомъ, снабжавшимъ ихъ драгоцѣннѣйшими правилами на разные случаи практической государственной жизни.

Вся разсматриваемая нами книга распадается, весьма правильно, на три части: систематическое изложеніе ученія Макіавелли; условія, при которыхъ сложились его философскія и политическія воззрѣнія и мѣсто занимаемое имъ въ исторіи политическихъ ученій. Послѣдняя, какъ бы вѣнчающая все сочиненіе, глава прославляетъ Макіавелли, какъ защитника политической свободы.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ мѣстъ этого сочиненія, мы должны указать на два главные, по нашему мнѣнію, недостатка его. Въ книгѣ г. Алексѣева, какъ уже замѣчено, невольно удивляетъ излишнее увлеченіе Макіавелли; такое увлеченіе, которое помѣшало ему отнестись къ изучаемому имъ автору со всею подобающею объективностью и критическою оцѣнкою. Мы имѣемъ предъ собою скорѣе апологію Макіавелли, нежели строгій, критическій анализъ его личности и произведеній. Между тѣмъ, именно личность Макіавелли требуетъ трезваго и серьезнаго отношенія къ ней для того, чтобъ быть понятною. Казалась бы, что въ наше время, вполнѣ возможна спокойная и всесторонняя оцѣнка ея: въ теченіе трехъ съ лишнимъ вѣковъ литература о Макіавелли такъ накопилась, что изслѣдователю о немъ нужно не столько гоняться за новизною, сколько заботиться объ установленіи историческивѣрнаго пониманія этого примѣчательнаго и своеобразнаго писателя.

Второй недостатокъ въ книгѣ г. Алексѣева, мы видимъ въ томъ, что она не даетъ отвѣтовъ на многіе весьма существенные вопросы, которые представляются сами собою при изученіи Макіавелли. Такъ, одинъ изъ ея главныхъ пробѣловъ состоитъ въ томъ, что указавъ на освобожденіе Макіавелли изъ подъ вліянія средневѣковыхъ теорій и идей и установивъ ту связь, которая соединяла его съ его временемъ и эпохою возрожденія вообще, нашъ авторъ не упоминаетъ о почвѣ, которая произвела и вскормила Макіавелли. Почва эта — классическій міръ. Воззрѣнія Макіавелли на религію, нравственность и государство проникнуты древне-римскими идеями. Его патріотизмъ и либерализмъ (если только допустить послѣдній) отмѣчены узкостью и деспотизмомъ, отличавшими эти чувства въ древности. Вотъ почему, мы видимъ въ Макіавелли не основателя ученія о новомъ государствѣ, но фанатическаго и упрямаго поборника государства давно отжившаго — античнаго. Отсюда его пренебреженіе къ идеальнымъ благамъ жизни, его воззрѣніе на религію, какъ на политическое орудіе, — instrumentum regni или точнѣе servitutis, — его ученіе объ абсолютности государства и безправіи человѣческой личности и т. д. [1])

[1]) Въ виду громаднаго вліянія на Макіавелли древности и современной ему эпохи возрожденія, мы находимъ невѣрнымъ утвержденіе г. Алексѣева, что «его умъ былъ бѣлымъ листомъ бумаги, неисписаннымъ ни общественными, ни

Изложенію собственно политическаго ученія Макіавелли авторъ предпосылаетъ очеркъ его *міросозерцанія*. Это міросозерцаніе вполнѣ языческое. Въ сторонѣ отъ высшихъ идей христіанства, оно смутно, полно противорѣчій и безотрадно. Вмѣсто вѣры мы видимъ у Макіавелли — грубыя суевѣрія. Рядомъ съ человѣческою волею, онъ признаетъ еще *судьбу*, какую-то безличную стихійную силу, которая не присуща міру и не управляетъ имъ по неизмѣннымъ законамъ, а вторгается въ дѣла людей лишь по временамъ: въ эпохи брожженія и всеобщихъ переворотовъ. Какое понятіе можно признать менѣе философскимъ, чѣмъ это? Полны противорѣчій отношенія, по Макіавелли, человѣческой воли къ этому слѣпому фактору. Съ одной стороны, люди могутъ ему только содѣйствовать „прясти его нити, но не въ силахъ разорвать ихъ". Съ другой, они могутъ и должны вступать съ нимъ въ борьбу (зачѣмъ?), — могутъ предупреждать послѣдствія его вторженія и должны надѣяться (неизвѣстно на что?). Но путаница увеличивается еще признаніемъ третьяго, также слѣпаго фактора — *счастья* — „стеченія случайныхъ обстоятельствъ, слагающихся помимо воли людей." [1])

Въ виду всего этого, мы не можемъ понять, какъ г. Алексѣевъ утверждаетъ, что Макіавелли „признаетъ закономѣрность соціальныхъ явленій." [2])

Переходимъ къ разбору отдѣльныхъ моментовъ *ученія Макіавелли о государствѣ*. На нашъ взглядъ, это ученіе передано г. Алексѣевымъ безъ достаточной критической оцѣнки; мѣстами онъ какъ бы смягчаетъ рѣзкіе выводы Макіавелли, мѣстами наконецъ опускаетъ нѣкоторыя интересныя стороны его ученія.

Государство, по Макіавелли, не есть объективный порядокъ, имѣющій свое основаніе въ себѣ самомъ. Оно — не божественное установленіе, не организмъ, не олицетвореніе живущаго и дѣйствующаго въ немъ народа. „Государство создается, держится и направляется *свободною волею* людей." При основаніи его и въ вопросахъ дальнѣйшихъ его преобразованій человѣку данъ будто бы самый широкій просторъ и произволъ. Онъ „ничѣмъ не стѣсненъ": ни „историческимъ прошедшимъ народа," ни „естественными условіями страны." Его „связываютъ лишь тѣ цѣли, которыя *по произволу* ставитъ себѣ организуемое имъ общежитіе." [3]) Какое обширное повидимому поприще для „творческой дѣятельности" человѣка. Но только именно повидимому. Человѣкъ, по мнѣнію Макіавелли, свободы воли не имѣетъ. Онъ не царь природы, а самая жалкая и безпомощная тварь. Имъ управляютъ страсти и влеченія. [4]) Если это такъ, то зачѣмъ толковать о „свободѣ," „творчествѣ." [5]) Развѣ это не пустыя слова?

религіозными предразсудками», и что «между его проницательнымъ окомъ и объектами его наблюденій не существовало никакой посредствующей среды» (стр. 151).

[1]) Стр. 30 и 31.

[2]) Стр. 213.

[3]) Стр. 37, 38—40.

[4]) Стр. 212 и 26.

[5]) Какъ странно звучитъ для насъ подобная фраза: «основаніе государства есть *творческій актъ свободной воли* людей» (стр. 83)?

Впрочемъ г. Алексѣевъ даетъ намъ и другую теорію Макіавелли о происхожденіи государства, болѣе подходящую ко внутреннему смыслу всего его ученія: борьба за существованіе создала государство. Оно возникаетъ прежде всего; за этимъ послѣдовалъ миръ съ природою (въ какомъ отношеніи борьба съ природою для человѣка неизбѣжна, пока онъ существуетъ), а „этотъ миръ научаетъ человѣка дорожить и миромъ съ себѣ подобными.“ За основаніемъ государства возникаетъ для человѣка новый, искусственный и цѣлесообразный міръ — нравственности и религіи. [1]) Но мы знаемъ изъ исторіи, что развитіе человѣчества начинается съ религіи и что первыя государства были теократіи. Самъ Макіавелли ставитъ основателей религіи выше основателей государствъ. [2])

Весьма недостаточно раскрываетъ намъ авторъ *существо политическаго ученія* Макіавелли. Очевидно оно обусловливается самою идеею Макіавелли о государствѣ. Эта идея насъ поражаетъ своею несостоятельностью: государство, по мнѣнію флорентійскаго историка, абсолютно. Все въ человѣческой жизни поэтому является для государства лишь служебнымъ орудіемъ и не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Человѣкъ самъ по себѣ безправенъ; религія и нравственность, какъ продукты государства, не имѣютъ самостоятельнаго бытія, и Макіавелли даже не понимаетъ ихъ высшаго и идеальнаго призванія: такова и есть идея античнаго государства. Вытекающіе отсюда выводы чрезвычайно важны: въ противоположность среднимъ вѣкамъ, когда религія подчиняла себѣ политику, Макіавелли думаетъ, что политика должна управлять всѣми сторонами человѣческой жизни. Онъ отрѣшаетъ ее отъ всякихъ нравственныхъ основъ и выдѣляетъ въ самостоятельную область, но не науки, а скорѣе искусства. Отдѣльныя правила у него сведены къ тому, что привыкли называть „raison d'Etat“ (государственною необходимостью). Это понятіе и прежде признавалось основнымъ принципомъ практическихъ государственныхъ людей, но никто не провелъ его съ такою исключительною послѣдовательностью какъ Макіавелли. Но что такое эта raison d'Etat? Мы переводимъ это словомъ въ лучшемъ его смыслѣ: „общимъ благомъ“. Оно, по Макіавелли, не есть совокупность частныхъ пользъ и не благо государства, какъ таковаго, а „не что иное, какъ совокупность интересовъ, общихъ большинству гражданъ.“ [3]) Всматриваясь ближе, мы должны сознаться, что это обозначаетъ въ сущности интересы лицъ, власть имѣющихъ. Макіавелли ничего не знаетъ о правахъ меньшинства. На его ученіи, мы лучше всего можемъ видѣть, къ чему приводитъ политика, лишенная нравственныхъ основъ. Онъ всецѣло держится на правилѣ: цѣль оправдываетъ средства. Все у Макіавелли сводится къ достиженію цѣли, а вопросъ о средствахъ для него безразличенъ. Если можно достигнуть хорошей цѣли добрыми средствами — тѣмъ лучше, но въ политикѣ нечего останавливаться и предъ самыми дурными средствами. Въ Князѣ подъ фирмою общаго блага оправдываются самые возмутительные поступки (какъ поучительна въ этомъ

---

[1]) Стр. 26, 27 и 257.
[2]) Разсужденія; I, 10.
[3]) Стр. 241.

отношеніи 18 гл. этого сочиненія), а нравственная сторона разсужденій о Ливіи ничѣмъ не лучше (напр. оправданіе двойнаго убійства, совершеннаго Ромуломъ, изъ коихъ одно даже братоубійство [1]).

Все это хорошо извѣстно нашему автору, но онъ объясняетъ излагаемое имъ ученіе своеобразнымъ и довольно страннымъ образомъ. По его мнѣнію правило: „цѣль освящаетъ средства", господствуетъ въ догосударственномъ бытѣ, а въ государственномъ лишь тогда, когда законный порядокъ пересталъ существовать, т. е. когда цѣль не можетъ быть достигнута законными средствами. Случаи эти въ глазахъ Макіавелли представляются: въ тираніи, при основаніи и переустройствѣ государства, подавленіи мятежей и возстанія, во время войны [2]). Но очевидно, что эти случаи поглощаютъ бòльшую часть государственной жизни: для правильнаго и законнаго порядка остается очень мало мѣста. Очевидно Макіавелли не имѣетъ и понятія о непрерывности и закономѣрности государственнаго порядка. Прославленіе успѣха ведетъ его къ культу силы и къ презрѣнію права.

Г. Алексѣевъ думаетъ, что 7 гл. „Князя" (о Цезарѣ Борджіи) сдѣлала „для людей толпы имя Макіавелли синонимомъ политическаго коварства". [3]) Странное утвержденіе! Главы 8 и особенно 18 ни чуть не лучше; да и вообще весь характеръ „Князя", за исключеніемъ очень немногихъ фразъ, падаетъ безславіемъ на его автора. Но въ виду особой настойчивости, съ которою г. Алексѣевъ старается оправдать глубокую безнравственность [4]) Макіавелли, мы не можемъ обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. Разсказывая о подвигахъ одного изверга по Макіавелли, Паоло Больони, нашъ авторъ замѣчаетъ, что авторъ „Князя" въ этомъ случаѣ выступаетъ не моралистомъ и не политикомъ, а безпристрастнымъ наблюдателемъ, подмѣтившимъ интересный психологическій фактъ [5]).

Но изъ характера всей этой главы „Разсужденій" (I, 27) ясно выступаетъ упрекъ въ трусости, который дѣлаетъ Макіавелли Больони за то, что онъ не убилъ папу Юлія II. „Люди благоразумные, говоритъ онъ, которые были съ папою, не могли понять почему Больони не рѣшился на поступокъ, который сдѣлалъ бы его навсегда знаменитымъ, почему онъ однимъ ударомъ не уничтожилъ своего врага и не обогатился на счетъ кардиналовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ папою, легкою для него добычею. Онъ совершилъ бы поступокъ, который, въ случаѣ успѣха, совершенно загладилъ бы его позоръ. Всѣ стали бы удивляться величію его духа и эта попытка доставила бы ему вѣчную славу" [6]).

Мѣста же приводимыя г. Алексѣевымъ изъ этой главы [7]) далеко

---

[1]) Разсужденія I, 9.
[2]) Стр. 255.
[3]) Стр. 250.
[4]) Мы не отвергаемъ, что у Макіавелли встрѣчаются, даже въ нравственномъ отношеніи, прекрасныя мѣста (напр. Разсужденія I, 10, 17, 26 и др.), но мы говоримъ, что онъ не держался въ этомъ отношеніи никакихъ принциповъ, что и дѣлаетъ его ученіе вполнѣ безнравственнымъ.
[5]) Стр. 247.
[6]) Стр. 246.
[7]) Стр. 249.

не передаютъ всей рѣзкости мыслей Макіавелли. Въ 40 гл. 1 кн. „Разсужденій, посвященной введенію децемвирата въ Римѣ, Макіавелли, по мнѣнію" автора, „также безпристрастно разсматриваетъ поведеніе народа, какъ и образъ дѣйствія тирана, и, на ряду съ совѣтами, обращенными къ народу, выставляетъ правила, которыми долженъ руководствоваться тиранъ. Согласимся съ этимъ, но съ этимъ стоитъ въ противорѣчіи слѣдующая за тѣмъ фраза г. Алексѣева: „Макіавелли не выступаетъ здѣсь ни руководителемъ [1]) народа, ни совѣтникомъ тирана". Вотъ, однако, что говоритъ самъ Макіавелли: „замѣчательнаго въ этихъ событіяхъ очень много и особеннаго вниманія заслуживаютъ они со стороны тѣхъ, кто желаетъ спасти свободу республики и тѣхъ, кто хочетъ поработить ее". Это положеніе весьма мѣтко характеризуетъ все ученіе Макіавелли, дающее богатый арсеналъ какъ для республиканцевъ, такъ и для деспотовъ, но, по отсутствію нравственныхъ началъ, служащее болѣе цѣлямъ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Весьма мягко далѣе смотритъ г. Алексѣевъ на 7 гл. „Князя". Въ ней будто бы Макіавелли не сочувствуетъ цѣли политическихъ стремленій Борджіи, а хвалитъ лишь ту желѣзную послѣдовательность, съ которою герцогъ преслѣдовалъ свой планъ. И эта послѣдовательность тѣмъ болѣе удивляла его, что онъ не находилъ ее у современниковъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ неумѣньи смѣло и прямо идти по разъ избранному пути [2]). Но именно на Цезарѣ Борджіи мы можемъ видѣть всю безнравственность ученія Макіавелли. Изъ исторіи мы знаемъ, что между итальянскими бандитами того времени онъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ. „Почти каждая минута его жизни, говоритъ Періесъ [3]), была ознаменована вѣроломствомъ или преступленіемъ. Вѣроломство же подъ конецъ и погубило того, кто ему былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ". Но Макіавелли находитъ нужнымъ подробно изложить подвиги Борджіи въ Синигаліи и въ Чезенѣ, по отношенію къ нѣкоему Рамиро д'Орко. Онъ удивляется его искусству „привлекать людей и истреблять ихъ". Мы согласны, что Макіавелли видитъ въ немъ не образецъ для государей вообще, а лишь для государя новаго, но и такое объясненіе значенія Борджіи для насъ непонятно. Послѣ цѣлой жизни преступленій онъ достигнулъ чего же? Того, что Романья осталась ему вѣрною болѣе одного мѣсяца! [4]) Въ его хитро обдуманный планъ дѣйствій не вошли два обстоятельства, которыя его и сгубили: недолговѣчность его отца и собственная его болѣзнь. Мы видимъ причину полнаго его фіаско въ болѣе глубокихъ нравственныхъ принципахъ, имъ попранныхъ, а Макіавелли приписываетъ ее просто „стеченію обыкновенныхъ, крайне неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ".

Впрочемъ самъ г. Алексѣевъ допускаетъ, что „дабы сдѣлаться достойнымъ послѣдователемъ Борджіи необходимо принадлежать къ кате-

---

[1]) Стр. 249.
[2]) Стр. 253.
[3]) Извѣстный переводчикъ всѣхъ сочиненій Макіавелли на французскій языкъ въ 1823 г.
[4]) На это указываетъ Жане.

горіи тѣхъ кондотьери, которые безъ зазрѣнія совѣсти, насиліемъ и обманомъ прокладываютъ себѣ путь къ власти и не останавливаются ни предъ какимъ средствомъ для достиженія своей цѣли“ [1]). Совершенно вѣрно! Но возводить такихъ господъ въ образецъ, хотя бы для новыхъ правителей, какъ это дѣлаетъ Макіавелли, значитъ: самому принадлежать къ ихъ обществу. Въ доказательство, что послѣдній и съ нравственной точки зрѣнія не одобряетъ образа дѣйствій героя Синигаліи, г. Алексѣевъ ссылается на 26 гл. I кн. „Разсужденій“. Но въ ней даже не упоминается Борджіа. Напротивъ изъ частной, интимной переписки Макіавелли, мы узнаемъ, что онъ былъ не прочь подивиться его подвигамъ. Въ письмѣ къ Веттари, 31 янв. 1514 г., онъ говоритъ: „дѣйствіямъ Борджіи я подражалъ бы всегда, если бы былъ новый государь“.

Въ связи съ этимъ замѣтимъ, что весь отдѣлъ о воззрѣніяхъ Макіавелли на нравственность и объ утилитаризмѣ въ разбираемой нами книгѣ мы находимъ невѣрнымъ и излишнимъ; невѣрнымъ,—потому, что онъ далеко не полонъ; излишнимъ,—съ точки зрѣнія автора, потому, что изученіе Макіавелли въ нравственномъ отношеніи приводитъ только къ чисто отрицательнымъ выводамъ. Макіавелли выставляется какимъ-то творцемъ новѣйшей, утилитарной философіи, когда на самомъ дѣлѣ у него былъ умъ совершенно не философскій, о чемъ свидѣтельствуютъ весь строй его сочиненій и множество противорѣчій въ нихъ. Онъ взялъ весь запасъ своихъ моральныхъ изреченій отъ своихъ учителей—древнихъ, которымъ онъ во всемъ рабски подражаетъ. Впрочемъ мысли самого г. Алексѣева объ этомъ довольно шатки. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Макіавелли должно считать отцемъ моральныхъ теорій, защищаемыхъ въ наше время Контомъ“ [2]). — „Онъ провозглашаетъ новую свѣтскую мораль съ новыми идеалами и новыми цѣлями, которыя научаютъ людей видѣть въ служеніи отечеству и государству свое призваніе и свое высшее назначеніе“ [3]). Эту предполагаемую новую мораль знали уже греки и римляне. Но рядомъ съ такими положеніями встрѣчаемъ другія: „Феррари правъ, утверждая, что Макіавелли не вѣритъ въ нравственный порядокъ и не признаетъ самобытности нравственныхъ началъ, но онъ жестоко ошибается, думая, что Макіавелли отрицаетъ нравственность вообще“ [4]). Нравственность, лишенная самобытныхъ началъ, дѣйствительно теряетъ свое существованіе и обращается въ собраніе практически-полезныхъ совѣтовъ. Въ этомъ даже самъ г. Алексѣевъ проговаривается въ одномъ мѣстѣ: „Міросозерцаніе Макіавелли исключаетъ вѣру въ какія бы то ни было абсолютныя начала: онъ не могъ поэтому отдѣлять политики отъ морали, которая для него не существовала“ [5]).

Обращаемся снова къ разбору собственно политической части кни-

---

[1]) Стр. 253.
[2]) Стр. 275.
[3]) Стр. 180.
[4]) Стр. 234.
[5]) Стр. 240.

ги. Авторъ съ понятнымъ увлеченіемъ ставитъ на видъ, что, по Макіавелли, „гражданскія добродѣтели могутъ развиваться только въ *свободномъ государствѣ*“ [1]), „что лишь въ немъ, проявляется все богатство и разнообразіе народныхъ силъ“ и „все, что способно жить, живетъ полною и цѣльною жизнію“ [2]). Мы не должны однако ослѣпляться этими блестящими фразами. Это большое заблужденіе—видѣть въ Макіавелли защитника политической свободы, какого-то друга народа [3]): такой человѣкъ, не только никогда не написалъ бы „Князя“, но и не отвергъ бы въ политикѣ нравственныхъ началъ, внѣ которыхъ ничто человѣческое, а тѣмъ менѣе человѣческая свобода, не можетъ развиваться. Весь строй политическаго ученія Макіавелли совмѣстимъ развѣ съ либерализмомъ въ античномъ смыслѣ, но отсюда еще очень далеко до высшаго и настоящаго либерализма, съ полноправностью всѣхъ гражданъ (подданныхъ) государства, какъ его понимаетъ современная политическая наука.

Впрочемъ и тутъ г. Алексѣевъ впадаетъ въ противорѣчія съ собою. Онъ говоритъ, что въ государствѣ необходима внѣшняя сила, которая въ виду крайней впечатлительности и неустойчивости человѣческой природы, должна быть силою принудительною и постоянно воздѣйствующею на людей. „Она должна быть какъ бы мечемъ дамоклеса, висящимъ надъ головою гражданъ и напоминающимъ имъ объ ихъ обязанностяхъ“ [4]). Дѣйствительно такой мечъ всегда необходимъ для человѣка, какъ его понимаетъ Макіавелли, т. е. для „крайняго матерьялиста“ [5]). Но гдѣ же тутъ тогда мѣсто „свободному государству“? Иначе придется сказать, что свободою пользуются и каторжники.

При всей положительности „своего метода“ Макіавелли имѣетъ однако и свой *идеалъ государственнаго устройства*. „Лучшею формою общежитія, говоритъ г. Алексѣевъ, является для него республика. Подъ этимъ онъ разумѣетъ не народное правленіе, а смѣшанную государственную форму, въ которой власть покоится въ рукахъ выборнаго князя, вельможъ и представителей народа“ [6]). Очевидно это не республика, а смягченный видъ конституціонной монархіи. Макіавелли мимоходомъ признаетъ дѣленіе Аристотеля государственныхъ формъ, но говоритъ, что это разнообразіе ихъ вызвано „случаемъ“. Чистыя

---

[1]) Стр. 60.
[2]) Стр. 83.
[3]) Въ ‹Discorsi›, восклицаетъ г. Алексѣевъ, Макіавелли является предъ нами, какъ человѣкъ, воодушевленный любовію къ своему отечеству, проникнутый сознаніемъ всеисцѣляющей силы политической, защитникъ республики, краснорѣчивый ходатай народа, врагъ деспотизма, безпощадно бичующій тирановъ и угнетателей народа. (Стр. 321). Между тѣмъ въ ‹Изслѣдованіи о преобразованіи государственнаго строя Флоренціи›, написанномъ для папы Льва X, онъ совѣтуетъ ему сохранить для вида республиканскія учрежденія и забрать всю власть въ руки, такъ, чтобъ отъ него и его приверженцевъ зависѣли командованіе войсками, изданіе законовъ, управленіе и самое отправленіе правосудія. Онъ даже отступаетъ предъ организованнымъ обманомъ на выборахъ! Такимъ образомъ Флоренція будетъ и ‹республика› и ‹настоящая монархія›.
[4]) Стр. 51.
[5]) Стр. 59.
[6]) Стр. 80.

формы и ихъ извращеніе онъ отвергаетъ вслѣдствіи ихъ непрочности [1]). Но г. Алексѣевъ не упоминаетъ о выводѣ совершенно противоположномъ, къ которому приходитъ Макіавелли въ „Изслѣдованіи о преобразованіи государства во Флоренціи". Здѣсь мы читаемъ, что „ни одно государство не можетъ быть прочно, если оно неорганизовано какъ настоящая монархія или какъ дѣйствительная республика. Всѣ смѣшанныя же формы недостаточны и непрочны". Вотъ образецъ крупнаго противорѣчія въ ученіи Макіавелли по одному изъ капитальныхъ вопросовъ политической науки. По всѣмъ своимъ симпатіямъ, онъ—демократическій республиканецъ. Монархію и аристократію онъ не знаетъ и ненавидитъ. Излагая мысли Макіавелли о княжествѣ (монархіи) г. Алексѣевъ держится близко самого автора, но становится болѣе на точку зрѣнія „Разсужденій", а не „Князя". Напр. „Макіавелли смотритъ на княжество какъ на ненормальный строй" [2]). Но эта мысль нигдѣ не встрѣчается въ „Князѣ". Тутъ самая полная тиранія признается законною Вообще весь „Князь" вращается около двухъ основныхъ вопросовъ: какъ тирану пріобрѣсти власть надъ массами и какъ ее удержать. Говорится о всѣхъ способахъ пріобрѣтенія власти, даже чрезъ преступленія, но умалчивается о главномъ: о томъ, что дѣлаетъ власть правомѣрною. Народъ въ „Князѣ" является вездѣ мертвою, страдательною массою. „Краснорѣчивый ходатай" народа едва вспоминаетъ о немъ и рѣдко проронитъ въ его пользу хоть единое слово! Въ одномъ отношеніи „Князь" можетъ быть названъ провозвѣстникомъ новаго времени: въ немъ довольно ясно проводится теорія современнаго милитаризма, т. е. того воззрѣнія, которое отводитъ военному сословію первое и преобладающее мѣсто въ государствѣ. Въ войскѣ, Макіавелли видитъ главную основу общежитія, даже предпочтительно предъ хорошими законами [3]). Война и связанныя съ нею учрежденія признаются единственнымъ предметомъ для мыслей и дѣятельности государя. „Если онъ не на войнѣ, онъ долженъ заниматься охотой" [4]). Кто въ этомъ не увидитъ наставника государей новѣйшаго времени?

Но если Макіавелли является съ одной стороны въ „Князѣ" руководителемъ тирановъ, то, съ другой, онъ оправдываетъ въ „Разсужденіяхъ" революціонный терроръ [5]). Высказываетъ онъ это въ своемъ ученіи о необходимости смерти сыновей Брута. „Когда государство, говоритъ онъ, переживаетъ революцію и республика обращается въ тиранію или тиранія переходитъ въ республику, необходимо, чтобы страшный примѣръ поразилъ враговъ новаго порядка. Кто завладѣваетъ тираніею и оставляетъ въ живыхъ Брута, кто кладетъ основаніе свободному государству и не избиваетъ сыновей Брута, тотъ долженъ готовиться къ близкой погибели" [6]). Сильную ненависть питаетъ Макіа-

---

[1]) Разсужденія; I, 2.
[2]) Стр. 91.
[3]) Князь, гл. 12.
[4]) Тамъ же, гл. 14.
[5]) Жане.
[6]) Разсужденія III, 3.—Ср. I, 16.—Противъ злаго государя, говоритъ онъ прямо, нѣтъ другаго средства, кромѣ меча. (Ib. I, 58). Узурпаторъ, съ дру-

велли въ аристократія. По его мнѣнію, народъ желаетъ только не быть угнетаемымъ, а аристократы хотятъ властвовать надъ нимъ, чтобъ его угнетать [1]). Поэтому, кто хочетъ, замѣчаетъ онъ, основать республику въ странѣ, гдѣ много аристократовъ, долженъ истребить ихъ всѣхъ. Г. Алексѣевъ [2]), приводя это мѣсто въ примѣчаніяхъ, выражается въ текстѣ чрезъ-чуръ мягко: „основатель республики долженъ устранить эти вредные всякому здоровому общежитію элементы" [3]). Различіе между обѣими мыслями бросается въ глаза: устраненіе далеко не тождественно съ истребленіемъ!

Такія смягченія, въ благопріятномъ для Макіавелли смыслѣ многихъ мѣстъ изъ его сочиненій, особенно изъ „Князя", не рѣдки у нашего автора. Съ другой стороны, онъ далеко не исчерпываетъ собственно политической стороны ученія Макіавелли и не упоминаетъ ни однимъ словомъ о громадномъ его вліяніи на практическую государственную жизнь послѣдующихъ вѣковъ. А между тѣмъ все это интересно и важно для оцѣнки изучаемаго имъ автора. Къ наиболѣе крупнымъ пробѣламъ, мы относимъ умолчаніе: о законѣ смѣны государственныхъ формъ [4]), о вліяніи религіи на политическую жизнь человѣчества [5]), о внѣшней или международной политикѣ государства. Въ виду значенія Макіавелли въ этой послѣдней области — его можно считать законодателемъ той печальной эпохи, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ абсолютизма и династической политики! Мы считаемъ полезнымъ упомянуть хотя о самыхъ главныхъ положеніяхъ, по этой части, Макіавелли. Близкій предшественникъ Гентилиса и Гроція, онъ о международномъ правѣ не имѣлъ даже понятія. Государства, по его воззрѣнію, не являются членами одного высшаго союза, но живутъ въ полной изолированности и поэтому въ вѣчной враждѣ (то открытой, то тайной) между собою. Таково логическое послѣдствіе, неизбѣжно вытекающее изъ самой его идеи о государствѣ! Построенныя на силѣ, равнодушныя къ принципамъ нравственности и права, государства, по мысли Макіавелли, могутъ покушаться на все, на что хватаетъ только ихъ мощи. Самая коварная и насильственная политика по отношенію къ сосѣдямъ не преступна, если она ведетъ къ нашему возвышенію. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Какъ извѣстно, Макіавелли дозволяетъ государю играть своимъ словомъ. Прикрываясь маскою то лисицы, то льва, государь предусмотрительный, говоритъ онъ, не долженъ исполнять своихъ обѣщаній и обязательствъ, если такое исполненіе будетъ для него вредно и мотивы, вынудившіе его обѣщаніе, устранены... Для государей не трудно прикрыть каждое свое клятвопреступленіе благовидными предлогами... Мы видимъ въ современной

гой стороны не можетъ обладать престоломъ спокойно, пока остаются въ живыхъ тѣ, которыхъ онъ лишилъ власти. (III, IV). И такъ всюду—мечъ и обманъ, политика единственно возможная для того, кто не уважаетъ права!

[1]) Стр. 91.

[2]) Примѣч. 155-е къ 1-й ч.

[3]) Стр. 86.

[4]) Разсужденіе I, 2.

[5]) Назв. соч. I, 11 и 12. — Князь гл. 6.

исторіи безчисленные примѣры мирныхъ трактатовъ и соглашеній всякаго рода, нарушенныхъ государями или оставшихся мертвою буквою. При этомъ въ большихъ барышахъ оставались тѣ государи, которые въ своихъ дѣйствіяхъ лучше умѣли подражать лисицамъ. Какъ характерно слѣдующее заключеніе: „необходимо однако послѣдній способъ дѣйствій хорошо скрывать подъ личиною честности: государи должны обладать великимъ искусствомъ притворства и одурачиванья людей“ [1]). При такомъ возведеніи вѣроломства въ принципъ мирное сожительство народовъ невозможно.

Говоря о присоединеніи къ государству новыхъ областей, Макіавелли даже не задумывается надъ неправомѣрностью завоеваній между цивилизованными государствами. Въ числѣ способовъ удержанія страны, прежде свободной, онъ рекомендуетъ прежде всего истребленіе ея жителей, „иначе намъ придется ожидать себѣ отъ нея погибели“. [2]) Государь, по его мнѣнію, долженъ быть скорѣе скупъ, нежели щедръ, но „по отношенію къ военной добычѣ и завоеваннымъ землямъ ему необходимо быть щедрымъ безъ всякихъ ограниченій.“ Раздавать пріобрѣтенное завоеваніями онъ долженъ для удержанія въ вѣрности своей арміи, „живущей грабежемъ и контрибуціями.“ [3]) Для Макіавелли представляются идеаломъ отношенія римлянъ къ покореннымъ народамъ и ихъ способы веденія войны. [4]) Обсуждая различныя хитрости на войнѣ онъ упоминаетъ и объ отравленіи съѣстныхъ припасовъ, безъ малѣйшаго осужденія. [5]) Правило „цѣль оправдываетъ средства“ получаетъ по отношенію къ врагамъ, въ его глазахъ самое широкое примѣненіе.

При борьбѣ сосѣдей нейтралитетъ кажется ему хуже открытаго участія. На него соглашаются только государи слабые и нерѣшительные. [6])

Одну изъ причинъ долгаго существованія Спарты онъ видитъ „въ недопущеніи на ея территорію иностранцевъ, что предотвращало ея населеніе отъ размноженія и всякой порчи“ [7]).

Приведенныхъ мѣстъ достаточно для убѣжденія насъ въ томъ, что въ ученіи Макіавелли можно найти орудія для проведенія какой угодно политической доктрины и при томъ самыми неразборчивыми средствами, лишь бы можно было укрыться за личину государственной пользы и общаго блага, да провести задуманное дѣло съ мужествомъ и успѣхомъ. „Толпа, говоритъ Макіавелли, обыкновенно увлекается внѣшностью и успѣхомъ, а весь міръ представляетъ толпу, да нé многихъ лицъ, къ совѣту которыхъ государи иногда обращаются“ [8]).

Другой важный пробѣлъ въ сочиненіи г. Алексѣева мы видимъ въ

---

1) Князь, гл. 18. — Ср. Разсужденія; III, 42.
2) Князь, гл. 5.
3) Тамъ-же, гл. 16.
4) Разсужденія, II, 4 и 6.
5) Въ соч. «О военномъ искусствѣ», кн. 6.
6) Князь, гл. 21.
7) Разсужденія I, 6.
8) Князь, гл. 18.

томъ, что онъ совершенно не касается *біографіи* Макіавелли. Въ ней заключается главный ключъ къ пониманію всѣхъ произведеній флорентійскаго писателя. Появленіе въ новѣйшее время дѣльныхъ монографій о немъ Виллари, Нитти и др. не служитъ оправданіемъ для нашего автора. Самая задача, которую онъ себѣ поставилъ — изученіе Макіавелли, какъ политическаго мыслителя, неразрѣшима безъ серьезнаго и всесторонняго изученія житейскихъ обстоятельствъ и личнаго характера Макіавелли. Особенно его письма даютъ намъ интересную, живую, далеко впрочемъ не всегда симпатичную картину внутренняго міра ихъ автора [1]).

г. Алексѣевъ отчасти постарался замѣнить этотъ пробѣлъ тѣмъ отдѣломъ своей книги, гдѣ онъ говоритъ о задачахъ Макіавелли и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ сложились его политическія и философскія воззрѣнія. [2]) Но этотъ очеркъ далеко не полонъ, именно потому что не указываетъ на главное—на ту связь, которая существуетъ между жизнію и писаніями Макіавелли. А такъ какъ у него все было лично и субъективно, то это опущеніе рѣшительно не даетъ возможности русскому читателю составить себѣ вѣрное понятіе о Макіавелли. Въ свое оправданіе г. Алексѣевъ ссылается на „внѣшнія обстоятельства" и на желаніе не откладывать выхода своего труда." [3]) Мы же желаемъ надѣяться, что по удаленіи этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, онъ дополнитъ свою книгу въ указанномъ выше отношеніи; безъ этого она останется недодѣланнымъ этюдомъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой, очень важный и давно вызывающій споры между писателями: это объясненіе того глубокаго различія, которое существуетъ между двумя главными политическими трактатами Макіавелли—„Княземъ" и „Разсужденіями о Ливіи". Г. Алексѣевъ дѣлаетъ попытку объяснить это различіе тѣмъ, что въ первомъ сочиненіи Макіавелли изучаетъ частный вопросъ, а во второмъ изслѣдуетъ всѣ явленія политической жизни, доступныя его наблюденію. Затѣмъ въ „Князѣ" личность Макіавелли скрывается за объективнымъ изслѣдованіемъ политическаго вопроса, между тѣмъ какъ въ „Разсужденіяхъ" она выступаетъ предъ нами во весь ростъ. [4]) Это оригинальное объясненіе намъ кажется неудовлетворительнымъ по многимъ причинамъ. Оба трактата Макіавелли сходны между собою по отсутствію въ нихъ нравственныхъ началъ, но въ „Разсужденіяхъ" онъ является республиканцемъ, хотя и въ древне-римскомъ смыслѣ, а въ „Князѣ" онъ даетъ не только совѣты тиранамъ, выгодные для тираніи, но и показываетъ почти полное пренебреженіе къ народу. Это противорѣчіе объясняется только мотивами вызвавшими Макіавелли къ сочиненію „Князя". Кто знакомъ съ его жизнію, едвали согласится съ слѣдующимъ мнѣніемъ г. Алексѣева: „Недосугъ натолкнулъ Макіавелли на теоретическія размышленія:

---

[1]) Ср. напр. его письма къ Веттори отъ 10 іюня и 3 авг. 1514 и 31 января 1515.

[2]) Стр. 107—168.

[3]) Предисловіе, стр. VIII.

[4]) Стр. 320.

онъ былъ для него лишь удобнымъ случаемъ дать волю широкому полету его теоретической мысли." [1]) Изъ письма Макіавелли къ Веттори отъ 10 дек. 1513 — поэтическое начало котораго приводитъ самъ нашъ авторъ [2]) — мы узнаемъ, что онъ началъ заниматься своими сочиненіями лишь по потерѣ своей государственной службы, при возвращеніи Медичи во Флоренцію. Это случилось на 43 году его жизни, послѣ того какъ лучшую пору молодости онъ провелъ въ практической дѣятельности, о которой никогда не переставалъ воздыхать. Изъ этого же письма мы ясно видимъ, что исключительно личные мотивы руководили Макіавелли при написаніи „Князя",— что и объясняетъ характеръ послѣдняго. „Князь" или „De Principatibus" — какъ называетъ его самъ авторъ — написанъ имъ съ цѣлію доказать Медичи, что „15 проведенныхъ имъ лѣтъ на государственной службѣ не были потрачены на сонъ или игру." Затѣмъ онъ говоритъ: „Нужда, въ которой я нахожусь, побуждаетъ меня къ этому (т. е. поднести эту книгу Медичи). Больше я не могу оставаться въ такомъ положеніи, иначе бѣдность сдѣлаетъ меня предметомъ всеобщаго презрѣнія. Наконецъ я желалъ бы, чтобы господа Медичи употребили меня въ дѣло, хотя *бы съ начала для перевозки камней.*" [3]) Для подтвержденія нашего взгляда, мы можемъ еще лучше сослаться на заключительныя слова въ посвященіи „Князя" Лаврентію: „И если съ высоты своего величія, ваше Великолѣпіе удостоитъ взглянуть на то, что находится внизу, то вы увидите на сколько незаслуженно приходится мнѣ въ жизни страдать и быть жертвою суровой и несправедливой судьбы." Слова эти звучатъ особенно странно въ устахъ человѣка, который въ предисловіи къ „Разсужденіямъ" высказывается прямо противъ „общаго обычая писателей посвящать свои труды какому нибудь государю."

Нельзя не согласиться съ выводами Періеса что „Князь" даже не предназначался для печати. Это было просто руководство, которое Макіавелли хотѣлъ дать лично Лаврентію. Въ этой книгѣ онъ не задумывается надъ идеями прекраснаго и нравственнаго, а просто указываетъ на полезное и необходимое для государей и въ особенности для государей новыхъ." Макіавелли дожилъ до вторичнаго изгнанія Медичи въ 1527 г., вслѣдствіе взятія испанцами Рима. Его ожиданія посвятить себя опять служенію республикѣ не оправдались: напрасно старался онъ тогда объ истребленіи всѣхъ копій книги „Князя", еще не напечатанной. Народъ не могъ простить ему его заискиваній предъ Медичи и огорченіе отъ этого было одною изъ причинъ его смерти (22 іюня 1527). Лишь 5 лѣтъ спустя, т. е. въ 1532 г. „Князь" былъ впервые напечатанъ.

И такъ „не одно только чувство — любовь къ отечеству — какъ утверждаетъ нашъ авторъ—воодушевляло Макіавелли" [4]). Послѣ „Князя"

---

[1]) Стр. 124.

[2]) Стр. 110.

[3]) Г. Алексѣевъ на стр. 110 не приводитъ слова, написанныя нами курсивомъ. Все это указано уже Жане, но онъ не останавливается даже на этомъ столь противорѣчащемъ ему мнѣніи.

[4]) Стр. 114. — Для объясненія задачъ Макіавелли нашъ авторъ приводитъ

не малымъ также безславіемъ падаетъ на него написанное по заказу „Изслѣдованіе о преобразованіи государства во Флоренціи."

Мы приходимъ къ слѣдующему общему заключенію: отдавая должное уму, патріотизму, познаніямъ и практической дѣятельности Макіавелли, мы не можемъ — какъ дѣлаетъ это г. Алексѣевъ — приложить къ нему слова, вырѣзанныя на его памятникѣ во Флоренціи: „Tanto nomini nullum par elogium"; не можемъ увлекаться „огненнымъ" потокомъ его воодушевленной рѣчи" или въ особенности преклоняться предъ его „благородной душой" [1]).

Мы должны признать въ немъ, съ другой стороны, порядочную долю эгоизма и много практической изворотливости. Могло ли быть иначе при его глубокомъ презрѣніи къ человѣческой природѣ вообще [2])? А послѣднее въ свою очередь вызывалось полнымъ равнодушіемъ, часто даже пренебреженіемъ къ высшимъ нравственнымъ началамъ, которое проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Макіавелли. По мѣткому выраженію историка Лорана: „совѣсть его не была на высотѣ его генія." Онъ успѣлъ изучить человѣческую природу, но надо сознаться, въ той страшной испорченности, въ какой она ему представлялась въ его глубоко безнравственный вѣкъ. Сынъ своего времени и своего народа, онъ принесъ своими сочиненіями очень много вреда, въ которомъ онъ тѣмъ болѣе отвѣтственъ предъ потомствомъ, чѣмъ большимъ обладалъ талантомъ и знаніемъ практической государственной жизни.

Мы остановились такъ долго на книгѣ г. Алексѣева въ виду безспорнаго интереса, который она представляетъ для русской публики по своему предмету и изложенію. Не одобряя тенденціозности, съ которою авторъ силится провести свои мысли, мы отъ души желаемъ ему успѣха на его дальнѣйшемъ ученомъ поприщѣ.

Гр. Л. Камаровскій

(Профессоръ Имп. Московскаго университета)

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА И УПРАВЛЕНІЯ.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Томъ I. Введеніе. Города въ Россіи въ XVIII столѣтіи. *И. Дитятина.* Спб. 1875 г. 507 стр. Томъ II. Городское самоуправленіе въ настоящемъ столѣтіи. *И. Дитятина.* Ярославль. 1877. 563 стр.

Объемистое сочиненіе г. Дитятина представляетъ весьма подробное изложеніе судебъ юридической жизни нашего городскаго общества въ

мѣста изъ введенія «къ Разсужденіямъ» и изъ «Исторіи Флоренціи», но не упоминаетъ о посвященіи «Князя».

[1]) Стр. 321.

[2]) Г. Алексѣевъ даетъ намъ живой очеркъ воззрѣній Макіавелли на человѣка вообще (стр. 41—49). Замѣчательно, что тутъ не выставляется *ни одна* хорошая сторона въ природѣ человѣка. Его отличительная черта, учитъ насъ авторъ «Князя», — эгоизмъ. Изъ него вытекаютъ всѣ человѣческія влеченія, между которыми главныя — корыстолюбіе и властолюбіе.

теченіи двухъ столѣтій. Исторію городоваго положенія 1870 г. авторъ обѣщаетъ написать въ слѣдующемъ, третьемъ томѣ. Сочиненіе г. Дитятина отличается необыкновенной полнотой. Картина нашихъ городскихъ учрежденій за два столѣтія, которую авторъ намъ даетъ здѣсь, показываетъ всѣ малѣйшія подробности того явленія, съ которымъ онъ знакомитъ читателя. Притомъ книга г. Дитятина хорошо разработана въ научномъ отношеніи. Стараясь вездѣ отыскать основное начало даннаго общественнаго учрежденія, авторъ связываетъ явленія разныхъ временъ органическимъ образомъ, указывая весьма обстоятельно на то, что въ новомъ явленіи новаго, и что его связываетъ съ предыдущимъ временемъ. Но авторъ не довольствуется однимъ изученіемъ юридическихъ догмъ правовыхъ порядковъ нашихъ городовъ, онъ неусыпно старался найти объясненія этимъ явленіямъ юридической жизни; и можно даже сказать, что эта сторона въ научной работѣ автора преобладаетъ. Эти объясненія основываются при томъ на положительныхъ данныхъ. Такой пріемъ изложенія и дѣлаетъ для насъ вполнѣ понятной ту печальную роль, которую нашимъ городамъ пришлось играть въ эпоху безпрестанныхъ реформъ, измѣнявшихъ чуть ли не чаще всего общественные порядки городовъ. Г. Дитятинъ, далѣе, постоянно указываетъ на различіе, которое существуетъ между развитіемъ общественнаго управленія на западѣ, гдѣ имѣлись автономическія силы въ городскомъ населеніи, и у насъ, гдѣ этихъ силъ не было, благодаря политикѣ закрѣпощенія сословій, начавшейся въ Московскомъ государствѣ и продолжавшейся до реформъ Екатерины Великой. И съ этихъ поръ, благодаря такому прошлому безъ всякихъ традицій автономіи, городскія силы самоуправленія не успѣли развиться. Бюрократическому начальству и до послѣдняго времени, даже вопреки закону, было не трудно разыгрывать роль господина предъ органами общественнаго городскаго управленія; въ послѣднихъ еще не развилось автономическое самосознаніе; и развитію помѣшало, въ значительной степени, то недовѣріе, съ которымъ законодатель относился къ силамъ городскаго населенія относительно его умѣнья справляться съ обязанностями самоуправленія. Опасенія въ этомъ отношеніи заставляютъ его поручить своимъ бюрократическимъ органамъ довольно неограниченный надзоръ надъ учрежденіями общественнаго городскаго управленія, надзоръ, который юридически, а еще болѣе фактически, лишаетъ эти учрежденія всякой возможности самой незначительной доли самоуправленія. Различіе въ городскомъ управленіи въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ заключается въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ для государства преобладала финансовая цѣль при всѣхъ реформахъ въ городскомъ управленіи: забота правительства заключалась въ томъ, чтобы не было недоборовъ, чтобы не было казнѣ государевой убытку; это-то и вызывало заботу правительства, чтобы градскому населенію не было притѣсненій; и Екатерининская жалованная грамата городамъ 1785 года, еще въ значительной степени, стоитъ на этой точкѣ зрѣнія; на финансовый интересъ государевой казны и здѣсь есть указаніе. Государство однако начинаетъ понимать, что расходы на содержаніе городскаго управленія, если ихъ не можетъ нести городское населеніе по причинѣ недостатка средствъ, а существо-

ваніе города необходимо въ виду правительственныхъ административныхъ интересовъ, — должна нести государева казна. Такихъ случаевъ было не мало; можно насчитать сотню городовъ, которые для содержанія городскаго управленія снабжались отъ казны субсидіями въ нѣсколько сотъ рублей въ годъ, но большинство городовъ содержались на свои средства, получаемыя ими путемъ различныхъ сборовъ и налоговъ и доходовъ отъ городскаго имущества, тѣмъ не менѣе же расходованіе этихъ суммъ подлежало строжайшему надзору мѣстныхъ и центральныхъ правительственныхъ органовъ, какъ относительно назначенія расхода, даже только конечнаго, такъ и относительно самаго расходованія разрѣшенныхъ для этого городскихъ средствъ. Такая осторожность законодателя по отношенію къ городской собственности (имѣвшая свое основаніе) потянула за собою, какъ неизбѣжное послѣдствіе, введеніе въ общественныя учрежденія городскаго управленія — бюрократическаго порядка, практиковавшагося въ правительственныхъ канцеляріяхъ. Такой порядокъ отдавалъ во власть городскаго секретаря органы городскаго общественнаго управленія, людей „темныхъ", какъ они часто сами называли себя, людей притомъ изъ среднихъ классовъ городскихъ обывателей, не рѣдко безграмотныхъ, а подавно, разумѣется, незнакомыхъ съ тайнами канцелярской пути. Въ высшемъ же мѣстномъ начальствѣ мало было развито чувство уваженія къ самоуправленію; о развитіи самосознанія городскихъ обывателей въ этомъ направленіи едва ли можно было говорить въ офиціальныхъ сферахъ. Мѣстное бюрократическое начальство смотрѣло на общественное управленіе, какъ на канцеляріи, какъ на бюрократическое чиновничество. Отстаивать предъ такимъ авторитетомъ свое достоинство было городамъ не по силѣ. Повиноваться должны были и люди съ большими средствами и съ болѣе виднымъ общественнымъ положеніемъ. Авторъ въ этомъ отношеніи многаго не досказалъ, но эти пробѣлы каждый, мало-мальски знакомый съ недалекимъ прошлымъ жизни нашихъ городовъ и ихъ отношеніями къ бюрократическимъ властямъ, можетъ легко пополнить собственными воспоминаніями. Очень интересно то, что г. Дитятинъ намъ разсказываетъ въ обширномъ второмъ отдѣлѣ втораго тома (стр. 242—367) о фактическомъ состояніи городскихъ учрежденій и общественномъ строѣ городской жизни. Картина эта необыкновенно полная, насколько это возможно при существующихъ источникахъ. Во главѣ о состояніи города въ первой половинѣ настоящаго столѣтія (т. II, отд. II, стр. 302—61) авторъ весьма тщательно изучилъ между прочимъ уровень образованія городскихъ обывателей, указывая на тѣ средства, которыми оно добывалось; заключеніе его вполнѣ справедливо: классы, въ рукахъ которыхъ до конца шестидесятыхъ годовъ находилось такъ называемое городское самоуправленіе, по образованію стояли на очень низкой ступени. Какимъ образомъ эта среда могла въ собственныхъ нѣдрахъ, такъ сказать, возсоздать то, чего не создавалъ законъ, такъ далеко уклонившійся отъ началъ самоуправленія; какимъ образомъ могла она сохранить въ себѣ самый духъ самоуправленія, его коренныя основанія, не имѣя о нихъ понятія, не будучи способною воспринять и усвоить ихъ? Ряды нашего городскаго сословія зачастую пополнялись изъ крѣпостныхъ крестьянъ. Что могли внести эти новобранцы въ среду городскаго торгопромышленнаго сословія такого, что оживляло

бы жизнь этого сословія, что вливало бы въ него жизненныя силы, которыя однѣ и могли только возродить чахнувшее городское управленіе? Но и коренные, представители этой среды, гдѣ они могли набраться этихъ силъ? Авторъ проситъ читателя не упустить изъ виду прошлое; традиціи о городскомъ управленіи въ теченіи XVII и XVIII столѣтій въ Россіи должны дать въ результатѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что могли дать традиціи о немъ въ XVII—XV столѣтіяхъ въ западной Европѣ; очеркъ происхожденія городскаго самоуправленія авторъ излагаетъ какъ введеніе къ первому тому, на стр. 1—105. Этотъ очеркъ составленъ на основаніи лучшихъ сочиненій по этому предмету. Изложеніе автора ясно и послѣдовательно.

Въ бѣгломъ очеркѣ авторъ характеризуетъ русскій городъ до Петра Великаго и приходитъ къ заключенію, что это время не успѣло создать городъ, какъ земскую единицу. Въ пору самостоятельности — городъ, какъ городъ-государство, имѣлъ въ виду преимущественно роль политическую. Эпоха монгольскаго ига и московское государство не благопріятствовали развитію земской самостоятельности городовъ. Сословія московскаго государства, не исключая торговопромышленниковъ, суть слуги царя; потребностями государевыми опредѣляется родъ и видъ закрѣпощенія отдѣльныхъ сословій. На долю Петра Великаго пришлось собрать воедино разсыпанную храмину торговопромышленнаго люда, и г. Дитятинъ совершенно справедливо ставитъ вопросъ такъ: всѣ реформы преобразователя по отношенію къ городскому населенію являются ничѣмъ инымъ, какъ попыткой разрѣшить поставленную XVII вѣкомъ задачу и притомъ разрѣшить ее путемъ, намѣченнымъ тѣмъ же столѣтіемъ. Въ началѣ царствованія Петра Великаго торговля и производительная промышленность Россіи находятся въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ мы видимъ въ царствованіи отца и брата великаго преобразователя. Ни одно изъ золъ, препятствовавшихъ развитію этихъ могущественныхъ рычаговъ развитія общества и государства, не было устранено. Потребности общества не увеличились; оно не стало богаче. Главнымъ занятіемъ посадскихъ людей остается земледѣліе. Пути сообщенія находились въ первобытномъ состояніи. Разбоемъ не брезгаютъ даже князья. Конкурренція иностранцевъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности также сильна и непреодолима, какъ и въ XVII ст., — пожалуй еще сильнѣе. У русскихъ купцовъ не ставало силъ „тягаться“ съ богатыми компаніями иностранцевъ; послѣдніе затирали первыхъ. Раззоряли посадскихъ воеводы и приказные, раззоряли ихъ своя же братья — всякаго рода выборные. Притомъ законное тягло было тяжелое. При такомъ положеніи дѣла посадское торговопромышленное населеніе не могло дойти до сознанія единства общественныхъ нуждъ и потребностей. И въ рукахъ Петра оказалось все таже безотвѣтная, пассивная масса посадскаго населенія, не сознающаго ни своихъ общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ. Этой пассивной массѣ пришлось теперь испытать много въ рукахъ великаго, энергическаго экспериментатора, не останавливавшагося ни предъ какими средствами. Преобразователь видитъ одну цѣль: создать могущественное государство со всѣми внѣшними признаками западно-европейскаго государства. — Всѣ мѣры и преобразованія его eo ipso должны были идти въ духѣ мѣръ XVII ст.,

съ тою только разницей, что мѣры Петра, въ силѣ самаго его характера, должны были отличаться большей опредѣленностью, послѣдовательностью, безпощадностью. Тяглыя сословія, почти организованныя въ XVII вѣкѣ, онъ организуетъ, закрѣпощаетъ окончательно. Каждое сословіе неукоснительно должно исполнить возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Относительно торговопромышленнаго сословія г. Дитятинъ эту мысль развиваетъ весьма пространнымъ образомъ. Нѣкоторыя фразы регламента главному магистрату указываютъ на что-то новое, другое, чѣмъ то, что лежитъ въ основѣ Бурмистерской палаты и Земскихъ избъ. Но на основаніи частностей авторъ доказываетъ, что эти фразы сказаны только ради краснаго словца, и только подъ вліяніемъ традицій западно-европейскаго городскаго самоуправленія. На самомъ же дѣлѣ цѣлью и новыхъ учрежденій, какъ и прежнихъ, являлось удовлетвореніе интересовъ исключительно государственныхъ. Эта то цѣль и была, между прочимъ, причиной, почему законодатель не могъ перенести цѣликомъ западно-европейскія городскія учрежденія съ ихъ сущностью. Онъ заимствовалъ лишь форму этихъ учрежденій, которую наполнилъ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ содержаніемъ ея въ западно-европейскихъ городахъ. Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а на оборотъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству; но онъ хотѣлъ при этомъ, почти невозможнаго, чтобы закабаленные работали энергически; работали, посвящая чужому, въ ихъ глазахъ, дѣлу чуть не всѣ свои силы. И торговопромышленное сословіе должно было служить государевой цѣли — людьми и деньгами. Отдѣлъ на 248—326 стр. озаглавленъ „цехи“. Здѣсь говорится о цехахъ въ западной Европѣ, ихъ зарожденіи, процвѣтаніи, вырожденіи и паденіи, о русскихъ артеляхъ; авторъ доказываетъ, что ихъ, никоимъ образомъ, нельзя сравнивать по ихъ устройству съ цехами. Цехи же Петра Великаго должны были носить тотъ же характеръ, который вообще свойственъ его реформамъ. О замкнутости цеховаго общества въ автономическихъ интересахъ даннаго сословія не могло быть рѣчи.

Поворотъ въ понятіяхъ о городскомъ общественномъ управленіи совершаетъ жалованная грамота городамъ 1785 г.

Только здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся съ новымъ понятіемъ русскаго города, какъ мѣстной общины, какъ юридическаго лица; организація Оренбурга при Аннѣ Іоанновнѣ по такимъ началамъ былъ примѣръ уже забытый. Жалованная грамота ложится въ нашемъ законодательствѣ о городахъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ покоилось городское общественное устройство до самаго послѣдняго времени. Это положеніе авторъ затѣмъ доказываетъ во второмъ томѣ. Для лучшаго выясненія роли выборныхъ въ городскомъ управленіи, авторъ излагаетъ въ разныхъ мѣстахъ исторію мѣстной правительственной полиціи, права которой въ ея отношеніяхъ съ городскими выборными весьма важны для опредѣленія правъ и обязанностей этихъ послѣднихъ. Юридическая неопредѣленность этихъ взаимныхъ отношеній всегда порождала послѣдствія въ ущербъ правъ посадскихъ выборныхъ.

Во второй книгѣ втораго тома авторъ излагаетъ новое городовое

положеніе 1846 года для Петербурга и примѣненіе его къ Москвѣ и Одессѣ. Отдѣльный очеркъ излагаетъ исторію разработки новаго городоваго положенія 1846 г., на основаніи архивныхъ матерьяловъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Очеркъ этотъ содержитъ въ себѣ весьма много интересныхъ фактовъ, которые весьма мѣтко характеризуютъ состояніе городскихъ обывателей обѣихъ столицъ въ ихъ понятіяхъ о городскомъ управленіи. По объявленіи новаго городоваго положенія для Петербурга въ 1846 г. купцы подали государю прошеніе, чтобы продолжались старые порядки; „при нихъ имъ было хорошо!“ Опредѣленность относительно выборовъ гласныхъ сильно ихъ встревожила. Прежде въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ на практикѣ, не было точнаго порядка. — Очеркомъ общественнаго управленія города Тифлиса заканчивается второй томъ.

Всѣ мѣры, принятыя властью относительно устройства и управленія городовъ, авторъ постоянно разсматриваетъ съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности и съ точки зрѣнія ихъ послѣдовательности въ связи съ общимъ началомъ. Что закономъ недосказано, авторъ старается объяснить общею связью отдѣльныхъ постановленій или путемъ аналогіи и т. п. Онъ, можно сказать, безпощадно врывается во всѣ нѣдра предмета своего изслѣдованія.

Теоріи городскаго самоуправленія авторъ не даетъ, но онъ весьма часто ссылается на начало этой теоріи, насколько она общепринята въ литературѣ, благопріятствующей ей. И вотъ въ своей критикѣ тѣхъ нормъ, которыя авторъ излагаетъ, онъ всегда имѣетъ въ виду самостоятельность городскаго самоуправленія, требуя строгаго разграниченія между этимъ „автономическимъ“ управленіемъ и „государственнымъ“.

Не буду пускаться въ возможныя возраженія противъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній автора. Недостатками ихъ считать нельзя. Авторъ, кромѣ того, предлагаетъ матерьялъ въ такомъ полномъ видѣ, что читатель всегда въ состояніи провѣрить правильность положеній автора.

Недостатокъ сочиненія г. Дитятина заключается, по моему мнѣнію, въ томъ что изложеніе его слишкомъ разгонисто. При нѣкоторой экономіи въ этомъ отношеніи автору было бы не трудно сократить объемъ сочиненія на нѣсколько сотъ страницъ, безъ всякаго притомъ ущерба для богатаго содержанія книги. Соотвѣтствующій порядокъ въ изложеніи фактовъ довольно часто могъ бы замѣнить всякіе комментаріи. Изъ сообщаемыхъ фактовъ было бы иногда достаточно взять наиболѣе характерный моментъ и имъ ограничиться. Для обыкновеннаго читателя этого довольно, спеціалистъ же безъ того обратится къ источникамъ. Но этого рода недостатки ни на іоту не умаляютъ высокаго научнаго достоинства сочиненія автора, пріобрѣвшаго посредствомъ его прочное мѣсто въ ряду лучшихъ юристовъ-историковъ. Похвала съ нашей стороны уже ничего не прибавитъ къ установившейся репутаціи г. Дитятина. Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія начатаго труда!

О. Эйхельманъ

(профессоръ Демидовскаго лицея).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Европейское международное право, Сочиненіе Гефтера, съ измѣненіями и дополненіями, сдѣланными, для русскаго перевода авторомъ; переводъ К. Таубе. Спб. 1880. XVI + IX + 453 + 133 стр.

Вопросъ о характерѣ международнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ науки этой отрасли юриспруденціи все еще продолжаетъ быть спорнымъ. Можно было бы поэтому предполагать, что относящіеся сюда вопросы служатъ предметомъ серьезной научной разработки; но это было бы ошибочно. Научное достоинство ученой разработки международнаго права успѣло за послѣднее полстолѣтіе подвинуться впередъ въ весьма значительной степени и численность такихъ сочиненій, какъ систематическихъ изложеній всего предмета, такъ и монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, доказываетъ, что наукой международнаго права очень интересовались. Но при всемъ этомъ, коренной вопросъ о реальныхъ основаніяхъ разработываемаго предмета и о методѣ науки его, ученые, если вообще и затрагивали, то касались этого вопроса только вскользь, не вникая въ тонкости и подробности его. Этотъ вопросъ остается еще не рѣшенымъ. Мало того, что предѣлы юридической стороны международной жизни нашего вѣка въ такой степени расширились, что положительность этого права уже не можетъ подлежать сомнѣнію,—надо *научнымъ* образомъ изслѣдовать вопросъ объ естественныхъ основаніяхъ этого права, вывести отсюда законы, и на этомъ базисѣ продолжать научную разработку явленій юридической жизни въ области международныхъ сношеній. Исполненію этой задачи, при современномъ состояніи историческихъ наукъ, не представляется непреодолимыхъ препятствій; требуется конечно большая любовь къ предмету, и думаю, что при постепенномъ развитіи отдѣльныхъ каѳедръ по наукѣ международнаго права, можно было бы надѣяться, что при такихъ удобныхъ условіяхъ для спеціалистовъ по международному праву, должна будетъ развиться также та любовь, которая будетъ въ состояніи удовлетворить этимъ самымъ настоятельнымъ требованіямъ науки, на которыя только что было указано. — Институтъ международнаго права, существующій съ 1873 года, задался, кажется, всецѣло разрѣшеніемъ вопросовъ практическаго характера. Указанныхъ нами общихъ вопросовъ онъ до сихъ поръ не касался. Но должно предполагать, что при богатыхъ ученыхъ средствахъ этого учрежденія, составившагося съ цѣлью разработки международнаго права, для содѣйствія развитію этого права въ сношеніяхъ между государствами, удобно было бы, при распредѣленіи работы между болѣе способными къ этому членами института, подвинуть научную разработку основныхъ вопросовъ предмета, составляющаго его цѣль.

Шаткость въ методологическихъ пріемахъ научнаго изслѣдованія международнаго права нынѣ весьма сильно отражается, главнымъ образомъ, и въ систематическихъ изложеніяхъ этого права, и неудобства такой шаткости, какъ нетрудно понять, чувствуются сильнѣе всего здѣсь же. Трудно здѣсь бываетъ опредѣлить, какъ авторы понимаютъ

отношеніе другъ къ другу элементовъ философскихъ и положительнаго права, и изъ чего они себѣ составляютъ первые. Часто слышатся еще и отголоски вліянія школы естественнаго права прошлаго столѣтія. Недостаточность нѣкоторыхъ не совсѣмъ ясныхъ замѣтокъ относительно научной методы, связи философскаго элемента съ положительнымъ правомъ, встрѣчающихся почти во всѣхъ курсахъ международнаго права, не восполняется потомъ и при изложеніи отдѣльныхъ институтовъ, гдѣ почти никогда не указывается на научныя основанія и причины, по которымъ надо придти къ извѣстному положенію. Вездѣ слышится кромѣ того, какая то боязливая нерѣшительность поставить ясно вопросъ о различіи международнаго права и науки его, безусловной положительности которой, какъ науки, извѣстной части дѣйствительной жизни, не можетъ мѣшать даже нѣкотораго рода шаткость и недостаточность въ положительности самой практики международнаго права. Эти недостатки, однако, не съуживаютъ области научной работы по вопросамъ изъ этой сферы человѣческихъ отношеній. Возможность примѣненія правилъ юридической техники къ международному праву незначительна. Нормы этого права носятъ иной характеръ, чѣмъ нормы внутренняго законодательства государствъ. Собрать ихъ — составляетъ необходимость; они даютъ матерьялъ наукѣ. Но случайнымъ, — и даже полнымъ собираніемъ этого матерьяла и систематической группировкой его, съ приведеніемъ, большею частью, немотивированныхъ мнѣній авторовъ и съ нѣкоторымъ примѣненіемъ юридической техники къ изучаемымъ вопросамъ — задача науки не исчерпывается. Почувствовалась потребность въ философскомъ дополненіи, но здѣсь то, и до сихъ поръ, не могли выйти на прямой и ясный путь. Приложеніе этого философскаго дополненія дѣлается лишь такъ — по приблизительному глазомѣру. Но уже и это одно подвинуло науку впередъ въ значительной степени. Весьма часто дѣлались вѣрные выводы, хотя только инстинктивно, ощупью, и безъ научныхъ основъ. Счастливѣе всѣхъ, въ этомъ инстинктивномъ связываніи элемента философскаго съ элементомъ положительнаго права въ изложеніи курса международнаго права, были безспорно нѣмецкіе публицисты Блюнчли и Гефтеръ и именно послѣднему изъ нихъ наука обязана больше чѣмъ кому либо другому относительно юридической стороны въ разработкѣ предмета. Школа, которую Гефтеръ въ этомъ отношеніи прошелъ, занимаясь гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, послужила ему весьма въ пользу при составленіи учебника по международному праву. Авторъ при томъ не вдался въ ошибочныя и неумѣстныя аналогіи съ институтами римскаго права; онъ глубоко проникъ въ индивидуальную природу предмета и руководствуется идеей *международнаго права*. Книга Гефтера написана при этомъ, на манеръ образцовыхъ нѣмецкихъ учебниковъ, кратко, сжато, — какъ говорится, безъ лишняго слова.

Переводъ этой книги на русскій языкъ—дѣло очень полезное, которое весьма удачно исполнено г. Таубе. Этотъ переводъ заслуживаетъ особенной похвалы и потому, что переводъ сочиненій Гефтера связанъ съ бо́льшими затрудненіями. чѣмъ напр. сочиненій Блюнчли и многихъ другихъ. Переводъ этотъ принадлежитъ къ разряду трудныхъ. Затѣмъ пользованіе русскимъ

переводомъ курса международнаго права Гефтера, сдѣланнымъ г. Таубе, для русскаго читателя, по нѣкоторымъ причинамъ, должно считаться даже удобнѣе, чѣмъ чтеніе нѣмецкаго подлинника или французскаго перевода, сдѣланнаго г. Бергсономъ: г. Таубе поступилъ весьма цѣлесообразно, отпечатавъ въ приложеніяхъ не только всѣ важнѣйшіе международные договоры и деклараціи, состоявшіеся послѣ послѣдняго нѣмецкаго изданія сочиненія Гефтера, т. е. послѣ 1873 г., но и нѣкоторые акты изъ эпохи до этого времени, такъ напр., акты перваго и втораго вооруженнаго нейтралитета, которые при общемъ ихъ значеніи, особеннаго вниманія заслуживаютъ спеціально въ нашей отечественной исторіи; въ нѣмецкомъ подлинникѣ они не напечатаны. Далѣе, переводчикъ напечаталъ въ приложеніяхъ русскій переводъ полевой инструкціи для войскъ Сѣв.-Ам. Штатовъ. Кромѣ проекта Брюссельской конференціи 27 авг. 1874 г. мы въ этихъ приложеніяхъ находимъ также первоначальный проектъ русскаго правительства, по которому конференція приступила къ своимъ занятіямъ; нѣкоторые отдѣлы своего проекта русское правительство потомъ, еще до поступленія ихъ на разсмотрѣніе и обсужденіе конференціи, въ значительной степени измѣнило. Впрочемъ нельзя понять, почему переводчикъ отказался перевести всѣ приложенія нѣмецкаго подлинника, изданія 1873 г. Между прочимъ, здѣсь слѣдовало непремѣнно перевести и парижскій договоръ 1856 г., какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ недавняго прошлаго, необходимый при этомъ для пониманія событій самаго близкаго прошлаго, въ которыхъ мы такъ сильно были заинтересованы. Также надо пожалѣть, что г. Таубе не перевелъ VIII приложеніе нѣмецкаго подлинника, заключающаго въ себѣ весьма драгоцѣнный списокъ государственныхъ договоровъ о судоходствѣ на международныхъ рѣкахъ (нѣмецкій подлинникъ, изданія 1873 г., стр. 492—496).

При своемъ переводѣ г. Таубе пользовался совѣтами и указаніями для дополненій—самого автора, и ссылки на литературу имъ пополнены сочиненіями, написанными русскими авторами.

Русскій писатель будетъ поэтому въ состояніи пользоваться русскимъ переводомъ книги Гефтера, замѣняя этимъ нѣмецкій подлинникъ или французскій переводъ. Русскій переводъ написанъ ясно и хорошо и сдѣланъ точно, и можетъ поэтому служить у насъ весьма удобнымъ учебнымъ руководствомъ, тѣмъ болѣе, что достоинство сочиненія Гефтера именно съ этой точки зрѣнія, при современномъ состояніи нашей науки, столь значительно. Отсутствіе русскихъ учебниковъ, какъ извѣстно, вообще весьма тормозитъ у насъ успѣшный ходъ занятій университетскаго юношества, поэтому трудъ г. Таубе очень отрадное явленіе, которое, надѣемся, не останется безъ полезныхъ послѣдствій для нашего учебнаго дѣла. Правда, самое сочиненіе Гефтера страдаетъ, при современныхъ условіяхъ науки значительными недостатками, но также несомнѣнно, что оно, при нынѣшнемъ состояніи науки международнаго права, лучшее учебное руководство.

Восточная война и Брюссельская конференція 1874 — 1878. Ф. Мартенса, профессора Спб. университета и члена Института международнаго права. Спб. 1879. VIII + 596 + 46.

Прекрасная книга профессора Мартенса имѣетъ своею главною цѣлью — установить, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, тѣ обычаи и правила, которыми наша доблестная армія (ей авторъ посвятилъ книгу) руководствовалась въ послѣднюю войну съ Турціей, въ своихъ отношеніяхъ къ непріятельской странѣ и къ непріятельскому населенію, и провѣрить на этомъ основаніи, насколько наше военное начальство руководствовалось тѣми взглядами на войну, которые наше правительство выставило въ 1868 и 1874 годахъ на международныхъ конференціяхъ, С.-Петербургѣ и Брюсселѣ.—Для большей же доступности всего вопроса для читателей, незнакомыхъ съ международнымъ правомъ, но интересующихся событіями, относящимися къ праву войны въ нашу послѣднюю кампанію, авторъ расширилъ свою программу: чтобы читатели могли лучше понять данныя, относящіяся къ Брюссельской деклараціи и къ правиламъ и обычаямъ нашей арміи въ ея обращеніи съ непріятелемъ, профессоръ Мартенсъ знакомитъ читателей съ правомъ войны въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ двухъ первыхъ главахъ своей книги онъ разсуждаетъ на 86 страницахъ о „войнѣ и правѣ“ и „о войнѣ и законѣ“, какъ продолженіе этой второй главы слѣдуетъ изложеніе факта Брюссельской конференціи. Въ довольно обширной 3-ей главѣ (стр. 142—229) излагается вкратцѣ постепенное усложненіе восточнаго вопроса въ послѣдніе годы и окончательный разрывъ Россіи съ Турціей, поведшій къ объявленію войны послѣдней. А затѣмъ уже начинается разборъ вопроса о соблюденіи международнаго права въ эту войну. Авторъ раздѣлилъ эту часть своей книги на слѣдующія главы: гл. V—Россія и Турція какъ воюющія державы; гл. VI—русская армія въ непріятельской странѣ, гл. VII — русская армія на полѣ сраженія, гл. VIII—о раненыхъ и больныхъ воинахъ и военноплѣнныхъ, гл. IX—объ отношеніяхъ воюющихъ государствъ къ нейтральнымъ державамъ. Въ приложеніи авторъ напечаталъ: 1) проектъ международной конвенціи о законахъ и обычаяхъ войны нашего правительства съ 1874 г., 2) проектъ международной деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны (составленный Брюссельской конференціей, въ 1874 г.), 3) указъ правительствующаго сената отъ 12 мая 1877 г., и 4) декларацію института международнаго права отъ 12 сентября 1871 года.

Авторъ успѣлъ собрать весьма полный матерьялъ, какъ нельзя лучше доказывающій, что русское правительство осталось вѣрно своему слову, данному имъ въ началѣ войны нашей съ Турціей — о томъ, что русская армія, по отношенію къ врагу и его странѣ будетъ обязано соблюдать правила проекта брюссельской деклараціи. Авторъ кромѣ того ссылается преимущественно на отзывы и реляціи англичанъ и не только такихъ изъ нихъ, которые относились къ намъ, въ послѣднюю войну, не враждебно, но и самыхъ ярыхъ туркофиловъ. Работа автора, безъ сомнѣнія, была весьма кропотливая, но для русскаго ученаго и патріота она стоила потраченнаго на нее труда. Результаты ея для русской

арміи весьма лестны. Послѣ работы профессора Мартенса, слава русской арміи на полѣ сраженіи и въ странѣ непріятеля вполнѣ выяснена, по отношенію къ соблюденію ею законовъ и правилъ войны, обязательныхъ для европейскихъ воиновъ. Для нашей доблестной арміи это можетъ служить прекраснымъ памятникомъ въ исторіи цивилизаціи. Для того, чтобы столь благопріятные выводы о поведеніи нашей арміи противъ врага сдѣлать вполнѣ несомнѣнными, авторъ не пренебрегъ и опроверженіемъ самыхъ нелѣпыхъ сказокъ о какихъ-то варварствахъ, якобы совершенныхъ нашей арміей. Такіе пріемы въ обработкѣ своего вопроса, обезпечиваютъ за авторомъ заслугу вполнѣ безпристрастнаго отношенія къ предмету его изслѣдованія. Онъ хорошо понялъ, что въ этомъ отношеніи ему надо было всѣми силами стараться не оставить никакихъ сомнѣній въ читателѣ, и именно въ той категоріи читателей, которые, принадлежа къ лагерю намъ враждебному, вѣрили самымъ невѣроятнымъ и нахальнымъ выдумкамъ нашихъ недоброжелателей въ западноевропейской печати о неслыханныхъ будто бы въ исторіи войнъ нарушеніяхъ права войны русской арміей. Эта ложь и уже во время войны не могла подлежать сомнѣнію. Авторы этихъ слуховъ почти никогда не могли указать на отдѣльные случаи, а ограничивались самыми общими фразами—ругательнаго характера.

Ни отъ кого не можетъ укрыться, и самъ г. Мартенсъ на это указываетъ, что несмотря на всю строгость со стороны военнаго начальства нашего, въ преслѣдованіи нарушеній законовъ и правилъ войны въ отношеніяхъ къ непріятелю, его странѣ и подданнымъ, — все же отдѣльныя нарушенія могли иногда и совершаться безнаказанно; и это, разумѣется, не удивительно и иначе не можетъ быть даже во время мира.

Сказаннымъ мы ограничимся относительно той части книги г. Мартенса, въ которой разсказывается о поведеніи нашей арміи въ отношеніи къ непріятелю. Приводить содержаніе этого разсказа здѣсь, съ большею или меньшею подробностью, я считаю излишнимъ. Отсылаемъ читателя къ самой книгѣ. Я здѣсь хочу остановиться лишь на краткихъ критическихъ указаніяхъ преимущественно по поводу первыхъ двухъ главъ этого сочиненія; на разсмотрѣніи общихъ разсужденій автора по вопросамъ „о войнѣ и правѣ“ и „о войнѣ и законѣ“. Послѣ этого сдѣлаю еще нѣкоторыя указанія на общія положенія автора въ прочихъ частяхъ его сочиненія „восточная война и Брюссельская конференція“.

Въ весьма живыхъ краскахъ авторъ представляетъ тотъ контрастъ, который мы замѣчаемъ между современною цивилизаціей и тѣмъ фактомъ, что на войнѣ продолжаютъ повторяться жестокіе ужасы. Мало того. Слава героевъ, пріобрѣвшихъ ее на войнѣ, и нынѣ считается необыкновенно идеальной. Поэзія восхваляетъ героевъ и теперь; она восхваляетъ въ народныхъ поэмахъ часто такія ихъ дѣйствія, которыя не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія морали, по крайней мѣрѣ, современной. Но правда также, что вмѣстѣ съ тѣмъ, съ довольно раннихъ временъ, замѣтно сознаніе,

что война — тягость и что ей предпочитать слѣдуетъ миръ. Эту мысль прямо выразилъ еще историкъ Геродотъ. Фактъ войны разсматривали и съ другихъ точекъ зрѣнія; съ чисто философской; уже Гераклитъ опредѣлилъ войну какъ необходимый переходный пунктъ къ соглашенію. Съ чисто политической точки зрѣнія, уже рано поняли культурное значеніе войны, какъ средства сближенія народовъ. Таковымъ она была, когда еще не существовало другихъ случаевъ сближенія между народами. Сильная агитація противъ войны начинается преимущественно въ XIX столѣтіи, что можно объяснить, какъ развитіемъ нравственныхъ понятій, такъ и развитіемъ матерьяльнаго благосостоянія народовъ, вслѣдствіе чего война грозитъ, несравненно болѣе, чувствительными потерями, нежели это было еще въ прошломъ столѣтіи. И дѣйствительно, война нынѣ есть всегда разореніе для страны, которой приходится ея служить театромъ. Религіозное настроеніе ума, можетъ въ этомъ видѣть судъ Божій, какъ неотклоняемую необходимость. Ужасы войны являются наказаніемъ за человѣческіе грѣхи и средствомъ Промысла. Война является какъ наказаніе и какъ средство для культурнаго развитія. Наиболѣе остроумно на эту тэму разсуждалъ Деместръ.—Съ половины нынѣшняго столѣтія, затѣмъ возростаетъ опять число поборниковъ идеи, что война есть что-то возвышенное. Самымъ послѣдовательнымъ представителемъ ея выступаетъ талантливый Прудонъ, который войну возвелъ въ такой идеалъ, что она для него дѣлается основнымъ началомъ всего, что есть человѣческаго; это былъ неизбѣжный выводъ изъ того общаго начала въ его теоріи, что „право на той сторонѣ, на чьей сила". Этотъ общій, коренной принципъ Прудонъ видитъ во всей природѣ, и онъ считаетъ его на столь очевиднымъ, что по его мнѣнію достаточно одной этой, ссылки безъ подробныхъ объясненій и доказательствъ на фактахъ. Война потому для Прудона составляетъ основу международнаго права, поэзіи и богословія.— Нѣмецкій публицистъ Трейчке стоитъ довольно близко къ этимъ взглядамъ. Противниковъ своихъ онъ называетъ матерьялистами, не понимающими идеальныхъ прелестей нравственнаго значенія войны. Для него непонятна та мысль, чтобы развитіе культуры должно имѣть цѣлью упраздненіе войнъ. Взгляды Трейчке по указаннымъ вопросамъ впрочемъ не составляютъ результатъ чисто научныхъ размышленій, но были вызваны и изложены для защиты политики и поступковъ Бисмарка. Многое въ этихъ разсужденіяхъ уважаемаго историка и публициста весьма справедливо; но его пріемы доказательства не научны, а скорѣе употребительны въ спорахъ и полемикѣ политическихъ партій. У него подчасъ преобладаетъ софистическая діалектика. Профессоръ Мартенсъ далѣе указываетъ, что и теорія Мальтуса о народонаселеніи и новая школа естествоиспытателей — дарвинизмъ—должны были содѣйствовать развитію только что указаннаго пониманія войны. Въ противоположность—этому ученію сталъ знаменитый антропологъ Бэръ, заявившій протестъ противъ такого для человѣческаго достоинства (какъ говорятъ) унизительнаго пониманія закона развитія; этотъ законъ развитія ему представляется какъ поступательное торжество духа надъ матеріей. Какъ на весьма разительный примѣръ истины этого изреченія

нашего знаменитаго соотечественника, профессоръ Мартенсъ ссылается на постепенное торжество требованій цивилизаціи надъ грубымъ произволомъ на войнѣ.

Дж. Ст. Милль въ одномъ изъ своихъ опытовъ заявилъ, что даже недостойно спорить о безнравственности завоевательныхъ войнъ.

Г. Мартенсъ затѣмъ спрашиваетъ, возможно-же ли обойтись безъ войны? Уже у народовъ древняго міра мы видимъ зачатки третейскаго суда, но до сихъ поръ результаты въ этомъ отношеніи еще весьма незначительны. Притомъ и наука поступала недостаточно осторожно. Весьма многіе прямо начали требовать вѣчнаго мира. — И съ чисто экономической точки зрѣнія вопросъ подвергался подробному изслѣдованію, на основаніи числовыхъ данныхъ. Въ результатѣ нашли, конечно, совершенно непроизводительную трату но войнымасом хозяйственныхъ благъ. Моралисты называютъ войну разнузданнымъ грабежомъ, и названіемъ убійцъ казнятъ героевъ.

Контрасты между такой апоѳеозой войны, какъ чуть ли не единственнаго блага—блага все спасающаго, и только что указаннымъ отрицаніемъ всякаго нравственнаго характера за войною—очевидевъ; но есть у этихъ столь различныхъ одно отъ другаго направленій и одна общая черта, въ которой они сходятся: оба направленія отрицаютъ возможность существованія права войны; правда, точка отправленія у нихъ не одинаковая: возводящіе войну въ высшій идеалъ жизни считаютъ существованіе права войны за помѣху полному развитію силъ этого идеала „войны"; оспаривающіе у войны всякій нравственный характеръ не допускаютъ права войны на томъ основаніи, что война есть дѣйствіе, само по себѣ преступное, которое не можетъ служить содержаніемъ правоотношеній. Право войны такимъ образомъ не имѣло бы содержанія.

Профессоръ Мартенсъ затѣмъ продолжаетъ свою мысль, что право войны тѣмъ не менѣе существуетъ. Воюющіе постоянно ссылались и нынѣ ссылаются на извѣстные обычаи и правила войны, прибѣгая нерѣдко къ свидѣтельству нейтральныхъ государствъ для точнаго истолкованія этихъ правилъ и обычаевъ. Мало того, государства кромѣ того заключали между собою договоры о взаимномъ другъ къ другу поведеніи на случай войны. Наука международнаго права обязательно должна была обратить вниманіе также на право войны. Прямымъ толчкомъ для этого служили ужасы войны. Гуго Гроцій писалъ свой знаменитый трактатъ въ самый разгаръ ужасовъ тридцатилѣтней войны. Полнаго вниманія къ требованіямъ этого публициста удостоилъ его тогда только шведскій король (Густафъ Адольфъ). Но наука, начатая Гроціемъ, продолжаетъ процвѣтать, несмотря на ужасы послѣдовавшихъ за тѣмъ войнъ и на невниманіе практиковъ къ требованіямъ права. Авторъ затѣмъ находитъ три причины того явленія что практики относятся съ такимъ неуваженіемъ къ требованіямъ теоріи: 1) Самый предметъ права войны весьма труденъ и еще не установился. 2) Теорія, предъявляя свои требованія, недостаточное вниманіе оказывала при этомъ къ справедливымъ интересамъ военной необходимости. 3) Теорія проводила неприложимую въ данномъ отношеніи паралель между войною и процессомъ

судебнымъ. Люди военнаго искусства и военной науки посмотрѣли на подобные пріемы, какъ на фантазіи кабинетныхъ ученыхъ, весьма часто надсмѣхаясь надъ ними. Г. Мартенсъ не признаетъ возможнымъ подобной аналогіи. Война, говоритъ онъ, происходитъ большею частью вслѣдствіе столкновенія интересовъ различныхъ народовъ. Споръ о правѣ рѣже бываетъ причиною войны. — У людей военныхъ на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, интересъ военнаго искусства для большей свободы котораго они часто отрицаютъ возможность военныхъ законовъ, всетаки признавая тѣмъ не менѣе, въ сущности, право войны. Извѣстный прусскій генералъ Клаузевицъ, занимающій видное мѣсто въ литературѣ военной науки, ставя всякую войну въ тѣсную зависимость отъ дѣйствій политики, установилъ положеніе, что война, какъ продолженіе, извѣстнаго политическаго дѣйствія должна руководиться тѣмъ же началомъ, какъ и политика; значитъ, разъ эта послѣдняя заинтересована извѣстнымъ порядкомъ въ отношеніяхъ жизни, то этотъ принципъ долженъ быть обязательнымъ также для дѣйствій на войны.

Свою исходную точку зрѣнія проф. Мартенсъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Споры между народами неминуемы. Этотъ фактъ доказываетъ, что причины ихъ глубоко коренятся въ человѣческой природѣ и во внѣшнихъ условіяхъ жизни. Независимыя государства составляютъ неизбѣжное условіе политической жизни. Вступая въ международное общеніе каждый народъ вноситъ сюда свои взгляды и стремленія, въ которыхъ не безсильны условія внѣшней природы. Самое высокое въ человѣкѣ — это его нравственная природа и развитіе ея. Приводя далѣе ссылку на Іеринга, что всѣ для міра и міръ для всѣхъ, авторъ выставляетъ желательность примѣненія этого-же начала также въ жизни международной, какъ принципъ весьма плодотворный. Но авторъ не могъ не признать, что мы еще очень далеки отъ необходимаго для осуществленія этого принципа — взаимнаго согласія народовъ въ пониманіи ими своихъ общихъ интересовъ. И мало еще заботятся объ изученіи и уразумѣніи законовъ международной жизни. Научное изслѣдованіе касается самыхъ незначительныхъ явленій физической природы, но на изученіе законовъ международной жизни, по мнѣнію автора, привыкли смотрѣть съ высока. Вездѣ признаютъ существованіе права, но отрицаютъ его въ сферѣ международной жизни, и это дѣлаютъ очень часто юристы, многіе изъ которыхъ пользуются весьма заслуженною извѣстностью. Авторъ доказываетъ, что такое отношеніе юристовъ къ международному праву надо считать послѣдствіемъ односторонняго ими пониманія права. Во главѣ ихъ, Мартенсъ ставитъ Іеринга, знаменитаго романиста, замѣчая, что теорія этой категоріи юристовъ, что основаніемъ права служитъ сила,—недостойна нравственной природы человѣка, и что она опасна, потому что законъ самъ по себѣ не есть источникъ права; если не согласиться съ этимъ, тогда мы должны будемъ оправдывать всѣ жестокости, совершенныя съ дозволенія безчеловѣчныхъ законовъ. Неправиленъ поэтому и взглядъ нѣкоторыхъ спеціалистовъ по международному праву, что на войнѣ должна и можетъ господствовать лишь одна грубая сила. Г. Мартенсъ далѣе говоритъ, что, если право и можетъ

быть охраняемо посредствомъ силы, то отсюда еще нельзя сдѣлать того вывода, что сила входитъ въ составъ самого понятія права, что право безъ нея немыслимо; право кредитора не прекращается вслѣдствіе временной несостоятельности должника; неприкосновенность человѣческой жизни не признается единственно только потому, что преступленія противъ нея законъ, подъ страхомъ наказанія, запрещаетъ,—источникомъ этихъ правъ служитъ вытекающее изъ нашей цивилизаціи правосознаніе. Принципъ „право безъ силы—мечта", г. Мартенсъ поэтому не раздѣляетъ; онъ указываетъ на безспорное существованіе международнаго права также во время войны, что подтверждается существованіемъ соотвѣтствующихъ правилъ и законовъ, признаваемыхъ государствами—обязательными для нихъ. Сила цивилизаціи повліяла на развитіе правосознанія даже и воюющихъ.—Къ этому объясненію своей исходной точки зрѣнія авторъ присовокупляетъ свою confession de foi, относительно будущаго, онъ вѣруетъ въ идеальную силу права и думаетъ, что народы современемъ найдутъ, для рѣшенія распрей между собою, болѣе цѣлесообразныя средства, нежели война, и что этому будетъ содѣйствовать знакомство воиновъ съ правомъ войны и уваженіе къ нему съ ихъ стороны. Современное же понятіе о правѣ есть результатъ матерьялистическаго стремленія нашего вѣка; оно имѣетъ въ виду лишь одно прошедшее, упуская изъ виду, что культура идетъ впередъ, что вмѣстѣ съ ней должна развиваться и государственная жизнь. Поэтому надо имѣть въ виду и будущее. Прогрессъ-же безъ идеаловъ—мечта. Право безъ идеаловъ составляетъ лишь одинъ голый фактъ. Авторъ заканчиваетъ эту первую главу вытекающимъ изъ сказаннаго выше положеніемъ, что такъ какъ вѣрующій въ свою жизненность народъ нельзя стереть съ лица земли, такъ и право въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ силою, одинаково и въ государственной и въ международной жизни (т. е. идеальная сила права не дастъ вытѣснить себя изъ нравственнаго міра).

Установивъ понятіе о правѣ войны, авторъ переходитъ во главѣ „война и законъ" къ изслѣдованію вопроса о кодификаціи этого права. Монтескьё говоритъ, что законы суть необходимыя отношенія, которыя вытекаютъ изъ природы вещей, и въ этомъ смыслѣ всѣ существа подчинены законамъ. Перемѣной слова „отношенія"—словомъ „правила", „нормы"—, г. Мартенсъ установляетъ понятіе о юридическомъ законѣ для общественной жизни. — Относительно же законовъ права войны надо имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ независимыми государствами, для которыхъ должны быть обязательны эти законы. Государства и опредѣляли эти законы, признавая извѣстные обычаи и регулируя ихъ иногда, въ болѣе точной формѣ, въ договорахъ между собою. Но этого недостаточно. Этимъ не исчерпывается все содержаніе вытекающей изъ природы вещей системы права войны.—За неимѣніемъ же возможности осуществить болѣе совершенное полное, всетаки желательна кодификація признаваемыхъ нынѣ государствами правилъ и обычаевъ права войны. Преимущественно на войнѣ важно точное право. Отъ неопредѣленности его никто не выигрываетъ Тѣмъ не менѣе, мы видимъ цѣлый рядъ противниковъ, возражающихъ противъ такой необходимости; они даже говорятъ, что кодификація права

войны вовсе нежелательна, потому что можетъ служить въ иныхъ случаяхъ помѣхою для законныхъ военныхъ дѣйствій. Но самого то права войны и они не отрицаютъ, вмѣняя, напротивъ, его соблюденіе воюющимъ въ нравственную обязанность. При такомъ отношеніи этихъ писателей къ существу дѣла, разумѣется, безразлично, какъ они называютъ эту обязательную для воюющихъ во взаимныхъ отношеніяхъ систему морали. Прусскій генералъ Гартманъ, противопоставляя другъ другу „идеализмъ межеународнаго права" и „реализмъ войны", высказываетъ положеніе, что реализмъ войны не терпитъ права войны. Но онъ больше, можетъ быть, чѣмъ кто нибудь другой, требуетъ отъ воюющихъ соблюденія въ отношеніяхъ между собою человѣкодостойнаго поведенія; иначе нынѣ невозможно вести войны; воинъ долженъ быть проникнутъ правосознаніемъ своего долга противъ личности врага. Г. Мартенсъ при этомъ дѣлаетъ основательно замѣчаніе, что трудно опредѣлить необходимость кодификаціи права войны лучше, чѣмъ это сдѣлано указанными положеніями компетентнаго знатока военнаго дѣла, прусскаго генерала Гартмана, хотя и отрицающаго возможность такой кодификаціи съ точки зрѣнія стратегическихъ интересовъ воюющаго. Г. Мартенсъ спрашиваетъ: какое-же это правосознаніе, какая эта совѣсть, которая не знаетъ своихъ обязанностей? Ихъ надо знать и опредѣлить, а именно посредствомъ международнаго соглашенія между государствами съ одинаковой культурой; правосознаніе здѣсь должно быть обоюдное между воюющими сторонами, только тогда возможно соблюденіе ими между собою права войны, *точнаго опредѣленія правилъ котораго, посредствомъ кодификаціи, требуетъ здравый разсудокъ.*

Швейцарскій полковникъ Рюстовъ отрицаетъ *законы* войны, надсмѣхаясь при томъ весьма недостойнымъ образомъ надъ наукою международнаго права, но онъ тѣмъ не менѣе признаетъ обязательнымъ для военной политики — соблюденіе *обычаевъ* войны, не возражая при томъ и противъ возможности кодификаціи права войны, т. е. допуская превращеніе обычаевъ войны въ законы. Такое странное явленіе въ средѣ людей военнаго искусства, что, сознавая необходимость соблюденія воюющими извѣстныхъ обычаевъ и правилъ войны, и требуя непремѣннаго уваженія ихъ, какъ безусловнаго нравственнаго долга, эти люди, всетаки, такъ настойчиво пятятся отъ точнаго юридическаго опредѣленія права войны,—это явленіе странное г. Мартенсъ объясняетъ новизною дѣла, съ мыслью, о которомъ еще не успѣли свыкнуться. Потребность въ кодификаціи тѣмъ не менѣе существуетъ. Только посредствомъ ея возможно окончательно избѣгнуть безпрестанно повторяющихся споровъ объ обязательности извѣстной нормы права войны. Еще послѣдняя франко-нѣмецкая война доказала гибельныя послѣдствія отсутствія точныхъ, несомнѣнныхъ правилъ войны, безусловно обязательныхъ для воюющихъ. Споры эти касались весьма важныхъ отношеній: напр. права народной обороны противъ вторгающагося въ страну непріятеля; условій, при которыхъ вольные стрѣлки должны быть признаваемы законными воинами и проч. Въ 1812 году, между русскимъ и французскимъ военачальствами возникъ споръ объ условіяхъ, соблюдаемыхъ парламентерами. Русскій генералъ Винцигероде, отправленный къ Наполеону въ качествѣ

парламентера, былъ имъ задержанъ какъ военноплѣнный, по той причинѣ, что русскій генералъ пришелъ во французскій лагерь съ однимъ флагомъ, безъ трубача. Императора Александра I этотъ поступокъ Наполеона очень возмутилъ; онъ считалъ, что его генералъ долженъ быть принятъ какъ парламентеръ, хотя и явился во французскій лагерь безъ трубача. Этотъ примѣръ интересенъ именно тѣмъ, что споръ здѣсь касается правила, которое должно считаться однимъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ обычаевъ права войны.

Требованіе точнаго юридическаго опредѣленія права войны не можетъ быть опровергнуто тѣмъ для насъ прискорбнымъ фактомъ, что Турція въ послѣднюю войну не соблюдала правилъ и обычаевъ войны, хотя она учавствовала на конференціяхъ въ Петербургѣ въ 1868 и въ Брюсселѣ въ 1874 и она, заявляла неоднократно свое желаніе, чтобы право войны было человѣчно и чтобы оно было кодифицировано въ общемъ международномъ договорѣ.

Турція подписала также Парижскую декларацію и Женевскую конвенцію и была въ 1856 г. принята въ союзъ европейскихъ государствъ. Но все это не сдѣлало ее цивилизованною націей; она осталась до сихъ поръ азіатскимъ государствомъ, стоящимъ подъ вліяніемъ ислама; и если просвѣщенные государственные мужи изъ турокъ могли дать всѣ вышеуказанныя обѣщанія, то они всеже не могли доставить гарантій, обезпечивающихъ исполненіе обѣщаній. Распоряженій для принятія мѣръ, чтобы ознакомить, кого слѣдуетъ, съ содержаніемъ Женевской конвенціи, обязательной также для Турціи, Турецкое правительство никакихъ не дѣлало.

Желательная и неотлагаемая необходимость кодификаціи права войны отстаивается впрочемъ весьма извѣстными спеціалистами военнаго искусства, не менѣе авторитетными, чѣмъ Гартманъ и Рюстовъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ не разъ упомянутыя нами конференціи въ Петербургѣ въ 1868 г. и въ Брюсселѣ въ 1874 г., въ особенности послѣдняя; на этой конференціи особеннаго вниманія заслуживаютъ объясненія авторитетныхъ спеціалистовъ своего дѣла, генераловъ Фоктъ-Ретца (прусскаго) и Леера (русскаго) и швейцарскаго полковника Гаммера. Другіе знатоки военнаго дѣла, напр. бельгійскій генералъ Вріальмонъ, французъ Вандевиль и голландскій министръ военныхъ дѣлъ Денъ Бэръ Нортугэль съ большимъ усердіемъ выступили въ литературѣ за дѣло Брюсельской конфренціи о кодификаціи права войны. Денъ Бэръ Португэль—основательный знатокъ своего дѣла; онъ былъ начальникомъ генеральнаго штаба въ своемъ отечествѣ. Голосъ его слѣдовательно можно считать вполнѣ компетентнымъ. Институтъ международнаго права, поставившій вопросъ о Брюссельской деклараціи на очередь своей сессіи въ 1875 году, высказался съ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ пользу дѣла начатаго Брюсельской Конференціей. Въ меньшинствѣ находились почти одни только англичане; и съ этой стороны также въ литературѣ послѣдовали возраженія. Англичане Твиссъ и Голландъ считаютъ время для такой кодификаціи еще не пришедшимъ. Твиссъ кромѣ того высказываетъ опасеніе, что такая кодификація права войны можетъ привести это право въ застой, воспрепятствовать его

развитію. Въ разсужденіяхъ такого рода мы должны очевидно искать причину подобныхъ взглядовъ во враждебномъ отношеніи англичанъ вообще къ кодификаціи права. Итальянецъ Манчини доказываетъ напротивъ, что именно наше время призвано къ совершенію великаго дѣла кодификаціи права войны.

Надо указать и на тѣ возраженія противъ кодификаціи права войны, которыя исходятъ изъ той точки зрѣнія, что для возможности скораго прекращенія войны вообще, для вселенія отвращенія къ войнѣ, лучшимъ средствомъ служитъ то, если войны будутъ вестись жестоко. Новѣйшій представитель этого направленія — американскій дипломатъ Лауренсъ, недовольный, конечно и Петербурской декларацiей 1868 г. о разрывныхъ пуляхъ, радъ каждому новому разрушительному средству войны. Г. Мартенсъ старается опровергнуть такой взглядъ ссылкой на исторію; въ прошломъ столѣтіи, когда войны были весьма разрушительны и послѣдствія ихъ очень жестоки, отдѣльныя войны, тѣмъ не менѣе, продолжались обыкновенно весьма долго.

Заканчивая обозрѣнія содержанія первыхъ двухъ главъ книги проф. Мартенса, я долженъ замѣтить, что въ литературѣ разборъ указанныхъ выше вопросовъ до сихъ поръ не былъ предметомъ такого всесторонняго изслѣдованія, какое намъ представляется въ книгѣ г. Мартенса; вторая глава, разсматривающая вопросъ о кодификаціи, имѣетъ свое продолженіе въ третьей главѣ, знакомящей читателя съ исторіей попытокъ кодификаціи права войны. Этимъ подтверждаются еще въ большей степени выводы второй главы. Четвертая глава даетъ читателю возможность бѣглымъ образомъ вспомнить предшествующую объявленію войны исторію восточнаго вопроса, на каждой страницѣ доказывающую, какъ неосновательно было обвиненіе Россіи Турціей въ несоблюденіи VIII статьи Парижскаго трактата 1856 г., обязующей подписавшія его государства, на случай грозящей войны между нѣкоторыми изъ нихъ, обратиться за bons offices къ дружескимъ нейтральнымъ государствамъ. Такія добрыя услуги были испрашиваемы и оказывались въ теченіе двухъ лѣтъ тщательными; еще предъ самымъ объявленіемъ войны, со стороны Россіи сдѣланы были всѣ усилія для предотвращенія такого факта. Изъ слѣдующихъ затѣмъ главъ, шестая во многихъ отношеніяхъ имѣетъ наибольшее значеніе; она озаглавлена: русская армія въ непріятельской странѣ. Съ точки зрѣнія науки, конечно, всѣ вопросы военнаго права имѣютъ одинаковое значеніе. Нѣкоторое неравенство начинаетъ проявляться при обсужденіи значенія того или другаго вопроса въ примѣненіи къ жизни, и спеціально къ жизни извѣстной данной эпохи. Въ такомъ смыслѣ, напр. въ правѣ войны, въ настоящее время заслуживаетъ особеннаго вниманія вопросъ объ отношеніи оккупанта въ непріятельской странѣ къ частной собственности, а именно вопросъ о правѣ оккупанта налагать здѣсь въ свою пользу реквизиціи и контрибуціи, которыя населеніе доставлять должно изъ своего имущества.

Ни теорія, ни проектъ Брюссельской декларацiи, не рѣшились выставить, какъ обязательный законъ въ такомъ случаѣ—непосредственную уплату за потребованное и полученное. Были высказаны взгляды, что для

оккупанта во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе покупать все для его продовольствія необходимое, чѣмъ принуждать населеніе занятой имъ непріятельской территоріи доставлять это нужное. Сознавая это удобство, были военачальники, которые, при имѣніи въ наличности достаточныхъ денежныхъ средствъ, предпочитали взиманіе реквизицій съ непосредственной выдачей за полученное денегъ. Эту послѣднюю систему соблюдала, можно сказать; почти безъвсякихъ отступленій русская армія на обоихъ театрахъ войны во время всей послѣдней кампаніи противъ Турціи. И уваженіе этого начала со стороны нашихъ войскъ было образцовое. За нарушеніе безпощадно наказывали. Имущество какъ христіанъ, такъ и турокъ охранялось русскимъ военно-уголовнымъ закономъ одинаковымъ образомъ. Г. Мартенсу удалось подтвердить это множествомъ самыхъ надежныхъ и достовѣрныхъ отзывовъ по этому поводу иностранныхъ корреспондентовъ, какъ дружелюбныхъ къ намъ, такъ и туркофильскихъ; далѣе, отзывами англійскаго военнаго агента при нашей Дунайской арміи, полковника Веллеслея, какъ извѣстно не дружелюбнаго къ Россіи, который по собственному сознанію поставилъ себѣ задачей отыскать подтвержденіе распространенныхъ слуховъ о варварскомъ поведенія нашей арміи по отношенію къ мусульманскому населенію. Но онъ такого подтвержденія найти не могъ и честно въ этомъ сознался. Послѣ его донесеній своему правительству крикуны, обвинявшіе нашу доблестную армію въ безчеловѣчности противъ непріятеля, понизили тонъ. Нападки уже значительно стихли, хотя и не совсѣмъ прекратились.

И вотъ почему явленія послѣдней войны, сообщаемыя профессоромъ Мартенсомъ въ шестой главѣ (русская армія въ непріятельской территоріи) заслуживаютъ наибольшаго. сравнительно, вниманія. Извѣстно что изслѣдователи этой отрасли права всегда какъ то боялись выставить требованія, для которыхъ на практикѣ нельзя было отыскать прямыхъ примѣровъ.

Разумѣется само собою, что это преимущественно практическое значеніе шестой главы не умаляетъ научнаго значенія остальныхъ главъ, стольже добросовѣстно разработанныхъ; если здѣсь было сравнительно меньше извѣстій, свидѣтельствующихъ о строгомъ соблюденіи нашими войсками постановленій Брюссельской декларацін, то это зависѣло отъ степени вниманія, которое очевидцы обращали на эти вопросы. Они объ нихъ меньше сообщали. Но и того, что сообщено совершенно достаточно для доказательства безупречнаго отношенія нашихъ военныхъ властей къ исполненію нашей арміей и каждымъ отдѣльнымъ воиномъ своего долга, предписываемаго современнымъ правомъ войны. Наши военачальники, руководимые монаршею волею, получившею столь прекрасное выраженіе въ сенатскомъ указѣ отъ 12 мая 1877 года, глубоко были проникнуты его цѣлями; нерѣдко они даже допускали снисходительность въ такихъ случаяхъ, когда правила войны давали имъ полное и никѣмъ неоспариваемое право поступать гораздо строже. И вообще можно сказать, что практика нашей послѣдней войны съ Турціей не въ одномъ лишь какомъ нибудь вопросѣ превосходила гуманныя постановленія Брюссельской декларацін. Какъ русское военное начальство относилось

къ реквизиціямъ, мы выше видѣли. Относительно военноплѣнныхъ поступали также съ большей заботой, чѣмъ это было обязательно по деклараціи Брюссельской. Покусившійся бѣжать военноплѣнный, будучи остановленъ и снова возвращенъ въ плѣнъ не подлежалъ никакому суду: Брюссельская декларація здѣсь дозволяла дисциплинарное наказаніе. На Брюссельской конференціи, затронутый по поводу военныхъ репрессалій вопросъ остался нерѣшеннымъ. Въ проектѣ нашего правительства этотъ вопросъ былъ поставленъ весьма правильно. Но на конференціи сочли неудобнымъ регулировать его: установить тѣ ограниченія, которыя должны быть соблюдаемы при пользованіи правомъ отомщать непріятелю за нарушеніе права войны — репрессаліями. Въ ряду разныхъ предложенныхъ въ этомъ проектѣ ограниченій, только одно вполнѣ юридически опредѣлено: только съ разрѣшенія главнокомандующаго можно употреблять репрессаліи. Русскій главнокомандующій прибавилъ къ этому еще слѣдующее условіе: начальники отрядовъ, получившіе отъ главнокомандующаго разрѣшеніе на употребленіе репрессалій, въ отдѣльномъ случаѣ, обязаны, раньше чѣмъ ихъ принести въ исполненіе, объявить о предстоящемъ противной сторонѣ, которой такимъ образомъ предоставляется возможность предотвратить грозящую репрессалію устраненіемъ тѣхъ причинъ, которыя побуждаютъ противника прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ. Желательно, конечно, чтобы при неотвращаемой необходимости репрессалій на войнѣ, эта обязанность предварительнаго извѣщенія, составляющая одно изъ условій употребленія мирныхъ репрессалій, сдѣлалась общею и на войнѣ. Еще лучше, разумѣется, было бы, если будутъ слѣдовать просвѣщенному примѣру нашего Государя Императора. въ послѣднюю войну, запретившаго въ половинѣ іюля употребленіе репрессалій вообще. Наши военачальники вполнѣ понимали этотъ запретъ. Его смыслъ заключался въ томъ, что употребленіе репрессалій, безъ достиженія цѣли, причинитъ, совершенно напрасно зло людямъ, невиновнымъ въ причинахъ вызвавшихъ репрессаліи. А что репрессаліи съ нашей стороны въ отмщеніе за безпрестанное нарушеніе турками правилъ и законовъ войны не могли заставить турокъ перемѣнить свой образъ дѣйствія, это было для всѣхъ очевидно. Далѣе, наше военное начальство понимало, что репрессаліи, и именно частое ихъ примѣненіе, должны повліять на войска, деморализующихъ образомъ. Если, слѣдовательно ихъ вообще допускать, то только при условіи большой осмотрительности и осторожности; въ противномъ случаѣ мѣры должны становиться опасными для сохраненія строгой дисциплины въ соблюденіи права войны.

Въ исторіи послѣдней войны мы вообще впервые встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что военачальникъ довольствуется сдѣлать перехваченнаго непріятельскаго шпіона лишь военноплѣннымъ, не поступая съ нимъ такъ, какъ это было до сихъ поръ. Прежде шпіона вѣшали, и этотъ порядокъ никѣмъ и никогда не оспаривался; всѣ были до того убѣждены въ законности такого обращенія съ человѣкомъ, который былъ столь опасенъ, именно тѣмъ, что его свойство, какъ врага, не было явно. Графъ Лорисъ-Меликовъ, нашелъ такое обращеніе со шпіономъ совершенно излишнимъ. Имѣя въ виду, что шпіонъ можетъ причинить вредъ только въ

теченіи войны, онъ счелъ достаточнымъ предупредить этотъ вредъ на соотвѣтствующее время, т. е. до окончанія войны. Вопросъ такимъ образомъ получилъ новую постановку.—Укажемъ еще и на слѣдующіе факты, сообщаемые въ книгѣ г. Мартенса и доказывающіе, какъ вообще русскія военныя власти старались никому не причинять лишняго зла, если это не было существенно необходимо для военнаго интереса. Англичанинъ Кри, взятый въ плѣнъ отрядомъ Геймана, упорно увѣрялъ, что онъ корреспондентъ газеты, требуя освобожденія отъ плѣна. Русское военное начальство имѣло серьезное основаніе считать г. Кри за офицера непріятельской стороны, но его тѣмъ не менѣе освободили изъ плѣна, причемъ генералъ Гейманъ руководился, быть-можетъ, и тѣмъ, что г. Кри, по собственному разсказу, былъ ограбленъ: виновники не сдѣлались извѣстными. Затѣмъ трое англійскихъ офицеровъ, попавши въ русскій плѣнъ, усиленно увѣряли русское военное начальство, что они санитары непріятельской стороны. И дѣйствительно, они носили соотвѣтствующіе знаки. Но имъ весьма основательно не повѣрили, и это подозрѣніе потомъ вполнѣ подтвердилось. Всѣ трое, одинъ съ балканскаго полуострова, другіе оба изъ подъ Карса, были отправлены въ качествѣ военноплѣнныхъ въ Россію; но здѣсь ихъ вскорѣ освободили совсѣмъ. По поводу г. Кри англійскій корреспондентъ Норманъ высказываетъ предположеніе, что никакой англійскій генералъ не поступилъ бы такъ снисходительно.

Что касается характера изложенія, то оно было *расчитано* г. Мартенсомъ на большую публику. Эта послѣдняя цѣль однако заставила автора, какъ кажется, съузить научное содержаніе книги. Авторъ какъ бы избѣгаетъ дать въ общихъ объясненіяхъ строго формулированныя положенія.

Въ заключеніе не могу не обратить еще вниманія на основную мысль автора о понятіи войны и права войны, мысль, изложенную нами уже выше. Авторъ говоритъ, что вѣритъ въ идеальную силу права вообще и также права войны; прогрессъ (онъ въ другомъ мѣстѣ это говоритъ) безъ идеаловъ — мечта! Исторія доказываетъ поступательное торжество духа надъ матеріей. Право и сила не одно и тоже; авторъ при этомъ ссылается на право войны; оно дѣйствительно существуетъ и составляетъ часть міроваго правоваго порядка. Съ другой же стороны, авторъ также не умалчиваетъ о довольно печальномъ положеніи права войны; примѣры изъ самаго послѣдняго времени доказали это; грубое насиліе нарушало говоритъ авторъ, требованія права, которое можетъ быть поддерживаемо силою, но сила, тѣмъ не менѣе, не составляетъ необходимой части понятія права. Слѣдовательно, право войны существуетъ. Въ этой аргументаціи автора мы можемъ, очевидно, замѣтить стараніе примирить идеалистическое направленіе съ позитивнымъ онъ становится самъ на реальную почву, связывая факты общей идеей—идеей о внутренней силѣ права и о прогрессѣ человѣческихъ понятій. Это совершенно правильно, и дѣло разумѣется только въ томъ, какъ опредѣлить эту общую идею. Она существуетъ, это несомнѣнно; исторія намъ доказываетъ это на каждой страницѣ ея лѣтописей. Въ чемъ же заключается эта высшая идея права вообще, въ особенности, въ примѣненіи къ праву войны? Она есть сила. Но эта сила не является, въ видѣ чисто нравственнаго побужденія. До этого мы еще не дожили; имѣемъ только надежду, что будемъ совершенствоваться въ этомъ направленіи;

будетъ ли вполнѣ достигнута цѣль, это другой вопросъ. Мы видимъ, что въ основаніи прогресса лежитъ нравственное побужденіе; но оно соединяется съ эгоистическими стремленіями людей, будучи часто и значительно парализовано ихъ противодѣйствіемъ ему. Эта чисто нравственная сила права, какъ его можно себѣ представить in abstracto, какъ идею princeps ageno въ нѣкоторомъ отношеніи, — она развивается вмѣстѣ съ просвѣщеннымъ пониманіемъ разумныхъ интересовъ. Насколько-же она имѣетъ свое самостоятельное происхожденіе, это вопросъ, окончательнаго рѣшенія котораго осторожно поступающая наука никогда, повидимому, не добьется, нынѣ она можетъ сказать только то, что судьба идеальной силы права въ будущемъ будетъ зависѣть отъ пониманія народами своихъ интересовъ; а такъ какъ въ этихъ интересахъ играетъ роль эгоистическая сила, частью, и отъ нея будетъ зависѣть право. И если она себя проявляетъ не всегда какъ явное насиліе, а находитъ другія, мирныя по своему внѣшнему виду, средства для достиженія своихъ цѣлей — какъ въ государствѣ, такъ и между государствами—то это не противорѣчитъ нашему положенію. Это мирное насиліе бываетъ часто гораздо чувствительнѣе явнаго—для тѣхъ, кого оно постигаетъ. Подтверждающіе это примѣры у насъ на каждомъ шагу. Наука, конечно, имѣетъ обязанность и право указать на пути развитія данныхъ отношеній; но при этомъ она должна, очевидно, имѣть въ виду условія реальной жизни. Сила ума одерживаетъ побѣду надъ неразумными влеченіями человѣка, но только постепенно, проходя извилистый путь, одерживая побѣды, но и не безъ пораженій.—При такомъ положеніи дѣла наиболѣе надежнымъ путемъ доказательства положительнаго характера права войны является возможность доказать существованіе прочнаго интереса въ правѣ войны, какъ на основаніи отдѣльныхъ фактовъ, такъ и на основаніи ихъ связи съ политической культурой вообще. И это доказательство возможно. Профессоръ Мартенсъ самъ помогалъ выяснить этотъ интересъ. И при такомъ коренномъ взглядѣ на вопросъ мы вовсе не лишаемся возможности стремиться къ добру, столько же какъ и беря въ основаніе взглядъ Г. Мартенса. Реализмъ этотъ не равняется матеріалистическому взгляду на силу. Игерингъ, противъ котораго Г. Мартенсъ полемизируетъ, не понимаетъ право матерьялистически; цѣли людей создаютъ право, и тотъ, у кого больше могущества, дѣлаетъ свою волю обязательной для другихъ; это всегда такъ было и будетъ; но и при этомъ положеніи вещей слагается охраняемое силою право въ такомъ видѣ, что оно соотвѣтствуетъ нашимъ взглядамъ на справедливость, состояніе которой стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ предыдущимъ. Для насъ очевидно лишь совершенствованіе въ пониманіи разумныхъ интересовъ. Это было и будетъ самымъ постояннымъ источникомъ права. Это положеніе можно пояснить также постепеннымъ развитіемъ международныхъ отношеній и выростаніемъ изъ нихъ довольно обширнаго юридическаго порядка. Игерингъ, относительно международнаго права вообще, говоритъ: что оно пока еще недостаточно обезпечено отъ нарушеній его правилъ, но что оно въ этомъ отношеніи усовершенствуется по мѣрѣ лучшаго пониманія народами своихъ взаимныхъ интересовъ (Zweck im Recht), этого взгляда и Г. Мартенсъ не могъ не высказать, когда онъ указываетъ на то, что научное изслѣдованіе касалось всѣхъ возможныхъ пылинокъ, но мало

заботилось объ изученіи зак›новъ международнаго общенія, которые бы указали практикѣ средства и пути для разумнаго дѣйствія и лучшаго достиженія благопріятныхъ результатовъ изъ международной жизни.

Далѣе думаю, что ошибочно поставить Лассона на одну точку съ Гезелемъ. У Лассона нѣтъ діалектическаго процесса въ развитіи понятія международнаго права; у него оно только просто право будущаго; идеюже его онъ и нынѣ не отрицаетъ. Вообще мнѣ кажется, что строгое критическое отношеніе Лассона къ международному праву придаетъ его книгѣ гораздо болѣе отрицательный видъ, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ.

Въ превосходной главѣ о кодификаціи права войны авторомъ допущена маленькая неточность въ пониманіи взглядовъ Бульмеринга и Неймана на этотъ вопросъ. Эти ученые не отрицаютъ возможности кодификаціи права войны, а считаютъ невѣроятнымъ кодификацію всего международнаго права. Связь, въ которую поставлены относящіяся сюда положенія ихъ, заставляетъ меня сдѣлать такой выводъ о настоящей мысли недосказанныхъ ими мыслей. По крайней мѣрѣ, про Бульмеринга мнѣ положительно извѣстно, что онъ во время созванія Брюссельской конференціи, когда онъ оканчивалъ свою работу: практика, теорія и кодификація международнаго права, возлагалъ большія надежды на эту попытку кодификаціи части международнаго права. Отъ такого сочувственнаго отношенія къ начатому Брюссельской конференціей дѣлу, Бульмерингъ впослѣдствіи ни разу не отступилъ, какъ это и знаетъ институтъ международнаго права, и какъ это доказываетъ спеціальная статья этого ученаго о кодификаціи права войны (впрочемъ не особенно содержательная, новаго она ничего не даетъ).—Нейманъ же, какъ извѣстно тому же институту международнаго права, высказывался въ пользу дѣла Брюссельской конференціи одинаково—какъ до появленія втораго изданія его учебника, такъ и послѣ этого.

Остановимся теперь еще на нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ автора въ спеціальной части его книги. Онъ отстаиваетъ необходимость завѣдыванія военно-плѣнными—военными властями. Думаю, что рѣшать этотъ вопросъ такъ абсолютно нѣтъ надобности. Опредѣленіе порядка должно здѣсь зависѣть отъ мѣстныхъ соображеній. Если-бы у насъ не было воинскихъ начальниковъ, тогда-бы было весьма естественно отдать военноплѣнныхъ турокъ подъ надзоръ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, съ прикомандировкой къ нимъ очередныхъ карауловъ изъ мѣстныхъ войскъ, какъ это бываетъ и при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, напр. гдѣ хранятся казенныя имущества. Доктринарнымъ образомъ этотъ вопросъ рѣшить нельзя. И что-же оказалось у насъ на дѣлѣ въ теченіи послѣдней войны? Турецкіе военноплѣнные вели себя достаточно смирно; обыкновенныхъ гражданскихъ властей для надзора за ними было бы совершенно достаточно, если-бы у насъ не были въ роспоряженіи уѣздные и губернскіе по воинскимъ дѣламъ начальники, не особенно заваленные работой. Для черкесовъ и башибузуковъ требовались уже безъ того болѣе строгія мѣропріятія. Также кажется намъ слишкомъ абсолютнымъ взглядъ автора на необходимость подсудности военноплѣнныхъ военнымъ судамъ. Доводами къ такому взгляду для автора служитъ военный характеръ плѣннаго и общеупотребительная практика. Но надо замѣтить, что между военноплѣн-

ными могутъ находиться также невоенные, взять ихъ въ военный плѣнъ дозволяется обычаями, и это право было также признано Брюссельской конференціей.—Относительно доводовъ г. Мартенса надо имѣть въ виду и то, что настоящій военный характеръ человѣка, бывшаго воиномъ въ рядахъ непріятельскаго войска и попавшаго въ военный плѣнъ къ противнику, собственно говоря, пріостановился. Кромѣ того, подсудность военныхъ чиновъ военному суду, кромѣ дѣлъ военной дисциплины, по всѣмъ имѣющимся признакамъ, есть только остатокъ прошлаго, — остатокъ, у котораго нѣтъ прочности въ будущемъ. Оправдывать эту подсудность можно только соображеніями военной дисциплины войска, какъ единаго цѣлаго, въ интересахъ отечества. Относительно же военноплѣнныхъ эти соображенія не имѣютъ мѣста. Затѣмъ и основаніе существующей практики подсудности военноплѣнныхъ военнымъ судамъ, надо искать просто въ прежнихъ суровыхъ взглядахъ на военноплѣнныхъ и въ нѣкоторомъ сходствѣ положенія ихъ съ военными; а гдѣ не было военныхъ судовъ, тамъ военноплѣнные судились въ гражданскихъ судахъ. — Далѣе нѣсколько поражаетъ взглядъ автора, всегда старающагося дать вопросамъ практически цѣлесообразное рѣшеніе, — что отбираніе у военноплѣнныхъ находящихся при нихъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, для сохраненія, съ выдачей собственнику квитанціи, есть униженіе ихъ достоинства. Это начало не только часто практиковалось, между прочимъ, и у насъ, но оно и вполнѣ справедливо при извѣстныхъ условіяхъ, опредѣлить которыя приходится, конечно, только взявшему непріятельскаго воина въ плѣнъ военному начальству. Не могло не ускользнуть отъ вниманія практики, что въ военноплѣнномъ существуетъ желаніе освободиться изъ плѣна; онъ это желаніе можетъ привести въ исполненіе, пользуясь удобнымъ случаемъ, который плѣнившая его власть должна имѣть право, по мѣрѣ возможности, затруднять; однимъ изъ средствъ для этого является отнятіе у военноплѣннаго имѣющихся при немъ драгоцѣнныхъ вещей и денегъ, либо до самаго окончанія плѣна или только до прибытія на мѣсто временнаго жительства; этимъ у плѣннаго отнимаются матерьяльныя средства, отсутствіе которыхъ будетъ, конечно, затруднять возможность бѣгства. Оскорбленія достоинства военноплѣннаго, въ такой предосторожности со стороны воюющаго, усмотрѣть нельзя. Указанное желаніе плѣннаго совершенно естественно и не безчестно, и пока воюющій не заручился обѣщаніемъ военноплѣннаго, закрѣпленнымъ честнымъ словомъ, — до этихъ поръ, не имѣя права наказывать покусившагося бѣжать или бѣжавшаго за такое дѣйствіе, онъ отнимаетъ у плѣннаго матерьяльныя средства, могущія послѣднему способствовать при освобожденіи изъ плѣна, противъ его воли. Если дѣйствіе бѣгства въ данномъ случаѣ не безчестно, почему же считать указанную мѣру противника унизительной для плѣннаго? На стр. 328 авторъ замѣчаетъ, что такое подчиненіе суда администраціи, какъ это возможно было по распоряженіямъ главнокомандующаго въ Болгаріи, можетъ быть оправдываемо только потребностями военнаго времени. Ближе авторъ своего положенія не поясняетъ; онъ не говоритъ какъ онъ его понимаетъ, — какъ общее ли правило или лишь какъ исключительное для даннаго случая, во время оккупаціи нашими войсками Болгаріи. Отъ точнаго знанія объема положенія автора должны зависѣть и возможныя

на него возраженія. Замѣчу только еще, что, какъ общее положеніе, указанный взглядъ проф. Мартенса признать затрудняюсь.

Касаясь вопроса о бомбардированіи Ѳеодосіи, Анапы и Евпаторіи турецкимъ флотомъ, авторъ, указывая на то, что эти города были совершенно открыты, замѣчаетъ, что нельзя считать защитою города какую нибудь батарею, устроенную на морскомъ берегу и снаряженную орудіями, совершенно (?) безопасными для броненосцевъ (стр. 453). Но если въ данномъ случаѣ турки бомбардировали названныя мѣстности, не будучи къ этому вынуждены положеніемъ батарей, и, слѣдовательно, нарушали правила войны, то положеніе автора, въ той формѣ, въ которой оно имъ опредѣлено (оно выписано его же словами) кажется намъ не совсѣмъ точнымъ. Вопросъ о размѣрахъ опасности для непріятельскихъ броненосцевъ со стороны этихъ батарей здѣсь совершенно безразличенъ: эти батареи были сооружены для военныхъ цѣлей, и это обстоятельство важно. Рѣшеніе же вопроса о томъ, насколько можетъ быть притомъ оправдываемо разрушеніе находящихся при батареяхъ или вблизи отъ нихъ городовъ и селеній, зависитъ конечно отъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ вопросовъ: тутъ надо принять въ соображеніе, съ котораго мѣста необходимо было совершить бомбардированіе, и въ какомъ положеніи при этомъ находились данныя открытыя мѣстности, въ отношеніи къ необходимымъ линіямъ стрѣльбы, которыхъ воюющій не обязанъ измѣнить, потому только, что бомбардированіемъ можетъ нанести убытки извѣстнымъ открытымъ мѣстностямъ. Если они ему мѣшаютъ при достиженіи его законныхъ военныхъ цѣлей, тогда они подлежатъ суровой судьбѣ бомбардированія; не избавлены отъ этого и учрежденія санитарныя.

Къ проекту русскаго правительства на Брюссельской конференціи относительно условій для употребленія военныхъ репрессалій, проекту, содержаніе котораго институтъ международнаго права потомъ сформулировалъ въ другихъ словахъ,—къ этому проекту проф. Мартенсъ предлагаетъ слѣдующія дополненія относительно круга лицъ, которыхъ непріятель имѣетъ право подвергнуть репрессаліямъ (стр. 488). Авторъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: воюющій можетъ подвергнуть репрессаліямъ только самихъ же нарушителей права, если они попадутъ къ нему въ плѣнъ, и, во-вторыхъ, если нѣтъ возможности привлечь къ отвѣтственности самихъ нарушителей, то ей подлежатъ командиры и офицеры непріятельскихъ войскъ, „которые прежде всего виновны въ гнусныхъ поступкахъ своихъ подчиненныхъ". Но подверженіе самого виновнаго наказанію, очевидно, не есть репрессалія въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Что несправедливо подвергать дѣйствію репрессалій нижнихъ чиновъ, совершенно вѣрно. Но, спрашивается, справедливо ли командировъ и офицеровъ подвергать репрессаліямъ, безразлично виновны ли они въ причинахъ, побудившихъ противника прибѣгнуть къ помощи репрессалій, или нѣтъ? Если они виновны, то они могутъ быть наказаны какъ преступники; и только тогда, если нельзя доказать ихъ виновности и они, тѣмъ не менѣе, будутъ подвергнуты какимъ нибудь насильственнымъ мѣрамъ,—наказанію безъ вины,—можно говорить о репрессаліяхъ.

Американская полевая инструкція опредѣлила для шпіона, перехваченнаго американской арміей, смертную казнь посредствомъ повѣшанія. Проектъ

Брюссельской декларацін этого не дѣлаетъ; онъ ограничивается предоставленіемъ воюющему права поступать съ перехваченными непріятельскими шпіонами по законамъ, дѣйствующимъ въ его арміи. Г. Мартенсъ на это различіе указываетъ какъ на что-то, заслуживающее особеннаго вниманія; но думаю, что это напрасно: американская полевая инструкція составляетъ внутренній законъ одной стороны, подобно тому, какъ, напр., приказы нашихъ главнокомандующихъ во время послѣдней войны съ Турціей. Въ Болгаріи шпіоны также подлежали смертной казни. Но было бы странно, если бы Брюссельская декларація, которая должна была служить проектомъ общаго международнаго договора, обязала бы отдѣльныхъ участниковъ ея наказывать военныхъ шпіоновъ непремѣнно смертью. Это не имѣло бы основанія и русскій проектъ для Брюссельской конференціи хорошо это понималъ.

Относительно вопросовъ о военноплѣнныхъ и раненыхъ и больныхъ воинахъ авторъ старается доказать особенную связь, именно между этими двумя вопросами права войны. Поэтому онъ ихъ и помѣстилъ въ одной главѣ. Но не думаю, чтобы нѣкоторое сходство во внѣшнемъ положеніи и тѣхъ и другихъ воиновъ могло намъ дать право найти въ этомъ больше того, что есть на самомъ дѣлѣ.

Своей мысли, что репрессаліи противъ нижнихъ чиновъ непріятельской арміи не достигаютъ цѣли и несправедливы, и что репрессаліи въ послѣднюю войну нашу съ Турціей ни къ чему не привели бы, авторъ (на 552 стр.) не выдерживаетъ, высказывая взглядъ, что обращеніе съ плѣнными башибузуками, курдами и черкесами. какъ съ арестантами, (напр. транспортированіе ихъ въ цѣпяхъ и проч.), имѣло бы послѣдствіемъ, что меньше было бы совершено гнусныхъ преступленій надъ нашими ранеными и больными. Въ другихъ мѣстахъ, авторъ самъ опровергаетъ это послѣднее предположеніе и дѣйствительно, съ такимъ обращеніемъ съ этими извергами турецкихъ войскъ въ русскомъ плѣнѣ уживались вѣдь лишь одни просвѣщенные туркофилы, и то не всѣ; только немногіе, покровительствуемые ими полудикіе башибузуки, курды и черкесы такой защиты со стороны ихъ друзей и не понимали; указанное обращеніе съ ними въ русскомъ плѣнѣ они понимали по своему, и гораздо правильнѣе, чѣмъ ихъ просвѣщенные покровители. По ихъ понятіямъ такой плѣнъ на цѣпи, какъ это въ исключительныхъ случаяхъ быть можетъ и практиковалось, былъ совершенно справедливъ. Для нихъ это не было уголовнымъ наказаніемъ, и для ихъ собратьевъ, продолжающихъ совершать свои безчинства надъ русскими ранеными и плѣнными; слухъ о такомъ плѣнѣ не могъ быть имъ страшенъ, и подавно не могъ остановить ихъ кровожадія и фанатизма по отношенію къ христіанскому врагу.

На стр. 593 мы читаемъ: „на основаніи существующей практики и воззрѣній современныхъ писателей по международному праву должно скорѣе признать, что рельсы не могутъ считаться предметомъ военной контрабанды; послѣ такого примѣра можно бы было считать военною контрабандою также всякій другой предметъ“. Авторъ объ этомъ заговорилъ по поводу того факта, что венгерскія власти остановили провозимыя черезъ Орзову въ Румынію рельсы, подъ предлогомъ, что они военная контрабанда, предназначенная для Россіи. Затѣмъ, когда выяснилось, что рельсы

эти провозятся для Румыніи, венгерскія власти пропустили ихъ. Послѣднее было, конечно, неосновательно; Румынія была союзницей Россіи противъ той же Турціи. Г. Мартенсъ на это указываетъ совершенно вѣрно. Но положеніе его тѣмъ не менѣе не совсѣмъ правильно. Дѣло, въ спеціальномъ случаѣ, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 12 мая 1877 г., для подробнаго объясненія понятія военной контрабанды, исчислены сначала всѣ отдѣльные предметы, подходящіе подъ это понятіе, а затѣмъ сказано: „и вообще всѣ другіе предметы, непосредственно предназначенные для войны, какъ сухопутной, такъ и морской. Всѣ эти вещи, застигнутыя на нейтральныхъ судахъ, могутъ быть захватываемы и конфискуемы, если онѣ предназначены въ непріятельскій портъ, исключая только количества этихъ вещей, потребнаго для самаго нейтральнаго судна". „Наравнѣ съ торговлею военною контрабандою должны считаться... поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ". Руководствуясь такимъ пониманіемъ со стороны самаго русскаго правительства, военной контрабанды, мы не могли бы обижаться, если бы венгерское правительство не разрѣшило провоза для насъ черезъ свою область желѣзнодорожныхъ рельсовъ. Отправленіе ихъ въ Россію по такому пути все-таки могло вызвать подозрѣніе, когда они могли быть употреблены для рельсовыхъ путей на театрѣ войны. Такое подозрѣніе не должно быть понимаемо, какъ совершенно произвольное. А рельсовые пути, какъ извѣстно, весьма важное средство войны, хотя они, главнымъ образомъ, служатъ цѣлямъ мирнымъ. И если, положимъ, война, такимъ образомъ, можетъ остановить поправки и постройки на желѣзныхъ дорогахъ въ области одной изъ воюющихъ сторонъ, то такая помѣха, очевидно, неизбѣжна; она зависитъ отъ того, быть можетъ, неблагопріятнаго для желѣзныхъ дорогъ обстоятельства, что онѣ служатъ столь разнороднымъ интересамъ. Разъ война — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ — составляетъ необходимость, то, конечно, и нельзя не считаться со всѣми отсюда по необходимости вытекающими послѣдствіями; мы можемъ только стараться смягчить ихъ, но предотвратить ихъ совсѣмъ не можемъ. Авторъ думаетъ, что причисленіе рельсовъ къ военной контрабандѣ заставитъ дать согласіе на причисленія вообще всѣхъ вещей, какъ напр. обуви, полотна, сукна, кожи и хлѣба, къ военной контрабандѣ. Я думаю, что при извѣстныхъ условіяхъ въ будущемъ можетъ состояться расширеніе понятія о военной контрабандѣ и въ эту сторону. Здѣсь практика не можетъ быть стѣснена и не дастъ стѣснять себя теоретическими положеніями, выработавшимися при условіяхъ жизни, которыя измѣнились. Что же касается настоящаго, то мы должны подвозъ рельсовъ причислить къ предметамъ военной контрабанды, если условія, какъ относительно времени, такъ и мѣста и прочихъ обстоятельствъ (дѣйствій и событій на театрѣ войны), даютъ основаніе думать, что провозимый товаръ предназначенъ для военныхъ цѣлей одною изъ воюющихъ сторонъ. Перехватить его можетъ противникъ, остановить — данная нейтральная страна. Правда, здѣсь много надо предоставить благоусмотрѣнію и доброй совѣсти даннаго правительства, и потому было бы полезно, если бы оно напередъ объявляло, какъ оно въ такихъ случаяхъ поступать будетъ. И если невозможно вполнѣ точное опредѣленіе, то и, по мѣрѣ возможности, точное—

все же полезнѣе, чѣмъ совершенное его отсутствіе. Опредѣляя, такимъ образомъ, свое отношеніе къ дѣлу напередъ. данное правительство освобождается впослѣдствіи отъ нареканій въ произволѣ. — Авторъ говоритъ, что послѣдняя война между Россіей и Турціей доказала вообще настоятельную необходимость точнаго опредѣленія предметовъ, признаваемыхъ во всякомъ случаѣ военною контрабандою. Отсутствіе такого опредѣленія можемъ привести даже къ нелѣпостямъ въ требованіяхъ воюющихъ сторонъ отъ нейтральныхъ и въ обращеніи послѣднихъ съ воюющими. Конечно, точное международное соглашеніе въ этомъ вопросѣ бѣзспорно желательно; но прежде чѣмъ сдѣлать это, правительства должны основательно познакомиться съ отзывами военныхъ специалистовъ, и это едва ли можетъ быть иначе. Что эти специалисты скажутъ по поводу желѣзнодорожныхъ рельсовъ, какъ предмета военной контрабанды,—предрѣшить это, конечно, не берусь, но осторожность вѣроятно заставитъ ихъ соблюсти всесторонне военный интересъ.

Вообще я долженъ, въ заключеніе моей рецензіи сказать, что во всѣхъ вопросахъ военнаго права, мы должны прибѣгать къ помощи военныхъ специалистовъ, которые лучше насъ, юристовъ, въ состояніи обсудить настоятельность требованій военной необходимости, которую мы обязаны уважать. Полученное такимъ образомъ, мы можемъ развивать; мы вправѣ поставить новыя требованія, но доказательство достаточной ихъ основательности нуждается сперва въ эмпирической повѣркѣ, для которой нуженъ, отзывъ знатока по вопросамъ о военной необходимости. И факты именно послѣдняго времени доказали намъ, что военные специалисты понимаютъ и уважаютъ интересы человѣчности на войнѣ, не менѣе специалистовъ-юристовъ. Самъ проф. Мартенсъ совершенно справедливо замѣтилъ, что *одни* военные скорѣе привели бы дѣло Брюссельской конференціи къ благопріятному результату. Затѣмъ, послѣ конференціи, весьма авторитетные военные высказались въ пользу проекта Брюссельской декларации, не менѣе толково и не менѣе человѣколюбиво, нежели юристы. Для нашей повѣрки мы будемъ обращаться конечно не только къ военнымъ á la Гартманъ и Рюстовъ (не мѣшаетъ выслушать и ихъ), а будемъ преимущественно искать объясненій людей, какъ Бріальконъ, Лееръ, Фохтъ-Рецъ, Декъ-Бэръ. Существуютъ затѣмъ и другіе не менѣе вѣскіе авторитеты для этой повѣрки нашихъ выводовъ по праву войны, еще не получившихъ обязательной силы на практикѣ; это такіе военные, которые хотя и не имѣли случая высказать свои взгляды на правила и законы международнаго права во время войны, подобно только что названнымъ, путемъ печати или публично, на такомъ собраніи, какъ Брюссельская конференція, — но которые на самомъ дѣлѣ проводили въ жизнь эти правила и законы. Такъ напр. въ послѣднюю войну полководецъ Крюденеръ далъ лучшій примѣръ гуманнаго порядка при бомбардированіи непріятельскаго города и взятіи его штурмомъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ явился сущимъ благодѣтелемъ въ непріятельской странѣ, занятой командуемыми имъ войсками. У такихъ военныхъ могутъ поучиться специалисты по международному праву войны.—Въ виду всего этого не могу согласиться съ мнѣніемъ профессора Мартенса, чтобы члены института международнаго права были вполнѣ компетентными судьями

въ международномъ правѣ войны. Такое абсолютное мнѣніе можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Для удовлетворительнаго рѣшенія вопросовъ по праву войны необходимо знать реальныя условія даннаго вопроса въ жизни. Лучшими судьями здѣсь юристы-публицисты считаться не могутъ; во всякомъ случаѣ мы здѣсь не стоимъ впрочемъ выше компетентныхъ военныхъ спеціалистовъ. Съ этимъ были согласны и разныя мнѣнія, поданныя институту международнаго права и принятыя имъ; и самъ профессоръ Мартенсъ, постоянно ссылается на авторитетъ фактовъ и мнѣній военныхъ, какъ на лучшее подтвержденіе его юридическихъ положеній.

Въ нашей рецензіи мы должны были, конечно, ограничиться указаніемъ на самое существенное. Даже и при этомъ условіи, наша статья должна была расшириться до довольно пространныхъ размѣровъ. Это разумѣется зависѣло отъ того значенія, которое необходимо признать за превосходнымъ сочиненіемъ Профессора Мартенса, какъ по его научному интересу, такъ и по его практической цѣли, которую поставить себѣ было столь современно. Наши критическія замѣтки по поводу отдѣльныхъ вопросовъ могли только доказать нашъ интересъ къ сочиненію столь выдающемуся въ нашей и западно-европейской литературѣ по международному праву. Нѣкоторые изъ затронутыхъ вопросовъ ждутъ еще дальнѣйшей разработки; авторъ безъ сомнѣнія содѣйствовалъ своимъ трудомъ къ возбужденію этой разработки. — И оставляя теперь въ сторонѣ научную сторону сочиненія г. Мартенса, мы должны пожелать, чтобы оно принесло жизни ту культурную пользу, которую принести оно можетъ: чтобы оно укрѣпило въ нашей доблестной арміи сознаніе того значенія, которое себѣ пріобрѣли наши братья, защищать въ тяжелой борьбѣ съ полудикимъ врагомъ святыя интересы человѣчества, не отмщая при этомъ за зло зломъ, а соблюдая, даже при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, законы человѣчности по отношенію къ непріятелю, незнающему ихъ.

О. Эйхельманъ.

(Профессоръ Демидовскаго лицея).

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. С.-Петербургъ, 1867—1879 томъ I—XXVI.

Учрежденію литературныхъ, ученыхъ обществъ и академій на западѣ Европы соотвѣтствовало учрежденіе въ Россіи въ концѣ царствованія Петра Великаго Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Точно также столѣтіемъ позже, сообразно возникновенію различныхъ ученыхъ обществъ для спеціальныхъ цѣлей, происхожденію на западѣ историческихъ обществъ (въ родѣ созданной по инниціативѣ барона Штейна „Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde“ во Франкфуртѣ на Майнѣ), у насъ въ Россіи послѣдовало учрежденіе разныхъ историческихъ обществъ для разработки отечественной исторіи.

Извѣстно въ какой мѣрѣ историческая наука обязана трудамъ и изданіямъ археологическаго общества, общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Одесскаго общества исторіи и древностей и пр.

Весьма важнымъ явленіемъ въ исторіи организаціи труда въ области отечественной исторіи, за послѣднее время, должно считать учрежденіе въ 1866-мъ году „Русскаго Историческаго Общества." Въ продолженіе четырнадцатилѣтняго существованія этого общества цѣли и пріемы его дѣятельности опредѣлились довольно ясно и отчетливо. Они представляютъ богатую коллекцію, состоящую изъ двадцати шести томовъ.*) Мы позволимъ себѣ, хотя и въ самомъ бѣгломъ обзорѣ указать на характеръ трудовъ этого общества и на значеніе его изданій въ отечественной исторіографіи.

Трудъ историка можетъ заключаться главнымъ образомъ или въ собираніи историческихъ данныхъ и матерьяловъ или въ разработкѣ ихъ для частныхъ, т. е. спеціальныхъ монографическихъ цѣлей или же наконецъ въ сопоставленіи результатовъ монографическихъ изслѣдованій для общеисторическихъ выводовъ и сочиненій. Между тѣмъ какъ послѣдній видъ историческаго труда обыкновенно бываетъ предоставленъ отдѣльнымъ ученымъ, личной дѣятельности самостоятельныхъ спеціалистовъ и писателей, собираніе историческихъ матеріаловъ и монографическая разработка историческихъ данныхъ бываютъ особенно плодотворны и успѣшны и принимаютъ громадные размѣры при помощи ассоціаціи или соединенныхъ силъ отдѣльныхъ лицъ. Особенно же изданіе большихъ массъ историческихъ матерьяловъ требуетъ значительныхъ средствъ, многосложной организаціи, спеціальнаго раздѣленія труда, нѣкоторой авторитетности въ отношеніи къ общественнымъ и государственнымъ учрежденіямъ, располагающимъ запасами матерьяловъ. Не даромъ, потому начиная со времени процвѣтанія наукъ въ древней Александріи, представляющей собою первый примѣръ организаціи научнаго труда, особенно при помощи ученыхъ корпорацій собираніе и опубликованіе громадныхъ историческихъ матерьяловъ были особенно успѣшны. Только стоитъ вспомнить о результатахъ дѣятельности болландистовъ при изданіи „Acta sanctorum" въ XVII вѣкѣ, или о громадной коллекціи „Monumenta Germaniae Historica", бывшей плодомъ вышеупомянутаго общества, учрежденнаго въ 1879 году по инниціативѣ барона Штейна.

Точно также и „Русское Историческое Общество" съ самаго начала своего существованія важнѣйшею своею задачею считало собираніе сыраго матерьяла, доставленіе отдѣльнымъ историкамъ средствъ для разработки историческихъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ и въ первыхъ трехъ параграфахъ устава общества говорится слѣдующее:

§ 1. Русское историческое общество имѣетъ цѣлью собирать, обработывать и распространять въ Россіи матерьялы и документы, до отечественной исторіи относящіеся, какъ хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и библіотекахъ, такъ равно и находящіеся у частныхъ людей.

*) Настоящая наша статья писана весною 1880 года.

„§ 2. Общество входитъ въ сношенія съ возможно большимъ числомъ лицъ внутри имперіи, отъ коихъ можетъ ожидать нужныхъ ему свѣдѣній и содѣйствія, а также съ учеными обществами и лицами внѣ имперіи, могущими доставлять ему матерьялы для отечественной исторіи.“

„§ 3. Общество издаетъ Сборникъ, выходящій въ свѣтъ безъ опредѣленныхъ сроковъ и заключающій матерьялы въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ архивахъ и у частныхъ лицъ, съ объясненіями, примѣчаніями, коментаріями, которые признаны будутъ совѣтомъ общества необходимыми. Документы и акты, писанные на иностранныхъ языкахъ, печатаются въ подлинномъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.“

Значитъ особенное, почти исключительное вниманіе обращается на собираніе и изданіе „матерьяловъ“ „документовъ и актовъ.“ Не столько разработка историческихъ матерьяловъ для монографическихъ изслѣдованій сколько обработка ихъ для напечатанія въ сыромъ видѣ считается задачею общества. Отъ настоящаго научнаго труда, т. е. отъ эксплуатаціи архивовъ или архивныхъ данныхъ для составленія законченныхъ историческихъ трудовъ общество отказывалось уже съ самаго начала, довольствуясь сравнительно скромнымъ трудомъ посредничества между владѣльцами архивныхъ бумагъ и настоящими тружениками науки. Создавая путемъ собиранія и изданія сырого матерьяла благопріятныя условія для настоящихъ историческихъ изслѣдованій, общество ограничивается ролью поставщика строительнаго матерьяла, не имѣя въ виду посвятить себя дѣятельности зодчаго. Это направленіе дѣятельности Общества заслуживаетъ полнаго одобренія.

При оцѣнкѣ дѣятельности Общества въ продолженіе всего его существованія, нужно имѣть въ виду именно это направленіе его, эту скромность опредѣленныхъ имъ себѣ задачъ; нельзя отрицать, что при такомъ самоограниченіи результаты дѣятельности Общества были чрезвычайно важны и что она оказывала весьма существенныя услуги наукѣ отечественной исторіографіи.

Въ уставѣ общества однако не говорилось о другомъ ограниченіи его дѣятельности, которое бросается въ глаза при разборѣ всѣхъ томовъ „Сборника.“ Не отечественная исторія вообще, а исключительно новая исторія Россіи—мало того, главнымъ образомъ, исторія царствованія Екатерины II,—была въ продолженіе четырнадцатилѣтней дѣятельности общества, предметомъ его занятій. Исторія XVIII-го вѣка до того преобладаетъ при изданіи матерьяловъ, что напечатаніе въ 24-мъ томѣ депешъ голландскихъ дипломатовъ, относящихся къ началу XVII вѣка оказывается единственнымъ исключеніемъ. Эпохѣ Петра Великаго посвящены томы 11-й (бумаги, указы и пр. Петра) и 24-й (Шереметева); къ ней же относятся нѣкоторые матерьялы, напечатанные въ томахъ 1-мъ, 3-мъ и 20-мъ „дипломатическіе документы относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи“, сообщенные изъ дѣлъ Саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ Марбургскаго Университета Эристомъ Германомъ; матерьялы помѣщенные въ 3-мъ, 5-мъ и 6-мъ томахъ относятся лишь отчасти къ эпохѣ Петра, гораздо-же болѣе ко времени царствованій его непосредственныхъ наслѣдниковъ.

Эпохѣ царствованія императора Александра I посвященъ исключительно весь 21-й томъ, въ другимъ томахъ (2-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ) встрѣчаются также нѣкоторыя данныя, относящіеся ко времени послѣ Екатерины II.

За то эпоха царствованія императрицы Екатерины занимаетъ самое видное мѣсто; изъ 26 томовъ, понынѣ изданныхъ, не менѣе 15 посвящены исключительно времени отъ 1761 до 1796 года; изъ остальныхъ же 11 томовъ большая часть наполнена также значительною долею данными о царствованіи Екатерины.

Не только объёмомъ, но и важностью содержанія, а также и техникою обработки матерьялы, относящіеся къ исторіи Екатерины II далеко превосходятъ все, относящееся къ другимъ предметамъ новой русской исторіи и напечатанное въ „Сборникѣ". Такъ напр. имѣютъ капитальное значеніе историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ (въ 4-мъ, 8-мъ и 14-мъ томахъ), бумаги князя Репнина (въ 15-мъ и 16-мъ томахъ), бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, собранныя и изданныя Пекарскимъ и Гротомъ (въ 7-мъ, 10-мъ и 13-мъ томахъ), депеши англійскихъ дипломатовъ (въ 12-мъ и 19-мъ томахъ), графа Мерси д'Аржанто (въ 18-мъ томѣ), переписка Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II (въ 20-мъ томѣ) и пр. и пр. Все это представляетъ собою неисчерпаемый запасъ самыхъ важныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній о всевозможныхъ сторонахъ исторіи царствованія императрицы Екатерины.

Такое обращеніе главнаго вниманія на новую русскую исторію вообще и на царствованіе Екатерины II въ особенности, въ Сборникѣ Историческаго Общества, вполнѣ соотвѣтствуетъ направленію и содержанію періодическихъ изданій, которыя пріобрѣли, въ новѣйшее время, большое значеніе въ исторической литературѣ. „Русскій Архивъ", „Русская Старина", „Древняя и новая Россія" обращаютъ исключительное вниманіе на новую и новѣйшую исторію Россіи, сообщая множество матерьяловъ и статей для исторіи XVIII и XIX столѣтій; развѣ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ этихъ изданіяхъ посвящаются краткіе замѣтки болѣе отдаленнымъ періодамъ. Во всѣхъ этихъ сборникахъ царствованіе Екатерины II занимаетъ самое видное мѣсто. Накопленіе столь громадныхъ массъ сыраго матерьяла, относящагося къ Екатерининскому времени, заключаетъ въ себѣ въ одно и то же время и облегченіе и затрудненіе для разработки исторіи этого царствованія. Мы, въ настоящее время, снабжены такимъ неизмѣримымъ количествомъ документовъ, дипломатическихъ донесеній, частныхъ писемъ и записокъ этого времени, что разработкою этого необозримаго запаса можно оказать гораздо болѣе важную услугу наукѣ, нежели прибавленіемъ къ нему еще новыхъ данныхъ.

Нельзя не пожелать, чтобы при изданіи историческаго матерьяла, нигдѣ еще не напечатаннаго, издателями было бы указываемо мѣсто, занимаемое этими новыми данными въ накопившемся запасѣ свѣдѣній. Поэтому спеціалисты, при чтеніи вновь издаваемыхъ архивныхъ бумагъ,

особенное вниманіе обращаютъ на замѣчанія издателей въ введеніи или въ комментаріяхъ къ такимъ изданіямъ. Такъ напр. чрезвычайно важное для исторіи послѣднихъ десятилѣтій прошедшаго вѣка изданіе писемъ Екатерины II къ барону Гримму (въ 23-мъ томѣ Сборника), сопровождается введеніемъ, которое можетъ служить образцомъ монографическаго труда этого рода; вообще труды Я. К. Грота въ этомъ отношеніи отличаются почти исключительными у насъ достоинствами историческихъ матерьяловъ:: солидностью и начитанностью, глубокимъ знаніемъ дѣла и обладаніемъ во всѣхъ отношеніяхъ техникою издательской задачи. Изданіе переписки императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ (въ 17-мъ томѣ Сборника) сопровождается также прекраснымъ введеніемъ, написаннымъ А. Половцовымъ и заключающимъ въ себѣ оцѣнку значенія историческаго факта этой переписки, біографію Фальконета и исторію изваянія статуи Петра Великаго. Чрезвычайно полезенъ также трудъ Д. В. Полѣнова при приведеніи въ порядокъ огромнаго количества дѣловыхъ бумагъ и свѣдѣній о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Издатель не довольствовался напечатаніемъ архивныхъ дѣлъ: томы 5-й, 8-ой и 14-й сопровождаются предисловіями богатыми содержаніемъ; документы связываются историческимъ разсказомъ, весь трудъ такимъ образомъ приближается къ формѣ исторической монографіи.

Нельзя не пожалѣть, что не всѣ изданія Историческаго Общества сопровождаются такими работами; такою оцѣнкою важности издаваемаго историческаго матерьяла, такими біографическими свѣдѣніями или указаніемъ на источники даннаго историческаго предмета. Между тѣмъ какъ напр. изданіе бумагъ князя Репнина за время управленія его Литвою (въ 16-мъ томѣ) сопровождается дѣловымъ біографическимъ очеркомъ, введеніе къ изданію бумагъ Шереметева (въ 25-мъ томѣ) оказывается недостаточнымъ и скуднымъ. Спеціалисты, принимающіеся за чтеніе этихъ дѣловыхъ бумагъ были въ правѣ ожидать отъ издателей объясненія вопроса объ отношеніяхъ этихъ писемъ къ прежде изданнымъ и т. п. Между тѣмъ какъ депеши графа Мерси д'Аржанто (въ 18-мъ томѣ), депеши англійскихъ дипломатовъ (въ 12-мъ и 19-мъ томахъ), депеши графа Сольмса (въ 22-мъ томѣ) сопровождаются краткимъ введеніемъ, объясняющимъ положеніе дѣлъ въ данное время и указывающимъ на значеніе новаго матерьяла, дѣловыя бумаги времени императора Александра I (въ 21-мъ томѣ) напечатаны безъ всякаго объясненія или введенія. Такихъ томовъ Сборника, лишенныхъ всякаго комментарія, насчитывается нѣсколько.

Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи Русское Историческое Общество могло бы сдѣлать гораздо болѣе; услуга, оказываемая наукѣ была бы гораздо существеннѣе при болѣе тщательномъ вниманіи къ техникѣ дѣла при изданіи историческихъ матерьяловъ. При сравненіи напр. переписки императрицы Екатерины II съ Іосифомъ II, изданной г. Арнетомъ въ Вѣнѣ десять лѣтъ тому назадъ съ перепискою императрицы Екатерины съ Фридрихомъ II въ 20-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества нельзя не замѣтить, что весьма дѣльныя и чрезвычайно тщательно составленныя замѣчанія, которыми г. Арнетъ

сопровождаетъ свое изданіе, свидѣтельствуетъ о научномъ отношеніи къ предмету, между тѣмъ какъ механическое воспроизведеніе въ Сборникѣ столь важныхъ документовъ, каковы письма прусскаго короля и Екатерины, безъ всякихъ объясненій, не соотвѣтствуетъ требованіямъ науки. Здѣсь и тамъ сопровождающія эту переписку краткія замѣтки, то на нѣмецкомъ то на русскомъ языкѣ, неудовлетворительны; мы не въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ даже распознать авторовъ и источники этихъ замѣтокъ; вопросъ о томъ, принадлежатъ ли эти замѣтки одному изъ чиновниковъ Берлинскаго архива или издателю или кому нибудь другому остается часто сомнительнымъ; о первоначальной ороографіи писемъ ничего не сказано; о томъ, можетъ ли считаться рядъ этихъ писемъ совершенно полнымъ или представляющимъ пробѣлы не говорится и пр.

Также напр. помѣщеніе между бумагами лорда Каскарта (въ 12 томѣ) письма графа Миниха къ князю Лобковичу отъ 1739 свидѣтельствуетъ о нѣсколько механическомъ отношеніи издателей къ дѣлу. То случайное обстоятельство, что между бумагами англійскаго дипломата 1770 года, хранящимися въ „Foreign office“ или въ „State Paper office“ нашлось это письмо его тѣмъ менѣе могло быть поводомъ къ его изданію, что оно нѣсколько разъ уже ранѣе было напечатано въ различныхъ изданіяхъ записокъ Манштейна.

Далѣе, мы позволяемъ себѣ указать на слѣдующее обстоятельство, не лишенное важности для спеціалистовъ, пользующихся матерьялами, издаваемыми въ Сборникѣ Историческаго Общества. При изданіи депешъ графа Мерси д'Аржанто (въ 18-мъ томѣ Сборника) было составлено весьма полное оглавленіе, въ которомъ кратко указано на содержаніе каждаго донесенія. Къ сожалѣнію этотъ примѣръ подробнаго оглавленія остался исключеніемъ. Оглавленія же въ родѣ тѣхъ, которыя предпосылаются депешамъ дипломатовъ въ 12-мъ, 19-мъ и 21-мъ томахъ могутъ считаться почти вовсе безполезными.

Каждый томъ „Сборника“ сопровождается „Азбучнымъ указателемъ именъ“ и этотъ трудъ весьма полезенъ для пользованія всѣмъ изданіемъ. Этотъ указатель, пожалуй даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ полное оглавленіе сообщенныхъ документовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, составители азбучныхъ указателей именъ даже придавали къ нимъ нѣкоторыя, похожія на комментарій замѣчанія, большею частью біографическія данныя („род... + ...“) или иногда и указанія на тѣ книги, въ которыхъ говорится объ упоминаемыхъ лицахъ. При скудости и случайности такихъ прибавленій, въ которыхъ всетаки не обращается достаточное вниманіе на источниковѣдѣніе даннаго предмета, мы не можемъ придавать имъ особенное значеніе. За то мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что издатели Сборника ограничиваются составленіемъ азбучныхъ указателей именъ, не рѣшаясь присоединить къ нимъ указатели предметные (Sachregister); разумѣется, мы понимаемъ, что составленіе такихъ указателей требуетъ гораздо болѣе труда и — главное — гораздо болѣе основательнаго знакомства съ предметомъ, нежели составленіе указателей именъ.

Наконецъ, намъ кажется, что въ большей части случаевъ печатаніе, кромѣ подлинныхъ документовъ, ихъ перевода на русскій языкъ из-

лишне. Переводъ иногда можетъ быть неточенъ, — можно указать на такіе случаи неисправности въ Сборникѣ; специалисты все таки при монографическихъ изслѣдованіяхъ должны обращаться къ подлинникамъ. Составленіе и печатаніе переводовъ сопряжено съ весьма большими расходами. Публика, не могущая читать нѣмецкія, французскія и англійскія депеши, едва ли вообще займется чтеніемъ Сборника; однако Уставъ въ 3-мъ параграфѣ требуетъ прибавленіе къ подлинникамъ переводовъ. Мы съ удовольствіемъ въ 23-мъ томѣ Сборника встрѣтили нововведеніе: сообщеніе писемъ Екатерины къ Гримму безъ такого перевода, который затѣмъ явился въ „Русскомъ Архивѣ".

Какъ уже выше было сказано, Русское Историческое Общество считало съ самаго начала своего существованія главною или даже исключительною своею задачею сообщеніе новыхъ историческихъ матерьяловъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь и тамъ встрѣчаются, хотя и въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія монографическіе труды. Такъ напр. достойны особеннаго вниманія прекрасныя статьи: Полѣнова, Законодательная Коммиссія при Императорѣ Петрѣ II (въ 2-мъ томѣ), Я. К. Грота, Сотрудничество Екатерины II въ „Собесѣдникѣ" княгини Дашковой и т. п. Наконецъ 26-ой томъ „Сборника" представляетъ собою тяжеловѣсный монографическій трудъ Григоровича, біографію графа Безбородки. Быть можетъ появленіе этого труда обозначаетъ нѣкоторую перемѣну въ программѣ дѣятельности общества. Услуги, оказанныя имъ наукѣ отечественной исторіи чрезъ изданіе новыхъ матерьяловъ, чрезвычайно значительны. Но при столь громадномъ запасѣ неразработанныхъ историческихъ данныхъ, невольно можно вспомнить выраженіе древняго греческаго философа, называвшаго исторію „ἀμέθοδος ὕλη" или замѣчаніе Канта въ его статьѣ о всеобщей исторіи: „Die Umständlichkeit ist bedenklich. Wie werden es unsere spätere Nachkommen anfangen die Last von Geschichte zu fassen?" Нельзя не желать, чтобы и къ области исторической науки, какъ и къ другимъ областямъ знанія была бы примѣняема истина, высказанная Лейбницемъ: „les sciences abrègent en augmentant."

А. Брикнеръ.

(Профессоръ Имп. Дерптскаго Университета).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Н. С. Таганцева, Курсъ русскаго уголовнаго права. Часть общая, книга I, выпускъ III. Спб. 1880.

Первая половина текущаго года обогатила нашу литературу нѣсколькими уголовно-юридическими изданіями. Видное между ними мѣсто занимаетъ трудъ профессора с.-петербургскаго университета Н. С. Таганцева, заглавіе котораго приведено выше.

„Курсъ" г. Таганцева началъ появляться въ печати съ 1874 года, когда вышелъ первый его выпускъ ученія о преступленіи, трактовавшій о субъектѣ и объ объектѣ преступленія. Послѣ четырехъ-лѣтняго пере-

рыва, въ 1878 г., появился второй выпускъ, самый капитальный, излагавшій ученія о внутренней и о внѣшней сторонѣ преступнаго дѣянія. Вышедшимъ нынѣ выпускомъ, который содержитъ въ себѣ ученіе о соучастіи, авторъ заканчиваетъ отдѣлъ о преступленіи.

Эти длинные перерывы вполнѣ объясняются характеромъ почтеннаго изданія профессора Таганцева.

Оно занимаетъ среднее мѣсто между „курсами" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которые ставятъ себѣ задачею въ самомъ сжатомъ видѣ свести къ одному знаменателю накопившійся по данной области знанія матерьялъ, и „монографіями", разрабатывающими предметъ нетолько въ общихъ его чертахъ, но и въ деталяхъ, которые для спеціалиста представляютъ особенный интересъ, но обработка которыхъ требуетъ больше времени и труда. Многія части курса г. Таганцева до такой степени детальны, что скорѣе принадлежатъ къ типу трудовъ монографическихъ.

Этотъ характеръ носитъ весь третій выпускъ его, посвященный ученію о соучастіи, въ высшей степени интересному и едва-ли не самому богатому монографической разработкой въ литературахъ иностранныхъ, преимущественно въ германской. Съ извѣстною уже читателямъ сочиненій Н. С. Таганцева эрудиціею, авторъ излагаетъ догматическое ученіе о соучастіи, оставаясь на почвѣ сравнительнаго правовѣдѣнія. Слѣдуя послѣднимъ указаніямъ науки и оставаясь вѣренъ своимъ положеніямъ о причинной связи (вып. II стр. 297 и сл., 307 и сл.), авторъ раздѣляетъ соучастіе въ преступленіи на двѣ группы: соучастіе въ тѣсномъ смыслѣ (§ 1) и прикосновенность (§ 2). Изложивъ сперва понятіе о соучастіи въ тѣсномъ смыслѣ, его общіе признаки и его формы (скопъ: сговоръ, шайка), авторъ переходитъ къ вопросу о видахъ участія и объ отвѣтственности соучастниковъ, по которому имъ представлена весьма подробная разработка сравнительно догматическаго матерьяла въ его историческомъ развитіи. Онъ сводитъ участвующихъ въ совершеніи преступленія къ тремъ типамъ: 1) физическіе исполнители, принимавшіе участіе въ самомъ совершеніи преступленія; 2) пособники, словомъ или дѣломъ оказавшіе содѣйствіе исполнителямъ, и 3) подстрекатели, вовлекшіе другихъ въ сообщество. Но это дѣленіе авторъ принимаетъ только „съ точки зрѣнія классификацій", замѣчая, что „всякія попытки различать a priori, въ интерессахъ наказуемости, категоріи участвующихъ, какъ объективныя, такъ и субъективныя, оказываются несостоятельными" (стр. 52). Какъ видно изъ послѣдующаго изложенія, это не совсѣмъ ясно формулированное положеніе означаетъ, что авторъ, примыкая къ французскому типу, находитъ неправильнымъ установленіе въ самомъ законѣ какихъ либо, какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ признаковъ разграниченія между участвующими лицами по важности наказанія и, слѣд., требуетъ уравненія въ законѣ по наказуемости всѣхъ соучастниковъ, съ тѣмъ, чтобы судъ, по соображеніи индивидуальныхъ условій дѣятельности каждаго, отдѣлялъ самъ маловажныхъ участниковъ отъ главныхъ. Весьма подробно въ разсматриваемомъ курсѣ излагается также ученіе о подстрекательствѣ (стр. 64 и сл.), за которымъ слѣдуютъ любопытные вопросы о вліяніи на отвѣтственность каждаго изъ участниковъ увеличивающихъ и уменьшающихъ

вину обстоятельствъ (стр. 97 и сл.) и объ условіяхъ, при которыхъ наказуемость ихъ можетъ отпасть (стр. 113 и сл.). Закончивъ этимъ ученіе о соучастіи въ тѣсномъ смыслѣ, авторъ переходитъ къ прикосновенности, которая ставится имъ совершенно иначе, чѣмъ дѣйствующимъ нынѣ русскимъ уголовнымъ законодательствомъ. Дѣйствія. въ нее входящія, по замѣчанію автора, составляютъ особыя самостоятельныя преступленія; потому ее нельзя разсматривать какъ особый типъ соучастія и даже какъ дополнительное совиновничество. Это положеніе роскошно иллюстрируется данными исторіи законодательствъ и науки права (стр. 120 и сл.). Переходя за тѣмъ къ положительному русскому матерьялу, авторъ подвергаетъ сперва внимательной критической оцѣнкѣ общую постановку у насъ прикосновенности, затѣмъ (стр. 150 и сл.) предлагаетъ драгоцѣнный, даже послѣ трудовъ г. Неклюдова, для практики анализъ отдѣльныхъ типовъ прикосновенности попустительства, укрывательства и недонесенія.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе новаго выпуска труда профессора Таганцева. Важность вопроса, о которомъ онъ трактуетъ, тщательная разработка его какъ въ общей постановкѣ, такъ и въ деталяхъ, основанная на внимательномъ изученіи обширной литературы, дѣлаютъ настоящій выпускъ особенно пріятнымъ пріобрѣтеніемъ для русскихъ юристовъ.

Въ немъ мы получаемъ обстоятельную работу о соучастіи въ преступленіи, имѣющую всѣ достоинства труда монографическаго и, въ тоже время, избѣгающую важнаго недостатка, въ который нерѣдко впадаютъ монографіи—односторонности, такъ какъ авторъ провѣряетъ положенія о соучастіи началами, помѣченными имъ въ изданныхъ уже выпускахъ курса.

Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ всему принятому авторомъ ученію ясность, послѣдовательность и стройность. Но въ немъ не нужно искать объясненія и неправильныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ авторомъ по нѣкоторымъ вопросамъ этого ученія.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что отвѣтъ, выведенный дедуктивно изъ извѣстнаго общаго положенія, будетъ хорошъ, правиленъ тогда только, когда хорошо то общее начало, котораго онъ является логическимъ выводомъ. Новый трудъ г. Таганцева долженъ быть оцѣниваемъ въ связи съ изданными имъ уже выпусками курса, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ является лишь приложеніемъ къ спеціальному ученію о соучастіи общихъ началъ, принятыхъ имъ ранѣе.

Еще во второмъ выпускѣ (стр. 266 и сл.) авторъ защищалъ положеніе, что „способъ дѣйствія не имѣетъ вліянія на юридическую конструкцію преступленія“. Хотя тогда онъ допускалъ отсюда и исключеніе, замѣчая (стр. 271) что въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ дѣйствія служитъ основаніемъ разграниченія неправды уголовной отъ неправды гражданской, „является существеннымъ условіемъ самого бытія преступленія“, но это исключеніе въ его глазахъ, только подкрѣпляло силу общаго правила. На немъ онъ твердо стоитъ и въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи.

Посмотримъ же, куда автора привелъ этотъ избранный имъ маякъ.

„Для подстрекательства—говоритъ онъ (стр. 64)—необходимо только доказательство вовлеченія въ преступленіе, но безразлично, какими путями и средствами совершилось это вовлеченіе. Все ученіе о средствахъ подстрекательства авторъ относитъ къ казуистическимъ тонкостямъ схоластики, и находитъ, что всякое дѣйствіе или бездѣйствіе, которымъ другое лицо было вовлечено въ преступленіе, отвѣчаетъ понятію наказуемаго подстрекательства. Разрѣшеніе вопроса, было или нѣтъ данное дѣяніе подстрекательствомъ, должно зависѣть не отъ способовъ дѣятельности, а единственно отъ существованія или отсутствія въ данномъ случаѣ причинной связи. Обыкновенно оно является въ простѣйшей формѣ прямаго направленія воли совершившаго, но оно возможно и подъ видомъ склоненія къ противоположному, запрета того дѣйствія, котораго совершеніе вмѣняется исполнителю. Развивая это положеніе, авторъ идетъ такъ далеко, что признаетъ наказуемое подстрекательство и въ тѣхъ случаяхъ, когда склоненіе къ противуположному, запрещеніе преступнаго дѣйствія, вызвало его благодаря упрямому, самолюбивому, самодурному характеру подговариваемаго, для котораго чей либо совѣтъ всегда являлся основаніемъ совершенно противоположной дѣятельности. Въ выноскѣ (278) поясняется, что здѣсь авторъ имѣетъ въ виду типы Островскаго изъ темнаго царства.

Далѣе этого распространять дѣйствіе уголовнаго правосудія едва-ли возможно. Самые характерные типы самодуровъ Островскаго—Большовъ („Свои люди сочтемся“), Торцовъ („Бѣдность не порокъ“), Брусковъ („Въ чужомъ пиру похмѣлье“) и наиболѣе изъ нихъ симпатичный Русаковъ („Не въ свои сани не садись“). Большовъ становится злостнымъ банкротомъ вслѣдствіе сложнаго духовнаго процесса, первымъ моментомъ котораго было—нежеланіе разстаться съ деньгами, вторымъ—злоба на кредиторовъ вслѣдствіе отказа ихъ принять предложенную сдѣлку, третьимъ—„юридическія“ наставленія Рисположенскаго. Если прокурорскій надзоръ предположитъ, что кредиторы упорно отказывались отъ предложенной имъ сдѣлки вслѣдствіе зависти къ Большову и желанія видѣть его банкротомъ, то, по теоріи Таганцева, онъ воленъ привлечь всѣхъ ихъ на скамью подсудимыхъ въ качествѣ подстрекателей Большова, да кстати прибавить къ нимъ и Рисположенскаго. Торцовъ, Брусковъ—матерьялъ, еще легче поддающійся дѣйствію упрямства, еще болѣе удобный для составителя обвинительныхъ актовъ. Легко видѣть, однако, что примѣненіе къ этимъ типамъ теоріи г. Таганцева означало бы возвращеніе къ навсегда, надѣемся, оставленному порядку инквизиціи, который возложилъ бы на судъ обязанность читать не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а исключительно въ сердцахъ, и при которомъ никто не былъ бы обезпеченъ отъ скамьи подсудимыхъ.

Структура подстрекательства далеко не такъ проста, какъ можно заключить изъ сочиненія г. Таганцева. Авторъ строитъ ее на началахъ причинности; но при спеціальномъ изложеніи вопроса о причинной связи (вып. 2, стр. 315 и сл., 321) онъ самъ указывалъ, что при произведеніи преступнаго послѣдствія силами нѣсколькихъ лицъ связь перваго дѣйствія и результата исчезаетъ, если второе лице само отвѣчаетъ за совершенное и присоединившійся дѣйствовалъ умышленно.

Правда авторъ оговаривалъ, что иначе этотъ вопросъ ставится при соучастіи (п. 413), но тогда никакихъ этому доказательствъ не представлялъ. Онѣ должны были появиться во вновь изданномъ выпускѣ, гдѣ подобіе разрѣшенія этого вопроса мы находимъ только на стр. 74. Трудно назвать его сколько нибудь удачнымъ. Примыкая положенія свои къ теоріи закономѣрности человѣческихъ дѣйствій, авторъ говоритъ: „если каждое лицо въ своей дѣятельности опредѣляется мотивами, вытекающими частью изъ собственнаго опыта, характера, привычекъ дѣйствующаго, частью изъ обстоятельствъ, окружающихъ виновнаго въ данный моментъ, то, конечно, въ числѣ послѣднихъ можетъ быть и прямое воздѣйствіе третьяго лица. Дѣйствія лица, совершенныя вслѣдствіе подговора, убѣжденій другаго, — являются *вполнѣ аналогичными* (sic) съ дѣйствіями, вызванными ощущеніями голода, жажды, а потому вмѣняются совершившему, такъ что наличность подговора не исключаетъ отвѣтственности подговореннаго“. Что касается подговорщика, то для *обоснованія* отвѣтственности его за совершенное виновникомъ преступленіе не приводится никакихъ общихъ философскихъ соображеній; говорится лишь, что отвѣтственность его вытекаетъ изъ возбужденія, вовлеченія имъ виновника на совершеніе преступленія, причемъ разсматриваются подробно признаки такого вовлеченія (nn° 454, 455, 456, 457, 463, 464). Но во 1-хъ одна ссылка на теорію закономѣрности ничего не разрѣшаетъ; по началамъ ея, съ равною основательностью можно утверждать, что вовлекающею въ преступленіе дѣятельностью слѣдовало-бы признать дѣятельность родителей, оставившихъ свое дитя безъ средствъ жизни, наставниковъ, не сообщившихъ ему подлежащихъ нравственныхъ правилъ, всей власти государственной, не достаточно пекущейся о благосостояніи гражданъ; во 2-хъ, если бы дѣйствія, вызываемыя подговоромъ, были вполнѣ аналогичны тѣмъ, которыя совершаются вслѣдствіе голода, жажды и т. под., то къ нимъ слѣдовало бы примѣнять и общія начала о состояніи крайней необходимости, независимо, притомъ, отъ способовъ подстрекательства; въ 3-хъ, выставивъ положеніе, что умышленная присоединяющаяся дѣятельность другаго лица уничтожаетъ причинную связь первой дѣятельности съ результатомъ, авторъ не предлагаетъ обѣщанныхъ во второмъ выпускѣ доказательствъ, что отсюда слѣдуетъ допустить исключеніе для подстрекателей, между тѣмъ само собою это не можетъ подразумѣваться: міръ сознанія и желаній, на который приходится дѣйствовать подстрекателю, до такой степени сложенъ, произведенное виновникомъ послѣдствіе является результатомъ условій до такой степени разнообразныхъ, и вліяніе подстрекателя до такой степени переплетается здѣсь съ индивидуальными импульсами физическаго виновника, что въ интересахъ научныхъ было-бы желательно болѣе тщательная разработка вопроса о причинной связи подстрекательствъ съ совершившимся преступленіемъ.

Мы привели положеніе г. Таганцева, согласно которому всякое вовлеченіе въ преступленіе, какими бы способами оно произведено ни было, относится къ наказуемому подстрекательству. Однако самъ авторъ

не могъ съ полною послѣдовательностью выдержать это начало. Отступленія отъ него мы видимъ въ слѣдующемъ.

Изъ показуемаго подстрекательства онъ выдѣляетъ возбужденіе къ преступленіямъ путемъ печати или публично произнесенныхъ рѣчей (стр. 67 и сл.). Правда, въ основаніе такого выдѣленія приводится тотъ аргументъ, что для подстрекательства необходимо возбужденіе „къ данному опредѣленному преступленію, а не къ преступнымъ идеямъ и планамъ вообще“, но, во 1-хъ слово, обращаемое къ неопредѣленному множеству лицъ, можетъ быть направлено къ возбужденію цѣлаго ряда преступленій, можетъ дѣйствительно вызвать этотъ результатъ, и все таки не становится подстрекательствомъ; 2) если путемъ устнаго слова допускается подстрекательство даже въ формѣ непрямого возбужденія или замаскированнаго возраженія (стр. 81 и 82), то совершенно не понятно почему авторъ, соглашаясь съ бельгійскимъ криминалистомъ Гаусомъ, утверждаетъ, что не прямое возбужденіе путемъ печати не есть подстрекательство. Очевидно, спорить противъ этого безпорнаго въ современной юриспруденціи положенія авторъ не могъ; но не менѣе ясно, что оно стоитъ въ рѣдкомъ противорѣчіи съ его теоріей.

Далѣе, авторъ былъ также вынужденъ выдѣлить изъ подстрекательства безмолвное порученіе (стр. 79) и тѣ случаи, когда преступленіе совершается по истеченіи весьма значительнаго промежутка времени послѣ подговора. „Нельзя, говоритъ онъ, считать подстрекателемъ лицо, нѣсколько лѣтъ тому назадъ склонявшее другого къ преступленію и уже, можетъ быть, даже забывшее о своемъ подговорѣ“, и прибавляетъ: „судья долженъ тщательно разсмотрѣть, существовала-ли причинная связь въ данномъ случаѣ, между подговоромъ и совершеннымъ преступленіемъ“. Намъ кажется, что между этими двумя положеніями существуетъ непримиримое противорѣчіе. Если и здѣсь разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону зависитъ отъ усмотрѣнія суда, то незачѣмъ было говорить о немъ особо. Выдѣляя его и отводя ему самостоятельное мѣсто, авторъ, очевидно, сказалъ, что не всякое возбужденіе къ совершенію преступленія должно быть относимо къ подстрекательству, а только, удовлетворяющее извѣстнымъ условіямъ, — и именно, какъ видно изъ приведеннаго случая, между прочимъ условію *внѣшней распознаваемости* связи вовлеченія съ совершившимся преступленіемъ. А если такъ, то, въ свою очередь, *способъ* вовлеченія, какъ одинъ изъ весьма важныхъ признаковъ внѣшней распознаваемости, тѣмъ самымъ является необходимымъ признакомъ наказуемаго подговора.

Авторъ, какъ уже замѣчено, выступаетъ противникомъ всякихъ разграниченій соучастія въ тѣсномъ смыслѣ *по наказуемости*. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому очень смѣлому въ нашей литературѣ положенію, хотя бы, потому уже, что новый судъ нуждается и въ новой конструкціи уголовно-юридическихъ нормъ.

Равнымъ образомъ мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ ту прекрасную разработку ученія о прикосновенности, съ постановкою его на совершенно новую почву, которая дана г. Таганцевымъ. Въ этой части

труда наиболѣе цѣнны критическія замѣчанія автора относительно дѣйствующаго законодательства.

Дм. Тальберга, Насильственное похищеніе имущества по русскому праву (разбой и грабежъ). С.-Петербургъ, 1880 г.

Имя молодаго автора этого труда появляется въ нашей печати уже не въ первый разъ. Оно встрѣчалось на страницахъ „кіевскихъ университетскихъ извѣстій", московскаго „юридическаго вѣстника", „Русской старины" и „Вѣстника Европы", гдѣ въ прошломъ году г. Тальбергъ помѣстилъ дѣльную работу относительно нашей сахалинской ссылки.

Но всѣ предшествующія работы г. Тальберга посвящались пенитенціарному вопросу и были журнальными статьями. Теперь авторъ впервые выступаетъ съ подробною монографіею историко-догматическаго свойства, которая, какъ намъ извѣстно, составляетъ его магистерскую диссертацію.

Этотъ родъ сочиненій поставленъ въ совершенно особое, исключительное положеніе. Онѣ вынуждены сообразоваться не только и даже не столько съ потребностями читателей, сколько съ требованіями даннаго факультета, мало того — спеціалиста по извѣстному предмету въ данномъ факультетѣ. На магистерскихъ диссертаціяхъ лежитъ обыкновенно печать двухъ лицъ: автора и профессора, подъ руководствомъ котораго онъ работаетъ, который иногда (какъ бываетъ въ иныхъ университетахъ) диктуетъ самую тему. Задача книги свободной — развить опредѣленную мысль; ближайшая задача диссертаціи магистерской — обнаружить пріобрѣтенныя знанія. Такъ, по крайней мѣрѣ, ставится вопросъ практически и такъ онъ будетъ постоянно ставиться, пока существуетъ система этихъ срочныхъ работъ, выполняемыхъ торопливо и, обыкновенно, при мало благопріятныхъ условіяхъ.

Трудъ г. Тальберга свидѣтельствуетъ, что авторъ, стоявшій подъ руководствомъ такого солиднаго ментора, какъ профессоръ Кистяковскій, успѣлъ пріобрѣсти весьма основательныя познанія въ области уголовнаго права и вышелъ съ честью въ такомъ новомъ для него родѣ труда, какъ историко-догматическое изслѣдованіе. Сочиненіе автора носитъ по преимуществу характеръ исторической разработки, рисующей автора весьма начитаннымъ, внимательнымъ и добросовѣстнымъ труженикомъ. Въ первыхъ пяти главахъ своего сочиненія, онъ излагаетъ исторію русскаго и литовскаго законодательствъ о насильственномъ похищеніи чужаго имущества, ставя ее мѣстами въ связь съ данными исторіи народовъ западно-европейскихъ. При изложеніи историческомъ, авторъ идетъ обыкновенно къ первымъ источникамъ, не довольствуясь пособіями. Шестая и послѣдняя глава посвящена догматическому анализу дѣйствующаго законодательства; очевидно, на разработку ея у автора не хватило времени, почему здѣсь попадаются мѣстами шероховатости и недосмотры. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ примѣровъ этого рода — отожествленіе предмета преступленія въ разбоѣ и грабежѣ (стр.

126 и сл.), между тѣмъ какъ ст. 1627 и 1637 улож. о наказ. не даютъ на это права.

Впрочемъ, встрѣчающіеся въ книгѣ г. Тальберга недосмотры находятъ себѣ достаточное объясненіе въ срочномъ характерѣ диссертацій. Тоже обстоятельство, очевидно, вызвало и малоразвитость, — сухость слога, которая скрадываетъ огромный трудъ, положенный авторомъ, вредитъ книгѣ въ глазахъ читающей массы, и которой мы не встрѣчали въ прежнихъ произведеніяхъ г. Тальберга. Но несмотря на это, новое его сочиненіе представляетъ собою весьма пріятное явленіе въ нашей уголовно-юридической литературѣ, какъ первая попытка строго-научнаго изслѣдованія весьма важной области имущественныхъ преступленій. Авторъ съ полнымъ правомъ пріобрѣлъ ученую степень и обѣщаетъ стать однимъ изъ полезныхъ дѣятелей въ рядахъ русскихъ криминалистовъ.

Н. Д. Сергѣевскаго, О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ. Ярославль, 1880 г.

Сочиненіе г. Сергѣевскаго также принадлежитъ къ области диссертацій, но оно является представителемъ другаго типа, чѣмъ трудъ г. Тальберга: послѣдній имѣетъ своимъ предметомъ разработку положительнаго матерьяла въ его историческомъ развитіи, первое есть изслѣдованіе по отвлеченному вопросу о значеніи причинной связи, на основаніи главнымъ образомъ германской доктрины.

Г. Сергѣевскій обратилъ на себя вниманіе читающихъ юристовъ вступительною по уголовному праву лекціею, которая была помѣщена въ „Журн. гражд. и угол. пр." Ясность слога и мысли, живое и теплое отношеніе къ предмету, новыя струны, мастерски затронутыя лекторомъ пріятно поразили читателей и, по всей вѣроятности, еще болѣе слушателей его устной рѣчи. По лекціи этой можно было судить, что г. Сергѣевскій обладаетъ позитивнымъ складомъ ума и съ наибольшимъ успѣхомъ обѣщаетъ работать въ направленіи историческомъ и сравнительно — догматическомъ.

Вышедшее въ свѣтъ сочиненіе его, къ сожалѣнію, принадлежитъ совершенно къ другому типу, что отнюдь не послужило въ пользу автора.

Прежде всего является вопросъ: существуетъ-ли особое понятіе причинной связи въ смыслѣ уголовно-юридическомъ, — такъ какъ только при утвердительномъ на него отвѣтѣ можно объяснить попытку, и притомъ первую попытку начинающаго автора, разъяснить его на основаніи наличнаго запаса *уголовно-юридическихъ* познаній.

Авторъ, понятно, долженъ былъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. „Констатированіе причинной связи между явленіемъ и дѣйствіями человѣка есть необходимый предварительный актъ при разрѣшеніи вопроса о *вмѣненіи* этого явленія этому лицу". Отсюда выводится, что „*теорія права* (?) должна выработать такую формулу, посредствомъ которой можно было бы опредѣлить наличность между дѣйствіемъ и послѣдствіемъ необходимой для вмѣненія связи" (стр. 15). Если же вопросъ ставится о вмѣненіи уголовно-юридическомъ, то, по мнѣнію автора, должна

быть рѣчь и о причинной связи въ томъ же уголовноюридическомъ смыслѣ (стр. 73, 86).

Но такое расчлененіе понятія причинной связи на значительное число „смысловъ“ или видовъ только запутываетъ дѣло. Понятіе причинной связи вовсе не относится ни къ области понятій юридическихъ вообще, ни уголовно-юридическихъ въ частности, и изъ того, что криминалистъ долженъ опираться на него, настолько же вытекаетъ необходимость или даже возможность разработки его по уголовно-юридическимъ пріемамъ и на основаніи уголовно-юридическаго запаса знаній, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что уголовное право должно заняться ученіемъ о происхожденіи идей, такъ какъ въ немъ лежитъ разрѣшеніе уголовно-юридическаго вопроса о преступномъ умыслѣ, или о народномъ благосостояніи, такъ какъ имъ условливается лѣстница наказаній и даже объемъ запрещенныхъ дѣяній, и т. под. При подобномъ пріемѣ, очевидно, подъ уголовное право можно было бы подвести всѣ области знанія, до физики и химіи включительно.

Огромный вредъ такого пріема понятенъ. Съ особенною энергіею нужно возставать противъ предвозвѣстниковъ его у насъ, такъ какъ, въ виду бѣдности нашей литературы, мы должны направлять всѣ наши силы на настоятельныя нужды юриспруденціи, не растрачивая ихъ по сторонамъ.

Законъ причинности есть законъ физическій. Вводя въ него элементъ свободной воли, получается возможность разсматривать его и въ системѣ этики, — но не дальше: право беретъ это понятіе готовымъ, основывается на немъ, прилагаетъ его къ юридическимъ явленіямъ, но не можетъ, не должно разработывать его, такъ какъ въ правовомъ матерьялѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для его разрѣшенія. Взявшись за него, юриспруденція можетъ лишь замѣнить его метафизическими пріемами, унаслѣдованными ею въ такомъ обиліи отъ прежняго времени, да и теперь еще благополучно разработываемыми на ея нивахъ.

Сочиненіе г. Сергѣевскаго, всѣмъ своимъ содержаніемъ, подтверждаетъ эту мысль.

Авторъ говоритъ, что ему нужна разработка вопроса о причинной связи для полученія формулы вмѣненія. Но о какомъ вмѣненіи ведетъ онъ свою рѣчь (стр. 15, 18, 73, 86, 93 и мн. др.)? Хотя въ формулѣ, предложенной на стр. 86, говорится о вмѣненіи „въ смыслѣ уголовнаго права“, но всѣ указанные здѣсь признаки одинаково приложимы какъ къ родовому обще-этическому понятію вмѣненія, такъ и къ видовымъ его подраздѣленіямъ. „Дѣйствія человѣка, говоритъ онъ, бываютъ причиной въ смыслѣ уголовнаго права (вѣрнѣе — этики) тогда, когда они служатъ однимъ изъ условій явленія и когда, при этомъ, они совершаются съ предвидѣніемъ или съ возможностію предвидѣнія этого явленія какъ послѣдствія; всякое послѣдствіе, стоящее за предѣлами возможности предвидѣнія, представляется для уголовнаго права (но тоже — и для этики вообще) стоящимъ и за предѣлами причинной цѣпи; силы присоединяющіяся не прерываютъ причинной связи, если онѣ имѣютъ значеніе силъ, совпадающихъ или если онѣ могли быть и дѣйствительно были предусмотрѣны дѣятелемъ; *преступная дѣятельность другаго лица, являющагося въ качествѣ присоединяющейся силы, не прерываетъ причинной связи только тогда,*

когда первоначальный дѣйствующій имѣлъ относительно присоединенія ея спеціальныя указанія; сложеніе въ развитіи послѣдствія, т. е. большее или меньшее количество присоединяющихся силъ, а равно и размѣръ времени, протекшаго между дѣйствіемъ и возникновеніемъ послѣдствія, не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. „Только тѣ строки, которыя напечатаны курсивомъ, имѣютъ спеціальное приложеніе къ уголовному праву, хотя и здѣсь слова „преступная дѣятельность“ могли бы съ удобствомъ быть замѣнены выраженіемъ „вмѣняемая дѣятельность“. Но именно онѣ и стоятъ въ самой рѣзкой дисгармоніи со всею системою автора. Допуская, въ видѣ общаго правила, наличность причинной связи не только при дѣйствительности, но даже и при возможности предвидѣнія послѣдствія, авторъ только для этого спеціальнаго случая дѣлаетъ исключеніе, требуя здѣсь дѣйствительное знаніе и не довольствуясь его возможностью. Съ существомъ отвѣта мы совершенно согласны, — но указываемъ на противорѣчіе его съ другими положеніями и на шаткость аргументовъ, которые приводитъ г. Сергѣевскій на стр. 73 — 79. Съ его точки зрѣнія, было бы послѣдовательнѣе и здѣсь дать просторъ судейскому усмотрѣнію и не вводить лишней фикціи въ область уголовнаго правосудія.

Мы согласны съ существомъ предложеннаго г. Сергѣевскимъ рѣшенія на томъ основаніи, что находимъ его необходимою уступкою практическимъ потребностямъ юридической жизни, для которой внѣшняя распознаваемость причинной связи имѣетъ огромное значеніе. Было бы опасно для личной свободы, если бы на скамью подсудимыхъ привлекались лица за присоединившуюся и отвѣтственную передъ закономъ дѣятельность другихъ безъ твердаго внѣшняго признака, доказывающаго, что они именно расчитывали на такое присоединеніе, т. е. знали о будущей ихъ дѣятельности, дѣйствовали по соглашенію съ ними. Но этого признака авторъ не принимаетъ и горячо возстаетъ противъ представителей теоріи способа дѣйствія какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ состава преступленія. Я не буду входить здѣсь въ разборъ доводовъ автора; замѣчу только, что авторъ не привыкъ еще точно читать юридическія книги: такъ напр. мое мнѣніе имъ совершенно искажено, несмотря на недавнее весьма точное воспроизведеніе его г. Таганцевымъ во второмъ выпускѣ его курса, хотя и вышедшемъ въ свѣтъ раньше сочиненія г. Сергѣевскаго, но, кажется, не вполнѣ имъ прочитаннымъ.

Трудъ г. Сергѣевскаго состоитъ изъ двухъ выпусковъ, первый посвященъ догмѣ ученія о причинной связи и приложенію его къ нѣкоторымъ преступленіямъ, второй излагаетъ теоріи криминалистовъ по этому вопросу въ связи съ критическимъ ихъ разборомъ. Законодательнаго матерьяла и судебной практики авторъ не коснулся.

Будемъ надѣяться, что слѣдующій выборъ тэмы г. Сергѣевскимъ будетъ удачнѣе, и что авторъ посвятитъ свой трудъ насущнымъ вопросамъ русской юриспруденціи, которая настоятельно нуждается въ такихъ талантливыхъ и энергическихъ труженикахъ, какъ г. Сергѣевскій.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Кр. Малышева, Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Особое приложеніе. Гражданскіе законы и обычное право Россіи. Томъ I. Спб. 1880.

Это—самая капитальная юридическая работа нашего времени, которая была бы по плечу цѣлой обширной коммисіи, но которая задумана и исполняется силами одного лица, на его рискъ и страхъ. Предпринята она въ самыхъ скромныхъ видахъ университетскаго преподаванія. Читая гражданское право въ здѣшнемъ университетѣ, г. Малышевъ встрѣтился съ затрудненіемъ, состоящимъ въ томъ, что у насъ примѣняется, какъ право дѣйствующее, самый разнообразный положительный матерьялъ, который не только не сведенъ къ одному мѣсту, но даже не весь изложенъ на русскомъ языкѣ. Поэтому, въ видѣ приложенія къ курсу, онъ нашелъ нужнымъ дать сводъ всего наличнаго по гражданскому праву матерьяла, изложивъ его на общедоступномъ для слушателей языкѣ русскомъ. Но, помимо этой скромной цѣли, изданіе г. Малышева ведется до такой степени тщательно, что оно пригодится не для однихъ только студентовъ, а должно сдѣлаться настольною книгою всякого, сколько нибудь образованнаго русскаго юриста.

Огромность труда, предпринятаго и совершеннаго авторомъ, поразительно. Въ первомъ томѣ изложены общія положенія по гражданскому праву и право семейственное. При этомъ сведены въ одну общую систему своды законовъ общій и остзейскій, гражданское уложеніе и законы о брачномъ союзѣ въ царствѣ польскомъ, финляндское уложеніе съ дополнительными къ нему узаконеніями шведскаго и русскаго правительствъ, бессарабскіе источники—шестикнижіе Арменопуло и собраніе законовъ Донича, законы еврейскіе и мусульманскіе и разные матерьялы обычнаго права и судебной практики. Законы финляндскіе г. Малышевъ перевелъ съ нѣсколькихъ сличенныхъ имъ изданій на шведскомъ и частью на нѣмецкомъ языкѣ. Ему же привелось перевести шестикнижіе Арменопуло по греко-латинскому изданію Геймбаха. Еврейское право скомбинировано по библіи и по французскимъ и нѣмецкимъ переводамъ еврейскихъ источниковъ. Коранъ и шеріатъ (проф. Пазембека), англійскаго (Родвела) и французскаго (Казимірскаго). Законы монголо-калмыцкіе взяты изъ изданія проф. Леонтовича, и т. д.

Всѣ эти разнообразные источники авторъ сводитъ подъ общимъ заглавіемъ „Гражданскіе законы и обычное право Россіи". Хотя въ правильности такого названія весьма позволительно усомниться, такъ какъ положенія права, выработанныя до появленія русскаго государства (напр. права еврейскаго, магометанскаго), трудно назвать правомъ Россіи и самъ авторъ замѣчаетъ: „всѣ эти старинные племенные законы и обычаи должны быть строго различаемы отъ дѣйствующаго нынѣ законодательства; *они принадлежатъ къ области исторіи и этнографіи, а не къ судебной практической системѣ права*" (стр. XXVII); хотя по той же причинѣ можно усомниться въ цѣлесообразности принятой авторомъ системы ра-

сположенія всего поднятаго имъ, чрезвычайно пестраго по своему содержанію и значенію, матерьяла въ одной общей системѣ хотя въ такомъ обширномъ трудѣ неизбѣжно окажутся нѣкоторыя неточности перевода или изложенія; тѣмъ не менѣе трудъ г. Малышева есть трудъ гигантскій. Онъ не можетъ пройдти незамѣтно и долженъ обратить на себя всеобщее вниманіе.

И. Фойницкій.

(Профессоръ Имп. С.-Петербургскаго Университета).

ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Новыя изслѣдованія о Боярской Думѣ.

Н. П. Загоскинъ. Исторія права Московскаго Государства: Т. II. Центральное управленіе Московскаго Государства. Вып. I. Дума боярская. Казань, 1879 г.

Ключевскій. Боярская Дума древней Руси. Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества (Русская Мысль 1880 г., январь, мартъ, апрѣль; сочиненіе продолжающееся).

Передъ нами два сочиненія по исторіи одного и того же учрежденія древней Руси, очень мало изслѣдованнаго, но тѣмъ не менѣе давно обезславленнаго и поруганнаго (чѣмъ отчасти и объясняется долгое отсутствіе спеціальныхъ изслѣдованій о немъ). Земскіе Соборы имѣютъ уже цѣлую значительную литературу; о Боярской Думѣ не было ни одной статьи, ей собственно посвященной, до одновременнаго появленія двухъ названныхъ сочиненій.

Изъ нихъ одно вышло изъ рукъ историка, другое — юриста. Вслѣдствіе этого, каждое изъ нихъ отличается соотвѣтствующими достоинствами и недостатками. Сочиненіе г. Загоскина имѣетъ въ виду Думу, какъ учрежденіе, почти въ покойномъ, неподвижномъ состояніи его, безъ историческаго движенія. Говоримъ „почти“, потому что историческая часть, хотя весьма слабая, есть и у г. Загоскина. Г. Ключевскій, напротивъ, желаетъ разсматривать Думу какъ *явленіе* въ связи со всѣмъ ходомъ государственной исторіи Россіи. Мы имѣемъ пока только часть этого сочиненія, но и на ней отразились всѣ существенные недостатки избраннаго имъ метода. Мы и будемъ разсматривать появившуюся часть сочиненія г. Ключевскаго не столько по его результатамъ (которые еще не ясны), сколько по пріемамъ изслѣдованія.

I.

Пріемы изслѣдованія.

Результаты историческаго изученія нашего отечества и его государственныхъ формъ, до такой степени еще малы, что изслѣдователь, взявшійся за одинъ предметъ, видитъ вокругъ себя массу другихъ, сосѣд-

ственныхъ или вовсе неразрѣшенныхъ или неудовлетворительно разрѣшенныхъ Очевидно это еще не большая бѣда; этотъ количественный недостатокъ науки есть лишь дѣло времени. Слѣдуетъ только желать, чтобы каждый, взявшійся за извѣстный вопросъ сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ частичномъ, но внимательномъ изученіи историческихъ судебъ нашего государства, быстро подвинулось бы изученіе ихъ въ цѣломъ. По этому мы искренно порадовались, что совсѣмъ забытый вопросъ о Боярской Думѣ сдѣлался предметомъ сразу двухъ монографій. Но для успѣховъ дѣла совершенно неизбѣжно постоянно имѣть въ виду только что высказанный элементарный принципъ методологіи, т. е. полное сосредоточеніе вниманія на избранномъ предметѣ. Если же авторъ увлечется желаніемъ, заговоривъ объ одномъ, разрѣшить всѣ соприкосновенные, а иногда и совсѣмъ сторонніе вопросы, то успѣха ждать нельзя. Это—уже не количественный, а качественный порокъ въ наукѣ, органическій порокъ въ пріемахъ изслѣдованія, парализующій самыя хорошія намѣренія, самыя богатыя силы и средства, какими владѣлъ бы изслѣдователь.

Нужно замѣтить, что въ историческомъ изученіи нашей государственности, историки—юристы преимущественно избѣгали этого недостатка. По самому требованію своей спеціальности, они призваны были къ болѣе точному различенію границъ предметовъ и распредѣленію явленій между ними. Благодаря ихъ усиліямъ, грубая масса пестрыхъ явленій сводилась къ одному порядку и изъ него въ нашемъ сознаніи возникало *учрежденіе* съ опредѣленнымъ составомъ и правами. Сошлемся на одинъ примѣръ. До недавнихъ изслѣдованій юристовъ о вѣчѣ, исторія знала о сборищахъ народа въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ, не признавая въ нихъ не только характера учрежденія съ политическою властію, но и вообще характера правомѣрнаго явленія (кромѣ Новгорода и Пскова, однако и здѣсь, именно благодаря вѣчу, все государственное устройство признавалось аномальнымъ). Теперь почти всѣ убѣждены, что во всѣхъ старшихъ городахъ древней Руси вѣче было политическимъ учрежденіемъ съ властію, равною власти князя.

Нужно сознаться, что иногда историки-юристы злоупотребляли этимъ пріемомъ синтеза явленій, группировки ихъ, и такъ сказать возсозданія изъ нихъ учрежденій. Иногда, увлекаясь имъ, они придавали значеніе правомѣрности дѣйствительно случайнымъ фактамъ и даже проявленіямъ грубой силы. Но на вѣсахъ здравой критики, эти преувеличенія не могутъ перетянуть заслугъ ихъ наукѣ русской исторіи.

Г. Ключевскій также недоволенъ успѣхами нашихъ историческихъ знаній, но ищетъ причинъ этого совсѣмъ въ другомъ. Сказавъ, что ни одна сторона древне-русской жизни не изучалась у насъ такъ хорошо, какъ изучена, напр., администрація Московскаго Государства, онъ продолжаетъ: „этимъ мы обязаны усиліямъ людей, спеціально изучавшихъ русское право, особенно нѣкоторыя явленія права государственнаго. Но, можетъ быть, *именно поэтому* картина древняго русскаго управленія освѣщена съ одной только стороны, съ той, которую можно назвать *технической*. Механизмъ правительственныхъ учрежденій былъ любимою те-

мою изысканій въ области нашей политической исторіи" (Р. М. I, 40—41).

Отсюда по мнѣнію автора исходятъ слѣдующіе результаты: 1) „является нѣсколько лишнихъ фактовъ"; выраженіе — вовсе не объясняющее его мысли, которая состоитъ въ томъ, что историко-механикъ выдаетъ правительственныя реформы учрежденій за дѣйствительные успѣхи общества. Авторъ во взглядѣ на учрежденія очевидно стоитъ на точкѣ зрѣнія реформированной Россіи; въ древней Руси „бумажныхъ" учрежденій не было, а реформы учрежденій были дѣйствительно новыми ступенями общественной жизни. Замѣчаніе г. Ключевскаго направляется впрочемъ преимущественно противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что при Петрѣ русское общество „совлекло съ себя свою ветхую одежду", т. е. „обветшавшій государственный порядокъ" [1]) т. е. онъ не согласенъ съ тѣми, которые полагаютъ, что петровскія реформы государственныхъ учрежденій обновили самое *общество*. Но такихъ идолопоклонниковъ Петра, называвшихъ его богомъ-творцомъ Россіи, было мало; прочіе его поклонники говорили о дѣйствительномъ обновленіи государственнаго порядка; о преобразованномъ обществѣ XVIII и даже XIX в. молчали, или говорили нелестныя вещи.—Однако причемъ тутъ историко-юристы, или иначе, „историко-механики?" 2) „Механическое" изученіе учрежденій, по мнѣнію автора, ведетъ къ неумѣнью оцѣнить надлежащимъ образомъ относительное достоинство учрежденій разныхъ эпохъ; напр. московская приказная администрація ставится очень низко по сравненію ея съ администраціею XVIII в., между тѣмъ какъ г. Ключевскій не находитъ въ послѣдней (даже Екатерининской) никакихъ преимуществъ.

3) Третье обвиненіе, взводимое авторомъ на „механическое" направленіе въ наукѣ, совсѣмъ непонятно; оно касается уже не исторіи учрежденій, а политической судьбы самаго государства; именно авторъ обвиняетъ историковъ въ неумѣньи точно опредѣлить начало и конецъ Московскаго Государства. Заговоривъ о началѣ государства, онъ взялъ у кого-то изъ историковъ-юристовъ (Б. Н. Чичерина?) формулу такого рода: „Московское Государство образовалось путемъ возведенія частнаго права въ государственное, или, *говоря проще*, путемъ превращенія удѣльной вотчины московскихъ князей во всероссійское государство". Упрощеніе формулы принадлежитъ, очевидно, самому г. Ключевскому; но съ такою *про-*

---

[1]) Однажды навсегда сдѣлаемъ замѣтку о той сторонѣ сочиненія г. Ключевскаго, которая насъ прямо не интересуетъ, но по истинѣ препятствуетъ чтенію его. Говоримъ о языкѣ, отличающемся притязаніями на художественность, но въ дѣйствительности полнымъ отсутствіемъ простоты и изящества. Вотъ какъ, напр., изложена анализируемая мысль: «Новая Россія вышла изъ преобразовательнаго горнила Петра, если не какъ античная богиня изъ морской пѣны, то по крайней мѣрѣ, какъ разслабленный изъ возмущенной воды Іерусалимской Виѳезды... Достаточно ли внимательно мы въ своей исторической діагнозѣ, приписывая такую скоропостижную смерть нашимъ старымъ государственнымъ учрежденіямъ» (ibid. 45). Въ одной фразѣ, съ удивительнымъ недостаткомъ вкуса и такта, насыпаны образцы, взятые изъ кузнечнаго мастерства, классической миѳологіи, библейскихъ преданій и медицинскихъ клиникъ. Истинно бываетъ досадно, когда встрѣчаемъ иногда симпатическую мысль, облеченную въ такую пышную одежду, пеструю до комизма.

стотою едва ли бы помирился неизвѣстный творецъ формулы. Однако и въ этомъ упрощенномъ видѣ взятая формула не нравится г. Ключевскому; онъ порицаетъ ея „узкость“ (но кто же ее такъ съузилъ, какъ не онъ самъ!). Затѣмъ онъ приступаетъ къ разбиванію этой формулы, въ выраженіяхъ, весьма не простыхъ, напротивъ — крайне мудреныхъ. „Въ указанной діалектической (?) схемѣ, говоритъ онъ, собственно выражается смѣна началъ (?), развитіе *идеи государства*, точнѣе — идеи государственной власти, а не *самаго государственнаго порядка*, который при такомъ же точно ходѣ развитія государственной власти могъ выйти не такимъ, какимъ онъ вышелъ на самомъ дѣлѣ“ (стр. 44). Вотъ образчикъ „неюридическихъ“ размышленій автора. Что это за самый *государственный порядокъ*, отдѣленный отъ *государства* и *государственной власти?*

Мы предпочтемъ ужь лучше „діалектическую схему“ даже въ ея упрощенномъ видѣ.

Вотъ пункты обвиненія противъ историковъ-механиковъ, или что тоже, — историковъ-юристовъ. Всѣ они вытекаютъ изъ одного главнаго обвиненія въ односторонности. „Историческое изученіе техники правительственныхъ учрежденій, продолжаетъ г. Ключевскій, далеко не обнимаетъ всей исторіи этихъ учрежденій“. — Истина непререкаемая: описаніе одного состава учрежденій отнюдь не есть полное историческое описаніе ихъ. Чего же именно не достаетъ? Мы сказали бы, что не достаетъ еще описанія функцій ихъ (отправленій), гдѣ онѣ и соприкасаются съ цѣлою жизнію общества. Но г. Ключевскій говоритъ не такъ; по его словамъ „историки-технологи забываютъ о *соціальномъ составѣ управленія*“ (!).

Что бы могло подразумѣваться подъ этою большою странностью? По своей обыкновенной манерѣ, г. Ключевскій не даетъ ясныхъ опредѣленій, а прибѣгаетъ для объясненія къ длинному и туманному примѣру. Просимъ извиненія у читателя, что мы принуждены познакомить его съ этимъ удивительнымъ примѣромъ. Онъ берется изъ исторіи русскаго областнаго управленія, очеркъ котораго построенъ г. Ключевскимъ на слѣдующемъ принципѣ: чѣмъ болѣе усиливалось провинціальное самоуправленіе, тѣмъ болѣе усиливалась административная централизація. Иной подумаетъ, что мы шутимъ. Вотъ напр. мѣсто объ администраціи въ удѣльномъ княжествѣ (какого времени?): „Административная дѣятельность (намѣстниковъ и волостелей) находится въ очень *слабой связи съ центральнымъ* княжескимъ управленіемъ....; они служилые люди князя и дѣйствуютъ *по назначенію и полномочію*, полученному *отъ центральнаго* правительства“.

Но читатель видитъ тутъ только образецъ противорѣчія и принужденъ выбирать любое. — Затѣмъ дальнѣйшимъ образцамъ зависимости успѣховъ централизаціи отъ успѣховъ самоуправленія, авторъ считаетъ искаженіе земскихъ учрежденій въ XVII в., чрезъ возложеніе на нихъ приказныхъ обязанностей, чрезъ обращеніе дѣятельности земства въ повинность. Но это называется не самоуправленіемъ, а отрицаніемъ самоуправленія. Все это крайне неясное совершенно затемнено слѣдующею общею фразою: „органами децентрализаціи являются люди, которые были представителями центральной власти“ (ibid. стр. 47). Иной подумаетъ, что г. Ключевскій отыскалъ какой-нибудь чиновничій сепаратизмъ въ XV в.!

Познакомившись съ этимъ примѣромъ надлежащей, а не механической

исторіи учрежденій, читатель всетаки остается въ недоумѣніи: что же такое „соціальный составъ управленія"?

„*Итакъ*, заключаетъ авторъ, въ исторіи нашихъ древнихъ учрежденій остаются въ тѣни общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и „чрезъ нихъ дѣйствовали". Хотя это „итакъ" явилось совершенно неожиданно, хотя изъ представленнаго очерка областнаго управленія отнюдь не видно было никакихъ „общественныхъ классовъ и интересовъ"; но мы рады, что выбрались наконецъ на „относительно" ясную дорогу.

Итакъ надлежащая (а не техническая) исторія учрежденій должна идти объ руку съ исторіею классовъ (и сословій). Итакъ въ этой простой мысли разгадка всѣхъ предварительныхъ туманныхъ намековъ. — Но вопервыхъ, кого же изъ историковъ или историковъ-юристовъ можно упрекнуть въ незнаніи или непризнаніи такой элементарной мысли? Развѣ неизвѣстно г. Ключевскому, что одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по исторіи московской областной администраціи, именно сочиненіе А. Д. Градовскаго все построено на этой мысли и содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ исторіею мѣстнаго управленія довольно полную исторію классовъ Московскаго государства? Неужели незнакомы ему труды И. И. Дитятина по исторіи городскаго управленія, которые въ то же время заключаютъ въ себѣ и исторію городскаго сословія? — Во-вторыхъ, историческія знанія, подъ руками историковъ-юристовъ, какъ сказано, стали приближаться уже къ нѣкоторой точности и раздѣльности понятій, безъ которыхъ всякая наука должна превращаться въ хаосъ. Сторонніе, но близкіе вопросы могутъ быть лишь затронуты и уяснены по скольку это необходимо для главнаго предмета. Никто не долженъ выдавать смѣшенія разныхъ предметовъ (что служитъ признакомъ несовершенства науки) за новое направленіе науки, за открытіе. Поэтому мы сказали, что исторія учрежденій должна *идти объ руку* съ исторіей классовъ, а не сливаться съ нею.

Вопросъ о Боярской Думѣ, конечно, очень тѣсно связанъ съ вопросомъ о классахъ (или сословіяхъ) древне-русскихъ; пожалуй, мы не стали бы порицать автора за невольное смѣшеніе разныхъ предметовъ въ его трудѣ (подъ условіемъ признавать это за неизбѣжное зло). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣла г. Ключевскій перешелъ всякую мѣру въ этомъ отношеніи и представилъ самый яркій образецъ такихъ работъ, въ которыхъ основная задача расплывается и теряется въ массѣ привходящихъ предметовъ. Истиннымъ заглавіемъ первой части его сочиненія о Думѣ, должно бы быть: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ".

Авторъ желаетъ, какъ мы видѣли, ввести въ исторію учрежденій не только исторію классовъ, но и исторію *интересовъ*. Хотя и это — загадка; но разгадать ее отчасти можно; повидимому онъ желалъ бы, чтобы историкъ представлялъ намъ, какія изъ учрежденій вызваны были самою жизнію (а не мертвою бумагою), въ какомъ отношеніи находилась ихъ дѣятельность къ жизни и обратно. Но было уже упомянуто, что описаніе функцій есть непремѣнная часть исторіи учрежденій. Историки права знаютъ и различаютъ гораздо яснѣе двѣ основныя задачи всякаго историко-юридическаго изслѣдованія: описаніе *состава* и *отправленій* учрежденія. Простая юридическая терминологія спасла бы г. Ключевскаго отъ напрас-

ныхъ напряженій выразить мысли столь извѣстныя. Функціи учрежденій обнимаютъ всю жизненную сторону ихъ и не ограничиваются вѣдомствомъ ихъ по регламенту (опять напомнимъ, что древней Руси чужды регламенты). Быть можетъ онъ разумѣетъ еще что-либо подъ *интересами*, но ничего больше мы не могли извлечь изъ весьма неясныхъ страницъ его вступительной главы, которая вся состоитъ изъ такихъ страницъ.

Г. Ключевскій начинаетъ изслѣдованіе о Думѣ съ древнѣйшихъ временъ. У г. Загоскина есть такая глава о Думѣ въ княжескій періодъ. Остановимся и мы, вслѣдъ за ними, на Думѣ IX — XII вѣковъ.

II.

Княжеская Дума.

О княжеской Думѣ, какъ особомъ учрежденіи, кажется, въ первый разъ заговорилъ В. И. Сергѣевичъ („Вѣче и Князь“, стр. 359 — 362). До того времени историки говорили о *боярахъ* и обычаѣ князей совѣщаться съ ними. Не только до появленія книги В. И. Сергѣевича, но и долго спустя, существованіе княжеской Думы многіе подвергаютъ сомнѣнію. Такъ С. А. Петровскій („О Сенатѣ“, стр. 12 — 15) положительно затрудняется причислить княжескую Думу къ одному изъ органовъ управленія, какъ это дѣлаетъ В. И. Сергѣевичъ. Гдѣ Дума (спрашиваетъ онъ), что она? Укажите на нее опредѣленно, скажите: вотъ Дума, совѣтъ такого-то князя. Нельзя. Можно только сказать, что это Дума по такому-то вопросу, по такому-то предложенію князя, потому что можетъ быть, въ тотъ же день, по другому вопросу, князь будетъ совѣщаться съ совершенно другими лицами, и будетъ совершенно *въ правѣ;* выгодно ли это будетъ ему, или нѣтъ, это другой вопросъ, и вопросъ, совершенно *личный*, касающійся только самаго князя.... [1]).

Нужно сознаться, что отчасти самъ В. И. Сергѣевичъ подалъ поводъ къ сомнѣніямъ на счетъ существованія княжеской Думы. Онъ смотритъ на Думу, какъ на органъ центральнаго *управленія* [2]). Сверхъ того Дума, по его словамъ, не имѣетъ постояннаго состава: „особаго званія (говоритъ онъ) совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было. Дума составлялась *всякій разъ вновь*, „по особому приглашенію“, хотя онъ самъ тутъ же признаетъ, что „согласно *естественному тяготѣнію силы* обыкновенными совѣтниками князя были его мужи и бояре“.

Такимъ образомъ *составъ Думы* остается неуловимымъ, а потому весьма легко придти къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ учрежденіемъ, а съ фактическими случайными явленіями.

---

[1]) Княжеская Дума, совѣщанія князей съ дружиной просто *фактъ* и какъ бы *часто* намъ лѣтописи не упоминали о немъ, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія, *на ряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ*, чисто фактическими.

[2]) Тогда какъ вѣче и князя считаетъ основными элементами государственнаго *устройства*.

Поэтому нечего очень удивляться, что Н. П. Загоскинъ относительно этого предмета впадаетъ въ сильныя противорѣчія: отрицаетъ возможность органовъ центральнаго управленія въ княжеской Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ Думу органомъ центральнаго управленія (подчиняясь В. И. Сергѣевичу); разсматриваетъ Думу, какъ учрежденіе, говоритъ объ ея личномъ составѣ, порядкѣ совѣщаній и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ ее такъ: „Думу княжескую составляла вся совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ извѣстномъ предметѣ“ (стр. 8) и далѣе замѣчаетъ: „Личный составъ ея не носилъ твердо опредѣленнаго характера, онъ былъ *чистослучайнымъ*, завися отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія тѣхъ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и сознавались извѣстныя принципіальныя требованія относительно лицъ, долженствующихъ засѣдать въ княжеской Думѣ“ (стр. 12). Послѣдняя половина фразы: „хотя...“ есть лишь неловкая попытка замаскировать противорѣчіе.

Итакъ есть сильные поводы опасаться, что мы разсуждаемъ о такомъ предметѣ, существованіе котораго подлежитъ большому сомнѣнію.

Но дѣйствительно ли такъ шатокъ и неуловимъ составъ княжеской Думы? Дѣйствительно ли онъ могъ измѣняться нетолько ежедневно, но и ежечасно (по словамъ С. А. Петровскаго). Не думаемъ.

Въ основѣ состава Думы всѣ признаютъ *княжескихъ мужей*, или что тоже *бояръ* (послѣдній терминъ поглотилъ собою первый около XII в.) [1]). Намъ нужно прежде всего доискаться, имѣлъ ли какую-нибудь опредѣленность терминъ — „бояринъ“. „Всякій ли могъ произвольно назваться этимъ именемъ, или для пріобрѣтенія его требовались какія-нибудь опредѣленныя условія? Не вдаваясь глубоко въ сферу стороннюю для вопроса, именно въ область исторіи сословнаго права, можно отвѣтить почти à priori на поставленный вопросъ такъ: нѣтъ, не всякій произвольно могъ взять на себя титулъ боярина; надо было пріобрѣсти его или путемъ рожденія, или путемъ пожалованія, или посредствомъ назначенія на высшую должность. На счетъ рожденія источники мало даютъ матерьяла. Но они говорятъ, что Св. Владиміръ сдѣлалъ „великимъ мужемъ“ сына кожевника-побѣдителя надъ Печенѣжскимъ богатыремъ. Владиміръ Мономахъ собираетъ *тысяцкихъ* изъ провинцій на Думу для обсужденія законовъ, вошедшихъ въ Русскую Правду.

Повторяемъ, какія именно условія нужны были для пріобрѣтенія званія боярина, — вопросъ для насъ теперь сторонній, не подлежитъ только сомнѣнію, что эти условія были.

Такимъ образомъ одна — главная часть состава Думы становится опредѣленнѣе, но далеко еще не опредѣляется вполнѣ. Слѣдуетъ еще знать, какое же отношеніе между боярствомъ и членствомъ въ Думѣ! Всякій ли бояринъ былъ членомъ Думы? На это въ источникахъ есть одно характерное мѣсто: лѣтопись, разсказывая о потеряхъ, понесенныхъ русскими

---

[1]) И дѣйствительно, члены Думы всегда называются боярами или мужами княжескими: «бояре размолвиша Гюргя.... Гюргеви же послушавшю боляръ») (1150 г.). «Рѣша ему (Даніилу Галицкому) бояре его: пріими Луческъ...» (1227 г.), и т. п.

въ войнѣ Половецкой, восклицаетъ: „гдѣ *бояре думающіи*, гдѣ мужи храборствующіи!“ Такимъ образомъ главная роль бояръ — думать; это ихъ право и ихъ обязанность, какъ участвовать въ войнахъ право и обязанность мужей [1]).

Но если это не подлежитъ сомнѣнію, то еще остается вопросомъ: было ли право бояръ участвовать въ Думѣ ихъ исключительнымъ правомъ? Не могъ ли князь въ замѣнъ ихъ пригласить для совѣщанія другихъ лицъ, не бояръ. Лѣтописи, дѣйствительно, сообщаютъ нѣсколько фактовъ обращенія князей за совѣтомъ не къ боярамъ; напр. Всеволодъ Ярославичъ въ 1093 г. „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ творя съ ними!“ Святославъ въ 1180 г. „сдумавъ съ княгинею своею и съ кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея!....“. Оба эти случая приводитъ В. И. Сергѣевичъ, но онъ же замѣчаетъ: „такіе случаи можно разсматривать, какъ весьма рѣдкое исключеніе“. Уже одна эта количественная разница случаевъ совѣщанія князей съ боярами, и совѣщанія ихъ съ другими лицами, помимо бояръ, для *историка права* достаточна, чтобы опредѣлить, въ какомъ рядѣ случаевъ выражается право, въ какомъ — отрицаніе его, нарушеніе. Князь *могъ* совѣщаться и съ другими лицами, но это не значитъ, чтобы онъ былъ *„въ правѣ“* такъ поступать, какъ говоритъ С. А. Петровскій. Кромѣ этого способа распознаванія обычнаго права, т. е. наблюденія надъ большинствомъ случаевъ (повтореніемъ) есть и другой: выраженіе взгляда современниковъ на правомѣрность событія. При каждомъ изъ упомянутыхъ случаевъ совѣщанія князя не съ боярами, лѣтописецъ прямо или не прямо выражаетъ осужденіе. Голосъ лѣтописца есть для насъ голосъ тогдашняго общественнаго мнѣнія.

Другихъ средствъ для распознаванія обычнаго права нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. А другаго права кромѣ обычнаго въ то время не было; не было ни регламентовъ, ни уставовъ.

Слѣдуетъ признать, что участіе въ Думѣ есть исключительное право бояръ.

Но у насъ есть рядъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій, по которому князю приписывается нормальнымъ образомъ право совѣщанія съ *дружиною*. Въ началѣ исторіи это выраженіе употребляется обыкновенно, вмѣсто позднѣйшаго — „съ боярами“. Св. Владиміръ часто совѣщался съ дружиною „о строѣ земленѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ.“ Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей ежедневно садиться думать съ дружиною. Измѣняется ли этимъ нашъ выводъ о боярахъ, какъ единственныхъ совѣтникахъ князя? Что разумѣется подъ словомъ „дружина“? Дружиною

---

[1]) Поэтому нельзя принять вышеприведенной мысли В. И. Сергѣевича; «особаго званія совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было». Это было именно — званіе боярина, въ которое возводились служилые люди. Въ началѣ московской эпохи термины: «бояринъ» и «совѣтникъ» отождествляются и употребляются одинъ взамѣнъ другаго.

Бояре могли получать (и получали) и другія должности (судебныя и административныя), но главное значеніе ихъ — участіе въ Думѣ.

въ обширномъ смыслѣ называется всякое товарищество и шайка, иногда цѣлое войско (съ народнымъ ополченіемъ въ томъ числѣ): въ тѣсномъ смыслѣ — дворъ князя, состоявшій изъ бояръ и низшихъ слугъ, свободныхъ и несвободныхъ, наконецъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ бояре. Въ какомъ изъ этихъ значеній употребляется здѣсь слово — „дружина"?

Несомнѣнно—въ послѣднемъ. Мы уже упомянули выше, что совѣщаніе съ „юными", т. н. младшею дружиною, т. е. низкими слугами двора, признаваемо было фактомъ ненормальнымъ. Сверхъ того, тѣ же лѣтописи, говоря объ отдѣльныхъ случаяхъ совѣщанія при тѣхъ же князьяхъ (Владимірѣ Св. и Владимірѣ Мономахѣ), говорятъ, что они совѣщались съ боярами, и такимъ образомъ сами истолковываютъ для насъ неопредѣленный терминъ „дружина".

Итакъ составъ княжеской Думы весьма опредѣленный: въ ней участвуютъ лица, имѣющія званіе боярина. Всѣ ли они участвуютъ въ Думѣ *всякій разъ*? Вопросъ чисто фактическій. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, нѣтъ. Многіе изъ бояръ находятся по провинціямъ—на посадничествахъ, въ войскахъ—на походѣ, или въ посольствахъ. Но каждый изъ нихъ, находясь при князѣ, есть его постоянный совѣтникъ. Мысль о томъ, что князь каждый разъ могъ *изъ числа бояръ* пригласить однихъ и не пригласить другихъ, ни на чемъ не основана; фактовъ, подтверждающихъ ее, мы не знаемъ. Да если бы они и нашлись, то означали бы актъ *наказанія* для отдѣльныхъ членовъ Думы за проступки, актъ „опалы", какъ говорилось въ Москвѣ [1]).

Въ начальную эпоху княжескаго періода, именно въ X вѣкѣ, въ составѣ Думы, лѣтописи, кромѣ бояръ, упоминаютъ еще *старцевъ* весьма часто съ прибавленіемъ „городскихъ". Эта примѣсь къ составу Думы относится только къ X вѣку, отнюдь не характеризуетъ княжеской Думы вообще во все время ея существованія (XI, XII, XIII вв.).

Что это за старцы? И что означаетъ ихъ участіе въ Думѣ? Прежнюю литературу этотъ вопросъ, очевидно, мало интересовалъ, такъ что и теперь г. Загоскинъ заговорилъ о старцахъ городскихъ по поводу рѣчи о *старшинствѣ физическомъ*, какъ качествѣ, обусловливающемъ приглашеніе въ Думу (стр. 11). Но это, очевидно, большое заблужденіе. „старцы" или „старѣйшины" означаютъ должность; лица эти, по лѣтамъ, могли быть очень молоды.

За то г. Ключевскій обратилъ на этотъ вопросъ все свое вниманіе.

Авторъ характеризуетъ Думу княжескую въ отличіе отъ Думы царской въ Московскомъ Государствѣ и говоритъ, что по составу первая была сложнѣе второй. А именно въ первую входили и *старцы градскіе*. Вотъ классъ, „которому уже не было мѣста въ Думѣ никогда потомъ".

---

[1]) Напротивъ, фактовъ, доказывающихъ противное, не мало. Князь созывалъ Думу не изрѣдка, по особо важнымъ дѣламъ, а засѣдалъ съ нею *ежедневно* (Поуч. Моном.). Въ житіи препод. Θеодосія разсказывается, что «*вся бояре*» отправлялись къ князю изъ Кіева (когда онъ находился въ загородномъ дворцѣ) ежедневно съ разсвѣтомъ солнца, и что князь, отправляясь къ Θеодосію, имѣлъ обыкновеніе распускать всѣхъ бояръ въ домы ихъ («распустяше *вся бояре* въ домы своя, а токмо съ 6 или 5 отрокъ пріѣздяше къ нему»).

Однако же параллель проводится между Думою княжескаго періода вообще (IX, X, XI, XII и нач. XIII вв.) и Московскою Думою; а это отличіе касается по словамъ самого автора только одного X вѣка. Что нибудь тутъ излишне; или обозначеніе отличій княжеской Думы отъ Московской, или признакъ отличія взятъ невѣрно.

Но возвратимся къ „старцамъ городскимъ". Г. Ключевскій справедливо доказываетъ, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ князей (собственно только кн. Владиміра); можно согласиться и съ тѣмъ, что они суть представители неслужилаго населенія; въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи называются старцами *людскими;* а „людинъ, по словамъ автора, противополагается мужу княжему, *какъ мужикъ барину*" (стр. 58), что вполнѣ невѣрно.

Кто такіе эти старцы? Самымъ обыкновеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ авторъ считаетъ тотъ, что это „потомки родовыхъ царьковъ или филарховъ". О царькахъ или филархахъ не помнится, чтобы кто либо говорилъ, а считаютъ ихъ многіе просто главами родовъ — старшинами. Авторъ не соглашается съ этимъ и разрѣшенію этого вопроса посвящаетъ слѣдующія главы своего сочиненія.

Но тутъ онъ и уклоняется далеко въ сторону, именно туда, куда онъ считаетъ не только возможнымъ, но и единственно полезнымъ уклоняться въ исторіи учрежденій, т. е. въ сферу исторіи сословій. Здѣсь онъ опять специальную черту X-го только вѣка разсматриваетъ какъ особенность всей княжеской эпохи и противополагаетъ ее порядкамъ Московскаго Государства. Утверждаетъ, что въ этомъ послѣднемъ, сословія (служилое и тяглое) были точно разграничены, что присутствіе гостя въ Боярской Думѣ показалось бы тогда „возмутительнымъ извращеніемъ политическихъ понятій" (въ доказательство указываетъ на оппозицію бояръ Өедору Андронову, назначенному въ Думу изъ кожевниковъ, но умалчиваетъ о Козмѣ Mининѣ; указываетъ на законъ 1657 года о бытіи дьячему чину выше гостинаго, но умалчиваетъ объ обратномъ рѣшеніи вопроса въ 1649 г., когда именно было приказано перепечатать листы Уложенія, чтобы помѣстить гостей выше дьяковъ).

Но пусть такъ; въ чемъ же дѣло?

Ходъ дальнѣйшей мысли таковъ. „*Мѣщанство* большихъ городовъ въ Кіевской Руси X в. политически и экономически съ одной стороны рѣзче отдѣлялось отъ сельскаго населенія, съ другой, стояло ближе къ служилому военному и правительственному классу сравнительно съ посадскими людьми Московскаго Государства" (61), т. е. здѣсь можно различать тоже два класса, но не служилыхъ и тяглыхъ, а городскихъ и сельскихъ обывателей, включая въ первый и служилое населеніе и *мѣщанъ*. Доказательства этого находятся будто бы въ Ярославовой Правдѣ, именно въ томъ, что этотъ списокъ Правды не упоминаетъ въ своей 1-й ст. о сельскихъ жителяхъ, хотя стремится перечислить всѣ классы,—въ томъ числѣ упоминаетъ гридина и купчину [1]). Отсюда: Русская Правда изла-

[1]) Между тѣмъ изъ лѣтописи видно, что смерды тогда были, и именно въ качествѣ государственныхъ крестьянъ.

гаетъ законъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ городѣ и для города и потому на его складѣ отразилась существовавшая нѣкогда политическая обособленность городскаго общества отъ сельскаго. (64) Доказательства такой же обособленности города отъ села онъ думаетъ найти и въ статьяхъ Русской Правды о наслѣдствѣ, въ которыхъ онъ отличаетъ постановленія о наслѣдованіи *имущества городскаго* отъ наслѣдованія *имущества сельскаго* (стр. 67), причемъ подъ сельскимъ имуществомъ подразумѣваетъ и землевладѣльческое (боярское) [1]). По его мнѣнію двѣ статьи Р. Правды (о наслѣдованіи дочерей въ имуществахъ бояръ и о ненаслѣдованіи ихъ въ имуществѣ смердовъ) возникли потому, что явилась въ селахъ боярская собственность и потребовала отличенія ея отъ смердьей. Всѣ же прочія статьи о наслѣдствѣ болѣе древнія, относятся къ наслѣдованію въ прежнихъ имуществахъ.

Новое доказательство того, что городъ и село были отдѣльными другъ отъ друга политическими мірами, имѣвшими каждый свои обычаи, свое право, „законъ отецъ своихъ и преданья“ (70), онъ находитъ въ статьяхъ Рус. Пр. *о Сводѣ*, именно въ томъ, что Правда имѣетъ въ виду случай, когда сводъ выходитъ изъ города и идетъ по землямъ (селамъ), но не говоритъ о случаѣ обратномъ. Трудно догадаться, что отсюда слѣдуетъ. По мнѣнію автора слѣдуетъ, „особенная внимательность Правды къ быту городскаго населенія“; это еще возможно; но отсюда же, по его мнѣнію слѣдуетъ, что будто села „не переставали жить своею особою жизнію юридической *и даже политической*“. Вотъ это уже ни откуда не слѣдуетъ.

Доказавъ такимъ обр. раздѣльность городовъ отъ селъ, авторъ доказываетъ далѣе тождество или по крайней мѣрѣ *близость другъ къ другу всѣхъ городскихъ классовъ*, т. е. *торговаго и служилаго населеній*. Это послѣднее аргументируется: а) разсказомъ Константина Багрянороднаго, б) договорами русскихъ съ греками и в) языкомъ лѣтописей и актовъ. — Изъ разсказа Константина онъ справедливо заключаетъ, что князь и дружина занимались торговлею съ Византіею (кто же въ этомъ сомнѣвался?). Такова близость правящаго князя и его дружины—къ горожанамъ—торговцамъ. Въ свою очередь торговцы весьма близки къ служилымъ людямъ (73), что въ свою очередь доказывается безразличіемъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), которое допускаютъ договоры русскихъ съ греками въ терминахъ: „Русь“ и „гость“, хотя сознается, что въ другихъ случаяхъ (въ большемъ числѣ ихъ) договоры „вездѣ отличаютъ гостей отъ пословъ“, говорятъ, что Русь приходитъ или съ куплею или въ солбу“. Авторъ разъясняетъ эту „путаницу“ слѣдующимъ образомъ: „имя Руси, которое *начиналъ усвоять* себѣ служилый классъ, еще не утратило прежняго своего значенія, покрывавшаго все свободное населеніе приднѣпровскихъ городовъ“ (74). Впрочемъ близость гостей къ служилому классу доказывается и болѣе

---

[1]) Онъ находитъ даже противорѣчіе между однимъ рядомъ статей о наслѣдствѣ (105—107 и 110—117) и другимъ (103—104 кар. сп.). Противорѣчіе усматривается въ томъ, что въ первомъ ряду статей будто бы предоставляются права о наслѣдованіи дѣтямъ, въ томъ числѣ и дочерямъ, безъ ограниченія какими либо классами общества. По второму ряду статей какъ извѣстно, дочери наслѣдуютъ лишь въ имуществѣ бояръ, но не смердовъ!

основательными соображеніями: гости носили оффиціальный характеръ, шли въ Византію съ княжескими печатями, получали тамъ содержаніе, отправляли вмѣстѣ съ послами посольства.

Языкъ лѣтописи не отличаетъ въ общемъ имени „мужей“ пословъ и купцовъ: „и посла Игорь мужѣ своя къ Роману“. Особенную же поддержку своей мысли авторъ находитъ въ Новгородскихъ памятникахъ (въ „Новгородскомъ строѣ, какъ муха въ янтарѣ, застыла и хранилась до поздняго времени старина, общая всѣмъ большимъ древнѣйшимъ городамъ“). Въ Уставѣ Всеволода сотскіе (по мнѣнію автора неслужилые, и м. б. выборные), названы „мужами князя“, въ 1015 г. Ярославъ назвалъ избитыхъ имъ Новгород. гражданъ „своею любимою дружиной“. Дружина обхватывала собою не только служилое населеніе князя, но все городское населеніе [1]). Читатель могъ забыть уже о Думѣ; свернувъ съ дороги, мы ушли далеко въ сторону и притомъ кружились по разнымъ направленіямъ. Мы коснулись и процесса (свода) и уголовнаго права (головничество) и правъ наслѣдства; занимались немножко исторіею торговли. Вездѣ по дорогѣ авторъ дѣлаетъ самостоятельные выводы согласно или вопреки существующимъ изслѣдованіямъ объ этихъ вопросахъ, какъ будто бы такихъ спеціальныхъ изслѣдованій вовсе не существовало; и нельзя рѣшить, пренебреженіе ли это или незнакомство.

Во всемъ, что до сихъ поръ указано въ первомъ отрывкѣ изслѣдованія г. Ключевскаго, есть одна весьма справедливая мысль, именно мысль о правительственномъ значеніи города вообще и старшихъ городовъ въ особенности (городъ есть правительствующая община). Но не смотря на справедливость этой мысли многія догадки въ аргументаціи ея у г. Ключевскаго останутся навсегда весьма слабыми гипотезами.

Сверхъ того, на что онѣ нужны? Зачѣмъ потребовалась г. Ключевскому мысль о правовомъ различіи городскихъ жителей отъ сельскихъ? Можетъ быть онъ объяснитъ это намъ подробнѣе и отчетливѣе въ слѣдующихъ частяхъ изслѣдованія; теперь же читатель видитъ, что главная мысль автора состоитъ въ томъ, что Дума въ X в. (а не княжеская Дума вообще) служила представителемъ интересовъ и воли не только служилаго, но и городскаго населенія („мѣщанства“), между тѣмъ какъ Дума въ Московскомъ Государствѣ выражала интересы лишь одного высшаго служилаго класса населенія.

Однако подтверждается ли эта мысль фактомъ участія въ Думѣ „старцевъ“? Для дѣла гораздо существеннѣе заняться вопросомъ, кто такіе эти „старцы“? Для этой цѣли анализируемъ одно мѣсто лѣтописи. Въ разсказѣ о мести Ольги лѣтописецъ знакомитъ насъ съ складомъ Древлянскаго общества, въ которомъ различаются просто *люди* — масса свободнаго населенія и высшій классъ; члены этого послѣдняго называются „нарочитыми мужами“, „лучшими мужами, которые держатъ Древлянскую землю“ (т. е. владѣютъ и управляютъ ею вмѣстѣ съ княземъ ихъ Ма-

---

[1]) Затѣмъ г. Ключевскій совсѣмъ уклоняется въ исторію первоначальнаго образованія русскаго общества, въ частности въ исторію возникновенія городскаго быта. Здѣсь можно найти нѣсколько очень здравыхъ догадокъ; намъ пріятно было бы остановиться на нихъ, если бы все это имѣло какое либо отношеніе къ боярской Думѣ.

домъ). Но они же въ томъ же разсказѣ называются „старѣйшинами града“: „Ольга старѣйшины града изыма, и прочіе люди—овыхъ изби-а другіе работѣ предасть“ (обратила въ рабство). Тождество „старѣйшинъ града“ и „лучшихъ людей, держащихъ землю“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Искоростенѣ плѣнено было все населеніе, преимущественно же боярское, лучшее, ибо здѣсь страна защищала свой главный городъ, въ которомъ и не въ военное время сосредоточивались лучшія силы общества.—Нѣтъ надобности указывать на тождество „старцевъ градскихъ“ съ „старѣйшинами града“. Надѣемся, что всякій читатель уволитъ насъ отъ доказательства столь очевидной мысли. Если такъ, то старцы градскіе не представители „мѣщанства“ (намъ тяжело повторять такой анахронизмъ въ языкѣ), а лучшіе люди земли, т. е. бояре.

Считаемъ необходимымъ подкрѣпить эту мысль еще слѣдующими фактами. Древнѣйшій лѣтописецъ по одному случаю приводитъ изъ Библіи изображеніе идеальной семейной жизни и переводитъ это мѣсто на свой языкъ такъ: взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея (хорошей жены) внегда аще сядетъ на сонмищи *съ старци и съ жители земли*“. Это же самое мѣсто въ латинскомъ переводѣ Библіи читается: „Nobilis in pontis vir ejus, quando sederit *cum senatoribus* terrae“; а въ древне-чешскихъ: Slechtic jest и brame jeji muz, kdyz sedi *s kmety zemskymi*“. Итакъ нашъ лѣтописецъ словомъ „старцы“ выразилъ то понятіе, которое на латинскомъ языкѣ выражается словомъ „сенаторъ“, а на древне-чешскомъ *кметъ*. Терминъ—сенаторъ всякому извѣстенъ; но многимъ также извѣстно, что кметъ на древне-чешскомъ языкѣ означалъ самаго высшаго сановника и вмѣстѣ высшій классъ общества (такъ на Сеймѣ Любуши присутствуютъ кметъ, лехи и владыки).

Еще одно соображеніе: въ лѣтописныхъ разсказахъ о совѣщаніяхъ Владиміра Св. иногда въ числѣ совѣтниковъ князя вовсе не упоминаются бояре, а лишь одни „старцы“, напр. вопросъ о возстановленіи виръ, отмѣненныхъ было Владиміромъ, рѣшенъ такъ: „рѣша епископи и старци: рать многа; оже вира—то на оружія и на коняхъ буди“ (т. е. вира нужна на пріобрѣтеніе оружія и коней). Трудно построить предположеніе, что здѣсь намѣренно отстранены отъ совѣщанія бояре; предположеніе наиболѣе вѣроятное, и, скажемъ, несомнѣнное то, что здѣсь слово „старци“ означаетъ всю совокупность членовъ Думы, кромѣ епископовъ, т. е. подъ нимъ подразумѣваются и старѣйшины собственно и бояре. Далѣе иногда въ разсказѣ о совѣтѣ Св. Владиміра „старци“ предшествуютъ боярамъ; напр. вопросъ о принесеніи человѣческой жертвы въ благодарность богамъ за счастливый походъ на Ятвяговъ, шелъ такъ: „рѣша старци и боляре: мечемъ жребій...“

Думаемъ, что не долженъ подлежать сомнѣнію слѣдующій выводъ изъ этихъ фактовъ: „Старцами“ или старѣйшинами“ называются высшія лица въ государствѣ, такіе же бояре, а не представители „мѣщанства“ [1]).

[1]) Замѣтимъ, что г. Загоскинъ, хотя мимоходомъ и безъ всякихъ доказательствъ называетъ старцевъ градскихъ—«лучшими земскими людьми» (стр. 9).

Однако въ большинствѣ случаевъ старцы отличаются отъ бояръ, противополагаются имъ, стоятъ рядомъ съ ними. Изъ этого слѣдуетъ, что если „старци" и равны боярамъ, по положенію въ обществѣ и государствѣ, то составляютъ тѣмъ не менѣе отдѣльную спеціальную часть высшаго класса. Это такъ и есть. „Лучшіе люди, держащіе землю" суть *земскіе бояре*, въ противоположность служилымъ боярамъ княжескимъ. О происхожденіи ихъ и ихъ роли въ X в. можно дѣлать разныя предположенія (какъ и дѣлали уже многіе); они могли быть начальниками племенъ и родовъ, медіатизированными туземными князьями, выборными правителями (въ родѣ позднѣйшихъ Новгородскихъ магистратовъ), богатыми землевладѣльцами и т. д. Во всякомъ случаѣ ихъ высшее положеніе въ обществѣ опиралось на ихъ отношенія къ населенію, а не къ князю; почему они и называются *земскими* боярами. Они не были *служилыми* людьми, но не были и „мѣщанами".

Почему изчезаютъ они послѣ X в.? [1]) Не знаемъ, какъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ г. Ключевскій. Но мы не обинуясь дадимъ свой отвѣтъ: вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, служилые бояре слились съ земскими; служилые пріобрѣли осѣдлость, землю, а съ нею и значеніе въ землѣ, земскіе поступили на службу. Въ Новгородѣ и Псковѣ, напротивъ, остались одни земскіе бояре, до конца существованія этихъ государствъ; а служилымъ боярамъ княжескимъ вовсе было запрещено пріобрѣтать землю на территоріи Новгородской или Псковской.

Надѣемся, что эти простыя соображенія совершенно упраздняютъ всѣ замысловатые поиски г. Ключевскаго въ области древнѣйшихъ отношеній города и села.

Не будемъ болѣе останавливаться на составѣ думы княжеской, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія о ней не даютъ никакихъ поводовъ къ дальнѣйшимъ подробностямъ въ этомъ отношеніи и такъ какъ ниже мы надѣемся представить образецъ думы древняго періода въ Новгородскомъ сенатѣ, гдѣ, „какъ муха въ янтарѣ" (выражаясь слогомъ г. Ключевскаго), уцѣлѣли палеонтологическія формы древнѣйшаго государства.

Что касается *правъ Думы* въ княжескій періодъ, то мы встрѣчаемся и здѣсь опять съ безысходными противорѣчіями въ прежнихъ и новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Да при томъ этотъ вопросъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о составѣ Думы; если подъ Думою разумѣются факты совѣщаній князя съ разными лицами, то о какихъ и чьихъ правахъ можетъ быть тутъ рѣчь! Если Думы не было, то смѣшно говорить о ея правахъ. Однако всѣ говорятъ о нихъ, и даже считаютъ эти права болѣе высокими и опредѣленными, чѣмъ права Московской Думы.

Осторожнѣе всѣхъ выражается В. И. Сергѣевичъ: „Согласно характеру княжескихъ совѣтниковъ имъ могъ принадлежать только совѣщательный голосъ" (стр. 361). С. А. Петровскій говоритъ рѣшительнѣе: „Совѣщался князь о тѣхъ вопросахъ, какіе находилъ нужными обсу-

---

[1]) Изчезаютъ ли они только изъ Думы, или изъ исторіи вообще?

дить съ дружиною. Какихъ-нибудь *постановленій* для этого не существовало, да не могло существовать въ то безформенное время, когда о какихъ нибудь *регламентаціяхъ* и понятія не имѣли, до нихъ еще было далеко даже и послѣдующему времени. Мнѣнія княжихъ мужей *не были обязательны* для князя, князья слѣдуютъ имъ или не слѣдуютъ „*по своей доброй волѣ*“ (стр. 11). Любопытно сопоставить съ этимъ мѣсто, помѣщенное на слѣд. стр. того же автора (стр. 12): „Отсюда *необходимость* совѣщаній князя съ своими боярами и при томъ не съ однимъ или двумя любимцами, а со *всѣми* (см. вышеприв. мѣсто состава Думы)... Княжеская Дума—результатъ положенія русскаго князя въ данную эпоху, результатъ значенія и силы бояръ при безсиліи верховной власти“. И такъ гдѣ нѣтъ „регламента“, „постановленія“, тамъ нѣтъ вовсе права, а съ другой стороны оказывается, что была *необходимость* совѣщаться съ боярами.

Нѣсколько болѣе (хотя не вполнѣ) опредѣленный отвѣтъ даетъ о правахъ Думы Н. П. Загоскинъ: „Дружинники, какъ это вполнѣ ясно усматривается изъ лѣтописей, смотрятъ на совѣщанія, на думу съ ними князей, какъ на свое *неотъемлемое право*“ (стр. 7).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ выражается, хотя не точно, но довольно рѣшительно, именно такъ: „Князь удѣльно-вѣчевой Руси считалъ себя *обязаннымъ* въ силу самаго порядка вещей обо всемъ думать со своими дружинниками; фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него къ *юридической обязанности*“ (стр. 21).

Г. Ключевскій не останавливался еще на вопросѣ о правахъ княжеской Думы, но мимоходомъ высказалъ упомянутое положеніе; но можетъ ли ученый, опытный въ конституціонномъ правѣ, сказать, что князь могъ совѣщаться съ кѣмъ ему угодно, но самое совѣщаніе для него обязательно? Этимъ старается онъ примирить мысль о шаткости состава Думы съ мыслію о твердости ея правъ. Замѣтимъ, что никто, знакомый съ историческими и дѣйствительными формами государственнаго устройства, не скажетъ этого: нельзя сдѣлать *обязательными* совѣщанія съ *неизвѣстными* лицами. Сверхъ того, такое требованіе было бы безцѣльно (а безцѣльныхъ требованій при господствѣ обычнаго права не бываетъ): какая польза государству, если князь посовѣтуется съ первымъ встрѣчнымъ на дорогѣ и при томъ не будучи обязанъ слѣдовать его совѣту?

Поставимъ вопросъ такъ:

Совѣщаніе князя съ Думою было ли обязанностію для него и правомъ бояръ? Если такъ, то обязанъ ли былъ онъ слѣдовать мнѣнію Думы? Предупреждаемъ, что отвѣтъ на эти вопросы заимствуется не изъ „уставовъ“ и „регламентовъ“, которыхъ въ періодъ господства обычнаго права не бываетъ; не было ихъ и въ Московскомъ государствѣ до конца его существованія. Не было „устава“ и для римскаго сената. Отвѣты на предложенные вопросы заимствуются изъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ обычномъ правѣ, бытіе и твердость котораго не должны бы подлежать сомнѣнію, по крайней мѣрѣ для юристовъ.

Немногочисленные факты, относящіеся сюда, были въ виду у всѣхъ названныхъ выше историковъ; да они и не могли быть не замѣчены по своей крайней характерности. Въ 1170 г. двое бояръ, Петръ и

Несторъ Бориславичи, сообщили князю Давиду ложное извѣстіе, будто бы кіевскій князь Мстиславъ хочетъ схватить и лишить свободы Давида и брата его Рюрика. Давидъ и Рюрикъ повѣрили. Откуда такое легковѣріе? Почему можно было предположить, что Бориславичи знаютъ мысль князя? Это тотчасъ же и объяснилось. Когда ложный навѣтъ двухъ бояръ открылся, то оклеветанный „Мстиславъ ужасеся мыслію и яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его... цѣ да будутъ злии человѣцы, завидяче твоей любви юже къ братьѣ имѣеше, вложили будутъ злое слово. А ты всякъ правъ передъ Богомъ и прѣдъ человѣкы; *тобѣ безъ насъ того нелзѣ было замыслити, ни створити*, а мы вси вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣй братьѣ“.—Итакъ князю нельзя было ничего важнаго не только сотворить, но и замыслить. На счетъ *исполненія* важныхъ замысловъ рѣчь будетъ сейчасъ. Теперь отмѣтимъ, что князь не могъ и *замыслить* безъ совѣщанія съ боярами.

Послѣ этого принципіальнаго выраженія становится понятно, какъ нужно смотрѣть на *безчисленный рядъ* совѣщаній князей всѣхъ земель съ своими боярами. Припомнимъ, что было сказано о принципѣ распознаванія обычнаго права (чрезъ повтореніе), и мы будемъ въ состояніи судить правъ ли С. А. Петровскій, сказавши: „какъ *часто* намъ лѣтописи ни упоминали бы, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія“.

Другой фактъ, который мы приведемъ сейчасъ, отвѣчаетъ и на первый и на второй изъ поставленныхъ вопросовъ: обязанъ ли былъ князь подчиняться рѣшенію Думы? Въ 1169 г. кн. Владиміръ Мстиславичъ задумалъ нарушить клятву къ кіевскому князя Мстиславу „и посла къ Рагуйлова Добрыничю и къ Михалева (своимъ боярамъ), являя имъ думу свою. И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“. Состояла ли изъ этихъ двухъ бояръ вся „дружина“ кн. Владиміра, или двое наиболѣе довѣренныхъ передали мысль князя прочимъ—неизвѣстно. Скорѣе послѣднее, ибо въ противномъ случаѣ бояре не могли бы сказать князю: „мы того не вѣдали, потому что онъ именно яви имъ думу свою“. Во всякомъ случаѣ бояре разошлись въ мнѣніяхъ съ княземъ. Повидимому мнѣніе бояръ не обязательно для князя. „Володимеръ же рече, воззрѣвъ на дѣцскы: а се будутъ мои бояре и поѣха къ Берендичемъ.“ Т. е. князь, обращаясь къ младшимъ членамъ двора („дѣтскимъ“), сказалъ, что онъ ихъ сдѣлаетъ боярами, въ замѣнъ теперешнихъ несговорчивыхъ. И этотъ фактъ замѣчателенъ: князь угрожаетъ замѣнить бояръ другими,—но не говоритъ, что онъ можетъ обойтись безъ бояръ. Но онъ не прибѣгъ къ этой мѣрѣ, а рѣшился осуществить намѣреніе неодобренное боярами, поѣхалъ за военною помощью къ усмиреннымъ варварамъ—Берендичамъ (которые составляли военную границу у кіевской земли). Но Берендичи видя, что онъ пріѣхалъ одинъ, и безъ мужей своихъ, начали въ него стрѣлять, говоря: „Ты ѣдешь одинъ и безъ мужей своихъ: значитъ ты насъ обманулъ“.

Какое дѣло Берендѣямъ, что князь пріѣхалъ безъ бояръ? Поселенные варвары не разъ распоряжались судьбами кіевской земли. Неужели для военнаго успѣха такъ важно было присутствіе въ походѣ нѣ-

скольких лицъ съ ихъ малочисленными свитами? Нѣтъ, отвѣтъ Берендѣевъ имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Князь, окруженный своими боярами, есть законный князь; присутствіе бояръ ручается за симпатіи населенія къ его предпріятію. Князь безъ бояръ есть авантюристъ. Это понятно было даже варварамъ. Итакъ князь, не покорившійся мнѣнію Думы, не только не могъ создать новыхъ бояръ изъ дѣтскихъ, но не встрѣтилъ сочувствія и повиновенія ни въ комъ.

Это обстоятельство даетъ поводъ и отчасти возможность оцѣнить и распутать смѣшеніе понятій: *нужды*, *необходимости*, *обязательности* совѣщаній князя съ боярами. Говорятъ, что „князь долженъ былъ прибѣгать къ этому средству, потому что сила князя въ дружинѣ; а эта-то сила независима отъ князя: оскорбленная въ чемъ-нибудь она оставитъ князя, уйдетъ; *поневолѣ* князь для успѣха своихъ предпріятій долженъ напередъ заручиться согласіемъ на него этой силы". (С. А. Петровскій, стр. 12).—Дѣйствительно между понятіемъ нужды и понятіемъ юридической обязанности большая разница. Я могу нуждаться въ совѣтѣ друга, потому что безъ помощи его не могу осуществить предпріятія; но я „не обязанъ" по закону съ нимъ совѣщаться. Такъ въ частныхъ отношеніяхъ. Но такъ ли бываетъ въ отношеніяхъ государственныхъ, особенно когда государство не имѣетъ письменныхъ регламентовъ? Что такое „нужда" для правителя государства? Политическое намѣреніе (пріобрѣтеніе престола, открытіе военнаго похода и т. д.). „Помощь друга", необходимая для осуществленія его, есть согласіе и повиновеніе населенія. Если къ этому населенію, или его части необходимо обращаться подъ опасеніемъ полнаго неуспѣха, то значитъ князь *обязанъ* къ этому. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ этой *нужды*, нѣтъ *и обязательности* такихъ соображеній. [1]) Изъ „нужды" интересовъ зарождается все государство и тотъ и другой видъ его управленія. Изъ повторенія явленія, вызванныхъ „нуждою", является обычное право.

Конечно, есть легкій способъ уклониться отъ натиска этихъ выводовъ. Можно повторить безъ дальнѣйшихъ размышленій, что государства то и не было въ то время, и „когда начало личное, субъективное господствуетъ надъ общимъ, частное надъ государственнымъ, когда все истекаетъ изъ личности..." и т. д. (Петровскій, стр. 13).

Но гдѣ же наконецъ государство и его начало? Не пора ли

[1]) Князь, лишенный содѣйствія бояръ, повидимому, еще не лишенъ всѣхъ средствъ: еще остается прочее гораздо большее населеніе. Но и это населеніе не повинуется князю, именно потому, что съ нимъ нѣтъ бояръ. Князь долженъ не только выслушать *мнѣнія* бояръ, но долженъ былъ согласить и *волю* ихъ.

Отсюда становится любопытнымъ отношеніе правъ Думы къ правамъ вѣча. И къ вѣчу обращаются князья когда *хотятъ*, или когда *принуждены*, и вѣче возстаетъ на князя когда *можетъ*. Но за вѣчемъ большинство изслѣдователей признало политическую силу, равную князю. Если права Думы равны правамъ вѣча, то надо быть послѣдовательными. А они дѣйствительно равны; достаточенъ одинъ примѣръ изъ сферы правопризванія князей и заключенія «ряда» съ ними: въ 1169 г. кн. Мстиславъ Изяславичъ «взялъ рядъ съ братьею, дружиною и кіянами». О законодательной власти вѣча мы знаемъ мало, а о законодательной дѣятельности Думы весьма не мало и изъ лѣтописей и изъ Русской Правды.

оставить въ покоѣ идеи столь неплодотворныя, не пора-ли признать въ этихъ формахъ „частныхъ“, „личныхъ“, „субъективныхъ“ зародышъ и корень государства? Лицо не есть отрицаніе государства, а его творческая сила.

Признавая только личную силу и волю, называя первый періодъ „безформеннымъ“, изслѣдователи тѣмъ не менѣе говорятъ не о князьяхъ (Владимірѣ, Изяславѣ и т. п.), а о княжеской власти, о способѣ ея преемства и правахъ, говорятъ, не о фактахъ сборищъ народа, а о вѣчѣ, какъ цѣльномъ учрежденіи и т. д. Даже болѣе: говоря, что и совѣты (князя съ боярами) остаются безъ всякаго юридическаго значенія, только одними частными личными совѣтами, на ряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ, „чисто фактическими“, они прибавляютъ (какъ будто продолжая ту же мысль): „Совѣщанія князей, Дума въ этомъ періодѣ остаются только *зерномъ*, изъ котораго впослѣдствіи *можетъ развиться то или другое государственное высшее учрежденіе*, и, смотря по тому, въ какія отношенія поставитъ впослѣдствіи исторія князя и старшихъ дружинниковъ, какой элементъ усилится, возьметъ перевѣсъ: князь, или старшая дружина—боярство, тотъ и оттѣнокъ приметъ самое государственное устройство—чисто монархическій или аристократическій“ (С. А. Петровскій, стр. 14). Послѣдняя мысль весьма справедлива; только между зерномъ и растеніемъ гораздо больше соотношенія, чѣмъ между произволомъ, случаемъ и правомъ.

Посмотримъ, какія учрежденія развились изъ княжеской Думы *въ тотъ же княжескій періодъ*, когда формы государственнаго устройства спеціализировались по разнымъ землямъ, когда въ Новгородѣ и Псковѣ взяла перевѣсъ вѣчевая власть, въ Галицкой и Волынской земляхъ боярская, въ Суздальской—княжеская.

Достойно замѣчанія, что всѣ упомянутые историки кромѣ В. И. Сергѣевича, писали свои книги и статьи послѣ появленія изслѣдованій г. Никитскаго о Новгородѣ и Псковѣ („Очерки жизни В. Новгорода. I. Правительственный Совѣтъ“, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. № 10 и „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“. Спб. 1873 г.). Въ одномъ изъ нихъ спеціально разсматривается одна изъ формъ княжеской Думы, именно самая интересная, т. е. та, которая установилась въ *вѣчевыхъ* земляхъ древней Руси (т. е. по общему признанію демократическихъ). Между тѣмъ ни одинъ изъ изслѣдователей не упомянулъ ни объ этой формѣ Думы, ни объ изслѣдованіяхъ г. Никитскаго, хотя одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, хочетъ наблюдать въ Новгородскомъ устройствѣ слѣды древнѣйшаго времени, „какъ муху въ янтарѣ“. Постоянно говоря о Думѣ, какъ результатѣ отношеній *бояръ къ князю*, упустили изъ виду отношенія ея къ населенію и вѣчу. Нуждается ли въ ней само государство, а не одни князья съ ихъ случайными интересами? Была ли она только „дружиною“, свитою князя, необходимымъ додаткомъ къ его власти, или составляетъ самостоятельную силу *на ряду съ княземъ и вѣчемъ*?—Именно примѣръ Новгорода можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы, а изслѣдованіе г. Никитскаго цѣнныя указанія для него.

Прежде всего „Совѣтъ“ (Rath) *существуетъ* въ Новгородѣ, не

смотря на полное самодержавіе вѣча. Въ актахъ иностранныхъ сношеній, онъ именуется *Herren-Rath*—совѣтъ господъ. Въ этихъ актахъ онъ выступаетъ на сцену наиболѣе по свойству дѣла, т. е. условіямъ дипломатическихъ сношеній: съ вѣчемъ постоянно сноситься по всякому вопросу неудобно.—Состоитъ этотъ сенатъ изъ владыки, княжескаго намѣстника, посадника тысяцкаго и пяти конецкихъ старостъ (по русскимъ источникамъ: и изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ—этихъ консуляровъ и преторіевъ Новгорода). Сверхъ того несомнѣнно, что въ немъ участвуютъ и просто бояре, потому что по иностраннымъ актамъ, совѣтъ состоитъ изъ 300 членовъ и даже называется совѣтомъ „300 золотыхъ поясовъ" („drey hundert guldenen gondelen" по внѣшнему сенаторскому знаку отличія). Не слѣдуетъ думать, чтобы составъ совѣта буквально выполнялъ эту цифру (подобно 300 римскихъ сенаторовъ), это такая же фикція, какъ въ названіяхъ частей государства тысячами и сотнями. Она указываетъ лишь на множественность членовъ совѣта.

Совѣтъ, засѣдавшій прежде на Городищѣ (княжескомъ замкѣ), когда власть князя была еще значительна, перенесенъ въ самый городъ, именно во дворъ архіепископа, когда народное собраніе начало брать перевѣсъ.

Совѣтъ имѣетъ несомнѣнно сильное значеніе особенно въ иностранныхъ сношеніяхъ. Да какъ ему не имѣть его, если въ немъ соединены всѣ магистраты В. Новгорода и всѣ „лучшіе люди" Новгородской земли?

Вотъ всѣ малочисленные, но цѣнные выводы изслѣдованій г. Никитскаго. Съ этимъ слѣдуетъ только сопоставить русскія извѣстія о „маломъ вѣчѣ", собиравшемся на „сѣняхъ" князя и извѣстія Мѣховиты о Новгородской „преторіи" изъ 100 сенаторовъ съ судебною властію.

Во Псковѣ высшая правительственная и судебная коллегія состоявшая изъ князя, посадниковъ и сотскихъ, называлась *господою*.

Полоцкъ, который долженъ быть также отнесенъ къ типу вѣчевыхъ земель, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, получилъ отъ князей Вячеслава и Давыда (сыновей Всеслава) вольность, которою этотъ городъ долженъ воспользоваться по смерти ихъ; по этому будто бы городъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество полоцкое республикою, которая управлялась вѣчемъ и *зо старѣйшинами или боярами* (Narbutt. III. 266. Турчиновичъ: Об. ист. Бѣлоруссіи, прим. 94).

Изъ этихъ фактовъ мы должны вывести, что и при господствѣ вѣчевыхъ формъ и приложеніи княжеской власти Дума Боярская, остается и притомъ съ правами весьма значительными. Слѣдов. она есть органическая часть *государственнаго устройства* древней Руси и не есть лишь додатокъ къ княжеской власти, или органъ управленія въ ихъ рукахъ.

Другой типъ древне-русскаго государственнаго устройства, специализировавшійся еще въ княжескомъ періодѣ, представляетъ Галицкая, а потомъ Галицко-Волынская земля; какъ въ сѣверозападныхъ земляхъ (Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ) взяла перевѣсъ вѣчевая власть, такъ здѣсь власть боярской Думы. Типическія стороны господства этой власти

проявляются уже тогда (въ XII, а особенно въ XIII вв.) въ слѣдующихъ чертахъ. Мы знаемъ уже, что согласно древнему общерусскому государственному устройству, Дума дѣлитъ съ вѣчемъ право призванія и смѣщенія князей. Въ упомянутой землѣ, это право спеціализируется въ рукахъ Думы: въ 1202 г. „Галицкіе бояре послали по князей Игоревичей (желая устра́нить династію Романа В.) и посадили ихъ: въ Галичѣ Володиміра, а Романа въ Звенигородѣ? Но чрезъ 6 лѣтъ призванные князья вступили въ открытую борьбу съ боярами (конечно потому, что боярская Дума лишила ихъ всякой власти, князья „сдѣлали заговоръ“ („совѣтъ сотворища“) на бояръ Галицкихъ, чтобы избить ихъ, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, дѣйствительно избили. Тогда былъ убитъ Юрій Витоновичъ, Илья Щепановичъ, и иные великіе бояре; и было ихъ убито тогда 500 человѣкъ, а другіе разбѣжались. Но нѣкоторые остались вѣрными сторонѣ Игоревичей. Бѣжавшіе нашли помощь въ Униахъ—своихъ постоянныхъ союзникахъ и выставили противъ Игоревичей свою старую княжескую фамилію, которую они же изгнали. Съ угорскою помощію и съ Даніиломъ Романовичемъ, они явились въ отечество. Игоревичи взяты въ плѣнъ; Даніилъ возведенъ на княжескій столъ. Такимъ образомъ бояре Володимерьстіи и Галичныи и воеводы Угорьскыя посадиша князя Даніила на столѣ отца своего, вел. кн. Романа въ церкви Св. Богородицы. Объ участіи народа (вѣча) въ этомъ посаженьи и рѣчи нѣтъ. Плѣненные князья Игоревичи Романъ, Святославъ Ростиславъ казнены боярами „яко злодѣи“. — Недолго ужились бояре и съ Даніиломъ и изгнали его. Вообще право смѣщенія князей выражено въ слѣд. словахъ обращенныхъ къ князю: „Не можеши держати Галича, бояре не хотятъ тебе“.

Право распоряжаться княжескимъ столомъ въ рукахъ бояръ не ограничилось правомъ призванія и смѣщенія князей изъ рода Рюрика: они призываютъ и иноземныя династіи, и разъ заявлена была попытка сдѣлать княжескій столъ доступнымъ для бояръ: одинъ бояринъ (Володиславъ) „въѣхалъ въ Галичъ, вокняжился и сѣлъ на столѣ“. Но эта попытка пока неудалась; она осуществится въ той же западной половинѣ Руси позднѣе—въ эпоху польскаго владычества.

О вѣчѣ во всю Галицкую исторію этого времени упоминается только одинъ разъ въ 1231 году, когда Даніилъ хотѣлъ поднять эту силу въ противовѣсъ боярамъ: „Даніилъ созвалъ вѣче..., и сказалъ имъ (народу): хочете ли быть вѣрны мнѣ, чтобы я могъ идти на враговъ моихъ (бояръ)? Они же кликнули: вѣрны мы Богу и тебѣ. “Однако и эта сила оказалась недѣйствительною, и „Самодержецъ земли Русской“ Даніилъ долженъ былъ подчиниться вліянію бояръ во все свое княженіе.

До сихъ поръ рѣчь шла все о „боярахъ“. Нужно ли считать это тожественнымъ съ боярскою Думою? Откуда слѣдуетъ, что бояре дѣйствуютъ какъ члены правительственной коллегіи, а не просто, какъ члены партіи? Для рѣшенія этихъ вопросовъ просимъ обратить вниманіе на то, что боярамъ приписываются общія правительственныя дѣйствія (напр. общее рѣшеніе вопросовъ о призваніи и смѣщеніи князя).

Надо же предположить такое учрежденіе, гдѣ эти вопросы вырабатывались и рѣшенія постановлялись.

Нужно, однако, замѣтить, что эта форма далѣе другихъ отклонилась отъ древняго типа обще-русскаго государственнаго устройства. Она послужила переходомъ къ порядкамъ Литовско-Русскаго государства.

Итакъ въ одной группѣ русскихъ государствъ, именно въ государствахъ вѣчевыхъ, боярская Дума остается тѣмъ не менѣе *одною изъ важнѣйшихъ частей государственнаго устройства;* въ другой группѣ— государствахъ юго-западныхъ, она становится *главнымъ основаніемъ* государственнаго устройства (а не органомъ управленія).

Такъ какъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ генетической связи между княжескою Думою и Радою или Сенатомъ великаго княжества Литовскаго, съ одной стороны, и Московскою Думою—съ другой, то нашимъ историкамъ слѣдовало бы сопоставить эти учрежденія для полученія надлежащихъ выводовъ какъ объ этихъ учрежденіяхъ такъ и о томъ зернѣ, изъ котораго они развились (т. е. о Думѣ княжеской). Всѣ они суть различныя проявленія того общаго типа учрежденій, который во всѣхъ государствахъ классической и новой Европы носитъ названіе *сената* или *совѣта* (Bovchŷ, Rath).

Такія учрежденія, говоримъ, существуютъ повсюду несмотря на разницу въ основаніяхъ государственнаго устройства. На примѣрѣ русской исторіи мы видимъ, что Дума существуетъ не только при демократическихъ и аристократическихъ формахъ, но и чисто монархическихъ (Московская Боярская Дума).

М. Владимірскій-Будановъ.

(Профессоръ Имп. Университета Св. Владиміра).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРІЯ.

Л. Де-Вальроже, Кельты и кельтическая Галлія, критическій этюдъ. (Les Celtes, la Gaule celtique, ètude critique par L. de Valroger, Professeur d'histoire du droit romain et du droit français à la faculté de droit de Paris. Paris. 1879).

Профессоръ исторіи права при парижскомъ юридическомъ факультетѣ Л. Де-Вальроже приступилъ въ настоящее время къ обнародованію пространной исторіи французскаго права. Введеніе къ этому труду обнимаетъ собою два критическихъ этюда, изъ которыхъ первый подъ заглавіемъ „Les Celtes et la Gaule celtique“ уже появился въ печати, а другой „La Gaule romaine“ выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Эти этюды имѣютъ цѣлью подготовить читателя къ вѣрному пониманію характера права первыхъ временъ франкской монархіи, невозможному безъ близкаго знакомства съ судьбами Галліи въ кельтическое время и во времена господства Римлянъ.

Первый этюдъ обнимаетъ собою большой томъ въ 560 стр. in-8° и посвященъ главнымъ образомъ разрѣшенію вопроса, на сколько древнекельтическое право послужило основаніемъ обычному праву средневѣковой Франціи. Ученіе, что средневѣковые французскіе кутюмы имѣютъ своимъ главнымъ источникомъ древнекельтическое право, высказанно и развито уже въ прошломъ столѣтіи ученымъ Гроле (Grosley), въ его сочиненіи „Recherches pour servir a l'histoire du droit français, 1752“; оно получило право гражданства во французской наукѣ и разработывалось въ послѣднее время на основаніи новыхъ данныхъ и съ новой точки зрѣнія. А именно, сравнительное языковѣдѣніе удостовѣрило кельтическое происхожденіе нѣкоторыхъ языковъ, на которыхъ говорятъ еще въ настоящее время въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Бретани, Великобританіи и Ирландіи и указало такимъ образомъ на близкое родство племенъ, говорящихъ на этихъ языкахъ съ древними Галлами. Отсюда ученые юристы заключили, что сохранившіеся у этихъ народовъ памятники ихъ древняго права представляютъ вѣрный образъ юридическихъ обычаевъ древней Галліи, и въ нихъ стали искать

основъ средне-вѣковаго французскаго права. — Де-Вальроже подвергаетъ всѣ эти положенія научной критикѣ. Съ этою цѣлью онъ рядомъ съ изученіемъ показаній древнихъ писателей о бытѣ Кельтовъ Галліи занимается изслѣдованіемъ исторіи и быта другихъ кельтическихъ народовъ, при чемъ, придерживаясь вполнѣ вѣрныхъ воззрѣній на солидарность явленій во всѣхъ сферахъ народной жизни, онъ обращаетъ вниманіе не только на право и памятники права, но также и на проявленія народнаго духа въ другихъ областяхъ жизни, въ области религіознаго, нравственнаго и умственнаго развитія. Въ настоящемъ этюдѣ, авторъ знакомитъ насъ не только съ правомъ Галліи, но и съ ея общественнымъ бытомъ, политическимъ устройствомъ, военной организаціей, и религіозными вѣрованіями; то же самое онъ дѣлаетъ относительно другихъ странъ, населенныхъ кельтами: въ 3-емъ и 4-омъ отдѣлѣ этюда мы можемъ найти подробныя свѣдѣнія о правѣ и исторіи, политической организаціи, умственномъ развитіи, литературѣ, миѳахъ и вѣрованіяхъ Валлиса, нижней Бретани, Ирландіи и Горной Шотландія. Такимъ образомъ авторъ подробно знакомитъ насъ съ кельтической цивилизаціей, такъ какъ она проявилась въ древней Галліи и затѣмъ въ средніе вѣка у остатковъ нѣкогда многочисленной кельтической отрасли арійской расы. Изъ только что сказаннаго видно, что изслѣдованіе Де-Вальроже, по одному въ немъ сведенному матерьялу, представляетъ значительный научный интересъ. Правда, во французской литературѣ тотъ же самый матерьялъ не разъ уже изслѣдовался, сводился и систематизировался, но ни одинъ изъ этихъ сводовъ, ни одна изъ этихъ систематизацій не представляетъ такой полноты, какую мы находимъ въ трудѣ Де-Вальроже. Къ тому же всѣ предшествующія систематизаціи нѣсколько уже устарѣли; всѣ онѣ составлены относительно уже давно, когда большинство памятниковъ кельтической старины не были еще изданы, когда почти не существовало изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ. Де-Вальроже изучилъ всѣ изданные до сихъ поръ памятники; онъ основательно познакомился со всѣми новѣйшими работами, относящимися къ кельтическимъ древностямъ и исторіи кельтическихъ племенъ. Кромѣ того работа Де-Вальроже отличается отъ прежнихъ систематизацій и по научной обработкѣ матерьяла. Авторъ, собственно говоря, не удовлетворился одной систематизаціей кельтическихъ бытовыхъ и юридическихъ древностей. Для разрѣшенія занимавшаго его вопроса, онъ счелъ нужнымъ сравнить бытъ и право древнихъ Кельтовъ съ бытомъ и правомъ древнихъ Германцевъ: только послѣ такого сравненія онъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе объ основахъ средневѣковыхъ французскихъ кутюмовъ. Точно также для большей полноты авторъ всему этюду предпослалъ отдѣлъ, въ которомъ изложилъ свѣдѣнія объ индоевропейскихъ народахъ вообще, объ ихъ первоначальной родинѣ, объ ихъ переселеніяхъ, объ общихъ началахъ быта и права, которые они вынесли съ собою изъ первоначальной родины. Здѣсь же авторъ упомянулъ и объ аборигенахъ, жившихъ въ Галліи до занятія этой страны Кельтами.

Указавъ такимъ образомъ на задачи, разрѣшеніе которыхъ имѣлось въ виду при составленіи разсматриваемаго нами этюда, познакомимся въ общихъ чертахъ съ самимъ содержаніемъ книги Де-Вальроже. Первая часть посвящена доисторическому времени, она озаглавлена „Les temps

primitifs de la Gaule". Здѣсь авторъ прежде всего занимается вопросомъ, кто были аборигены древней Галліи? Почва Франціи изобилуетъ слѣдами неизвѣстныхъ намъ первобытныхъ народовъ, обитателей пещеръ и свайныхъ построекъ. Этимъ народамъ принадлежатъ по всей вѣроятности тѣ загадочные памятники грубой работы, которые считали прежде кельтическими и которые принято теперь называть согласно ихъ формѣ мегалитическими. Но до сихъ поръ не удалось наукѣ опредѣлить, къ какой расѣ принадлежало это первоначальное населеніе Франціи. Первые обитатели этой страны, наименованіе которыхъ дошло до насъ, были Иберы и Лигуры. Происхожденіе этихъ двухъ народовъ загадочно. Принято считать ихъ принадлежащими къ двумъ различнымъ расамъ. Нѣкоторые ученые признаютъ даже Лигуровъ индо-европейскимъ народомъ, каковымъ Иберы, согласно новѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, несомнѣнно не были. На основаніи показаній древнихъ писателей, согласно которымъ типъ, нравы и обычаи Лигуровъ крайне схожи были съ типомъ, нравами и обычаями Иберовъ, Де-Вальроже высказываетъ предположеніе, что эти два народа принадлежали къ одной расѣ. Исторія застаетъ Иберовъ не только въ Галліи, но и по ту сторону Пиренеевъ, въ теперешней Испаніи, а остатки этого народа живутъ и теперь на границахъ Франціи и Испаніи. Это — Баски. Дѣйствовавшее у Басковъ въ средніе вѣка обычное право (такъ напримѣръ бискайскіе fueros) представляетъ для историка-юриста громадный интересъ. Это право сложилось въ теченіи вѣковъ, подъ различными вліяніями. Было бы крайне ошибочно искать въ немъ полнаго образа древне-иберійскихъ юридическихъ обычаевъ. Но, посреди крайне смѣшанныхъ обычаевъ, до сихъ поръ въ странѣ Басковъ мы встрѣчаемся съ оригинальными институтами, которые еще Страбонъ подмѣтилъ у древнихъ Иберовъ. Такъ, напримѣръ, женщина у Иберовъ пользовалась гораздо большими правами, чѣмъ у другихъ народовъ; она не только не устранялась братьями отъ наслѣдованія, но даже часто сама устраняла ихъ. Тѣже начала мы встрѣчаемъ въ обычномъ правѣ нѣкоторыхъ мѣстностей баскихъ провинцій. Точно также странный обычай, извѣстный подъ названіемъ la coubade или la couvade, до сихъ поръ практикующійся въ Бискайѣ, существовалъ по показаніямъ Страбона у древнихъ Иберовъ. Параллель между обычаями древнихъ Иберовъ и нынѣшнихъ Басковъ проводится Де-Вальроже съ крайнею осторожностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Небольшая, относящаяся сюда глава составлена на основаніи лучшихъ изслѣдованій по исторіи Басковъ, каковы сочиненія Вильгельма Гумбольдта, Люшера, Кордье, Мишеля де ля Греза и Беллоге. Послѣ Лигуровъ и Иберовъ появляются Кельты, они вытѣсняютъ Иберовъ отъ береговъ моря въ припиренейскія мѣстности и за Пиренеи. Кельты были первымъ индо-европейскимъ народомъ, появившимся въ древней Галліи. Коснувшись индо-европейскаго происхожденія кельтовъ, Де-Вальроже считаетъ умѣстнымъ сообщить предварительныя свѣдѣнія объ индо-европейской расѣ вообще. Относящаяся сюда глава принадлежитъ къ самымъ слабымъ частямъ сочиненія Де-Вальроже. Она умѣстна была бы въ лекціяхъ для студентовъ, но не въ критическомъ этюдѣ, предназначенномъ для ученыхъ. Невозможно на какихъ нибудь 20 страницахъ подвести итоги всему тому, что сдѣлано за послѣднее время въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, сравнительной

миѳологіи и сравнительнаго правовѣдѣнія индо-европейскихъ народовъ. Кромѣ того, въ сущности, Де-Вальроже говоритъ въ этой главѣ не объ индо-европейскихъ народахъ вообще, а скорѣе о древнихъ индусахъ въ частности. Знакомство съ литературой тоже крайне неполное и носитъ какой-то характеръ случайности: весь очеркъ составленъ только на основаніи исторіи санскритской литературы и сравнительной миѳологіи Макса Мюллера, исторіи индусской литературы Вебера и сочиненія Бартелеми Сентъ-Илера „Буддизмъ“. Глава эта смѣло могла бы быть опущена безъ ущерба для сочиненія. Въ послѣдней главѣ первой части авторъ обращается къ кельтической отрасли индо-европейской расы, указываетъ на подраздѣленія этой отрасли и на тѣ территоріи, которыя кельтическія племена заняли въ Европѣ. Существующія въ настоящее время въ Европѣ кельтическія племена распадаются на двѣ отрасли: a) кимрическую, къ которой принадлежатъ жители Валлиса въ Великобританіи и Нижней Бретани во Франціи, и b) гаелическую, къ которой относятся Ирландцы и жители Горной Шотландіи. Каждая изъ этихъ отраслей говоритъ рѣзко обособившимися и отличающимися другъ отъ друга діалектами древне-кельтическаго языка, на которомъ говорила нѣкогда и древняя Галлія, какъ-то явствуетъ изъ галльскихъ словъ, переданныхъ намъ древними писателями: корень большинства изъ этихъ словъ находится въ извѣстныхъ намъ кельтическихъ языкахъ. Таковы результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ области кельтической филологіи. Въ виду этихъ результатовъ невольно приходитъ мысль нельзя ли посредствомъ изученія исторіи, дошедшихъ до насъ памятниковъ старины, вѣрованій и преданій Бретани, Валлиса, Ирландіи и Шотландіи уяснить проблемы кельтической эпохи исторіи Галліи. Подобныя попытки не разъ уже дѣлались. Но какъ? Для установленія того или другаго взгляда поспѣшно собирались данныя изъ быта народовъ, исторія которыхъ была мало извѣстна, изъ древнихъ литературъ, о которыхъ имѣлось весьма неясное представленіе, изъ законовъ и обычаевъ, памятники которыхъ оставались далеко неразъясненными. На основаніи этихъ данныхъ дѣлались крайне поспѣшные выводы. Въ возсозданіи общественнаго строя древней Галліи главную роль играло такимъ образомъ воображеніе. Де-Вальроже предполагаетъ слѣдовать иному пути. Онъ прежде всего собираетъ, изучаетъ и излагаетъ въ системѣ показанія древнихъ писателей, относящіяся къ быту древнихъ Галловъ. Затѣмъ онъ обращается къ другимъ народамъ кельтическаго племени, знакомится съ ихъ исторіей, литературой и памятниками ихъ права, и только, послѣ такого изученія, приступаетъ къ разрѣшенію вопроса, насколько данными изъ исторіи и быта другихъ кельтическихъ племенъ могутъ быть пополнены показанія древнихъ писателей о Галлахъ. Первую часть этой задачи онъ выполняетъ во второй части этюда, озаглавленной „les Gaulois dans les temps historiques.“

Во главѣ I-ой второй части онъ говоритъ о переселеніяхъ кельтовъ. Кельты проникли въ Европу инымъ путемъ, чѣмъ греки и латины. Они обогнули черное море, затѣмъ повернули на сѣверо-западъ къ балтійскому морю и, слѣдуя вдоль береговъ балтійскаго и нѣмецкаго морей, вкочевали съ сѣвера въ теперешнюю Францію. Здѣсь кельтическое племя осѣло, но, несмотря на это, выселенія въ другія страны не рѣдко имѣли мѣсто.

Такъ кельты перешли через Пиренеи, заняли часть Испаніи и смѣшались съ Иберами. Далѣе, преданіе говоритъ о галльскихъ вождяхъ Сиговезѣ и Белловезѣ, изъ которыхъ одинъ вывелъ часть кельтическаго племени чрезъ герсинскій лѣсъ въ придунайскія страны, а другой перешелъ Альпы и занялъ часть Италіи, которая и впослѣдствіи населена была кельтами. Въ историческое время кельты вторгаются въ Грецію, переходятъ Босфоръ и овладѣваютъ въ Малой Азіи областью, извѣстною подъ названіемъ Галатіи. Здѣсь они быстро усвоиваютъ себѣ формы эллинской культуры.

Глава II-ая посвящена внѣшнимъ вліяніямъ на Галлію, исторіи основанія въ ней финикійскихъ и греческихъ колоній.

Въ III-ей главѣ излагается исторія завоеванія Галліи Римлянами, а въ IV и V-ой мы находимъ описаніе Галліи во времена Цезаря главнымъ образомъ на основаніи комментарій самаго Цезаря, показанія котораго Де-Вальроже считаетъ заслуживающими наиболѣе довѣрія. Цезарь въ началѣ своихъ комментарій говоритъ про кельтовъ или галловъ „Ipsorum lingua Celtae, nostra Galli appellantur“ и констатируетъ такимъ образомъ, что Кельты и Галлы были однимъ и тѣмъ же народомъ. Де-Вальроже полагаетъ, что латинское, „Galli“ было искаженіемъ греческаго „Γαλάται“, являющагося въ свою очередь искаженіемъ кельтическаго „Kaltes“ и опровергаетъ мнѣніе Бертрана (въ его Archéologie celtique, 1876), утверждающаго, что въ Галліи жили два отличные другъ отъ друга народа — Кельты и Галлы. Далѣе, Де-Вальроже, приводя показанія Цезаря о томъ, что вся Галлія дѣлится на три части, на аквитанскую, белгійскую и кельтическую, объясняетъ это дѣленіе на основаніи изученія всѣхъ касавшихся этого вопроса сочиненій древнихъ писателей, самаго Цезаря, Страбона, Амміана Марцелина и Тацита, слѣдующимъ образомъ: средина Галліи была занята чисто кельтическимъ населеніемъ, въ Аквитаніи Кельты смѣшались съ Иберами, а въ Бельгіи съ Германцами, пришедшими сюда изъ теперешней Голландіи. Въ Аквитаніи преобладалъ элементъ иберійскій, а въ Бельгіи германскій надъ кельтическимъ, хотя большинство германскаго населенія этой страны и усвоило кельтическій языкъ.

Въ главѣ VI Де-Вальроже обращаетъ вниманіе читателя на то, что Кельты и Германцы являются хотя и отраслями одной и той-же расы, но отраслями значительно обособившимися и отличающимися другъ отъ друга языкомъ: время, среда и исторія положили на каждую изъ нихъ своеобразный отпечатокъ. Затѣмъ авторъ ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли въ виду такого отличія древнихъ Германцевъ отъ Галловъ устранить при изложеніи находящихся у древнихъ писателей свѣдѣній о древней Галліи все то, что относится къ Германцамъ. Вопросъ этотъ рѣшается авторомъ отрицательно. По его мнѣнію ничто не можетъ дать такого вѣрнаго понятія о Галлахъ какъ подобное сравненіе съ Германцами. Германцы намъ гораздо лучше извѣстны, чѣмъ Галлы, о бытѣ которыхъ всѣ наши свѣдѣнія заключаются въ нѣсколькихъ страницахъ коментарій Цезаря и отрывочныхъ показаніяхъ латинскихъ и греческихъ писателей. Памятники быта Германцевъ напротивъ того находятся въ изобиліи. У Цезаря мы находимъ первый очеркъ нравовъ Германцевъ. Тацитъ, какъ-бы пред-

чувствуя величіе будущихъ судебъ германскаго народа, подробно съ нимъ знакомится; послѣ паденія имперіи, Германцы сами описываютъ себя въ leges barbarorum, наконецъ важный источникъ познанія древне-германскаго быта представляютъ памятники скандинавскихъ народовъ, отрасли германскаго племени, вслѣдствіе изолированности своей наименѣе измѣнившей свои національныя основы. По этому говоритъ Де-Вальроже, то, что болѣе извѣстно, послужитъ намъ къ познанію того, что менѣе извѣстно: мы увидимъ, въ чемъ Германцы и Галлы были схожи другъ съ другомъ, и въ чемъ они другъ отъ друга отличались.

Въ Главѣ VII Де-Вальроже разсматриваетъ состояніе культуры въ Галліи и Германіи. Галлія во времена Цезаря представляетъ гораздо большіе успѣхи гражданственности, чѣмъ Германія. Не только земледѣліе, но и промышленность и торговля достигли въ Галліи извѣстной степени развитія, между тѣмъ какъ въ Германіи даже земледѣліе было крайне слабо развито, а главное богатство народное составляли стада. Этимъ слабымъ развитіемъ земледѣлія Де-Вальроже объясняетъ поземельныя отношенія древней Германіи, гдѣ мы не встрѣчаемся съ частной поземельной собственностью, но гдѣ земля составляла собственность общины, а отдѣльныя лица получали участки только въ пользованіе, при чемъ ежегодно былъ передѣлъ. Здѣсь Де-Вальроже пользуется случаемъ, чтобы указать, что мѣста изъ Цезаря и Тацита (Caesar, VI, 22; Tac. Germ. CXXVI), касающіяся поземельныхъ отношеній въ древней Германіи, несомнѣнно говорятъ о ежегодныхъ передѣлахъ общинной земли, и что всѣ доводы, приводимые нѣкоторыми германскими учеными въ пользу мнѣнія, по которому у Цезаря и Тацита говорится не о передѣлахъ, а о трехпольномъ хозяйствѣ, голословны. [1]) Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ главы Де-Вальроже указываетъ на отсутствіе городовъ въ древней Германіи, между тѣмъ какъ у Цезаря часто упоминаются oppida, существовавшія въ Галліи. Правда, въ большинствѣ случаевъ эти oppida имѣли значеніе т. н. refugia, т. е. убѣжищъ, но были и такія oppida, которыя могутъ быть названы въ точномъ смыслѣ этого слова городскими поселеніями.

Въ Главѣ VIII разсматривается политическая организація Галловъ и Германцевъ. Какъ Германцы такъ и Галлы, по показаніямъ древнихъ писателей, распадались на массу небольшихъ народцевъ, которые Цезарь и Тацитъ называютъ „civitates". Во главѣ этихъ civitates, какъ у того, такъ и другаго народа, мы встрѣчаемъ королей. Въ Германіи королевская власть была ни чисто наслѣдственной, ни чисто выборной: короли избирались народомъ изъ опредѣленнаго рода, прославившагося подвигами въ древнія времена. Въ Галліи короли избирались, и Цезарь не упоминаетъ нигдѣ о наслѣдственной монархіи у Галловъ. Въ обѣихъ странахъ были civitates безъ королей: въ Галліи въ такомъ случаѣ вмѣсто короля избирались магистраты на извѣстный

[1]) По поводу спора ученыхъ о значеніи указанныхъ въ текстѣ мѣстъ изъ Цезаря и Тацита сравни весьма интересную брошюру боннскаго профессора Ахенбаха «о лѣсосѣчныхъ общинахъ въ горахъ Зигерланда» русскій переводъ подъ моей редакціей. Ярославль 1878.

срокъ, такъ напр. у Aedui избирался на годъ верховный вождь, именовавшійся Vergobret. И въ Германіи и въ Галліи власть королевская была ограничена народнымъ собраніемъ, при чемъ въ Германіи по словамъ Тацита «de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes»; въ Галліи же въ собраніи участвовали далеко не всѣ граждане, что видно уже изъ того, что Цезарь называетъ эти собранія — сенатами. Что касается общественныхъ классовъ, то въ этомъ отношеніи Галлія еще болѣе отличалась отъ Германіи. Въ Германіи хотя и была аристократія, но она пользовалась только особымъ почетомъ и не устраняла народъ отъ участія въ управленіи: всякій свободный Германецъ принималъ участіе въ политической жизни, какъ только онъ становился способнымъ носить оружіе. Въ Галліи масса народная не только устранена была отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, но и жила въ глубокомъ униженіи, подавляемая могучей и многочисленной аристократіей, т. н. equites. Де-Вальроже высказываетъ предположеніе, что аристократія эта была потомствомъ Кельтовъ-завоевателей, а плеба потомствомъ Аборигеновъ, покоренныхъ Кельтами. Ниже плебы стояли obaerati, напоминающіе nexi древняго Рима. Впрочемъ, плеба Галліи имѣла косвенное вліяніе на общественныя дѣла. А именно, въ Галліи мы встрѣчаемся съ различными отношеніями патроната и кліентеллы: такъ, лица изъ сословія всадниковъ брали подъ свое покровительство лицъ плебейскаго званія и защищали ихъ отъ насилій со стороны другихъ членовъ своего сословія. Значеніе извѣстнаго лица при такомъ порядкѣ вещей въ свою очередь въ извѣстной степени зависѣло отъ числа кліентовъ, которыхъ ему удалось сгруппировать около себя. Начало кліентеллы примѣнялось не только во внутренней жизни племенъ Галліи, они имѣли значеніе и въ отношеніяхъ между-племенныхъ. Civitates Галліи далеко не всѣ были одинаково могущественны, въ слѣдствіе чего не рѣдко слабое племя поручало себя защитѣ болѣе сильнаго, дѣлалось, если можно такъ выразиться его кліентомъ. Племя, сгруппировавшее около себя значительное число такихъ племенъ — кліентокъ, дѣлалось очень могущественнымъ и стремилось къ гегемоніи въ Галліи. Этимъ объясняется постоянная борьба между племенами Галліи. Неурядица, отсюда вытекавшая, могла быть предотвращена только посредствомъ прочной федеративной системы правленія. Зачатки подобной системы въ дѣйствительности существовали въ Галліи. Между тѣмъ какъ народы Германіи не связаны были между собою никакою связью, въ Галліи были общія національныя собранія — concilia totius Galliae, какъ ихъ называетъ Цезарь. Но эта федеративная организація осталась въ зачаточномъ состояніи. Де-Вальроже указываетъ, какъ Цезарь хотѣлъ эксплуатировать её для своихъ цѣлей, и какъ затѣмъ она окончательно пала въ слѣдствіе внутренней розни. Рознь была повсюду въ Галліи: внутри civitates она выразилась въ борьбѣ плебы съ equites, въ отношеніяхъ между-племенныхъ въ борьбѣ изъ за гегемоніи. Вмѣшательство римлянъ еще усложнило эту рознь, появились партіи римская и національная: послѣдней не суждено было восторжествовать надъ первой.

Въ главѣ IX-ой Де-Вальроже сравниваетъ военную организацію

Галловъ и Германцевъ. Въ Германіи всякій свободный способный носить оружіе, былъ воиномъ. Тоже самое можно сказать про сословіе equites въ Галліи. Equites составляли обыкновенную военную силу страны и отправляли воинскую повинность на конѣ. Только въ экстренныхъ случаяхъ войско пополнялось плебеями, изъ которыхъ организовались отряды пѣхоты: плохо подготовленные къ военной службѣ, и плохо вооруженные, плебеи являются самою слабою частью гальскихъ армій. Такимъ образомъ вся военная сила Галловъ сосредоточивалась въ конницѣ, наоборотъ у Германцевъ, по выраженію Тацита „in pedite robur", главную роль играла пѣхота. Какъ въ Германіи, такъ и въ Галліи войско не состояло изъ частей, искуственно составленныхъ: люди, выставленные извѣстнымъ племенемъ, составляли независимый отдѣлъ войска. Кромѣ этихъ отношеній, какъ въ Германіи, такъ и въ Галліи мы встрѣчаемъ постоянно окружающую вождей дружину. Что дружина существовала въ древней Галліи, это, по нашему мнѣнію, несомнѣнно доказано доводами, которые приводитъ Де-Вальроже. Намъ кажется, что нельзя не согласиться съ нимъ, что devoti и soldurii, о которыхъ говоритъ Цезарь (Com. III 22), были дружинниками гальскихъ вождей. Съ однимъ, съ чѣмъ мы позволимъ себѣ не согласиться, это съ выводомъ, который Де-Вальроже дѣлаетъ въ концѣ сравненія германской дружины съ гальской. Онъ думаетъ, что существованіе дружиннаго начала у Галловъ нисколько не даетъ намъ права заключить, что средневѣковый феодализмъ кельтическаго происхожденія, такъ какъ дружинное начало не могло удержаться въ Галліи подъ владычествомъ римлянъ. По его мнѣнію феодализмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно дружинному началу германскихъ племенъ. Въ виду новѣйшихъ изслѣдованій о происхожденіи феодализма подобный выводъ намъ кажется одностороннимъ. Изслѣдованія Фюстель-де-Куланжа (смотри рядъ его статей въ „Revue des deux mondes" за 1873 и 74 годъ подъ заглавіемъ „Les origines du régime féodal", а равнымъ образомъ его „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France") ясно показали, что многіе элементы феодализма, а главнымъ образомъ патронатъ и кліентелла (дружина была видомъ кліентеллы) существовали и въ послѣднія времена римскаго владычества до занятія Галліи варварами. Ходъ событій можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ. Въ тотъ моментъ, когда Цезарь знакомится съ кельтическимъ обществомъ, общество это находится въ переходномъ состояніи. Родовое начало пало, на его развалинахъ созидается начало государственное, но развитіе этого начала встрѣчаетъ не мало препятствій. Главнымъ препятствіемъ была та рознь, о которой мы говорили выше. Въ слѣдствіе этой розни не могла возникнуть сильная центральная власть, а потому отдѣльныя личности, лишенныя защиты рода, искали покровительства не у слабой, еще не развившейся общественной власти, но у сильныхъ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ возникли различные виды патроната и кліентеллы. Патронатъ по самому существу своему былъ враждебенъ государственному началу. Эти два начала боролись другъ съ другомъ въ Галліи, когда появился Цезарь въ этой странѣ. Безъ вмѣшательства римлянъ, неизвѣстно, которая изъ двухъ системъ общественнаго устрой-

ства восторжествовала бы окончательно. Римляне дають перевѣсъ началамъ государственности подъ двоякой формой муниципальныхъ союзовъ и императорской централизаціи. Не было иной власти, кромѣ власти имперіи и муниципальныхъ курій. Чрезъ нѣсколько столѣтій въ лонѣ самой римской имперіи снова возрождается патронатъ. Это возрожденіе совпадаетъ съ полнымъ ослабленіемъ публичной власти. Когда государство оказалось не въ силахъ охранять повсюду общественную безопасность, совершился у людей инстинктивный поворотъ къ старому началу личнаго подчиненія. Кельтическій патронатъ и кельтическая кліентелла снова возродились въ Галліи при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ; затѣмъ въ Галлію вторгаются франки, общественный строй которыхъ въ свою очередь проникнутъ былъ въ значительной степени началами личнаго добровольнаго подчиненія, началами патроната и кліентеллы. Такимъ образомъ феодализмъ слагается изъ началъ кельтическихъ, возродившихся при благопріятныхъ условіяхъ въ послѣднія времена имперіи и началъ германскихъ, чѣмъ и объясняется быстрое развитіе феодализма, покоившагося такимъ образомъ на воззрѣніяхъ всѣхъ народностей, изъ слиянія которыхъ возникъ французскій народъ.

Глава X посвящена религіи. Въ первомъ, отдѣленіи авторъ говоритъ о религіи германцевъ, приводитъ Эдды Стурлезона и Семунда, какъ главные источники, откуда мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о германской миѳологіи, обращаетъ вниманіе читателя на то, что въ основахъ языческихъ вѣрованій древнихъ Германцевъ встрѣчаются характеристическія черты первобытнаго язычества индо-европейской расы, обоготвореніе явленій природы, чувствъ, волнующихъ человѣческую душу, и культъ предковъ; наконецъ, заключеніе указываетъ на отсутствіе вполнѣ организованнаго жреческаго сословія у древнихъ Германцевъ. Въ отдѣленіи второмъ предлагается авторомъ очеркъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ Галловъ. Народная религія древней Галліи по существу не отличается отъ древне-германской, но культомъ завѣдуетъ прочно организованная жреческая корпорація — друиды. Де-Вальроже тщательно сводитъ всѣ свѣдѣнія, которые дошли до насъ объ этой замѣчательной корпораціи, которая играла такую видную роль въ исторіи Галліи, и въ которой сосредоточивалась вся умственная жизнь кельтическаго племени. Возникаетъ вопросъ, какъ сложилось ученіе друидовъ, какъ возникла ихъ корпорація? Де-Вальроже указываетъ на то, что, Кельты не могли принести съ собой изъ обще-арійской прародины началъ друидизма, что сей послѣдній даже по водвореніи Кельтовъ въ Галліи долгое время не былъ извѣстенъ въ этой странѣ, что Кельты, переселившіеся изъ Галліи въ Италію, Испанію и Галатію, не имѣли объ немъ понятія. По показаніямъ самыхъ друидовъ ихъ ученіе возникло на британскихъ островахъ: еще во времена Цезаря Британія считалась главнымъ центромъ друидизма. Значитъ остается узнать, какимъ образомъ, друидизмъ развился въ Британіи. Грубость нравовъ, которую Цезарь встрѣтилъ въ этой странѣ, не дозволяетъ намъ, по мнѣнію Де-Вальроже, видѣть въ друидизмѣ самостоятельное творчество британскаго духа. Но если друидизмъ былъ занесенъ въ Британію, то откуда и въ какое время? По мнѣнію Де-Вальроже вся организація сословія

друидовъ, ученія о вѣчности вселенной, о безсмертіи души и метампсихозѣ, таинства друидизма, все указываетъ на заимствованіе съ востока. Образованіе ученій друидизма и возникновеніе сословія друидовъ объясняются такимъ образомъ вліяніемъ восточныхъ народовъ. И, въ дѣйствительности, финикійцы не только знали о существовани британскихъ острововъ, но и часто ихъ посѣщали съ торговыми цѣлями. Съ финикійскими кораблями могъ заѣхать членъ какого-нибудъ жреческаго сословія востока, который изъ своихъ знаній сдѣлалъ себѣ средство для пріобрѣтенія вліянія въ средѣ туземцевъ и, такимъ образомъ, положилъ основаніе друидизму. Подобное объясненіе, кажется намъ въ значительной степени произвольнымъ, ибо не опирается ни на какія фактическія данныя. Для обоснованія такого вывода, какой дѣлаетъ Де-Вальроже, недостаточно указать извѣстное сходство, ибо сходство это можетъ быть объяснено не только заимствованіемъ, но и тѣмъ, что одинаковыя историческія обстоятельства вызываютъ одинаковыя явленія.

Въ главѣ XI проводится сравненіе между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ Галловъ и таковымъ-же Германцевъ. Въ Германіи все право было обычнымъ правомъ, и правосудіе отправлялось народными или общинными собраніями. Въ Галліи напротивъ того отправленіе правосудія находилось въ рукахъ друидовъ, которые содержали выработанную ими и по всей вѣроятности въ высшей степени искуственную правовую доктрину въ полнѣйшей тайнѣ. Этимъ объясняется то, что мы вообще весьма мало знаемъ о гражданскомъ правѣ древней Галліи. Указавъ на общее различіе въ основахъ галльскаго и германскаго права, Де-Вальроже переходитъ къ сравненію отдѣльныхъ институтовъ и выводитъ изъ этого сравненія заключеніе, что для объясненія происхожденія юридическихъ обычаевъ средневѣковой Франціи нѣтъ надобности прибѣгать къ кельтскому праву: основа всѣхъ этихъ обычаевъ можетъ быть найдена у древнихъ Германцевъ. Съ этою цѣлью Де-Вальроже изслѣдуетъ происхожденіе самыхъ характеристическихъ институтовъ средне-вѣковаго права. Домашняя власть французскихъ кутюмовъ, выражавшаяся главнымъ образомъ въ попеченіи о малолѣтнихъ и слабыхъ членахъ семьи, несомнѣнно находится въ большей связи съ mundium Германцевъ, чѣмъ съ домашней властью древней Галліи, приближавшейся, по показаніямъ Цезаря, къ римской patria potestas. Точно такъ-же, въ древней Галліи мы напрасно будемъ искать обычаевъ, которые могли-бы послужить основаніемъ одному изъ прекраснѣйшихъ институтовъ средне-вѣковаго права, а именно общности имущества между супругами. Мѣсто изъ комментарій Цезаря (II. 19), которое приводили какъ доводъ въ пользу существованія общности имущества между супругами у древнихъ Галловъ, по справедливому замѣчанію Де-Вальроже вовсе сюда не относится. Напротивъ того, какъ у Тацита, такъ и въ leges barbarorum, мы встрѣчаемся съ указаніями на существованіе у древнихъ Германцевъ подобной общности. О наслѣдственномъ правѣ древней Галліи мы почти ничего не знаемъ. Цезарь говоритъ только, что споры о наслѣдствѣ вѣдались друидами. У германцевъ, напротивъ того, находятся почти всѣ основныя начала средневѣковаго наслѣдственнаго права, какъ, напримѣръ, предпочтеніе муж-

ской линіи женской, исключительное господство одной формы наслѣдства, а именно наслѣдства по закону и т. д.; не встрѣчаются только такія правила средне-вѣковыхъ кутюмовъ, начало которымъ положено феодальнымъ строемъ, каковы примогенитура и правило „paterna paternis, materna maternis“. Съ выводомъ Де-Вальроже вообще нельзя не согласиться. Гражданскіе институты средне-вѣковаго права несомнѣнно имѣютъ гораздо больше связи съ германскимъ обычнымъ правомъ, чѣмъ съ правомъ древней Галліи. Но, относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ заключенія Де-Вальроже намъ кажутся немного поспѣшными. Можно-ли, напримѣръ, абсолютно довѣрять показанію Цезаря о томъ, что домашняя власть въ древней Галліи приближалась къ типу римской patria potestas, когда въ дошедшихъ до насъ средне-вѣковыхъ памятникахъ права другихъ кельтическихъ народовъ домашняя власть представляетъ тѣже характерическія черты, что и германскій mundium. Намъ могутъ возразить, что характеръ домашней власти могъ измѣниться съ теченіемъ времени, но для того, чтобы это возраженіе имѣло силу, нужно указать причины такого измѣненія. Далѣе, странно, что такое измѣненіе имѣло мѣсто у всѣхъ кельтическихъ племенъ: домашняя власть имѣетъ одинаковый характеръ какъ въ законахъ Говеля добраго, такъ и въ памятникахъ права ирландскихъ бретоновъ. Въ правѣ уголовномъ мы встрѣчаемся съ одинаковыми началами въ древней Галліи и древней Германіи, только система публичныхъ каръ получила большее значеніе у Галловъ, чѣмъ у Германцевъ, а именно, большее число преступленій подлежало публичному наказанію. Правила древняго галльскаго судопроизводства намъ почти неизвѣстны, съ древнимъ же—германскимъ судопроизводствомъ мы знакомимся посредствомъ leges barbarorum, гдѣ главными судебными доказательствами является присяга, соприсяжники, ордаліи и судебный поединокъ.

Этимъ Де-Вальроже заканчиваетъ вторую часть своего этюда. Несмотря на то, что относительно нѣкоторыхъ частностей нельзя согласиться съ авторомъ, который, желая доказать, что французскія средне-вѣковые кутюмы покоятся главнымъ образомъ на германскихъ началахъ, впадаетъ подъ часъ въ крайности и отвергаетъ иногда кельтическое вліяніе тамъ, гдѣ оно болѣе чѣмъ очевидно, всякій, тщательно провѣрившій доводы Де-Вальроже, принужденъ будетъ согласиться съ его общимъ выводомъ. А именно, начала средне-вѣковаго французскаго обычнаго права вполнѣ схожи съ началами древне-германскаго права; съ древне-кельтическимъ же правомъ они схожи въ большинствѣ случаевъ только относительно тѣхъ институтовъ, которые въ кельтическомъ правѣ имѣютъ одинаковый характеръ съ германскимъ.—Вообще всю вторую часть этюда можно признать вполнѣ удавшеюся. Очеркъ общественнаго и правоваго быта древней Галліи, а равнымъ образомъ сравненіе быта Галліи съ бытомъ Германіи, основанъ на тщательномъ изученіи источниковъ. Правда, значительнымъ пособіемъ автору служилъ здѣсь прекрасный этюдъ извѣстнаго историка Жиро (Ch. Giraud) въ его „Essai sur l'histoire du droit français au moyen age“, но тѣмъ не менѣе какъ изложеніе, такъ и выводы автора вполнѣ самостоятельны.

Третью часть своего этюда Де-Вольроже озаглавливаетъ „Vues nouvelles de la science contemporaine — les peuples de langue celtique“.

Заглавіе это объясняется тѣмъ, что новая наука, найдя показанія древнихъ писателей недостаточными для полнаго изученія быта Галліи, обратилась для пополненія пробѣловъ къ памятникамъ быта другихъ кельтическихъ народовъ. Де-Вальроже подвергаетъ взгляды новой школы тщательной критикѣ. Съ этою цѣлью онъ дѣлаетъ очеркъ исторіи кельтическихъ народовъ, устанавливаетъ правильное воззрѣніе на ихъ литературу и памятники ихъ древняго права. Размѣры статьи не позволяютъ мнѣ слѣдить здѣсь шагъ за шагомъ за авторомъ. Скажу только, что онъ вполнѣ воспользовался всею богатою литературой предмета и въ сжатомъ очеркѣ (всего 178 стр.) далъ полное понятіе о результатахъ новѣйшихъ изслѣдованій. Затѣмъ я ограничусь самымъ общимъ очеркомъ содержанія. Занятіе Великобританіи римлянами имѣло скорѣе характеръ военной оккупаціи нежели завоеванія, чѣмъ и объясняется то, что Великобританія не подверглась романизаціи какъ Галлія: когда римскіе легіоны ее покинули, главный элементъ ея населенія были кельты, сохранившіе всѣ основы своей національности. Борьба кельтовъ со вторгнувшимися германскими и скандинавскими племенами превосходно описана Де-Вальроже на основаніи источниковъ историческихъ и легендарныхъ, каковы Annales Cambriae, liber de Excidio Britanniae, исторія англосаксонской церкви Бэды, древняя хроника, приписываемая какому-то неизвѣстному Nennius, романъ Готфрида Монмоута. Здѣсь нашъ авторъ весьма искусно выдѣляетъ историческое основаніе изъ накопившихся въ позднѣйшее время фабулъ и легендъ. Въ легендарной части сказаній онъ обращаетъ главное вниманіе на легенды о королѣ Артурѣ и волшебникѣ Мерлинѣ, въ которыхъ выразилась народная вѣра въ окончательное торжество кельтическаго племени надъ германскимъ, вѣра, которой, какъ извѣстно, не суждено было осуществиться. Англо-нормандскій труверъ Васъ (Wace) познакомилъ Францію съ исторіей Бритовъ Готфрида Монмоута, заключавшей въ себѣ сказанія объ Артурѣ и Мерлинѣ. Отсюда, изъ этой matiere bretonne, какъ ее называла средне-вѣковая Франція, возникъ циклъ легендъ, извѣстный подъ названіемъ цикла de la table ronde. Послѣдней твердыней кельтическаго племени была древняя Камбрія, — нынѣшній Валлисъ. Де-Вальроже подробно излагаетъ борьбу Камбрійцевъ съ Англо-Саксами, а потомъ съ норманскими королями, закончившуюся полнымъ подчиненіемъ при Эдуардѣ I, издавшемъ т. н. Рутелянскіе статуты, замѣнившіе собою среднее право страны. Описаніе состоянія быта древней Камбріи въ XII столѣтіи составлено нашимъ авторомъ на основаніи сочиненій валлійскаго писателя Жиральдо: itinera rium Cambriae и descriptio Cambriae. Цѣлую главу Де-Вальроже посвящаетъ валлійскимъ пѣвцамъ — бардамъ. Классъ пѣвцовъ встрѣчается у всѣхъ народовъ въ самыя раннія времена ихъ исторіи. Когда, друидизмъ организовался, онъ счелъ полезнымъ сдѣлать бардовъ орудіемъ своего вліянія, для чего придалъ этому классу форму корпоративную: барды составили низшую степень іерархіи друидизма. Сословіе бардовъ, существовавшее до появленія друидовъ въ Великобританіи, пережило на нѣсколько вѣковъ паденіе друидизма. Оно поддерживало борьбу камбрійцевъ съ англичанами, а послѣ подчиненія Валлиса англійскимъ королямъ—надежду освобожденія. Остатки бардизма существуютъ до сихъ поръ въ Валлисѣ. Древней валлійской литературѣ авторъ отводитъ

также особую главу. На основаніи изслѣдованій Стифенса, Скина, Неша и Шульца, онъ знакомитъ насъ съ лирической и эпической поэзіей бардовъ, а на основаніи статей Ренана съ цикломъ сказокъ такъ-наз. Mabinogion. Древнія хроники (Brut) и такъ-наз. валлійскія тріады равнымъ образомъ подробно разсмотрѣны авторомъ. Отъ кельтовъ Великобританіи авторъ переходитъ къ кельтической Бретани. Эта страна называлась въ древнее время Арморикой, т. е. приморской. Въ римское время она была частью Галліи наименѣе романизированною. Во времена англосаксонскаго вторженія въ Великобританію массы бриттовъ искали убѣжища въ Арморикѣ: часть этой страны буквально заселилась бѣглецами изъ Великобританіи и стала называться Britannia minor или Бретань. Она распадалась на нѣсколько небольшихъ государствъ, главы которыхъ назывались королями. Эти короли принуждены были мало-помалу признать верховную власть франкскихъ государей. Зависимость эта прекращается въ послѣднія времена меровингской династіи. Карлъ Великій снова подчиняетъ Бретань, но послѣ смерти великаго императора она освобождается, а во главѣ ея появляются короли, то признающіе, то не признающіе себя вассалами французскихъ монарховъ. Карлъ Простой уступилъ свои права на Бретань нормандскому герцогу: такимъ образомъ Бретань сдѣлалась леномъ Нормандіи и только посредственно зависѣла отъ короны. Къ французской коронѣ Бретань присоединена была окончательно въ XVI столѣтіи. Присоединеніе это совершилось на извѣстныхъ условіяхъ, причемъ Бретань сохранила свои особые провинціальные чины, въ которыхъ она нашла вѣрныхъ защитниковъ своихъ традиціонныхъ вольностей. Литература Бретани подробно разсмотрѣна у Де-Вальроже, причемъ обращено вниманіе и на сказки и пѣсни народныя, которыми такъ богата Бретань. Послѣднія три главы третьей части посвящены галлической отрасли кельтической расы. Здѣсь авторъ прежде всего предпосылаетъ краткій очеркъ исторіи Ирландіи. Эта страна въ древнія времена распадалась, какъ и остальныя кельтическія страны, на небольшія племенныя общины съ племенными королями во главѣ, находившимися въ постоянныхъ войнахъ другъ съ другомъ. Подобное состояніе страны весьма благопріятствовало вторженіямъ извнѣ. Уже римляне замышляли овладѣть Ирландіей, и Агрикола предполагалъ сдѣлать высадку въ эту страну: только потому что этотъ полководецъ былъ отозванъ изъ Великобританіи, походъ въ Ирландію не состоялся. Затѣмъ датчане завладѣли нѣкоторыми береговыми пунктами въ Ирландіи и оттуда опустошали прилегавшія мѣстности. Впрочемъ датчанамъ не удалось окончательно утвердиться въ странѣ. Небольшія государства, ими основанныя, пали вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Болѣе посчастливилось нормандскимъ властителямъ Англіи. Долгое время однакожъ англійская власть распространялась только на такъ-наз. Pale, территорію, получившую это названіе потому, что она окружена была непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій защищавшихъ ее отъ вторженія независимыхъ ирландцевъ. Только послѣ реформаціи свершилось полное завоеваніе страны, сопровождаемое страшнымъ гоненіемъ побѣжденныхъ. Со временъ Елисаветы, англійское правительство стремилось водворить англиканскую церковь въ Ирландіи и уничтожить національныя стрем-

ленія въ этой странѣ, но кельтическія начала оказались на столько стойкими, что протестантизму и англо-саксонской расѣ удалось восторжествовать только въ тѣхъ частяхъ острова, которыя лежатъ насупротивъ Великобританіи. Вся исторія завоеванія Ирландіи англичанами излагается Де-Вальроже весьма оживленно, а состояніе Ирландіи въ то время, когда въ нее проникли впервые нормандскіе завоеватели, описывается по сочиненіямъ извѣстнаго уже намъ Жиральда Камбрійскаго: Topographia Hiberiae и Expugnatio Hiberiae. Глава, посвященная древней галльской литературѣ Ирландіи заслуживаетъ особеннаго вниманія: это плодъ долгой и усидчивой работы. Видно, что авторъ основательно познакомился съ самыми трудными для изученія памятниками древней ирландской литературы и съ обширной новѣйшей литературой предмета. Изъ его мастерскаго изложенія мы получаемъ вполнѣ ясное представленіе о манускриптныхъ сборникахъ произведеній древней ирландской литературы различнаго содержанія, свѣдѣнія о которыхъ впервые сообщены ученому міру ирландскими учеными O'Beilly и O'Curry, о монастырскихъ лѣтописяхъ; главномъ источникѣ исторіи Ирландіи, о жизнеописаніяхъ ирландскихъ святыхъ, весьма важныхъ для изученія быта этой страны въ средніе вѣка и наконецъ о твореніяхъ ирландскихъ бардовъ, прославлявшихъ легендарныхъ героевъ и поэтовъ Финна и Ойзина (ирландскаго Оссіана). Съ такимъ же тщаніемъ написанъ и очеркъ исторіи и литературы Шотландіи. Страна эта распадается на горную и на нижнюю Шотландію, причемъ границей служатъ Грампіанскія горы. Въ нижней Шотландіи жили искони пикты, въ горной же поселились выходцы изъ Ирландіи — скоты. Пикты, какъ доказываетъ съ большой эрудиціей Де-Вальроже, были германскаго, а именно скандинавскаго происхожденія, скоты — кельтическаго. Между обоими племенами вплоть до IX вѣка происходила ожесточенная борьба, кончившаяся подчиненіемъ пиктовъ властителямъ скотамъ. Послѣ соединенія обѣихъ частей Шотландіи въ одно государство короли скотовъ покинули горы и перешли въ бывшую резиденцію пиктскихъ королей, Сконе, затѣмъ въ Дунфермлинъ и наконецъ въ Эдинбургъ, приближаясь такимъ образомъ къ англійской границѣ. Частыя сношенія установились между обѣими странами, англійскіе нравы быстро проникли и въ безъ того уже германскую нижнюю Шотландію. Вслѣдствіе этого нижняя Шотландія все болѣе и болѣе разобщалась съ сохранившей древній кельтическій строй горной Шотландіей: власть шотландскихъ королей была въ сей послѣдней странѣ вполнѣ номинальной. Такъ было и послѣ присоединенія Шотландіи къ Англіи. Только послѣ возстанія горной Шотландіи подъ предводительствомъ послѣдняго изъ Стюартовъ, Карла Эдуарда, англійское правительство приняло энергическія мѣры для водворенія своего владычества въ такъ-наз. Highlands. Въ очеркѣ литературы древней Шотландіи Де-Вальроже обращаетъ главное вниманіе на разрѣшеніе вопроса, на сколько пѣсни древнихъ шотландскихъ бардовъ, не дошедшія до насъ непосредственно, вошли въ составъ такъ-наз. поэмъ Оссіана, изданныхъ Макферсономъ, и приходитъ къ заключенію, что Макферсонъ крайне произвольно и своеобразно воспользовался древними шотландскими эпическими пѣснопѣніями для составленія своего Оссіана.

Въ заключеніе обзора третьей части труда Де-Вальроже замѣтимъ, что такого очерка исторіи и литературы кельтическихъ племенъ, представляющаго такой сводъ результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій, и дающаго, несмотря на сжатость изложенія, такое полное понятіе о предметѣ, нѣтъ ни въ англійской, ни въ нѣмецкой литературѣ и не было до сихъ поръ во французской.

Четвертая часть разсматриваемаго нами этюда носитъ названіе „les Problémes" и посвящена спорнымъ вопросамъ въ исторіи древней Галліи. Въ первой главѣ нашъ авторъ подвергаетъ тщательной критикѣ попытки ученыхъ, въ особенности Амедея Тьери (въ его Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés, 1828), основать этнографію древней Британіи, Ирландіи и Галліи на преданіяхъ и легендахъ ирландскихъ и валлійскихъ о переселеніяхъ кельтическихъ племенъ. Во всѣхъ этихъ преданіяхъ положительно невозможно доискаться историческаго основанія. Далѣе, не извѣстно, когда сложились эти преданія: относительно валлійскихъ положительно можно сказать, что они сравнительно поздняго происхожденія, такъ какъ во времена занятія римлянами Британіи ихъ еще не было. И вотъ, на такихъ шаткихъ основаніяхъ Амедей Тьери основываетъ всю исторію переселенія кельтическихъ племенъ, утверждаетъ, что Британія занята была сперва галльской отраслью кельтической расы, что затѣмъ туда вкочевали Кимры, другое кельтическое племя, вытѣснившее Галловъ въ сѣверную часть острова и въ Ирландію. Подобное же столкновеніе двухъ отраслей кельтическаго племени, по мнѣнію Тьери, имѣло мѣсто и въ Галліи, причемъ древніе Белги признаются не смѣсью германскихъ и кельтическихъ племенъ, а чисто кельтическимъ племенемъ, отставшимъ отъ другихъ при общемъ переселеніи и вкочевавшимъ позднѣе. Де-Вальроже блистательно доказываетъ, что подобная произвольная фантастическая система не можетъ замѣнить собою ясныхъ и опредѣленныхъ показаній Цезаря. Въ главѣ II-й, Де-Вальроже сводитъ всѣ предположенія, которыя высказаны были въ англійской, французской и нѣмецкой литературахъ по поводу ученія древнихъ друидовъ, указываетъ, что всѣ эти гипотезы ни на чемъ не основаны, и что до сихъ поръ тайна друидизма остается неразгаданною наукой. Въ этомъ очеркѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе блестящее доказательство того, что т. н. „Mystère des Bardes de l'île de Brétagne", изданный Эдвардомъ Вилльямсомъ, и послужившій Генри Мартену основаніемъ для изложенія полной системы ученія друидовъ, произведеніе, носящее въ высшей степени апокрифическій характеръ. Глава III-я содержитъ изложеніе изслѣдованій памятниковъ, которые до недавняго времени считали кельтическими и находящимися въ связи съ друидическимъ культомъ, а именно дольменовъ, кромлеховъ и менгировъ.

Де-Вальроже вмѣстѣ съ Александромъ Бертраномъ признаетъ эти памятники принадлежащими докельтическому періоду. И въ дѣйствительности, если бы эти памятники имѣли связь съ друидическимъ культомъ, то странно, что о нихъ не упоминаетъ ни одинъ греческій или римскій писатель.

Въ главѣ IV, Де-Вальроже приступаетъ къ разрѣшенію вопроса, насколько древне-кельтическія начала сохранились въ нравахъ Валлиса, Ирлан-

діи, Бретани и Шотландіи. Разрѣшеніе этого вопроса важно потому что большинство историковъ французскаго права исходили изъ того воззрѣнія, что въ правѣ только что названныхъ кельтическихъ странъ какъ въ зеркалѣ, отразилось право древней Галліи, и что слѣдовательно въ изученіи права этихъ странъ слѣдуетъ искать объясненія происхожденія средневѣковыхъ французскихъ учрежденій и тѣхъ кутюмовъ, которые дѣйствовали во Франціи вплоть до великой революціи. Въ виду исполненія своей задачи Де-Вальроже изучаетъ исторію памятниковъ и источниковъ Валлійскаго права. Валлійскія тріады говорятъ о какомъ-то легендарномъ Мельмудѣ, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. далъ законы британскимъ кельтамъ. Два сборника правовыхъ правилъ, которые, по стилю, несомнѣнно принадлежатъ Гламорганской школѣ бардовъ, приписываются этому Мельмуду. Де-Вальроже не безъ основанія приписываетъ составленіе этихъ сборниковъ какому нибудь барду, желавшему по своему изложить древнее право страны, и объявляетъ ихъ произведеніями фантазіи. Гораздо больше вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній мы имѣемъ о законодательной дѣятельности короля Говеля Добраго, царствовавшаго въ X столѣтіи, и собравшаго въ бѣломъ домѣ большое собраніе свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ и лицъ, свѣдущихъ въ правѣ, для преданія юридическихъ обычаевъ письму и для введенія необходимыхъ реформъ въ законодательствѣ. Къ несчастію кодексъ, составленный этимъ собраніемъ, до насъ не дошелъ. Сборники, носящіе названіе законовъ Говеля Добраго несомнѣнно гораздо позднѣйшаго происхожденія: всѣ они относятся къ XIII вѣку. Основой этимъ сборникамъ послужило впрочемъ законодательство Говеля, пополненное узаконеніями послѣдующихъ королей и извлеченіями изъ учевыхъ трактатовъ валлійскихъ юристовъ. Мы различаемъ двѣ серіи сборниковъ. Одни изъ нихъ написаны по латыни, по всей вѣроятности для примѣненія въ вѣдомствѣ церкви, другіе на кимрическомъ діалектѣ. Эти послѣдніе въ свою очередь распадаются на три разряда, смотря по той части Валлиса, въ которой они дѣйствовали. А именно мы имѣемъ сборникъ, дѣйствовавшій въ Венедотіи, другой, примѣнявшійся въ Диметіи, и третій, въ которомъ излагается право Гвента. Мы упоминали выше о перемѣнахъ въ правѣ Валлиса, происшедшихъ въ слѣдствіе подчиненія этой страны англійской власти и изданія Рутеланскихъ статутовъ. Тѣмъ не менѣе туземное право и подъ англійскимъ владычествомъ не вышло совершенно изъ употребленія. Валлійскіе законовѣды продолжали трудиться надъ его разработкой, и, такимъ образомъ, возникло значительное число позднѣйшихъ сборниковъ. Извлеченія изъ этихъ сборниковъ помѣщены въ изданіи валлійскихъ юридическихъ памятниковъ, предпринятомъ по почину англійскаго правительства, подъ неопредѣленнымъ названіемъ „Welsh laws“. Этими извлеченіями надо пользоваться съ большою осторожностью, такъ какъ издатели не опредѣлили нигдѣ даже времени составленія манускрипта, изъ котораго сдѣлано то или другое извлеченіе. На этихъ „Welsh laws“ ясно видны слѣды вліянія англійскаго права. Впрочемъ, вліяніе это замѣчается уже въ древнихъ сборникахъ, о которыхъ мы упомянули выше, въ особенности въ сборникахъ Диметіи и Гвента, между тѣмъ какъ въ сборникѣ Венедотіи оно проявляется гораздо менѣе. Въ главѣ V, Де-Вальроже дѣлаетъ очеркъ валлійскаго права. Мы не можемъ предложить здѣсь

полнаго реферата изъ этой части сочиненія Де-Вальроже. Замѣтимъ только, что въ большинствѣ учрежденій не видно рѣзкаго различія между валлійскимъ и древне-германскимъ правомъ, и укажемъ на нѣкоторые институты въ особенности интересные для исторіи права народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мы находимъ въ древней Камбріи остатки общиннаго владѣнія, подобнаго тому, которое Тацитъ и Цезарь описали у Германцевъ: и здѣсь имѣли мѣсто передѣлы, хотя и не ежегодные, какъ у Германцевъ. Далѣе, обратимъ вниманіе на ту ассоціацію родичей, которая носила названія kenede, и во главѣ которой стоялъ выборный старшина. Характеръ этой ассоціаціи проблематиченъ. Нѣкоторые думаютъ, что это была семья, другіе, что родъ. Намъ кажется, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ разложенія родоваго начала, когда, по мѣрѣ ослабленія родовой связи, терминъ, обозначавшій прежде родъ, сталъ примѣняться къ тѣмъ группамъ, на которыя распался родъ, т. е. къ семьямъ. Замѣчательно также, какъ производилось взысканіе виры (galanas по кимрически), въ случаѣ совершенія убійства кѣмъ нибудь изъ членовъ kenede. Въ уплатѣ виры участвовали какъ родственники со стороны отца, такъ и родственники со стороны матери. Это явленіе, встрѣчающееся впрочемъ и у германскихъ народовъ, указываетъ на то, что въ основу родства полагался у нѣкоторыхъ арійскихъ племенъ не только агнатическій, но и когнатическій принципъ. Отмѣтимъ такъ же одну особенность валлійскаго права, заключающуюся въ странномъ сборѣ, который дозволялся убійцѣ, не находившемуся въ состояніи уплатить виру: ему дозволялось ходить по дорогамъ и требовать отъ каждаго встрѣтившагося ему человѣка, чтобы онъ присягнулъ, что онъ ему не родственникъ. Въ случаѣ отказа отъ присяги, отказывающійся долженъ былъ уплатить требующему присягу извѣстную сумму денегъ. Наконецъ, укажемъ на непрочность брачныхъ узъ древнихъ камбрійцевъ, на то, что внѣбрачное сожительство не лишено было юридическихъ послѣдствій, и что незаконныя дѣти наравнѣ съ законными призывались къ наслѣдованію. Какъ справедливо замѣчаетъ Де-Вальроже, во всемъ брачномъ правѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнихъ нравовъ Британіи, о которыхъ повѣтствуетъ Цезарь. Въ виду этихъ данныхъ странными кажутся усилія нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ напр. Гирна (въ его недавно появившемся трудѣ „the aryan household“), опровергнуть во чтобы то ни стало показанія Цезаря о брачныхъ формахъ у древнихъ бритовъ. Впрочемъ, отношенія этихъ авторовъ къ повѣтствованію Цезаря объясняются ихъ желаніемъ доказать во что бы то ни стало, что моногамія испоконъ вѣку господствовала у всѣхъ арійскихъ племенъ, и что этимъ племенамъ была извѣстна только одна форма семьи, а именно семья патріархальная. Въ концѣ своего очерка валлійскаго права Де-Вальроже дѣлаетъ заключеніе, что въ виду своеобразныхъ судебъ этого права, въ виду вліянія на него англо-саксонскаго права, имъ нельзя пользоваться непосредственно для возсозданія системы права древней Галліи. Сходство валлійскаго права съ германскимъ онъ объясняетъ принадлежностью кельтовъ и германцевъ къ одной расѣ: оба эти народа, хотя и представляющіе двѣ значительно обособившіяся отрасли индо-европейской расы, всетаки сохранили въ основахъ своего права слѣды общности происхожденія.

Кромѣ того въ древней Британіи было много бельгійскихъ колоній, а бельги, какъ извѣстно, были смѣсью кельтическихъ и германскихъ племенъ. Такимъ образомъ германскія правовыя начала могли попасть въ обычное право древней Британіи и сохраниться въ обычномъ правѣ Валлиса.

Въ главѣ VI Де-Вальроже обращается къ нижней Бретани и не находитъ въ обычномъ правѣ этой страны почти никакихъ остатковъ кельтическихъ началъ. Даже за т. н. domaine congeable, институтомъ, схожимъ съ римскимъ precarium, за которымъ большинство историковъ признаетъ кельтическое происхожденіе, Де-Вальроже этого происхожденія не признаетъ. Въ дѣйствительности, прямыхъ указаній на то, какъ и когда возникъ этотъ институтъ, мы не имѣемъ.

Главы VII и VIII посвящаются праву древней Ирландіи. Право это извѣстно намъ изъ сборниковъ, составленныхъ туземными ирландскими законовѣдами брегонами. На этой части труда Де-Вальроже я еще менѣе остановлюсь, такъ какъ брегоны и ихъ юридическія сочиненія хорошо извѣстны русской публикѣ изъ имѣющагося въ русскомъ переводѣ сочиненія извѣстнаго англійскаго ученаго Мэна, „Early history of institutions" (древнѣйшая исторія юридическихъ институтовъ). Считаю только долгомъ замѣтить, что очеркъ Де-Вальроже не представляетъ простаго реферата изъ книги Мэна, но что онъ составленъ на основаніи всѣхъ литературныхъ пособій и на непосредственномъ изученіи изданныхъ по почину англійскаго правительства памятниковъ права древнихъ брегоновъ. По поводу этой главы, я коснусь только нѣкоторыхъ вопросовъ. Такъ, Де-Вальроже расходится съ издателями ирландскихъ памятниковъ относительно вопроса объ авторитетѣ, который имѣли рѣшенія брегоновъ. А именно, въ предисловіи къ III тому Brehon laws издатели высказываютъ мысль, что рѣшенія брегоновъ имѣли характеръ третейскаго суда, санкціей для котораго служило исключительно общественное мнѣніе; согласно ихъ воззрѣніямъ въ древней Ирландіи вовсе не было судебныхъ мѣстъ, облеченныхъ необходимою властію для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній. Подобное предположеніе удивляетъ Де-Вальроже: онъ не можетъ себѣ представить общества безъ болѣе или менѣе правильно организованной судебной власти, а потому думаетъ, что судьями въ Ирландіи были короли, имѣвшіе при себѣ брегоновъ въ качествѣ совѣтниковъ. Насъ въ свою очередь удивляетъ подобное заявленіе со стороны такого историка юриста, какъ Де-Вальроже, занимавшагося, какъ видно изъ его сочиненій, весьма долго и весьма серьезно сравнительной исторіей права. Въ большинствѣ первичныхъ обществъ, еще слагающихся, но еще не сложившихся вполнѣ, мы не встрѣчаемся съ организованной судебной властью. Позволю себѣ привести какъ примѣръ нашихъ кавказскихъ горцевъ, а именно чеченцевъ, у которыхъ не существовало судебной власти, а при возникновеніи споровъ стороны обращались къ третейскому суду стариковъ, славившихся знаніемъ адата. Старики эти произносили рѣшеніе, но отъ сторонъ зависѣло подчиниться ли этому рѣшенію или нѣтъ (ср. Дубровина, Исторія войны и владычество русскихъ на Кавказѣ. Т. I стр. 455. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ VI. Статья Умалати-Лоудаева „Чеченское племя" стр. 25).

Далѣе, позволю себѣ обратить вниманіе читателя на то, что семей-

ныя отношенія въ древней Ирландіи представляютъ тотъ же характеръ, что и въ Валлисѣ: и здѣсь мы встрѣчаемся съ легализаціей внѣбрачнаго сожительства и съ наслѣдованіемъ незаконныхъ.

Въ заключеніе укажу на одинъ обычай, о которомъ подробно говоритъ Мэнъ, и существованіе котораго въ древней Ирландіи заподозривается Де-Вальроже. Рѣчь идетъ объ одномъ оригинальномъ способѣ взысканія долговъ, встрѣчающемся въ Индіи, и называемомъ „dharna". А именно, если должникъ, не исполнившій своего обязательства, занималъ высокое положеніе въ обществѣ, то кредиторъ являлся къ нему, умолялъ объ уплатѣ долга, садился у порога дома должника и заявлялъ, что не уйдетъ, пока не получитъ удовлетворенія, даже, если бы ему пришлось умереть съ голоду, воздерживаясь во все время своего пребыванія у дома должника отъ пищи. Если кредиторъ въ самомъ дѣлѣ умиралъ, то должнику, какъ причинившему ему, хотя и косвеннымъ образомъ, смерть, грозила страшная кара въ будущей жизни. Нѣкоторымъ ученымъ показалось, что подобный обычай находится и въ ирландскомъ юридическомъ сборникѣ, называемомъ Senchus Mor: полагали, что, согласно положеніямъ этого сборника, кредиторъ, прежде чѣмъ приступить ко взысканію съ принадлежавшаго къ высшимъ общественнымъ классамъ должника, долженъ былъ, воздерживаясь отъ пищи, просидѣть извѣстное время у порога его дома. Здѣсь возникалъ вопросъ, какъ у народовъ, столь отдаленныхъ другъ отъ друга, могъ возникнуть одинъ и тотъ же столь оригинальный обычай. Невольно напрашивался отвѣтъ, что кельты принесли этотъ обычай съ собою изъ обще-арійской прародины. Но, при болѣе внимательномъ изученіи относящихся сюда текстовъ, ученымъ пришлось усомниться, въ дѣйствительности ли то слово сборника Senchus Mor, которое обыкновенно истолковывалось въ смыслѣ воздержанія отъ пищи со стороны кредитора, имѣетъ это значеніе. Де-Вальроже на основаніи доводовъ, приводимыхъ ирландскимъ ученымъ Селливаномъ (въ его введеніи къ сочиненію O'Curry „Manners and customs of ancient Irish." 1879. pag. 283) сомнѣвается въ правильности того чтенія, котораго до сихъ поръ придерживались [1]).

Въ главѣ IX, Де-Вальроже сводитъ всѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о правѣ шотландскихъ Highlands.

Десятая глава содержитъ въ себѣ эпилогъ, въ которомъ авторъ подводитъ итоги своимъ изслѣдованіямъ.

Во первыхъ, онъ заявляетъ, что Кельты и Германцы были схожи другъ съ другомъ болѣе чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Галлія отличалась отъ Германіи только своимъ друидизмомъ восточнаго происхожденія и началами цивилизаціи, которыми она обязана была своимъ сношеніямъ съ Греціей и Римомъ.

Во вторыхъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли ему, подобно другимъ изслѣдователямъ, сдѣлать попытку возсозданія быта юридическаго древней Галліи при помощи права другихъ кельтическихъ народовъ, и отвѣчаетъ отрицательно: подобная попытка привела бы только къ составленію историческаго романа, а не исторіи.

---

[1]) Глава эта въ книгѣ Де-Вальроже отмѣчена по ошибкѣ какъ XIII.

Въ третьихъ онъ высказываетъ мнѣніе, что кельтическія начала въ самой слабой степени вошли въ составъ древняго французскаго права, въ которомъ все можетъ быть объяснено и безъ того, чтобы была необходимость обращаться къ кельтическому праву.

Трудъ Де-Вальроже важенъ, по нашему мнѣнію: 1) потому что въ немъ впервые строго научно опредѣлено, въ какой степени и какъ историкъ французскаго права можетъ пользоваться памятниками права Валлиса, Бретани, Ирландіи и Шотландіи для своихъ цѣлей, и 2) потому что содержитъ полный очеркъ исторіи права кельтическихъ народовъ вмѣстѣ съ полнымъ указаніемъ источниковъ и литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, книга Де-Вальроже является необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося сравнительной исторіей права.

В. Сокольскій.

(Профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre. Ouvrage autorisé pour les écoles militaires. Paris 1877.— 136 стр. (Руководство по международному праву для офицеровъ сухопутныхъ войскъ).

Дѣйствительная юридическая обязательность международнаго права даже на войнѣ весьма часто отрицается юристами; спрашиваютъ, чѣмъ эта дѣйствительная обязательность обезпечена, что гарантируетъ ее? Имѣютъ, при этомъ, обыкновенно въ виду, что нѣтъ такой власти, въ родѣ государственной, которая могла бы наказывать за каждое нарушеніе предписываемыхъ военнымъ международнымъ правомъ „правилъ и законовъ". Эти скептики ограничиваются, слѣдовательно, одной внѣшней стороной вопроса, не принимая во вниманіе разныя другія обстоятельства, обезпечивающія обязательность такъ наз. „правилъ и законовъ войны", соотвѣтствующихъ состоянію политической культурѣ вѣка, — можно сказать, даже помимо субъективной воли отдѣльныхъ государствъ. Эти обстоятельства, слагающіяся изъ элементовъ матерьяльныхъ и этическихъ составляютъ внутреннюю силу обязательности военнаго международнаго права. Одна изъ гарантій, усиливающихъ уваженіе къ этой обязательности, по мнѣнію весьма авторитетныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, заключается въ обученіи „международному праву во время войны" тѣхъ лицъ, которыя служатъ военнымъ цѣлямъ, т. е. воиновъ; требуютъ такого обученія по крайней мѣрѣ относительно офицеровъ. Въ русскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ наша военная администрація отнеслась къ этому вопросу съ полнымъ пониманіемъ культурнаго его значенія; во всѣхъ ли государствахъ было тоже,

не знаемъ; кажется, что во Франціи, послѣ послѣдней ея войны съ Германіей (гдѣ, ко стыду французскаго правительства, оказалось незнакомство французскихъ офицеровъ съ существованіемъ женевской конвенціи 1864 г.), нынѣ хорошо сознается необходимость, что и на войнѣ должно господствовать извѣстное право, обуздывающее произволъ, дѣйствующій безъ всякой нужды для законныхъ цѣлей войны, и что ему обучать слѣдуетъ воиновъ еще во время мира. Всего лучше доказывается это названнымъ выше „руководствомъ по международному праву для офицеровъ сухопутныхъ войскъ.“ Если на войнѣ будутъ соблюдаемы эти начала, которыя анонимный авторъ излагаетъ столь прекраснымъ образомъ, и заучить которыя, очевидно, обязательно во французскихъ военноучебныхъ заведеніяхъ, тогда французскія войска будутъ принадлежать къ самымъ цивилизованнымъ, какими до сихъ поръ оказались только наши, въ послѣднюю войну съ Турціей.

Указанное руководство однако, прекрасно не только по гуманности излагаемыхъ въ немъ началъ, слѣдующихъ почти всецѣло принципамъ Брюссельской конференціи, но и по образу изложенія оно достигло, въ извѣстной степени, совершенства, какъ по ясности, точности и послѣдовательности, такъ и, если можно такъ выразиться, по педагогическимъ пріемамъ въ немъ. Военное право не можетъ сформулировать вполнѣ категорически всѣхъ правилъ, которыя желательно установить; приходится поэтому довольствоваться иногда гипотетическими предписаніями, предоставляя многое благоусмотрѣнію и доброй совѣсти командующихъ и даже подчиненныхъ войсковыхъ начальствъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нравственно обязуя ихъ имѣть въ виду, что отступленіе отъ высшаго правила можетъ имѣть мѣсто только при условіи дѣйствительнаго къ тому принужденія военною необходимостью. И вотъ, въ этомъ отношенія въ руководствѣ понято дѣло весьма основательно. Черезъ всю книгу проходитъ та мысль, что только законная военная необходимость оправдываетъ то или другое насильственное дѣйствіе на войнѣ противъ непріятеля. Очевидно, весьма важно, чтобы будущіе офицеры воспитывались въ духѣ такихъ правилъ; чтобы они проникались глубокою нравственностью ихъ. Всему этому превосходно содѣйствовать должно серьезное изученіе этой, маленькой по объему, но большой по значенію, книги не назвавшаго своей фамиліи автора. Нашъ хвалебный отзывъ находитъ себѣ подтвержденіе на каждой страницѣ въ ней. Приводить здѣсь примѣры было бы совершенно излишне. Отсылаю интересующагося этимъ вопросомъ читателя къ самой книгѣ, написанной необычайно простымъ, яснымъ и изящнымъ языкомъ, можно сказать — безъ единаго лишняго слова.

Кто авторъ, юристъ ли онъ или военный,— одно ли лицо составляло эту книжку или участвовало въ этомъ нѣсколько лицъ, — мы этого не знаемъ; но изъ книги видимъ только одно, что она составлена весьма толково, какъ въ юридическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи пониманія требованій военной необходимости; послѣднее обстоятельство и обезпечитъ за этимъ руководствомъ его практическій успѣхъ и послужило, конечно, причиной, что ему придано такое значеніе въ военноучебномъ мірѣ во Франціи. Книга эта достойна была бы

и русскаго перевода; она, и по содержанію, значительно превосходитъ „правила и законы войны по международному праву,“ составленныя Піуновскимъ и получившія, въ послѣднюю русско-турецкую войну, весьма большое распространеніе въ нашей арміи. — Въ изложеніи не отсутствуетъ и научный элементъ. Ученыхъ разсужденій, правда, мы здѣсь не встрѣчаемъ, но вопросы поставлены и связаны научнымъ образомъ; вообще, вся книга пропитана глубокимъ научнымъ духомъ и стоитъ въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, не ниже напр. сочиненій Блюнчли, Геффтера, Неймана и т. д. Да принесетъ она всю ту пользу, которую она принести можетъ по своему высокому внутреннему достоинству.

О. Эйхельманъ.

(Профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея).

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА 1879 Г.

Общій взглядъ на движеніе нашей государственной и общественной жизни въ 1879 г. — Политическія преступленія и чрезвычайныя государственныя мѣры.—Характеристика нашей общественной смуты. Доктрины въ ней предъявленныя. Ея связь съ предыдущею государственною эпохою.—Система чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣропріятій въ 1879 г. — Поворотъ къ новому направленію въ нашей внутренней политикѣ.

Настоящему обозрѣнію подлежитъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ годовъ нашей государственной исторіи.

Съ одной стороны, самыя безнравственныя и самыя безсмысленныя преступленія революціоннаго свойства, начавшіяся еще въ 1878 г. [1]), учащаясь все болѣе и болѣе въ 1879 г., почти безъ всякаго роздыха и перерыва, достигли своего крайняго апогея къ началу нынѣшняго года (6 февраля), откуда началось какъ будто возвратное движеніе этой мутной волны, зачумившей было всю нашу общественную жизнь. Минувшему же году принадлежитъ наибольшее сгущеніе въ нашей общественной атмосферѣ тѣхъ болѣзненныхъ міазмовъ, которые зачавшись много ранѣе, породили эти преступленія и сопровождали ихъ, насколько присутствіе этихъ міазмовъ около насъ выражалось во внѣшнихъ и осязаемыхъ явленіяхъ, между прочимъ главнѣйше въ пропагандѣ и тайной, такъ называемой «подпольной» литературѣ.

Съ другой стороны, не только общество, но также и само правительство жили въ 1879 г. подъ тяжкимъ гнетомъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, которыя были вызваны политическими преступленіями, и достигли, въ этомъ году, также са-

---

[1]) См. Сб. Гос. Зн. Т. VII, Обозрѣніе, сс. 4 и 5.

маго крайняго своего развитія, прервавъ собою путь закономѣрной государственной жизни и ея мирнаго преуспѣянія. Къ печалямъ и негодованію общества, возмущеннаго злодѣйскими и неслыханно дерзкими покушеніями на его спокойствіе, — и болѣе того, — покушеніями на всѣ самыя святыя историческія и народныя его преданія, — прибавились новыя удрученія отъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, которыя, ко всеобщей скорби, оставались безуспѣшными и поражали скорѣе людей порядка и мира, чѣмъ ихъ преступныхъ смутчиковъ. Наше общество, какъ всякое другое, и даже гораздо болѣе всякаго другаго, было безъ сомнѣнія, совершенно готово, безропотно нести всякія временныя стѣсненія своей свободы, вынужденныя чрезвычайными политическими обстоятельствами. Эти стѣсненія весьма обыкновенны, при такихъ обстоятельствахъ, угрожающихъ государственной тишинѣ и безопасности, даже въ государствахъ, неизмѣримо болѣе нашего свыкшихся съ льготами и вольностями общественной жизни. Но тяжесть всѣхъ этихъ экстраординарныхъ правительственныхъ распоряженій, развивавшихся и усиливавшихся паралельно съ потокомъ политическихъ преступленій, особенно болѣзненно отзывалась на обществѣ, какъ впрочемъ и на самомъ правительствѣ, особенно потому что всѣ эти распоряженія оказывались не только безсильными въ борьбѣ съ этимъ потокомъ, но напротивъ того, какъ будто облегчали его разливы и сами раскапывали новыя для него ложа. Самое тяжкое чувство, объявшее при этомъ все мыслящее и разумное русское общество, заключалось конечно въ томъ общемъ, безпрерывно возраставшемъ, впечатлѣніи, что эти разливы упреждаютъ всѣ противупоставленныя имъ плотины, что устроители первыхъ пересѣкаютъ своими засадами и взрывами всѣ предначертанія устроителей послѣднихъ; что инициатива этой борьбы государства съ его врагами, а съ тѣмъ вмѣстѣ,—что всего ужаснѣе, — инициатива въ самомъ движеніи законодательства и всего государственнаго управленія, — какъ будто, была перехвачена въ свои руки врагами государственнаго порядка, изъ рукъ его охранителей. Первые какъ будто влекли за собою послѣднихъ. Слишкомъ извѣстно, что самыя суровыя полицейскія мѣры, когда онѣ возбуждаютъ недовольство и раздраженіе въ мирномъ обществѣ и въ особенности когда онѣ принимаются ощупью, и безцѣльно, могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, прямо входить въ вѣрнѣйшіе расчеты государственной крамолы. Давленіе всего этого впечатлѣнія, наполнявшаго недоумѣніями и всеобщимъ

взаимнымъ недовѣріемъ общественныя и даже правительственныя сферы и прибавлявшаго къ подпольной смутѣ другую, новую смуту, возрастало все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ паралельно съ размноженіемъ полицейскихъ вооруженій, размножались и тайныя и явныя злоумышленія, какъ будто обгоняя всякія вооруженія государства. Никому невѣдомая, но малочисленная, по всякимъ вѣроятнымъ соображеніямъ, шайка крамолы брала, казалось съ виду, верхъ надъ величайшимъ въ свѣтѣ государственнымъ могуществомъ.

Причину этого впечатлѣнія, можетъ быть ошибочнаго, но для всѣхъ неотразимаго и охватывавшаго болѣе и болѣе не только общество, но и самое правительство, ближе всего всѣ искали въ полномъ невѣдѣніи существа и источниковъ зла, со стороны тѣхъ, на комъ лежала обязанность борьбы съ нимъ; не только для исцѣленія отъ недуга, но даже для какого нибудь на него дѣйствія, нужно прежде всего его изслѣдованіе [1]). Непроницаемая темнота окружала и для общества и для правительства всѣ эти такъ называемыя подпольныя явленія, нарушавшія здоровый ходъ жизни, и показывавшіяся на свѣтъ Божій изъ какой то никому неизвѣстной, но какъ будто со всѣхъ сторонъ обступавшей насъ пропасти. Для нихъ не знали даже общепринятаго и общепонятнаго названія: то говорили о нигилизмѣ, то о соціальной революціи, то о бунтаряхъ, радикалахъ, либералахъ и проч. Дѣлалось для всѣхъ болѣе и болѣе яснымъ и твердымъ только одно убѣжденіе — въ своемъ безвыходномъ невѣдѣніи. Но это-то убѣжденіе и посѣвало въ обществѣ самое тяжкое и самое опасное въ такія годины чувство — взаимное всеобщее сомнѣніе. Это всеобщее сомнѣніе поддерживалось тѣми понятіями о посѣтившемъ насъ злѣ и о способахъ его искорененія, которыя появлялись въ офиціальныхъ изданіяхъ и которыя противорѣчили фактамъ, для всѣхъ очевиднымъ. Заподазривались, какъ источники зла явленія (напр. разныя законныя литературныя и даже чисто ученыя предпріятія), завѣдомо для всѣхъ ничего не имѣющія общаго со зломъ, даже ему враждебныя; падали удары государственнаго меча на головы людей ни въ чемъ неповинныхъ. Невѣдѣніе зла всего рѣзче изобличалось полицейскими поисками и судебными процессами, сѣтями которыхъ излавливались преимущественно толпы личностей ничтожныхъ въ пре-

---

[1]) См. писанное нами объ этомъ еще $1^1/_2$ года тому назадъ въ Сб. Гос. Зн. VII Т. Обозрѣніе, с. 5.

ступной дѣятельности, отдаленно, безсознательно къ ней прикосновенныхъ, даже ни къ чему непричастныхъ. Между тѣмъ этотъ мракъ, окружавшій зло, и парализовавшій всякую борьбу съ нимъ и государства и общества, сгущался тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе усиливались чрезвычайныя полицейскія мѣры, нисколько не содѣйствовавшія распознанію недуга въ правительственной сферѣ, и только пресѣкавшія всякіе пути его изслѣдованія со стороны общественныхъ силъ. Въ то время, какъ потаенная и запретная печать, минуя всякія препоны и заставы, выходила изъ всякихъ границъ своеволія и дерзости, фактически пользовалась безусловною свободою, въ это самое время, гласная и законная печать не имѣла даже законнаго права упоминать о такъ называемыхъ подпольныхъ и для всѣхъ явныхъ изданіяхъ, защищать противъ нихъ свои мысли и вѣрованія; не имѣла законнаго права даже на самооборону. Въ искренность этой законной печати всѣ переставали вѣрить. Заклятые враги общества, приверженцы самыхъ нелѣпыхъ и невѣжественныхъ политическихъ и соціальныхъ понятій забрали въ свои исключительныя руки самую страшную, самую могущественную человѣческую силу, какъ свою привиллегію, какъ свою монополь,—*искренность мнѣнія и слова.* Въ эту ихъ искренность, невозможную, по всеобщему убѣжденію, ни для кого другаго ни въ обществѣ, ни въ государствѣ, вынуждены были вѣрить даже всѣ тѣ, кому были отвратительны ихъ мысли и желанія. Всѣми признанная искренность чувствъ и мнѣній, хотя бы самыхъ чудовищныхъ и дикихъ, есть великая нравственная сила въ обществѣ, въ особенности, посреди всеобщихъ взаимныхъ сомнѣній въ искренности. И этою силою, по странному недоразумѣнію, овладѣвали только враги государства и общества!

Подъ возраставшимъ гнетомъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, полуобманчивыхъ, полуистинныхъ, проведенъ былъ нашимъ обществомъ весь 1879 г. Эта для всѣхъ очевидная ложь общественной жизни не могла долго продолжаться. Всѣми, безъ различія мнѣній и вѣрованій, до безконечности разнообразныхъ и до безконечности запутывавшихся въ темнотѣ, овладѣвало только одно единодушное сознаніе, что такъ жить нельзя, что этотъ путь жизни ни къ чему отрадному дальше привести не можетъ.

Дѣйствительно это напряженное и нѣвозможное состояніе общественной атмосферы разрядилось, вслѣдъ за исходомъ 1879 г., и даже внезапно, въ тотъ самый моментъ, когда можно было всего менѣе этого ожидать, когда развитіе чрезвычайныхъ военно-поли-

цейскихъ мѣръ достигло своего кульминаціоннаго пункта, съ учрежденіемъ Верховной Распорядительной Коммиссіи. Отсюда начинается совсѣмъ другая эпоха въ нашей государственной жизни, поворотъ къ иному, почти противоположному ея направленію въ законодательствѣ и управленіи. Совершенно неожиданно и какъ будто противно всякимъ теоретическимъ предвидѣніямъ, это новое направленіе, вообще возвѣстившее собою расширеніе общественныхъ льготъ и свободныхъ отношеній общества къ государству, народа къ правительству, началось съ того самаго формальнаго акта, который водворилъ въ государствѣ почти неограниченную и почти единоличную военно-полицейскую власть, призванную, казалось, поглотить въ себѣ всякія другія законныя и установленныя власти, и всякую свободу жизни. Между тѣмъ вышло совсѣмъ напротивъ. И тутъ пришлось еще разъ убѣдиться, что какъ ни важны формальныя условія государственной жизни, законы и учрежденія, но также важны и личности, приводящія ихъ въ исполненіе, и духъ, влагаемый людьми въ дѣйствія законовъ и учрежденій. И тѣ и другіе мало измѣнились съ прошедшаго года, но въ ихъ жизни «повѣялъ» другой духъ. Въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія произошли нѣкоторыя значительныя перемѣны въ нынѣшнемъ году; эти перемѣны существенныя сами по себѣ, имѣли еще и то, едва ли не столько-же сильное вліяніе на упомянутый поворотъ въ *системѣ* отношеній государственной власти къ обществу, что понятія о необходимости этихъ новыхъ отношеній быстро и легко, какъ это всегда у насъ бываетъ, распространились во всемъ остальномъ личномъ составѣ управленія. А эти личныя понятія высшихъ представителей административной власти, при существующей у насъ, крайне и бюрократически централизованной организаціи власти, играютъ первостепенную роль во всѣхъ ея отправленіяхъ.

Но этотъ поворотъ къ новой системѣ государственнаго управленія принадлежитъ уже нынѣшнему году. Въ «обозрѣніи» государственной дѣятельности за 1879 г., мы не могли однако не коснуться этого поворота. Обязанные по возможности искать въ нашихъ «обозрѣніяхъ» опредѣленій общаго характера законодательныхъ постановленій и административныхъ распоряженій данной эпохи, искать ихъ общаго смысла, мы не можемъ терять изъ виду ихъ историческую связь какъ съ предыдущимъ, такъ и съ послѣдующимъ временемъ.

Никогда польза и удобства такихъ «обозрѣній» государственныхъ эпохъ, которыя уже отодвинулись отъ нашихъ непосредствен-

ныхъ впечатлѣній и отъ окружающихъ насъ теперь явленій, не были для насъ такъ ощутительны, какъ въ настоящемъ случаѣ. Общее значеніе чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, господствующихъ во всей государственной дѣятельности 1879 г., совершенно теперь измѣнилось. Хотя онѣ только частью были отмѣнены, и въ значительной своей части (учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторствъ, 5 Апрѣля 1879 г., исключительный порядокъ суда надъ политическими и другими преступленіями, и т. д.), остались еще по буквѣ въ своей законной силѣ, однако общій духъ приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ кореннымъ образомъ теперь другой, чѣмъ былъ въ 1879 г., такъ что намъ нѣтъ надобности долго на нихъ останавливаться. Хотя-бы большею частью и не отмѣненныя, всѣ эти мѣры получили для насъ теперь характеръ мѣръ какъ бы почти отмѣненныхъ и временно дѣйствовавшихъ.

Но тѣмъ не менѣе, мы не можемъ оставить вовсе въ сторонѣ, безъ всякаго упоминовенія, всю эту чрезвычайную государственную дѣятельность 1879 г. и съ нею всѣ печальныя общественныя явленія того года, ее вызвавшія. Мы обязаны къ размышленію надъ этими явленіями и этою дѣятельностью, тѣмъ болѣе, что оно можетъ быть теперь свободно отъ гнета первыхъ впечатлѣній. Мы обязаны къ этому не только потому, что исключительныя событія 1879 г. сохранятъ навсегда большой историческій интересъ, но также и потому что они важны въ практическомъ государственномъ отношеніи, для пониманія потребностей современнаго положенія и ближайшаго будущаго. Какъ бы ни могла казаться для поверхностнаго взгляда совершенно *порванною* всякая связь настоящаго съ прошедшимъ, сколько бы ни говорилось мало размышляющею толпою о внезапно «вновь наступающихъ эрахъ», но такихъ «порванныхъ связей» и такихъ «внезапныхъ эръ» не существуетъ въ историческомъ развитіи государства и общества.

Также какъ раньше, издалека, подготовлялись и созрѣвали необычайныя общественныя явленія 1879 г., также точно въ нихъ самихъ коренились и причины для того послѣдующаго переворота, который повидимому такъ неожиданно и такъ быстро произошелъ въ нынѣшнемъ году, и въ нравственной атмосферѣ общества, и въ сферѣ правительственныхъ мѣропріятій,— въ такъ называемой внутренней нашей политикѣ. Чтобы взять фактическій примѣръ, наиболѣе близкій нашему наблюденію, вспомнимъ, что сознаніе упомянутой выше несостоятельности всѣхъ чрезвычайныхъ военно-полицейскихъ мѣръ 1879 г. къ пресѣченію и предупрежденію по-

литическихъ преступленій должно было скорѣе всего привести къ опыту совершенно противоположнаго направленія въ государственномъ управленіи; этотъ переходъ долженъ былъ совершиться тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе и неподготовленнѣе былъ предыдущій рядъ мѣръ. Такой порывистый ходъ, въ движеніи какъ нашей административной машины, такъ и самихъ умовъ въ обществѣ, весьма обыкновененъ въ нашей государственной и общественной исторіи. Но даже и въ этихъ порывистыхъ формахъ жизни, которыя принадлежатъ къ характеристическимъ чертамъ, если не народнаго характера, то физіологіи нашего высшаго общественнаго слоя въ новѣйшемъ его развитіи, — въ этихъ формахъ дѣйствуютъ тѣ же основныя и постоянныя стихіи общественной жизни, которыя хотя и видоизмѣняются, въ своемъ историческомъ развитіи, но только весьма медленно и туго. Было бы слишкомъ легкомысленно думать, что всѣ тѣ нравственные и умственные атомы, изъ которыхъ сложились болѣзненные пароксизмы въ нашей общественной атмосферѣ недавняго времени, могли внезапно исчезнуть, подъ вліяніемъ какого-то чудодѣйственнаго вѣтра, невѣдомо откуда подувшаго; хотя и дѣйствительно въ высшей степени замѣчательно успокоеніе, вдругъ наставшее въ обществѣ вслѣдъ за выше указанными перемѣнами въ духѣ и системѣ государственнаго управленія въ 1880 г. Также точно, съ другой стороны, какъ бы рѣшительны ни были эти административныя перемѣны и какъ бы много онѣ ни были обусловлены перемѣнами въ личномъ составѣ администраціи, нельзя однако думать, чтобъ уже совсѣмъ перестали существовать въ государствѣ тѣ понятія и условія, изъ которыхъ образовалась предыдущая полицейская система, и чтобы эти понятія и условія, при той или другой случайности, не могли снова возымѣть силу, хотя бы и въ другихъ формахъ и сочетаніяхъ. Самые эти, столь обыкновенные у насъ, переходы отъ однихъ административныхъ воззрѣній къ другимъ, отъ одного общественнаго настроенія къ другому, часто противоположному, составляютъ сами по себѣ элементъ въ нашей государственной жизни, который долженъ быть принимаемъ въ разсчетъ при всякихъ сужденіяхъ объ окружающей дѣйствительности и при всякихъ государственныхъ соображеніяхъ и предположеніяхъ относительно ближайшаго будущаго.

Поэтому, даже для практическихъ государственныхъ интересовъ текущаго дня, необходимо установленіе какого либо общаго взгляда на исключительныя явленія и чрезвычайныя мѣры прошедшаго года, хотя бы этотъ взглядъ и подлежалъ значительной провѣркѣ

и передѣлкѣ въ будущемъ, съ оглашеніемъ новыхъ фактическихъ данныхъ, пока намъ недоступныхъ. Во всякомъ случаѣ, по роду нашего служенія государству, мы обязаны извлечь возможно болѣе государственныхъ назиданій изъ пережитой нами тяжкой године.

Съ тѣхъ поръ, какъ произошли кровавыя преступленія, омрачившія нашу общественную жизнь въ 1878 и 1879 гг., и съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько утихло (по крайней мѣрѣ съ виду) связанное съ ними болѣзненное броженіе въ нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ кружкахъ, мы уже имѣемъ теперь изъ разныхъ источниковъ, главнѣйше судебныхъ, много свѣдѣній о лицахъ, участвовавшихъ въ этихъ преступленіяхъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ этому броженію или имъ зараженныхъ, и объ ихъ дѣятельности. Но все таки всѣ эти свѣдѣнія слишкомъ недостаточны, многія изъ нихъ идутъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, изъ источниковъ слишкомъ пристрастныхъ или неблагонадежныхъ (каковы напр. полицейскіе розыски или тайная революціонная литература, старавшаяся всячески раздувать подвиги своихъ героевъ, преувеличивать ихъ силы, искажать дѣйствія властей противъ нихъ, и проч.); критическая оцѣнка такихъ источниковъ пока невозможна и вообще весь этотъ фактическій матерьялъ еще слишкомъ мало разработанъ съ научной, или нейтральной, точки зрѣнія, чтобы возможно было уже теперь, безошибочное и окончательное сужденіе обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, столь нужное для исторіи и для государственной практики.

Правда, что доктрина или теоретическая сторона пропаганды, частью революціонной [1]), частью только противозаконной, производившейся у насъ въ разныхъ слояхъ общества, принимавшей на себя оправданіе и даже апологію самыхъ безумныхъ и самыхъ гнусныхъ политическихъ преступленій и потому солидарная съ ними, достаточно извѣстна изъ всѣхъ литературныхъ органовъ этой пропаганды, внутреннихъ и заграничныхъ, чтобъ мы могли имѣть уже теперь очень точное сужденіе объ этой доктринѣ.

Но что же это за доктрина? И нужна ли здѣсь какая либо ея критика? Эта критика была бы совершенно празднымъ дѣломъ, да къ тому же она почти невозможна.

---

[1]) Мы должны оговориться, что подъ терминомъ «революція», «революціонный», мы разумѣемъ *исключительно* элементъ «*противозаконнаго насилія*» для «*насильственнаго*» разрушенія существующаго порядка и *насильственнаго* водворенія новаго, или стремленій ко всѣмъ такимъ *насиліямъ*.

Эта теоретическая сторона нашей общественной смуты, сторона «доктрины» и «идей», подъ открытымъ знаменемъ которыхъ она шевелилась, представляетъ наименѣе и всякаго теоретическаго и всякаго практическаго интереса, — можно даже сказать, что она не представляетъ никакого интереса. При этомъ мы даже и не говоримъ о томъ, что для просвѣщеннаго круга обычныхъ читателей нашего изданія критика этихъ невѣжественныхъ и отсталыхъ «идей», приводимыхъ какъ мотивъ или какъ оправданіе злодѣйскихъ покушеній и преступленій, была бы только потеряннымъ временемъ. Могутъ ли для мыслящихъ людей быть подобные мотивы и оправданія для подобныхъ преступленій? Уже этого одного, т. е., приведенія какихъ бы то ни было ученій въ связь съ преступленіями, достаточно чтобъ въ наше время, на высотѣ нынѣшнихъ воззрѣній государственной науки, считать несостоятельными всякія такія ученія.

Но сверхъ этого, *во первыхъ*, во всей этой смутѣ и не было никакой дѣйствительной доктрины и никакихъ идей; таковыя могли быть въ ней только обманчивымъ призракомъ для людей, не свѣдущихъ въ развитіи смуты, напр. для такихъ, которые способны были укорять во всѣхъ этихъ преступныхъ явленіяхъ науку и видѣть что-то общее между нею и революціоннымъ образомъ мыслей; проповѣдывать все это въ видахъ ли религіознаго или инаго назиданія юношества, предостерегая его противъ «новѣйщихъ» (?) движеній науки!

Никакой доктрины въ нашей смутѣ не обрѣталось уже потому только, что ея глашатаями и органами, внутренними и зарубежными, предъявлялось неслыханное и безконечное смѣшеніе всякихъ доктринъ и всякихъ идей. Не было политическихъ и соціальныхъ системъ и ученій, не было убѣжденій, желаній, стремленій и чаяній, не было политическихъ и соціальныхъ «проблемъ», не было воззрѣній на государство и общество, самыхъ между собою противоположныхъ, начиная отъ самыхъ крайнихъ революціонныхъ и дикихъ террористскихъ и коммунистическихъ до самыхъ обыкновенныхъ воззрѣній, напр. конституціонныхъ и даже такъ называемыхъ либеральныхъ, и даже самыхъ охранительныхъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, каковы напр. требованія законности въ государственномъ управленіи, законной охраны неприкосновенности личности и собственности въ государствѣ,—не было наконецъ понятій, которыя бы не излагались въ этой подпольной литературѣ и въ устной потаенной пропагандѣ. Такъ напр. требованія чисто полити-

ческихъ реформъ встрѣчались въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ, часто на однихъ и тѣхъ же страницахъ, даже у однихъ и тѣхъ же авторовъ, съ исключительно соціальными задачами, съ чистымъ соціализмомъ, съ безусловнымъ отрицаніемъ всякой нужды и пользы въ государственныхъ преобразованіяхъ, съ отрицаніемъ всякаго значенія какихъ бы то ни было государственныхъ формъ и учрежденій. Для объясненія всѣхъ этихъ противорѣчій и этой разноголосицы, было много говорено о разныхъ теченіяхъ, о разныхъ школахъ (?), о разныхъ партіяхъ и фракціяхъ, будто бы существующихъ въ кругу этой самой смуты; однако всѣ эти фракціи, не смотря на свои невообразимыя разногласія и противорѣчія на почвѣ мышленія, изумительнымъ образомъ сходились на почвѣ разрушенія,—яда, кинжала, револьвера и динамита. Вотъ этотъ-то послѣдній, самый черный пунктъ въ движеніи нашей смуты, вмѣстѣ съ тѣмъ самый любопытный для ея изученія.

Могутъ замѣтить, что какъ въ революціонной пропагандѣ, начавшейся у насъ много лѣтъ назадъ, такъ и въ атмосферѣ «идей», окружавшей политическія преступленія недавняго времени и вскормившей этихъ новыхъ «дѣятелей», всего болѣе, сравнительно со всякими другими ученіями, выступали элементы соціализма, или лучше ученія, извѣстныя въ Европѣ подъ названіемъ «соціальной демократіи». Большинство этихъ новыхъ людей сами всего чаще давали себѣ любимѣйшую между ними кличку «революціонеровъ *соціалистовъ*» и большею частью называли чаемый ими переворотъ «соціальной революціей» (т. е., насильственный политическій переворотъ для переустройства *общества, а не государства*). Но оставляя совершенно въ сторонѣ всякій разборъ теоріи «соціальной демократіи и соціальной революціи» *по ея существу*,—можно ли придавать серьезное практическое у *насъ* значеніе и этой доктринѣ, какъ *жизненной* причинѣ всего нашего общественнаго броженія, какъ дѣятельному умственному мотиву въ *нашей* смутѣ? Нужно ли доказывать здѣсь, что всѣ ученія, примыкающія къ этой доктринѣ и къ такъ называемому въ западной Европѣ «рабочему или соціальному вопросу», составляющему тамъ жизненный центръ этой доктрины, возникли на исторической и экономической почвѣ, не имѣющей ничего общаго съ нашею. Поэтому, когда литературные органы нашей пропаганды возглашали роковую и кровавую борьбу рабочаго «пролетаріата» съ «буржуазіей», труда съ капиталомъ, влекущую будто бы неизбѣжно къ соціальной революціи, то для всякаго мыслящаго человѣка всѣ эти возгласы, не смотря на всю ихъ ярость

и весь ихъ паѳосъ, хотя бы и искренніе, были только комичны. Было слишкомъ очевидно, что весь этотъ рабочій или соціальный вопросъ, со всѣми возбужденными имъ въ западной Европѣ здоровыми и больными ученіями, не имѣетъ у насъ, въ нашемъ обыденномъ житейскомъ бытѣ,—въ бытѣ всѣхъ милліоновъ нашихъ рабочихъ людей, *не имѣетъ «костей и плоти»*, *въ той формѣ* жизненныхъ экономическихъ отношеній и даже теоретическихъ ученій, въ какой этотъ вопросъ поставленъ въ западно-европейскихъ обществахъ и цѣликомъ, безъ всякой оглядки, перенесенъ къ намъ или выкраденъ нашими агитаторами изъ чужой жизни. Было слишкомъ ясно, что этотъ вопросъ и эти ученія не могутъ сами по себѣ сознательно воодушевить, не только вооружить у насъ людей ни къ геройскому самоотверженію, ни къ преступленіямъ, что этотъ вопросъ и эти ученія могутъ развѣ только, по невѣжеству или по другимъ причинамъ, служить случайнымъ флагомъ для прикрытія иныхъ болѣе дѣятельныхъ, болѣе жизненныхъ побужденій и цѣлей.

Конечно, и у насъ, какъ во всемъ свѣтѣ, существуетъ неумолкаемая всемірная борьба капитала съ трудомъ, переходящая вездѣ и всегда черезъ безчисленное множество историческихъ фазъ и національныхъ формъ; сверхъ того, существуютъ и у насъ глубокіе недуги и язвы рабочихъ классовъ, причиняющіе мученія сотнямъ тысячъ и можетъ быть милліонамъ людей. Но вся эта борьба, всѣ эти недуги и язвы находятся у насъ въ совершенно иной исторической фазѣ, проявляются въ совершенно иныхъ національныхъ формахъ, во многихъ случаяхъ, даже противоположныхъ формамъ, чѣмъ на западѣ; вызываютъ совершенно иные общіе взгляды на наши общественныя недоразумѣнія, на вопросы о рабочихъ, о главныхъ недостаткахъ ихъ быта и мѣрахъ помощи имъ, чѣмъ форма рабочаго вопроса, системы, теоріи и грезы разрѣшенія его въ другихъ государствахъ. Всѣ эти системы, теоріи и грезы, и въ здоровыхъ и въ болѣзненныхъ своихъ проявленіяхъ, теряютъ въ нашей дѣйствительной жизни всякій практическій смыслъ; по крайней мѣрѣ это можетъ быть несомнительно сказано, за исключеніемъ отдѣльныхъ и частныхъ вопросовъ (напр. о дѣтскомъ трудѣ, о гигіенѣ на фабрикахъ, о кредитѣ для рабочихъ и проч.), объ общемъ направленіи и духѣ рабочаго вопроса, въ какомъ онъ волнуетъ западно-европейскія народныя массы, породилъ революціонныя движенія въ ихъ средѣ и пропагандировался ихъ подражателями въ нашей смутѣ.

Впрочемъ все вышесказанное до-нельзя уже доказано фактическимъ опытомъ. Нѣсколько лѣтъ сряду наша соціально-революціон-

ная пропаганда дѣятельно, но безуспѣшно, работала надъ нашимъ рабочимъ людомъ, и городскимъ и сельскимъ, и фабричнымъ и земледѣльческимъ; она «ходила въ народъ», наряжаясь во всѣ возможные самые соблазнительные для народныхъ вкусовъ и предразсудковъ костюмы, и поддѣлываясь подъ всякія формы «народной воли» даже самыя національныя (?),—казачьи круги, раскольничьи толки, разбойничьи шайки, черные передѣлы земель и т. д. Самые ловкіе и умѣлые пропагандисты и ихъ вожаки торжественно однако сами сознались въ несостоятельности всѣхъ своихъ «хожденій въ народъ». Онъ ихъ рѣшительно не понималъ, а когда случалось, что понималъ, то только вязалъ, побивалъ и предавалъ властямъ. Безъ исключеній не могло разумѣется и тутъ обойтись. Но даже изъ среды самыхъ бойкихъ и возбужденныхъ нашихѣ фабричныхъ населеній, получившихъ въ своемъ бытѣ новѣйшаго времени нѣкоторое наружное подобіе съ западно-европейскимъ-промышленнымъ пролетаріатомъ, пропагандѣ удалось вырвать только десятки, или только почти единицы *настоящаго* рабочаго люда, сбитаго ею съ толку. Согласно съ положительными, намъ извѣстными, свѣдѣніями, собранными въ нѣкоторыхъ промышленныхъ нашихъ центрахъ, пропагандисты потерпѣли полную неудачу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ и личныхъ недоразумѣній, имѣли столкновенія съ своими хозяевами или съ мѣстными полицейскими властями, были недовольны и раздражены противъ «начальства» и производили *своего рода* безпорядки и даже буйства. Но они были возбуждены *своими* недовольствами, неимѣющими ничего общаго съ печалями нашихъ «соціальныхъ революціонеровъ и демократовъ» и потому пускались въ *свои* безчинства и *свои* правонарушенія, неимѣющія ничего общаго съ политическими преступленіями. Единственный случай (чигиринское дѣло въ Черниговской губерніи) увлеченія народной «массы» по слѣдамъ, намѣченнымъ новѣйшими нашими бунтарями, былъ возможенъ только при помощи грубаго съ ихъ стороны обмана и подлога, подъ знаменемъ народной преданности царской волѣ.

Какъ извѣстно и какъ они сами это объясняютъ (въ своихъ судебныхъ и другихъ показаніяхъ), наши смутчики, отчаявшись въ успѣхѣ своихъ «хожденій въ народъ», провозгласили для своей дальнѣйшей дѣятельности доктрину «террора», которая и получила господство въ ихъ кружкахъ въ самое послѣднее время; подъ ея знаменемъ, какъ говорятъ сами они, были совершены политическія убійства и злодѣйства 1878—1880 гг. Но что-же и это за доктрина? Можетъ ли она

сама по себѣ быть достаточною умственною причиною для загубленія и траты такого запаса молодыхъ силъ на преступленія, явная безнравственность которыхъ не можетъ не быть сознаваема ими самими? Исключеніемъ изъ этого сознанія могутъ быть развѣ совсѣмъ умственно-притупленные, до мозга костей развращенные или душевно больные люди; но не могло же быть много такихъ людей и не такими же людьми производятся общественныя смуты Неужели такая доктрина можетъ требовать съ нашей стороны критики и опроверженія? Но можно ли иначе, какъ развѣ въ видѣ горькой ироніи или шутки, называть «доктриною» это новѣйшее «террористское» ученіе «о разрушеніи для разрушенія, безъ всякой идеи, безъ всякаго идеала»? Доктрина парижскихъ комуналистовъ, до сихъ поръ самая ужасная въ исторіи революціонныхъ движеній и породившая самые неистовые подвиги разрушенія,—даже и та доктрина не лишена нѣкотораго идеала, нѣкоторыхъ идей, хотя бы и фантастическихъ, о возсозданіи государственнаго и общественнаго строя. Впрочемъ предположеніе о самой возможности *механическаго* или насильственнаго разрушенія того государственнаго и общественнаго порядка, который зиждется *на органическихъ* историческихъ и нравственныхъ основахъ, *на понятіяхъ*, выросъ органическимъ историческимъ процессомъ жизни, — все это предположеніе слишкомъ безсмысленно, чтобы его стоило подвергать какому-либо научному анализу. Этотъ процессъ и съ нимъ весь общественный и государственный порядокъ, со всѣми своими людскими отношеніями и понятіями, долженъ ежеминутно снова возродиться, послѣ каждаго самаго смертельнаго удара. Это предположеніе все равно, что захотѣть вещественнымъ мечомъ разсѣчь безтѣлесное понятіе! Можно развѣ въ какомъ нибудь больномъ бредѣ объ этомъ думать, но даже такая дума только призракъ и ничего болѣе. Однако, могутъ намъ возразить, что это міровоззрѣніе, какъ бы оно ни было нелѣпо, привело же у насъ ко множеству положительныхъ дѣяній, хотя бы и только злодѣяній; оно воодушевило людей, изъ которыхъ многіе, какъ всѣ въ томъ убѣдились на судебныхъ процессахъ, далеко не могутъ быть признаны совершенно глупыми и даже совершенно невѣжественными людьми; оно съ упорствомъ держится въ этой кучкѣ, кичащихся своею кличкою «террористовъ» и оно отчасти распространено даже въ болѣе образованныхъ странахъ запада подъ наименованіемъ партіи «анархистовъ» или крайнихъ «нигилистовъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что и тамъ за этою революціонною сектою, вышедшею да-

леко за всякіе предѣлы всякихъ, самыхъ крайнихъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій, признается по преимуществу русскій характеръ и русское происхожденіе. Но не будемъ на этомъ останавливаться. Не въ этомъ для насъ здѣсь дѣло.

Намъ нужно было только показать, что доктрина «разрушенія для разрушенія», которую приводятъ, какъ единственную возможную общую доктрину для объясненія теоретической или умственной стороны нашихъ политическихъ преступленій послѣднихъ лѣтъ, совершенныхъ отъ имени нашихъ «террористовъ» до того безсмысленна и теоретически и практически, что она ничего собою не объясняетъ. Но дѣло въ томъ, что логически безсмысленная сама въ себѣ, на почвѣ мышленія, она возможна на *почвѣ чувствъ и страстей*, какъ результатъ или какъ предлогъ крайней, беззавѣтной душевной и личной *злобы* и *ненависти* противъ общества и существующаго порядка. Эта доктрина постижима, если мы допустимъ, что въ людяхъ, зараженныхъ ею, чувства и страсти совершенно поглотили собою дѣятельность разума.

Здѣсь, по долгу безпристрастія, мы обязаны замѣтить, что изъ среды нашихъ террористовъ выдѣлилась особая «фракція», умѣренная (?),—откровенные представители которой исключительно и появлялись на послѣднихъ политическихъ процессахъ и которая чуть чуть не именуетъ себя «мирными террористами». [1]) Эта фракція, признавая свою солидарность съ «чистыми террористами» (слѣдующими доктринѣ «разрушенія для разрушенія»),—но только временную солидарность,—для совокупнаго дѣйствія во всѣхъ покушеніяхъ къ насильственному низверженію существующаго порядка, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что она имѣетъ «свои идеалы», которые и предложитъ народу и къ исполненію которыхъ будетъ всѣми своими силами стремиться послѣ «низверженія». Нечего и говорить, что эти «идеалы» на сколько они были изложены этою «фракціей» публикѣ (?) самые смутные. Къ мечтаніямъ чисто соціалистическаго или лучше коммунистическаго свойства, которыя въ нихъ господствуютъ, и прямо заимствованы у нѣмецкой «соціальной демократіи», примѣшиваются разные намеки на желаемыя политическія преобразованія, въ томъ числѣ даже самыя обыкновенныя, каково развитіе мѣстнаго самоуправленія. Но оставляя въ сторонѣ

---

[1]) См. кромѣ показаній подсудимыхъ на политическихъ процессахъ, «программу исполнительнаго комитета», извѣстную по этимъ процессамъ и пропагандировавшуюся въ 1879 г.

безсмысліе совмѣщенія такихъ противоположныхъ элементовъ въ схемѣ однихъ и тѣхъ-же идеаловъ, болѣе всего спрашивается какимъ образомъ могли совмѣститься въ однихъ и тѣхъ же умахъ вѣрованія въ такіе идеалы, осуществленіе которыхъ немыслимо безъ какихъ либо нравственныхъ началъ, и покушенія на преступленія, отрицающія всякія такія начала? Какимъ образомъ, если только «мирные террористы» или «террористы-соціалисты» искренни въ своихъ показаніяхъ и программахъ и если была какая нибудь логическая послѣдовательность въ ихъ мысляхъ,—какимъ образомъ была возможна какая нибудь ихъ сдѣлка, хотя бы только временная, хотя бы только мгновенная съ «чистыми террористами» съ чистыми разрушителями? Понять это возможно, только допустивъ изступленное раздраженіе чувствъ и страстей въ людяхъ, вступавшихъ въ подобныя сдѣлки, раздраженіе помрачавшее ихъ разумъ.

Вотъ, мы и пришли къ самому существенному, по нашему мнѣнію, вопросу въ нашей смутѣ. Никакихъ сколько нибудь ясныхъ и опредѣленныхъ теоретическихъ ученій, никакихъ даже *общихъ* практическихъ программъ и требованій, политическихъ или соціальныхъ, никакой логики понятій, не видно въ этомъ броженіи умовъ; оно само и весь хаосъ безчисленно разнообразныхъ ученій или лучше обрывковъ всякихъ ученій, въ немъ носившихся, и наконецъ самая послѣдняя доктрина,— террористовъ,— потянувшая за собою людей къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ, объясняются гораздо болѣе возбужденіемъ чувствъ, крови, нежели дѣятельностью разума, мозга. Эта дѣятельность разума, если и была тутъ, то она была только послѣдствіемъ возбужденія чувствъ. Подобно тому, какъ изученіе химіи и пиротехники и все умственное напряженіе, нужное для примѣненія этихъ наукъ къ цѣлосообразному устройству дѣйствія взрывчатыхъ веществъ, требовались только для удовлетворенія личному чувству злобы, ненависти, мести, также точно для тѣхъ же цѣлей требовались и разныя ученія, выставлявшіяся какъ значки на показъ, можетъ быть, отчасти для успокоенія собственной, еще не совсѣмъ заглохшей, совѣсти, отчасти для совѣсти другихъ. Мы не говоримъ объ исключеніяхъ, о людяхъ, которые по крайней ограниченности ума или по крайнему невѣжеству съ фанатизмомъ предавались этимъ ученіямъ или также о самыхъ простыхъ солдатахъ этой арміи, хотя даже и имъ нужно было сильное возбужденіе чувствъ, чтобъ выйти на эти темные, опасные и новые пути жизни, изъ обыденной, *благонадежной*, протоpенной колеи своего прежняго быта. Мы имѣемъ въ виду преимущественно передовыхъ дѣятелей,

или по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые оказались до сихъ поръ таковыми, за неимѣніемъ въ виду другихъ; мы имѣемъ въ виду этихъ дѣятелей до-бѣла раскаленныхъ злобою противъ «легальнаго» общества, *противъ всего живущаго по закону*, — этихъ нашихъ «непримиримыхъ», олицетворяющихъ собою все это общественное броженіе, если его нельзя назвать движеніемъ.

Откуда же накопилось въ нашемъ обществѣ столько непримѣримой злобы и ненависти, что онѣ нуждаются для оправданія своихъ дѣяній въ подобныхъ чудовищныхъ и безсмысленныхъ доктринахъ? Этотъ вопросъ кажется намъ важнѣйшимъ, въ печальной отечественной исторіи послѣднихъ лѣтъ, — важнѣйшимъ не только для науки, но преимущественно для государственной практики, — ибо для всѣхъ слишкомъ ясно, что по тому государственному пути, на которомъ накопилось, въ аріергардѣ государственнаго обоза, столько скверныхъ чувствъ, нельзя безопасно идти.

Такое накопленіе злобы и ненависти въ разныхъ общественныхъ слояхъ весьма понятно въ западно-европейскихъ государствахъ, исторія которыхъ переполнена междоусобными бранями, раздоромъ средневѣковыхъ сословій, разрушеніемъ ихъ и возникновеніемъ на ихъ развалинахъ новыхъ общественныхъ группъ, еще не осѣвшихъ и организующихся, не подходящихъ новыми условіями своего быта подъ рамки стараго государственнаго устройства и предъявляющихъ новыя для него условія, различныя со стороны каждой общественной группы, — новой финансовой и буржуазной аристократіи, рабочаго пролетаріата, остатковъ старыхъ сословій, родовой аристократіи, церкви, ея могущественныхъ латинскихъ конгрегацій, и т. д. Но у насъ ничего подобнаго не было и нѣтъ. Сверхъ всего этого, нельзя не замѣтить, что, кромѣ совершенно различнаго съ западною Европою хода нашей исторіи, которая не дала у насъ образоваться крѣпко сплоченнымъ внутри себя и стоящимъ враждебно другъ противъ друга *общественнымъ сословіямъ*, поразительное для другихъ народовъ добродушіе нашего племени еще болѣе затрудняетъ объясненіе той злобы и ненависти, о которыхъ было говорено выше. Дѣйствительно, уже только поэтому, холодная, бездушная, закаленная выдержка характеровъ героевъ въ нашей общественной драмѣ, на этой почвѣ общественной злобы и ненависти, казалась всѣмъ чѣмъ-то нерусскимъ, хотя и не могло быть сомнѣнія, что въ этой разноплеменной смѣси, какая являлась передъ нами на судебной сценѣ, были и чисто русскіе люди (т. е. по своему происхожденію) и они были между главными дѣйствую-

щими лицами. Только одна черта во всѣхъ этихъ характерахъ, — и только она, — представлялась чисто русскою, — это безстрашіе смерти, пренебреженіе къ жизни!

Отвѣчать на поставленный выше вопросъ весьма не легко. Настоящимъ отвѣтомъ можетъ быть только вся исторія нашей государственной и общественной жизни, и даже не за одно истекшее двадцатипятилѣтіе, а почти за все нынѣшнее столѣтіе. Для такой исторіи, въ особенности за новѣйшее время, нужно еще много изслѣдованій и также много безпристрастія, котораго не могутъ имѣть самые безпристрастные современники. Не вдаваясь однако такъ далеко въ историческія изысканія и нуждаясь, во что бы то ни стало, въ какомъ нибудь объясненіи окружающихъ насъ общественныхъ явленій, мы попробуемъ бѣгло указать на самыя выпуклыя черты *той связи*, въ которой могутъ или должны, по всему вѣроятію, находиться эти явленія съ общимъ движеніемъ пережитыхъ нами историческихъ эпохъ.

Чтобы раскрыть эту связь и розыскать въ разныхъ общественныхъ слояхъ источники накопленія упомянутыхъ элементовъ раздраженія, вскормившихъ собою новѣйшую нашу смуту и ея дѣятелей, нужна была бы по меньшей мѣрѣ точная относительно нихъ статистика, которой нѣтъ и которая едва ли возможна при нашихъ условіяхъ. Нужно было бы въ подробности знать изъ какихъ общественныхъ положеній вышли эти новые, неслыханные въ старое, такъ называемое *дореформенное*, время люди, знать всѣ обстоятельства ихъ воспитанія и окружавшей ихъ семейной и общественной обстановки, условія ихъ предыдущей жизни; затѣмъ знать исторію первыхъ зародышей революціонной мысли и ея послѣдующаго движенія, ея воплощенія въ дѣло и его организацію, всѣ стадіи дальнѣйшаго развитія этой организаціи и т. д. Если относительно лицъ, подпавшихъ публичному судебному обвиненію, мы имѣемъ нѣкоторыя такія данныя, впрочемъ весьма отрывочныя и туманныя, то мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о несравненно большемъ числѣ лицъ, ускользнувшихъ отъ всякаго правительственнаго преслѣдованія, о подвергнувшихся только полицейскимъ распоряженіямъ, объ административно высланныхъ, наконецъ о лицахъ и кружкахъ, бывшихъ въ тѣхъ или другихъ, болѣе или менѣе сочувственныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ предыдущимъ категоріямъ и не проявившихъ ничѣмъ ни своихъ противозаконныхъ дѣйствій, ни даже своихъ протестующихъ противъ су-

ществующаго порядка мыслей или озлобленныхъ противъ него чувствъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что еслибъ даже и возможна была статистика, хотя бы только вышеупомянутыхъ категорій людей, офиціально виновныхъ и заподозрѣнныхъ, то и она не привела бы насъ ни къ какимъ результатамъ, ибо между этими людьми было не мало преслѣдовавшихся по недоразумѣніямъ и ошибкамъ.

Вся эта область покрыта для насъ почти непроницаемымъ мракомъ; иначе и быть не можетъ при условіяхъ нашей общественной жизни, которая, въ искреннѣйшихъ порывахъ души и сердца, бываетъ сокрыта отъ всякаго свѣта. Освѣтить всю эту темную область нельзя одними полицейско-сыскными силами, хотя бы даже и гораздо лучше организованными, чѣмъ наши. Кстати сказать, даже и для лучшей организаціи и болѣе успѣшной дѣятельности самыхъ этихъ силъ, встрѣчаются непреодолимыя препятствія въ самыхъ условіяхъ этой неискренности и негласности общественной жизни. Таковы бываютъ примѣры печальной исторической ироніи: стѣсненія свободы общественной жизни мстятъ сами за себя, парализуя даже законныя и необходимыя орудія борьбы государства съ своими врагами! Въ другихъ странахъ, гдѣ гласность и свобода мнѣнія и общественной дѣятельности предшествовали подобнымъ катастрофамъ, поле ихъ дѣйствія было заранѣе освѣщено для правительственной власти, она не была застигаема врасплохъ и не была вынуждена распоряжаться ощупью. Такъ напр. въ Германіи, при неизмѣримо болѣе серьезномъ распространеніи революціонныхъ элементовъ и при неизмѣримо большихъ трудностяхъ борьбы съ ними, чѣмъ у насъ, она была однако сравнительно гораздо легче потому, что взрывамъ революціонныхъ страстей, послѣдовавшимъ или на почвѣ самой «соціаль-демократической» организаціи или въ нравственной связи съ нею, предшествовала открытая и свободная дѣятельность этой организаціи и всякихъ другихъ политическихъ и другихъ союзовъ и обществъ. Для административныхъ и полицейскихъ мѣръ, которыя были приняты въ Германіи противъ «соціальной демократіи» и которыя мы впрочемъ нисколько не беремся здѣсь защищать, была, между прочимъ, прочная основа въ обширной и даже научной литературѣ, обсуждавшей этотъ предметъ, въ связи со всѣми однородными общественными движеніями въ Европѣ, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣній и въ духѣ всѣхъ возможныхъ пар-

тій. Нѣкоторыя работы по этой части, оказавшія собраніемъ обширнаго фактическаго матерьяла [1]) большія услуги даже наукѣ, были предприняты отчасти съ содѣйствіемъ или подъ покровительствомъ самого германскаго правительства. Ничего подобнаго не существуетъ и не могло существовать у насъ. Если и имѣются у насъ какіе либо официальные сборники такихъ свѣдѣній, впрочемъ недоступные публикѣ, то они не могли служить вѣрнымъ пособіемъ для администраціи, такъ какъ они не основаны на личныхъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ людей, знающихъ дѣло съ другихъ сторонъ, чѣмъ съ исключительно полицейско-сыскной. Не бывъ изданы въ свѣтъ, такіе труды не могли быть очищены и провѣрены критикою и скорѣе могли вводить въ заблужденіе относительно явленій нашей общественной жизни, чѣмъ освѣщать ихъ.

Пользуясь тѣми немногими фактическими данными, какія намъ доступны, преимущественно по судебнымъ процессамъ, мы можемъ однако уловить нѣкоторыя историческія и физіологическія черты нашего общественнаго броженія, несовсѣмъ ошибочныя и несовсѣмъ безплодныя для размышленія о прошедшемъ и о ближайшемъ будущемъ.

Былъ часто возбуждаемъ вопросъ, и онъ дѣйствительно существенъ: къ какому сословію, состоянію или общественному классу главнѣйше принадлежатъ участники политическихъ преступленій и прикосновенныя къ нимъ лица?

Если отнести этотъ вопросъ только къ той массѣ лицъ, которая сдѣлалась извѣстна публикѣ черезъ судебные процессы, то можно было бы получить только одинъ безошибочный отвѣтъ, который уже и былъ часто выводимъ изъ всѣхъ официальныхъ свѣдѣній объ этихъ лицахъ. Нѣтъ того сословія, состоянія, званія, класса, рода занятій, общественнаго положенія, вѣроисповѣданія, племени, области и края, входящихъ въ составъ русскаго государства и его народонаселеній, которые бы не имѣли тутъ своихъ представителей. Эта масса людей всего болѣе поражаетъ пестротою и смѣсью всѣхъ безъ изъятія общественныхъ элементовъ, существующихъ на русской землѣ. Этотъ выводъ единственный безошибочно вѣрный; а болѣе близкія опредѣленія личнаго состава этой массы привлеченныхъ къ суду людей могутъ быть только при-

---

[1]) Напр. см. многотомное изданіе «Der Emancipationskampf des vierten Standes von R. Meyer. Berlin. 1875».

близительно вѣрны. Мы вынуждены однако отважиться, хотя бы на нѣкоторыя, наиболѣе вѣроятныя, изъ такихъ опредѣленій, чтобы имѣть передъ собою нѣсколько болѣе точныя очертанія этой вновь появившейся передъ нами общественной массы.

Не смотря на смѣсь въ этой массѣ всѣхъ безъ изъятія сословій и общественныхъ положеній, въ ней совершенно однако недостаютъ, представители двухъ крайнихъ общественныхъ слоевъ: самаго высшаго (по рожденію, богатству и положенію) аристократическаго, знатнаго и высокочиновнаго, на сколько таковой у насъ существуетъ, и также самаго нисшаго слоя — крестьянскаго. Если къ первому слою и могутъ быть отнесены въ этой массѣ нѣкоторыя капли, то онѣ восходятъ къ нему только косвенными, побочными путями и утратили всякія съ нимъ связи. Еще на болѣе далекомъ разстояніи отъ этой преступной сферы, стоитъ крестьянское или лучше мужицкое народонаселеніе, т. е., настоящее и натуральное наше мужицкое народонаселеніе,—бѣдное, земледѣльческое, забитое трудомъ и сросшееся съ своимъ міромъ и своею землею. Если и попадались на скамьяхъ подсудимыхъ люди, оффиціально принадлежащіе къ крестьянскому сословію, то они давно вырвались изъ мужицкой среды и потеряли всякое ея подобіе.

Затѣмъ замѣчается наибольшее, сравнительно съ другими сословіями, общественными группами и племенами, участіе въ политическихъ преступленіяхъ евреевъ, духовнаго сословія и *въ особенности дворянскаго*. Но никакъ не должно терять изъ виду, что субъекты являвшіеся на скамьяхъ подсудимыхъ или въ спискахъ скрывшихся отъ судебнаго преслѣдованія, яко экземпляры изъ упомянутыхъ трехъ сословій, вслѣдствіе своего оффиціальнаго званія, крови или просто приписки, въ сущности нисколько *не представляютъ собою типически* этихъ классовъ, на сколько *типъ* каждаго изъ нихъ *установился* въ его стародавнемъ бытѣ и нашихъ прежнихъ о немъ понятіяхъ. Если печать еврейскаго типа, выдерживающаго всегда всякія испытанія судебъ, сохранилась наиболѣе на его представителяхъ, то все таки это были не тѣ евреи, какихъ мы знаемъ и знаетъ весь свѣтъ: они оторвались отъ обычныхъ еврейскихъ занятій, значительно разстались съ еврейскихъ характеромъ, совсѣмъ отпали отъ іудейскаго закона, совсѣмъ вышли изъ кагала, хотя родители многихъ такихъ субъектовъ могли быть настоящіе евреи. Духовенство, въ настоящемъ смыслѣ слова (по крайней мѣрѣ духовенство не заштатное и незапрещенное) не имѣло кажется ни одного представителя; даже это, поражавшее всѣхъ

множество лицъ, *по происхожденію* своему изъ духовнаго сословія, являлось, весьма обезличеннымъ въ своемъ семинарскомъ типѣ, столь у насъ рельефномъ въ старое время и столь живучемъ, (подобно еврейскому). Изъ круга представителей нашего высшаго или дворянскаго сословія, собственно лица, вполнѣ выражающія собою его типъ и бытъ въ ихъ многообразныхъ формахъ—помѣщичьей или нечиновной, провинціальной и деревенской, служивой гражданской и военной,—составляли самое ничтожное исключеніе. Къ дворянству чиновному и нечиновному, или лучше къ «благороднымъ» повыраженію иныхъ, (или къ «господамъ» и «барамъ» по выраженію нашихъ простолюдиновъ) причисляется у насъ, и на офиціальномъ языкѣ и въ понятіяхъ общества, самая разнообразная и необъятная масса всякаго рода людей и всякаго рода общественныхъ типовъ, необычайно различныхъ и по своему рожденію, и по быту, и по воспитанію, и по занятіямъ, и даже по своимъ узаконеннымъ званіямъ. Неудивительно, что на сценѣ разыгрывавшейся передъ нами политической и судебной драмы, всего болѣе фигурировали, въ особенности между главными лицами, разнородные представители этой наипестрѣйшей массы нашего общества. Наибольшее число субъектовъ принадлежитъ тутъ или по происхожденію или своему настоящему положенію къ тому разряду людей, который въ прежнее время именовался у насъ «разночинцами», за невозможностью объединить его чрезвычайное разнообразіе и причислить къ какому нибудь опредѣленному «чину», сословію и званію. Этотъ разрядъ наипестрѣйшій, безъ всякихъ установившихся занятій и быта, состоявшій изъ обрывковъ всѣхъ сословій, главнѣйше дворянскаго, всего болѣе приближался, по своему типу и быту или лучше по своимъ «требованіямъ отъ жизни» (или «аспираціямъ») къ дворянству, къ высшему классу, къ «интеллигенціи». Въ старое время этотъ нашъ общественный классъ былъ самый несчастный и самый «придавленный»,—самый угнетенный обстоятельствами жизни и самый безгласный и тихій, развѣ за исключеніемъ выходившихъ изъ его среды «приказныхъ ябедниковъ» и «ходатаевъ по дѣламъ». Но онъ былъ тогда малочисленъ. Въ новѣйшее время онъ особенно размножился и особенно оживился.

Этотъ очеркъ личнаго состава толпы, участвовавшей въ политическихъ преступленіяхъ, съ точки зрѣнія ея отношеній къ общественнымъ классамъ, изъ которыхъ она вышла, остается еще пополнить нѣкоторыми замѣчаніями. Какъ дворянство или разночинцы въ высшемъ общественномъ слоѣ, также точно и мѣщанство въ ниж-

шемъ доставило наибольшій контингентъ въ эту армію. Подобно разночинцамъ, мѣщане такое-же неопредѣленное у насъ сословіе; для него нѣтъ никакихъ точныхъ очертаній ни по занятіямъ, ни по быту, ни по общественному положенію. Мѣщанство не имѣетъ никакого бытоваго типа; не только нѣтъ никакой общей физіономіи у русскаго мѣщанина, но она даже не одинакова у нѣсколькихъ лицъ этого сословія въ одномъ городѣ и въ одномъ посадѣ. Сюда, вслѣдствіе той или другой случайности, большею частью *бѣдности*, можетъ принадлежать или быть *приписано* все что угодно въ кругу нисшихъ классовъ: мѣщаниномъ можетъ быть и чистый крестьянинъ-хлѣбопашецъ (какихъ не мало въ мелкихъ городахъ) и фабричный рабочій пролетарій, и купецъ, и фабрикантъ, и адвокатъ и писатель и лице изъ всякихъ другихъ новѣйшихъ либеральныхъ профессій.

Всего кажется менѣе изъ всѣхъ нашихъ сословій доставило своихъ представителей на скамью политическихъ подсудимыхъ купечество. Мы говоримъ о томъ купечествѣ, которое установилось изъ рода въ родъ, съ своимъ опредѣленнымъ бытомъ и типомъ, а не о той весьма колеблющейся у насъ массѣ, которая то торгуетъ, то не торгуетъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ и смѣшивается съ мѣщанствомъ. Изъ самаго высшаго, родоваго и знатнаго слоя купечества, въ томъ смыслѣ въ какомъ мы его выше опредѣлили, не было кажется ни одного субъекта въ числѣ гласно обвиненныхъ по политическимъ преступленіямъ.

Ко всей этой характеристикѣ нужно наконецъ прибавить еще одну черточку, въ нашихъ глазахъ немалозначительную. Посреди этой смѣси всѣхъ безъ изъятія родовъ людей, находящихся въ русскомъ подданствѣ, всѣхъ племенъ, языковъ и вѣроисповѣданій, нельзя не замѣтить *безусловнаго отсутствія двухъ элементовъ*, не малочисленныхъ однако въ составѣ этого подданства: раскольниковъ-старообрядцевъ и остзейцевъ. Этотъ фактъ кажется намъ несомнительнымъ; можетъ быть, при ближайшемъ анализѣ массы подсудимыхъ по политическимъ преступленіямъ, окажется такое же отсутствіе въ немъ и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ.

При чрезвычайной многочисленности и разнообразіи нашихъ религіозныхъ сектъ, нельзя положительно утверждать, чтобы безусловно всѣ онѣ отсутствовали, хотя вѣроятно всѣ отсутствовали (за исключеніемъ конечно вновь народившейся у насъ секты, дерзко и безсмысленно именовавшей себя на политическихъ процессахъ

атеистическимъ революціоннымъ *вѣроисповѣданіемъ*? [1]), но безусловное отсутствіе важнѣйшей и многочисленнѣйшей отрасли нашихъ сектантовъ — раскольниковъ - старообрядцевъ, во всѣхъ толкахъ, по обѣимъ вѣтвямъ ихъ поповцевъ и безпоповцевъ, [2]), положительно извѣстно. Также точно замѣчательно безусловное отчужденіе отъ нашей смуты всѣхъ *безъ изъятія сословій* прибалтійскихъ губерній (за исключеніемъ евреевъ); въ этомъ краѣ не было и никакихъ слѣдовъ пропаганды, хотя представители нѣкоторыхъ разрядовъ его сословій, преимущественно бюргеровъ (напр. литераты) заявляли неоднократно сильный и даже безпокойный политическій духъ, хотя все нѣмецкое прибалтійское народонаселеніе не отличается нѣжными чувствами къ Россіи и хотя наконецъ между нимъ и другими мѣстными племенами и нисшими классами существуетъ рознь. Потому здѣсь можно было, болѣе чѣмъ гдѣ либо, ожидать сѣмянъ гражданской смуты, и однакоже они въ этомъ случаѣ не оказались.

Изо всего этого очерка границъ той общественной среды, которая находилась въ ближайшемъ соприкосновеніи съ лицами и «организаціями», производившими политическія преступленія, можно вывести довольно вѣроятное общее заключеніе, что въ этой общественной средѣ преимущественно участвовали всѣ *«неустановшіеся»* у насъ внизу и наверху старые и новые общественные классы. Нужно замѣтить, что въ границахъ этой-же самой среды, разобщенной со всѣми установившимися общественными кругами, съ обыденною, нормальною жизнью нашего общества, и потому въ средѣ скрытой и темной для него, происходило и зачалось гораздо ранѣе все то «броженіе идей», смута понятій, болѣе или менѣе сочувственная или родственная позднѣйшей смутѣ дѣяній и покушеній. Подъ «неустановившимися» мы разумѣемъ такіе общественные слои или лучше пространства промежуточныя между рѣзко опредѣленными слоями и историческими общественными формаціями, гдѣ слабы или вовсе отсутствуютъ вообще однородныя, отчасти со-

---

[1]) Вѣроятно въ шутку.

[2]) Извѣстна неудача многократныхъ чрезвычайныхъ усилій, употреблявшихся къ совращенію раскольниковъ въ революціонную пропаганду. Даже когда это совращеніе удавалось, въ видѣ рѣдкаго исключенія, относительно двухъ-трехъ личностей, сбитыхъ съ толку, то эти личности тотчасъ дѣлались отщепенцами отъ раскола и были исторгаемы изъ своей среды. Дальнѣйшая пропаганда въ этой средѣ черезъ посредство этихъ личностей дѣлалась невозможною.

словныя, преданія воспитанія, преемственности занятій, строго очерченнаго быта (дворянскаго, священно-служительскаго, купеческаго крестьянскаго, и проч.) и его своеобразныхъ привычекъ, понятій и вѣрованій; гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ господствуетъ шаткость имуществъ, матерьяльнаго обезпеченія и всего общественнаго положенія; гдѣ люди бродятъ между всѣми положеніями, неустанно озабоченные поисками на какое бы то ни было положеніе; гдѣ образуются общественные «пролетаріи» или по нашему «скитальцы», какъ они уже были весьма характеристично названы въ современной нашей литературѣ. Не должно забывать, что характеристическую черту «пролетарія» составляетъ никакъ не «бѣдность» сама по себѣ, а прежде всего несоотвѣтствіе наличныхъ матерьяльныхъ средствъ съ ощущаемыми потребностями, съ требованіями отъ жизни; это-то несоотвѣтствіе и производитъ то острое ощущеніе нищеты, возможное при средствахъ весьма обильныхъ для удовлетворенія инаго объема и инаго рода потребностей, ту шаткость и необезпеченность быта и то неизбѣжное при всемъ этомъ *чувство раздраженія*,— всѣ тѣ свойства, которыми отличается типъ такъ называемаго «пролетарія» во всѣхъ общественныхъ слояхъ, и самыхъ высшихъ и самыхъ нисшихъ.

Всѣ эти общественно-физіологическія свойства рождаются и развиваются главнѣйше въ тѣ историческіе моменты, когда вслѣдствіе новаго поворота государственной и общественной жизни, расстраиваются установившіяся вѣками матерьяльныя и нравственныя условія *наслѣдственнаго быта*, характеризующаго каждый общественный классъ; эти свойства рождаются и развиваются главнѣйше на тѣхъ пространствахъ или въ тѣхъ промежуточныхъ полостяхъ общественнаго организма, въ которыхъ накопляется наиболѣе осадковъ или обломковъ отъ разстроивающихся, разрушающихся, вывѣтривающихся старыхъ общественныхъ формацій, классовъ, сословій. Тутъ въ этихъ полостяхъ, посреди этого историческаго процесса, который собственно никогда не прерывается, но который въ иныя государственныя эпохи бываетъ особенно стремителенъ и особенно быстро расширяетъ упомянутыя «междоумочныя» пространства между общественными группами, размножаются эти люди весьма характеристично названные французами «gens déclassés,» у насъ въ дворянскомъ быту «недорослями», и которыхъ мы позволимъ себѣ назвать «междоумками». Этотъ родъ людей образуетъ собою то общественно-физіологическое вещество, наполняющее полосы и ущелія между установившимися общественными класса-

ми, которое служитъ матерьяломъ для образованія пролетаріата, въ особенности *пролетаріата умственнаго*, самаго несчастнаго и самаго болѣзненнаго. Въ кругу какихъ-же больше личностей, какъ не тѣхъ, которыя оторвались отъ одного наслѣдственнаго быта и не пристали къ другому, или же выросли въ тѣхъ закоулкахъ общества, у которыхъ никогда не было никакого точно опредѣленнаго быта и типа (какъ между нашими разночинцами), которыя не доросли ни до какого опредѣленнаго положенія въ обществѣ,—гдѣ-же больше могло возникнуть упомянутое выше не соотвѣтствіе между «средствами» и «потребностями», производящее наибольшую горечь и раздраженіе жизни, помимо всякихъ «доктринъ» и «ученій»?

Отъ этихъ общихъ мыслей, которыя хотя и имѣютъ прямое отношеніе къ нашему предмету, но полное развитіе которыхъ отвлекло бы насъ слишкомъ далеко,—мы должны спѣшить къ очерку дѣйствительныхъ фактовъ нашей общественной смуты, еще несовершенно нами законченному.

Хотя русскому обществу далеко не пришлось испытать ничего подобнаго глубокимъ переворотамъ, разрушившимъ, во всей Западной Европѣ, сословный общественный строй и средневѣковое сословное государство и породившимъ (совокупно съ другими причинами экономическаго свойства) между прочимъ рабочій (преимущественно фабричный) пролетаріатъ, — такъ называемое четвертое сословіе и его волненія *), — также какъ у насъ не было строго очерченныхъ, родовыхъ сословныхъ союзовъ и феодальнаго сословнаго государства, подобнаго западно-европейскимъ,—однако мы имѣли, въ недавней нашей исторіи, *нѣчто сходное* съ западно-европейскими явленіями, отразившееся *у насъ въ противоположность къ западу, преимущественно въ высшихъ слояхъ общества.* Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права и другими государственными реформами, тѣсно съ нимъ связанными и обновившими нашъ общественный и административный строй, мы также должны были пережить историческій процессъ, разстроившій всѣ прежнія, давно сложившіяся, съ XVII столѣтія, общественныя организаціи,—если не настоящія средневѣковыя феодальныя сословія, какихъ у насъ не было, то «состоянія», окончательно формулированныя и закрѣплен-

*) См. «Соціальный вопросъ» *В. П. Безобразова* (статьи печатавшіяся въ газетѣ «Голосъ» въ 1878 и 1879 г.г.).

ныя въ сводѣ законовъ. Этотъ процессъ расшаталъ установившійся (впрочемъ и до того большею частью не крѣпкій) бытъ этихъ «состояній», преимуществено высшихъ, или вѣрнѣе ихъ низшаго и средняго слоя [1]). Существовавшія дотолѣ обезпеченія благосостоянія и условія хозяйства и дѣятельности (а также и бездѣятельности) этихъ общественныхъ классовъ были круто потрясены. Слишкомъ очевидно вліяніе въ этомъ отношеніи на средній, и въ особенности, на нисшій помѣщичій бытъ упраздненія крѣпостнаго права, барщины во всѣхъ формахъ и видахъ, *всего натуральнаго хозяйства*, которое обезпечивало и всякими даровыми цѣнностями и всякою даровою людскою службою благополучіе и даже почетъ многочисленнаго бѣднаго дворянства и которое пришлось замѣнить денежнымъ хозяйствомъ, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было денежныхъ капиталовъ. Сверхъ того, неумѣніе вести денежное или коммерческое хозяйство, совершенная нравственная и умственная безпомощность въ новомъ положеніи повели къ тому, что значительная часть денежныхъ капиталовъ, которые достались по выкупнымъ и другимъ операціямъ, сопровождавшимъ ликвидацію крѣпостнаго хозяйства, были непроизводительно растрачены въ нисшемъ слоѣ дворянства. Тутъ многое произошло по русской поговоркѣ: «послѣдняя копѣйка поставлена была ребромъ», съ горя! Но въ томъ-же направленіи дѣйствовали, преимущественно на разныя категоріи высшихъ или образованныхъ (?) классовъ, и всѣ другія реформы, сами по себѣ справедливыя и въ высшей степени благодѣтельныя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, всѣ административныя и судебная реформы значительно измѣнили условія жизни многочисленнѣйшей и бѣднѣйшей группы нашего высшаго класса, нашей «интеллигенціи», служилаго или чиновничьяго класса, преимущественно нисшаго, мало образованнаго и мало воспитаннаго (при всѣхъ его претензіяхъ на образованіе и «благородство»),—этого настоящаго нашего пролетаріата.

Благодаря крѣпко сложившемуся многими вѣками общественному строю нашихъ крестьянъ, вѣковѣчнымъ историческимъ преданіямъ и религіознымъ вѣрованіямъ въ ихъ средѣ и великимъ началамъ крестьянской реформы, согласованнымъ съ ихъ историческимъ бытомъ,

---

[1]) Извѣстно какъ мало были потрясены крестьянскою реформою условія благосостоянія самаго верхняго слоя дворянства, жившаго преимущественно на счетъ обширныхъ оброчныхъ имѣній; во многихъ случаяхъ владѣльцы такихъ имѣній даже значительно выиграли отъ выкупа.

онъ былъ *сравнительно* (мы говоримъ сравнительно съ другими сословіями) наименѣе поколебленъ, хотя бы наша финансовая система и продолжала, и даже еще въ большей степени, чѣмъ прежде, лежать тяжкимъ бременемъ на крестьянскомъ благосостояніи. Нищета, какъ бы она ни была мучительна для людей, еще не есть сама по себѣ расшатанность, дезорганизація ихъ быта; первая только усиливаетъ послѣднюю, когда съ нею соединяется, какъ это случилось въ нисшемъ слоѣ дворянства, чиновничества, разночинцевъ и духовенства.

Совершенно иное чѣмъ въ крестьянствѣ, мы видимъ въ другой крупнѣйшей группѣ нашихъ нисшихъ или рабочихъ классовъ, такъ называемыхъ податныхъ сословій, въ мѣщанствѣ, которое никогда не имѣло никакой прочной, самостоятельной исторической организаціи, которое никогда ничего не представляло собою рельефнаго и типическаго въ народной жизни и которое было въ своемъ бытѣ также бѣдно и необезпечено въ дореформенное время, какъ и въ позднѣйшее.

Совсѣмъ противоположный характеръ имѣлъ у насъ крѣпко сложившійся бытъ высшаго слоя городскихъ сословій,—купечества; его-же вмѣстѣ съ тѣмъ всего менѣе коснулись реформы. Напротивъ, общій ходъ законодательства, финансовой администраціи и нашей государственной жизни, въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, былъ таковъ, что онъ могъ быть наиболѣе благопріятенъ для высшаго коммерческаго класса, который оказался всего умнѣе посреди обстоятельствъ новаго періода нашей государственной исторіи; онъ всего скорѣе нашелся въ новыхъ условіяхъ народнаго и государственнаго хозяйства, въ новыхъ условіяхъ промышленной дѣятельности и обогащенія, желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и всякихъ другихъ предпріятій, и въ новыхъ условіяхъ пріобрѣтенія имуществъ и спекуляціи. Въ этомъ отношеніи къ купечеству, исключеніе изъ всѣхъ государственныхъ реформъ составляла только новая воинская повинность; она одна шла рѣзко на перекоръ всѣмъ преданіямъ и всѣмъ навыкамъ купеческаго быта. Она и произвела въ немъ, и она одна, нѣкоторое разстройство, горечь и недовольство. Но соціальныя послѣдствія этой реформы, самой послѣдней, изъ нашихъ государственныхъ преобразованій, еще въ будущемъ. Не должно забывать, что вообще соціальныя послѣдствія глубокихъ преобразованій, о которыхъ мы говоримъ, проявляются весьма медленно; они ощутительны въ наружныхъ явленіяхъ жизни много времени спустя послѣ законодательныхъ мѣръ. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, когда

люди близорукіе относительно будущаго боялись крестьянскихъ бунтовъ, а болѣе дальновидные враги освобожденія запугивали этими бунтами,—всѣ изумлялись необычайному общественному спокойствію, у насъ господствовавшему въ деревнѣ. Также точно теперь люди, столь-же близорукіе относительно прошедшаго, не видятъ неизбѣжныхъ дальнѣйшихъ послѣдствій кореннаго общественнаго переворота, начавшагося у насъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Вліяніе указаннаго выше и зарожденнаго обновленіемъ всего нашего гражданскаго и административнаго строя историческаго и общественно-физіологическаго процесса разложенія разныхъ общественныхъ формацій и разстройства быта ихъ членовъ на то смутное броженіе понятій и чувствъ, какое оказалось впослѣдствіи, въ разныхъ частяхъ этихъ формацій, этихъ «состояній», вліяніе этого процесса на *возбужденіе въ ихъ кругу раздраженія и злобы*, о которыхъ было говорено выше,—все это не можетъ кажется подлежать сомнѣнію. Все это въ той или другой степени должно было неизбѣжно быть. Ничто, никакая скудость и нищета не способны сами по себѣ, въ особенности когда онѣ привычны, въ особенности когда онѣ изъ вѣка въ вѣкъ угнетаютъ такой многотерпѣливый народъ, какъ нашъ русскій и крестьянскій народъ, раздражить людей въ такой степени, какъ коренная перемѣна ихъ традиціоннаго быта, ихъ наслѣдственнаго образа жизни, какъ перестановка общественныхъ положеній, какъ утрата одного опредѣленнаго мѣста въ обществѣ, безъ пріобрѣтенія и до пріобрѣтенія новаго, какого бы то ни было опредѣленнаго мѣста. Отсюда зачался первичный источникъ того накопленія злобы и ненависти въ нѣкоторыхъ, преимущественно «междоумочныхъ» (или промежуточныхъ) общественныхъ сферахъ, которое такъ насъ изумляетъ въ чисто русскихъ сердцахъ.

Если бы все сказанное, какъ выведенное теоретически, могло показаться сомнительнымъ, то оно окончательно подтверждается положительными фактами въ сдѣланномъ нами очеркѣ общественныхъ элементовъ болѣе и менѣе участвовавшихъ въ нашей общественной смутѣ. Относительно преимущественнаго участія нѣкоторыхъ элементовъ высшихъ, привиллегированныхъ или неподатныхъ классовъ,—нисшаго слоя дворянства и «разночинцевъ», — также мѣщанства, и относительно совершеннаго безучастія крестьянства и почти совершеннаго безучастія купечества нѣтъ надобности повторять все уже объясненное и кажется достаточно теперь ясное.

Значительный контингентъ, доставленный нашей смутѣ духов-

нымъ «сословіемъ», вполнѣ объясняется *разстройствомъ его какъ сословія*, наслѣдственно со всѣмъ своимъ потомствомъ обезпеченнаго, хотя бы и весьма скудно обезпеченнаго, въ дореформенное время. Ни какое другое наше сословіе или состояніе не претерпѣло столько превратностей на пути реформъ какъ «духовное»; это было тѣмъ болѣе для него чувствительно и обидно, что никакое другое сословіе не организовалось у насъ такъ кастообразно и въ теченіи такого продолжительнаго времени, и никакому другому сословію не было труднѣе разомкнуться, какъ духовному. Между тѣмъ основы организаціи духовнаго сословія были болѣе искусственны, чѣмъ всякаго другаго, и даже нисколько несогласны съ древними преданіями самой православной церкви, съ ея духомъ и съ ея современными практическими нуждами. Для дезорганизаціи этого сословія и его общественнаго быта было достаточно малѣйшаго историческаго толчка. Этотъ толчекъ и былъ данъ измѣненіемъ многихъ законодательныхъ и административныхъ условій прежняго быта духовнаго сословія, безъ всякихъ обезпеченій положенія духовенства, вызывавшихся новыми потребностями жизни, *при чрезвычайныхъ затрудненіяхъ, окружавшихъ выходъ его новыхъ поколѣній на новые пути* и на новыя поприща общественной дѣятельности. Объ этой послѣдней многозначительной для всѣхъ сословій и состояній сторонѣ того періода нашей государственной жизни, который непосредственно слѣдовалъ за эпохою реформъ, будетъ сказано ниже, а здѣсь мы только замѣтимъ, что выступленіе на другія поприща лицъ, приписанныхъ къ духовному сословію, и уже давно переполнявшихъ его своею многочисленностью, (своимъ спросомъ на священно и церковно-служительскія мѣста, сверхъ предложенія, сверхъ наличнаго числа этихъ мѣстъ) и сліяніе этихъ лицъ съ другими сословіями и состояніями, были особенно затруднены исключительнымъ, обособленнымъ, кастообразнымъ ихъ воспитаніемъ и образованіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ новѣйшее время ослабли солидныя основы прежней нашей духовной школы, благодаря которымъ ея питомцы выдавались на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Кромѣ обстоятельствъ новѣйшаго времени, обусловившихъ собою расположеніе въ средѣ духовнаго сословія толпы людей безъ опредѣленнаго мѣста и занятій, бродячей и недовольной, уже издавна накопились въ этомъ сословіи, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, иные нравственные элементы недовольства и раздраженія; эти элементы обусловлены многими внутренними причинами въ жизни самаго этого

сословія, зависящими отъ всѣхъ особенностей нашего «духовнаго вѣдомства», въ подчиненіи къ которому поставлены служители церкви [1]) (антагонизма бѣлаго и чернаго духовенства, юридическаго безправія нисшихъ степеней іерархіи въ отношеніи къ полновластію высшихъ, нищеты, приниженности и придавленности общественнаго положенія огромнаго большинства сельскаго духовенства, и т. д.). Нѣтъ возможности говорить здѣсь подробно обо всѣхъ исключительныхъ, сравнительно съ другими нашими общественными классами, неправильныхъ условіяхъ быта духовнаго сословія; всѣ эти условія сводятся къ ненормальности самаго его существа какъ «родоваго» сословія, сдѣлавшагося невозможнымъ въ современномъ обществѣ. Но мы еще упомянемъ здѣсь только объ одной особенной чертѣ въ общественно-физіологическомъ характерѣ этого сословія, дѣлающей его почвою особенно благодатною для развитія того безпокойнаго умственнаго пролетаріата, который является самымъ дѣятельнымъ факторомъ во всякомъ общественномъ броженіи. Весь обездоленный и неусѣвшійся по священно - и церковнослужительскимъ мѣстамъ людъ въ этомъ сословіи, который признаетъ себя со всѣмъ своимъ родомъ въ разрядѣ высшихъ привиллегированныхъ классовъ, стремится во что бы то ни стало въ высшіе слои общества, въ «либеральныя профессіи» и ни какъ не покоряется суровой необходимости перехода въ нисшіе, рабочіе классы, въ простонародіе. Борьба за существованіе, за общественное положеніе особенно способна распалять въ этомъ людѣ злобное чувство зависти къ высшимъ классамъ, къ «общественному и государственному порядку», поддерживающему эти классы, потому что недостатки его умственнаго образованія, грубость воспитанія и имущественная несосостоятельность чрезвычайно затрудняютъ для него доступъ къ высшимъ профессіямъ. Сверхъ всего этого, нельзя умолчать и о всеобщей во всѣхъ нашихъ общественныхъ классахъ, и высшихъ и нисшихъ, значительной антипатіи къ наслѣдственному «типу» этого совсѣмъ обособившагося у насъ сословія; эта антипатія также не мало затрудняетъ всѣ гражданскія карьеры для его сыновъ и въ свою очередь вызываетъ въ нихъ злобу къ другимъ классамъ. Въ средѣ духовенства всѣхъ безъ изъятія дру-

---

[1]) См. между прочимъ во II томѣ Сб. Гос. Зн. 1875 г. *М. И. Горчакова*: «Научная постановка церковно-суднаго права» и другія статьи того-же автора въ критическомъ отдѣлѣ нашего изданія.

гихъ европейскихъ вѣроисповѣданій нѣтъ ничего подобнаго; потому что оно нигдѣ не составляетъ такой касты, какъ наше православное духовенство и что нигдѣ оно не поставлено въ такое *приниженное* положеніе относительно свѣтской администраціи (или государства), какъ у насъ. Дѣти духовныхъ лицъ, когда они не составляютъ наслѣдственнаго сословія, и потому, чужды всякимъ сословнымъ домогательствамъ, легко спускаются въ нисшіе классы и подымаются въ высшіе, смотря по личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ каждаго. Напр., у насъ-же дѣти лютеранскаго духовенства, матерьяльно обезпеченныя и образованныя, легко достигаютъ высшихъ профессій и положеній. Или напр., дѣти нашего раскольническаго — старообрядческаго духовенства, вышедшаго большею частью изъ простонародья, совершенно безпритязательно въ немъ и остаются.

Причина столь-же значительнаго контингента, доставленнаго нашей смутѣ другою, почти противуположною стихіей нашего общества,—еврейскимъ племенемъ,—возбуждала много вопросовъ и кажется почти загадочною. Это племя считалось, въ прежнее время, и можно сказать въ теченіи вѣковъ, наиболѣе чуждымъ всякимъ политическимъ движеніямъ; оно признавалось по преимуществу практическимъ, коммерческимъ и промышленнымъ, и въ силу какъ будто прирожденныхъ ему и господствующихъ въ его большинствѣ инстинктовъ матерьяльной корысти, наиболѣе застрахованнымъ противъ всякаго увлеченія политической идеей и ея фанатизма, — племенемъ, равнодушнымъ ко всякому государственному порядку и уживающимся во всякихъ его условіяхъ и формахъ. Не будемъ здѣсь разбирать все это общепринятое представленіе «еврейскаго типа», едва ли правильное, когда исторія самыхъ отвлеченныхъ наукъ (напр. философіи и математики) и самыхъ отвлеченныхъ искусствъ (напр. музыки) имѣетъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей въ этомъ племени. Оставимъ также въ сторонѣ тотъ несовсѣмъ безразличный для нашей смуты фактъ, что въ противоположность прежнимъ вѣкамъ, евреи, съ середины (приблизительно) XIX столѣтія, выступаютъ вездѣ въ западной Европѣ въ первостепенныхъ роляхъ какъ политической дѣятельности вообще, такъ и революціонной. Связей нашего общественнаго броженія съ иноземными центрами «всемірной революціи» и съ интернаціональными и космополитическими ея органами мы пока вовсе не касаемся. Здѣсь насъ интересуютъ только наши внутренніе, отечественные элементы соціальнаго раздора, которыхъ не могутъ вовсе отрицать даже люди,

привыкнувшие объяснять всѣ наши «политическія катастрофы» исключительно дѣйствіемъ международныхъ революціонныхъ организацій, иноземными заговорами. Намъ кажется, однако, что въ собственной нашей еврейской средѣ можно найти достаточно условій, которыя объясняютъ въ ней, какъ и во многихъ другихъ нашихъ общественныхъ кружкахъ, соціальное раздраженіе, вызвавшее революціонную дѣятельность. Старинная безусловная замкнутость нашихъ евреевъ, обособившихся въ видѣ отдѣльнаго сословія или состоянія, ихъ кагальное устройство значительно ослабли подъ вліяніемъ государственныхъ преобразованій послѣдняго двадцатилѣтія и всего духа новаго времени; между ними возникли умственныя потребности, недовольствовавшіяся ни рутинными религіозными обрядами, ни обычными меркантильными промыслами отцевъ, и возбудились, въ особенности въ новомъ поколѣніи, стремленія приблизиться къ общей жизни русскаго общества. Все это можетъ быть сказано, если не обо всей загрубѣлой массѣ нашего еврейства, то преимущественно о высшихъ и болѣе зажиточныхъ его слояхъ. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія были дарованы у насъ евреямъ *нѣкоторыя* льготы, были *нѣсколько* расширены ихъ права, но всѣ эти мѣры совокупно съ общимъ движеніемъ западно-европейской жизни, связь съ которою наши евреи поддерживаютъ болѣе всякой другой части русскихъ подданныхъ (за исключеніемъ развѣ только поляковъ), не могли не возжечь между ними еще болѣе желанія перейти бездну, до сихъ поръ ихъ отдѣляющую отъ равноправности съ прочими русскими подданными. Во всей западной Европѣ эта равноправность уже существуетъ. Раздраженіе должно было въ особенности развиться въ новомъ поколѣніи евреевъ, достигнувшихъ нѣкотораго и въ особенности высшаго образованія; отчасти по закону, отчасти фактически и вопреки закону, ему закрыты были пути къ высшимъ общественныхъ профессіямъ, къ выходу изъ увѣковѣченнаго и теперь разстроившагося исключительно промышленнаго быта еврейскаго племени. Если накопленіе желчи въ данномъ общественномъ классѣ происходитъ преимущественно, какъ мы говорили, отъ разстройства заповѣданной исторической организаціи его быта, *на перепутьи* къ новому быту, еще не сложившемуся, то здѣсь въ кругу нашего еврейства, въ особенности молодаго, это накопленіе желчи довольно понятно. Нельзя сказать, чтобы евреямъ, какъ и многимъ русскимъ подданнымъ, не стало жить на Руси лучше, чѣмъ прежде; но жизнь

переходная, хотя бы и лучшая, способна часто дѣлать людей только несчастными, только возмущать ихъ противъ жизни. Не можемъ не замѣтить, при этомъ, что относительно дѣятельной роли, принятой этимъ племенемъ въ нашей смутѣ, замѣчаютъ дѣйствіе одного особеннаго, племеннаго его свойства — тщеславія: говорятъ, что наши юные евреи, или нео-іудеи, хотя бы и не такъ солидно и философски образованные какъ ихъ западные собратія, захотѣли разомъ перескочить на «нелегальной» почвѣ, на которой это представлялось всего легче, глубокую бездну, раздѣлявшую ихъ на всѣхъ законныхъ путяхъ, отъ равноправности, отъ общей жизни, отъ «сообщества» съ русскою молодежью!

Чтобы окончательно подтвердить фактами нашу общую мысль о первоначальной причинѣ нашего общественнаго броженія и накопленія общественной злобы, такъ неистово проявившей себя въ нашихъ политическихъ преступленіяхъ, напомнимъ послѣднюю черточку въ очерченномъ выше личномъ составѣ общественной среды, прикосновенной къ этимъ преступленіямъ и наполнявшей своими испареніями нравственную атмосферу, ихъ окружавшую, — напомнимъ о безусловномъ отсутствіи остзейцевъ и раскольниковъ-старообрядцевъ. Оно одинаково объясняется въ обоихъ случаяхъ, не смотря на взаимную противоположность этихъ нашихъ двухъ общественныхъ элементовъ. Относительно нашего прибалтійскаго края нужно имѣть здѣсь въ виду, что его всего менѣе коснулась наша эпоха реформъ и его общественный строй по всѣмъ классамъ народонаселенія остался неизмѣннымъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ направленіи и духѣ. Заявляя здѣсь этотъ фактъ, мы тѣмъ самымъ нисколько не выражаемъ ему ни похвалы, ни порицанія, а только стараемся объяснить этимъ тактомъ отсутствіе въ этомъ краѣ того броженія умовъ, которое въ большей или меньшей степени проявилось во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Финляндія также точно осталась въ сторонѣ отъ этого броженія, но объ ней мы не считаемъ нужнымъ даже говорить, такъ какъ не только въ общественномъ, но даже въ государственномъ отношеніи, она составляетъ особую страну, не живущую общею органическою жизнью съ русскимъ народомъ. Мы не знаемъ послужитъ ли къ худшему или къ лучшему упомянутая неподвижность общественнаго быта въ прибалтійскомъ краѣ? Если эта неподвижность какъ во взаимныхъ отношеніяхъ сословій, такъ и въ администраціи, въ мѣстномъ самоуправленіи, основанныхъ на этихъ привиллегированныхъ отношеніяхъ, будутъ долго продолжаться, безъ своевременныхъ и по-

степенныхъ преобразованій (пріуроченныхъ конечно къ особеннымъ мѣстнымъ условіямъ), то не произойдетъ ли отсюда опасность еще болѣе глубокихъ общественныхъ потрясеній для этого края въ будущемъ, чѣмъ у насъ? Все это рѣшитъ будущее, а мы говоримъ здѣсь только о прошедшемъ и настоящемъ.

Какъ ни можетъ показаться страннымъ такое сближеніе, но бытъ нашихъ раскольниковъ, въ значительной степени обусловленный во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, даже экономическихъ (напр. во взаимной помощи въ промышленныхъ занятіяхъ) религіозными понятіями и отношеніями, остался также мало тронутымъ, какъ и бытъ народонаселеній прибалтійскаго края. Тутъ также мало могло образоваться бродячихъ общественныхъ элементовъ, умственнаго пролетаріата, жадно бросающагося на заносныя идеи революціоннаго соціализма западной Европы. Однако, не мѣшаетъ замѣтить, съ другой стороны что для нашего раскола наступилъ теперь весьма серьезный, почти критическій періодъ жизни, угрожающій при своемъ продолженіи значительными недоразумѣніями и раздраженіями въ его средѣ, именно потому что наши освободительныя реформы, такъ мало распространились на нашихъ сектантовъ. Никакія условія жизни, даже для ея постоянства и порядка, не могутъ оставаться неподвижными. Отсутствіе всякихъ законныхъ гарантій для свободы совѣсти въ кругу нашего раскола дѣлается все болѣе и болѣе возрастающимъ препятствіемъ къ устойчивому развитію ихъ быта, въ особенности при новыхъ въ немъ потребностяхъ и движеніяхъ. Кромѣ постоянства общественнаго быта, покоющагося на историческихъ преданіяхъ, способныхъ выдержать борьбу со всякою «логикою понятій», есть еще *нѣчто общее* между нашими остзейцами и нашими раскольниками-старообрядцами, существенно важное для нашего вопроса, хотя тѣ и другіе находятся на совершенно противоположныхъ полюсахъ нашей общественной жизни: это общее заключается въ крѣпкихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, даже болѣе этого, въ крѣпкой церковной дисциплинѣ, по крайней мѣрѣ болѣе крѣпкой, въ той и другой общественной средѣ, чѣмъ въ бытѣ всѣхъ другихъ народонаселеній нашей имперіи, хотя религіозныя вѣрованія прибалтійскихъ лютеранъ и нашихъ старообрядцевъ и исходятъ, изъ совершенно разнородныхъ и даже противоположныхъ источниковъ. Независимо отъ могущественнаго вліянія на наше общественное броженіе всякихъ другихъ общественныхъ и экономическихъ причинъ, кого-же не поражали въ нравственной атмосферѣ, и во всемъ движеніи «идей», окружав-

шихъ наши политическія преступленія, слабость и большею частью отсутствіе всякихъ религіозныхъ вѣрованій и кому-же не приходило въ голову, что это отсутствіе религіозныхъ вѣрованій порождаетъ собою не индивидуальныя и исключительныя явленія, а изобличаетъ шаткость этихъ вѣрованій во всѣхъ тѣхъ общественныхъ слояхъ, изъ которыхъ исходили «новые дѣятели», при всемъ разнообразіи ихъ оффиціальныхъ вѣроисповѣданій?

Итакъ, общій результатъ всѣхъ вышенамѣченныхъ фактовъ и ихъ ближайшихъ объясненій, тотъ, что первичныя причины того возбужденія чувствъ, того раздраженія, которыя замѣчаются въ нашей общественной смутѣ, въ душѣ людей прикосновенныхъ къ преступленіямъ, покушеніямъ и катастрофамъ нашего недавняго времени и которыя лучше всякой «доктрины» и всякой «литературы» ихъ объясняютъ, должно искать въ томъ соціальномъ переворотѣ, въ тѣхъ потрясеніяхъ изстари установившагося быта разныхъ общественныхъ группъ, преимущественно высшихъ, въ тѣхъ перемѣщеніяхъ изъ одного общественнаго положенія въ другое, — однимъ словомъ во всемъ томъ броженіи общества, или лучше *верхняго его слоя*, которое было отраженіемъ глубокихъ государственныхъ преобразованій послѣдняго двадцатилѣтія.

Намъ остается еще подтвердить этотъ неизбѣжный по нашему мнѣнію выводъ другою, всѣмъ извѣстною, характеристикою личнаго состава, участвовавшаго въ политическихъ преступленіяхъ и къ нимъ прикосновеннаго, — другою характеристикою, чѣмъ разборъ этого персонала по его сословному общественному происхожденію. Въ этомъ персоналѣ, при самомъ разнообразномъ происхожденіи его членовъ изъ всѣхъ классовъ общества, замѣчается однако необыкновенное господство надъ всѣмъ прочимъ трехъ элементовъ: молодежи, женскаго пола и лицъ неокончившихъ курсовъ во всѣхъ возможныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Кажется весьма ясно, что на всѣхъ этихъ трехъ элементахъ должны были всего болѣе отразиться потрясенія и перемѣщенія общественныхъ положеній. Раздраженіе отцевъ, которые сами, самолично, не могли же идти ни «въ народъ» (напр. прямо съ барскихъ усадебъ), ни въ тайныя общества, ни въ какую бы то ни было скитальческую жизнь,— это раздраженіе вскормило юное поколѣніе сильнѣе, чѣмъ всякая школа и всякія литературныя ученія. Женскій полъ всего впечатлительнѣе ко всякой перемѣнѣ общественнаго положенія; на немъ она всего мучительнѣе отзывается, вслѣдствіе консерватизма, непреложно принадлежащаго женской природѣ. Когда этотъ консер-

[illegible] вступаетъ въ борьбу съ переломанными навыками жизни, съ [illegible] дома, тогда нервное возбужденіе чувствъ еще несравненно сильнѣе въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ, и страсти, въ ней несравненно менѣе, чѣмъ въ немъ признаютъ какіе нибудь для себя предѣлы. Наконецъ «не окончаніе курса» въ какой бы то ни было школѣ, высшей или нисшей, всего болѣе расплождаетъ въ обществѣ тотъ бродячій элементъ, тѣхъ недоучекъ, «междоумковъ и [illegible]», которые не получили образованія *свойственныхъ [illegible]ственному быту*, своему общественному положенію и [illegible] для куска хлѣба, *сообразно съ этимъ положеніемъ*, съ его требованіями отъ жизни, и о которыхъ мы говорили выше. А эта чрезвычайно значительная и прежде незамѣтная у насъ масса недоучекъ и «неокончившихъ курса» была сама послѣдствіемъ всѣхъ потрясеній, происшедшихъ въ нашемъ общественномъ бытѣ и его экономическихъ условіяхъ въ разныхъ слояхъ. За исключеніемъ необыкновенныхъ личностей, которыхъ всегда не много, для каждаго общественнаго класса и для каждаго ближайшаго къ нему круга житейскихъ профессій, болѣе свойственъ одинъ родъ школы и одни стадіи образованія, сравнительно съ другими. Между тѣмъ все это у насъ перемѣшалось съ потрясеніемъ общественныхъ положеній въ высшихъ классахъ общества и преимущественно съ измѣненіемъ экономическихъ условій быта ихъ нисшаго слоя. «Аспираціи» относительно образованія сдѣлались почти одинаковыя во всѣхъ классахъ и группахъ общества; всѣ они двинулись къ возможно болѣе высшей школѣ сравнительно съ своимъ положеніемъ и, главное, сравнительно съ своими матерьяльными средствами. Сверхъ общаго и какъ нельзя болѣе естественнаго пробужденія умственныхъ потребностей, находившихся до этого въ дремотѣ въ массѣ нашего общества, дѣйствовало также то обстоятельство, что возможно болѣе высшее образованіе представлялось всѣмъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ улучшенію, къ возстановленію потрясеннаго быта. Между тѣмъ матерьяльныя средства оказывались несоразмѣрными съ потребностями этого движенія, недостаточными для обезпеченія окончанія курсовъ. Этотъ ходъ вещей, какъ нельзя болѣе естественный и печальный самъ по себѣ, былъ впослѣдствіи еще усиленъ и ожесточенъ посторонними обстоятельствами позднѣйшей нашей государственной эпохи. Съ одной стороны, было дано всѣмъ общественнымъ классамъ не мало разныхъ *искусственныхъ* толчковъ, чрезвычайно усиливавшихъ и безъ того стремительный темпъ ихъ движенія къ об-

разованію. Подъ такими толчками мы разумѣемъ всѣ разнообразныя гражданскія привиллегіи, связанныя съ каждою категоріею школъ, между прочимъ въ особенности привиллегіи, истекавшія изъ необычайно крутой учебной реформы по вѣдомству народнаго просвѣщенія и также изъ новой системы воинской повинности. Съ другой стороны, этимъ искусственнымъ толчкамъ, въ особенности, требованіямъ поставленнымъ упомянутою учебною реформою, нисколько не соотвѣтствовали средства къ образованію, находившіяся въ наличности и главнѣйше въ распоряженіи правительства. Но мало этого,—несоразмѣрность средствъ съ потребностями во всѣхъ сферахъ нашего народнаго просвѣщенія была еще крайне усилена такими же *искусственными* преграждѣніями на разныхъ путяхъ къ просвѣщенію, на разныхъ путяхъ къ самостоятельному пріобрѣтенію и выработкѣ этихъ средствъ въ самомъ обществѣ. Кромѣ множества всего другаго, самыми разительными тому примѣрами могутъ служить искусственныя препятствія, встрѣченныя земствомъ въ его дѣятельности по народной школѣ и также всѣ безчисленныя искусственныя препоны къ развитію печати, этого другаго могущественнѣйшаго послѣ школы орудія народнаго просвѣщенія. Но обо всѣхъ этихъ позднѣйшихъ обстоятельствахъ и недоразумѣніяхъ нашей жизни, усложнившихъ и ожесточившихъ первоначальный общественный кризисъ, обусловленный событіями первой половины истекшаго двадцатилѣтія, — намъ придется еще говорить впослѣдствіи.

Изо всего до сихъ поръ нами сказаннаго вытекаетъ, что общественною почвою, вскормившею раздраженіе чувствъ въ нашей смутѣ, была та неустановившаяся общественная среда, которая образовалась послѣ эпохи реформъ между расшатанными общественными классами и положеніями, на окраинахъ этихъ классовъ. Мы старались доказать, что не «ученія», не «идеи» и не «доктрины» были причиною всей этой смуты и ея преступныхъ явленій, какъ это многими предполагалось, а что, скорѣе напротивъ, всѣ эти ученія, идеи и доктрины были послѣдствіемъ возбужденія чувствъ и страстей, которое только и можетъ объяснить нелѣпость теоретической стороны всего этого общественнаго броженія. Безъ нелѣпыхъ ученій и безсмысленныхъ теорій не можетъ обойтись никакое умственное движеніе; они всегда сопровождаютъ даже величайшіе успѣхи просвѣщенія, какъ разные болѣзненные симптомы сопровождаютъ ростъ всякаго организма. Но всякія недозрѣлыя и неправильныя ученія или фантастическія теоріи, соціальныя и политическія, мо-

гутъ оставаться единичными индивидуальными явленіями, плодами личной ошибочной мысли или болѣзненно разстроеннаго воображенія. Распространяются они какъ зараза въ обществѣ, дѣлаются въ немъ эпидемическими только тогда, когда есть болѣзненное къ нимъ расположеніе въ самомъ общественномъ организмѣ или въ нѣкоторыхъ его частяхъ, *вслѣдствіе жизненныхъ болѣзненныхъ причинъ*, *вслѣдствіе разстройства дѣйствительнаго, практическаго быта* общества или нѣкоторыхъ его классовъ. Такъ было вездѣ, такъ было отчасти и у насъ. Раздраженными чувствами, а не сознательнымъ мышленіемъ были выхвачены на лету, изъ болѣзненнаго вихря чуждой намъ западно-европейской жизни, разныя идеи и ученія, годныя для употребленія у насъ только потому, что они исходили изъ подобнаго-же источника раздраженія, хотя бы жизненныя, бытовыя причины общественной злобы тамъ и у насъ были совершенно различныя, даже почти противоположныя. Мы увѣрены и видѣли это очію, что даже раздраженіе чувствъ въ нашихъ дѣятеляхъ безсознательное, и они сами затрудняются отдать въ немъ отчетъ. Невѣжество и въ особенности полуобразованіе содѣйствовали не только распространенію упомянутыхъ идей, но развитію ихъ до такихъ чудовищныхъ формъ и размѣровъ, какихъ онѣ никогда не имѣли даже на своей родинѣ. Эти «идеи», сами по себѣ умственно ничтожныя, получали у насъ жизнь, только прилѣпляясь ко всѣмъ болѣзненнымъ чувствамъ въ обществѣ, существовавшимъ въ немъ и безъ всякихъ идей, и посредствомъ этихъ чувствъ, эти идеи переносились въ нашу нравственную атмосферу и наполняли ее въ разныхъ общественныхъ сферахъ, потрясенныхъ новыми событіями государственной жизни. Такимъ образомъ, могло случиться, что старый крѣпостникъ, отставленный чиновникъ, изступленные оба отъ потери права на розги и права на теплыя мѣста, могли во имя однѣхъ и тѣхъ-же идей «революціоннаго соціализма» подавать дружественную руку изступленному юношѣ, алчущему новой и здоровой умственной жизни и лишенному средствъ для своего образованія. Само изступленіе этого юноши могло достигнуть такихъ страшныхъ размѣровъ, только вслѣдствіе той среды раздраженія, въ которой онъ выросъ.

Не слѣдуетъ себя обманывать, — и это слишкомъ извѣстно, — что нравственные міазмы, образовавшіеся изъ болѣзненно раздраженныхъ чувствъ съ прилѣпленными къ нимъ всякими болѣзненными идеями, зародившись очень давно, были, въ послѣднее время, широко распространены въ нашей общественной атмосферѣ, насыщая

разныя сферы въ весьма различной степени. Эти міазмы болѣе и болѣе сгущались, въ тѣхъ или другихъ ущеліяхъ и углахъ общества, при болѣе или менѣе благопріятныхъ, вышеупомянутыхъ, условіяхъ быта въ этихъ закоулкахъ общества. Изъ сгущеній возникали болѣе или менѣе постоянныя гнѣзда броженія, и на почвѣ этихъ гнѣздъ, стали уже организовываться правильныя и систематическія тайныя и революціонныя «сообщества» съ заговорами, покушеніями и положительными преступленіями. Надо думать, что весь этотъ историческій процессъ броженія и образованія этихъ разныхъ «не легальныхъ» формацій былъ довольно продолжителенъ, ибо ведя жизнь въ ихъ средѣ наши новые люди почти совершенно обезличились отъ всѣхъ первоначальныхъ типовъ своихъ сословныхъ происхожденій, и запечатлѣлись въ этой своеобразной жизни какимъ-то новымъ общественнымъ типомъ слывущимъ у насъ подъ названіемъ «нигилиста». Этотъ типъ успѣлъ даже выработаться довольно рѣзко.

Вся указанная выше послѣдняя сторона формальнаго историческаго развитія нашихъ политическихъ преступленій, заговоровъ и крамолы, насъ вовсе здѣсь не касается; для ея освѣщенія впрочемъ и нѣтъ еще достаточныхъ фактическихъ данныхъ. Насъ интересуетъ здѣсь только тотъ внутренній ходъ общественной жизни, который исподволь подготовилъ матерьялъ для позднѣйшихъ наружныхъ вспышекъ и взрывовъ, какъ будто совсѣмъ неожиданно ужаснувшихъ общество. Эти вспышки и взрывы могли получить подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ стороннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и вліяній, даже случайныхъ, то или другое направленіе; но для мыслящихъ людей всего болѣе важна та общественная почва, на которой по видимому такъ легко и удобно могли быть *устроены* эти вспышки и взрывы и которая при *другихъ стороннихъ* обстоятельствахъ и вліяніяхъ, при другихъ «устроеніяхъ», могла бы произвести, хотя бы и иные, плоды, но все-таки болѣзненные.

Здѣсь мы должны упомянуть объ одномъ мнѣніи довольно у насъ распространенномъ, что вся наша смута произведена какимъ-то таинственнымъ заговоромъ, который не имѣетъ ничего общаго съ русскою землею; этотъ заговоръ искали вездѣ и большею частью за нашимъ рубежомъ. Центръ нитей этого подкопа подъ Россію указывали то въ Берлинѣ, то въ Лондонѣ, то въ Швейцаріи, то въ непримирившейся съ нами и непримиримой Польшѣ, всюду, неустанно будто бы дѣйствующей. Весьма основательнымъ мотивомъ для всѣхъ подобныхъ предположеній, которыя въ панически напуганномъ во-

ображеніи разыгрывались до самыхъ невѣроятныхъ фантазій, представлялось то обстоятельство, что до сихъ поръ раскрыты только исполнители нашихъ политическихъ преступленій, а не ихъ распорядители, что послѣ всѣхъ новѣйшихъ, самыхъ энергическихъ, полицейскихъ розысковъ, послѣ недавнихъ политическихъ процессовъ, на сценѣ которыхъ явились личности, гораздо ближе стоящія къ дѣлу, чѣмъ всѣ толпы людей, привлекавшіяся къ суду въ прежнее время, сдѣлались однако извѣстны только солдаты, отчасти штабъ-офицеры, можетъ быть нѣкоторые случайные генералы революціонной арміи, но что регулярные генералы и главнокомандующіе и ихъ министры остаются до сихъ поръ совершенно невѣдомыми. Такъ напр. говорили, что на недавнемъ политическомъ процессѣ фигурировали нѣкоторые члены пресловутаго «исполнительнаго комитета», но что ни одна личность, участвовавшая въ высшей его инстанціи, «распорядительной коммисіи», не была обнаружена.

Весьма понятно, что вся эта темная сторона дѣла можетъ возбуждать острое любопытство въ публикѣ, преимущественно впрочемъ въ праздной, что она можетъ давать ей поводъ ко всѣмъ возможнымъ предположеніямъ, что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ и должна быть предметомъ дальнѣйшей полицейской дѣятельности. Но вся эта сторона дѣла не имѣетъ почти никакого отношенія къ серьезному, дѣйствительно государственному взгляду на настоящее положеніе нашего общества и государства и на вызываемыя такимъ взглядомъ, кромѣ полицейскихъ распоряженій, государственныя мѣры.

Допустимъ даже возможность темнаго дѣйствія всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ нашего государства и народа, далѣе, возможность личнаго заговора, крамолы нѣсколькихъ личностей не русскихъ или даже русскихъ (отрѣшившихся отъ своего народа), воодушевленныхъ, по тѣмъ или другимъ личнымъ побужденіямъ, ненавистью къ существующему въ Россіи порядку, къ главенствующимъ въ немъ лицамъ, и возымѣвшихъ желаніе ниспровергнуть этотъ порядокъ и устранить этихъ лицъ. Но все-таки всѣ эти темныя дѣйствія, заговоры, личныя ненависти ничто иное какъ историческая случайность. Сверхъ того, всякій русскій человѣкъ, сверху до самаго низа, глубоко убѣжденъ, что ни какой серьезной политической опасности всѣ эти вспышки и взрывы не представляютъ; что *низверженіе посредствомъ нихъ государственнаго строя немыслимо.* Думать иначе могутъ развѣ только какіе нибудь исключительные чудаки. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, гораздо серьезнѣе для будущаго роста нашего общества и государ-

ства всѣ тѣ болѣзненные общественные элементы, которые могли доставить матерьялъ, обстановку и орудія исполненія для всѣхъ этихъ злоумышленій. Хотя бы даже на послѣдней стадіи своего развитія, въ правильно организованномъ заговорѣ для «низверженія государственнаго порядка» въ Россіи, наша революціонная пропаганда и не могла обойтись безъ единоличныхъ организующихъ рукъ, но для русскаго общества гораздо важнѣе изученіе безличныхъ атомовъ, изъ которыхъ въ его собственныхъ нѣдрахъ составилась почва, удобная и нужная для этой организаціи. Противъ единоличныхъ крамольныхъ заговоровъ, случающихся въ самой здоровой государственной жизни, или невозможны никакія мѣры, или возможны только чисто полицейскія мѣры, а противъ зарожденія и дальнѣйшаго развитія упомянутыхъ болѣзненныхъ атомовъ внутри общества, возможны и крайне необходимы глубокія и органическія государственныя мѣры. Броженіе и развитіе этихъ болѣзненныхъ общественныхъ атомовъ, задерживая правильный государственный ростъ, парализуя нормальную государственную дѣятельность, отвлекая отъ нея умственныя силы, неизмѣримо опаснѣе для жизни государства, чѣмъ всякіе тайные заговоры, безсильные произвести какой бы то ни было переворотъ въ нашемъ отечествѣ.

Но прежде чѣмъ говорить о государственныхъ мѣрахъ, мы должны закончить діагнозу нашего общественнаго недуга, безъ которой нельзя и думать о средствахъ исцѣленія.

Если признать, послѣ всего вышеизложеннаго, что сферою нашего общественнаго броженія была преимущественно вся та общественная среда, которая подверглась въ эпоху реформъ разстройству своего унаслѣдованнаго быта и что все неслыханное до толѣ и проявившеюся въ нашей смутѣ изступленіе чувствъ было только отраженіемъ этого разстройства общественныхъ положеній, то отсюда возможно такое заключеніе, что во всемъ виновата эпоха реформъ, прославившая настоящее царствованіе. Это заключеніе уже и дѣлалось поверхностными наблюдателями общественной жизни, своекорыстными противниками государственныхъ преобразованій, возродившихъ нашъ общественный строй, и также иноземными врагами нашего государства. Послѣдніе говорили, что нашъ народъ недостоинъ новыхъ правъ гражданской свободы, ему дарованныхъ, и неспособенъ ихъ вынести.

Но ничего не можетъ быть превратнѣе такой мысли, о которой мы должны были упомянуть только потому, что она была

въ разныхъ кружкахъ неоднократно высказываема, и что ничто, болѣе этой мысли, не можетъ такъ исказить пониманіе нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго.

Если какая нибудь государственная эпоха, сверхъ общаго неизбѣжнаго теченія исторіи, можетъ быть призвана къ отвѣту за нашу смуту, то всего скорѣе — время, предшествовавшее эпохѣ реформъ, и также время за нею слѣдовавшее.

Глубокія государственныя преобразованія, подобныя упраздненію крѣпостнаго права и другія за нимъ слѣдовавшія, не могутъ не оставить рѣзкихъ за собою слѣдовъ въ общественной жизни, не могутъ не взволновать ее на нѣкоторое время, не могутъ обойтись безъ жертвъ и нѣкоторыхъ мучительныхъ ощущеній въ обществѣ. Такими преобразованіями измѣняются не одни только формальныя, государственныя условія общественной жизни, а сокрушаются основныя начала юридическія, экономическія и нравственныя всѣхъ ея внутреннихъ отношеній, существовавшія вѣка, и на ихъ мѣсто ставятся новыя начала. Не одни только взаимныя отношенія двухъ важнѣйшихъ общественныхъ классовъ и всѣ условія ихъ быта были основаны на крѣпостномъ правѣ, но имъ былъ проникнутъ весь нашъ общественный строй, и въ большей или меньшей зависимости отъ него находились всѣ безъ изъятія сословія, состоянія и званія, всѣ группы общества. На мѣсто крѣпостнаго строя жизни долженъ былъ стать *свободно гражданскій*. Такія реформы *по необходимости* разлагаютъ всѣ прежнія общественныя формаціи, всѣ прежнія организаціи быта каждой общественной группы, по необходимости вызываютъ къ жизни новыя формаціи и организаціи и черезъ все это не могутъ обойтись безъ нѣкотораго броженія въ обществѣ. Все это было неизбѣжно.

Все это неизбѣжное разстройство общественнаго организма было значительно усилено быстротою, почти крутостью реформъ, бойко слѣдовавшихъ одна за другою, въ началѣ истекшаго двадцатилѣтія, посреди общества, и *въ особенности посреди административнаго* строя, къ нимъ не подготовленныхъ. *Но эта быстрота была исторической необходимостью,* вынужденною *всѣмъ предшествовавшимъ* продолжительнымъ періодомъ государственнаго застоя, и этому-же періоду обязаны высшіе слои нашего общества и нашъ административный строй (т. е., *большинство* членовъ того и другаго) своею неподготовленностью къ реформамъ и своею умственною безпомощностью при встрѣчѣ съ ними. Въ быстротѣ, даже крутости этихъ реформъ настояла для Россіи, въ началѣ настоящаго

царствованія, можно сказать роковая, критическая необходимость, какъ вслѣдствіе всѣхъ условій внутренняго ея бытія, доказанныхъ даже для близорукихъ людей первою восточною войною, такъ и вслѣдствіе всѣхъ условій нашего общежитія съ образованными народами Европы. Едва ли нужно распространяться здѣсь обо всемъ этомъ; едва-ли во всемъ этомъ можетъ быть сомнѣніе для здравомысленныхъ людей, когда все это было ими сознано не только четверть вѣка, но болѣе полувѣка тому назадъ. Необходимость упраздненія крѣпостнаго права уже чувствовалась у насъ и сознавалась лучшими умами, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія и даже раньше, и если-бы оно тогда началось (между прочимъ вмѣсто гораздо менѣе необходимой перестройки административныхъ учрежденій и вмѣсто формальныхъ государственныхъ украшеній нашей жизни), то оно конечно могло бы дѣлаться тогда исподволь, идти болѣе медленнымъ шагомъ. А если-бы это дѣло не пошло такъ быстро и не было ведено такъ энергично въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, въ то время, когда пробилъ, такъ сказать, послѣдній для него часъ, то произошло бы многое неизмѣримо худшее въ жизни Россіи, нежели все то, что намъ пришлось видѣть. Сказанное здѣсь было бы излишне, какъ праздный укоръ невозвратимому прошлому, если бы изъ него не истекали самые плодотворные уроки для будущаго. Между прочимъ, еще весьма недавнее прошлое могло подтвердить для насъ ту старую истину, — что вредныя послѣдствія иныхъ запозданій и замедленій въ государственной дѣятельности бываютъ не вознаградимы.

Въ ожесточеніи того общественнаго кризиса, который неизбѣжно истекалъ изъ эпохи реформъ, еще болѣе виноватъ слѣдующій за нею и только что пережитый нами періодъ (приблизительно между польскимъ повстаніемъ и войною). О бездѣйствіи и застоѣ въ этомъ десятилѣтнемъ періодѣ, когда безусловный внутренній и внѣшній миръ особенно благопріятствовалъ самой широкой государственной дѣятельности, было въ свое время говорено въ нашемъ изданіи; мы обсуждали въ немъ многіе стоявшіе и стоящіе до сихъ поръ на очереди вопросы; поэтому не намъ удивляться испытаннымъ послѣдствіямъ этого періода искусственной задержки естественнаго развитія всѣхъ начатыхъ государственныхъ преобразованій и задержки въ естественномъ теченіи общественной жизни, по новымъ проложеннымъ для нея путямъ.

Было не мало и убѣдительно говорено въ нашей литературѣ,

съ самыхъ компетентныхъ сторонъ, о вредѣ непродолженія и пріостановки реформъ, и здѣсь едва ли есть надобность повторять все сказанное. Упомянемъ только, что всякое замедленіе государственной дѣятельности пагубно; для полнаго здоровья общества, жизнь котораго ставитъ ежедневно новые вопросы государству, его работа должна быть непрерывна и неумолкаема. Очень странно думать, какъ думаютъ иные, что нужны какіе-то интервалы роздыха въ этой работѣ; они-то и производятъ тотъ порывистый ходъ государственнаго механизма, который смущаетъ умы общества. Всякій искусственно задержанный, противъ требованій народной жизни, темпъ государственной дѣятельности ведетъ только къ искусственно усиленному ея темпу въ послѣдующее время, и отсюда неизбѣжно истекаютъ безпокойства и сотрясенія въ общественномъ организмѣ, въ особенности въ такомъ охранительномъ, по своей исконной національной природѣ, какъ нашъ русскій общественный организмъ. Все это кажется слишкомъ ясно въ теоріи, и кромѣ того слишкомъ достаточно практически провѣрено въ исторіи всѣми образованными народами. Сверхъ всего этого, замѣтимъ здѣсь только, что многія наши государственныя преобразованія были не довершены въ эпоху реформъ, многія были только начаты, многія другія (какъ напр. финансовыя и податныя), непосредственно истекавшія изъ совершенно измѣнившихся условій государственнаго и народнаго быта, были только указаны, и потомъ какъ будто совсѣмъ забыты. Поэтому позднѣйшій періодъ бездѣйствія былъ особенно гибеленъ для возращенія плодовъ великихъ государственныхъ преобразованій предыдущей эпохи, — главнѣйше для возращенія практическихъ ихъ плодовъ въ общественной жизни.

Но если бы время, слѣдовавшее за реформами, ограничивалось только однимъ бездѣйствіемъ, то оно далеко бы не могло дать намъ такихъ ядовитыхъ плодовъ, какіе мы вкусили. Вопреки основнымъ началамъ реформъ, — и систематически вопреки имъ, — были принимаемы государственныя мѣры, предназначенныя лишь къ тому, чтобъ парализовать все новое направленіе, данное реформами государственной и общественной жизни. Могло ли произойти отсюда, изъ всѣхъ этихъ крайнихъ противорѣчій, какое нибудь добро для государства и общества?

Мы не будемъ однако настаивать на всемъ этомъ, достаточно впрочемъ всѣмъ извѣстномъ. Всякія рекриминаціи относительно прошедшаго безплодны; онѣ въ особенности излишни въ то новое, не-

давно наступившее, для насъ время, когда въ правительственной средѣ вполнѣ сознаны ошибки прошедшаго и когда, надо надѣяться, онѣ не повторятся. Если мы коснулись времени, слѣдовавшаго за реформами, то только для того, чтобы въ связи со всѣмъ сказаннымъ о нашей смутѣ лучше распознать ея причины, а это распознаніе нужно не для рекриминацій, а для самыхъ практическихъ государственныхъ интересовъ настоящаго и будущаго.

Мы хотимъ обратить здѣсь вниманіе на одну особенную сторону всего этого времени, истекшаго послѣ реформъ, которая имѣетъ спеціальное значеніе для вопросовъ насъ занимающихъ. Всякій историческій и общественно-физіологическій процессъ разложенія старыхъ формъ быта и разстройства связанныхъ съ ними общественныхъ классовъ тѣмъ менѣе мучителенъ для общества, чѣмъ быстрѣе рядомъ съ нимъ складываются новыя формы и новыя общественныя группы. Вотъ, въ этомъ то отношеніи было особенно вредно все реакціонерное движеніе противъ реформъ: оно становилось поперегъ всѣхъ новыхъ *законныхъ* путей дѣятельности и жизни, всѣхъ новыхъ призваній, открывавшихся въ силу новыхъ началъ, положенныхъ въ общество преобразовательною эпохою, для общественныхъ классовъ, ею потрясенныхъ. Всего болѣе искусственныхъ препятствій было нагромождено на всѣхъ поприщахъ *умственной* и *общественной* дѣятельности, именно той, которая была всего сподручнѣе для всѣхъ этихъ потрясенныхъ общественныхъ классовъ, очерченныхъ нами выше. Также точно и промышленная дѣятельность по всѣмъ своимъ отраслямъ не была нисколько освобождена отъ своихъ старыхъ путъ и регламентацій; хотя это было менѣе чувствительно для высшаго общественнаго слоя, наиболѣе пошатнувшагося въ эпоху реформъ и стремившагося къ высшимъ профессіямъ, однако промышленныя занятія должны были бы сдѣлаться самымъ правильнымъ выходомъ для множества неосѣвшихъ общественныхъ элементовъ, бродившихъ и въ старое время въ нашемъ обществѣ (разночинцевъ) и потомъ еще болѣе распложенныхъ низверженіемъ быта, обусловленнаго крѣпостнымъ правомъ. Къ сожалѣнію, съ самаго низу до самаго верха нашей промышленной дѣятельности, наиболѣе свободныя (?) поприща открылись только для привиллегированныхъ промышленныхъ предпріятій, начиная внизу отъ питейно-акцизныхъ до желѣзно-дорожныхъ и банковыхъ на верху. Но у многихъ членовъ расшатанныхъ общественныхъ классовъ недоставало ни капиталовъ, ни расположенія къ этимъ привиллегированнымъ поприщамъ. Такимъ образомъ, былъ за-

трудненъ и даже остановленъ, въ своемъ естественномъ развитіи, процессъ образованія новыхъ общественныхъ формацій на развалинахъ старыхъ насажденій жизни, — новыхъ *организацій*, соединяющихъ людей между собою вслѣдствіе однородности ихъ занятій и быта, организацій, безъ которыхъ происходитъ броженіе общественныхъ атомовъ и людей; а этотъ процессъ могъ всего скорѣе залѣчить раны прошлаго и собрать воедино разваливавшуюся храмину «состояній и сословій». Отсюда произошло такое накопленіе въ обществѣ всякихъ обломковъ прежнихъ званій, состояній и сословій, о которыхъ было говорено выше и которые утративъ всѣ старыя колеи жизни, не обрѣли *законныхъ новыхъ*. Нужно ли удивляться тому явленію, которое уже было выше отмѣчено, что на всѣхъ этихъ распутьяхъ жизни, оказалось (преимущество во всемъ нисшемъ, необезпеченномъ слоѣ высшихъ классовъ) столько людей, сломя голову бросившихся, за неимѣніемъ подъ собою никакой проторенной, безопасной колеи, на первыя попавшіяся имъ въ глаза тропинки, хотя бы и темныя и неблагонадежныя, но все таки *куда нибудь*, авось, ведущія? Съ развитіемъ подпольныхъ «нелегальныхъ» организацій, въ нихъ получали опредѣленную общественную дѣятельность, извѣстное «общественное положеніе» или по крайней мѣрѣ «призваніе» и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторое матерьяльное обезпеченіе люди, вышедшіе изъ общественныхъ классовъ или изъ развалинъ этихъ классовъ, утратившихъ прежнія крѣпкія, сложившіяся въ ихъ прежнемъ отеческомъ бытѣ надежды на дѣятельность, на призваніе, на положеніе, на кусокъ хлѣба. Мы говоримъ о большинствѣ элементовъ этихъ организацій, но конечно въ нихъ были и другаго рода люди, составляющіе исключеніе; были даже такіе, которые доставляли денежныя средства для подпольныхъ замысловъ.

Нѣтъ надобности указывать здѣсь на всѣ неисчислимыя искусственныя и официальныя препятствія, на бюрократическія регламентаціи, съ которыми изстари были связаны у насъ всякая частная и общественная дѣятельность и инициатива; время, о которомъ мы говоримъ, виновато тѣмъ, что оно не только не продолжало мѣропріятій предыдущей освободительной эпохи къ устраненію этихъ препятствій и регламентацій [1]), не существующихъ болѣе

[1]) Самымъ рѣзкимъ примѣромъ этихъ насильственныхъ регламентацій жизни, давно противорѣчащихъ не только всѣмъ умственнымъ, но и всѣмъ матерьяль-

нигдѣ въ образованномъ мірѣ, но прибавило къ нимъ много новыхъ. По странному, едва постижимому недоразумѣнію, всѣ эти стѣсненія были преимущественно созидаемы на почвѣ всякой такой частной и въ особенности совокупной общественной дѣятельности, которая имѣла сколько нибудь умственный, а тѣмъ хуже политическій характеръ. Между тѣмъ на этой почвѣ, всего скорѣе и ближе, должны были искать *законнымъ образомъ устроиться* всѣ разстроенныя реформами общественныя группы и въ особенности ихъ новыя поколѣнія; найти новую для себя духовную и матерьяльную пищу. Здѣсь ихъ разсѣяннные члены должны были войти въ новыя между собою сочетанія, въ новыя формаціи, въ новыя отношенія общественной союзности (класса), составляющія самый охранительный элементъ во всякомъ государствѣ. Нельзя послѣ этого удивляться, что многіе выходцы изъ этихъ разстроенныхъ общественныхъ группъ, преимущественно раздраженные и юные, вмѣсто трудной законной борьбы со всѣми этими стѣсненіями, которыя оттолкнули многихъ лучшихъ и почтенныхъ людей къ полному «абсентеизму»,—предпочитали пускаться въ разныя, болѣе удобныя, *незаконныя* предпріятія и соединенія своихъ силъ. Самымъ характеристическимъ здѣсь примѣромъ странныхъ недоразумѣній этого столь недавняго времени могутъ служить удобства, представлявшіяся для изданія подпольныхъ листковъ, въ особенности заграницею, въ сравненіи съ затрудненіями для всякаго законнаго изданія, хотя бы даже самаго охранительнаго.

Сюда-же, къ явленіямъ искусственно усилившимъ нашъ общественный кризисъ послѣ реформъ, принадлежитъ и ненормальный ходъ нашего народнаго образованія, уже выше нами указанный; правильно устроенная школа, на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, сообразно съ дѣйствительными, а не мнимыми потребностями каждаго класса, была призвана всего болѣе облегчить болѣзненныя ощущенія этого переходнаго государственнаго періода въ обществѣ; помочь новымъ поколѣніямъ подняться выше прежняго умственнаго уровня въ каждомъ общественномъ классѣ, не возбуждая въ нихъ неопредѣленныхъ и недосягаемыхъ умственныхъ идеаловъ, превыше всякихъ ихъ матерьяльныхъ средствъ и

вымъ ея условіямъ въ нашемъ вѣкѣ, служитъ наша паспортная система. Вопросъ объ ея отмѣнѣ былъ поставленъ на первую очередь уже 20 лѣтъ тому назадъ.

возможностей; энергически парализовать размноженіе недоучекъ и полуобразованія, — этой язвы нашего просвѣщенія по всѣмъ его общественныхъ категоріяхъ. Къ несчастію, у насъ случилось совершенно противоположное; школа и всѣ ея улучшенія и преобразованія внесли почти всего болѣе раздраженія въ общество и въ его кризисъ.

Наконецъ, мы должны еще упомянуть о самомъ важномъ съ усвоенной нами точки зрѣнія на нашу смуту государственномъ недоразумѣніи эпохи, слѣдовавшей за реформами, и самомъ характеристическомъ признакѣ этой эпохи. Мы говоримъ о странныхъ отношеніяхъ, водворившихся между центральной администраціей или лучше ея мѣстными органами и земскими учрежденіями. Можно сказать, что въ этихъ отношеніяхъ водворился самый острый антагонизмъ, тогда какъ бюрократическія и земскія административныя инстанціи,—тѣ и другія въ границахъ своей компетенціи и своихъ административныхъ отраслей, — призваны были, по своему существу, быть равноправными, органическими частями одного и того-же государственнаго управленія; начала земскаго и городскаго самоуправленія должны были въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи все болѣе и болѣе заступать въ организаціи всего мѣстнаго управленія начала бюрократическія. Устройство всѣхъ учрежденій безсословнаго самоуправленія не имѣло иной задачи, какъ обновить собою весь строй мѣстной администраціи и устранить изъ нея давно замѣченные недостатки бюрократической и сословной ея организаціи. Упомянутый антагонизмъ не только пресѣкалъ дальнѣйшее развитіе земскихъ учрежденій въ этомъ направленіи и содѣйствовалъ уродливому образованію и разростанію въ нѣдрахъ одного и того-же государственнаго управленія какихъ-то двухъ болѣзненно враждебныхъ другъ другу тѣлъ—бюрократическаго или казеннаго и земскаго,—но этотъ противуестественный антагонизмъ совершенно парализовалъ земскую дѣятельность, не позволялъ извлечь изъ нея даже ту долю практической пользы для мѣстныхъ народонаселеній, какая была возможна при данныхъ, хотя-бы и недостаточныхъ, условіяхъ устройства земскихъ учрежденій и ихъ правахъ, отталкивалъ отъ нихъ многія лучшія и независимыя мѣстныя силы и распложалъ, на почвѣ земской дѣятельности, въ ущербъ настоящему дѣлу, элементъ мелкихъ интригъ, дрязгъ и безплодныхъ пререканій.

Правда, что зародыши этого антагонизма были положены въ самое устройство земскихъ учрежденій, спѣшно и мало обдуман-

ное, весьма неопредѣленное и неясное во многихъ своихъ предначертаніяхъ и нисколько несогласованное со всѣми прочими мѣстными учрежденіями. [1]) Но личныя благонамѣренныя усилія бюрократическихъ органовъ могли бы много сгладить всѣ недостатки этихъ учрежденій; эта возможность доказана нѣкоторыми исключительными примѣрами добрыхъ отношеній между администраціей и земствомъ. Между тѣмъ общій духъ бюрократической дѣятельности, проникнутый недовѣріемъ и даже враждою къ земству, былъ направленъ къ разжиганію борьбы съ нимъ, почти систематической. Подъ вліяніемъ этого духа, не только былъ забытъ поставленный на первую очередь въ эпоху реформъ общій пересмотръ всей системы мѣстнаго управленія, который долженъ былъ исправить первоначальные недостатки «положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и послужить къ ихъ дальнѣйшему развитію, но цѣлымъ рядомъ распоряженій, ихъ самостоятельность и права были постоянно сокращаемы и они болѣе и болѣе вводились въ подчиненныя отношенія къ бюрократическимъ учрежденіямъ, въ противность основнымъ началамъ самоуправленія, въ нихъ положеннымъ законодателемъ.

Ясно, какую связь все это имѣетъ съ нашими вопросами, съ смутнымъ броженіемъ умовъ и съ раздраженіемъ въ высшемъ образованномъ слоѣ мѣстныхъ народонаселеній. Но самое существенное значеніе этого болѣзненнаго хода въ развитіи земскихъ учрежденій и земской дѣятельности, на которое мы здѣсь въ особенности обязаны указать, заключается въ томъ, что на почвѣ безсословнаго земства должна была самымъ естественнымъ образомъ произойти, на самыхъ мѣстахъ дѣйствительной, т. е., мѣстной, народной жизни, внутренняя постепенная перестройка всѣхъ нашихъ «сословій и состояній», ихъ историческое преображеніе (трансформація); новая безсословная и самородная группировка нашихъ общественныхъ классовъ по занятіямъ, образованію, призваніямъ, участію въ мѣстныхъ интересахъ; окончательное превращеніе высшаго привиллегированнаго и служиваго сословія въ высшій руководящій разрядъ земства, открытый для всѣхъ сословій; наконецъ новыя отношенія всѣхъ общественныхъ классовъ, провинціи и съ

---

[1]) См. обо всемъ этомъ статьи *А. Д. Градовскаго* въ V и VI т. Сборника Государств. Знаній, «Системы мѣстнаго управленія въ Западной Европѣ и Россіи». Также *В. П. Безобразова*, Земскія учрежденія и самоуправленіе. Москва. 1874 г.

нею всей земли къ государственному управленію. Тутъ должно было произойти все то здоровое обновленіе нашего государственнаго и гражданскаго строя, начала которому были положены въ эпоху реформъ. Послѣ всего нами сказаннаго о нашей общественной смутѣ было бы излишне говорить здѣсь какое сильное вліяніе на развитіе ея элементовъ должно было имѣть все это замедленіе въ развитіи самостоятельной земской жизни. Она была призвана скорѣе всего служить къ возсоединенію и спайкѣ всѣхъ раздробленныхъ атомовъ, выскочившихъ изъ прежнихъ классовъ и сословій, расшатанныхъ реформами, и она должна была всего болѣе возбудить дѣятельность въ общественномъ организмѣ всѣхъ здоровыхъ его силъ, которыя уже тѣмъ самымъ,—однимъ своимъ широкимъ проявленіемъ,—противодѣйствовали бы развитію всякихъ болѣзненныхъ соковъ и ихъ броженію.

Между тѣмъ, къ самому чудовищному и прискорбному недоразумѣнію, эти-то здоровыя земскія силы всего болѣе заподазривались въ своей политической неблагонадежности. Посреди безуспѣшныхъ поисковъ за потаенными дѣятелями революціонныхъ катастрофъ, какъ будто пораженныя какимъ-то раздраженнымъ безсиліемъ и слѣпотою, бюрократическія власти обращали свои громы противъ этихъ силъ, какъ единственныхъ явныхъ, общественныхъ силъ, не входившихъ въ приказный строй жизни, ему антипатичныхъ по самой своей натурѣ, не скрывавшихся подъ фальшивыми паспортами и потому легко уловимыхъ. Печальнымъ результатомъ всего этого было то, что всѣ здоровыя и дѣйствительно благонадежныя въ обществѣ стихіи — *благонадежныя нравственно и политически* въ настоящемъ значеніи этихъ словъ для будущности государства и самой администраціи, благонадежныя *искренне,* — эти стихіи, уязвленныя со всѣхъ сторонъ недовѣріемъ, какъ будто опальныя, все болѣе и болѣе проникались апатіей и удалялись съ поля общественнаго дѣйствія. Таковъ, кажется, по отношенію къ нашему общественному броженію «общій мрачный результатъ», — и не на одной только земской почвѣ, — всей разсматриваемой нами государственной эпохи. Индиферентизмъ,—даже болѣе этого, *упадокъ духа,* постоянно возраставшій въ лучшей, честной, образованной и независимой средѣ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ все возраставшее разлученіе ея съ официальными сферами, ставшими къ ней во враждебныя отношенія и искусственно выталкивавшими повсемѣстно эту среду въ «оппозицію», — ослабляли тотъ нравственный и умственный отпоръ, который только одна эта среда способна была дать

развивавшимся элементамъ смуты и на недостатокъ котораго стали потомъ жаловаться правительственныя лица. Вмѣстѣ съ тѣмъ избытокъ другихъ, болѣе безпокойныхъ, преимущественно юныхъ силъ, ненаходившій себѣ употребленія на законныхъ путяхъ, или-же малодушный въ борьбѣ съ препятствіями на этихъ путяхъ или недостаточно воспитанный въ чувствѣ нравственнаго долга и законности, все болѣе и болѣе изливался на всѣ незаконныя тропы, оказывавшіяся гораздо болѣе привольными для частной дѣятельности.

Здѣсь теперь мѣсто напомнить о совершенно другой категоріи *незаконныхъ* путей общественной дѣятельности, о цѣлой особой группѣ общественныхъ явленій, которой мы еще не касались, которая развивалась параллельно съ нашею политическою смутою и заключала въ себѣ не менѣе дерзкія и безнравственныя преступленія и покушенія, хотя и на совершенно другой почвѣ, — на почвѣ не государственнаго, а *частнаго и гражданскаго права*. Всѣ эти явленія могутъ быть обобщены подъ общимъ, за ними признаннымъ, названіемъ «расхищеній кассъ». Эти расхищенія въ правительственныхъ и въ общественныхъ учрежденіяхъ свирѣпствовали одно время, не задолго до взрыва политическихъ преступленій, эпидемически, подобно заразѣ революціонной пропаганды. Всѣ эти явленія слишкомъ извѣстны и мы можемъ говорить объ нихъ коротко, только для выясненія ихъ общаго историческаго для насъ смысла. При поверхностномъ взглядѣ на общественную жизнь можетъ казаться, что всѣ эти «правонарушенія» и «злодѣянія» въ области частнаго права не имѣютъ ничего общаго съ правонарушеніями и злодѣяніями въ области публичнаго права; что безграничныя пространства въ обществѣ раздѣляютъ нашихъ «расхитителей кассъ» съ нашими бунтарями. При такомъ поверхностномъ взглядѣ, у насъ случались даже и такія нелѣпыя мнѣнія, — что общественные элементы, соприкосновенные съ расхищеніями, въ политическомъ отношеніи самые благонадежные (?). При этомъ предполагалось, что люди подходящіе къ публичному дѣлу съ своекорыстными личными или *частными* побужденіями, «безъ всякой общей идеи», наиболѣе безопасны для государства! Такія сужденія доказываютъ только, какія дикія фантазіи могутъ разыгрываться въ умахъ даже «серьезныхъ» (?) людей въ эпохи общественной смуты.

Одна крупная катастрофа расхищенія впрочемъ уже доказала, что темныя и преступныя силы на почвѣ государственнаго права могутъ дѣйствовать совокупно съ такими же силами на почвѣ гражданскаго права. Но не нужно этого факта, который можетъ быть приз-

нанъ только случайностью, чтобъ найти тѣсное общественно-физіологическое сродство, въ особенности по историческому происхожденію, между двумя темными мірами тѣхъ и другихъ явленій, исказившихъ нашу общественную и государственную жизнь последнихъ лѣтъ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ (несомнѣнномъ однако) фактѣ, объединяющемъ тотъ и другой міръ, что цинизмъ нравственныхъ понятій и отсутствіе нравственнаго долга передъ существующимъ законнымъ порядкомъ общи и расхищеніямъ и революціоннымъ насиліямъ. Эти общіе нравственные признаки одинаково указываютъ на общій нравственный недугъ, обусловившій собою въ обществѣ возможность *эпидемическаго* развитія тѣхъ и другихъ явленій. Но мы считаемъ нужнымъ обратить здѣсь вниманіе главнѣйше на отношенія хищническихъ явленій къ изложенному нами историческому ходу нашей подпольной смуты и къ эпохѣ государственнаго застоя, усилившей, какъ мы объяснили, этотъ ходъ.

Обнаружившіяся «расхищенія кассъ» казенныхъ, банковыхъ и всякихъ другихъ, были, подобно революціоннымъ взрывамъ, убійствамъ и покушеніямъ, только самыми острыми пароксизмами, исключительными трагическими моментами въ томъ непрерывномъ броженіи болѣзненныхъ общественныхъ стихій, которыя во всѣхъ сферахъ нашей общественной дѣятельности влеклись гораздо предпочтительнѣе къ быстрой, неправильной наживѣ, къ расхищенію общественнаго достоянія, чѣмъ къ медленному, честному и законному труду. Нѣтъ надобности исчислять здѣсь всѣ виды и формы этой слишкомъ извѣстной язвы кулачества и міроѣдства, чрезвычайно развившейся у насъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, снизу до верху, отъ содержателей распивочныхъ питейныхъ заведеній и сельскихъ ростовщиковъ — эксплоататоровъ до такихъ же привиллегированныхъ промышленниковъ, появившихся нѣсколько времени тому назадъ въ обликѣ желѣзно-дорожныхъ концессіонеровъ, всякаго рода подрядчиковъ и «высшихъ финансовыхъ дѣятелей». Сущность хищничества, «промышленнаго производства» (?) и обогащенія не на счетъ труда, знаній и благопріобрѣтеннаго капитала, а на счетъ благопріобрѣтенныхъ (?) привиллегированныхъ правъ и монополей, на счетъ привиллегій и монополей беззастѣнчивой совѣсти и обмана надъ болѣе боязливою совѣстью конкурента и невѣдѣніемъ публики, рынка и начальства,—эта сущность хищничества и денежнаго разбоя одинакова во всѣхъ ихъ фазахъ и на всѣхъ

ихъ ступеняхъ. Эта сущность только называется въ высшихъ сферахъ своего проявленія болѣе благоприличными терминами, «спекуляціей», ажіотажемъ или самымъ облагороженнымъ терминомъ «практическою дѣятельностью». Но не все это и не безплодное нравственное назиданіе въ пользу расхитителей нашихъ казенныхъ и частныхъ имуществъ насъ здѣсь занимаютъ. Мы укажемъ только на спеціальную сторону всей этой грязной исторіи послѣднихъ лѣтъ, прямо относящуюся къ нашему предмету и ко всему выше нами изложенному.

Если разобрать общественные элементы, принимавшіе участіе въ этой хищнической промышленной дѣятельности и къ ней прикосновенные, то можно кажется убѣдиться, что на всѣхъ ея ступеняхъ и на всѣхъ соотвѣтствующихъ ступеняхъ общественной жизни, сюда принадлежатъ *по преимуществу*, если не исключительно, такіе же обломки и отброски изъ всѣхъ расшатанныхъ старыхъ общественныхъ «состояній» снизу до верху (соотвѣтственно каждой ступени) и изъ всѣхъ неустановившихся новыхъ общественныхъ группъ, — такіе-же обломки и отброски, какіе мы видѣли въ личномъ составѣ нашей политической смуты.

Самое крупное въ этомъ сравненіи исключеніе составляетъ купечество, которое, какъ мы говорили, вовсе отсутствуетъ въ общественной сферѣ, окружавшей политическія преступленія; для него былъ ближе соблазнъ незаконныхъ промышленныхъ, чѣмъ политическихъ, предпріятій. Однако спѣшимъ замѣтить, что въ рядахъ новѣйшей «спекуляціи» и ажіотажа, новѣйшихъ «легкихъ» финансовыхъ предпріятій, хотя и принималъ значительное участіе торговый классъ, но въ этомъ мірѣ «аферъ» совсѣмъ не видно, за немногими исключеніями, представителей родоваго нашего купечества, въ особенности провинціальнаго. Оно продолжало вести свою правильную торговлю, не смотря на чрезвычайныя трудности конкуренціи съ новѣйшими неправильными торговыми предпріятіями и съ привиллегированнымъ покровительствомъ, которымъ они пользовались. Еще болѣе рѣзкое различіе личнаго состава арміи смутчиковъ и личнаго состава арміи расхитителей и аферистовъ состоитъ конечно въ томъ, что въ первой участвовали преимущественно юныя и наивныя, а во второй — преимущественно возмужалыя, даже устарѣлыя и опытныя силы изо всѣхъ общественныхъ классовъ. Это различіе какъ нельзя болѣе естественно: нечего и говорить о томъ, что вообще юношескій возрастъ столько же расположенъ къ фанатизму идеи, сколько возмужалый воз-

растъ — къ фанатизму стяжанія; но кромѣ того, при уклоненіи съ законныхъ путей жизни, для перваго была столько-же болѣе сподручна политическая смута, сколько для втораго — хищническая денежная афера.

Исшедъ изъ тождественныхъ историческихъ и нравственныхъ источниковъ, зачавшись въ одномъ и томъ-же процессѣ разложенія стараго общественнаго порядка и разрушенія всѣхъ прежнихъ обезпеченій благосостоянія разныхъ общественныхъ классовъ, обѣ группы болѣзненныхъ общественныхъ явленій, — соціальное броженіе и гнилая промышленная горячка, жажда политической агитаціи и жажда наживы, — соприкасались между собою во всемъ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, и воздѣйствовали другъ на друга во многихъ отношеніяхъ. Это взаимодѣйствіе имѣло несомнѣннымъ своимъ послѣдствіемъ усиленіе смуты, въ особенности въ умахъ молодаго поколѣнія. Между прочимъ, безнравственныя стяжанія, быстрыя неправильныя наживы, казусы лихоимства и казнокрадства, подъ лживымъ прикрытіемъ формальной законности, равнодушіе къ нимъ и попустительство общественной среды, въ которой совершались эти злодѣянія корысти для удовлетворенія грубыхъ плотскихъ страстей — все это разжигало элементы раздраженія и зависти на той общественной почвѣ, на которой производилась революціонная агитація; все это давало агитаторамъ съ виду основательные, хотя бы и обманчивые, нравственные поводы для распространенія недовѣрія и презрѣнія къ существующему общественному порядку, къ его нравственнымъ и юридическимъ основамъ, и для пропаганды понятій о необходимости и возможности низверженія этого порядка. Безнравственность, съ одной стороны, — съ той стороны, которую агитаторы злонамѣренно обзывали «легальною», — служила имъ какъ бы нравственнымъ оправданіемъ для провозглашеннаго ими впослѣдствіи отъ «фракціи террористовъ» безнравственнаго права на политическія насилія. Всѣ подобныя дерзкія умозаключенія, лишенныя внутренней нравственной правды, но построенныя на лживой формальной логикѣ, смущали и распаляли молодые умы, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые не были воспитаны на строгихъ началахъ религіозной нравственности и на строгомъ примѣрѣ нравственнаго долга въ ближайшемъ старшемъ поколѣніи.

Во всемъ указанномъ выше направленіи, самое пагубное воздѣйствіе «спекуляціи» съ ея взрывами — расхищеніями, на развитіе революціонной смуты было обусловлено тѣмъ печальнымъ

обстоятельствомъ, что въ періодъ застоя, слѣдовавшій за реформами, всѣ эти неправильныя промышленныя предпріятія и беззаконныя денежныя операціи имѣли для публики такой наружный видъ, что онѣ какъ будто находятся подъ особымъ покровительствомъ и даже пользуются поощреніями въ привиллегированной общественной и даже въ административной средѣ. Самымъ рѣзкимъ обращикомъ такого впечатлѣнія, производившагося въ обществѣ привиллегированными промышленными предпріятіями, служитъ исторія желѣзнодорожнаго дѣла съ его вопіющими злоупотребленіями. [1]) Близко примыкали сюда и наши банковыя предпріятія, которыя до сихъ поръ остаются при своихъ привиллегированныхъ отношеніяхъ къ правительству и обществу, при тѣхъ-же «концессіяхъ», подобныхъ желѣзно-дорожнымъ и доступныхъ только для исключительныхъ кружковъ «предпринимателей». Этотъ привиллегированный ходъ былъ данъ банковому дѣлу также вопреки первоначальнымъ правительственнымъ предположеніямъ, проектированнымъ въ эпоху реформъ [2]). Къ этимъ предположеніямъ принадлежалъ между прочимъ общій банковый законъ, который былъ впослѣдствіи совсѣмъ забытъ и при которомъ были бы невозможны разныя позднѣйшія привиллегированныя банковыя насажденія, открывшія путь ко множеству злоупотреній. Всѣ эти факты приведены нами только какъ примѣры общаго направленія промышленной дѣятельности въ продолжительную и мирную эпоху, слѣдовавшую за реформами: всѣ многообразныя законодательныя постановленія (напр. пересмотръ фабричнаго законодательства, устава объ акціонерныхъ компаніяхъ и проч.), въ которыхъ такъ давно нуждалось наше народное хозяйство и которыя должны были облегчить трудъ и производительность для большинства народа, пріостановились, а все вниманіе и какъ будто вся любовь были обращены на монопольныя предпріятія, выгодныя только для немногихъ избранниковъ, жаждущихъ субсидій и поставленныхъ въ «особенныя отношенія» къ вліятельнымъ лицамъ.

Страннымъ результатомъ всего этого, одинаковымъ и на экономической и на политической почвѣ, было то, что въ то время

---

[1]) См. въ Сборникѣ Госуд. Знаній статьи *А. А. Головачева*, «Желѣзныя дороги въ Россіи», законченныя въ настоящемъ томѣ.

[2]) См. между прочимъ четыре тома «Трудовъ Коммиссіи, Высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ», 1859 — 1861 гг.

какъ законная и открытая дѣятельность общества на обѣихъ почвахъ встрѣчала величайшія стѣсненія, беззаконная и потаенная дѣятельность на тѣхъ-же почвахъ развивалась съ непрерывно возраставшею «свободою» (?) и необузданностью. Въ это-же самое время громадное большинство общества во всѣхъ его слояхъ, никогда и нигдѣ несклонное къ беззаконной жизни, а между тѣмъ всячески стѣсненное въ свободѣ законной жизни, болѣе и болѣе устраняло себя отъ всякой дѣятельности, отъ всякаго участія въ дѣлахъ, отъ всякой иниціативы; оно поражалось маразмомъ равнодушія. Это болѣзненное равнодушіе является, въ свою очередь, всегда наилучшимъ пособникомъ всякой общественной смуты.

Таково, кажется, главное общее заключеніе, которое можетъ быть выведено изъ всего нами сказаннаго; оно уже было неоднократно намѣчаемо нами выше, но мы считаемъ нужнымъ повторить его здѣсь, какъ одинъ изъ наиболѣе назидательныхъ выводовъ, какіе могутъ быть сдѣланы изъ безпристрастнаго и безпартейнаго изученія нашего общественнаго броженія. Намъ остается только упомянуть здѣсь о той тѣсной связи, въ которой находится этотъ выводъ со всѣмъ изложеннымъ выше историческимъ ходомъ этого броженія, со всѣмъ нашимъ общественнымъ кризисомъ, произведшимъ это броженіе, хотя и эта связь выступала довольно ясно въ указанныхъ нами фактахъ.

Все органическое разчлененіе нашего общества на «сословія, состоянія и званія», хотя бы весьма не крѣпкое и весьма искусственное уже въ дореформенное время, но обезпечивавшее собою тогда извѣстный, типическій бытъ людей, входившихъ въ составъ всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, окончательно пошатнулось, въ эпоху реформъ. Эта такъ сказать трещина въ общественномъ организмѣ произошла преимущественно въ верхней его части, гдѣ она была наиболѣе широкою, постепенно съуживаясь къ низу. Естественнымъ историческимъ послѣдствіемъ реформъ должны были сдѣлаться новыя общественныя группы или новыя соединенія личныхъ силъ для своего быта и дѣятельности, новыя общественныя формаціи и съ тѣмъ вмѣстѣ новый *мѣстный* административный строй, основанный на началахъ самоуправленія; онъ всегда находится въ непосредственной зависимости отъ той или другой группировки общества. Новая естественная группировка должна была всего скорѣе и всего болѣе здоровымъ образомъ возникнуть на вновь открывшейся земской безсословной почвѣ. Весь этотъ возможный и желанный, естественный историческій ростъ общества, его органическое здо-

ровое развитіе столкнулись съ искусственными механическими препятствіями, которыя дали этому росту и развитію искривленное болѣзненное направленіе. Въ то время, какъ этими препятствіями были замедлены новыя и законныя общественныя формаціи, долженствовавшія постепенно замѣнить собою старыя «сословія и состоянія», было замедлено и образованіе мѣстнаго земскаго самоуправленія, призваннаго постепенно замѣнить собою старую приказную и сословную администрацію,—въ то время пошли изъ общества съ полною свободою, въ разныя стороны, всякіе дикіе его ростки, всякія *беззаконныя* формаціи, «нелегальныя», организаціи и соединенія личныхъ силъ, какъ для революціонной пропаганды идей, такъ и для любостяжанія. Въ этихъ организаціяхъ пріютились и нашли для себя общественное положеніе выходцы изъ всѣхъ поколебленныхъ общественныхъ классовъ. Разсѣянные атомы этихъ классовъ, встрѣчая затрудненія на законныхъ путяхъ для своего возсоединенія въ новыхъ формахъ жизни, устремились къ своему соединенію въ «нелегальныхъ» или противозаконныхъ «сообществахъ» и организаціяхъ. Натура человѣческаго общества, не терпящая такихъ разсѣянныхъ атомовъ и требующая внутри себя какихъ либо органическихъ клѣточекъ,—сочетаній и союзовъ личностей,—взяла верхъ надъ всякими искуственными препятствіями къ соединенію этихъ атомовъ. Вотъ этотъ послѣдній фактъ и обобщаетъ исторію двухъ группъ болѣзненныхъ явленій, которыя, при первомъ на нихъ взглядѣ, не имѣютъ ничего между собою общаго и происходили какъ будто на двухъ противуположныхъ полюсахъ общественной жизни. Не менѣе чѣмъ черезъ ихъ общее историческое происхожденіе изъ общественнаго кризиса, начавшагося двадцать лѣтъ тому назадъ, эти двѣ группы явленій могутъ быть обобщены и черезъ разсмотрѣніе ихъ внутренняго нравственнаго содержанія: въ томъ и другомъ случаѣ одинаково изобличается отрицаніе нравственныхъ началъ жизни. Въ этомъ отношеніи «нигилизмъ» героевъ революціонной смуты ничѣмъ не отличается отъ нигилизма всѣхъ тѣхъ другихъ героевъ въ скандальныхъ судебныхъ процессахъ, которые эксплоатировали свои общественныя положенія и свои «законныя права» для беззаконныхъ промышленныхъ цѣлей, для личнаго обогащенія и для удовлетворенія своихъ невѣжественныхъ, животныхъ страстей. Въ той и другой преступной сферѣ одинаково обнаруживается шаткость не только нравственныхъ принциповъ, но и понятій о законности и долгѣ въ публичномъ дѣлѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайная слабость

умственнаго развитія и истиннаго просвѣщенія; а весь этотъ недугъ зародился издавна въ верхнемъ слоѣ нашего общества, который былъ преимущественно потрясенъ кризисомъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, — зародился въ немъ *неизмѣримо ранѣе этого кризиса* и всего болѣе способствовалъ безсилію нашихъ высшихъ классовъ къ перенесенію этого кризиса.

Очертивъ, насколько мы могли, общее движеніе нашей общественной смуты, достигнувшей къ началу нынѣшняго года, въ формѣ политическихъ преступленій, своего крайняго развитія, мы должны перейти теперь къ чрезвычайнымъ полицейскимъ мѣрамъ, которыя были предназначены къ борьбѣ съ этими преступленіями и которыя наполняютъ собою всю законодательную и административную дѣятельность истекшаго года. Какъ несостоятельность этихъ мѣръ признана теперь самимъ правительствомъ, то намъ нужно сказать весьма немного о причинахъ этой несостоятельности, только для будущаго нашего назиданія. Весь вышесдѣланный нами опытъ діагнозы нашихъ болѣзненныхъ общественныхъ явленій, весьма облегчаетъ оцѣнку приложенныхъ къ нимъ способовъ лѣченія. Намъ достаточно только вникнуть въ общую *систему* этого лѣченія.

Главная, коренная ошибочность всей этой системы, кромѣ всѣхъ другихъ грубыхъ ея недостатковъ, заключалась въ томъ, что всѣ элементы смуты и всѣ вышеизложенныя разнообразныя стадіи ея развитія *смѣшивались въ одно нераздѣльное цѣлое*, начиная отъ смутныхъ «идей» болѣе или менѣе «преступнаго свойства» и даже отъ идей или лучше рѣчей только не цензурнаго свойства, пропагандировавшихся или даже только бродившихъ въ разныхъ слояхъ общества, до самой послѣдней стадіи смуты, до организованныхъ заговоровъ для политическихъ преступленій, до организованнаго небольшою кучкою людей «терроризма». Всѣ эти элементы и стадіи, имѣющіе между собою только нѣкоторую, болѣе или менѣе близкую (и чаще отдаленную) нравственную связь, не имѣющія между собою ничего общаго, а въ формальномъ юридическомъ отношеніи смѣшивались для распорядителей полицейскихъ мѣръ въ одно, единое, смутное представленіе, противъ призрака котораго и направлялись *безразлично* всѣ вооруженія и всѣ удары полицейской власти.

Въ этомъ смутномъ призракѣ *чего-то неопредѣленно враждеб-*

наго существующему порядку ничего не различалось, и всѣ угрозы и кары безразлично поражали всѣ признаки и явленія, въ которыхъ сколько нибудь осязательно, а часто даже и вовсе не осязательно (а только въ воображеніи), давало себя чувствовать присутствіе этого призрака. Отъ такихъ смутныхъ отношеній полиціи къ смутѣ произошло много крайне жестокихъ послѣдствій для многихъ отдѣльныхъ лицъ, хотя причина этихъ послѣдствій заключалась вообще ни сколько не въ жестокосердіи исполнителей, чуждомъ нашему національному характеру, даже въ лицѣ нашихъ полицейскихъ органовъ, но причина эта лежала только въ совершенномъ *невѣдѣніи* источниковъ, элементовъ и всего историческаго развитія нашего общественнаго броженія. Въ этомъ случаѣ наши полицейскія власти, также какъ и само общество (или по крайней мѣрѣ его большинство) были застигнуты всѣми наружными пароксизмами нашего общественнаго недуга совершенно *врасплохъ*.

Но произошло нѣчто гораздо худшее вышесказаннаго смѣшенія всѣхъ элементовъ и стадій смуты подъ ударами полицейской власти: посреди невѣдѣнія и общей темноты, окружавшихъ предметъ полицейскихъ распоряженій, они, по естественной необходимости, были съ наибольшею энергіею устремлены къ тѣмъ частямъ этого предмета, которыя были относительно наиболѣе освѣщены. Отсюда цѣлый рядъ печальнѣйшихъ недоразумѣній во всей полицейской дѣятельности истекшаго года, хотя всѣ эти недоразумѣнія начались у насъ уже гораздо ранѣе и только до крайности усилились въ 1879 г., вслѣдствіе чрезвычайныхъ полицейскихъ полномочій въ этомъ году. Вслѣдствіе упомянутой естественной необходимости, прежде всего и болѣе всего преслѣдовались всяческими полицейскими строгостями, стѣсненіями личной свободы и даже положительными наказаніями, какихъ было не мало въ безконтрольномъ распоряженіи полиціи, при просторѣ новыхъ ея полномочій [1]), тѣ сферы броженія или такъ называемой пропаганды, которыя были наиболѣе открыты для полицейскаго дѣйствія, которыя были наиболѣе явны и потому наименѣе преступ-

[1]) Аресты, административныя высылки и отдача подъ надзоръ полиціи большею частію превышали своими тягостными послѣдствіями для преслѣдуемыхъ лицъ всякія уголовныя наказанія, какія могли быть наложены на нихъ по суду, за проступки и преступленія, въ которыхъ они обвинялись или только заподазривались.

ны. Если припомнить то, что было сказано нами раньше о разныхъ фазахъ и стадіяхъ въ развитіи смуты, то болѣе всего подпадали полицейскимъ преслѣдованіямъ тѣ ея области, гдѣ матерія броженія лежало наиболѣе тонкимъ слоемъ, наиболѣе открыто на воздухѣ, наименѣе скрывала себя отъ свѣта, вслѣдствіе наименьшей своей виновности и наименьшаго участія въ преступныхъ замыслахъ. Чѣмъ болѣе она сгущалась въ настоящія революціонныя гнѣзда и изъ ихъ теоретическихъ умствованій — въ «практическіе» заговоры, тѣмъ болѣе она уходила въ темноту, во всѣ ущелія общества, недосягаемыя для ока полиціи. Преслѣдуя наиболѣе открытыя сферы «преступной» пропаганды, въ которыхъ многія «преступныя дѣйствія» имѣли даже чисто условный и искусственный характеръ (при существующихъ у насъ обвѣтшалыхъ законахъ по части свободы мнѣнія, слова и печати), полиція, по неизбѣжной необходимости, за одно съ этими сферами, захватывала въ своихъ мѣропріятіяхъ даже и совершенно законныя области общественной жизни, находившіяся въ какомъ нибудь соприкосновеніи съ этими сферами. Матерія смутныхъ понятій и чувствъ, какъ мы объясняли это выше,—матерія общественнаго раздраженія, исшедшая подобно ядовитому испаренію изъ нашего историческаго общественнаго кризиса,—незамѣтно соприкасается съ самою здоровою атмосферою, съ самою законною дѣятельностью общества, тамъ гдѣ эта матерія разсѣяна наитончайшимъ слоемъ: захотѣть преслѣдовать тутъ полицейскими и судебными мѣрами эту эфирную общественно-физіологическую матерію,—эти первые зародыши нравственныхъ и умственныхъ міазмовъ,—это захотѣть исполнить задачу невозможную для какой бы то ни было полиціи. Полицейская борьба съ такими духовными элементами немыслима, или она ведетъ къ неисчислимымъ зловреднымъ послѣдствіямъ, *діаметрально противуположнымъ* своей цѣли. Такъ у насъ и случилось.

Мы укажемъ здѣсь только на самыя важныя въ практическомъ отношеніи послѣдствія всего этого направленія полицейскихъ дѣйствій противъ смуты. Прежде всего они *ускорили* объясненный выше постепенный процессъ сгущенія болѣзненныхъ атомовъ отъ одной стадіи къ другой, отъ ихъ туманныхъ пятенъ, отъ разсѣянной, бродячей агитаціи къ организованнымъ твердымъ тѣламъ (къ тайнымъ обществамъ съ положительными заговорами на преступленія): каждый ударъ въ какое бы то ни было пространство съ разсѣянными въ немъ безсознательными или системати-

ческими пропагандистами выгонялъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставались въ этомъ пространствѣ живыми или высвобождались изъ рукъ полиціи, въ слѣдующую, болѣе сгущенную сферу революціоннаго броженія, и т. д., до послѣдней его стадіи, на которой, до самаго недавняго времени, всѣ дѣйствующія лица успѣвали совершенно укрываться отъ полицейскаго преслѣдованія. Это дѣйствіе чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ было обусловлено тѣмъ раздраженіемъ, которое онѣ вносили во всѣ сферы броженія и даже въ свободныя отъ него, вполнѣ законныя области жизни; это раздраженіе было неизбѣжно вслѣдствіе описаннаго порядка этихъ мѣръ, начинавшихъ свое дѣйствіе съ пространствъ, наименѣе зараженныхъ и даже вовсе не зараженныхъ. Это раздраженіе чувствъ есть другое послѣдствіе испытанной въ 1879 г. полицейской системы, чрезвычайно ожесточившее фанатизмъ «идей» или лучше страстей на всѣхъ ступеняхъ смуты, снизу до верха. О необычайныхъ, почти неслыханныхъ примѣрахъ этого ожесточенія мы уже говорили.

Сторонниками экстраординарныхъ полицейскихъ и судебныхъ мѣръ было высказываемо мнѣніе, что устрашеніе есть единственное дѣйствительное средство противъ смутчиковъ. Но это средство (не говоря даже объ его нравственной сторонѣ) еще можетъ быть сколько нибудь дѣйствительно, когда дѣло идетъ объ обыкновенныхъ бунтовщикахъ и нарушителяхъ наружнаго общественнаго порядка; оно совершенно несостоятельно, когда оно призвано укротить людей нафанатизированныхъ до безумія, идущихъ, въ холодномъ изступленіи страстей, къ своимъ цѣлямъ, съ безсознательною слѣпою вѣрою и находящихъ почти наслажденіе въ налагаемыхъ на нихъ страданіяхъ, даже въ смерти. Всему этому мы были свидѣтели.

Нельзя не упомянуть, затѣмъ, о третьемъ немаловажномъ послѣдствіи этой системы, о безплодной тратѣ полицейскихъ силъ, которыя и безъ того оказывались у насъ недостаточными для исполненія прямыхъ своихъ обязанностей. Отъ этихъ обязанностей и отъ сосредоточенія себя на розысканіи настоящихъ преступниковъ, настоящихъ заговорщиковъ, ускользавшихъ изъ рукъ власти, полицейскія силы были отвлечены къ борьбѣ съ призраками.

Далѣе, гораздо болѣе еще существенно и въ государственномъ отношеніи и для развитія самой смуты, четвертое послѣдствіе всѣхъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ устрашенія и стѣсненія личной свободы, принятыхъ въ минувшемъ году. Онѣ усилили то

бездѣйствіе и оцѣпененіе самодѣятельныхъ здоровыхъ силъ въ обществѣ, о которыхъ мы говорили выше. Эти мѣры коснулись даже самой законной почвы общественной дѣятельности, какова земская, гдѣ было именно желательно *наибольшее возбужденіе* силъ общественнаго организма для естественной его реакціи противъ всѣхъ болѣзнетворныхъ его началъ. Во всякомъ обществѣ, всегда и вездѣ, бываетъ масса «недовольныхъ» и также недовольныхъ съ той или другой точки зрѣнія, тѣми или другими правительственными распоряженіями. Съ умственными и гражданскими успѣхами каждаго народа эта масса недовольныхъ, элементъ «оппозиціи», даже всегда неизбѣжно возрастаетъ. Нѣтъ надобности скрывать отъ себя, что и у насъ было не мало такихъ «недовольныхъ», — между прочимъ въ особенности недовольныхъ нашими административными порядками. Всего болѣе возбуждалъ недовольство первородный грѣхъ всѣхъ нашихъ административныхъ порядковъ, заключающійся въ «полномъ смѣшеніи законовъ съ самоличными административными распоряженіями». Этотъ грѣхъ, нисколько не ослабѣвшій послѣ нашего гражданскаго обновленія въ эпоху реформъ, а скорѣе даже усилившійся, производилъ, въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, всего болѣе недовольства въ здоровой, образованной и здравомысленной части нашего общества, — въ *консервативной* его части, въ настоящемъ смыслѣ слова. А эта консервативная часть общества составляетъ громадное большинство такъ называемой нашей «интеллигенціи», не говоря уже о нашемъ народѣ, преданномъ престолу, какъ святынѣ и охранительномъ до мозга своихъ костей [1]). Но всѣ эти «недовольные» не имѣютъ ничего, малѣйшимъ образомъ, общаго съ крамольниками и только отплевывались отъ нихъ. Стремленія къ законности въ управленіи, къ «правомѣрному государству» всего болѣе чужды мечтаніямъ всякихъ демагоговъ, въ томъ числѣ и нашихъ.

Между тѣмъ въ воззрѣніяхъ органовъ власти, приводившихъ въ исполненіе чрезвычайныя полицейскія и административныя мѣры, недовольные всякаго рода и оттѣнка смѣшивались съ отъявленными врагами престола и государства въ одну нераздѣльную

---

[1]) Извѣстно, что въ пресловутомъ революціонномъ катехизисѣ, напечатанномъ за границею и служившемъ кодексомъ для нашихъ «террористовъ», было имъ рекомендовано вступить въ союзъ, для успѣха своего дѣла, съ разбойниками, ворами и всякими негодными русскими людьми. Никакой надежды на сколько нибудь честныхъ русскихъ людей въ этомъ кодексѣ не выражалось.

кучу. Такимъ образомъ люди, воодушевленные самымъ здоровымъ патріотизмомъ и самыми непоколебимыми вѣрноподданническими чувствами попадали въ ряды людей «опасныхъ»; классифицировались въ одинъ разрядъ съ революціонными дѣятелями. Понятно въ какой степени это было на руку послѣднимъ. Самыя страшныя для нихъ силы въ обществѣ, единственныя способныя вести съ ними борьбу,— борьбу, хотя не легкую, но все-таки болѣе надежную, чѣмъ «малая» полицейская война, — были повержены въ бездѣйствіе.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ предыдущимъ, намъ остается указать еще на одно, едва ли не самое существенное и самое печальное послѣдствіе чрезвычайной полицейской дѣятельности, направленной противъ смуты и достигнувшей, въ минувшемъ году, своего самаго крайняго и послѣдняго развитія. Эта дѣятельность, поглотивъ въ себѣ все вниманіе и всѣ заботы правительства, совершенно прервала собою прогрессивное движеніе законодательства. Уже передъ этимъ, четырехъ-лѣтняя тяжкая година войны и дипломатическихъ переговоровъ, ей предшествовавшихъ и за нею слѣдовавщихъ, замедлила и почти пріостановила всѣ серьезныя законодательныя работы. Можно было надѣяться, что съ заключеніемъ мира, эти работы оживятся съ особенною энергіею тѣмъ болѣе, что война изобличила для публики и для самаго правительства многія административныя неустройства и доказала вредъ предыдущаго періода застоя въ государственной дѣятельности. Крайнее усиленіе полицейскихъ вооруженій противъ смуты совсѣмъ прекратило всякую прогрессивную законодательную дѣятельность. Вотъ, это-то послѣдствіе смуты 1878 и 1879 гг. и было самою пагубною ея стороною въ нашей государственной жизни. Только дальнѣйшій безпрепятственный ростъ сѣмянъ, посѣянныхъ на нашей государственной почвѣ въ эпоху реформъ, могъ возродить (какъ это было изложено выше) въ нашемъ обществѣ *устойчивыя стихіи его равновѣсія*, смертельно враждебныя для всякаго революціоннаго броженія и для всякихъ демагогическихъ попытокъ, парализовать, *новыми обезпеченіями новаго быта и новой дѣятельности* каждаго общественнаго класса, развитіе горечи и раздраженія, происшедшихъ отъ потрясеній въ условіяхъ стараго, дореформеннаго быта.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что если справедливо мнѣніе, часто у насъ высказывавшееся, но, еще не доказанное положительными фактами, что позади слѣпыхъ и безумныхъ фанатиковъ, появлявшихся въ нашихъ политическихъ процессахъ, дѣйствовали люди

(русскіе или иноземные) съ еще болѣе адскими замыслами противъ нашего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ болѣе разумнымъ политическимъ расчетомъ, то пріостановленіе у насъ нормальной и законной государственной жизни и прогрессивнаго движенія нашего законодательства, — это самое дѣйствительное поврежденіе государственнаго механизма, — не могло не входить въ этотъ расчетъ. И этотъ расчетъ какъ будто удавался злоумышленникамъ до послѣдней, самой отчаянной ихъ попытки (6 февраля 1880 г.), хотя бы всѣ самыя крайнія и самыя преступныя ихъ покушенія оставались безуспѣшными. О безсмысліи этихъ покушеній, безсильныхъ, даже и въ случаѣ своего успѣха, произвести какой-нибудь государственный переворотъ въ нашемъ отечествѣ, было не мало разсужденій; всѣ конечно понимаютъ это безсмысліе. Всякій подобный успѣхъ враговъ существующаго у насъ государственнаго строя способенъ скорѣе только упрочить его основы. Не понимать это могутъ только совсѣмъ обезумѣвшіе фанатики политическихъ преступленій, въ ярости своего раздраженія противъ всей окружающей ихъ жизни. Но тѣ, болѣе дальновидныя личности, которыя употребляли этихъ людей, какъ исполнителей своей воли, — если такія личности дѣйствительно были, — могли имѣть болѣе разумныя, хотя бы и болѣе злостныя цѣли: онѣ могли не желать ничего инаго, какъ разстраивать правильный ходъ государственной машины, выводя ее изъ ея законной и прогрессивной колеи посредствомъ задуманныхъ катастрофъ. Каждая такая катастрофа, производя паническій страхъ, отвлекая правительство отъ государственныхъ вопросовъ внутреннихъ и внѣшнихъ, стоявшихъ на очереди, сосредоточивая все его вниманіе на чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣрахъ, къ тому-же непріятныхъ мирнымъ гражданамъ, — каждая такая катастрофа, хотя бы по наружности и не удавшаяся относительно ближайшаго, видимаго въ ней покушенія, отлично достигала дальнѣйшихъ и можетъ быть настоящихъ цѣлей настоящихъ руководителей крамолы. Вліяя такимъ образомъ на все государственное управленіе, направляя терроръ снизу и сверху, они (это было замѣчено нами въ самомъ началѣ), какъ будто захватывали въ свои руки иниціативу управленія и внутренней политики государства. Самая крайняя реакція, самый понятный ходъ этой политики не могли быть противны цѣлямъ настоящихъ злоумышленниковъ, не идеалистовъ.

Слава Богу, все это было наконецъ прекрасно сознано нашимъ правительствомъ. Вся представленная выше мрачная кар-

тина совершенно измѣнилась въ 1880 г.; хотя впечатлѣнія ея еще свѣжи въ нашей памяти, но она уже принадлежитъ теперь къ давнопрошедшему, вслѣдствіе рѣшительнаго поворота во всей нашей внутренней политикѣ, ознаменовавшаго нынѣшній годъ.

Результаты новаго направленія въ государственномъ управленіи еще въ будущемъ и потому не могутъ быть пока въ точности оцѣнены; къ тому-же это направленіе еще не достаточно опредѣлилось, чтобъ могло сдѣлаться предметомъ всесторонняго обсужденія съ точки зрѣнія не однихъ только личныхъ «сочувствій» или «несочувствій.

Однако въ нѣкоторомъ отношеніи, хотя бы только преимущественно въ отрицательномъ, т. е., въ отрицаніи всей прежней системы полицейскихъ мѣръ противъ смуты, это новое направленіе нашей внутренней политики уже довольно ясно обозначилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за нимъ можетъ быть признанъ одинъ важный результатъ — успокоеніе умовъ и нѣкоторое удовлетвореніе чувствъ въ лучшей, просвѣщенной части общества, въ особенности провинціальнаго и между прочимъ главнѣйше въ сферѣ земской его дѣятельности. Во всей этой сферѣ уже заявляется со всѣхъ сторонъ сознаніе иныхъ отношеній къ администраціи, чѣмъ тотъ печальный антагонизмъ, то искусственное, раздраженное разлученіе земства, всего мѣстнаго самоуправленія съ государствомъ, съ казною, о которомъ было говорено выше. Этотъ одинъ результатъ уже самъ по себѣ довольно крупенъ, чтобы послѣ нами сказаннаго, быть благодарнымъ за него новому направленію нашей внутренней политики. Элементы броженія и даже политическихъ преступленій могутъ еще на нѣкоторое время продолжать свое существованіе; тѣмъ не менѣе надо предполагать, что нынѣ пресѣкаются дѣйствовавшія до сихъ поръ условія дальнѣйшаго развитія этихъ болѣзненныхъ элементовъ.

Это предположеніе можно, кажется, считать основательнымъ въ виду одной особенной черты въ новомъ поворотѣ нашей внутренней политики, наиболѣе ясно въ немъ высказавшейся. Эта черта заключается, по нашему разумѣнію, въ томъ, что наше государственное управленіе совершенно разсталось нынѣ съ вредоноснымъ порокомъ прежней полицейской системы, съ смѣшеніемъ въ одну нераздѣльную кучу всѣхъ «непріятныхъ» для администраціи явленій, и преступныхъ и «только непріятныхъ». Мѣры полицейскихъ подозрѣній и полицейскаго преслѣдованія сосредоточены нынѣ исключительно на сферѣ положительныхъ политическихъ преступле-

ній и на ихъ участникахъ, а за тѣмъ всѣ болѣе или менѣе близко прикасающіяся къ нимъ сферы умственнаго и нравственнаго броженія оставлены въ покоѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вся область законныхъ и здоровыхъ проявленій общественныхъ силъ, какова земская дѣятельность и гласная печать, хотя бы онѣ и желали идти своими собственными самостоятельными путями, освобождены теперь отъ прежней опалы: въ этой области неусматриваются болѣе враги государства, за одно съ крамольниками и демагогами, хотя бы тутъ и заявляли себя мысли и чувства не казенныя, неподчиненныя прямымъ указаніямъ административныхъ учрежденій и лицъ.

Во всемъ этомъ мы видимъ громадный успѣхъ въ нашей государственной жизни, долженствующій устранить всѣ тѣ горькія недоразумѣнія недавняго времени, которыя были выше изложены и которыя усиливали и раздражали нашу общественную смуту.

Мы уже достаточно говорили о необходимости различенія разныхъ стадій общественнаго броженія и въ особенности о необходимости различенія со «смутою идей и чувствъ» положительныхъ заговоровъ и положительныхъ преступленій. Въ воззрѣніяхъ полиціи сфера политическихъ преступленій, также какъ и всякихъ преступленій, должна быть безусловно разграничена со «сферою чувствъ и идей», хотя бы нравственно даже и подготовляющихъ гражданъ къ преступленіямъ. Эта послѣдняя сфера, хотя бы въ ней и бродили болѣзненныя чувства и мысли, должна быть ограждена отъ всякихъ полицейскихъ вторженій. Тутъ, не говоря ни о чемъ другомъ полицейскія мѣры и преслѣдованія совершенно несостоятельны; онѣ способны только раздражить и усилить всякій нравственный и общественный недугъ. Въ этомъ нужно разъ навсегда убѣдиться.

Положительныя покушенія и заговоры къ политическимъ преступленіямъ, также какъ и ко всякимъ другимъ преступленіямъ, должны быть съ возможно большею бдительностью преслѣдуемы полицейскими органами, которые призваны къ «предупрежденію и пресѣченію преступленій», къ охранѣ общественнаго порядка и спокойствія. Для этой цѣли желательно даже, чтобы наша полиція была возможно лучше и строже организована, въ особенности лучше дисциплинирована. Въ этомъ заключается одна изъ серьозныхъ и нелегкихъ государственныхъ задачъ настоящаго времени. Наша полиція далеко отстала отъ всей новѣйшей организаціи политическихъ преступленій, которая, какъ всѣ видѣли, постоянно

торжествовала надъ всякими полицейскими предвидѣніями. Надо думать, что эта отсталость была преимущественно обусловлена тѣмъ, что всѣ прежнія дѣйствія нашей политической полиціи были отвлечены отъ прямыхъ ея цѣлей къ «движенію идей и чувствъ» въ общества, гдѣ полиція рѣшительно не компетентна и гдѣ она просто терялась. Политическія преступленія разъ обнаруженныя или обнаружившіяся должны быть судимы по закону, установленными общимъ закономъ судами, безъ всякой тенденціозности и безъ всякихъ политическихъ цѣлей. Надо разъ на всегда разстаться съ ошибочною мыслею, что посредствомъ суда можно достигать тѣ или другія политическія цѣли: вразумленіе, устрашеніе преступниковъ, обузданіе революціоннаго фанатизма и проч. Нужно стремиться и тутъ только къ одной, къ прямой цѣли всякой уголовной судебной власти: чтобы она возможно справедливѣе налагала на преступниковъ опредѣленныя закономъ кары, чтобы «правосудіе свершалось». Въ этомъ единственное средство внушить уваженіе къ правосудію даже самымъ закорѣнѣлымъ фанатикамъ, и тогда даже всѣ побочныя политическія цѣли, связываемыя съ политическими процессами, могутъ быть легче достигнуты.

Совершенно иныя государственныя мѣры нужны для сокращенія первичныхъ, нравственныхъ и умственныхъ болѣзненныхъ элементовъ броженія, изъ которыхъ образуется атмосфера благопріятная для всякой смуты. Мы видѣли развитіе у насъ этихъ элементовъ въ нашемъ общественномъ кризисѣ и причины его ожесточившія. Всѣ эти причины могутъ быть сведены къ одному дѣйствію: къ пріостановкѣ того органическаго процесса въ жизни общества, изъ котораго долженъ былъ возникнуть новый ея строй и новый бытъ разныхъ общественныхъ классовъ, преимущественно высшихъ. Отсюда мы объясняли накопленіе стихій броженія въ нашемъ обществѣ, послужившихъ, совокупно съ неправильнымъ ходомъ народнаго образованія, удобною почвою для революціонной пропаганды. Чтобы пріостановить дальнѣйшее развитіе этихъ раздражительныхъ стихій, если невозможно ихъ внезапное уничтоженіе, былъ возможенъ только одинъ путь: возобновленіе органическаго процесса перерожденія нашего общественнаго строя изъ прежней его сословно-крѣпостной формы въ новую свободно-гражданскую. А для этого была прежде всего необходима возможно большая и возможно болѣе законная свобода гражданской жизни, освобожденіе ея отъ всѣхъ старыхъ и новыхъ полицей-

скихъ стѣсненій и затѣмъ продолженіе и довершеніе государственныхъ преобразованій, на основаніи началъ, положенныхъ въ эпоху реформъ. Въ числѣ этихъ преобразованій на первой очереди стояла организація мѣстнаго управленія, значеніе которой въ нашемъ общественномъ кризисѣ было объяснено выше. Эта организація заключалась до сихъ поръ только въ дезорганизаціи, въ разстройствѣ стараго административнаго порядка и въ закладкѣ подлѣ него новаго зданія на противуположныхъ ему началахъ земскаго самоуправленія, и затѣмъ въ возбужденіи неразрѣшимой ничѣмъ борьбы между двумя рядами административныхъ учрежденій — казенныхъ и земскихъ, между бюрократіей и самоуправленіемъ.

Всѣ упомянутыя государственныя мѣры называются *органическими*, потому что онѣ должны измѣнить условія государственнаго организма сообразно съ новыми потребностями общественнаго организма, который получилъ новую жизнь въ эпоху реформъ и встрѣтилъ искуственныя препятствія для своего роста въ отсталыхъ формахъ государства и его управленія. Извѣстно, что въ общественной жизни происходитъ тѣмъ менѣе потрясеній, чѣмъ болѣе государственныя формы, посреди которыхъ идетъ ея историческое прогрессивное теченіе, видоизмѣняются сообразно съ этимъ теченіемъ и за нимъ слѣдуютъ. Только эти органическія государственныя мѣры могутъ пріостановить болѣзненный ходъ, который приняла наша общественная жизнь въ послѣдніе годы и пріостановить дальнѣйшее развитіе болѣзненныхъ міазмовъ, доставляющихъ матерьялъ для революціонныхъ замысловъ. Къ этому совершенно безсильны полицейскія мѣры, хотя бы самыя экстраординарныя, а напротивъ для этого нужна возможно болѣе свободная работа здоровыхъ силъ въ самомъ общественномъ организмѣ и для этого нужна возможно болѣе самостоятельная ихъ дѣятельность относительно государства. Къ законному обезпеченію этой самостоятельности и должны быть направлены всѣ органическія государственныя мѣры.

Замѣтимъ здѣсь, что только выше объясненное дѣйствіе государственныхъ мѣръ на революціонную смуту и возможно ожидать отъ государства, отъ правительственной власти: Совершенное искорененіе «революціонныхъ и анархическихъ идей», которыя носятся теперь повсюду въ Европѣ, и заносятся во всякую страну, какъ всемірная зараза, немыслимо требовать отъ правительственной власти. Но эти идеи и совсѣмъ не опасны когда онѣ бросаются на общественную почву здоровую, не страдающую своими собственными

національными язвами и не расположенную къ революціоннымъ движеніямъ; напротивъ того онѣ привязываются ко всякимъ язвамъ, хотя бы и не имѣющимъ ничего общаго съ этими движеніями, и черезъ эти язвы получаютъ эпедмическое распространеніе, хотя бы только такое искуственное и поверхностное, какъ у насъ. Нужно думать лишь о томъ, чтобы исцѣлять эти собственныя домашнія язвы и тогда всякія заносныя «разрушительныя» идеи совершенно безопасны, хотя бы онѣ и заражали отдѣльныя личности. Таково положеніе Англіи относительно революціонной пропаганды въ континентальной Европѣ; и тутъ-же въ Великобританіи совершенно противуположно положеніе Ирландіи, которая поражена своими собственными недугами и открыта для дѣйствія революціонной пропаганды изъ другихъ странъ. Самые разумные государственные люди Великобританіи сосредоточили теперь свое вниманіе не на этой пропагандѣ, а на принятіи органическихъ мѣръ противъ мѣстныхъ недуговъ въ ирландскомъ обществѣ. Нѣчто подобное проповѣдуетъ новѣйшая медицина, рекомендуя какъ вѣрнѣйшій способъ для предохраненія себя отъ свирѣпствующей повальной болѣзни гигіеническія и санитарныя средства.

Мы беремъ на себя смѣлость полагать, что всѣ упомянутыя выше воззрѣнія на настоящее наше внутреннее положеніе не чужды тому повороту, который произошелъ не такъ давно въ нашей руководящей правительственной сферѣ. На сколько мы можемъ судить по тѣмъ государственнымъ мѣропріятіямъ, которыя, если еще не приведены въ исполненіе, то уже намѣчены въ этомъ новомъ направленіи нашей внутренней политики, — они вполнѣ соотвѣтствуютъ зрѣлому пониманію какъ дѣйствительныхъ историческихъ причинъ посѣтившаго насъ зла, такъ и дѣйствительныхъ способовъ борьбы съ нимъ, зависящихъ отъ правительственной власти. Мы выводимъ это заключеніе изъ тѣхъ государственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ поставлено теперь правительствомъ на первую очередь, судя по всѣмъ опубликованнымъ свѣдѣніямъ.

Во-первыхъ, общая совокупность этихъ вопросовъ доказываетъ положительное намѣреніе возобновить эру реформу, перерывъ которой имѣлъ, какъ мы видѣли, такое пагубное вліяніе на наше общественное броженіе. Во-вторыхъ, вниманіе правительства обращено прежде всего именно на тѣ части нашего законодательства и государственнаго управленія, которыя остались наиболѣе недо-

строенными въ преобразовательную эпоху и которыя наиболѣе соприкасаюсся со всѣми описанными выше болѣзненными стихіями нашей общественной и государственной жизни. Сюда принадлежатъ: пересмотръ законовъ о печати, финансовыя реформы и дальнѣйшее развитіе мѣстной администраціи на началахъ земскаго самоуправленія. Послѣ всего того, что было сказано нами выше почти нѣтъ надобности объяснять здѣсь какъ настоятельно и какъ будетъ благодѣтельное разрѣшеніе всѣхъ этихъ государственныхъ задачъ, въ духѣ освободительныхъ началъ, возвѣщенныхъ въ первую эпоху нашихъ реформъ. Прибавимъ къ сказанному нами раньше только нѣсколько словъ для окончательнаго опредѣленія тѣхъ специфическихъ связей, въ которыхъ всѣ упомянутыя задачи находятся съ изложеннымъ выше общественнымъ кризисомъ и смутою послѣднихъ лѣтъ.

Разрѣшеніе всѣхъ трехъ названныхъ выше государственныхъ задачъ должно содѣйствовать возбужденію дѣятельности всѣхъ здоровыхъ и потому охранительныхъ силъ въ нашемъ обществѣ,— умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ,— и оно должно устранить всѣ искуственныя помѣхи на пути того естественнаго, неизбѣжнаго историческаго процесса, который зачался въ первую эпоху реформъ и перераждаетъ весь нашъ общественный строй изъ государственно-закрѣпощеннаго въ свободно-гражданскій. Подъ свободно-гражданскимъ, мы разумѣемъ такой общественный строй, въ которомъ права личности на трудъ и имущество, на свободное употребленіе своихъ силъ, обезпечены *твердыми законами* и ограждены противъ всякаго произвола и противъ всякихъ привиллегій и монополей. Только на этой почвѣ свободно-гражданскаго строя могутъ возникнуть у насъ новые прочные общественные классы и союзы на мѣстѣ потрясенныхъ старыхъ сословныхъ и привилегированныхъ,—могутъ, возсоздаться законныя общественныя положенія для обломковъ всѣхъ прежнихъ «сословій, состояній и званій» и могутъ вновь «собраться въ одну храмину» всѣ бродящіе нынѣ общественные элементы. Съ тѣмъ вмѣстѣ должно стихнуть и то раздраженіе, которое ужаснуло общество въ нашей смутѣ.

Таковъ кажется намъ общій смыслъ всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ категорій государственныхъ преобразованій, поставленныхъ нынѣ на первый планъ. Расширеніе свободы печати и законное обезпеченіе ея правъ, немыслимое безъ какихъ либо судебныхъ гарантій, должны содѣйствовать усиленію умственной дѣятель-

ности въ нашемъ обществѣ; оскудѣніе ея мы замѣтили въ разгулѣ слѣпыхъ страстей и животныхъ инстинктовъ, изобличенныхъ и нашею политическою смутою и нашими хищническими промышленными операціями. Кромѣ большаго простора для дѣятельности благонадежныхъ умственныхъ силъ, нужныхъ въ борьбѣ съ фантастическими политическими ученіями, новые законы о печати должны также значительно сократить кругъ тѣхъ «условныхъ» и «искуственныхъ» политическихъ проступковъ и преступленій, которыя были порождены только стѣсненіями свободы слова и мнѣнія. Всѣ эти стѣсненія лишь расплождали подпольную печать, единственное значеніе которой заключалось въ ея таинственности и незаконности.

О финансовыхъ реформахъ здѣсь излишне распространяться, такъ какъ имъ посвѣщена въ настоящемъ томѣ нашего изданія особая статья нашего почтеннаго сотрудника *Н. Х. Бунге*. Замѣтимъ только, что двѣ главныя задачи, стоящія на первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ реформъ, — регулированье нашего бумажнаго денежнаго обращенія и преобразованіе системы прямыхъ податей,— могутъ имѣть самое могущественное вліяніе на устраненіе условій, ожесточившихъ нашъ общественный кризисъ. Колебанія узаконенной бумажной денежной единицы внесли самыя глубокія потрясенія во все наше народное хозяйство; они разстроили (сверхъ дѣйствія упомянутыхъ выше соціальныхъ причинъ) экономическій бытъ всѣхъ нашихъ общественныхъ классовъ, хотя бы эти потрясенія и не были для большинства нашей публики ощутительны и не были имъ сознаваемы. Податная реформа, самая трудная, должна окончательно упразднить сословно привиллегированный строй нашего общества, отмѣнивъ невозможныя болѣе, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, податныя привиллегіи высшихъ сословій. Эта реформа должна всего болѣе содѣйствовать здоровому перерожденію нашихъ «сословій и состояній» въ новыя свободно-гражданскія общественныя группы. Сверхъ того нельзя забыть, что въ вѣдѣніи нашей финансовой администраціи находятся «промышленность и торговля». Поэтому въ кругъ финансовыхъ реформъ входитъ у насъ неотъемлемо пересмотръ промышленнаго и торговаго законодательства, долженствующій освободить всю хозяйственную дѣятельность нашего общества отъ тѣхъ искусственныхъ препятствій и регламентацій, о которыхъ было сказано выше, и также освободить ее отъ всякихъ привиллегированныхъ промышленныхъ паразитовъ, занимавшихся неправильными денежными операціями

во всѣхъ слояхъ общества. Само собою разумѣется, что одно законодательство, какое бы оно ни было точное, тутъ еще не поможетъ, если подлѣ него не будетъ стоять администрація, рѣшившая строго соблюдать исполненіе законовъ и отрѣшавшаяся отъ всякаго покровительства не законнымъ промышленнымъ предпріятіямъ. На такую финансовую администрацію возлагаются теперь всѣ надежды общества.

Что касается до предполагаемыхъ преобразованій въ нашемъ мѣстномъ управленіи, то объ ихъ первостепенномъ значеніи въ нашемъ общественномъ кризисѣ было нами достаточно говорено. По всему что извѣстно изъ опубликованныхъ свѣдѣній, можно заключить, что въ основу этихъ преобразованій будетъ положено дальнѣйшее развитіе началъ земскаго самоуправленія, уже насажденныхъ въ эпоху реформъ и возрожденныхъ ею изъ нашего древняго историческаго, глубоко національнаго государственнаго строя. При этомъ долженъ устраниться тотъ дуализмъ казеннаго и земскаго управленія, который нынѣ вноситъ всего болѣе раздраженія въ нашу мѣстную общественную жизнь. Съ тѣмъ вмѣстѣ должна упрочиться *стихія законности* во всемъ государственномъ управленіи, такъ какъ коренное понятіе о «самоуправленіи» заключается ни въ чемъ иномъ какъ въ «управленіи по законамъ,» въ отличіе отъ бюрократическаго или приказнаго управленія, основаннаго на предписаніяхъ. Нужно ли говорить что усиленіе въ нашемъ государственномъ строѣ стихіи законности есть первый вопросъ не только въ одномъ этомъ строѣ, но также и въ самой нашей общественной жизни. Передъ развитіемъ этой стихіи могутъ утихнуть наши общественныя волненія и примириться многіе наши общественные раздоры. Ей вынуждена будетъ подчиниться и всякая смута.

Въ заключеніе, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ вышеуказанныя государственныя преобразованія относятся исключительно къ «государственному управленію» и нисколько не касаются «государственнаго устройства». Мы дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того весьма распространеннаго, въ прежнее время, мнѣнія, что обновленіе государственной жизни народовъ должно начинаться не съ формъ ихъ государственнаго устройства, отъ которыхъ будто бы зависитъ характеръ государственнаго управленія. Правильность этого мнѣнія весьма однако поколеблена практическимъ политическимъ опытомъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи; этимъ опытомъ не могла не вос-

пользоваться государственная наука нашего времени. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея представителей, германскій ученый Р. Гнейстъ, высказываетъ такую мысль, — что главное историческое различіе между здоровою политическою жизнею Великобританіи и болѣзненнымъ политическимъ развитіемъ другихъ европейскихъ націй, на почвѣ ихъ теоретическихъ «конституцій», заключается въ томъ, что всѣ формы государственнаго устройства Великобританіи, всѣ формы ея практической конституціи, всегда постепенно возникали изъ преобразованій въ ея государственномъ управленіи, изъ его *практическихъ нуждъ* въ каждомъ историческомъ періодѣ, а другіе народы, по примѣру французскаго, шли обратнымъ путемъ, начиная съ государственнаго переустройства и надѣясь черезъ это одно улучшить свое государственное управленіе. Этимъ различіемъ Гнейстъ и объясняетъ столь извѣстную практичность государственныхъ учрежденій Англіи и столь завидную для другихъ націй политическую жизнь этой страны. На этой глубокой мысли Германскаго ученаго мы и остановимся во всѣхъ нашихъ размышленіяхъ о нашемъ недавнемъ прошломъ и ближайшемъ будущемъ *).

---

*) Обозрѣніе текущаго законодательства 1879 г. мы отлагаемъ до слѣдующаго тома нашего изданія.

СОДЕРЖАНІЕ

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ

СБОРНИКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей **В. П. Безобразова**,

дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ,

при ближайшемъ содѣйствіи

профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: **И. Е. АНДРЕЕВСКАГО** (по полицейской наукѣ), **М. И. ГОРЧАКОВА** (по церковному законовѣдѣнію), **А. Д. ГРАДОВСКАГО** (по государственному праву), **Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА** (по международному праву), **В. И. СЕРГѢЕВИЧА** (по исторіи русскаго права) и **Ю. Э. ЯНСОНА** (по статистикѣ), профессора Академіи Генеральнаго Штаба **Г. А. ЛЕЕРА** (по военнымъ наукамъ), **Н. В. КАЛАЧОВА** (по исторіи русскаго права) и **Ѳ. Г. ТЕРНЕРА** (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ I. — СОДЕРЖАНІЕ: Законъ и административное распоряженіе по русскому праву, *А. Д. Градовскаго.* — Эмиграція, *кн. А. И. Васильчикова.*— Банковые законы и банковая политика, *И. Х. Бунге.* — Русская карательная система, *И. Я. Фойницкаго.* — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, статья первая, *Ю. Э. Янсона.*—Замѣтка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи, *Г. С. Сидоренки.* — Брюссельская международная коференція 1874 г., *Ѳ. Ѳ. Мартенса.* — Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азіи. Историческій очеркъ *В. В. Григорьева.*—Новѣйшія попытки къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ, *И. Е. Андреевскаго.* — Привилегіи на изобрѣтенія, *В. И. Вешнякова.* **Критика и библіографія. Русская литература. Церковь.** Православная церковь въ Буковинѣ, соч. Влад. Мордвинова. — *М. Н. Горчакова.* **Государственное право (теорія).** Исторія политическихъ ученій, соч. Б. Чичерина.—*Г.* — **Государственное управленіе.** Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, соч. М. Владимірскаго-Буданова. Ч. I-я.—*И. Андреевскій.* — **Международное право.** Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, соч. Ф. Мартенса, т. I-й.—*М.*—**Военныя науки.** Всеобщая военная исторія, князя Н. С. Голицына.—*Г. Леера.* Франко-нѣмецкая война 1870 — 1871 г.; перев. съ нѣмецк. А. Риттера и И. Маслова.—*Г. Леера.* **Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева, т. XXIII. — *К. Бестужевъ-Рюминъ.* — **Статистика.** Памятныя книжки. — ъ. — Историко-статистическое описаніе Черниговской эпархіи, книги 5 и 6. — ъ. Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, составленъ полковникомъ Ильинымъ. — ъ. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1-е января 1874 года, изд. 3-е, гр. А. В. Соллогуба. — ъ. — Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи, соч. М. Раевскаго, ч. 1-я. — ъ. — Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Вып. III. — ъ. — **Гражданское право.** Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу, соч. П. Деларова. — *И. Кауфмана.*—**Государственное и народное хозяйство.** Реформа нашей кредитной системы, соч. А. Шипова.— *И. Кауфмана.* **Иностранная литература. Церковь.** Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ-

Буша. — *М. И. Горчакова.* — Избраніе Папы и Имперія, соч. Лоренца. — *М. И. Горчакова.* — **Международное право.** Примѣчанія о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами. — Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ. — Женевская конвенція во время франко-германской войны, соч. Муанье. — Отчеты интернаціональнаго комитета о раненыхъ. Первыя десять лѣтъ краснаго креста, соч. Муанье. — **Государственное управленіе.** Исторія городскаго устройства въ Германіи. Маурера. — Происхожденіе германскаго городскаго устройства, А. Гейслера. — Лекціи административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное, Ж. Ліежоа. — Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, соч. Рёсслера. I томъ, 2 отдѣлъ. — Право экспропріаціи, Грюнгута. Колонизація у современныхъ народовъ, г. Леруа-Больё. — **Государственное и народное хозяйство.** Современная германская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда. — **Гражданское право.** Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вернера. — Артельное законодательство въ Германіи, Д. Германа Зихерера. — Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Портала. **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за первую половину 1874 г.). Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части. — Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управленіе: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги. — Акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе, начальныя училища.

ТОМЪ II. — СОДЕРЖАНІЕ: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, *В. И. Сергѣевича.* — Акціонерныя общества, *Ѳ. Г. Тернера.* — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, *Ю. Э. Янсона.* — Земскія повинности и мѣстные налоги, *В. А. Лебедева.* — Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою), *В. И. Чаславскаго.* — Международное вмѣшательство, *М. Н. Капустина.* — Научная постановка церковно-суднаго права, *М. И. Горчакова.* — Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, *Г. А. Леера.* — Моменты исторіи законодательства печати, *И. Я. Фойницкаго.* — Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства, *Д. И. Скуратова.* **Критика и библіографія. Русская литература. Церковь.** Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Исторія русской церкви, соч. архіепископа Макарія. — *М. И. Горчакова.* — Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — О церковномъ хозяйствѣ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи, соч. Нила Попова. — *М. И. Горчакова.* **Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи, соч. Д. Я. Самоквасова. — *Ѳ. И. Леонтовича.* **Государственное управленіе.** Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, соч. И. Тарасова. — *И. Е. Андреевскаго.* — Очеркъ основъ санитарной дѣятельности, соч. А. Доброславина. — *Г. И. Архангельскаго.* **Международное право.** Начало невмѣшательства. — *Гр. Л. Комаровскаго.* — Начало невмѣшательства, соч. гр. Л. Комаровскаго. — *Ф. Ф. Мартенса.* — Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи, соч. Иванова. — *Ф. Мартенса.* Международное право, соч. М. Н. Капустина. — *Ф. Мартенса.* **Исторія.** Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонидова. — *Е. Е. Замысловскаго.* — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи: Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго. — *А. Брикнера.* — Древности права балтійскихъ славянъ, соч. А. Котляревскаго, ч. I. — *В. С. Иконникова.* — Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. 1. *Я. К. Грота.* — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XXIV. — *К. Н. Бестужева-Рюмина.* **Статистика.** Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, изд. Мин. Юст. — ъ. — Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи, сост. Д. Ливрономъ. — ъ. — Холерныя

эпидемія въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823—1872 г., соч. Архангельскаго.—ъ. Курсъ статистики, соч. Н. Карасевича—ъ. **Финансы.** Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ: Акцизъ. Соч. И. Янжуля.—*Л.* **Иностранная литература. Церковь.** Письмо къ проф. Трейтшке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н. *М. И. Горчакова.*—**Государственное управленіе.** Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствовѣдѣнія. Лоренца Штейна.—*Г. С.* **Исторія.** Орденъ іезуитовъ, его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера. Іезуиты, соч. Губера, переводъ А. Маршанда.—*В. Баура.* **Статистика.** Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія; соч. д-ра Шваб е.—ъ. **Государственное и народное хозяйство.** Исторія политической экономіи въ Германіи, Вильгельма Рошера.—*К.* **Финансы.** Руководство къ финансовой наукѣ, Лоренца Штейна.—*К.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за вторую половину 1874 г.). Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны.—Текущее международное право.—Войско и военная организація.—Государственная служба вообще.—Финансы.—Государственное хозяйство.—Полиція.—Судебная часть.—Народное образованіе.—Мѣстное управленіе; преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Гражданское право; раскольничьи браки.

ТОМЪ III. — СОДЕРЖАНІЕ: Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви, *Θ. Г. Тернера.*—Поступательное движеніе Россіи въ средней Азіи, *М. И. Венюкова.*—Республика или монархія установится во Франціи? *В. Н. Герье.*—Ансильонъ и Кругъ, *В. Н. Чичерина.*—Національный вопросъ, *А. Д. Градовскаю.*—**Критика и библіографія. Русская литература. Государственное право (теорія).** Русское государственное право, Т. I.—И. Андреевскаго.—Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права.—А. Романовича-Славатинскаго.—Начала русскаго государственнаго права. Т. I.—А. Градовскаго.—*Н. М. Коркунова.*—**Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи.—*Д. Я. Самоквасова.*—Возраженіе г. Самоквасову. *Θ. И. Леонтовича.*—**Исторія права.** Исторія Кодификаціи гражданскаго права.—С. В. Пахмана.—*Н. В. Калачова.*—Сочиненіе Н. Д. Иванишева.—*И. Е. Андреевскаго.*—Обычное право, выпускъ первый.—Е. Якушкина.—*П. А Матвѣева.*—Значеніе общенароднаго гражданскаго права.—Боголѣпова.—*П. Л. Карасевича.*—**Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXV.—С. Соловьева.—*К. Н. Бестужева-Рюмина.* **Гражданское право.** Законы о ипотекахъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ.—К. Юзефовича.—*Ф. И. Шмиельскаго.* **Государственное и народное хозяйство.** Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи.—Д. А. Тимирязева.—*А. Я. Шмидта.* **Иностранная литература. Международное право.** Институты практическаго международнаго права въ мирное время.—А. Гартмана.—*О. Эйхельмана.* Практика, теорія и кодефикація международнаго права.—Бульмеринга.—*О. Эйхельмана.* Ежегодникъ Института Международнаго права.—*Гр. Л. Комаровскаго.* **Исторія.** Территоріальное расширеніе Россіи. Д. Макензи-Уолласа.—*М. Капустина.* Исторія Россіи и европейской политики 1814 до 1831 г.—Бернгарди.—*А. Г. Брикнера.* Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліяніе состоянія войны и мира.—Дево.—*П. Л. Карасевича.* Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи, часть первая.—Фюстель-де-Куланжа.—*П. Л. Карасевича.* **Статистика.** 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863 1872 г.; 2) Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи.—В. Андерса.—*А. Я. Шмидта.* **Народное хозяйство.** Матеріализмъ и Славянство.—Д-ра Осипа Сернеца.—*И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.* **Философія права.** Очеркъ курса естественнаго права, или историческое и философское введеніе въ изученіе права вообще.—Тиссо.—*П. Л. Карасевича.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1875 г.).** Вступленіе.—Церковь; возсоединеніе греко-уніатовъ.—Международное право; всеобщій почтовый союзъ.—Войско и военная организація; развитіе устава 1874 г. о воинской повинности; преобразованія въ центральной и мѣстной военной администраціи; развитіе способовъ къ мобилизаціи боевыхъ силъ.—Государственное управленіе; организація центральныхъ органовъ и государственная служба

вообще. — Финансы; упраздненіе государственнаго земскаго сбора; податная реформа; исполненіе бюджета. — Государственное хозяйство; съѣздъ представителей банковъ.—Полиція. – Судебная часть; судебная реформа въ привислянскомъ краѣ.— Народное образованіе; лицеи, сельскія школы, среднія учебныя заведенія.—Ученая часть; административная статистика.—Мѣстное управленіе.—Гражданское право.— Заключеніе.

ТОМЪ IV. — СОДЕРЖАНІЕ: Начала русской земли, *С. М. Соловьева.* — Современныя условія военнаго судостроенія, *Э. Е. Гуляева.* — О подоходныхъ налогахъ, *И. Ю. Патлаевскаго.*—Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ кромѣ опредѣляемыхъ по суду? *Я. Ѳ. Кистяковскаго.*—Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи, *Г. А. Леера.* — Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, *Н. В. Калачова.*— Желѣзныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачева.* — Исторія построенія дорогъ, статья первая. **Критика и библіографія. Русская литература.** Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, *М. Вл. Буданова.* — **Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXVI. *К. Бестужева-Рюмина.* — Архивъ юго-западной Россіи. Ч. II, т. II. *В. Иконникова.*—**Государственное и народное хозяйство.** Англійская свободная торговля, вып. 1-й. И. Янжула.—*А. И. Чупрова.* Общинное землевладѣніе, вып. 1-й. А. Посникова. *Г. И. Чупрова.* **Иностранная литература.** Государство и законы о народномъ образованіи. *Н. Х. Бунге.* — Свѣдѣнія о современной Сербіи. *И. Срезневскаго.* — **Статистика.** Сравнительная статистика Царства Польскаго. В. Залэнскаго. *Григорія Симоненко.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1876 г.).** Лондонскій протоколъ, какъ результатъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1876 г. и его послѣдствія. — Центральныя государственныя учрежденія.—Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственное управленіе и государственная служба вообще; празднованіе юбилеевъ. —Государственные финансы. — Государственное хозяйство; преміи за успѣхи по лѣсному хозяйству; Казенные горные заводы. — Судебная часть. — Народное образованіе; Имп. Медико-Хирургическая Академія; гимназіи; реальныя и народныя училища; разныя спеціальныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе; обязательныя постановленія мѣстныхъ административныхъ властей. — Гражданское право.

ТОМЪ V. — СОДЕРЖАНІЕ: Нѣмецкіе соціалисты: I. Лассаль. *Б. Н. Чичерина.* — Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. *А. Д. Градовскаго.* — Реформа исполнительной полиціи въ Россіи. *И. Е. Андреевскаго.* — Очеркъ политической этнографіи странъ, лежащихъ между Россіею и Индіею. *М. И. Венюкова.* — Желѣзныя дороги въ Россіи. *А. А. Головачева.* Исторія постройки дорогъ. Статья вторая. — **Критика и библіографія. Русская литература. Церковь.** Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ ъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и святыхъ отецъ съ толкованіями, вып. 1. *М. И. Горчакова.*— Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, вып. I. — V. *Его-же.*—Руководство къ русской церковной исторіи. Сост. П. Знаменскій. *Его-же.*— Статистическія свѣдѣнія по общественному призрѣнію С.-Петербурга. П. П. Семенова и И. Е. Андреева. Ч. I. Приходскія благотворительныя общества. *Его-же.* — Историческій очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства въ Россіи. Н. Невзорова *Его-же.*—Исторія старой Казанской духовной академіи (1797 — 1818 гг.). А. Благовѣщенскаго. *Его-же.* — Исторія Владимірской духовной семинаріи 1750 — 1840 гг.). Соч. К. Надеждина. *Его-же.* — Исторія русской церкви. Т. VIII. Архіеп. Макарія. *Его-же.* — Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней калужской губерніи. Іером. Леонида. *Его-же.* — Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. П. Лошкарева. *Его-же.* **Философія права.** Спиноза и его ученіе о правѣ. — К. Н. Яроша. *Л. Е. Владимірова.* — **Исторія права.** О Мазовецкомъ правѣ. Ч. I. Карла Дунина. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова.* **Военныя науки.** Прикладная тактика. Сост. ген.-маіоръ Лееръ. *Я. А. Гребенщикова.* — **Исторія.** Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. И. Забѣлина. *Е. А. Бѣлова.* — Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства за время съ половины VII до начала XIX столѣтія. Томъ I. *С. В. Ведрова.* — **Уголовное право.** Элементарный учебникъ общаго

уголовнаго права. Общая часть. А. Ѳ. Кистяковскаго. *А. И. Палюмбецкаго.* — **Иностранная литература. Церковь.** Лѣтопись евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ. Соч. Фехнера. *А. Г. Брикнера.* — **Государственное право.** Философское государственное право. Гумпловича. *П. Л. Карасевича.* — **Политика.** Политика какъ наука. Блунчли. *Гр. Л. А. Комаровскаго.* — **Международное право.** Руководство къ международному праву. Функъ-Брентано и Сореля, *Ф. Ф. Мартенса.*—Политика и обычаи войны. Рюстова. *Его-же.* — Право добычи на войнѣ и морское право добычи въ особенности. Блунчли. *Его-же.* — Комплектованіе военнаго и коммерческаго флота; права воюющихъ и нейтральныхъ въ случаѣ войны. Линдсея. *Его-же.*—Исторія международнаго права въ XIX вѣкѣ. Пьерантони. *Его-же.* — Право войны, основанное на нравственности. Никазіо Ди Ланда. *Его-же.* — Дипломатическій ежегодникъ Россійской Имперіи за 1877 г. *Его-же.*—Конспектъ дѣйствующаго европейскаго международнаго права. Неймана. *О. О. Эйхельмана.* Новое собраніе трактатовъ и дипломатическихъ актовъ, продолженіе собранія. Мартенса. *Его-же.*— Управленіе Эльзаса. Соч. Леннига. *Его-же.* — **Государственное и народное хозяйство.** Общинное землевладѣніе. Собственность и ея первобытныя формы. Лавеле. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Соколовскаго. *К. К. Гаттенбергера.* — Деньги и денежное обращеніе. Іеванса. *Его-же.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** за первую половину 1877 г. Война и ея послѣдствія въ государствѣ и обществѣ. — Международное право. — Войско и военная организація.—Государственные финансы; финансовое положеніе до войны и чрезвычайные финансовые ресурсы для покрытія военныхъ расходовъ; бумажныя деньги; текущее финансовое законодательство; таможенный тарифъ. — Государственное хозяйство; всемірная выставка въ Парижѣ; пути и способы сообщеній; коммиссія для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла; передача шоссейныхъ дорогъ въ распоряженіе земствъ; разныя другія мѣры по государственному хозяйству. — Полиція. — Судебная часть; тюремная коммиссія. — Народное образованіе; вновь открытыя и преобразованныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе. — Гражданское право.

ТОМЪ VI. СОДЕРЖАНІЕ: Нѣмецкіе соціалисты. II. Карлъ Марксъ. *Б. Н. Чичерина.* — Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. Статья первая. *Г. А. Леера.* — Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. Статья вторая. *А. Д. Градовскаго.* — Акціонерныя компаніи. *И. Т. Тарасова.*—Неразмѣнные банковые билеты во Франціи съ 1870 по 1878 г. *Н. Х. Бунге.* — Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. *Ю. Ѳ. Самарина.*—**Критика и библіографія. Русская литература. Народное и государственное хозяйство.** Теорія биржевыхъ кризисовъ. К. К. Гаттенбергера. Вѣнскій кризисъ 1873 года. *И. И. Кауфмана.* — Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Д. Г. Анучина и *Г. Ѳ. Симоненки.* — Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства (1850 — 1875). Н. Ситовскаго. — Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства за первое двадцатипятилѣтіе его существованія 1850 — 1875. *В. И. Вешнякова.* — Сельскохозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ея. А. Ермолова. *Его-же.*— **Государственные финансы.** Русскій промысловый налогъ. А. Субботина. *В. А. Лебедева.* — Ежегодникъ русскихъ финансовъ, шестой годъ. А. Веселовскаго. *А. Я. Шмидта.* — **Военныя науки.** Записки стратегіи, вып. I. Сост. генералъ-маіоръ Лееръ. *В. Б.*— **Исторія.** Архивъ Правительствующаго Сената. П. Баранова. *В. С. Иконникова.* — Уставныя грамоты XIV — XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, вып. 1 и 2. Н. Загоскина. *Д. Мейчика* — Писцовыя книги, часть 1-я, отд. 2-е. *В. И. Вешнякова.* — Систематическій каталогъ Департамента Внѣшней Торговли, *А. Я. Шмидта.* — **Гражданское право.** Обычное гражданское право въ Россіи, томъ I. С. В. Пахмана. *П. А. Матвѣева.* — **Общая публицистика.** Статьи политическія и польскій вопросъ (1856 — 1867). М. П. Погодина. *К. Н. Бестужева-Рюмина.* — **Иностранная литература. Государственное право.** Ученіе о современномъ государствѣ. Соч. Блунчли. *О. Эйхельмана.*— **Государственные финансы.** Наука о государственныхъ финансахъ. П. Леруа-Болье. *В. А. Лебедева.* — Общинные

налоги и ихъ преобразованіе, соч. Билинскаго. *Его-же.* — **Государственное и народное хозяйство.** Новые законы и сочиненія въ Германіи объ привилегіяхъ на изобрѣтенія. *В. И. Венякова.* — **Исторія права.** Изслѣдованія салическаго права франковъ Клемента. *С. В. Ведрова.* — **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за вторую половину 1877 г.). Международное право. — Военная организація. — Государственная служба вообще. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе.

ТОМЪ VII. СОДЕРЖАНІЕ: Начала русской земли, II. *С. М. Соловьева.* — Государство и право въ исторіи, *В. И. Сергѣевича.* — Полицейскій арестъ, *И. Т. Тарасова.* — Военная организація и статистика, *Я. Х. Гребенщикова.* — Желѣзныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачова.* Исторія постройки дорогъ. Статья третья. — Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы, *И. И. Кауфмана.* — О значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государственномъ управленіи, *В. П. Безобразова.* — **Критика и библіографія. Русская литература. Церковь.** Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ, вып. 1. П. Срѣтенскаго *М. И. Горчакова.* — Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ. А. Лебедева. *Его-же.* — Споры безпоповцевъ о бракѣ. К. Надеждина. *Его-же.* — Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. Н. Заозерскаго. *Его-же.* — Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. *Его-же.* — **Государственное и народное хозяйство.** Желѣзнодорожное хозяйство. Т. II. Условія, опредѣляющія движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. Вып. I. А. Чупрова. *Д. Пихно.* — **Исторія.** Славянство Болгаръ передъ критикой. Проф. Макушева. *Д. Иловайскаго.* — **Уголовное право.** Руководство къ особенной части Русскаго уголовнаго права. Н. А. Неклюдова. *А. Паламбецкаго.* — **Гражданское право.** Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ, соч. Нерсесова. *С. Муромцева.* — **Иностранная литература. Церковь.** Греческіе номоканоны. Цахарія фонъ-Лингенталя. *М. И. Горчакова.* — Современное состояніе Римско-католической церкви во Франціи. Очеркъ аббата Мишо. *Его-же.* — О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ церковнаго права и политики. Д-ра Цорна. — Важнѣйшія новыя церковно-государственныя узаконенія Германской Имперіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи. Д-ра Цорна. — Государство и церковь въ Швейцаріи. Д-ра Гарейса и Д-ра Цорна. *Его-же.* — Радикальный нѣмецкій соціализмъ и христіанское общество, соч. Тодта. *Его-же.* — Исторія нѣмецкаго церковнаго права. Д-ра Леннинга. *Его-же.* — **Международное право.** Женевская Конвенція. Соч. Проф. Людера. *О. Эйхельмана.* — Воюющія и нейтральныя державы. Соч Гесснера. *Его-же.* — **Статистика.** Теоретическое и практическое руководство къ статистикѣ. Мориса Блока. *Д. Пихно.* — Закономѣрность явленій общественной жизни, соч. г. Майра. *Его-же.* — **Государственное и народное хозяйство.** Свободная торговля и покровительственная система. Г. Фоссета. *И. Янжула.* — **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за 1878 г.). Вступленіе. Общій взглядъ на событія 1878 г. — Кодификаціонныя работы. — Центральныя учрежденія. — Военная организація и войско. — Финансы; общее финансовое положеніе по окончаніи войны и расходы на нее; финансовое законодательство и текущія распоряженія. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Уголовное право. — Народное образованіе. — Художественная часть. — Мѣстное управленіе.
